

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

3

Феникс ♦ Atheneum
Москва-С.-Петербург

1993

ББК 83.3Р 1
8 Р 1
Л-659

Редактор-составитель А.В.Лавров

Л-659 Лица: Биографический альманах. 3. — М.; СПб.:
Феникс: Atheneum. 1993. 496 с.; ил.

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-049-5

В настоящем томе альманаха собраны следующие материалы об отечественных деятелях культуры XX века: мемуары писателя Е.Н.Чирикова; письма автора «Образов Италии» П.П.Муратова к издателю К.Ф.Некрасову; письма молодого Н.Бердяева к П.Б.Струве; неизвестные произведения прозаика А.П.Иванова и поэтессы О.А.Черемшановой; архивные документы о семье Пастернаков, об А.М.Ремизове, Ф.К.Сологубе; исследования о С.А.Бердяеве и др. Все публикации подробно откомментированы. Неизвестные фотоиллюстрации.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной культуры.

Л 4702010200 — 006 93 без объявл.
Д 20 (03) — 93

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-049-5

© «Феникс», 1993

Портреты

ЕЩЕ ОДИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

В январе 1921 года журнал «Книга и революция» (№7. С.56-57) поместил рецензию поэта Иннокентия Оксенова (1897-1942) на книжку А.Иванова «Стереоскоп». Она вышла в Петрограде в 1918 уже вторым изданием, — но имя автора оставалось для многих загадкой. «Странная книга, — начинал Оксенов. — Неведомый автор издал ее очень тщательно, на хорошей бумаге, с рисунками в стиле Добужинского». Рассказ «держит в плену любопытство читателя от начала до конца»; язык — ясный и простой; «автора можно считать писателем вполне самостоятельным». «Почти наверное, — предполагает рецензент, — "Стереоскоп" — не единственное его произведение».

Кто же он, автор этой «странной и прекрасной книги»? «Быть может, псевдоним?» — спрашивает Оксенов. И в наши дни ни в одном справочнике нет сведений о писателе А.Иванове.

...Первое издание «Стереоскопа» появилось в Петербурге в 1909 году (типография «Сириус», 80 страниц текста, иллюстрации — Е.Смирновой-Ивановой, очевидно, жены автора). Рассказ был сразу замечен поэтом М.А.Волошиным, — который тут же написал рецензию на него. Она предназначалась для первого номера журнала «Аполлон», но не была напечатана. В письме от 3 ноября 1910, устав ждать, Волошин просил секретаря редакции журнала Е.А.Зноско-Боровского вернуть ему рукопись¹. Однако и это, по-видимому, не было сделано: в архиве поэта сохранился лишь черновик рецензии, написанный карандашом².

СТЕРЕОСКОП

Петербург — город фантастический и призрачный. Это мы знаем давно. Но в чем его призрачность и фантастичность, которые бросаются в глаза даже тем, кто не думает ни о Петре, ни о Пушкине, ни [о] Достоевском? Корень этого чувства лежит в каких-то неуловимых, чисто импрессионистических уличных впечатлениях. Я думаю, вот в каких.

¹ См.: РНБ. Ф.124. Ед.хр.973.

² РО ИРЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.236. По этому тексту впервые опубликовано мною: Новый журнал (Нью-Йорк). 1987. №168-169. Сентябрь-октябрь. С.233-237.

Когда я в первый раз в жизни увидел Петербург — это было зимою, я занимался живописью, и приехал из Парижа, — меня поразила мертвенная строгость его общего тона. «Точно на фотографии», — приехало на ум. Это было особенно странно после Парижа, самого серого из городов; но как по-иную серого! Там холодный серый цвет, всюду переходящий в синеватые, стальные, едко-угольные, чернильно-синие оттенки; нет ничего богаче и свежее серой гаммы Парижа. Между тем, в Петербурге все тона переходят в желтоватые и бурые. Даже пестрота раскраски дымом, даже темно-красная раскраска казенных зданий не разнообразит, а только подчеркивает унылость основного тона, который своими пожухлыми и коричневатыми тонами действительно приближается к тонам старой фотографии. Кроме того, громадность петербургских перспектив, видимых всегда на плоскости и никогда сверху (проспекты, набережные Невы), дает какую-то иллюзию не обычной, а уменьшенной фотографической перспективы. Безусловно, Петерб[ург] напоминает фотографию.

От этого, чисто зрительного впечатления — естественный переход к идее призрачности, фантастичности. Фотография запечатлевает мир призрачный и фантастический. Призрачный — бесцветный, однотонный, плоскостно-тонный. Фантастический — потому что она банально скороговоркой говорит великие слова: «Остановись, мгновенье!» — и время повинуетея.

Картина, прошедшая через камеру-обскуру души художника, этим самым уже претворяет мгновение в вечность. Между тем, фотография ловит любое, ничем не замечательное мгновение и останавливает его навеки. Основное свойство мгновения — его неуловимость, его ускользание. Это любимый мотив грустно-радостной аполлонической поэзии. Фотография удерживает какой-то призрачный, но вещественный след минувшего. В новой фотографии это не бросается в глаза, но чем старше снимок, тем сильнее проступает его фантастичность, основанная на той механичности, с которой зафиксирован момент прошлой жизни.

Стар[ые] фотографии раскрывают какой-то, лишь внешне схожий с человеческим, мир, но, в то же время, глубоко враждебный его живой сущности. В ней самые страшные вещи для человека — его двойники и в то же время трупы, потому что изображенн[ое] уже умерло. Если же плоской фотографии посредством стереоскопа придать трехмерность, то кошмар увеличивается, как бы становится осязательным.

На самом деле мы всегда видим плоско — и только логически знаем о трехмерности мира. Стереоскоп же чудовищно подчеркивает то, что существует в наших глазах как бессознательный намек. Он фактически превращает наше зрение в осязание. Все в стереоскопе выпуклее и рельефнее, чем в мире реальном.

И в то же время — это мир неживых кукол, серых двойников жизни, трупы прожитых мгновений, которые не подверглись тлению, как тела великих грешников, которых земля не принимает...

Таковы предпосылки фантастического, которые создали странную, яркую, законченную и настолько [же] петербургскую повесть Александра Иванова «Стереоскоп». Этот совершенно новый беллетрист, дебютирующий этой небольшой, изящно изданной, с рисунками Смирно[вой]-Ивановой, книжки, показывает себя вполне законченным стилистом и опытным мастером в том роде логической фантастики, которая разработана в России крайне мало.

Герой повести, от лица которого ведется рассказ, входит во внутрен[ние] миры своего стереоскопа, в те области, «куда человеку не позволено проникать, куда он может лишь заглядывать». Фотографические снимки обладают странными чарами. Из них глядит мир особый, в себе замкнутый. В нем нет живых красок: царит лишь один бурый унылый цвет и его оттенки. Точно все выцвело... Со старых фотографий смотрят призрачные двойники того, что минуло навсегда, и от них веет таинственная грусть и тихая жуткость. И чем старше фотография, тем глубже ее чары. Не следует живому тревожить тот мертвый мир застывшего своим вторжением в его недра: тогда в тех недрах нарушаются таинственные равновесия...

В колдовском стереоскопе, который он покупает случайно у антиквара, вставлена фотография Эрмитажного зала Зевса Олимпийск[ого] и стереоскоп заделан наглухо. Он приходит домой, начинает рассматривать снимок — и вдруг начинает чувствовать, что зал начинает его принимать в себя, отступает своими стенами сзади, справа и слева. И он оказывается перенесенным внутрь трехмерного пространства, таящегося в глубине стереоскопа.

С большим искусством совершается подмена мира действитель[ного] миром стереоскопическим. Он узнает запах нижних зал Эрмита[жа]. Но в этом мире глубокая тишина. Он слышит только удары своего сердца, особенные звуки шагов по плитам, которыми выложены нижние залы Эрмитажа. Мертвенный свет льется из окон и видно фотографическое небо. Посреди залы он видит фигуру того фотографа, который снял эту залу. Он неподвижен, т[ак] к[ак] застыл в том мгновении, которое стало нетленным в его фотографии. Жутко, мастерским накоплением подробностей, описаны А.Ивановым залы этого Эрмитажа давно минувших лет, с застывшими фигурами людей. «Они хранили неизменно каждый свою позу, вперив стеклянные глаза в одну вечную точку. Иногда я ловил эти взоры на себе или встречал их в упор, тогда я вздрагивал...»

С этих глаз начинается ужас, который постепенно рассеивается по всему рассказу. Он прикасается к одному из этих мерт-

вых двойников жизни. «Кожа не была холодной, как у мертвеца; в ней хранилась какая-то странная тепловатость; это была как бы выцветшая теплота живого тела». «Тусклое солнце небес стереоскопического мира разливало по буроватой земле лишь смутный загадочный сумрак». Эта подмена так естественна, так вероятна, так напоминает то, что напрашивается само собой в залах Эрмитажа! В этом красочном, звуковом и световом подмене заключается больше фантастического ужаса, чем в событиях.

Герой случайно разламывает стекло в витрине Египетского зала и берет одного из каменных скарабеев. Здесь ужас растет, потому что все призраки, благодаря стереоскопичности, вещественны. Он ловит на себе взгляд старухи, которая смотрит на витри[ну]. Эти глаза были особенно непобедимо страшны. Он, преодолев себя, подходит к ней. Но случается нечто очень страшное: фантом падает на пол. Он хочет бежать из этого мира. Но как?

«Я был одиноким живым, затерявшимся в этих мертвенных областях». Он возвращается в ту залу, где сидит фотограф, придвигается к аппарату, так что затылком касается объектива, и слегка поворачивает голову вправо и влево. И наконец находит точку, с которой смотрит в залу объектив стереоскопа, и незаметно входит обратно в обычный мир. Эта черта поражает, потому что в ней скрыт тот знакомый жест, когда для того, чтобы увидеть рельефность двойной стереоскопической фотографии, мы скашиваем глаза и проводим несколько раз карточкой перед глазами на известном расстоянии, пока оба изображения не сольются в одно. Здесь этот самый жест повторен наоборот — и трехмерный мир распадается на две плоские части [?].

Герой «Стереоскопа», очнувшись в живом и текущем во времени мире, находит у себя в кармане скарабея, совершенно тождественного с тем, что он видит в Эрмитаже, хранящимся под витриной, но тот зеленый, а этот темно-коричневый — фотографический. Он выходит на улицу, он проходит по фотографическому Петербургу прошлых времен. Минувший ветер завывает в воздухе. Он находит тот дом и квартиру, где он жил в детстве. Он видит там недвижно сидящего отца и самого себя маленьким мальчиком за книгой в детс[кой]. Это лучшие страницы книги по настроению [и] выдержанности тона. Но что-то начинает случаться в стереоскопическом мире, начинает темнеть, наступают красновато-бурые сумерки. Он бежит в Эрмитаж, чтобы не утратить своего выхода. «Вокруг меня на целые версты скрещивались его улицы и расстилались его площади с безмолвно стынувшими на них двойниками когда-то живших». Он вбегает на крыльцо Эрмитажа с его грозными исполинскими кариатидами, входит в сени. Но нечто случилось внутри неподвижного мира

после того, как он опрокинул старуху в Египетск[ом] зале. Нарушилось равновесие и некоторые из фигур пришли в движение. Призрак старухи гонится за ним по совершенно коричневым потемневшим залам Эрмитажа. Он убегает от нее в ужасе. Видит других фантошей, сошедших со своих мест. Он успевает добежать до зала, где стоит фотограф, и, найдя точку зрения, ускользает из этого потревоженного мира. Но, уже глядя извне в линзы стереоскопа, он видит, что старуха сидит на полу зала и смотрит на него в упор. В ужасе, опасаясь, что старуха может тоже выйти в живой мир тем же путем, как он, он хватается за молоток и разбивает магические стекла стереоскопа.

Вот несложная фабула этой фантастич[еской] повести, которая, несомне[нно] производит сильное впечатление ужаса. Но странно: этот ужас затаен не столько в событиях его, сколько в мастерских описаниях, дающих полную иллюзию фотографического мира. Эта повесть — безусловно новая и замечательная страница в области петербургской фантастики, начинающейся с «Пиковой дамы» и «Медного всадника». Тема стереоскопического мира представляется мне тоже совершенно не использованной никем до сих пор, если не считать нескольких намеков в тургеневской «Кларе Милич»³. И еще приходило в голову при чтении ее: я не помню, чтобы кто-нибудь из русских беллетристов где-нибудь описывал Эрмитаж и отмечал то жуткое и грозное величие, которое есть в стесненных гигантских кариатидах на его подъездах?

В архиве Волошина сохранилось одно письмо Александра Иванова, датированное 8 октября 1909: «Многоуважаемый Максимилиан Александрович! Я получил сегодня утром Вашу посылку и глубоко благодарен Вам за рецензию, столь исчерпывающую и уясняющую; ею рассказ освещен во многом со стороны, неожиданной даже для меня самого. Ужасно жаль, что вчера вечером Вы нас не застали, и Вам пришлось понапрасну проехать такую даль, да и я лишился возможности поскорее услышать Вашу критику на "Городище"...»⁴

В какую же «даль» пришлось ехать Волошину, жившему тогда на Ординарной улице (Петербургская сторона)?.. Заглянув в адресную книжку поэта, находим: «Иванов Алекснд. Павлв. Торговая 17, кв.12. Евген[ия] Алексеев[на]»⁵. (Торговая — ныне улица Союза печатников).

³ Имеется в виду эпизод из последней повести И.С.Тургенева «Клара Милич (После смерти)» (1882). См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт.: Соч. в 12 тт. Т.10. М., 1982. С.104-105.

⁴ РО ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.579.

⁵ Дом-музей М.А.Волошина (Коктебель).

Согласно справочнику «Весь Петербург», А.П.Иванов, живший на Торговой, 17, был в 1909 помощником столоначальника в департаменте железнодорожных дел Министерства финансов, имел чин коллежского секретаря (десятый класс табели о рангах, уровень поручика и мичмана). Какой-то А.П.Иванов указан в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С.Венгерова (Т.1. Вып.3. Пг., 1915) как автор книги о М.А.Врубеле (Киев, 1912). Может быть, — тот же самый? Сборник материалов «Врубель» (М.; Л., 1976. Указатель имен) подтверждает: автора монографии звали Александром Павловичем — но П.А.Прахов считает его «киевским профессором» (Там же. С.294)

Значит, однофамилец?..

Ситуация проясняется благодаря указателю «Личные архивные фонды в хранилищах СССР» (Т.3. М., 1980. С.163): архив Александра Павловича Иванова (1876-1933), историка искусств, хранится в Государственном Русском музее. И уже первое знакомство с описью фонда №143 совмещает искусствоведа, писателя и скромного петербургского чиновника в одно лицо! В этом фонде — 30 единиц хранения: записные книжки Иванова, его творческие рукописи, письма к нему деятелей русской культуры, альбом семейных фотографий, подписанных его женой. В другом фонде сектора рукописей ГРМ (Ф.263. Оп.10. Ед.хр.161) собраны документы о деятельности А.П.Иванова как сотрудника — с 1920 — Русского музея (в том числе — очень важные для нас «Circulum vitae» и «Анкетный лист»). Вторым важным источником сведений о А.П.Иванове оказались материалы блоковедческой литературы: Александр Павлович был одним из многолетних друзей А.А.Блока. Все это с добавлением некоторых других источников и позволяет составить биографический очерк писателя-искусствоведа.

Родился Александр Павлович Иванов 11 октября 1876 в Петербурге. Его отец, Павел Александрович Иванов, личный дворянин, был членом Совета Волжско-Камского банка; мать, Мария Петровна (урожд. Угрюмова), происходила из старообрядческого купеческого рода⁶. В семье были еще дети: Петр (1878-1942, впоследствии профессор-эмбриолог)⁷, Евгений (1879-1942, впослед-

⁶ См.: Максимов Д. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С.345.

⁷ О нем имеется статья в «Большой советской энциклопедии» (Т.10. М., 1972. С.14).

ствии литератор, ближайший — с 1903 — друг Блока)⁸ и Мария (1873-1941, впоследствии врач)⁹.

В 1895 Александр Павлович окончил 1-ю Петербургскую гимназию, а в 1900 — физико-математический факультет Петербургского университета (по отделению математических наук). В 1902 он поступил на службу в Министерство финансов, — где, как мы уже знаем, был помощником столоначальника в департаменте железнодорожных дел.

В январе 1906 Иванов женился на художнице Евгении Алексеевне Смирновой (1878-1970); в 1909 путешествовал по Германии (Берлин, Дрезден, Нюрнберг, Мюнхен), а в 1913 — по Италии (Милан, Флоренция, Пиза, Венеция). Он знал немецкий, французский и английский языки. Искусствоведческие интересы приводили его в Новгород, Псков, Владимир-на-Клязьме, в Москву, Киев, Крым.

В эти же годы А.П.Иванов становится своим в литературно-художественном кругу Петербурга, чему во многом способствовала его дружба с Блоком. Начиная с 1904, он многократно встречается с поэтом¹⁰, присутствует на чтении им стихов¹¹, обменивается письмами¹². Посетив квартиру Ивановых 5 января 1912, Блок записал в дневнике: «Просторно, чисто, красиво», — и отметил, среди многих присутствовавших, Александра Павловича: «Очаровательный, застенчивый, добрый»¹³. Встретив А.П.Иванова 20 июня 1912 на улице, Блок, будучи «в тоске», «затащил» его к себе — и тот помог скоротать вечер¹⁴. Выявлены пять книг Блока, подаренных А.П.Иванову («Земля в снегу», 1908; «Ночные часы», 1911; три книги «Собрания стихотворений», 1911-1912) — и все с самыми теплыми надписями: «дорогому», «с любовью», «от любящего автора»¹⁵... А 30 апреля 1913 Блок писал В.Н.Княжину: «А.П.Иванов, действительно, человек совершенно исклю-

⁸ См. о нем вышеназванную статью Д.Максимова, а также: Письма Ал.Блока к Е.П.Иванову. М.; Л., 1936; Литературное наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982. С.73-74 (далее: ЛН).

⁹ Ей посвящено знаменитое стихотворение Блока «На железной дороге» (1910).

¹⁰ См.: Блок А. Собр. соч. в 8 тт. Т.7. М.; Л., 1963. С.74, 77, 85, 96, 102, 146, 150; Т.8. С.168.

¹¹ Там же. Т.8. С.110; Блок А. Записные книжки. М., 1965. С.106.

¹² Сохранилось по три письма Блока и А.П.Иванова друг к другу. (См.: Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып.1. М., 1975. С.181; Вып.2. М., 1979. С.515-516).

¹³ Блок А. Собр. соч. в 8 тт. Т.7. М.; Л., 1963. С.120.

¹⁴ Там же. С.153.

¹⁵ ЛН. С.70-71.

чительный, как вся семья Ивановых. Оттого только, что живут на свете такие люди, жить легче; в них — опора»¹⁶.

Близость их взглядов на искусство Блок отмечал, например, 26 октября 1911: «Всегда — пока — во всех наших разговорах есть общее, они сходны»¹⁷. 22 ноября того же года поэт записал об Александре Павловиче: «С ним легкое, с полуслова понимание, перебрасывание "одними" думами — огненное сквозь усталость (его и мою)»¹⁸. Осенью 1912, приняв деятельное участие в создании газеты «Русская молва», Блок приглашает А.П.Иванова завести ее художественным отделом. Однако тот, «занятый Рерихом и службой», вынужден отказаться¹⁹.

А увлечение изобразительным искусством было для А.П.Иванова куда важнее его скромной службы! Еще в 1904 он опубликовал статью «Логэ и Зигфрид»²⁰: трактровку «музыкально-поэтической связи между некоторыми образами вагнеровского Нибелунгова перстня», по его собственному определению. Затем на несколько лет Иванова занимает творчество М.А.Врубеля — обстоятельный труд о котором («Михаил Александрович Врубель: Опыт биографии. Академия и киевский период») был опубликован в киевском журнале «Искусство и печатное дело» (с 1911 — «Искусство»)»²¹. Блок так отозвался на эту работу в статье «Памяти Врубеля» (1910): «Подробная, написанная как-то по-старинному благородно и просто, биография (А.П.Иванов пишет именно так, как писалось о старых великих мастерах, — да и как писать иначе? Жизнь, соединенная с легендой, есть уже "житие")»²².

В 1911 биографический очерк «Врубель» Иванова (вариант ранее публиковавшейся работы) вышел в издательстве Н.И.Бутковской в Петербурге²³. И.Грабарь критиковал эту книжку (в письме к С.Яремичу от 16 июня 1911): «А Бутковская-то провалилась — ведь довольно неважно вышла книжонка»²⁴. В этой оценке сказывалась и пристрастность конкурента: Грабарь только что выпустил монографию о Врубеле С.Яремича в издательстве И.Кнебеля — причем действительно много труда и энергии вложил в качество репродукций. Не удовлетворил его и текст: «А у

¹⁶ Письма Александра Блока. Л., 1925. С.202.

¹⁷ Блок А. Собр. соч. в 8 тт. Т.7. С.78.

¹⁸ Там же. С.96.

¹⁹ Там же. С.181, 183.

²⁰ Мир искусства. 1904. №6. С.128-145.

²¹ См.: 1910. №4, 5, 6, 7, 11, 12; 1911, №5 и 12. В 1912 эта работа появилась отдельным изданием: Киев. С.В.Кульженко. 89 с., илл. На титуле — 1913.

²² Блок А. Собр. соч. в 8 тт. Т.5. М.; Л., 1962. С.421-422.

²³ Серия «Современное искусство». Вып.2. 84, IX с., илл.

²⁴ Грабарь И. Письма: 1891-1917. М., 1971. С.257.

Иванова слишком много уж "сезамов", "ликов", "безликих" и прочих жупелов модернизма, который — увы, уже давно старая труха»²⁵.

Тем не менее эти издания (как и вышедший в 1909 «Стереоскоп») были замечены. Мы уже знаем высокую оценку «Стереоскопа» Волошиным. Весьма положительной была краткая рецензия В.Я.Брюсова (Весы. 1909. №6. С.81). Сжато изложив фабулу рассказа, Брюсов писал: «Таким образом, рассказ г. Иванова относится к числу тех, которые на разговорном языке называются "фантастическими", — и притом к определенному их типу. Приняв одно произвольное положение (возможность перенестись в стереоскопический мир) за исходную точку, автор все остальное выводит из него с неодолимой логикой, с реализмом крайним. Это — тот же метод, каким пользовался Гоголь в "Носе", Эдгар По в "Нисхождении в Мальстрем" и других рассказах, Уэллс — в "Невидимом", в "Мистере Элвземе", в "Новейшем ускорителе". Вместе с тем это — тот же метод, который позволяет математикам определять элементы и свойства фигур и тел в различных не-евклидовых пространствах.

Написан рассказ г. Иванова очень хорошо, у автора есть свой слог, сдержанный, простой, но выработанный. Нам кажется, что у г. Иванова есть данные, чтобы стать хорошим и интересным писателем».

Блок, благодаривший А.П.Иванова за присланную ему книгу еще 3 января 1909²⁶, с радостью отметил эту рецензию 9 августа в письме к Е.П.Иванову²⁷. А 3 сентября 1909 писал ему же: «Хочу тебе сказать, что все больше ценю "Стереоскоп" (хотя и не перечитывал его). Еще больше понял его через рецензию Брюсова и через чтение Уэльса. Очень много думаю об этом. Думаю, что это, вместе с Брюсовской прозой, принадлежит к первым в русской литературе "научным" опытам искусства, и глубоко приветствую это»²⁸.

5 августа 1911 искусствовед Н.Н.Врангель сообщал А.Иванову о том, что «подробно прочитал» его «книгу о Врубеле». «Очень люблю я также Ваш прелестный "Стереоскоп", который также считаю очень тонким и изысканным», — добавлял он²⁹. 1 декабря 1912 о своем давнем желании привлечь его к сотрудни-

²⁵ Грабарь И. Указ. изд. С.257.

²⁶ Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып.1. С.181.

²⁷ Блок А. Собр. соч. в 8 тт. Т.8. С.290.

²⁸ Там же. С.292.

²⁹ ГРМ. Ф.143. Ед.хр.17.

честву в «Аполлоне» писал Иванову С.К.Маковский³⁰. О том, что А.П.Иванов «был известен как человек с хорошим художественным вкусом, знающий искусство», свидетельствует искусствовед и художник П.И.Нерадовский³¹.

И.Э.Грабарь, порицавший стиль исследователя, тем не менее (по совету С.Яремича) уже 5 февраля 1912 предложил ему написать для серии «История русского искусства» в издательстве Кнебеля монографию о Н.К.Рерихе (и, возможно, — о Борисове-Мусатове)³². Иванов с готовностью откликнулся на первое предложение — и уже 5 марта 1912 Н.К.Рерих извещал Грабаря о встрече с искусствоведом: «Иванов оказался премилым и серьезным человеком — Яремич был прав, рекомендуя его»³³. 17 ноября 1913 Грабарь извещал Иванова, что получил «вторую главу (очень интересную)» этого труда и «с нетерпением» ждет «двух дальнейших»³⁴.

К сожалению, работа затягивалась, а в мае 1915, уже во время войны с Германией, шовинистически настроенная толпа разгромила издательство И.Н.Кнебеля, австрийца по национальности. 29 октября 1915 Грабарь извещал Иванова, что «погибло около половины рериховских клише, погибли и все негативы». Однако «отпечатки фотографий», находившиеся у Грабаря в деревне, уцелели³⁵ — и работа над монографией продолжалась. 7 сентября 1916 Иванов информировал Грабаря: «Шесть глав монографии о Рерихе приведены в полный и окончательный вид и могут быть посланы Вам хоть сейчас. Они содержат в себе 7,5 печатных листов. Седьмая глава, которую я закончу через два месяца, будет содержать (вместе с описанием картин, появившихся этим летом) более чем 1,5 листа, а может быть и два. Таким образом, размер всей книги (вместе с перечнем произведений) будет листов в 10. Из них я не могу сократить ни одной строчки; не могу также скомкать и последнюю главу против намеченного плана»³⁶. В «Анкетном листе» 1920 года Иванов свидетельствует, что «в 1917 г. сдал в печать (для издательства "Свободное искусство" в Петербурге) обширную работу о художнике Н.К.Рерихе». Но — «вследствие наступивших в 1917 г. внешних затруднений общего характера» (как деликатно выразился Иванов) — монография так и не

³⁰ ГРМ. Ф.143. Ед.хр.22.

³¹ Нерадовский П. Из жизни художника. Л., 1965. С.168.

³² Грабарь И. Указ. изд. С.263.

³³ Там же. С.428.

³⁴ Там же. С.297.

³⁵ ГРМ. Ф.143. Ед.хр.18.

³⁶ Грабарь И. Указ. изд. С.428.

увидела света³⁷. (Сохранившийся в архиве издательский договор датирован 20 января 1917³⁸).

Неопубликованным остался и рассказ Иванова «Городище», датированный 20 августа 1906³⁹.

После Октябрьской революции Александр Павлович продолжал служить в том же Министерстве финансов — получившем теперь, впрочем, название Наркомфина. Осенью 1919 он был избран научным работником Российской Академии истории материальной культуры. А в августе 1920 поступил на службу в Русский музей, помощником хранителя, — наконец-то обретя работу по призванию! В июле 1927 Иванов стал хранителем; в 1930 — научным сотрудником 1-го разряда. Он был доцентом Ленинградского университета (1922), доцентом ленинградского ВХУТЕИНа (1929)⁴⁰. Состоялось и несколько его выступлений в печати как искусствоведа.

В 1925 Русским музеем была издана брошюра А.П.Иванова «Творчество Репина» (64 с., илл., тираж 1600 экз.). В 1928 в сборник Русского музея «Материалы по русскому искусству» (вып.1) вошла его статья «Два варианта картины И.Е.Репина "Штурм на Волге"» (Л., 1928. С.255-256. Тираж 1000 экз.). В том же году увидел свет «Путеводитель по экспозиции Врубеля в Русском музее». И, наконец, в 1929 вышла из печати книга «М.А.Врубель. Письма к сестре. Воспоминания о художнике Анны Александровны Врубель. Отрывки из писем отца художника» (Л., Комитет популяризации художественных изданий) — со вступительной статьей А.П.Иванова.

П.И.Нерадовский вспоминал, что Иванов был болен — почему и не мог быть привлечен к работе в Отделении нового русского искусства⁴¹. Приказом дирекции Русского музея от 12 марта 1931 Александр Павлович был уволен именно «в связи с неудовлетворительным здоровьем»⁴². Умер А.П.Иванов в 1933 году; точная дата, причина смерти и место погребения нам неизвестны.

Подводя итоги его деятельности, нельзя не признать его роль как одного из первых биографов М.А.Врубеля. Э.Гомберг-Вержбицкая писала в 1963: «Творчество Врубеля изучено еще совсем

³⁷ ГРМ. Ф.263. Оп.10. Ед.хр.161. Л.2. В ГРМ хранятся как черновики рукописи книги, так и 128 оттисков с клише к ней.

³⁸ ГРМ. Ф.143. Ед.хр.27.

³⁹ Там же. Ед.хр.15. См. Приложение к наст. очерку.

⁴⁰ Сведения о службе Иванова в советские годы см.: ГРМ. Ф.263. Оп.10. Ед.хр.161.

⁴¹ Нерадовский П. Указ. соч. С.168.

⁴² ГРМ. Ф.263. Оп.10. Ед.хр.161. Л.66.

недостаточно. Много сделали первые исследователи С.П.Яремич и А.П.Иванов для систематизации его наследия, находившегося до революции преимущественно в частных коллекциях. Лично общаясь с Врубелем или с его родными, изучая его работы, они положили основу его научной биографии, высказали много тонких и верных наблюдений об особенностях его творческой манеры»⁴³. Искусствовед же М.В.Бабенчиков так вспоминал о коллеге: «Автор "Стереоскопа" и монографии о Врубеле, А.П. редко выступал в печати, но все написанное им свидетельствует об оригинальном уме и незаурядном критическом даровании»⁴⁴.

Однако возможно, что наиболее полно А.П.Иванов реализовал себя в художественной литературе, небольшим своим рассказом вписав своеобразную страницу как в отечественную фантастику, так и в не собранную еще антологию «Петербург в художественной прозе». О «сильном впечатлении», произведенном на него этим рассказом, писал, среди прочих, и П.И.Нерадовский: «В этом талантливо написанном рассказе говорилось о человеке /.../, переживающем долгую, фантастическую ночь в залах Эрмитажа». «Он был, очевидно, увлечен литературным творчеством Э.Гофмана», — замечает Нерадовский⁴⁵.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

А.П.Иванов ГОРОДИЩЕ

Предисловие и публикация
Л.А.Ильюниной и Е.Р.Обатниной

Публикуемый рассказ А.П.Иванова «Городище» (1906) является не только художественным текстом, написанным в стилистике, которую А.Блок назвал «научным опытом искусства»*, но и ценным документом эпохи. Время, которое целым поколением переживалось под «знаком Конца», в лучах Апокалипсиса, вызывало у русских художников и философов желание разрешить проблему «время — пространство».

⁴³ Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике. М.; Л., 1976. С.6.

⁴⁴ Бабенчиков М. Отважная красота // Звезда. 1968. №3. С.188.

⁴⁵ Нерадовский П. Указ. соч. С.168. После того, как наша статья уже была сдана в издательство, «Стереоскоп» вышел в свет в составе сборника: «Стереоскоп»: Антология петербургской фантастики / Сост. Е.Белодубровский, Д.Равинский. СПб., 1992. С.52-82.

*Блок А. Собр. соч. в 8 тт. Т.8. М.;Л., 1965. С.292.

Мы знаем немало блестящих опытов на эту тему в начале XX века. Рассказ А.П.Иванова — попытка художественного переживания этой проблематики. А.П.Иванов несомненно принадлежал к тем, кто, по словам А.Белого, «выносил в личных исканиях подоплеку позднейшего символизма»*. Его любовь ко всему таинственному, жуткому, уводящему от обыденности, и прежде всего к древнейшей истории человечества, воплотилась во всех написанных им статьях и книгах. Особое место среди них занимает написанный в 1905 и изданный отдельной книгой в 1909 «сумеречный рассказ» — «Стереоскоп».

В отличие от более позднего опыта на тему путешествия в прошлое — рассказа «Городище», «сумеречный рассказ» поражает при всей фантастичности сюжета удивительной реалистичностью описанного переживания. Достигается это математически выверенным построением фраз и предельной сжатостью повествования, что и заслужило положительные оценки А.Блока и В.Брюсова.

Рассказ «Городище» этими достоинствами не отличается. Но он интересен для нас как раннее произведение А.П.Иванова, несущее на себе явный отпечаток идей и образов Н.К.Рериха. Рассказ этот подтверждает, что написанная А.П.Ивановым в 1926 книга о Рерихе вынашивалась им многие годы.

«Городище» восходит к конкретному рериховскому источнику — это написанная художником в 1898 статья «На кургане». Тема статьи — археологические раскопки древних городищ, могильников, курганов в районе Вотской Пятины (Новгородская губерния). Место действия рассказа А.П.Иванова совпадает с описанием у Рериха раскопок одного из курганов в районе реки Волхов и Волотова поля. Сам процесс древних захоронений, воссозданный Рерихом, повторяется в деталях рассказа А.П.Иванова (например, описание слоев могильного кургана, их строгой последовательности: земля, камни, песок, дерновое покрытие, — мы находим у обоих авторов; в статье «На кургане» именно этот отрывок написан беллетризованной прозой). В рериховском повествовании над могильником с грустным курлыканьем проносится стая журавлей, тот же лирический мотив появляется и в рассказе А.П.Иванова.

Научные изыскания Н.К.Рериха послужили для него источником создания ряда картин из серии «Начало Руси. Славяне». На эту тему были написаны картины «Гонец. Восстал род на род» (1897), «Поморяне» (1900), «Зловещее» (1901), «Идолы» (1902), «Заморские гости» (1902), «Змеевна» (1906) и др. Несомненно, с этими работами художника, экспонировавшимися на выставках «Мира искусства», А.П.Иванов был знаком. Текст Иванова можно рассматривать как литературную иллюстрацию к этим картинам.

Итак, Рерих задает тему рассказу «Городище», а сама стилистика и поэтика его — чисто символистские. Можно перечислить художественные мотивы в ивановском опыте, которые в начале века стали симво-

* Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 тт. Т.1. М.; Л., 1980. С.211.

листочками штампами: диффузия сна и реальности, сон как выражение памяти о прошлом, использование отвлеченных понятий как символов (например: Ущерб, Безлюдие, Минувшее, Память и др.), использование заглавной буквы для подчеркивания смысла обычных слов (например: Ближние, Пращур, Исполин, Минувший); метемпсихоз как постоянный жизненный опыт (вариант его: вера в двойничество), описание природы в духе пантеизма и в целом обостренный интерес к языческому миропониманию, особенно характерный для символистов после 1905 года. Таким образом, не только тематика рассказа «Городище», но и поэтика делают его документом эпохи.

Текст рассказа «Городище» (черновая рукопись) хранится в Секторе рукописей ГРМ (Ф.143. Ед.хр. 15).

Человек с ружьем за плечами, заблудившийся и усталый, радостно пошел вперед: оттуда глядел на него сквозь редящие стволы елей открытый уже свечеревший простор. Долгие часы он блуждал по чаще, и неизменно со всех сторон из-за стволов в ожидании глядели на него лишь непроницаемые лесные глубины. Теперь ночь уж не застанет его в чащах, наступило освобождение от их ворожащих и жутких чар. Он торопливо вышел на широкую открытую лощину; лес замкнулся от него сумрачной гранью древних елей; лесные глубины остались позади, не могли за ним идти, и лишь недвижно смотрели ему вслед сквозь стволы за темной гранью. Тогда он увидел. Пустынное озеро тихо лежит в холмистой котловине; берега поросли сумрачным бором; лощина, где он стоит, тоже на береговом холме; он сходит к воде, кружа склоном; и здесь берега выше, чем на той стороне. Дико и сурово во круг. Еловый бор на том берегу стоит внизу длинной стеной, отражается темный и недвижимый в холодной воде. За ним расстилаются от края до края, ширятся на востоке и на западе и уходят, уходят на север в даль до самых граней неба исполинскими уступами лесные просторы, великое сумрачное Безлюдие. И медленно меркнет Безлюдие, уж погасли и остыли, стали темно-синими и безвестными долгие леса, и за ними на далеком закате безмолвно горит багровое осеннее зарево над ушедшим солнцем. Осенний свечеревший мир без конца прозрачен до последних далей; и небо над миром пустынно и прозрачно, лишь по далеким краям его медленно уползают последние тяжкие и сизые толпища облаков.

Он сел на краю склона над озером, бросил на землю ружье, долго сидел, отдыхал и ел, и озирали широкий послезакатный мир,

что лежал перед ним. И вот, когда он глубже всмотрелся в суровый лик лесистого Безлюдия, он вдруг взволновался загадочным тихим волнением. Боже ты мой! ведь все это было в *том* далеком сне! там грезился ему тот же исполинский лик и тот же веял с него сумрачный дух!

У этого человека между другими была в душе одна тайна: порою редко и смутно среди волнений настоящего, царивших в душе, ему припоминался некий далекий сон; должно быть, сон и пригрезился ему когда-то в глубоком детстве, он никогда не в силах был вспомнить, когда и где он снился; и это был сон о глухом озере, за которым суровые лесные уступы уходили в дали! всю жизнь таился в его душе смутный лик Безлюдия, когда-то заглянувшего в нее; он не знал, когда и где это свершилось, он называл этот таинственный образ воспоминанием о странном сне, виденном в далеком детстве. И вот он теперь видит его наяву! и страшно от этого чуда! Там под ним в стороне озерная вода замыкается двойною излучкой; темная горбатая возвышенность, дальняя и смутная, выступает на бледнеющем пламени зари! Так же, как в том сне, недвижно выступают ее странные очертания далеко за темно-синими лесными просторами; и вот, так же, как во сне, взор различает в нем причудливый образ: словно дальнейшее чудовище выползло на смутную возвышенность за лесами и, темное, недвижно залегает там, стережет зарю; голова припала к склону, горбом изогнута спина, и на ней чернеется щетинистая грива: то призрачные вершины далеких, далеких елей.

Ему было страшно, сердце билось. Дотоле Безлюдие являлось ему в жизни как тусклые очертания некоего дальнего сна; теперь оно ярко стоит пред ним наяву; и таинственна встреча в душе того сна с этой явью, чудесно и страшно опознавать, что они — одно и то же. Неуловимые очертания сна, словно он видит их только краем глаза и не может взглянуть на них в упор; но теперь пред яркою явью он уже словно глядит на них в упор, и волшебно возникает из тайников Памяти иное, что было дотоле неуловимо в тусклом отражении старинного сна о Безлюдии. И ответно: яркая явь, представшая перед ним, медленно населяется всем, что возникает в памяти от встречи с ней, всем, что раньше лишь неуловимо таилось в грезившемся лике Безлюдия. Вот чудится ему, что здесь где-то над озером лежит широкая гряда бугров, словно головы исполинов, до лба ушедшие в землю, они насыпаны человеческими руками, но давно поросли травой, и темные косматые ели, одиноко и по две и по три, уже высокие, растут на иных; он не видит той гряды здесь наяву, но из тихо всплывающих воспоминаний о том далеком сне он знает: она здесь. Вот волшебно

возникают из тайников памяти будто смутные, сливающиеся отголоски некоего человеческого говора, припоминаются из сна о Безлюдии, они населяют окрестную Явь, чудесно связываются с этими холмами и водами; и ему чудится, что когда-то давно он слышал на этих берегах этот говор, из которого память сохранила лишь сливающиеся невнятные отголоски.

Его память — словно обширная пустая хранилище с голыми гулкими стенами; слова, когда-то произносившиеся в ней, порождают от стен и потолка тихие отзвуки, невнятный слитный шепот многих умерших голосов. В нем не уловить смысла, лишь порою донесется одинокое отрывистое слово, и это слово принадлежит некоему странному языку, чуждому ему и вместе схожему с его теперешним языком... Промелькнуло непонятное одинокое слово: «Ворож, Ворожич!» Он глядит на дальнейшее чудовище, недвижно темнеющее на западе, и мерещится, что в сне у него было имя; тревожно, жадно он зовет это имя из глубины Памяти, и вот доносятся оттуда еле внятно отрывки чуждой забытой речи; и он в волнении шепчет древние далекие слова: «ветхий Змей на великой тризне. Змей над тризной об умершем боге»...

Кто же говорил так во сне на этом языке? Чьи голоса, много-много раз слышанные, слились в памяти в этот невнятный шепчущий говор? Вот он улавливает то, что дотоле было неуловимо в грезившемся Безлюдии: выступают спутанные сонмом человеческие образы, и он опознает: это были во сне его Ближние! Они выходят из снившихся еловых берегов и тихо населяют еловые берега, лежащие перед ним наяву: с ними он жил здесь в далеком сне. То бледные образы людей без твердых очертаний, как бы выцветшие: они страшны ему, как призраки. Они страшны еще потому, что мерещатся ему какими-то исполинами. Исполинами они выступили из таинственно светящихся воспоминаний о давнем сне; были ли они такими в самом том сновидении? Или, быть может, их волшебной исказила безвестная отдаленность этого сна: быть может, только в бледном воспоминании о далеком, далеком сне образы Ближних стали исполинами: так порой пахарь, пашущий на верхах обширного и отлогого склона, человеку, стоящему далеко внизу, чудится великаном, шагающим вдаль под синим небом: так преображает его отдаление. Одинокий человек недвижно сидит над сумрачным озером, ему мерещатся образы призрачных исполинов [эти воспоминания о загадочном Ближнем], в странных, забытых одеяниях, мужчин, женщин, детей, с неуловимыми, но разными лицами; бродят по холмам, сидят у воды, в темных челнах плавают по озеру и бледно-невнятно лепечут на забытом языке...

Вдруг всплыло в душе еще одно, затонувшее когда-то в тайниках Памяти: человеческий поселок над озером; был будто бы обширный двор и на нем черные приземистые жилища с узкими прорубами окон, за их толпой высокий тын, бревенчатый и потемневший. Снилось, будто он жил среди тех строений и стен, и те, кто были тогда его Ближними, жили с ним. Почему ни разу в жизни ему не мерещился раньше среди старых грез о Безлюдии образ поселения? Как могло затонуть такое воспоминание? Мелькнул обрывок забытой речи: «Ворож Городище». Бледно проясняется в душе дотоле неуловимое: призрачная толпа строений спускается медленно вниз по склону туда, откуда глядят воды и дальше уступы лесов за ними. Он ищет глазами вокруг, не встретит ли он где наяву это видение. Что-то непонятно влечет его взор за широкую лощину к востоку, но там все пусто и мертво в углубляющемся сумраке ночи. Вдруг, всмотревшись, вздрогнул: будто что-то уже виденное померещилось в очертании возвышенности, что там, за лощиной! По вершинам склона ее, теперь голым и пустынным, не грезилась ли тогда толпа человеческих жилищ и темные стены, окружающие ее? Здесь, где сидит он теперь, случайный путник, он бывал здесь во сне; и, насельник этих берегов, он глядел тогда отсюда чрез лощину на жилище отцов: теперь там лишь мертвый холм; то таинственно знакомое подножие городка! И бедное воспоминание о нем выходит из думы и волшебным образом располагается по холму, по-старому срастается с его очертаниями. Ему кажется, что он снова опознает ту широкую [? смеркшуюся] лощину, снова угадывает отсюда длинную впадину рва или оврага в ее глубине, ведь стены снились над оврагом... Он говорит себе: «Мне снилось, будто я — Ворожич!» Боже ты мой! Да было ли это *только* сном? Не было ли это когда-то явью? Быть может, его ноги не во сне, а наяву попирали эти самые холмы; быть может, его глаза наяву когда-то глядели на эти берега, на эти дали! Это явь, чудовищно далекая, до детства пережитая, до рождения пережитая, медленно забытая умершей душой; она не раз в жизни его всплывала, как одинокий островок в море Забытого. Это отрывистое воспоминание Минувшего, но бывшего наяву; это оторванное звено таинственной цепи воспоминаний; оно одиноко, его не соединяли с настоящим промежуточные звенья, они затерялись, затонули в безднах Забытого. И вот теперь опять среди сумрачных вод и холмов наяву окружила его эта прошедшая явь, и все опознается, и все подтверждается, и душа о всем шепчет в страхе и радости: «Да, это было тогда так же, и это, и это!.. Или, быть может, и теперь великое древнее Безлюдие ему лишь снится? Когда-то давно-давно снился

сон о Безлюдии, потом он проснулся, и от сна осталось в сердце лишь бледное отражение, но теперь он снова спит и видит тот же сон; и снова ярко вспоминает грезившееся тогда; быть может, он лишь вспоминает во сне прежний сон!..

Пустынные просторы неба все темнели, углублялись; в них уже трепетали далеко друг от друга передовые звезды. Ночь все тверже воцарялась на озерных холмах, все глубже ложась на суровый мох лесных уступов; и там в далях залегло безмолвно темно-синее неизвестное. Бледнела и меркла на западе осенняя тризна по ушедшем солнце; древний далекий змей теперь прорезывал ее черным горбатым остовом в самой середине. Ветер, душивший весь день, давно уж заснул на открытых равнинах и в лесных чащах; тишина и безмолвие углублялись и углублялись в мире. Холод проник под одежду, и путник, потонувший в своих странных мечтах, впервые подумал о том, что осенняя ночь холодна и нужно развести костер; нужно набрать побольше топлива в лесу раньше, чем совсем стемнеет на холмах. Он поспешно встал и направился к высокой и темной грани старых елей: теперь она выдвигалась перед ним, слабо озаренная побледневшими отблесками заката; лесные глубы придвинулись к ней, темные и страшные глядели сквозь стволы.

Образ высокого узкого строения, как бы башни, светает в Памяти, виденный, близкий, в старинном сне о озерном поселке; оно вычерчивается в вечеряющем небе с призрачной стаей черных птиц, что вьется вокруг; это грачи и галки, крики и хриплый грай над лесом; и печаль — то, что там, в сновидении, сливавшаяся в сердце с этими криками, — пахнула вновь в сердце, тихий отблеск снившейся печали... Будто далекие удары топора за озером, вечерние отрывистые голоса Ближних, дым поднимается над темными строениями городка. И все это лишь воспоминания: мертво и безлюдно голее холм к востоку, где стояло сновидение об убогом городке и странной темной башне со стаей черных птиц над нею. Он подобрал вчлержник у самой грани елей, порой проникал сквозь нее в стихшую и заснувшую лесную глубину; срубая большим своим ножом еловые ветви, вытаскивал сухие упавшие стволы, сносил все в одну кучу, костер он хотел развести на береговом склоне, там же, где только что сидел. Он незаметно отдалился в поисках, и когда снова обернулся к озеру, место, где он сидел, отодвинулось к западу. И вот он видит на стемневшей лощине черные мохнатые ели, растут одиноко, то по две, то по три, и под ними притаились круглые темные бугры; потом видит такие же бугры, но голые, не осененные елями... душа вновь дрогнула невыразимым волнением!.. Грядя круглых возвышенностей,

точно головы великанов, врытые в землю по глаза!.. Виданная, виданная когда-то, смутно мерещившаяся в тайниках памяти! Он ведь чуял, что встретит ее: вот они перед ним такие же, как были! Неподвижные темные курганы над озером, и за ними суровый лик лесного Безлюдия! Он идет к ним: они обступили его странной знакомой толпой; он бродит среди них, безмерно дивясь; и сердце бьется, бьется. То погребальные курганы! [Так вспоминается неимоверно далекое,] то Могильник над родным Ворожем! [Так светает мертвенно забытое;] здесь под землей, давно-давно перегнившей, кости тех, кто были его родичами! Он знал в Минувшем эти курганы такими же, так же бродил среди них, и они окружали его; они так же вечно недвижно глядят в суровые уступы Безлюдия, и спящие лица их озарены оттуда бледным отблеском осенней зари! Он бывал здесь во сне ли, наяву ли, что он мог знать о том? Как далека, как стара была эта явь; было страшное в думе об этом; он был здесь до рождения!.. Он озирается вокруг: давно-давно изжитое им жутко таится по дальним лесным уступам, прибрежным холмам, в озерных темных водах; оно залегает на этих древних курганах, взор его словно различает то изжитое и в очертании их гряды и в той чередности, какую они близятся один за другим к озеру, в темных елях, стерегущих их покой, и в суровом духе, что веет с них. Неимоверные воспоминания, как темные ночные птицы, вспархивают с могил и проносятся в душе, смутные и бесшумные. Вот вспорхнуло в тайниках Памяти, тихо и страшно: та высокая, крутая и голая, что ближе всех придвинулась к озеру — Ворожа могила!.. Ветхий Ворог, Дед, погребен в ней, так снилось ему!.. Его он не знал среди Ближних во сне, он давно умер, во сне он знал лишь этот курган над Его костями, голый, как и теперь... Это Он поставил городок на озере; это он первый был погребен здесь у своего поселка. Так снилось ему, нет, было неимоверно далекой явью!..

Он близко подошел к Могиле, ползал вокруг нее на коленях, чтоб увидеть, чего не мог различить в сумраке и отдалении; разглядывал, ощупывал: странно и страшно опознавались большие валуны у подножия, вросшие в полынь и почву, толстая древняя кора дерна, сухая осенняя трава и тощие былинки на ней, то, что бесследно затонуло когда-то в глубине Памяти; он думал: «Господи, я дотрагиваюсь до призраков старого сна! Я теперешними моими руками ощупываю давно Минувшее!» Он слышал в этой [1 сл. нрзб.] о древнем языческом погребении, и не было сомнения, что он был среди древнего могильника: здесь погребали своих мертвых в седую древность исчезнувшие насельники лесного озера. На этих холмах жили Пращуры нынешних человеческих

поколений; умирали, погребались, все прешли и исчезли; полу-стертые следы их жизни — немые курганы над вечными темными водами пред вечным Ликом лесного Безлюдия. А он жил среди тех Пращуров, они были ему Ближними! И теперь в ночном одиночестве он не до конца одинок: берега вокруг населены тенями их, вышедшими из недр Памяти. Пращуры мерещатся на ночном холме, отдаленные от него недостижимыми далями Прошлого, чуждые, нечеловеческие, неясные исполины, ему страшно от их мутного присутствия. Они глядят на него с окрестных холмов через безвестные дали Минувшего, стоят, сидят, наклоняются, их говор доходит оттуда, как сливающийся шелест отзвуков в голых стенах пустынной храмины. Снились ли они тогда ему теми же страшными исполинами, как выходят теперь из Памяти? Или *так* преобразила их великая даль Прошедшего? Быть может, она сделала их страшными и чудовищными, ибо человеку не дозволено безнаказанно проникать за иные грани? Ему было страшно, но радость одолевала страх, когда он думал о великом чуде, перенесшем его за эти таинственные грани... Ночь уже прочно воцарилась в мире, тишина и сумрак углубились до конца в суровых даях, в лесах, на озере, на еловых холмах, на курганах Минувшего. Уже все звезды сошлись на стемневших небесных просторах; ясно стоят в высях, бледно трепещут на севере, мерцают на востоке, на юге, на западе. Боже, вечное Семизвездие, это зовется теперь Медведицей, так же отражено мертвыми водами, как отражалось оно в давнем сне! Темно-синий полог ночного неба также слабо приподнят бледным далеким сиянием на том краю, где давно уже сгорела закатная тризна. В душу одинокого человека хлынула великая радость о Тайне, и он прославил в сердце чуда мира и благодарил за них Бога.

Он не пошел туда, где оставил свое ружье, а разложил костер здесь, на ложине, в виду курганной гряды, близко к лесу. Пламя костра одиноко явилось на ночных берегах, его шепот и потрескивание странно населили окрестную безысходную тишину; тонкий прямой столб дыму над ним стоял недвижно. Окрест волновался круг его красновато-трепетных отблесков, робкое убежище, где одинокий человек хоронился от ночи, темно и холодно обступившей его; человек сидит, потонув в думах и своем медленно затихающем волнении, порой подкладывая в огонь новые стволы и хворост. Там, сзади него зыбкое зарево костра озаряло высокие темные ели лесной грани; впереди оно бледно бродило по могильным курганам, а за ним едва угадывался во мраке далее лик Безлюдия, спящий глубоким сном. Он прислушивался к неслыханному чуду, свершавшемуся в его душе. Он ждал, не проснутся ли

в тайниках памяти еще древние-древние воспоминания, подобно безмолвной ночной птице; он ждал, не уловит ли в невнятном шорохе стародавнего забытого говора иное *внятное* слово. Он знал: в том преджизненном сне он называл снявшиеся тогда образы и думал словами этого забытого языка; теперь стародавние образы и думы, всплывая смутно из глубин Памяти, были безымянны, они всплывали оттуда без своих древних имен: слова того языка, когда-то связанные с ними, слова, бывшие их названиями, оторванные от них, остались лежать, затонувшие на дне Памяти. И он искал их имена в своем нынешнем языке, новыми словами пытался закрепить в душе ветхие выцветшие сновидения. Лишь порой улавливалось или слабо мерещилось в призрачном шорохе одинокое отрывистое древнее слово, прежнее, исконное, забытое имя иного из тех грезившихся образов и дум.

Смутный сонм тех, что вышли из Памяти, все был с ним. И теперь взор его привлекал некто из этого сонма: исполин, казавшийся самым странным и страшным из всех. В душе путника почуялась с образом того исполина связь, более тонкая, близость, более глубокая, чем с образами других Пращуров; было страшно от этой близости; это было похоже на таинственные узы, связующие человека и падающую от него тень. И вдруг мгновенно он опознал этот образ и шепчет: «Боже, вот это *мой* образ!» То, что так знакомо и часто глядит на него из глуби зеркал, все это мерещится в смутном лике того Исполина! Во сне Минувшего грезились уже эти черты; когда-то часто и неясно глядело прямо в глаза ему из глубины тихих вод древнего родника их лесного озера это худощавое лицо с темными глазами и бородой, и было так знакомо и близко! И вот он понял, объятый страхом и волнением, что тот пращур, тот Исполин — он сам; таким он снился себе тогда! Это он сам, минувший, живший здесь на холмах в безвестных даях Прошлого!.. То, что он, сын нынешних поколений, называл своим старым забытым сном, было изжито здесь этим Пращуром; и пращур этот был он сам; лик его был его лицом, тело его было — его телом, сердце Исполина — было его сердцем!

Одинокий путник над озером, он забрел таинственно чрез тысячи лет в сердце забытого насельника озерных холмов и нашел там остаток выцветших образов и дум; и узнал, и восклицает, безмерно дивясь: «Это мое древнее сердце! эти образы и думы были когда-то моими!» Неясны, исполински и жутки образы и думы в древнем сердце Пращура, как он сам. Вот один новый из тех образов выплывает из Забытого: видения странного города над широкими водами, то уж не Воровж, [1 сл. нрзб.] его; смутное ма-

рево темных высоких стен на плоских холмах; тот древний, чьи исчезнувшие думы были *его* думами, как бы с некоего судна глядит, как близится берег, и древний, снившийся город, и стаи странных невиданных кораблей под стенами; там неясные сонмы Пращуров, чужих, не ближних; сзади мутный лиловый простор, далекие паруса тонут, как белые птицы, в тусклой мгле его далей... Боже! Кто же скажет ему, что это за видение, что это за город, что это за вода? Уже замолкли тайники Памяти, и ничего не прибавят больше и не уяснят! Ужели это не заблуждение и бред, что воды эти похожи на некое, виданное в нынешней его жизни? Неужели то воистину вечные бурные и широкие воды сурового Волхова? Невнятные, недоговоренные образы, что мерещатся забредшему в свое Минувшее сердце... Почудилось, будто сзади кто-то есть. Он обернулся и видит: в отдалении на высокой грани елей посредине зыбкого кострового зарева мерещится темный смутный Исполин — тень, отброшенная туда им самим. Исполин вычерчивается на красноватом озарении, то бледнее, то ярче, словно мерцает, и видно, что он сидит. Страшно смотреть на него в одиночестве ночного озера; он безмолвен, в нем замкнута некая таинственная жизнь. И человек у костра думает о загадочном и жутком сходстве своей Тени с ним. Он встает на ноги, и Исполин также поднялся во весь рост и головой коснулся вершин еловой грани; он нагнулся и повел рукой, и Исполин сделал все, как и он; между ними были неизведанно глубокие связь и близость. Человек и тень были розны друг от друга, чужды, отдалены; и однако они были — как бы одно. Его осенила страшная и странная мысль: «Это — я Минувший! Вот я сам, когда-то живший здесь, неясный Исполин!» Это один из образов, выходящих, казалось ему, из Памяти и населяющих берега, *вышел вправду* за ее грани, и бродит здесь! Это его Воспоминание стало кем-то, кто таинственно ходит за ним и теперь и держится вблизи, видимый уже телесному взору! Воспоминание воистину бродит над озером! И этот Некто — он сам; это Воспоминание о Пращуре, чье сердце было *его* сердце! Этот Некто, переступив грань Памяти, явился перед ним лишь призраком, темным и плоским, без лица и выпуклостей туловища, лишь Тенью без живых красок; но все же в сердце жуткая вера, что это — Исполин Прошлого, кем был когда-то он сам; подошедший незаметно сзади и усевшийся в ожидании. И вот сидят они вдвоем, молча, с глазу на глаз, над озером, пред ночным ликом Безлюдия...

Прошло много времени; он все сидит в жутких думах в зареве костра; наконец, глянув в ночь, обступавшую красный круг шепчущих и зыбких отблесков, увидел он, что мрак ее слабо и бледно

просветлел. Оглянулся и видит: древний месяц, поздний и ущербленный, безмолвно восходит над лесом на востоке. Уже залегли под деревьями их недвижимые тени; уж тускло озарились холмы и голые курганы, и спят, обратив свои бледные лица к месяцу, и мрак, их покрывший, сполз с них, затаился позади них, по оврагам и углублениям, стал там еще чернее. И бледные ели над иными из могил стоят, как сторожевые призраки; курганы спят над ними, как головы Вблотов, зарытых до глаз, затаясь среди теней и месячных пятен. Виднее стало древнее озеро; оно молчит, холодное и страшное, под мертвенными чарами месячного Ущерба; и без конца покойны темные звездные просторы, в нем опрокинутые. Сумрачная стена елей на том берегу тихо и бледно-синевыступила из ночи; за ними залегавшее в мраке в даях Неизвестное слабо прояснило. И казалось: весь мир лесного Безлюдия лежит недвижно, затонув на дне неких таинственных вод, покойных и бледных вод Ущерба. Человек поднялся на ноги и вышел из красноватого убежища своего костра; он увидел краем глаза, как кто-то огромный тоже встает, метнулся и исчез. Он пошел теперь так, что месяц светил ему навстречу прямо в лицо. В эту сторону он не заходил и не заглядывал еще: там на лощине виднелись последние курганы могильника; и одинокие ели, их стерегущие. Он ощутил, что не один, обернулся: исполинская тень его странно двигалась по пятам, причудливо ползла за ним ногами вперед. Он понял: «Он тоже оставил костер и следует за мной! Теперь он уж не мерцает, не зыбятся его очертания; теперь он устойчивая бледная месячная тень!» Он думал об этом покойно, страх стих в сердце: он привык к Тому молчаливому, кто походил на Пращура и бродил за ним по холмам. Он проник сквозь еловую грань и тихо брел вдоль нее по спящему лесу. Ему казалось, будто он в некоей необъятно просторной ночной храмине: месячные стволы дерев — как безымянные ее колонны, одна за другой уходят они в неизведанные лесные глубины. Месяц населил темные глубины эти своими детьми: бледные призраки глядят оттуда, неподвижно сидят по ветвям, неслышно притаились у подножий стволов. Он остановился и слушал, как безысходно молчит лесная беспредельная храмина во сне, лишь мерещатся вокруг непонятные сонные шорохи в ветвях и по земле. Он вздрогнул и сказал себе: «Не забрел ли я в древнее сердце Пращура? Ведь когда-то я видел смутно эту лесную храмину, замороженную чарами Ущерба!» Обертывается, и через редкие черные стволы глядят на него далекие месячные просторы Безлюдия: так же глядели они когда-то и в то древнее сердце! Так же уходят, уходят в дали до граней неба бледные, неясные лесные уступы; так же из северной дали

грозно надвигаются месячные призрачные полчища лесов, недвижно спускаются с далекого склона; древний змий, исчезавший во мраке, снова всполз и лежит на западе на далеком холме: так же, как то видели глаза Пращура, его исполинские очертания разрушены, размыты сиянием Ущерба... И вот в сердце Минувшего, куда он смотрит, мерещится ему смутный образ: по месячным просторам, в холоде и безмолвии ночи, едет согбенный исполин на белом коне; он одинок, лишь великая конная тень идет с ним рядом, широко помрачая холмы, и леса, и равнины. Стародавняя выцветшая дума светит в душе: тот всадник странствует по миру в осенней ночи, когда небо звездно и пустынно, как теперь, когда безмолвие и холод в небесах и на земле; и тот Странник — великий бог. Для чего скитается он? Что он ищет?.. Безымянен тот образ, невнятно его имя на забытом древнем языке; невнятно дума... Уже замолкли тайники памяти, ничего не прибавят более, ничего не уяснят!..

Когда он вышел снова из лесу, он увидел, что лощина была здесь уже пуста: курганы остались к западу от него; отсюда уже виднелся вдали восточный конец озера, погруженный в тень. Он повернул назад; впереди на пути под невысокими елями будто таился курган: то был самый крайний курган могильника. Теперь месяц был за спиной у него, и Тень ползла у ног впереди его; ему чудилось, будто она ведет его прямо к этим елям, будто указывает дорогу. Они дошли: под елями вправду лежала древняя могила, невысокая и небольшая. Тень первая всползла на нее, молча пробираясь среди призрачных пятен месячного сияния, ее покрывавших. Человек стоял на ней; припоминал, припоминал; но казалось ему: в древнем сердце Пращура ее не было, не было там и соседних могил, вон тех, что поросли одинокими деревьями. Он долго смотрел туда, где когда-то высились стены исчезнувшего Города; за длинной толпой могильника, за бледной лощиной недвижно спал месячный холм, где стояли те стены, теперь мертвый и пустой. А Тень тихо лежала внизу у подножия кургана меж тенями елей. Он вернулся к костру, подбросил хворост в огонь. Потом направился к берегу, дошел до того места, где раньше сидел: в траве блеснули стволы ружья, оставленного им здесь. Склон к воде лежал во мраке: сюда не проникали лучи Ущерба; он расстался здесь с ночным исполином и спустился по склону. Внизу у воды был мрак и сырой холод. Изумление и страх снова пахнули в душу, когда в ноздри его проник забытый, когда-то знакомый-знакомый острый запах осоки и тростников; когда он услышал древний шорох сырого песку под ногами! О, Пращур, чьи умершие думы стали его думами, бывал здесь, здесь ступали

его ноги! Воды озера там дальше лежали месячные, а ближе к берегу, в тени, наведенной береговым скатом, были черные и порою тихо колебали отражения звезд. В сумраке береговой тени смутно уходила вперед блестящая полоса прибрежного песку. Он брел по ней, и чуял, что сейчас опять встретится ему что-то, давно изжитое. И вот донеслось слабое журчание воды, и как ночная птица, безмолвная и темная, вспорхнуло воспоминание: ручей вливается в озеро под самым Городцом! Береговой склон понизился, свернул в сторону, и открылось подножие месячного крутого холма и месячная полоса песку: ее пересекают трепетно сверкающие серебром воды древнего потока и вливаются в озеро! Он приблизился, и Тень снова с ним встретилась, таинственно явилась на песке, вынырнула из мрака. Вот устье оврага, который он угадывал еще издали с курганов; древнего оврага, что проходил у подножия темных стен! Овраг, где бежит поток, здесь вливающийся в озеро. И видно отсюда, как русло его уходит вглубь, скрытую ольховыми зарослями; сияние Ущерба на их вершинах, бледная луна меж ветвями; ручей незримо ропщет там. И все это было им изжито, все это было в древнем сердце Пращура! Непонятное, странное слово внятно прозвучало среди слитных отзвуков древнего говора: «Святорый»...

И вот он взбирается по крутому склону холма, огромного, вечно глядящего в Безлюдье за озером; темный исполин из Минувшего взбирается рядом с ним. Сердце его стучит: здесь, где ступают ноги его, стоял древний Ворож! Не осталось ли следов, хотя бы бледных, стертых? Глаза его блуждают по склонам, зорко сторожат их очертания и видят воистину то, во что не верилось и что ожидалось! След рук древнего человека, загадочный и величественный, как и те могилы, хранится на холме! Насыпь, заросшая травой и вереском, возведенная забытыми пращурами, племенем, населявшим озеро в бездонной древности! Она проходит около него, уходит туда вниз, к воде, вон на том конце холма тянется она, то понижаясь, то повышаясь, в бледном озарении Ущерба. На холме Городище! Язычское Городище лежит на холме над озером! Темный тын вращал тогда в эту насыпь, зубчатым кольцом сторожил тогда городок!.. И вспархивают безмолвно и реют вокруг смутные воспоминания. Мерещатся чрез безвестные дали Прошлого мутные призраки древних жилищ: низкие темные строения с узкими прорезами окон; они стоят здесь и там, и на вершине и по склону к озеру, одни больше, другие меньше. В том далеком сне были грезы и о том, что внутри этих жилищ, о жизни его внутри них; одна из них теперь смутно-смутно в памяти: спят образы Ворожичей в низкой и дымной горнице, и он

среди них, он смотрит на спящих в красноватых и мигающих отблесках какого-то света, неотступно, хоть неясно видит лицо одного из них, закинутое назад, с седеющей бородой, покойное в глубоком сне... И он бродит кругом, безмерно дивясь; и вглядываясь в неясные рытвины и возвышенности, верит, что здесь были основания тех первобытных строений. Все было мертво и недвижно на голом Городище, двигались и колебались лишь он и его Тень. Отсюда, с вершины, лесные просторы Безлюдия были видны еще шире; а в сторону от озера холм понижался отлогим склоном и оттуда в отдалении навстречу надвигались недвижно месячной стеной передовые ели леса.

Он взошел на древний вал; под ним пролегал овраг, заросший ольхой, что когда-то охранял городок с востока. За ним в глубине бледной ложины среди бледных курганов горел отдаленный одинокий огонь его костра; он слабо мерцал, и тонкий столб дыму стоял над ним; стало страшно, что вот он пылает, странный и живой среди мертвого могильника, и никого нет около него. Вдруг в даях Памяти вспорхнуло забытое Виденное: когда-то горел большой костер на могильнике; отблеск древнего горя, грезившегося когда-то плача озарил Память: то было погребение Пращура; тело лежало на костре, и его окружало кольцо из крупных камней; покойник был близкий ему и жил с ним здесь над озером; он был славный воин и не раз ходил с какими-то пришельцами на ладьях на далекий полдень; мертвый исполин лежал, охваченный огнем, и мерещился неясно шелом на его голове, тот шелом, что он сам привез когда-то из далекой страны; потом чудилось, как исполинские тени Пращуров, подымаясь, наклоняясь, насыпали круглый курган на не остывшее еще кострище, и как всю ночь там на могилах были крики, песни и огни... И сдавалось ему: это был вон тот курган, высокий, заметно прилизавшийся к озеру, уж в середине гряды могильника большая ель ныне растет у его подножия...

Вдруг толпою заходили в душе неожиданные мысли: где же погребен Тот, чей призрак, огромный и темный, лежит на земле сзади него над древним валом? Был ли он старше или моложе его, стоящего на валу, и долго ли жил? И где погребен?.. Под одним из курганов! Быть может, под одним из тех бледных курганов тысячу лет назад истлели кости Минувшего! Смерть и возвращение: великая тайна Безлюдия. Он медленно шел по мрачной насыпи Городища; потом остановился, когда услышал среди тиши Ущерба какой-то гул, глухой и ропщущий; впереди себя в глубине древнего оврага. И от того одинокого звука пробудилось в памяти давно изжитое: дубы растут на краю оврага, и сильный ключ

бьет под ними на дне его. Глядит: дальше по оврагу на другой стороне стоят большие деревья, четыре или пять, неподвижная месячная одинокая купа; и видно: это не ели. Он поспешно идет: все слышнее гул, уж нет сомнения, это вода падает с высоты в каменное углубление. Вспоминается, что снились ворота в стене городка, они выводили вниз к ключу. Вот он натолкнулся на неширокую выемку в вале; он знает, что это место, где были ворота; стоит и покойно дивится. Теперь купа деревьев прямо против него; теперь он ближе к ней; и даже в бледном свете Ущерба различаются ветви и листва, и видно: это дубы; и в очертании тени, легкой от них на склоне оврага, угадывается: это дубы! Так же и *тогда* виднелась толпа дубов стеною от ворот. Это потомки тех древних дубов, может быть, сыновья. А внизу близко и внятно поет ключ в месячной тишине; поет, как и тогда, тысячу лет назад. Мелькнули древние забытые и родные слова: «под святыми дубы ключ Святорный»... Он спускается по склону, туда, где тени схоронились от месяца. Будто была здесь тогда тропинка вниз; теперь нет ее, но почему ноги уверенно ступают сами собой, словно припоминают когда-то знакомую крутизну склона. Вот достиг дна, стоит, тихо дивится, и все подтверждается в сырости и сумраке ольховых зарослей. Стеной подымается обрыв оврага, и на высоте человеческого роста в неясных отблесках месячных лучей из длинной щели в известковом плитняке [? вырывается] поток и падает в круглую котловину внизу, и все вокруг наполнено гулким, звенящим и ропщущим шумом... В душе смутное знание об одном камне у ключа; он осматривается, ищет во мраке кустов, не находит. Потом открыл он заслоненный кустом бугор, полузаросший мхом, и руки трепетно ощупывают его, отдирают мох, отклоняют куст, месячные отблески осветили холодную поверхность, и чудесно опознаются забытые очертания и углубление посредине, пальцы осязают Минувшее. Он долго сидел на камне, как сиживал на нем в былые времена, неопишимо далекие. А вокруг и холод, и мрак, и сырость; наверху бледные склоны, черные ветви дубов и великое небо, звездное и вечное. Здесь стена обрыва, его замыкает овраг под городищем; здесь обнаженные пласты мокрого плитняка, покрытые кое-где слезящимся мхом; отсюда вырывается подземный поток, как вырывался тысячу лет назад, и теперь ладает вниз и бежит на дне оврага к озеру. В течение сотен лет [1 сл.нрзб.] заходили сюда люди, и они не знали, что поток этот звали Святорнем. И неустанно сотни и сотни лет вода падала и гудела, и от этого звенящего гула дно этой ямы, поросшее ольхой, было как бы замораживающим тайником. Он долго сидит. Вновь [1 сл.нрзб.] зачарованный ро-

потом этих вод, и в нем слышится ему когда-то уже слышанное: стародавние древние вопли, и крики, и говор, и шепот, и вой...

Он подумал о том, что изжил все это когда-то, о молчаливом исполине, призраке себя самого. Он знал, что тот где-нибудь недалеко, прячется во мраке зарослей, незримо сидит вместе с ним в ропщущем тайнике ключа. Вблизи ручей образовывал небольшой затон; он заглянул туда, и померещилось, будто что-то шевельнулось в его глубине; и видит: оттуда смотрит на него меж ольховых ветвей чье-то неясное опрокинутое лицо; в том лице страшное и таинственное сходство! Он отшатнулся, и мелькнула мысль: «Это — Он! Это — я сам Древний!» Это призрак, ходящий за ним, на мгновение показал яснее свой облик, образ того пращура; это плоская до того тень явила очертания и выпуклости древнего лица; это исполин взглянул из ночной глубины затона! Ему стало страшно оставаться здесь; он взобрался по склону на край оврага, где стояли потомки святых дубов; и чрез листву, проясненную осенью, сияли звезды, пахло увядшим листом, сухие дубовые листья шуршали под ногами, и изжитое таилось во всем. Исполин, став вновь лишь тенью, задвигался у корней меж месячных пятен, вышел с ним на открытую лощину. Он спешил к своему костру, искоса поглядывая на темного спутника через плечо, сдерживая страх в сердце; потом не выдержал и побежал, а тот увязался и гнался за ним. Он достиг костра, прыгнул в трепетное убежище отблесков, и исполин исчез. Он сел у огня так, чтобы не отбросить тени на еловую грань.

Теперь он мог порою среди потрескивания костра уловить отдаленный ропот Святорня. Одна ночная мысль владела им: куда скрылся Исполин, притаился ли поблизости, или ушел; казалось, что он там в овраге под месячными дубами. Сам не зная зачем, он громко и резко крикнул, обратясь лицом к холму городища, тотчас же кто-то, как будто из оврага, ответил ему таким же криком, поспешно и четко. У него от этих двух криков захолонуло сердце: так радостно, одиноко и страшно раздалась она среди молчания мертвого озера пред бледным ликом Безлюдия. И в ответном крике он узнал голос, страшно и таинственно подобный его собственному голосу, и он сказал себе: «Это он в овраге отвечает мне!» Это призрак, дотоль безмолвный, подал свой голос. Стихли смутные отголоски на лесистых берегах, и снова лишь шептало пламя, да слух еле улавливал ропот ключа. Он сидел, успокаивал свое волнение, говорил себе, что все это лишь ночные страхи, лишь тень, отражение и эхо. По телу разлилась усталость, и он впервые подумал о сне. Хворосту и ветвей оставалось уже немного. Он развел новый костер в двух шагах от старо-

го, перебросил туда еще мало обгоревшие головни; он даст догореть прежнему костру и потом ляжет на золу и уголья, еще теплые. Он выпил водки, завернулся плотней в пальто и стал ждать. Ночь была в небесах, в суровых и ночных даях, и здесь, на озере; весь мир лежал, неподвижно затонув на дне бледных вод Ущерба. И по мере того, как месяц шел на юг, тени елей на курганах медленно ползли вокруг их корней, холмы и курганы медленно поворачивали вспять за ним свои бледные лица, а в лесных глубинах дети его, тихие призраки, одни уходили, другие появлялись, медленно скользили с ветки на ветку, по стволам на землю. Человек у костра склонился головой на колени и заснул.

Долго длилось глухое и темное забытье, потом приснился сон, будто он не засыпал, а все сидит у пня, глядит на мертвое городище, на овраг, на дубы. И он все тревожно думает о своем ползучем спутнике: «Минувшее, что вышло волшебным из граней Памяти, идет чрез ее безвестную даль, и близится, близится, и становится ярче, становится полнее. Сперва было лишь тоской, темной тенью под светом месяца и костра; теперь наполняются его очертания, являются на них человеческие выпуклости и краски; уж мелькнул образ в глуби затона, уж я слышал голос его? Что, если он явится мне теперь таким воплотившимся до конца? Если Он, прежде лишь ползавший по земле, подымет на ноги, и станет бродить, как брожу я сам?» Страшно ему; что-то движется там в овраге под месячными дубами. И вот некто огромного роста явился там, взобрался по склону, встал и стоит, озаренный Ущербом. Стоит, смотрит сюда, идет по ложине. И он уж не тусклая, темная тень, и одежда на нем отчетливо видна, не как прежде. И страшно опознать мертвенно забытое: древнюю одежду, что когда-то носил он сам. Ближе, ближе, вот проходит мимо него между костром и курганами, и вдруг обратил к нему свое лицо! Весь застыв сидит он, глядит в упор на это тусклое лицо, столь часто виденное в глуби зеркал, на свое собственное лицо, минувшее тысячу лет назад... Потом исполнил миновал его, отвратил лицо, шел дальше мимо гряды могильника, и смутно узнавалась его собственная походка, его собственные сутулые плечи. Так он достиг последнего кургана с елями, росшими на нем, и взошел на него, и было видно, как тени еловых ветвей бродили по белой его одежде...

Человек проснулся, поднял голову, огляделся. На том кургане никого не было в тенях елей; по-прежнему спали глубоким сном и могильник, и ложина, и овраг, и городище. Теперь созвездия переместились, опрокинулись, и на востоке поднимались новые большие звезды; месяц прошел далеко к югу и стоял высоко

над лесом; зубчатая тень лесной грани подвинулась теперь и покрыла место, где он сидел. От ночного холода руки и ноги застыли, и по телу проходил озноб, прежний костер погас, новый едва тлел; глаза слипались, мысли путались. Вдруг неожиданно вспорхнуло воспоминание, древнее слово забытого языка... И то было его прежнее имя: «Словут!» Так звали его минувшие Ближние! Он бросил в огонь остатки хворосту, завернулся плотней и лег на теплые еще уголья прежнего костра... Он пытался думать о сне и о слове, но снова все спуталось; он снова заснул глубоко и надолго,

То, что когда-то уже совершалось в бесследно забытых даях Минувшего здесь над древним озером, совершалось здесь теперь. Так же была безмолвная неподвижная ночь осенней поры над озером, холмами и лесными просторами; так же в небе ущербленный месяц; те же звезды отражались в древних водах. И вот так же, как и тогда, надвинулся, наконец, с востока неясный Разевыр. Звезды начали слабнуть и гаснуть в медленно бледнеющих небесах, блик месяца стал тускнеть. Сияние Ущерба на лесах, на открытых склонах слабо спорило с рассветом и потом уступило ему, и он овладевал миром и гнал месячные тени из углублений, где они хоронились; он проникал в лесные глубины, и безмолвно умирали в ветвях и меж корнями бледнолицые дети месяца. Озарились глуби леса и стали видны суровые дали еловых стволов, и не было теней от них. Вышли из бледной тусклоты Ущерба далекие лесные полчища и берега, и дикое озеро, и городище, и курганы, и темные ели на них, и одинокий человек, спящий на угольях около погасшего костра. Древняя [вечная] лесистая возвышенность там, на западе, на дальней грани Безлюдия, осветилась и, как бывало, исказились в ней на рассвете очертания вечернего Змея. На востоке заалел утренний пламень; он явился за тем же далеким холмом, где и тогда, в одно осеннее утро, бесследно забытое в тайне Прошедшего; и так же, как и тогда, он медленно разгорался все яснее в торжественном безмолвии, и вместе с ним все яснее и яснее рассвет над миром, и все тонули, тонули звезды в бледнеющих просторах небес. Долго длилось так, и древнее лесное Безлюдие недвижно ожидало. Ярче и ярче пылала сердцевина древнего пламени на востоке, и вот наконец из него встало древнее Солнце. Легли длинные тени, и золотистое озарение холодно разлилось по просторам Безлюдия. Солнце поднималось; озарение медленно нисходило с вершин в долины, словно некий бог спускался тихо и благостно на светлом коне по склонам холмов, по лесным уступам.

Потом с севера, с открытых просторов Безлюдия задул ветер слабыми еще порывами; и впервые после ночного молчания за-

шуршало по зарослям в овраге, зашептали полуоблетевшие дубы над ключом. Стала видна на западе в небе, холодном и пустынном, дальняя вереница облаков, серых и легких, быстро идущих с севера на юг; эти пробудились и выступили раньше всех. Потом они стали и на севере подниматься отовсюду и близились сюда, шли на юг, и медленной чередой наконец засиззела ими вся северная небесная даль. И медленной чередой совершалось то, что уже здесь совершалось в одно бесследно забытое осеннее утро; все выше, выше шло солнце, все ярче и глубже становилась ясная синева, тени короче и резче, и весь до последних своих далей, прозрачных и явных, делался все явственней и светлее мир лесных уступов и дикие берега озера. Уж по небесному простору от края до края над великим и грозным Безлюдием быстро шли облака, безмолвные, белые, в синих высотах; приходили из далей, где они были сизыми, и где все новые и новые поднимались им на смену; высоко неслись с севера, торжественно уплывали на юг, нескончаемыми рядами проходили мимо на востоке и на западе; и все многочисленнее становились они, все чаще отражались в посиневшем озере. Все росли порывы холодного ветра с полночи, и безбрежный древний ропот уже ходил по лесным просторам, и, наконец, дыхание ветра стало ровным и наполнило весь мир от края до края и слилось с бегом облаков. Наконец, прочно воцарился, как когда-то в забытом Минувшем, ярко-синий день осенней поры, белооблачный и ветренный.

Солнце осветило лицо спящего у курганов, и тогда он проснулся, увидел, что уж день, высоко и быстро идут облака, и услышал протяжный ропот чащей, похожий на шум моря. Ночное, бывшее с ним здесь, развешанное долгим сном без грез, собиралось снова, возвращалось в душу; и блуждания на городище, и ключ под дубами, и Словут. Он сел и озирался вокруг, и все, на что обращался его взор, все было безмерно давно им изжито; и, тихо изумляясь, он опознавал теперь озаренное осенним низким солнцем, как раньше опознал залегшее в ночном сумраке и тусклоте Ущерба. Все снилось когда-то: и дневной лик сурового Безлюдия, и синее озеро, и темная рябь на нем сюда ближе к берегу, и великие могилы ветхого Ворога, и все гряды курганов, поросшие кое-где сумрачными елями. И внезапно в душе возникло одно новое видение, и снова волнение охватило ее. Как мог он забыть его, как могло оно затеряться в неясном отражении старого сна о Безлюдии, с детства хранимом в памяти? Не древние ли облака, несущиеся в осеннем небе, не лесной ли необъятный ропот указали ему на это забытое видение? Оно встало перед ним, исполинское и далекое, когда он заглянул теперь в сердце Словута.

И видение это о том, будто он, Словут, княжич, бьется в битве под стенами, и в сердце исполина отблески забытой злобы, ими оно трепещет и замирает; но он отошел от своих; крики и стук доносятся издали, сливаются с ропотом елей. А перед ним отлогий склон, синее озеро, и двое у самой воды, два Исполина, и он узнал Людичей и бежит к ним, в одной руке сжимает меч, другую крепче надвигает на лоб шолом, ветер дует навстречу и гремит в ушах. Те оба к нему повернулись, один с рыжей бородою в темной одежде изогнулся, глядит в упор, навел лук... Он ближе, ближе; тень потемнила воды и ели на том берегу... потом разрывающая боль в боку, и он упал, тяжело ударившись оземь, он не видит ни врагов, ни озера, лежит на спине и глядит в ярко-синее небо и высоко над ним несутся белые облака. Таково было видение, и он понял, что это было последней грезой в его сне о Безлюдии, на ней обрывался тот сон! Он понял, что он прошлый, упавший со стрелой в бок, уже не поднимется больше, умер там на склоне у озера, и кончилась его древняя жизнь! Было невыразимо на душе и хотелось плакать о великой тайне. Древний ветер дул ему в лицо, гремел в ушах, и пахло ясным с лесных просторов. И высоко над ним шли от края и до края небес древние облака; все вновь и вновь возникали над северными далями, близились, проносились над головой, уносились далее к югу, закрывая и открывая белый, высоко закинутый дневной месяц. Забытая дума о них светала в Памяти, он пытался назвать ее, новыми словами, пытался скрепить невнятные древние слова и говорил: «То великий Стрибог выехал на осеннее полюдие, и с ним [? его] белые Мужы на белых летучих конях; он воздвигнул холодный ветер, и весь день летят несметные конные исполины, безмолвные белые в синих высях с полночи на полдень, озирают леса, холмы, равнины, озера, великие [? деяния] богов!» Он смотрел, как с полночи идут, жутко ползут исполинские темно-синие тени воздушных всадников по безбрежному сумрачному лесным полчищам, что недвижно и грозно спускаются с диких уступов; как взбираются на холмы, бегут вниз по склонам, хмурят озеро и берег, и уходят в лесные глубины, дневные, светлые и ропщущие, и потемняют их ненадолго. И безмолвной чередой проносятся белые образы всадников в синих безднах озера. Протяжный гул безбрежно ходил по лесам; это была их песнь во славу великого бога, воздвигшего высокий дозор облаков.

И вот ему пришла одна мысль, от которой он даже вздрогнул. Нож не мог заменить лопаты, но все же он был широкий и острый, и можно было попытаться. Он встал и направился к окраине могильника. Длинная, движущаяся тень, отброшенная

им, не будила в дневной душе думы о призраке Исполина, но все же была странная вера в пережитое и виденное в тусклую ночь Ущерба. Он подошел к кургану под елями, куда выходил ночью привидевшийся Словут, где он сам, приведенный тенью, долго стоял вчера среди месячных пятен. И теперь при солнце он увидел то, чего не заметил тогда: край кургана, обращенный к западу, не был кругл и покат, он был словно глубоко, отвесно срезан. Он догадался: неизвестный кладоискатель пытался когда-то разрыть курган, но бросил, не докончив; и это было уже давно, ибо образовавшийся отвес был покрыт толстым дерном; бугор раскопанной земли тоже порос травой. Он воткнул нож в дерн, покрывавший отвес, стал резать его; отодрал широкий пласт. Обнажились желтые недра кургана, запахло сырым песком. Он подкапывался под отвес, выбрасывал песок руками и ногами, старался дорыться до почвы, порой он вырывал крупные камни, положенные сюда пращурами, вытаскивал их; то была долгая и трудная работа, руки саднили и болели. Так нарушал он тысячетлетний покой курганных недр. И все время в душе вставали исполинские образы Близких и вражьих Людичей; и проносились неясные воспоминания о том последнем дне, о том, как еще раньше знал Словут и все на озере, что те уж близко, идут морить, и не спали, готовились; о том, как древний исполин, бывший отцом Словута, и старшие мужи ушли навстречу; как сбегались в городок родичи с лесных поселков и домов... И потом отец вернулся, но без коня, и многих мужей уже не было в живых. И когда прошло много времени, к песку стало примешиваться что-то черное, похожее на уголь и золу, и ясно стало: то следы древнего языческого погребения, на земле, покрытой насыпью кургана, залегало кострище воина. Сердце замирало: неужели он не обманулся? Потом руки внезапно нащупали в песке крупный твердый предмет, это был уж не камень! Он быстро вытащил нечто древнее, грубое, заржавевшее; то был первобытный железный убор! И, Боже ты мой! Он понял, он догадался: это был *его* шлем! Безмерно дивясь, он очищал его от песку, ощупывал и разглядывал, и вот воистину теперешние его глаза, нынешние его пальцы смутно опознавали, припоминали то, что знали так близко минувшие глаза и пальцы! И очертание заостренного сверху овала, и древнее углубление, помятость сбоку от одного удара камнем... И еще некое вынул он оттуда же: то был человеческий череп; тот, что много веков покоился под курганом в ржавом шлеме! Он положил его на песок и безмолвно глядел и не верил глазам, а тот лежал перед ним темнобурый, без нижней челюсти, с глазными впадинами, набитыми песком и золой, странный

и страшный! Ни череп, ни шелом не были исполинскими; ведь Минувший лишь *кажется* исполином, преображенный безвестной отдаленностью прошлого. Одною рукою он проводит по выпуклостям и буграм черепа, а другою рукой ощупывал под волосами и кожей кости собственной головы и, безмерно дивясь, убеждался, что два эти черепа меж собою близнецы, схожие в каждой впадинке, два двойника, мертвый и живой! Тогда он поднял череп, держал его против лица и, как зачарованный, глядел в его пустые глаза, как порой всматривался в свое лицо в зеркале, и растет страшный ужас, и не могут оторваться! То были кости древнего Словута, то были останки пращура, умершего здесь. Боже мой! То был череп его самого Минувшего, его прежний древний череп!

Когда он, наконец, оторвался от страшного своего созерцания, он увидел, что по-прежнему с шипением и свистом размахиваются, как сумрачные руки, ветви елей на курганах, правнуки тех, что росли на них во сне; что по-прежнему качаются огромные верхушки еловой грани и за ними в небе все уходит, все уплывает сине-белый дозор облаков; и в их очертаниях чудится ему то, что чудилось когда-то Словуту; он различает там: удаляются безмолвно и быстро согбенные спины в белых плащах, уплывают снежные животы и крестцы небесных коней. Потом он встал, надел на голову свой древний шелом, чрез тысячу лет, и пошел по солнечной лощине, и тень его в остроконечном уборе, когда-то виденная такою же, шла за ним. У дубов, осыпавших его медными осенними листьями, он спустился в овраг, в ропщущий тайник святого ключа, нашел вчерашний затон и заглянул туда и увидел то, что часто видел Словут в этих же тихих водах: длинное молодое лицо с темными глазами и бородой в первобытном уборе; он глядел туда, и оттуда ответно глядел прямо в глаза ему давно умерший Словут; и гудели древние воды, и дубы навстречу гремели. И вдруг сверху с ветряных небес донесся, как древний рог, священный и зовущий, некий осенний клич, и у него мелькнуло: «Журавли! Боже, и в *то* утро они так же кричали над древним озером!» Он постепенно взобрался по склону и перебежал весь холм городища, глядя на запад: там летели три журавля, покойно и ровно взмахивая крыльями, и уносились все дальше и дальше, и уменьшались, и все опадали, опадали далеко над лесными просторами. Он огляделся, теперь он стоял на другом краю городища, куда не заходил вчера ночью. Неглубокий ров ограждал холм с этой стороны, он опознал его смутно из древнего сна, и бледно вспорхнуло воспоминание, что он был скрыт человеческими руками. И вдруг он узнал этот отлогий склон от рва к озе-

ру! Узнал и береговой песок, где стояли два Людича, и двойную излучку озера дальше к западу, и плоский большой валун на середине склона: ведь около *него* он упал! Тень облака надвинулась и потемнила синеву озера и ели на том берегу. И он подошел, безмерно дивясь; отыскал *то* место в двух шагах от валуна и лег там на землю на спину головой к берегу, придерживая рукой шеплом. И вот теперь он лежал так же, как и *тогда*; и так же, как и тогда, холодный ветер овеивал ему лицо и шуршал чахлой травой вокруг него. И так же грозно синели лесные кряжи Безлюдия; по ним брели с севера из далей исполинские тени. Немолкнувший безбрежный ропот разливался по лонам; среди него еще раз долетел до слуха клич журавлей, невнятный и далекий. А в синих высях над миром, осиянным низким солнцем, безмолвно совершался, неустанно стремился на полдень, осенний дозор древнего Стрибога.

А.И.

20 августа 1906 г.

Т.Никольская

**ПОЭТИЧЕСКАЯ СУДЬБА
ОЛЬГИ ЧЕРЕМШАНОВОЙ**

В последние годы отечественному читателю открываются все новые пласты поэзии 20-х годов. Началось широкое знакомство не только с творчеством К.Вагинова, А.Введенского, Д.Хармса — имевших и раньше свой, пусть и ограниченный, круг ценителей и поклонников, но и с талантливыми поэтами, почти, а то и вовсе не известными даже своим современникам. К числу таких поэтов принадлежит и Ольга Александровна Чижова (1904-1970), писавшая стихи под псевдонимом Черемшанова. Ее единственный опубликованный сборник «Склеп» вышел в 1925 в Ленинграде с предисловием Михаила Алексевиича Кузмина. Но, едва заявив о себе, Черемшанова исчезла с поэтического небосклона. «Ни один из знакомых ленинградцев не мог мне ничего сообщить о дальнейшей судьбе поэтессы», — писал Л.Мартынов¹. Однако Черемшанова продолжала жить в Ленинграде и писать стихи. Более того, муза ее расцвела ярким цветом, хотя знали об этом лишь немногие посвященные, среди которых был и ее «крестный отец» М.Кузмин.

Ольга Александровна родилась и провела детство на Урале. Зимой она жила в Уфе, а на лето выезжала в имение Миловка, красоте которого посвятила много строк в записках о своем детстве. Одним из первых сильных впечатлений шестилетней девочки была смерть Льва Толстого, «которая так переживалась семьей, что мыслилось, надо было организовать нечто вроде траурного шествия в декорированных траурных экипажах, и чтоб все были в трауре»².

Несколько лет девочка прожила в Петербурге, где впервые увлеклась балетом: «Возили нас в балет в праздники — это самые светлые минуты. Помню Карсавину в "Щелкунчике" "...»³ Затем снова Уфа и Миловка — учеба в гимназии, занятия музы-

¹ Мартынов Л. Воздушные фрегаты. М., 1974. С.106.

² Черемшанова О.А. Записки. Тетрадь 1. (Страницы не нумерованы). Собрание М.С.Лесмана. Выражаю благодарность Н.Г.Князевой, вдове собирателя, любезно позволившей мне ознакомиться с текстом записок. Далее: Тетрадь 1.

³ Тетрадь 1.

кой, первые стихотворные опыты. В Уфе застала ее и революция, и гражданская война. В 1918 семья перебралась в Омск, где Ольга окончила школу и «поступила в музыкальный техникум по классу пения. Одновременно работала на эстраде, исполняя свои обработки народных сибирских песен»⁴. В начале 20-х годов она вступает в период напряженных духовных исканий: «Религиозные брожения. Дом баптистов и подгорные прогулки на Омь-реке. Решение уйти в скиты... Книги индусских йогов... Подземный храм сибирских святителей»⁵, — записала Черемшанова в тезисном конспекте недописанных воспоминаний.

Черемшанова принимала участие и в литературной жизни Омска. О ее контактах с местными писателями свидетельствуют их дарственные надписи на книгах. Одна из них: «Ольге Черемшановой от короля шестой державы Антона Сорокина⁶. 24 мая 1922 г.»⁷. — принадлежит известному прозаику и драматургу, прославившемуся еще в предреволюционные годы не только своим творчеством, но и многочисленными мистификациями, а в начале 1920-х ставшему предводителем молодых омских поэтов и художников⁸.

Поэт П.Л.Драверт⁹ подарил Ольге сборник своих стихов «Сибирь» (1923) с надписью: «Самой оригинальной, непосредственной и дикой поэтессе на иртышских берегах Ольге Черемшановой — изумрудный привет от автора. 19.XI.1923»¹⁰. О справедливости такой оценки можно судить по двум стихотворениям Черемшановой, опубликованным в 1922 в первом и единственном номере журнала «Таежные зори»¹¹, вышедшем в Новониколаевске. Приведем одно из них:

ЧЕРНАЯ ВЬЮГА

Ох, ты вьюга, моя вьюгушка!
Ох, ты вьюга, моя кручина!

⁴ Анкета, заполненная Черемшановой в 1960-х. Архив Лен. Дома народного творчества. Далее: Анкета.

⁵ Тетрадь I.

⁶ Антон Семенович Сорокин (1884-1928) — писатель.

⁷ См.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.73.

⁸ См. Мартынов Л. Указ. соч. С.88-92. По словам Л.Мартынова, А.Сорокин представил ему Черемшанову как известную петроградскую поэтессу, получившую признание М.Кузмина (Там же, С.105).

⁹ Петр Людвигович Драверт (1879-1945) — поэт и ученый.

¹⁰ Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.90.

¹¹ Подробнее об этом журнале см.: Трушкин В. Восхождение: Литераторы и литература Сибири 20-х — начала 30-х годов. Иркутск, 1978. С.73-75; автор книги почему-то не называет Черемшанову в числе участников журнала.

Ты по что взрыдалась!?
Мне и без тебя холодно,
Холодно, да морозом зябко...
Выпадали мои думушки черным снегом.
Навалили злодейки цельные сугробы,
По самы плечи, по головушку разнесчастну;
Закрыли меня, зазнобили меня.
А из черного сугроба-то не вылезти,
Не вылезти, не выползти...

.....
Ох, ты вьюга моя, вьюгушка!
Ох, ты вьюга моя, черная!
Не надо мной ли ты отходную поешь?
На надо мной ли воешь панихидную?
Не надо мной ли ты, вьюга, плачешься,
Плачешься, да рыдаешься?
Ай, не шепчешь ли ты мне, вьюга погребальная,
Что из черного сугроба мне не вылезти,
Не вылезти, не выползти!?!¹²

Трудно представить, что автору этих зрелых стихов, в которых почувствован дух народной поэзии, было всего 18 лет.

В конце 1923 Черемшанова уехала из Сибири в Москву, где недолгое время занималась во вспомогательной группе 1-й студии МХАТ¹³, пробовала поступить в Малый Театр, увлекалась спектаклями Камерного. За несколько месяцев, проведенных в столице, Черемшанова успела свести знакомство с московскими теософами, побывать на многочисленных литературных вечерах, позаниматься в Публичной библиотеке. Не позднее лета 1924 она переехала в Ленинград, ставший для нее родным городом.

В Ленинграде Черемшанова поступила в драматическую студию Н.Ходотова¹⁴, где занималась, в частности, с пианистом и композитором Е.Вильбушевичем¹⁵, с 1903 года выступавшим вместе с Ходотовым на сцене с мелодекламациями¹⁶. Жанр, традиционно считавшийся салонным, артистам удалось поднять до уровня высокого искусства. Благодаря своим учителям, к числу

¹² Таежные зори. 1922. №1. С.45. Впоследствии с некоторыми изменениями стихотворение вошло в сборник «Склеп» (Л.,1925).

¹³ Первая студия МХАТ была открыта в 1913 и просуществовала под таким названием до 1924, когда была переименована в МХАТ-2.

¹⁴ Студия артиста Николая Николаевича Ходотова (1878-1932) открылась в декабре 1923. Срок обучения в ней был два года.

¹⁵ Евгений Борисович Вильбушевич (1874-1933) получил известность как автор музыкальных мелодекламаций.

¹⁶ См.: Ходотов Н. Близкое-далекое. М., 1962. С.160-162.

которых вскоре присоединился и талантливый композитор А. Канкарович¹⁷, Черемшанова окончательно определила свою профессиональную судьбу. Она стала выступать на эстраде с мелодекламациями и исполнением характерных танцев. В репертуар артистки входило исполнение баллад Шумана, произведений народного творчества, «музыкальных чтений» А. Канкаровича, классической и современной поэзии. В исполнительской деятельности Черемшанова уделяла большое внимание координации стихотворных размеров и музыкального ритма. Сочетая приобретенную технику с природной интуицией, она стремилась к полному слиянию поэзии и музыки. Эти качества отличают и лучшие из ее оригинальных стихов, вошедших в сборник «Склеп», изданный в количестве тысячи экземпляров в 1925 году в Ленинграде.

Сборник состоял из пяти разделов. В первый, открывавшийся стихотворением «Черная вьюга», вошли обработки русской обрядовой поэзии. Поэтесса сохраняет традиционные зачины, повторы, постоянные эпитеты, характерные для этого жанра. Так, например, стихотворение «Пагубь моя» начинается строками:

Не ветер злой прошел по лесу,
Загибал сучки осинные —
Черны бровушки мои заломились,
По привычному, по печальному...
Не ветер заломил черны бровушки —
Заломила их пагубь моя¹⁸.

Однако, используя архаичные формы, Черемшанова передает эмоциональный накал мятущейся души современной женщины, страстно жаждущей очищения от грехов через наказание — духовное и физическое:

Вода в банюшке — слезы горькие,
Густы веники — заботушки,
Заботушки о безгрешеньи.
.....
А и веники-заботы думы выхлестнут.
...Тут останется стихарке чернобровушке
Вера крепкая в тебя, в невидного¹⁹.
(«Черная баня»)

Во второй раздел «Склепа» вошли стилизации киргизского фольклора, отличающиеся вкраплением в текст киргизских слов,

¹⁷ Анатолий Исакович Канкарович (1886-1956) — композитор, дирижер.

¹⁸ Черемшанова О. Склеп. Л., 1925. С.20.

¹⁹ Там же. С.18.

перевод которых дается в подстрочных примечаниях. Если стихи двух первых разделов основаны на народной поэзии, то в два последующих включены имитации японских танка и хайку и испанских романсов. Некоторые стихи отражают увлечение автора восточной философией, например:

Черный нож в ладонь!
Кровь! Боль! Что смотришь? Страшно?
«Я» не ранено²⁰.

Однако большинство варьируют любовную тему.

В заключительный раздел сборника вошли стихи, написанные под влиянием эгофутуризма и имажинизма: так, по-северянински звучит стихотворение «Вакханалия», в котором воспеваются «кубки из алмадинов», а образы типа «тоска дрессированной лошады прыгает в обруч души» из стихотворения «Мой цирк» кажутся одолженными у А. Мариенгофа.

Сборнику было предпослано предисловие М. Кузмина, в котором подчеркивалась незаурядность личности автора, «богато одаренной природы, импульсивной и темпераментной»²¹. Опытный, тонкий ценитель, М. Кузмин отмечал, что в полной мере своеобразие стихов Черемшановой раскрывается в авторском исполнении. «Чтобы получить полное понятие о них, нужно искусство декламаторское, тембр голоса, ритм, гибкость и полновесность. Они требуют плоти и крови, конкретного живого человека, неся в себе всю потенцию полнокровного исполнения. Особенно заметно это в ритмах, гибких, меняющихся, эмоциональных, но ритмах скорее декламационных, чем метрических /.../ Это делает ее творчество отдельно стоящим, своеобразным и органически цельным, независимо от того, берет ли она для проводников своих эмоций форму кольцовских песен, причитанья, танки, испанский романс или некоторые приемы имажинистов. Это не есть переходы из одного поэтического направления в другое, пробы литературного стиля, а проведение одной своеобразной линии песенно-сценической поэзии...»²².

Знакомство Черемшановой с Кузминым быстро переросло в дружбу. О теплом отношении мэтра к молодой поэтессе свидетельствует его дарственная надпись на книге «Куранты любви», датированная маем 1925: «Ольге Александровне Черемшановой. Талантливому и милому человеку и поэту от искренне любящего

²⁰ Черемшанова О. Склеп. С.33.

²¹ Там же. С.4.

²² Там же. С.8.

и нежно преданного ей М.Кузмина»²³. В 1927 Кузмин посвятил и подарил на день рождения Черемшановой стихотворение «Был бы я художник, написал бы...»²⁴, представляющее выдержанный в экспрессивных тонах поэтический портрет.

Черемшанова часто бывала в гостях у Кузмина на Спасской улице. Встречались они и в квартире Ольги Иоанновны Михальцевой, впоследствии жены писателя Л.Соболева, на Шпалерной, где с начала двадцатых годов под голубым абажуром собирались музыканты, артисты и литераторы, составившие общество «Голубой круг». Духовным лидером кружка был А.Канкарович, мечтавший о создании синтетического музыкального театра нового типа. Попыткой претворить эту идею в жизнь стал спектакль «Чепуха», единственное представление которого прошло 31 марта 1929 в зале Академической Капеллы. В спектакле были заняты ряд членов «Голубого круга», в том числе и О.Черемшанова²⁵. Посещала молодая поэтесса и дом близких друзей Кузмина — Анны Дмитриевны и Сергея Эрнестовича Радловых²⁶. С новыми друзьями Ольгу Александровну связывало не только общее увлечение поэзией и музыкой, но и религиозно-философские искания, в частности интерес к мистическому сектантству²⁷. Возможно, не без влияния Кузмина и в особенности А.Радловой в поэзии Черемшановой, начиная с 1926, мощно зазвучала хлыстовская тема.

В русской поэзии начала века эзотерические обряды «Людей Божиих» привлекали таких мастеров поэтического слова, как К.Бальмонт, Н.Клюев, М.Кузмин, создававших стилизации радельных песен²⁸. Важное место эта тема занимала и в творчест-

²³ См.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана, М., 1989. С.121. Ср. также дарственные надписи на книгах Кузмина «Двум», «Александрийские песни» и «Форель разбивает лед». Там же. С.122. Черемшановой посвящен также цикл «Пальцы дней» в книге Кузмина «Форель разбивает лед» (1929).

²⁴ Впервые опубликовано в журнале «Литературная Грузия» (1971. №7) без посвящения; с посвящением вошло в кн.: Кузмин М.А. Собрание стихов. Т. III. München, 1977. С.508.

²⁵ См. Исламей [Малков Н.П.]. Чепуха // Рабочий театр. 1929. №15. С.8. Подробнее о «Голубом круге» см.: Сурганов В. Леонид Соболев: Очерк жизни и творчества. М., 1986. С.72-73. См. также письма А.Канкаровича к М.Кузмину (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.82). Благодарим за это указание П.В.Дмитриева.

²⁶ Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармолатова, 1891-1949) — поэтесса; Сергей Эрнестович Радлов (1892-1958) — театральный режиссер.

²⁷ Подробнее см.: Никольская Т. Тема мистического сектантства в русской поэзии 20-х годов XX века // Ученые записки Тартусского гос. университета. Вып.883: Пути развития русской литературы. Литературоведение: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1990. С.157-158.

²⁸ Подробнее см.: Иваск Ю. Поэты русского модернизма и мистическое сектантство // Russian modernism. Ithaca, 1978.

ве А.Радловой, посвятившей истории хлыстовской богородицы Акулины Ивановны пьесе «Богородицын корабль», написанную в начале 1922 года²⁹. Используя хлыстовский фольклор, Радлова подчеркивает эзотерические элементы радений, которые в ее трактовке перекликаются с элевзинскими мистериями эллинов и одновременно с революционными катаклизмами. Вихрь радений поэта ассоциативно связывает с революционной бурей и в ряде стихов из сборников «Корабли» (1920) и «Крылатый гость» (1922)³⁰.

В отличие от Радловой, Черемшанова, обращаясь к духовным стихам сектантов, отказывается от проецирования их на другие исторические эпохи. Многие хлыстовские стихи Черемшановой выдержаны в том же ключе, что и обработки русских народных причитаний. Разница состоит в насыщении текста специфической лексикой, такими выражениями, как «незримый конь» — образ плоти, с которой борется дух; «белые ризы» — символ сектантской непорочности и одновременно обозначение специальной радельной одежды; «пиво божье» — духовное пиво, дающее состояние экстаза, в который под влиянием кружения и пляски входят сектанты на радениях; «лепость» — чувственные привязанности, и др.³¹

В циклах «Крылатый круг» и «Богородицыны ворота» Черемшанова передает экстатическую взволнованность хлыстовских радений. Многие ее стихи написаны в форме диалога между рядовыми участниками радений и хлыстовской богородицей, перемежающегося описанием обряда. Такая форма мотивирует смену ритма, придающую стиху Черемшановой неповторимое своеобразие. В более позднем цикле «Зарождение листа» поэтесса пытается постигнуть философскую сущность эзотерических обрядов. Эпиграфом к стихотворению «Зарождение листа» она берет строки известной «Изумрудной таблицы», являвшейся краеугольным камнем герметической философии³².

В отличие от А.Радловой, опубликовавшей «Богородицын корабль», Черемшанова не только не делала попыток напеча-

²⁹ Пьеса вышла в 1923 в берлинском издательстве «Петрополис».

³⁰ Подробнее см.: Никольская Т. Указ. соч. С.158-160.

³¹ Толкование приводится по «Объяснительному словарю» из сб.: «Песни русских сектантов мистиков» (СПб., 1912).

³² Авторство этого текста приписывали, возможно, не существовавшему в действительности Гермесу Трисмегисту. Учение о двух безднах — верхней и нижней, содержащееся в «Изумрудной таблице», приобрело широкую популярность в символистских кругах. Отголоски его были слышны и в поэзии 1920-х, например, у К.Вагинова.

тать свои духовные стихи, что, впрочем, во второй половине 20-х годов, когда начались гонения на религиозный мистицизм, вряд ли было возможно, но и скрывала их от знакомых. Одним из немногих читателей, по достоинству оценивших новый этап в ее творчестве, был М.Кузмин. Об этом свидетельствует его дарственная надпись на книге «Александрийские песни», датированная 17 января 1930: «Милой Ольге Александровне Черемшановой после того, как она прочитала мне свои прекрасные тайные стихи о Богородице и прочие тайные вещи, искренне любящий М.Кузмин»³³.

После распада литературных кружков и салонов Черемшанова целиком отдалась профессиональной работе. Судьба не баловала ее. На смену работе в Ленинградской филармонии и Обществе камерной музыки³⁴ пришли концерты на периферии, в том числе и в Сибири, затем служба в Ленинградском областном доме народного творчества, жизнь в блокадном Ленинграде. С 1943 до 1947 Черемшанова жила в г. Кольчугино Владимирской области; вернувшись в Ленинград, снова работала в Областной филармонии и Доме народного творчества³⁵. Все годы Черемшанова продолжала писать стихи, не рассчитывая на публикации, для души.

Я познакомилась с Ольгой Александровной во второй половине шестидесятых годов, неоднократно вместе с литературоведом Л.Чертковым бывала у нее дома в коммунальной квартире на Крюковом канале. Иногда Ольга Александровна вспоминала свою молодость, рассказывала о М.Кузмине и А.Радловой, но чаще любила говорить о своей работе в Доме народного творчества. Эмоциональная, артистичная, неоднократно намекала на какую-то тайну, которую обещала нам раскрыть, но так и не раскрыла — не успела или не захотела. Зато успела переписать и подарить тетрадку стихов, включив в нее то, что считала самым значительным в своем творчестве более чем за тридцатилетний период. В 60-е годы еще нельзя было представить, что ее стихи могут заинтересовать редакторов журналов, но молодое поколение литературоведов они интересовали, и Ольге Александровне это было приятно. Я знаю, что специалист по Кузмину, литературовед и переводчик Г.Шмаков (1940-1988) тоже получил стихи из ее рук, хотел их опубликовать в Америке, куда переехал

³³ См.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С.122.

³⁴ Общество камерной музыки существовало в Ленинграде до 1937. При нем работало концертное бюро.

³⁵ Анкета.

в 70-е годы, но из-за своей преждевременной смерти не успел. Хочется думать, что поэзия Ольги Александровны Черемшановой, шедшей в литературе своей тропой, найдет своего читателя. Жаль только, что этого не случилось при ее жизни.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Прилагаемые стихи публикуются по тетради с автографом, которая хранится в моем личном архиве. Выборка произведена самим автором.

Из цикла «КРЫЛАТЫЙ КРУГ»

БОЖЬЯ ТРОПА

Мне всех радостней роднее да милей
Воркование небесных голубей.
Я бреду по божьей по тропе,
Держу посох я во правой во руке.
Сладко пенье золоченых громких труб —
Слово новое из чистых, ясных губ,
Белых риз холодный, снежный блеск,
Ног, несущихся в припляске, ярый плеск...
Распелась у Богородицы коса —
Черны тученьки покрыли небеса,
А за тучами-то звезды, что хомут,
Словно кони нас незримые везут...
Мне телегою — молитвушки в ночи,
А оглобли — две радельные свечи.
Думы по небу далекому бредут...
Думы, думушки небесные клюют.
Распелась у богородицы коса,
Отворялися седьмые небеса,
Несказанные являлись чудеса...

1.26. Ленинград

ПРОРОКОВЫ КОНИ

Ох, скажи, пророк Илья,
Кто сильнее, грех иль я?
Твои кони на иконе
В серебряной во попоне,
Твои кони на лугах
В золоченых удилах...
Твои кони темногривы,
Как вино они игривы...
И страшней, чем львиный рев,
Топот смелый их подков...
Твои кони то лихи
Топчут смертные грехи...
.....
Где ты правда, где ты ложь,
Где коней своих пасешь,
В чистом поле, в облаках,
На земных крутых холмах...
Мне в какой же край идти,
Чтоб коней твоих найти?
Коль коней твоих найду —
Счастье-радость обрету,
Гривы черны расчесу,
Грех смертельный сокрушу.

I.26. Ленинград

НЕБЕСНЫЕ ВЕХИ

Радельные свечи — вехи
На потерянном божьем пути,
Но не в радости, не в светлом смехе
Пойдет тот, кто призван идти.
Твою плоть
Будет холод колоть.
Никто не ответит на стук,
Никто не протянет рук.
Пусть взгляд твой застыл
В мерцанье призывных крыл —
Побьет тебя черный камень,
Спалит тебя хищный пламень,
За последней свечой

Твой покой.
За светлый порог,
Пророк!
Вехи, вехи,
В божьем смехе.
«...Через мои, богородицины
Кровавые реки
Не преступят грешные человеки».
...Радельные свечи — вехи.
Радельные песни — вехи.
Для святой, для божьей, для потехи,
Во архангельском, во светлом смехе,
Сокрушим грехи.

I.26. Ленинград

НАЗИДАНИЕ-ЗАПЕВ

Ох, ты, братец, порадей,
Своей плоти не жалей!
Отчего же свечи зажжены?..
Оттого мы в рай идти должны.
Ох, красив ты, божий сад,
Сладок спелый виноград.
В саду божем цветы —
Я да ты.
Не запачкай белых риз —
Не гляди на землю вниз,
На земле на радостной
Нет утехи сладостной...
Ноги босы, грудь гола,
Тебе, господи, хвала!
...Слышу серафимий смех,
Сгубим, сгубим лютый грех!
Ох, ты, братец, порадей,
Своей плоти не жалей!

IV.26. Ленинград

КРЫЛАТЫЙ КРУГ

В святом кружении душевном
Словно парус риза раздувается

В умилении моем душевном
Сердце Господу открывается...
Заплясала дева, заплясала,
Словно книгушки священны записала.
Во прыжках своих, в круженьях дивных...
Записала пером из крыльев серафимьих...
...Нежный трепет белых риз...

«Дева, дева, не кружись,
На нас, дева, оглянись!
За нас, грешных, помолись!»
— Кто меня, деву, любил?
Кто из груди моей кровь пил?
Кто меня духом высоким ласкал?
Кто меня, деву, целовал? — ...

«Ох, тебе хвала, хвала!
Ты Христа нам зачала!»
Ох, мне трепетно, смятенно на груди...
Тоской небо хоть широкое пруди!
...Чую режет меня острый нож,
...Мой сыночек на тебя будет похож...
...Где правда?.. Где ложь?.. —
«Не думай о смятенных страшных строках!
Не думай об искалечивших тебя руках...
От тебя, дева, любви своей не скрою —
Радуйся, благодатная, Господь с тобою!»

VIII.26. Ленинград

Из цикла
«БОГОРОДИЦЫНЫ ВОРОТА»

БОЖИЙ НАКАЗ

Ох, не пташечки солетайтесь на лугу,
А Вы, детушки, собирайтесь на кругу.
Белый да горящий спас
Шлет Вам, детушки, свой один наказ.
Исполняйте его, детушки, свой один наказ,
Исполняйте его, детушки, сто тысяч раз:
Оседлайте-ко Вы, детушки, белых коней,
Во славу божию и всех Ваших дней.
Косы соблазные Вы все стригите,
Чистоту душевную Вы берегите,
Лепость всякую от себя далеко гоните,

Во славу, во божию, пляшите,
Богородицу почаше хвалите,
Богородицу крепчохонько любите.
Уж как наша богородица черноброва, горяча,
У ее, богородицы, серебряная рука.
Кого тронет — обожжет,
Вкруг престола обведет...
Тот и радость обретет
Небесную,
Всю жизнь позабудет он грешную.

IX.28. Ленинград

БОЖИЙ ХОРОВОД

Вереск жесток.
Мягок мох.
Милых деток
Кличет бог.
Новой песней
Веселит.
Величать
Себя велит.
У небесных
У ворот
Пляшет божий
Хоровод.
На гору-то,
На Фавор
Поднимите
Грешный взор.
Ворон черен.
Голубь сиз.
Нету чище
Белых риз.
Слово божье —
Нам — завет.
Нам одним —
Один ответ:
Из души
Неправду вынь.
Слава господу.
Аминь.

IX.28.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Не волчиха потеряла родимую берлогушку —
Потеряла песню крепкую душа моя...
Я остригла с горечи черны волоса...
Пропади ты пропадом вся моя краса!
...Что осинушка пугливая промеж белоствольных
березынек,
Что ворон черная промеж сизых горлинок,
Так и я в святом кругу
Злой врагинею стою...
...Чую я, детушки, Ваши укорения
За все мои соблазны и прегрешения.
Только будет мне, легковверные, отмщение...
Узрите Вы, отступники, мое преобразование...
Я очищу свою кровь,
Взвижу духову любовь.
Снова будете, детушки, меня восхвалять,
Будете Вы, детушки, мою кровь целовать.
Как взойду я, снова, на престольный порог,
Обнимет мою душу разъяренный бог,
Отмщенью моему придет тут срок.
И за все свои грехи и соблазны
Всем Вам ответчу по-разному!
.....
Размахнитесь черные нагаечки,
Будьте тайными мне помогальщиками!
Усмирите греховную мою, соблазную плоть,
Помогите через вас мой грех перебороть,
Чтоб летать черной ворону в тучи вышние,
Чтоб волчихе, затерявшей песню крепкую,
Берлогушку затерянную найти...
Вздыбится на мне, волчихе, черная шерсть,
Победится новой песней душевная моя смерть.
Завивайтесь круче, черны волоса,
Принимайте, детушки, новы чудеса!!!

2.VII. 29. Москва
(Рогожское кладбище)

КОСТЫЛИ БОГОРОДИЦЫ

Улетел из круга нашего божий смех —
Оступилась наша богородица о черный грех.

Приключилась у нас на кругу лютая беда,
Подломилась богородицына быстрая нога.
...На постели жесткой богородица лежит,
Плачет, стонет богородица, еще так говорит:
«Вы не вейте, ветры быстрые,
Тополиные не рвите вы листы...
Зависть гложет душу черную,
Душит сердце непокорное...
Черным пламенем сердце стелится
По тропиночкам неисхоженным,
И палит на их зелену траву...
И цветочки на их все иссушивает».
— Не тужи, не плачь, чернобровая,
Запоешь ты скоро песню новую.
Не будешь ты долго от греха лежать,
Пришла пора и нам тебя поублажать,
Чтоб скорей крылом взмахнулась —
Нам на радость улыбнулась,
Будем нашей богородице костылечки мы ковать,
А на их сердцами жаркими все молитвы выжигать.
Будем пред тобой покрова мы стелить,
По им ты будешь, не скользя, ходить.
Пройдешь ты к престолу на серебряных костылях,
Примешь от детушек почитания и страх.
Не бояся, не качаючись,
На молитвушку опираючись,
Взойдешь ты светлая на свой престол,
Избавишь нас, пречистая, от всяких зол.

26.XII.29. Ленинград.

ЧЕРНЫЙ ПОЛОВИК

Не цветочком душа распускается,
И не деревцем светлолиственным к небу тянется —
Белым полом душа моя расстилается
Во престольной горнице друга милого.
Расстилается душа моя послушная
Под пречистые его под ноженьки.
Половицы ее — песни новые,
Служить ему одному готовые.
...Только больно мне, только горестно.
Встопчет душу мою послушную

Всяк, всходящий за престольный, за порог...
Ток по ней-то, по душе,
Многим, многим проходить —
Ее чистую топтать,
Ее чистую топтать,
Половицы — песни новые засорять...

.....
Ох, любезные мои сестрички,
Уж меня вы слабую ублажите,
Уж возьмите Вы на себя заботу —
Великую возьмите Вы заботу —
Меня вы, бедную, спасите,
Половик для души моей Вы сотките.
Из молитвушек, из белой из пряжи
Пошире Вы тките его, да поглаже.
Только белым Вы его не оставьте,
В черный цвет Вы его окрасьте,
Самый ласковый да верный черный цвет
Все, злодей — следы укрывает он...
Черно красно — крепкое молчание,
А пряденье Ваше — божий труд.
Вы, сестрицы, потрудитесь,
До утра вы утомитесь,
На Фавор подъем ведь крут.
Я Вам песенку спою —
Пиво божье поднесу...
По тому половику-то как ступать,
Ни единой капли пива не сплескать.
По прикрытым половицам не скользить.
Полну чашу, дорогие, Вам испить.
Буду Вас, сестрицы, ублажать,
Кровь свою я дам Вам целовать.
За этот, за черный половик,
Подарю я Вам узреть божий лик.

28.XII.29. Ленинград

БОГОРОДИЦЫН КОНЬ

Кто притчам не верит — притуши огонь,
Тебе не покажется богородицын конь.
Он-то — конь тот — чудотворный,
На объездах он проворный,

Копытом его всяки горести расколоты,
Копыта у него — горячее золото,
А подковы — чистый камень езумруд.
Как о грех те подковы ударяются —
Езумруд-камень чистосердых рассекается.
Чистят светлого коня щетками шелковыми —
Теми псалмами да стихирами новыми,
А скребница для его боков —
Прославленье богородицы во веки веков.

Созывает нонче по утру богородица своих детей
Держит он им речь, грозových туч мрачней!
«Всем вам на послушанье и страх —
Конь мой нынче ночью зачах...
В корм его подсыпано, видать, нечистой лепости,
Верно грех, где обходит мои дальние крепости.
Нынче коня не седлать на обезд,
Как же мне объехать столько дольных мест?»
Детки милые всполошились,
В ножки богородице повалилися:

«Уж ты наша пречистая богородица!
Соберутся на круг молеельщики-лекаря,
Отмолют они недуг с твоего коня,
О коне, родимая, не тужи,
Торопись объезжать небесные рубежи!
Нас ты, деток, усмирай,
Нас ты, деток, оседлай!
Будем вместо мы коня,
Будем слушать мы тебя».

Богородица деток тут оседлала,
Все свои крепости она объезжала,
Всех неверных она грозно покарала,
Верным по заслугам воздавала.
Благодать на милых деток изливала,
А седла богородицына никто не видал,
А больной ее конь удила кусал.

5.1.30. Ленинград

БОГОРОДИЦЫНЫ ЧУДЕСА

Кто слышит и верит — тот слышь и верь:
Раскрылась тут тайная сионская дверь.
Взошла богородица на престольный порог —
Отлетел от тел наших предвечный порок.

Открывала богородица уста —
И от этого всякий грешить устал.
Богородица наша нарядная,
До величаний, до тропарей она жадная.
В кандалы небесные очи ее закованы,
Херувимом одним уста ее целованы.
У ее сапожек острые каблучки —
Затаптывает она ими всякие грехи.
На правой руке у ей четок ряд —
С господнего пути не свернет назад.
А еще на руке у ей заветное кольцо.
Зрит она вечно укорное лицо.
Мукой этой она очищается —
Нам во благодати открывается.
От серег богородицыных блеск нестерпим,
Дарил эти серьги ей сам херувим...

Утишают тучи взлет —

Богородица поет:

«Боже, боже, помоги,
Рек моих не истожи!
Дай излить мне благодать —
Милых деток напитать.
Ты, супруг души моей,
Мне невидный благолей!
Уж супруг мой любимый, небесный!
Что-то песням в груди моей нонче тесно.
Натяни ты свой благодатный лук,
Ты пробей новым словом наш тесный круг,
Избавь ты нас бедных от всяких мук!
Выбей соблазны из вражьих рук!»

Утишают тучи взлет

Богородица поет...

Мы же в притчах не гадаем,
Чудеса мы принимаем.
Пьем из духового ключа,
Бела нам горит свеча.
А супруг-то невидимый
Тешит песней херувимьей,
Стрелу метку в нас он метит...
Кто из нас ему ответит?
Ранит песня все сердца,
К песням новым нет конца.
Херувимины ласки богородицы обуяла,

Новой пляской богородица заплясала.
Распахнулись ризы, взвились рукава.
Под ее припляской престол возликовал...
И не страшен нам стал соблазнов ров.
Слава нашей богородице, слава, во веки веков.
11.1.30. Ленинград

ЧЕРНАЯ МОЛОТЬБА

Ох, на кладбище на черном
Колки сосенки шумят,
Колки сосенки шумят,
В пути праведны манят.
Только мне-то, чернобровушке,
Ко сосенкам не идти,
Как стою-то на неверном я,
На злом, на крутом пути.
Только есть лекарство на мою болезнь,
Размечи о том ты, ветер, благою весть.
А Вы, родимые, разойдитесь, умоляю Вас.
Слушайте богородицы Вашей строгий приказ!
А ты, сестрица белокура,
Хороша ты и не хмура,
Ты тут горю пособи —
Коврик под ноги стели, —
На ковре на том разлягусь,
Обрету я снова благодать,
А ты, мила, порадей —
Меня розгами ты бей...
От этой, от черной, от молотьбы,
Не уйдут грехи от своей судьбы.
Отделяется от тела, как зерно от колоса,
Восстану я в призыве духового голоса,
Снова крылья на душе моей темной взрастут,
Моей песней сердца умиленные запоют,
Сам меня дух на престол пресветлый возведет,
Сам и ризы мои черные распахнет,
И узрите на теле моем знаки утишения
Вам, маловерным, на радость и поучение...
Раны те, да ссадины — божьи письмена...
Учитесь искать в грехе божьи имена.

КОНЕЦ ТРОПЫ

Верно, сердцем я стала совсем слепа:
В пустырь упирается богородицына тропа.
Иссякают источники мои кровавые.
Карают и топчут меня неправые.
Поделили меж собой клочья моих риз,
Вы, все, что мною на тропе спаслись.
Не для меня сегодня свет свечей и лампад.
Заглянула душа моя в черный ад...
Испила я чашу до самого дна...
Оставалась на тропе я совсем одна...
Заблудилась песня на святом кругу —
Ни единого слова из нее не найду...
Наполняет мне уши зловещий шум,
Больно вискам от тяжелых дум.
Потеряла опору — божье плечо,
А гореть в аду горячо... горячо...
Жажда черная сушит, палит уста...
Душа моя — отступница пустым пуста...
Заслонился от меня благодатный лик,
Обжигает нутро огневой мой крик.
Стала, зоркая сердцем, совсем слепа —
В пустырь упирается богородицына тропа...
18.IV.30. Ленинград

БОГОРОДИЦА НА ЛЬДИНЕ

Ох, белы снега озера забытого,
Ох, прозрачны льдины на том озере.
Вот на льдине на широкой, голубой,
Богородица стоит одной ногой.
Крепко на одной ноге она стоит,
В прорубь черную-то немигаючи глядит.
А в руке у ей удилочка шелковая,
На крючке не наживка, а песня новая:
«Золот, золот карасек,
Серебриста щука,
Клюнь на душу мне, дружок,
Я не убоюсь...
Как в избе все тесно мне,
Давят бревна тяжкие,

Наяву или во сне
Сердце рубят шашками.
Стремена укоротили,
Подрезали подпруги.
Меня бедную забыли
Детушки да други.
В льдинах, в холоде, да в снегу
Душу черную я сберегу,
В мир веселый я не сбегу,
Устаю на своем я берегу.
.....
Что-то узок стал мой шаг,
Руки больно слабы,
Где таится лютый враг?
Знала бы — ушла бы.
Ох, белы снега на мерзлом озере,
А белей будут волосы чрез много зим.
Ох, прозрачны льдины на том озере,
А прозрачней будет сердце богородицы.

18.III.31.

РАСПЕВ НА ДУХОВ ДЕНЬ

Давайте-ко, братцы, помолимся,
На четыре на стороны поклонимся,
Заслышит Дух призывные клики,
Объявит он нам свои тайные лики,
Откроет он нам свои светлые книги.
Кому книги те читать,
Письмена те разбирать?
Много грамотных сердец —
Им не писан злой конец...
Я садочек свой, д' радостно взра-щи-ва-ю,
Народился во садочке сла-док кры-жов-ни-чек.
Как кры-жов-ни-чек без лени сби-ра-ла я,
Во кор-зинушки простор-ные укладывала.
Уло-жи-ла я кор-зи-ноч-ки те до-верху,
Уносила те кор-зи-ноч-ки в гор-ни-цу.
Угощала я крыжовничком все из-бран-ных
На бе-се-ду, на бо-жию, все приз-ван-ных.
А они-то возроптали,
Весь крыжовник раскидали,
Весь крыжовник растоптали.

На нем спелом заплясали.
Из-под пляшущих, под ног
Заструился спелый сок...
На призывный крик
Я открыла лик,
Я прочла сто глав
Из всех тайных книг...
Расплясалась, разметалась
Кудрями пестро.
Разыгралось, разблажилось
Кровное нутро.
Горним всем гостям на радость,
Деткам милым в светлу сладость!

5.V.31. Ленинград

ПОСЛАНИЕ СЕСТРИЦЕ МАСТРИДУШКЕ С РАССУЖДЕНИЕМ О СКВОРЕШНЕ

Сестрица моя, Мастридушка!
Встань, не ленися, спозаранку.
Снег вокруг избы нашей стоял,
Трава первая пробивается...
Помнит трава землю черную,
Распирает она ее тесную,
Соком тяжелым трава выталкивается
Нам, грешным, на радость и поучение...
Пробежит денек, пролетит другой
Скворцы залетят к околице.
На работу на ласковую бужу тебя —
Не ленися, Мастридушка, порадей-ка!
Скворешню ту, милая, сколоти,
В скворешню уложи мха помягче,
Пуха побольше припасенного,
На высокий шест ты скворешню набей,
Укрепи ее над забором ты...
В хорошо уготовленную скворешню
Скворец нарядный прилетит
На радость, на нашу, на полную...
Скворешню уготовить и то трудно,
Как же душу мы приготовим
Ко приятию гостя залетного...
Молитва-то, что мох в лесу не растет,
А пух разве что с под крыл херувимьих,

А шест — откровение не всегда собирать высок...
А без гостя-то нам темным-темно...
Не горюй, сестрица моя, Мастридушка,
Авось мы с тобой и управимся,
Скворешню чистую уготовим,
Гостя залетного приманим,
Скворешня, что с любовью уготовлена,
Не останется вовек пуста.

1.VIII.31. Ленинград

Из цикла
«ЗАРОЖДЕНИЕ ЛИСТА»

ЗАРОЖДЕНИЕ ЛИСТА

Небо — вверх, небо — вниз,
Звезды — вверх, звезды — вниз,
Все, что вверх — все и вниз,
Если поймешь — благо тебе.

Tabula smaragdina

Чегой-то ты душа моя — сиротинка встрепеталась,
Али ветра ты весеннего томящего испугалась?
Оттого я, душа одинокая, встрепеталась,
Что чую я, душа, небывалое таинство,
Чую корней моих в глуби прорастание.
Правда телесная те корни-то питает,
Корни мою тугую, родимую землю расширяют,
Песня новая грудь раздирает, иссушает уста,
Тело в дрожи и томленьи,
Чует час преображенья, —
Зарождение листа.
От века до века — единый ответ,
Божьей поступи четкий да глубокий след.
Во всех веках и народах по-разному
О правде, о единой, порассказано.
Часто уши не слышат извечного зова,
Глаза не читают извечного слова,
Но в премудрый час, как сойдет благодать, —
И услышать сердцу и душе читать...
И в тот час торжественный, я хвалу воздам,
Поклонюсь я земле, поклонюсь небесам,

И открою свои глубины до самого дна,
Чтоб принять в себя тяжесть горного зерна.

9.IV.37. Ленинград

ПОПУТНАЯ СЕБЕ

Рассмотри в себе ты строго
Грань небесного порога,
О него не оступись,
Об обман не зашибись,
Слепота одолевает,
Лень к земле тебя сгибает,
Забываешь, как читать,
В книге вечной благодать.
Дальше путь или короче
В божьи дни и божьи ночи —
Знай те ночи и те дни —
Путеводные огни.
Божьей ризы светлый край
В песнях чистых поминай.
Чуй в листе, ты, вглубь корней,
Божий зов в строке лелей.

14.IV.37. Ленинград

Из цикла «ГОРБАТАЯ БЕРЕЗКА»

ОБМАННЫЙ ЗОВ

Не мани голубей на нечистый корм,
Береги тот корм черну ворону:
Он на падаль на смердящу налетит,
Он погано угощенье исключает,
Он погано угощенье исключает —
Твой покой навек, сердечный, унесет.

На большом ветру стояла,
Волей буйною дышала,
Кликала к себе дружка —
Сизокрыла голубка;
Мне его душа сулила,
Сердце все о нем молило,

Темноту свою забыло...

.....
Да, верно под сердцем я падонь припасла...
За отборные, за зерна приняла...

.....
Не воркун, не сизопер подлетел ко мне...
Чернокрылым он взвил, весь, как в адовом огне...

Как на душу налетел,
Всю-то душу исклевал,
На крылах своих поганых лихо взвил...
Сердце бедное сгубил он... истерзал.

.....
Как ни плачь, как ни рыдай,
Как себя ты ни терзай —
Ворон вместо голубка.
Враг, на месте-то дружка...

.....
Ты сама, неразумная, зов свой спугнула...
Сама ты, темная, себя обманула...

.....
Не мани голубей на нечистый корм —
Береги тот корм черну ворону.

11.XII.36. Ленинград

ЗАКЛИНАЛЬНАЯ ЛЮБОВНАЯ

Одолжи мне, голубь сизая,
На часок один свои крылушки —
Уж я ими как взмахну —
Думы черные отгону.
Одолжи мне, голубь сизая,
На часок один свои перушки —
Уж я перушки отряхну —
Страх с души своей смахну...
Одолжи мне, голубь сизая,
На часок один клюв твой остренький —
Сердце милое непокорного расклюю —
В ранку свежую любовь свою я волью,
Со кровью его она, моя кровь, смешается,
Пусть навеки он от меня не отчурается!
Одолжи мне, голубь сизая,
Еще лапки твои с коготочками —

Я за душу милого уцеплюсь,
Вырву из нее заботную его грусть.
Одолжи мне, голубь сизая,
На часок твое воркование —
Я взворкую слова заветные
Да услышу на них ответное.
И до смертного до конца
Пусть срастаются наши сердца.
Души наши в одной думе встрепенутся —
Огню фаворскому они улыбнутся.

12.IX.40.

МУДРАЯ УПРЯЖЬ

Как кнутом поломанным
Коня урсливого не подхлестнуть —
Так и сердце крепкое
На любовь на новую не смануть.
В одни оглобли-то, оно
Не мирно входило,
Непокорство всякое в нем
Бурлило да бродило...
А теперь послушно много лет
Под одной дугой оно стоит,
И одно-то в нем желание
Заветное горит.
Жизнь-то — трясная телега
Им покорным ведется,
Да только ни единая постромка
В упряжи не порвется.
Шорник мудрый, знать,
Упряжь ту сердцу справлял,
По урсливому коню
И узду угадал.
Вожжи отдал в руки
Крепкие, надежные,
Не страшат возницу ухабы,
Да ямы дорожные.
Вот и смекни ты смыслы,
Да рассмотри самую суть —
И будет спокоен
Ухабистый путь.

13.IX.40. Ленинград

КУРОПАТОЧКА

Куропаточка, куропаточка,
Летом серая, зимой белая...
Расскажи, расскажи, куропаточка,
Отчего же ты летом серая?
Расскажи, расскажи, куропаточка,
Отчего же зимою ты белая?
— Оттого-то я летом серая,
Чтоб охотник меня не приметил,
От травы, да от мхов не отметил.
Оттого-то зимой я белая,
Чтоб охотник меня не уследил,
От снега белого меня, куропаточку, не отличил. —
Ох ты, серая куропаточка!
Ты — подружка душе моей, осторожная,
Как и ты, куропаточка, она крылатая,
Как и ты, меняет обличие.
Приживалась к душе друга нового,
Говорила его я говором,
Улыбалась его улыбкою...
Пела песни с ним одним голосом,
Сердце в лад его сердцу подстукивало...
Да счастливей ты меня, куропаточка,
Вольно ты, куропаточка, летаешь,
Злой тоски-кручины, куропаточка,
Ты не знаешь.
А меня злой охотник-судьба подстрелила,
Подстрелила меня, да не до смерти...
И живу я все, и дышу... хожу...
А выходит одно, что в тоске брожу...
В безысходном, во липком болотце,
И нет больше сил мне со злом бороться.
23.VII.42. Ленинград

ДЕРЕВЦЕ

Что ж ты, деревце стран далеких, подвяло —
По тебе ведь я, по деревцу, судьбу свою загадала.
Коли выживешь ты в стужу злую, да во тьму,
То и я, голодная да холодная, не умру.
А теперь прошла весна, скоро и лето уйдет,

С горьким трепетом зиму сердце бедное ждет...
А тут деревце вдруг взяло, да и увяло,
А не я ли тебя холила, да поливала?
Как об этом думать, как это понять?
Как судьбу-луковицу, бедной, разгадать?
Хоть болезни, слабости, горести, печаль,
Все же жить охота мне, жизни так мне жаль.
Столько бы я сделала славных, добрых дел.
Кажется мне светлым, скромным мой удел.
Хочется, как в юности, все идти вперед,
Верится, что страшное навсегда пройдет.

19.VIII.42. Ленинград

ЗАРОСШАЯ ТРОПА

Заросла тропа моя крапивою,
Злой крапивою да репейником —
Знать была ты, душа, нерадивою,
Суетилась у чужих муравейников...
Шла, да часто, знать, спотыкалася,
О камушки, о грешные зашибалася...
И боялась, робела вперед вступить,
Чтоб дойти до ручья да соблазн отмыть.
Плохо землю на тропе своей утаптывала,
За правду, за светлую ратовала...
Муравьиной суматохой суматошилась,
Позабыла строгое свое ты прошлое,
Изнежилась работная твоя верная ладонь,
Страшит тебя вещей, родимый огонь...
Что же ты с собою понаделала,
Храбрая ведь ты была, да смелая?
.....
Знать была ты, душа, нерадивою,
Суетилась у чужих муравейников...
Заросла тропа моя крапивою,
Злой крапивою, да репейником.

13.X.43. Кольчугино.

УПРЯМАЯ ДУМА

Зачем, метель, ты кружишь,
Глаза мои слепишь...
О чем, метель, ты тужишь,

Мне душу леденишь?
Пора и приутихнуть,
Не все ж тебе летать,
И перестать у двери
Сугробы нагрывать.
Ох, дума, моя дума,
Ты, как метель, кружишь,
Пространство покоряя,
Все к одному летишь...
Стучишь к нему в окошко
И просишься: пусти!
Дай отдохнуть немножко
От трудного пути...
Немало горькой муки
В упрямой думе той...
И лишь теперь, в разлуке,
Я знаю — я с тобой.
В метельный бурный вечер
Тоске не покорюсь,
Ни счастья и ни муки
Я больше не страшусь.
Довольно. Будь что будет.
А сердце — с думой в лад!
Пусть все меня осудят,
Мне не идти назад.

4.1.54. Тихвин

Из цикла
«КЛЮЧИ РАЗРУШЕННОГО ДОМА»

ТОСКА И БОЛЬ

Тоска и... боль...
В ладони тротуаров
Уткнул апрель дождливое лицо...
О, боль потушенных пожаров.
...Зрачки твои — волшебное кольцо.
...А вереск цвел безудержным порывом!
...И вот увял, чтоб никогда не всцвеств...
...А в этот день, печальный и дождливый,
Так слышать хочется о счастье весть!
Месть! Месть!

Змеит слова обычные...
Я больше никогда не буду петь
Привычных песен...
...Только не уходи!
Все, что хочешь — изволь!
...Тоска и... боль...
...Чужое, безобразное лицо...
Твоих зрачков распаяно кольцо.

3.IV.27. Москва

КОГДА ГОЛОС НЕ ПРИШЕЛ В ГОСТИ

Восемнадцатое апреля. Тридцатый год.
По реке проплывает последний лед...
В гости твой голос ко мне не пришел,
Ветер весенний жесток был и зол...
Нет, не прошу у тебя я пощад...
Только, душа, не смотри назад...
Сколько загадок ты мне ни гадай,
Заливает мука сердечный край...
Пусть расцветают цветы весной.
Будет со мною любимый мой.
Только б не видел он черных ран...
Горький сплету для того обман.
Ясной улыбкой его подарю,
Милого больше себя люблю...
Смертью и жизнью с ним связана я,
Так пусть и кончится песня моя.
Страшное слово последнее «Да»,
Страшен мне приговор: «навсегда».
Нескладная песня... шатается душа...
Еле подбирается к строке — строка.
...Бессвязно проплывает последний лед...
Восемнадцатое апреля. Тридцатый год.

18.IV.30. Ленинград

ПЕРЕВОД ВТОРОГО МОНОЛОГА ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ТРАГЕДИИ

Все тот же сон мне ночи посещает —
Играет солнце в звонком хрустале...
И ветер злой шумит в ветвях знакомых парка,

Нашептывая гибельные вести.
Как хищник-коршун кружится беда,
Неуловимы вздохи мощных крылий,
И сердце знает... ноет и болит,
И ждет, все ждет... зловеще... неустанно...
Во тьме все бродит призрак грозовой,
И чувствует душа его шаги.
Где мне исход — конец моим терзаньям,
Конец жестокой яростной любви!

.....
Навек, как в душный склеп погружена
Моя душа — немая от желаний.
И ложе узкое мне кажется широким,
Меха не греют тела моего.
Он — полнота, тепло, вся жизнь моя!!
Что есть прекраснее любимого на свете!
Он — флейта, для которой я — футляр,
Так ловко мастером подогнанный искусным,
Что если, кроме флейты, положить
В него хоть лепесток тончайшей чайной розы,
То не захлопнется вовеки тот футляр.
Вот почему, когда он не со мной,
Такая пустота и боль меня терзает.

.....
Все тот же сон мне ночи посещает —
Играет солнце в звонком хрустале.

17.П.31.

ЗЛОДЕЯНИЕ

В руках у бледной канониссы
Дрожит пугливая свеча,
В ограде, где цветут нарциссы, —
Три окровавленных ключа.
Три двери тайного замкнулись
И трижды ты дала ответ.
И чьи-то веки содрогнулись...
И ты же прошептала: «нет».
В руках у бледной канониссы
Дрожат и стонут три ключа,
Молчат пугливые нарциссы...
Потухла белая свеча...

Не смоят звуками органа
На лепестках измятых кровь...
И пусть не смертоносна рана...
И пусть зовут ее — любовь...
Есть преступленье — слаще меда...
Ступенька страсти горяча...
А то, что ты звала «свобода», —
Замкнули глухо три ключа...
И кто-то раздирает тело...
О, где исход из этих мук...
Кровь непокорная запела
В тисках желанных, милых рук...
И смяты робкие нарциссы...
И тухнет белая свеча...
В руках у бледной канониссы
Три окровавленных ключа.

16.II.34.

НА КЛАДБИЩЕ

Целовала снег я талый
На могилах,
На родных моих могилах,
Сердцу милых.
Приносила на могилы
Я цветочков золотых,
Чтобы вспомнили весной
Об оставшихся в живых,
Чтоб заступниками были
Они счастьем моему,
Чтоб у бога замолили
Мою грешную зиму.
Снег последний как растает,
В глубь земли тугой пройдет —
Поцелуй тот мой весенний
До родимых донесет.

22.III.37. Москва

РЫБЫ-ПЕСНИ

В глубях озера — души,
В полумраке и тиши —
Много песен-рыб живет

И тепла покорно ждет.
Если сеть твоя светла,
Если правдой сплетена,
Будет счастлив твой улов,
Мой желанный рыболов.
...Чуть заметные, большие,
Расписные и простые,
Рыбы-песни ждут сетей,
Ждут давно руки твоей.
Рыболов ты мой чудесный!
Радость в сердце — дар небесный...
Растопи ты лед до дна,
Чтобы глубь была видна,
И тогда закинь ты сеть,
Помоги мне песни петь!

III.37. Ленинград

ИЗВЕЧНЫЙ ГЛАС

То в грозном сне, то в тихом пробужденьи,
Сквозь мысль неясную — виденье наяву,
Я вижу лик, исполненный горенья...
Глаголет он: «Живи, живи!» — и я живу...
.....
Конь моих вещей снов бессмысленно стреножен,
Намордники эпох сквернят господен лик,
А лес заветных слов угрюм и бездорожен,
И одинок во тьме мой исступленный крик.
.....
Но в бездорожье, в тьме немолчен глас господен,
Все заново звучит извечное «живи!»
Сотрутся грани стран, и государств, и родин
В победном торжестве доверья и любви.

3.V.38. Ленинград

ВО ВРАЖЬЕМ КОЛЬЦЕ

Рушатся, гибнут
Мирные дома,
Сжигаются с хлебом
И пищей закрома...
Вокруг города суживается
Вражье кольцо,

В снах тревожных видишь
Поганое его лицо...
Хлеба нет, нет пищи...
Пусты лари...
Часто хочется крикнуть
Себе: «Умри»,
Чтоб не видеть дрожи
Слабеющих душ,
Чтоб не видеть трупов,
Кровавых луж...
Лучше умри,
Тебе не стерпеть...
Только сильным в огне
И страданье — петь.
Нет! Ни за что,
Бороться, жить!
Пусть горькую чашу,
До дна, испить...
Прижмемся теснее
К плечу — плечом —
На зло врагу, на зло!!
Не умрем!

2.XII.41. Ленинград

НЕ ПЛАКАТЬ

Только не плакать,
Только не роптать...
Правоту и в сердце,
И в душе держать,
Радостно и бодро
Дни за днями жить,
Зря о бедах наших
Горько не тужить.
Ну темно? Ну что же —
Будет снова день,
Голодно? Ну что же...
Будет посытней.
Дух поддержит тело
И поборет зло.
Верь! И будет сытно,
Ясно и тепло.

16.XII.41. Ленинград

ГИТАРНАЯ ПЫТКА

Из дальних краев прилетела открытка...
На карте такой даже точки нет.
И опять в душе моей старая пытка
И шагов отзвучавших тревожный след...
Одиноко... и больно трепещет память,
Как листья на осине весенней порой...
Ведь сердце больней, мне казалось, не ранить,
Чем когда я стала ему чужой.
Вспоминаются годы мои огневые
(Хоть запой под гитару «жестокий романс»),
«Свиданья», «Страданья», «Лобзанья былые»,
Все то, что связало и грело нас...
Тревожно, как ласточек щебет в марте,
И никуда не сбежать, никуда не уйти...
И только пытаюсь на старенькой карте
К любимому снова найти пути...
Ну что же — найду? Но себя не обманешь,
И к сердцу его не найдешь ключа.
Все равно промолчишь у заветной грани —
Догорай, одинокой надежды свеча.
Старый романс... гитарная пытка...
И шагов отзвучавших тревожный след...
Прилетела из дальних краев открытка,
На карте такой даже точки нет.

22.X.43. Кольчугино

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ

...в 22 ч. 30 м. стихотворения в прозе
Тургенева. Читает Лауреат Всесоюзного
конкурса мастеров художественного слова...

«Как хороши, как свежи были розы»
И... холод в голосе неласковом твоём,
Далекие слова, желанья и угрозы,
Полуразрушенный, когда-то милый дом.
Сегодня радио неумолимо четко
Передает знакомое давно,
Пусть сердце сонное и ласково и кротко,

Пусть допито, до капельки, вино,
Пусть сердце помнит боль мучительно-родную,
Увы! неувядающих шипов.
Пусть больше никогда тебя не поцелую,
И не услышу звук далеких, милых слов.
Но в памяти так нестерпимо четко
Все наше прошлое встревожено опять —
Твои слова, улыбка и походка,
И странно, что тебя мне больше не обнять.
О, старости суровые угрозы...
...Полуразрушенный, когда-то милый дом, —
«Как хороши, как свежи были розы».
Пусть холод в голосе неласковым твоим...

11.XI.43. Кольчугино

НАКАНУНЕ БУДНЕЙ

Запах клевера ласков и сладок,
Но его уж недолго вдыхать...
Загадай мне побольше загадок,
Чтоб подольше не разгадать.
Скоро, знаю, наступят будни,
Все войдет в свой обычный строй —
Гудок заводской к полудню
Не напомнит о встрече с тобой.
И будут мостки у цеха
Не тропинкой в волшебный сад,
А просто мостками. И смехом
Удивленный твой встречу взгляд.
Будет больно? Чуть-чуть... немного...
Погрустишь о праздничных днях.
И останется отблеск нестрогий
В милых черных твоих глазах...
Загадай же побольше загадок,
Чтоб подольше не разгадать!
Запах клевера ласков и сладок,
Но его уж недолго вдыхать.

26.VI.44. Кольчугино

КОГДА ВЫ НЕ ПРИШЛИ

Для тайн души бессильно жалко слово.

Байрон

Как книгу, можно боль перелистать,
И многое в ней старо и знакомо...
Себя пытаться в прошлом разгадать —
Искать ключи к разрушенному дому.
Ты можешь плакать и себя жалеть,
И вспоминать былые дни и встречи,
А ново лишь одно — мучительно хотеть
Его увидеть в этот темный вечер.
Он не пришел... и снова ты одна,
Как много раз одна... как будто бы не ново...
Перелистай же боль, ведь память не бедна,
Ты можешь подыскать утерянное слово.
Не все ль равно — возлюбленный иль друг
Тот, кем живешь сейчас по-детски неумело,
Не размыкай сомкнутых счастьем рук
И улыбнись доверчиво и смело.
Пусть память перелистывает боль...
Тебе сейчас все радостно и ново.
Куда б ни привело сплетенье ваших воль —
Зачем искать утерянное слово?

19.IX.44. Кольчугино

НЕ ПРИДУМАН ТАКОЙ БУКВАРЬ

Несомненность — суровая нить...
Первый месяц в году — январь.
А чтоб грамоте душу учить,
Не придуман такой букварь.
И указки-то нет такой,
Чтоб направить ее и взрастить.
Часто слышишь, как лепет пустой,
Тех, кто правду сумел найти;
Кто освоил больших путей
Планомерность и ширь, и даль,
Тех, кто знает значимость страстей
И любви несломимую сталь.
Ты дорос до чтенья поэм,

А другому-то с букв начинать.
К сути сутей он глух и нем,
Не способен тебя понять.
Для него несомненность — нить,
Первый месяц в году — январь.
А чтоб грамоте душу учить,
Не придуман такой букварь.

10.I.47. Елец

У ЧУЖИХ КОСТРОВ

Я просыпаюсь спозаранку,
Озябшая от злых ветров...
Нет, не согреется цыганка
У горьких, у чужих костров.
Они лишь пеплом запылят
От слез усталые глаза,
Такой же тяжелой будет ноша,
Такой же горькою слеза.

.....

Пусть обманули все гаданья,
И нет путей, и нет дорог,
И впереди одни страданья —
Не грейся у чужих костров!

6.IV.48. Ленинград

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Мы — все путники в непогодицу,
И не чует, кто сердцем нем:
Тихо бродит средь нас богородица,
Неопознанная никем.
То к порогам глухим приникнет
С материнской жаркой тоской,
То из тьмы, под окном, окликнет...
У дверей постучится с мольбой.
А сердца-то к небесному глухи,
Но зато у сердец — ответ —
На земные и четкие звуки,
На земной, слишком яркий свет...

.....

Помолитесь за нас, усопшие,
Кому правда небес видна!
Помолитесь за нас, утопшие,
Вы, познавшие тину дна...
Помолитесь за нас, убиенные,
Вы, приявшие крови покров.
Помолитесь за нас, плененные,
Волочащие груз оков!
Помолитесь за нас, убогие,
Вы, что знали боли болей,
Помолитесь за нас, нестрогие,
Не судившие глубь скорбей.
Помолитесь, чтоб нам услышать,
Помолитесь, чтоб нам понять,
Чтоб подняться над тленом выше
И пречистому зову внять.
Мы все — путники в непогодицу,
И не знает, кто сердцем нем:
Тихо бродит средь нас богородица,
Неопознанная никем.

31.XII.55. Ленинград

ПСАЛМА О НЕБЕСНОМ СУПРУГЕ

Ночь... за ставнем мерещится вьюга...
Кто-то тихо читает псалтырь...
Ризы белые светлого круга?
Хлопья снега?.. Родная Сибирь?..
.....
Да, прошли долгожданные сроки,
Много раз ночь сменила день,
И небесные вещи строки
Приоткрыли еще ступень.
Совершилось таинство крови,
Кровь прияла родную кровь,
И в широкой господней нови
Борозда проложена вновь.
И забытая псалма святая
Золотит и сжигает уста,
Сердце тихо ее выпекает,
Песня сердца чиста и проста —
«Ты — супруг души моей,

Светоч горних ты огней!
Луч ты духовой лампы
Чрез земные все преграды.
На сердце твое молюсь,
В нем тобой преобразусь,
Светоч горних ты огней —
Ты — супруг души моей!»

.....
Ризы белые светлого круга?
Или кто-то читает псалтырь?
Ночь... за ставнем мерещится вьюга...
Хлопя снега... родная Сибирь...

3.I.56. Ленинград

У ЛЕТНЕГО САДА

Вопят свою тоску и страх
Горгоны на решетке сада...
В их злых, чугунных волосах
Улыбке радостной преграда.
Никто, никто не подойдет,
Запуганный змеиным роем...
И пусть душа вопит, зовет,
В ответ — молчанье роковое.
От одиночества вопят
В чугунном ужасе горгоны;
Никто, никто не бросит взгляд
И не услышит эти стоны.

17.II.56.

ПОДРУГА НЕПОГОД

Я всегда любила ветер,
Я всегда любила вьюгу,
Дождь и слякоть, и порошу,
Беспокойный плеск реки...
Но с тех пор, как ты со мною,
Стал еще дороже ветер,
Вьюга, дождь и непогода
Летом, осенью, зимой...
Потому что, потому что,

Когда светит в небе солнце,
Когда теплый, тихий вечер,
Когда звезды чуть мерцают
И спокойна гладь реки,
Ты с другими, ты с другими,
Ты с другими делишь встречи,
Бродишь по сплетеньям улиц,
В парках видишь огоньки.
И твои друзья, подруги
Рады разделить с тобою
Те часы отдохновенья —
Любоваться огоньками,
Греться в солнечных лучах,
Но в часы, когда метели,
Когда вьюга-заваруха,
Когда ветер с ног сшибает,
Когда дождь холодный льет,
Я одна на перекрестке
И дождусь, и отгрею,
И сквозь дождь и непогоду
Незаметно проведу.
И я счастлива с тобою,
Пусть мне холодно и трудно,
Ты со мной, и в эти миги
Я одна с тобой, одна.
Потому что, потому что
В непогоду, в злую бурю
На холодный перекресток
Кто ж пойдет тебя встречать?
Потому-то, потому-то
Сердце радостно смеется,
Когда вьюга-заваруха,
Когда ветер, слякоть, дождь.
И на темном перекрестке
Мне светлее и отрадней,
Чем в саду, залитом солнцем,
В безмятежный светлый день.

ПОЧТИ ДИФИРАМБ

Exilé sur le sol, au milieu des huées
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher.
*Ch. Baudelaire. «L'albatros»**

Мне все снятся и снятся торосы,
Что сомкнулись, течение сжав...
И огромные альбатросы
На распластанных мощных крылах.
Вот летят они дерзновенно
Злому ветру и мгле в упор,
И я чувствую пульс вселенной —
Неизведанный грозный простор.
В перепутанных очертаниях
Распахнувшихся смелых крыл
Мне провидится мощь дерзания.
Зов извечных творческих сил.
И хочу тебя я услышать
Сквозь смятенье бурь и ветров,
Чтобы голос несся все выше,
Несся в песнях созревших слов.
Я хочу, чтоб ты видел вселенную
В перевозданной ее широте,
Чтоб ты взял от нее все ценное,
Что, по праву, твое — и тебе.
Я хочу для тебя сокровищ,
Самых ценных и редких книг.
Чтобы все — от души до крови —
И познал бы ты, и постиг.
Я хочу, чтоб одно высокое
И желал бы ты, и любил.
И не мерил бы узкими сроками
Дни и ночи, а вечностью жил.
Я хочу, чтоб заботы и беды
Не мрачили высокий лоб,
Чтоб в паденьях провидел победы,
И чтоб жил ты сполна, захлеб!
И богатство, и слава, и женщины,
И хмельной благодатный сок —

* «Но ходить по земле среди свиста и брани / Исполняские крылья мешают тебе». Ш.Бодлер. «Альбатрос». Пер. с фр. В.Левика.

Все — тебе. Все веками завещано
Лишь тому — кто душой высок.
Не хочу, чтоб ты тратил силы
На ненужный и мелкий вздор,
Я хочу, чтоб за мелким видел
Беспредельный полет и простор...

.....
Что поймешь ты за этими строками,
Если душу от бурь ты укрыл?
Я хочу, чтоб одно высокое
И желал бы ты и любил,
Чтоб во сне тебе снились торосы,
Что сомкнулись, течение сжав...
И огромные альбатросы
На распластанных мощных крылах!

13.II.58; 7.II.59. Ленинград

О СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ БЕРДЯЕВЕ

Реалии наших дней дали возможность заполнить многие белые пятна в истории страны, ее культуры. Становятся известны новые страницы из биографий писателей, артистов, художников, ученых, композиторов, политических деятелей. Один из них — С.А.Бердяев (1860-1914) — брат Н.А.Бердяева. В его лице отечественная культура «забыла» о человеке широчайших знаний, поэте и прозаике, литературном критике и переводчике-полиглоте, искусствоведе и театральном обозревателе, редакторе и издателе, публицисте и журналисте, популяризаторе научных знаний, убежденном демократе. За десятки лет мы найдем о нем лишь упоминания в нескольких печатных трудах¹. Нет о нем и персональной статьи в биографическом словаре «Русские писатели. 1800-1917» (Т.1. М., 1989). Между тем изучение творческого и жизненного пути С.А.Бердяева представляет интерес для истории и русской и украинской культуры. В данной работе мы не ставим задачу исследования эстетических взглядов С.А.Бердяева. Мы хотим лишь познакомить читателя с основными фактами жизни и творчества человека, оставившего след в отечественной культуре и имеющего право на место в ее истории.

Задача будущих исследователей жизни и творчества С.Бердяева — уяснить, исходя из направлений его творческих исканий, значение его работ в области поэзии, прозы, публицистики, театроведения, выявить его достижения и недостатки. Все это возможно при включении в сферу исследования не только изданных произведений, но и остающихся в архивах, в рукописных отделах библиотек, музеях, научных учреждениях.

Документальную основу данного исследования составили материалы из фондов рукописного отдела Института литературы имени Т.Г.Шевченко АН Украины, где находятся автографы многих произведений С.Бердяева, его переписка с деятелями украинской культуры, с издателями, материалы ЦГИА Украины, РГАЛИ, ГА РФ и др., произведения самого Бердяева, его поэ-

¹ Демченко Е.П. Сатирическая пресса Украины 1905-1907. К., 1980; Украинская советская энциклопедия. Т.1. К., 1978. С.432; Українська літературна енциклопедія. Т.1. К., 1988. С.152.

зия, проза, публицистика, рассеянные по многим русским, украинским и зарубежным изданиям.

В своей книге «Самопознание» Н.А.Бердяев приводит краткие сведения о своей родословной. Мы расширили сведения о родах Бердяевых и Кудашевых, в которых смешались русская, татарская, польская, грузинская, французская кровь.

Старинный русский дворянский род Бердяевых происходит от Якова Васильевича Бердяева, прибывшего в Смоленск из Польши во второй половине XV в. Внуки его — Александр и Родион Григорьевичи — родоначальники дворян Бердяевых, имевших несколько ветвей.

Бердяевы на протяжении столетий служили российскому престолу. В 1598 году Иван и Федор Бердяевы получили поместья от царя Бориса Годунова, пять Бердяевых упоминаются при осаде Смоленска в 1634 году; известно, что в 1699 году 18 членов рода Бердяевых служили в стольниках (Гавриил Осипович Бердяев — стольник Петра I), были стряпчими, детьми боярскими и в иных чинах.

«Со стороны отца, — пишет Н.А.Бердяев, — я происходил из военной семьи. Все мои предки были генералы и георгиевские кавалеры, все начинали службу в кавалергардском полку»². Действительно, прадед Сергея и Николая генерал Н.М.Бердяев (ум. 1823) начал службу при Елизавете Петровне. При Екатерине II стал генерал-поручиком, а при Павле I даже генерал-аншефом, екатеринославским губернатором. По указу царя получил во владение с нисходящим потомством половину села Обухова в Киевской губернии.

Наиболее яркой и интересной фигурой был сын генерала Н.М.Бердяева, дед Сергея и Николая Бердяевых — Михаил Николаевич Бердяев (ум.1859) — участник Отечественной войны 1812 года.

Его сын — отец Сергея и Николая — Александр Михайлович Бердяев (1837-1916) не стремился к карьере, в чине штаб-ротмистра вышел в отставку, поселился в имении — селе Обухове, где проводил много времени, любил сельскую жизнь. «Отец, — пишет Н.Бердяев, — был человеком либеральных взглядов, порывал с традициями и часто вступал в конфликт с окружающей средой».

Мать братьев Бердяевых происходит из рода князей Кудашевых, ведущих начало от татарина Чепая-Мурзы Кудашева, упоминаемого в 1649 году. После крещения Кудашевы занимали разные должности при царском дворе.

² Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С.15.

Прадедом братьев Бердяевых был Даниил Иванович Кудашев (1737- ок.1840), полковник; его жена, прабабушка Бердяевых — княжна Екатерина Семеновна Баратова — из рода грузинских князей. Их сын — Сергей Данилович Кудашев (1795-1862) — статский советник, камергер, был женат на графине-француженке Матильде Октавиевне Шуазель-Гуфье (1806-1867). Это были дед и бабка Сергея и Николая Бердяевых с материнской стороны. Их дочь — княжна Александра Сергеевна Кудашева (1838-1912), вышедшая замуж за штаб-ротмистра А.М.Бердяева, — мать Сергея и Николая Бердяевых³.

Родился Сергей Бердяев в Киеве, детство его прошло в селе Обухове. Этот период оставил яркий след в его жизни, ему посвящены многие стихотворения, один из псевдонимов С.Бердяева — «С.Обуховец». Он полюбил сельскую жизнь, сельских тружеников, тема боли за судьбу украинского крестьянства прошла через все его творчество.

Образование Сергей получил в привилегированном учебном заведении Киева — Коллегии Павла Галагана, которую не окончил и покинул в 1877, затем в Морском корпусе в Петербурге, в 1880 за рубежом — в Вюрцбурге и Брюсселе он изучал медицинские науки. По специальности он врач, в чине коллежского регистратора вышел в отставку и посвятил оставшуюся жизнь литературно-публицистической и журналистской деятельности⁴.

Огромное влияние оказал Сергей на брата Николая. «Я вышел из дворянской среды и порвал с ней, — пишет Н.А.Бердяев. — Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный — основной факт моей биографии». То же самое, но ранее, совершил и Сергей. Поэтому понятными становятся слова Н.Бердяева: «Надлом в нашу семью внесли отношения между моими родителями и семьей моего брата /.../. Семья брата имела огромное значение в моей жизни и моей душевной формации»⁵.

³ См.: Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Т.III-а. 1891. С.492; Новый энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Т.VI. Стлб.44; Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Т.1. СПб., 1890. С.748; Лобанов-Ростовский А. Русская родословная книга. Т.1. СПб., 1895. С.290-292.

⁴ См.: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т.III. СПб., 1892. С.41; Ежегодник Коллегии Павла Галагана с 1.10.1903 по 1.10.1904. К., 1904. Кн.9. Ч.II. Разд.2. С.43; Украинская жизнь. 1914. №11-12. С.93; Киевская мысль. 1914. 7 ноября; Русское слово. 1914. 7 ноября.

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. Указ. изд. С.20.

Из жандармского донесения в Департамент полиции 15 марта 1898, вскоре после ареста Николая Бердяева в Киеве, видно, что Сергей обвинялся в том, что «снабжал заграничными изданиями брата своего Николая Бердяева»⁶. В 1900 перед отправкой Николая в Вологодскую ссылку Сергей посвятил ему и напечатал теплое, душевное стихотворение на украинском языке «Братові» («Брату». — *М.Р.*)⁷. О близких, добрых взаимоотношениях между братьями свидетельствует и то, что Н.Бердяев с женой Л.Ю.Трушевой взяли на воспитание одного из сыновей Сергея — Глеба⁸. Однако между братьями существовали серьезные разногласия. «В семье брата, — пишет Николай, — я рано столкнулся с явлениями оккультизма, к которым был в решительной оппозиции»⁹. Об оккультизме идет речь в произведении С.Бердяева «Разлуки нет. Оккультическая повесть», не обошла эту тему и его жена Е.Г.Бердяева («Иллюзии спиритизма. Киевской "Злобе дня"») ¹⁰. К философии, в отличие от брата, Сергей не питал пристрастия, его стихия — литература и искусство. Он критиковал брата за приверженность философскому идеализму, за «неохристианство» и симпатии к модернистской литературе¹¹. В одном из писем (1912) Сергей упоминает «отупевшего среди своего православного клерикализма брата Колю»¹². Сергей, в отличие от Николая, был далек от всякой церковности.

Н.А.Бердяев писал о брате Сергее: «У него были способности, которых не было у меня, была изумительная память, дар к математике, к языкам /.../ Брат был человек очень одаренный...»¹³.

С середины 70-х годов Сергей начинает печатать оригинальные стихотворения и статьи в газетах, столичных и провинциальных иллюстрированных изданиях под различными псевдонимами¹⁴.

⁶ ЦГИА Украины. Ф.274. Оп.1. Д.475. Ч.1. С.52.

⁷ Буковина. 1900. 11 (24) червня.

⁸ Об этом сообщает в своих неопубликованных воспоминаниях Н.Н.Полуянская (Михайлова), хорошо знавшая семью Бердяевых. Воспоминания хранятся в личном архиве автора данной публикации.

⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. Указ. изд. С.28.

¹⁰ Киевское слово. 1894. 22 января.

¹¹ См.: Бердяев С. «Пришедший Нарцисс» (По поводу «Грядущего Хама», соч. Д.С.Мережковского) // Киевская жизнь. 1906. 20 марта.

¹² ГА РФ. Ф.539. Оп.1. Ед.хр.2049. Л.1.

¹³ Бердяев Н.А. Самопознание. Указ. изд. С.28.

¹⁴ К псевдонимам, указанным у И.Масанова (Словарь псевдонимов. Т.IV. М., 1960. С.63) и О.Дея (Словник українських псевдонімів. К., 1969. С.68, 441), добавим еще «Корней Михайленко».

Работоспособность Бердяева поражает, его произведения (лирика, сатира, юмор) в 80-90-х годах (до 1888 — свыше 500!¹⁵) появляются в газетах, во множестве журналов («Всемирная иллюстрация», «Будильник», «Свет и тени», «Стрекоза», «Осколки», «Иллюстрированный мир», «Живописное обозрение», «Колосья», «Фаланга» (Тифлис), «Век», «Восход», «Эпоха», «Наблюдатель», «Русский вестник», «Русская мысль», «Русский архив», «Русское обозрение», «Вестник Европы» и др.), в литературных сборниках: Сибирские мотивы. Изд. И.М.Сибирякова. СПб., 1886; Мысли и чувству. Сборник стихотворений современных русских поэтов: 1880-1886. Вып.1. М., 1886; С.Я.Надсон: Сборник статей, посвященных памяти поэта. СПб., 1887; Аврора: Сборник стихотворений и юмористических куплетов. СПб., 1888; Красный цветок: Литературный сборник в память В.М.Гаршина. СПб., 1889; Дело: Сборник Литературно-научный / Под ред. А.А. и А.Н.Веселовских. СПб., 1899.

Активное участие принимал С.Бердяев в благотворительных изданиях: в помощь пострадавшим от наводнения в Галиции (Помощь братьям. Литературный сборник. К., 1884), пострадавшим от голода 1891/92 гг. (Киевский сборник. К., 1892; Отклик. Литературный сборник. Одесса, 1892; Южный сборник. Одесса, 1892; Одесский альманах. Одесса, 1894, и др.). В некоторых из этих изданий участвовала и жена С.Бердяева — Е.Г.Бердяева.

Нелегкий путь прошла с мужем Елена Григорьевна Бердяева (урожд. Гродзкая; 1866-?). Рано вышла замуж. В 1885 родился сын Александр, в 1887 — Григорий, в 1897 — Глеб (названный в честь писателя Г.Успенского). Несколько стихотворений Сергея Бердяева посвящены жене («Панська неміч», «Зимние ночи» и др.), в них ярко отразилась его любовь к ней.

Елена Бердяева — переводчица, издатель, автор повестей, рассказов, этюдов, очерков — рано начала печататься. В 1885, 19 лет, она публикует свой, возможно, первый, рассказ «Свадьба. Отрывок из посмертных записок молодой девушки» (Киевлянин. 1885. 14 ноября), а в следующем году «Замерзшие дети (Святочный рассказ)» (Там же. 1886. 25 декабря). Несколько ее рассказов опубликованы в газете «Новое время», ее издатель А.С.Суворин один из этих рассказов показывал А.П.Чехову¹⁶. Е.Г.Бердяева также автор рассказов и этюдов «Бенефис» (Киевский сбор-

¹⁵ РГАЛИ. Ф.46. Оп.1. Ед.хр.580. Л.214об.

¹⁶ РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.430. Л.1; о Е.Г.Бердяевой также см.: Венгеров С.А. Указ. соч. С.41. В стихотворении «Панська неміч» («Панская немощь») С.А.Бердяев сообщает некоторые биографические сведения о своей жене. См.: ОР Института литературы им. Шевченко АН Украины (далее ОРИЛ). Ф.100. Д.97.

ник / Под ред. И.В.Луцицкого. К., 1892), «Жена» (Киевская газета. 1900. 10, 11, 14, 16, 20, 21, 22 марта), «Ее новый год» (Там же. 1904. 2 января) и др. Наиболее значительное ее произведение — повесть «Каникулы» (Вестник Европы. 1899. №6-9).

Е.Бердяева свободно владела украинским языком, так же как и ее муж. «Малорусский язык мне родной», — писала она А.Л.Волынскому (1892?)¹⁷. В сборнике «Рідна стріха» (Львів, 1894) помещено ее произведение «На святий вечір (Різдвяне оповідання)», она перевела на русский язык эскиз И.Франко «Мій злочин» («Мое злодейство»)¹⁸.

Литературно-публицистическое наследие Сергея Бердяева весьма обширно и совершенно не изучено, мы выявили только часть — около 500 произведений разных жанров. Прозаических произведений (оригинальных и переводных) нам известно более десяти (повести, рассказы, этюды): «Рыбарь душ людских. Философский этюд о "последнем берегу"» (Жизнь и искусство. 1896. 2 и 4 сентября), «Хамские дети. Цюрихская пасхальная быль» (Киевская заря. 1906. 2 апреля), «За что? Пасхальная миниатюра» (Там же), «Старая сказка» (Жизнь и искусство. 1896. 12 и 13 апреля), «Рождественское видение. ("Фантазия" Лили Браун)» (Киевские отклики. 1906. 1 / 14 января). Писал С.Бердяев и на украинском языке: рассказ «Коли вона дізналася. Оповідання» (в соавторстве с Марией Ф.) (Рада. 1907. 27 мая).

Бердяев переводил прозу на русский язык: В деревне. Бытовые картинки: Из А.Жизмади / С венгерского // Приложение к «Киевской жизни» 10 марта 1905 №5); Призыв покойницы (Новый этюд графа С.Ржевусского) / Перевод с французского // Киевское слово. 1897. 21 июня; Дом, в котором не совершилось убийство. Новый английский рассказ // Жизнь и искусство. 1896. 30 сентября; Мое здоровье, Бернанда / Перевод с английского // Киевская газета. 1903. 15 (28) сентября; В казематах. Бессонные ночи / С польского. На мотив З.Воцинского // Друг народа. Киев, 1907. 9 июня. Наиболее крупное произведение С.Бердяева — «Разлуки нет. Оккультическая повесть» (Жизнь и искусство. 1897. 22 апреля — 5 августа).

Главное в творчестве С.Бердяева — это поэзия и публицистика. Бердяевым написано большое количество стихов, причем всю жизнь он выступал как двуязычный поэт (русский и украинский). Далеко не все стихи вошли в многочисленные сборники или появились на страницах газет, журналов, альманахов. Тематика его

¹⁷ См.: РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.336. Л.60б.

¹⁸ Жизнь и искусство. 1898. 5 апреля.

произведений выдержана в традициях демократической лирики 2-й половины XIX в. Основное содержание стихов — сочувствие трудовому народу, боль за его судьбу, любовь к Украине, отклики на общественно-политические события конца XIX — начала XX вв., на национально-освободительную борьбу народов. Поэт размышлял о роли литературы и искусства в жизни народа, воспевал искусство, труд, любовь, природу, родной край.

Первые поэтические опыты Бердяева на русском языке, возможно, относятся к концу 70-х — началу 80-х годов. В 1879 напечатано стихотворение «Лидии Фигнер» (Собрание стихотворений: Изд[ание] Общества «Земля и воля». СПб., 1879), в 1881 году появилось несколько стихотворений Бердяева в киевских газетах «Заря» и «Труд».

В начале творческого пути С. Бердяев писал даже верноподданнические стихи («Первого марта 1881 года», «1 марта 1887», «Божия милость») ¹⁹, печатался и в консервативных изданиях. Реакция литературной общественности была отрицательной. В письме к редактору «Русского архива» П. И. Бартеневу от 19 марта 1888 года Бердяев пишет, что в выдаче ссуды ему «отказали исключительно, по-видимому, за сотрудничество в консервативных органах /.../» ²⁰.

Однако и в этот период у него появлялись произведения демократической направленности. В 90-х годах произошел (как нам представляется) его переход на последовательно демократические позиции, свое кредо он высказал в 90-х годах в письме к Дионею (И. В. Шкловскому): «... от юных дней до последнего времени ни разу не изменял моей горячей любви к трудящемуся народу, вообще, без различия национальностей, вероисповеданий и общественных рангов. Насколько бывал в силах, я всегда и везде поддерживал в нужде и горе пролетариев из простонародья и интеллигенции» ²¹.

Это нашло довольно декларативное выражение в стихотворении «Голь»: «Воспел я униженных горькую долю / На лире суровой моей... / По целому миру я голь замечаю / Ей страстно желаю добра...» ²². Такие мысли и настроения постоянны в творчестве Бердяева. Когда родители тяжело заболели, Сергею пришлось уехать в город, где он стал работать наборщиком в типографии. Позднее, в стихотворении «Песня наборщика» он вспо-

¹⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 4; Ед. хр. 24. Л. 4; Русская старина. 1893. Т. 80. № 10-12. С. 219.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 580. Л. 214-215.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1390. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1.

²² См.: Век. 1882. № 3. Отд. 3. С. 180-182.

минал: «Счастья не видел я с этого дня / Воздух отравлен, темно...» Какой же выход? В стихотворении «Панська неміч» молодой поэт видит его так: «Де біди панують, чи ж марні слова пособляють? Потрібні там діло, свята боротьба проти гніту...»²³.

Украинская тематика (поэзия, проза, театральные обзоры и др. на украинском и русском языках) занимает в творческом наследии Бердяева чрезвычайно важное место.

Много ли мы найдем русских писателей из дворян, которые писали и на русском, и на украинском языках, переводили с русского на украинский и наоборот? Дворянин, воспитанный в русской привилегированной среде, он на протяжении всей жизни, во всех сферах своей разнообразной деятельности всегда последовательно отстаивал интересы Украины, проникался бедами ее народа. О первых стихах на украинском языке есть свидетельство самого Бердяева в письме к украинскому писателю О.С.Маковею (1896): «...не найдете ли в "Громадськім друзі" д.Павлика за 1876 или 1877 гг. моих поэзий "Степанова гора" (перевод из Навроцкого) и "Дітям Слави" (подписанные псевдонимом "Корней Михайленко"). Тогда я был 15-летним парнем, и их отправил туда мой покойный двоюродный брат, известный в Галиции и на Украине Сергей Подолинский. Когда найдете, предложите переписать и выслать мне»²⁴.

Итак, к поэтическим попыткам Бердяева сочувственно отнесся С.А.Подолинский (сын поэта А.И.Подолинского) — известный революционер-народник, социалист-утопист, популяризатор экономического учения Маркса на Украине. Бердяев посвятил ему стихотворения «Друзі і вороги» и «Борець». Очевидно, что формированием демократических взглядов Сергей в значительной степени обязан своему двоюродному брату.

Поскольку украинская периодическая пресса в Российской империи была запрещена, Бердяев печатался за рубежом — в Галиции и Буковине, в львовских и черновицких изданиях: «Буковина», «Зоря», «Діло», «Руслан», «Літературно-науковий вісник», «Дзвінок», «Господарь», «Свобода», «Народна часопись» и лишь позднее (1906-1907) в Киеве — «Рада», «Шершень», «Громадський друг» и др. Наибольшее количество украинских стихотворений Бердяева напечатал в черновицкой газете «Буковина» ее издатель О.С.Маковей. Бердяев перевел на русский язык десять «Гірських

²³ См.: ОРИЛ. Ф.100. Ед.хр.97.

²⁴ ОРИЛ. Ф.59. Ед.хр.514. Л.3. (Здесь и далее перевод с украинского языка наш. — М.Р. Буква «д» перед фамилией означает «добродій» — уважительная форма обращения в украинском языке).

дум» («Горных песен») Маковея из двадцати. С ним и с И. Я. Франко Бердяев состоял в переписке. Франко, писал он, — «литературное солнце, для него — дорога европейской славы; я — едва заметная звездочка, для меня — маленькие тропки, может быть, у нас те же самые прогрессивные и демократические идеалы»²⁵.

Бердяев сообщал Франко о своих творческих планах, интересовался его мнением о своих произведениях, просил помощи в деле публикации их. В письме к И. Я. Франко от 20 августа 1897 Бердяев пишет: «...моя идейная муза действительно больна из-за российских цензурных условий. Только в последние годы начала она немного поправляться, работая на немецкой стихотворной ниве, в северной Америке и Швейцарии. Пришлю Вам с десяток моих произведений, а также французскую прозу (например "Une voix russe" в "Nouvelle Revue" г-жи Adam от 1 августа с.г.). Вскоре должна быть напечатана в известном парижском ежемесячнике моя статья "Une vuillante petite nation" (О Галиции и Буковине). /.../ Переделал то стихотворение, что Вам понравилось для "Гр[омадського] Гол[оса]" и посылаю две лирических поэзии для "Ж[иття] и С[лово]". Весьма благодарен за скорейшую публикацию»²⁶.

В письме к О. Маковею 19 октября 1898 Бердяев просит «передать Франко, что его идеально-талантливую и умную характеристику Золя» он перевел на французский язык»²⁷. В письме к редактору газеты «Діло» И. Белею (1899) Бердяев писал, что его лирические произведения «Франко видел в других изданиях и признавал, что охотно поместил бы их в собственном журнале»: «Должен хотя бы сейчас поблагодарить Франко за добрые наставления, ибо исправив те же самые поэзии по советам п. Франко, я их потом напечатал в "Зорі"»²⁸. Между тем Маковей и Франко критически оценивали стихи Бердяева, обращали внимание на морализаторские тенденции в них, языковые огрехи, отбрасывали немало художественно слабых его произведений. Все же в своей газете «Буковина» в 1896-1900 гг. Маковей опубликовал 25 стихотворений С. Бердяева на украинском языке. Их дружеские отношения еще более укрепилась после приезда Маковея летом 1897 года в Киев и встречи с Бердяевым. Однако в начале 1899 года появилась критическая заметка Маковея — «Про фейлетони українсько-руських політичних часописей в р. 1898» (Літературно-на-

²⁵ ОРИЛ. Ф.59. Ед. хр.536. Л.237-238.

²⁶ Там же. Ф.3. Ед.хр.1610. Л.199-199об.

²⁷ Там же. Ф.59. Ед.хр.531. Л.232.

²⁸ Там же. Ф.100. Ед.хр.1185. Л.4.

уковий вісник. 1899. Т.VI. Кн.4-6. Додаток. С.49-50), где автор, отдавая должное Бердяеву как широко образованному человеку, знающему и пишущему почти на всех европейских языках, упрекает последнего в том, что он дарит украинской литературе лишь свои стихотворения, от которых нет, правда, вреда, но и нет никакой пользы. Маковой критикует Бердяева за бедность поэтических мотивов, за то, что последний не знает, что воспевать и чем воодушевляться: воздухоплавателем Андре, борцом с чумой Мюллером, Толстым, Некрасовым и т.п. Поэзию Бердяева Маковой называет «соломенным огнем».

С.Бердяев на это ответил Маковой письмом от 31 марта 1899, где привел слова Маковой о большой симпатии к поэзии «українця-демократа Сергія Бердяева (Обуховця)». «Когда же была правда: тогда или сейчас?» — спрашивает Бердяев. Он возмущен тем, что Маковой из друга превратился во врага, тем, что несмотря на просьбу Бердяева не посылать почтой печатные издания, оставленные у Маковой, последний все же послал их, и все попало в руки жандармов, что принесло Бердяеву большие неприятности. «Благодарю Вас и Франко за ряд обид», — пишет Бердяев. В письме сквозит обида и недоумение Бердяева по поводу того, что Маковой и Франко мало печатают его, несмотря на большое количество посланных произведений, а печатают тех, кто «кланяется им в ножки». 23 апреля (5 мая) 1899 газета «Буковина» поместила подборку материалов литературной дискуссии между Маковеем и Бердяевым («С.Бердяев contra Маковой»), а также письмо в редакцию И.Франко, в котором писатель поддержал Маковеев²⁹.

Личные отношения Бердяева с Маковеем и Франко были разорваны, но творческие продолжались. Бердяев переводит на русский стихотворение О.Маковеев «Цивилизация», а также Франко — «Притча про красу» («Притча о красоте») и «Указ проти голоду» («Благой указ»)³⁰.

По мнению украинского литературоведа Ф.П.Погребенника, эти переводы «для своего времени имели определенную ценность как одна из первых попыток воссоздания нескольких образцов поэзии Франко на русском языке»³¹. Бердяев перевел также с украинского на русский стихотворение М.Старицкого «На спомин Т.Г.Шевченка», рассказ Д.Мордовцева «Ни себе, ни людям. Юж-

²⁹ См.: Буковина. 1899. 23 квітня; ОРИЛ. Ф.3. Ед.хр.2847. Л.1-3.

³⁰ См.: Киевская газета. 1900. 1 сентября; Жизнь и искусство. 1900. 7 февраля; Игрушечка. 1901. №8. С.359-360.

³¹ Погребенник Ф.П. І.Франко в українсько-російських літературних взаєминах. К., 1986. С.198-199.

ное предание», О.Федьковича «Гадкий сон»³². В свою очередь, Маковой продолжал печатать Бердяева в «Буковине», а Франко включает его стихотворения в составленный им сборник «Акорди...» (Львів, 1903), публикует в «Літературно-науковом віснику».

Особая тема поэзии С.Бердяева — многострадальное украинское крестьянство. Мечты и надежды крестьян, уважение к их тяжкому труду, унижения и издевательства со стороны панов, — все это выражено в стихотворениях «Бідний край», «Брату-руси-ну», «Город і село», «Будучина» и др. В стихотворении-завещании «Моїм синам» он завещает детям уважать «руки з мозолями». Глубоким сочувствием к крестьянину проникнута «Мужицька пісня (для земляків-українців)». Касаясь этого стихотворения, он сообщает в письме О.Маковой (1899), что украинскому языку научился у соседей-мужиков, а в «благодарность за это начал составлять под влиянием поэтических сторон украинской сельской жизни, как умел, свои песни нашему народу»: «Людям они понравились и некоторые из них (например, "Чорні ночі, сірі дні..."³³) поют Ваши и наши крестьяне. А они для меня наилучшие и самые справедливые критики»³³.

Начало нищеты и упадку украинского народа было положено, как считает Бердяев, еще в XVII веке, он утверждает, что «тільки з'єднав нас Богдан із Москвою, — Вмерла козацька свобода...» («Только объединил нас Богдан с Москвой, — Умерла казацкая свобода...»). Бердяев и себя считает крепостным. В стихотворении «На чужині» («На чужбине») читаем: «Я твій кріпак, нависний, гідкий краю / Де українців мучив цар Петро...» («Я твой крепостной, ненавистный, мерзкий край, / Где украинцев мучил царь Петр»)³⁴.

Любовь к Украине — сквозной мотив многих стихотворений Бердяева (и украинских и русских), особенно сильно он звучит в стихотворении «До сина»: «Молися Богу за Україну, Молися, сину мій, Щоб подняв їз руїни, щоб дав він волю їй...» («Моли Бога за Україну, Молись, сын мой, Чтоб поднял ее из развалин, чтоб дал свободу ей»)³⁵. Тоской по Украине проникнуты многочисленные произведения, написанные вне Украины («В Москві», «Додому», «На чужині», «До України» и др.): «...опротивела взору картина, на Україну б вернуться я рад, С лаской примет

³² См.: Заря. 1882. 26 февраля; По морю и суше. 1891. №28. 13 мая; Жизнь и искусство. 1900. 7 февраля.

³³ ОРИЛ. Ф.59. Ед.хр.536. Л.237.

³⁴ Україна. 1991. №16. С.9.; Буковина. 1896. 11 (23) грудня.

³⁵ Акорди: Антологія української лірики від смерті Шевченка / Уложив І.Франко. Львів, 1903. С.283.

родимая сына» — пишет он в стихотворении «Тоска по родине»³⁶. С глубоким пиететом относится Бердяев к Т. Шевченко («Памяти Т. Г. Шевченко», «Кобзарь», «Желанный гость»). В его поэзии слышатся мотивы, реминисценции из «Кобзаря»³⁷.

Поддержка и симпатии к освободительным стремлениям других народов — одна из главных тем поэзии Бердяева. Он пишет, что «Брати всі на світі народи Що благають святої свободи...», что «польский люд українському — брат»³⁸. В стихотворении «Російський архистратиг Михаїл» Бердяев гневно осуждает открытие памятника в г. Вильно душителю восстания 1863 года, генералу Муравьеву, расценивая это как национальное унижение литовского, белорусского и польского народов³⁹.

Горячо поддерживает поэт и освободительную борьбу болгарского народа, приветствует «святую зарю возрожденья» (перевод стихотворения С. Карагеозова «Могила самоубийцы»), в стихотворении «Фінська пригода» говорит об имперской политике царизма, стремящегося лишить финский народ конституционных прав⁴⁰.

Также резко осудил Бердяев политику грабежа Китая («Сучасна біда»)⁴¹, несколько стихотворений посвящено борьбе ирландского народа против английского господства («Ирландия», «У Фения», «Песня про бедную Моод», «Ирландские песни»)⁴². Бердяев поддерживает борьбу греков-патриотов против султанской Турции (переводы стихотворений греческих поэтов: «Сонет» Крамокиса и «Малодушный» А. Кандиаки)⁴³.

В своих произведениях Сергей Бердяев выступает против антисемитизма. Он не мог не откликнуться на рост юдофобии, возникший при воцарении Александра III. К этому времени (1884-1885) относятся первые стихотворения Бердяева на еврейскую тематику. В стихотворении «Землякам-украинцам» он призывает: «В каждом ближнем человека свято чтить должны мы, люди девятнадцатого века»⁴⁴. А вскоре, в элегии «1885-му году», Бердяев мечтает о таком обществе, где бы «добро и любовь прекра-

³⁶ По морю и суше. 1891. №25. 21 апреля.

³⁷ Век: 1882. №4. С.661-662; Жизнь и искусство. 1900. 26 февраля; Наблюдатель. 1897. №11. С.139-141.

³⁸ Літературна Україна. 1991. 19 вересня.

³⁹ Руслан. 1899. 11 (23) квітня.

⁴⁰ Україна. 1991. №16. С.9.

⁴¹ Діло. 1900. 20 липня (2 серпня).

⁴² См.: Мысли и чувству: Сб. стихотворений. Вып.1. М., 1886. С.27-29; Жизнь и искусство. 1900. 7 мая; Наблюдатель. 1897. №7. Там же. 1882. №7. С.203-205.

⁴³ Жизнь и искусство. 1900. 9 марта. Приложение №4.

⁴⁴ Восход. 1894. №8. С.116-117.

тили раздоры людей, / Из-за низких страстей проливающих кровь, / Где бы стал моим братом еврей»⁴⁵. В стихотворении «Неудавшийся юдофил» (1892) он разоблачает цензора — лжеца и прохвоста, заигрывающего с евреями⁴⁶. К 80-м годам относится и серия рассказов Елены Бердяевой, где с большим сочувствием автор рисует тяжелую жизнь еврейской бедноты в «черте оседлости» («Новобранец», «Торговый день Хай», «Самуил Абрамович», «Ребе Лейзер», «Цветы и шляпы», «Фантазер»)⁴⁷.

В 90-х годах XIX в. мир был взбудоражен позорным «делом Дрейфуса» во Франции. Общественность разделилась на дрейфусаров и антидрейфусаров. Бердяев, конечно, был в числе первых. В статьях «Чудеса графологии» и «Не пророчество ли?»⁴⁸ он разоблачает махинации и фальсификации в деле Дрейфуса, а в стихотворении «Французские мелодии» выступает в поддержку Дрейфуса и его защитников Золя, Жореса и клеймит международного шпиона и предателя Франции Эстергази, продавшего секретные материалы немцам (в чем, как известно, обвинили невинного Дрейфуса)⁴⁹.

После смерти известного еврейского филантропа и благотворителя Л.И.Бродского суворинское «Новое время» — рупор юдофобских кругов — напечатало статью «Еврейский король», в ответ на что «Киевская газета» 12 (25) октября 1904 опубликовала письмо в редакцию С.Бердяева «Еще об "еврейском короле"», где он, используя опыт 25-летнего знакомства с Бродским, выступает против «Нового времени». Ложь, что Бродский — ненавистник России, заявляет Бердяев, что он занимался вредной, антигосударственной деятельностью, ложь, что Бродский, отзывчивый и добрый человек, был, якобы, каким-то злым духом, стремившимся великую Россию подчинить евреям.

Поэт-гуманист, Бердяев выступает против войн, «щоб з краєм край не воювали» («Військо», «Гимн миру», «Поляки і ми»), мечтает о времени, когда все народы, «забыли навеки о былом, / Друг другу нежно, словно братья, / В восторге чистом и святом, / Откроют братские объятия»⁵⁰. Позиция Бердяева высокоморальна: быть с теми, кому тяжело, помогать тем, над кем издеваются. Не случайно украинская печать отмечала, что «любовь С.Бердяева

⁴⁵ Восход. 1885. №1. С.111-114.

⁴⁶ ЦНБ України. Отдел рукописей. Ф.66. Ед.хр.478. Л.1.

⁴⁷ Восход. 1888. №11-12; 1889. №8; 1890. №3; 1892. №3; 1893. №6; 1898. №1.

⁴⁸ Жизнь и искусство. 1897. 8 декабря; 1898. 22 ноября.

⁴⁹ Там же. 1898. 20 января.

⁵⁰ Заря. 1882. 21 февраля; Літературна Україна. 1991. 19 вересня; ОРИЛ. Ф.100. Ед.хр.99.

к украинскому народу, украинской литературе возникла под влиянием украинского национально-культурного движения 80-х годов. Его отзывчивая душа не могла быть безразличной к тому, что происходило вокруг него на Украине, и он присоединил свой голос к голосам других служителей Украинской Музы /.../ Статьи его всегда полны запала, энтузиазма, веры в лучшее будущее /.../ Его украинская поэзия, в основном, носит народническо-сентиментальный характер, а сам Бердяев щедрый, убежденный демократ...»⁵¹.

Любовная лирика у Бердяева не занимает значительного места, «когда страдала Русь, стыдился я пойти / Дорогою любви, дорогой наслаждений», — писал он в стихотворении «Зимние песни». Больше всего стихотворений этой тематики Бердяев поместил в своем сборнике стихов: Велизарий Е. Стихотворения: Изд. 3-е. К., 1896 (1-е издание — Одесса, 1891; 2-е издание — К., 1895)⁵². В его наследии немало нежных, трогательных стихотворений, посвященных матери и жене («На елке — у чужих», «К матери», «На чужбине», «Жизнь и грезы», «Материнское сердце», «Над умирающим», «Песня наборщика» и др.).

Ряд произведений Бердяева имеет острую антиклерикальную направленность — стихотворения: «Инквизиторы» (Наблюдатель. 1895. №9), «Гуситы» (Киевская газета. 1900. 14 марта); статьи «На путях общечеловеческого прогресса» (Киевский голос. 1907. 22 апреля), «Религия, наука и жизнь: К папскому силлабусу» (Киевские вести. 1907. 20 июля) и др. Поэта интересуют образы Христа («Христос», «Христос на Голгофе», «Из Нагорной проповеди», «Рождение ласточки», «Пасхальное рондо» и др.), Будды («Нирвана»), привлекают — Прометей, «бессмертный борец за люд, объятый тьмою» (сонет «Прометей» — Наблюдатель. 1882. №1), Джордано Бруно (очерк «Мученик за идею» — Киевская газета. 1900. 17-19 февраля), Джузеппе Гарибальди (стихотворение «Памяти "Святого старика"» и очерк «Д.Гарибальди» — Наблюдатель. 1882. №1; Киевские вести. 1907. 21 июня), а также Вильгельм Либкнехт, Фердинанд Фрейлиграт (ЦНБ Украины. Отдел рукописей. Ф.1. Ед.хр.3622. Л.1-6) и др.

Поэт романтического склада, Бердяев не обошел и тему природы («На пороге зимы», «Зима», «Весенняя песня», «Майские мелодии», «Лето», «Осенняя мелодия», «Осенью» и мн. др.). Множество стихотворений Бердяева посвящены деятелям литера-

⁵¹ Українська муза: Поетична антологія. С.624.

⁵² См.: Отзывы на сборник: Новое время. 1892. 28 августа; Новости.1892. №225; Северный вестник. 1895. №9. Отд. II. С.75.

туры и искусства — Пушкину, Лермонтову, Л.Н.Толстому, Тургеневу, Некрасову, И.С.Аксакову, Гаршину, И.Оммулевскому, И.Ясинскому (М.Белинскому), Шеллеру-Михайлову, Гейне, Верлену, Дранмору и др.

Иногда Бердяеву изменяло чувство такта: так, оскорбительными были отзывы по адресу поэтов Плещеева и Надсона. Первого он назвал «либерально-ноющая бездарность» (статья «Последний из Пушкинской плеяды»: Русский вестник. 1886. №1). Грубые выпады против С.Я.Надсона содержатся в поэме «Надсонада. Поэма из литературной жизни. Аспида» (К., 1886; она же напечатана и в журнале «Наблюдатель»: 1886. №6. Разд. XVII. С.58-61). Против оценок Бердяева выступили Л.Куперник в «Заре» (1886. 29 июня), А.Скабичевский в газете «Новости» (1886. 24 июня) и А.Волынский в «Северном вестнике» (1890. №3). В письме к В.П.Клюшникову от 2 февраля 1886 Бердяев сообщает: «Положение мое ужасно: вся свора "либеральных" борзописцев начала меня систематически травить /.../ за "божка рабов" Плещеева» (РГАЛИ. Ф.262. Оп.1. Ед.хр.21. Л.2). Однако впоследствии Бердяев очень сожалел о содеянном. В письме к редактору «Новостей» (19 января 1890) он приносит «извинения одному из классиков русской поэзии и достойному человеку [Плещееву. — М.Р.], которого /.../ позволил себе оскорбить». Покаянное стихотворение Бердяева, связанное с Надсоном, «Mea culpa» было помещено в журнале «Дело» (1887. №4. С.83-85) и в сборнике «Надсон: Сборник статей, посвященных памяти поэта» (СПб., 1887). Нельзя отрицать определенную неразборчивость и беспринципность, проявившиеся в этих эпизодах и отчасти объяснявшиеся постоянной материальной нуждой, побуждавшей не упускать любой возможности напечататься: так, одно из писем к В.П.Клюшникову (3 апреля 1886) Бердяев начинает так: «Я — человек бедный, очень бедный, имею на руках жену и дитя и живу исключительно литературным трудом» (РГАЛИ. Ф.262. Оп.1. Ед.хр.20).

С.Бердяев выступал, конечно, не только как поэт, но и как литературный критик, публицист, редактор, издатель, переводчик. О его лингвистических способностях О.С.Маковой писал: «...этот широко образованный человек знает /.../ почти все европейские языки»⁵³. Кроме уже упомянутых переводов с украинского на русский И.Франко, О.Маковей, М.Старицкого, Д.Мор-

⁵³ См.: Маковой О. Указ. соч. Ср. запись В.Я.Брюсова (1900, Масленица): «Видел Л.М.Медведева. /.../ Говорил он нелепости, рассказывал небылицы о С.Бердяеве, пишушем стихи на 8 языках и читающем по 8 книг в день. /.../» (Валерий Брюсов. Дневники. [М.], 1927. С.81-82).

довцева, О.Федьковича, Бердяев переводил И.Сурикова — с русского на украинский, романтическую поэму М.Вороного «Евшан-зілля» («Евшан-трава») — с украинского на немецкий. На русский: с немецкого — Гете, Гейне, Э.Гейбеля, А.Платена, Г.Гервега, Г.Эберса, Ф.Фрейлиграта, Ф.Дранмора, И.Лорма, Р.Пруца, Г. фон Гофманстала, Г. фон Фаллерслебена, Э.Риттерсгауза, Клару Мюллер, М. фон Шварцкоппен, В.Лангевитше и др.; с французского — Сару Бернар, А. де Виньи. А.Франса, А.Тардьё, Моод Гоон, С.Ржевусского; с английского — О'Коннора, А.Ч.Суинберна, Т.Мура, Бернанда, королеву Викторию («Колыбельная»); с испанского — В.Балагуэра, Т. де Ла-Мармоля; со шведского — А.Стриндберга; с польского — З.Вошинского, А.Навроцкого; с венгерского — А.Жизмадия; с итальянского — Г.Д'Аннунцио; с греческого — Крамокиса, А.Кандиаки; с португальского — народную песню; с латинского и итальянского — папу Льва XIII; и др.

Среди критических работ С.Бердяева — статьи о творчестве поэта А.Подолинского (Русский вестник. 1886. №1), украинского поэта Л.Глебова (По морю и суше. 1891. №2), Г.Ибсена (Приложение №6 к газете «Жизнь и искусство» №90 от 31 марта 1900), Зудермана (Киевское слово. 1905. 10 октября); рецензии на «Грядущего Хама» Д.Мережковского (Киевская жизнь. 1906. 20 марта), на книгу М.Метерлинка «Смерть» (Діло. 1913. 5 березня), на роман французского писателя С.Перрона «Трибун» (Киевская заря. 1906. 24 марта), на книгу К.Каутского «Этика и материалистическое понимание истории» (Киевская жизнь. 1906. 8 марта) и др.

Человек, ориентировавшийся в проблематике частных научных дисциплин, Бердяев опубликовал также ряд научно-популярных статей: «Мечты Эдисона» (Киевская заря. 1906. 25 марта), «Везувий» (Там же. 31 марта), «Циклоны» (Киевская газета. 1900. 15 сентября), «Остров Шпицберген» (Жизнь и искусство. 1896. 12 сентября), «Новая надежда на излечимость чахотки» (Там же. 8 сентября), «Авторитетная защита противодифтеритной сыворотки» (Там же. 20 апреля), «Последнее открытие в области чахотки» (Киевское слово. 1905. 4 октября) и др. Он дал высокую оценку деятельности известного хирурга профессора В.А.Караваева, написал стихотворение «Памяти профессора Бильрота» о знаменитом немецком клиницисте и хирурге, стихотворение «Жертва науки» — о борце с чумой Германе Мюллере, не обошел вниманием полет французского воздухоплателя Ж.Андре (стихотворение «Андре») и мн.др.

В разные годы С.Бердяев был ведущим газетных рубрик «Театр и музыка» («Жизнь и искусство», «Киев»), «Сцена и артисты»

(«Жизнь и искусство»), «За рубежом» («Киевское слово»), «С чужих полей. Заграничные очерки» («Киевские отклики»). Как собственный корреспондент газет он печатал в «Киевском слове» репортажи с нижегородской Всероссийской выставки 1896 года, а в «Киевской почте» — из Кременчуга о выборах в Государственную думу (1912). Бердяев знакомил читателей с событиями международной и внутренней жизни, чутко реагировал на общественные и культурные события — разоблачал итальянскую мафию (Мафия и каморра // Жизнь и искусство. 1899. 28 декабря), осуждал национальную вражду и ее трагические последствия (Национализм и демократия // Там же. 1879. 1 декабря), анализировал японско-китайскую войну 1894-1895 («Современная морская война» и «Остров Формоза» — Киевское слово. 1894. 28-29 сентября и 1895. 20 мая), русско-японскую войну («Последствия войны», «Японія після війни» — Киевская газета. 1904. 16/29 марта; Рада. 1907. 5 травня), распространение ислама в Африке (Будущность ислама // Киевская почта. 1912. 8 июня), проводил анализ важнейших международных событий (Франко-русская «дружба» // Там же. 8 августа; За кулисами австрийской политики // Там же. 15 августа), давал обзоры зарубежной прессы и литературных новинок, опубликовал серию корреспонденций о современном состоянии Запада: «Разлагающаяся Испания» (Жизнь и искусство. 1896. 23 сентября), «Современная Греция» (Там же. 1897. 27 февраля), «За рубежом» — о современной Сербии (Киевское слово. 1905. 25 сентября), реагировал на культурные события (Неизвестная картина Рафаэля // Жизнь и искусство. 1898. 22 марта). Перу Бердяева принадлежат оценки деятельности Государственной думы и местного самоуправления (Вторая Дума // Киевская мысль. 1907. 5, 6, 9 июня; Расширение компетенции суда присяжных // Киевская жизнь. 1906. 4 марта; В.Н.Проценко [киевский городской голова. — М.Р.] и его приверженцы // Отголоски жизни. 1906. 18 апреля); характеристики и некрологи общественных и государственных деятелей: президент Т.Рузвельт и его семья (С чужих полей: Заграничные очерки. Ч. III // Киевские отклики. 1905. 12/25 сентября), папа Лев XIII (Жизнь и искусство. 1900. 26 февраля), султан Абдул-Гамид (С чужих полей: Заграничные очерки. Ч. I // Киевские отклики. 1905. 30 августа), Энвер-бей (Турецкий герой // Рада. 1913. 16/29 сiчня), Л.А.Куперник — об известном адвокате и общественном деятеле, отце Т.Л.Щепкиной-Куперник (Киевское слово. 1905. 30 сентября), «Евгений Рихтер» — о немецком социал-демократе (Отголоски жизни. 1906. 28 февраля), «Человеколюбец» — об известном английском педагоге и благотворителе д-ре Бернардо (Киевское сло-

во. 1905. 3 октября), «Личность человеколюбца» — об известном филантропе бароне М.Гирше (Жизнь и искусство. 1896. 16 апреля), «Иоганн Мост» — о немецком анархисте (Киевская жизнь. 1906. 9 марта), «Журналист-боец» — об итальянском журналисте Боттеро (Жизнь и искусство. 1897. 27 ноября), «Луи Фигье» — о популяризаторе научных знаний, литераторе и естествоиспытателе (Киевское слово. 1894. 5 ноября), «Генерал армии спасения» — об Уильяме Буте (или Бутсе), английском проповеднике, основателе и руководителе «Армии спасения» (Киевская почта. 1912. 13 августа).

Нельзя не упомянуть об участии Бердяева в Киевском Литературно-артистическом обществе — центре культурной жизни Киева на рубеже XIX–XX веков, в работе которого активно участвовала русская и украинская интеллигенция⁵⁴. Здесь неоднократно выступал С.Бердяев с чтением своих стихов. 23 марта 1900 состоялся вечер, посвященный 100-летию Г.Гейне, на котором Бердяев прочел свое «Посвящение Г.Гейне», получившее высокую оценку организатора вечера Леси Украинки и публики, которая трижды вызывала автора на бис⁵⁵. Л.Украинка состояла в дружеских отношениях с четой Бердяевых, она обращалась к Сергею Александровичу за помощью, когда работала над темой «Народничество в Германии», знакомила его с новыми, еще не напечатанными своими стихами. В одном из писем она просит всю направляемую ей литературу посылать на адрес Е.Г.Бердяевой⁵⁶.

Членом Правления Литературно-артистического общества была С.Н.Луначарская (урожд. Михайлова, по первому браку — Зелинская), весьма заметная фигура в общественной и культурной жизни Киева конца XIX — начала XX века, литературовед, переводчица, педагог (одна из ее гимназических учениц — актриса А.К.Тарасова), — жена Н.В.Луначарского (брата А.В.Луначарского). На квартире Софьи Николаевны в начале нашего столетия собирался цвет интеллигенции Киева: братья Бердяевы и Е.Г.Бердяева, братья Анатолий и Николай Луначарские, известный философ Лев Шестов (Шварцман), профессиональный революционер Лев Карпов, литературовед, будущий академик АН УССР Н.К.Гудзий, а также, по свидетельству А.Н.Вертинского, вхожего в этот дом, бывали поэты Михаил Кузмин, Вла-

⁵⁴ См.: Рыбаков М. Заветная страничка летописи // Радуга (Киев). 1990. №6. С.138–145.

⁵⁵ См.: Киевское слово. 1900. 25 марта; Жизнь и искусство. 1900. 29 марта.

⁵⁶ Украинка Л. Зібрання творів у 12 т. К., 1978. Т.11. С.11, 174, 184, 201, 204.

димир Эльснер, Бенедикт Лившиц, художники Александр Осмеркин, Казимир Малевич, Марк Шагал, Натан Альтман, Золотаревский и др. Здесь происходили интересные, острые споры, диспуты на литературные, философские и иные темы⁵⁷.

Интенсивная духовная деятельность, постоянная изнурительная борьба за существование (содержание жены, троих детей, помощь родителям жены и ее сестре с ребенком) подрывали и без того слабое здоровье Бердяева. Его письма к издателям полны постоянными просьбами о материальной помощи. Вот одно из них, пожалуй, самое красноречивое (без адреса и даты):

Многоуважаемый товарищ,

Обращаюсь к Вам, скрепя сердце, с большой просьбою. Бедная жена, оставшаяся с маленьким Глебом «залогом» дачной хозяйки в Гейдельберге за долги, когда я поехал в Двинск занимать деньги, /.../ а потом очутился поневоле в Киеве и застрял здесь, теперь заболела серьезно. Хотя я посылаю туда весь заработок, денег у нее ни гроша после расплаты. Положение отчаянное. Я, чтобы тут с Гришей прозябать самим, взял в редакциях авансы, а требовать новых — значит портить отношения. /.../ Ради всего дорогого и святого для Вас, доставьте на месяц 25 руб. Обязательно верну к сроку (зная, что Вы сами отнюдь не капиталист) из гонораров своих. Переройте, голубчик, небо и землю, но помогите в беде товарищу. Ведь это, согласитесь, не прихоть, а несчастье! И я не в состоянии поехать туда сам! Вовек не забуду дружеской услуги /.../. Только на Вас, приятеля-бедняка-актера да 2-3 почтовых — одна надежда. Просто с ума схожу от тревоги и огорчения. Жму крепко руку и шлю сердечное спасибо. Ваш преданный С.Бердяев⁵⁸.

Надо еще учесть, что С.Бердяев, как отмечал его брат, был добрейшим человеком, готовым отдать последнее, деньги не могли удержаться у него ни одного дня, что еще более ухудшало положение семьи.

Все Бердяевы, как указывает Н.А.Бердяев, страдали нервными болезнями — острыми вспышками и припадками. Не обошли они и Сергея Александровича. «Учиняемые мною скандалы — продолжение припадков, — отмечает он в письме к Дионею (И.В.Шкловскому), — болезнь изуродовала всю мою жизнь»⁵⁹. Все это не располагало издателей и редакторов к общению с Бердяевым и невольно отражалось и на жене. «Мне уже много раз

⁵⁷ См.: Вертинский А. Дорогой длиною. М., 1990. С.53. О С.Н.Луначарской и встречах в ее доме см. наши публикации в журналах «Дніпро» (1979. №3), «Вітчизна» (1981. №3), «Україна» (1978. №6).

⁵⁸ Фонд Черниговского исторического музея. ЧИМ № Ал 52-18/3 .

⁵⁹ РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Ед.хр.41. Л.1.

в жизни такие вещи [скандалы мужа. — М.Р.] вредили», — писала она А.Л.Волынскому⁶⁰. Тяжелые страдания отражались в поэзии Бердяева (Жизнь и надежда // Заря. 1882. 4 апреля; Любовь и смерть // Киевлянин. 1885. 11 октября; Страх смерти // Жизнь и искусство. 1897. 22 января). В стихотворении «Инвалид» читаем: «Горько мучит мысль, что на осаду братья//Ринутся отважно//Завтра без меня... Я же, непригодный для такого дня,//Только издала пошлю врагам проклятья!»⁶¹.

Отравлял жизнь и полицейский надзор, установленный за ним еще в 1885 г.⁶² Удушливую атмосферу того времени воспроизводит письмо Бердяева О.С.Маковею от 28 апреля 1897: «Весьма мрачные дни пришлось пережить киевской интеллигенции. Едва пришли в себя /.../ от "белого террора" бешеного пса генерала Новицкого. Хоть и мне, на легальном положении, этого "спасителя отечества" и нечего бояться, все же сердце разрывается и ноет за бедную молодежь, над которой он зверствовал» (речь идет о расправе жандармов над участниками студенческих волнений в Киеве весной 1897). И через год, ему же: «Минувший март принес Киеву такой жандармский террор, которого мы ранее и во сне не видели. Близкие мне люди (брат и кум) сидели в тюрьме /.../. У меня были обыски...»⁶³. Часто шли рапорты из Киева в Петербург о политической неблагонадежности Бердяева, не избежал он обысков, конфискаций, запретов на публикации, задерживался полицией и т.п. Пришлось покинуть Киев и переехать в Москву, где семья прожила конец 1897 — начало 1898 и где Бердяев нашел работу в газете «Курьер». Но и здесь продолжались обвинения в «неблагонадежности», «хохламании», шли доносы шовинистически настроенных московских журналистов. «Свет и "Московские ведомости", — пишет Бердяев 31 марта 1899 О.Маковею, — на меня "доносили по начальству" за "хохламанию"»⁶⁴.

В письме к Маковею из Москвы 30 января 1898 Бердяев пишет: «Жандармы хотели сразу меня выгнать как "поднадзорного" еще с 1885 года, но Департамент полиции по телеграфной просьбе разрешил "проживать временно" /.../. Все, что запрещает цензура, печатаю в провинциальных газетах. В Киеве, Одессе, Ростове цензоры — ангелы господни против московских чертей!»⁶⁵. А че-

⁶⁰ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.336. Л.3.

⁶¹ Дело: Сборник литературно-научный / Под ред. А.А. и А.Н.Веселовских. М., 1899. С.244.

⁶² ОРИЛ. Ф.59. Ед.хр.525. Л.214.

⁶³ Там же. Ед.хр.516; 528. Л.207.

⁶⁴ Там же. Ед.хр.536. Л.238.

⁶⁵ Там же. Ед.хр.525. Л.214.

рез неделю Бердяев сообщает ему же: «Московские жандармы вышвырнули меня благодаря частным денунциациям (sic!) сотрудников патриотических "Московских ведомостей" как "неблагонадежного вообще по своему направлению литератора". Не беда, ибо я уже сам хотел удрать из этого проклятого византийско-монгольского болота»⁶⁶.

Друзья не покинули Бердяева после высылки из Москвы, обеспечив ему корреспондентскую работу в газете «Курьер», московские же друзья и десять лет спустя помогли Бердяеву в тяжелейший час судебного преследования.

Вынужденный покинуть Москву с ее жандармами и шовинистами, преследуемый обер-жандармом генералом В.Новицким в Киеве, Бердяев с семьей летом 1898 уезжает за границу. 28 августа 1898 он пишет О.С.Маковею: «Пришлось перенестись со своей работой полностью на чужбину. Это счастье, что я хорошо знаю иностранные языки и немного окреп телом и духом. А то нечем было бы кормить семью!» Вскоре он сообщает, что имеет работу в немецких и французских изданиях, одновременно активно печатается в венской, дрезденской, берлинской, парижской социалистической прессе⁶⁷.

Со временем полицейский надзор распространился и на жену Бердяева. В архивах мы обнаружили переписку киевской охранки с директором Департамента полиции А.Лопухиным, касающуюся Е.Г.Бердяевой, которая «подозревается в оказании материальной помощи лицам, состоящим в нелегальных организациях». В другом документе идет речь о том, что квартиру Бердяевой посещают личности, принадлежащие к одной из киевских революционных организаций. Бердяева встречается с известными революционными деятелями — членами организации эсеров, посещает дома, «находящиеся под наблюдением полиции» (1902). С большим трудом Е.Бердяевой удалось добиться разрешения на публичную лекцию «Бранд и Пер Гюнт. Две морали в драмах Ибсена» (26 октября 1902), а лекция на тему «Ибсеновская женщина» была запрещена охранкой⁶⁸.

Едва ли не главное место в творчестве Бердяева занимала его деятельность как театрального критика, обозревателя и рецензента. Свои театрально-критические взгляды он определяет в многочисленных обзорах и рецензиях, а также в стихотворениях «Театр», «Артисты и публика», «Истинному таланту» и других,

⁶⁶ ОРИЛ. Ф.59. Ед.хр.526. Л.215.

⁶⁷ Там же. Ед.хр.529. Л.229-230; Ед.хр.532. Л.233.

⁶⁸ См.: ЦГИА Украины. Ф.275. Оп.1. Ед.хр.42. Л.1, 2, 17, 17об., 24, 25, 39, 40.

посвященных актерам М.К.Заньковецкой, А.Ф.Мишуге, Н.П.Розину-Инсарову, И.В.Тартакову.

Вероятно, первые его обзоры относятся к 1882, когда читатели познакомились с мнением 22-летнего обозревателя о спектакле «Иудушка» (по Щедрину) в Киевском русском драматическом театре. «Этот спектакль, — замечает Бердяев, — безобразная переделка из замечательного и едва ли не лучшего из лучших произведений г.Щедрина», где «замечательной артистке Гламе-Мещерской (Аннинька) не на чем было развернуться»⁶⁹.

В том же году Бердяев рецензирует в Киеве спектакль «Джек» (инсценировка одноименного романа А.Дюма), а в Петербурге пишет рецензию на спектакль Александринского театра «Не в деньгах счастье» Чернышева⁷⁰. В 1891 в Киеве гастролировал московский театр Ф.А.Корша. С 1890 супруги Бердяевы издавали и редактировали в Киеве литературно-художественный и научный журнал «По морю и суше», где регулярно печатались рецензии на спектакли этого театра.

Журнал весьма положительно оценил И.А.Бунин в статье «Новые течения» (май 1891). «Развивается и качественно и количественно, — пишет он, — печать провинциальная. Заметны свежие и новые течения мысли, слышны уж не прежние песни». В качестве примера Бунин указывает на журнал «По морю и суше», где он прочитал «такую свежую и здравую статейку, которой должна бы позавидовать любая столичная газета /.../. Отраднее слушать честные, смелые и трезвые речи наших собратьев»⁷¹.

В 1891 власти временно закрыли журнал, а в 1893 — совсем. Бердяев едет в Петербург, обращается к министру внутренних дел И.Н.Дурново, но ничего не помогает. Журнал вынужденно продан одесскому издателю Н.Н.Рейхельту⁷².

Особо заметна и плодотворна деятельность С.Бердяева как театрального критика в конце 90-х годов, когда он сотрудничал в киевской газете «Жизнь и искусство» и печатал еженедельные обзоры спектаклей одной из лучших театральных трупп в стране — театра Н.Н.Соловцова. Немалую роль в пропаганде драматургии Чехова сыграла рецензия Бердяева на постановку «Чайки» в Киеве после провала ее в Петербурге. Чехов 24 ноября 1896

⁶⁹ Заря. 1882. 17 и 20 января.

⁷⁰ Минута (СПб.). 1884. 20 октября; РГАЛИ. Ф.829. Оп.1. Ед.хр.58. Л.16.

⁷¹ Литературное наследство. Т.84: Иван Бунин. Кн.1. М., 1973. С.306. Бунин имеет в виду статью «О русской периодической печати» (По морю и суше. 1891. №26. 29 апреля. С.5).

⁷² ЦНБ Украины. Отдел рукописей. Ф.3. Ед.хр.8036. Л.1-2; Ед.хр.14402; ЦГИА Украины. Ф.294. Оп.1. Ед.хр.213. Л.7-7об., 12, 18.

пишет П.И.Иорданову, что «Чайка» в Киеве «имела большой успех»⁷³. Очевидно, Чехов знал о двух положительных отзывах на спектакль в киевских газетах, из которых один принадлежал Бердяеву.

«'Чайка'», — пишет Бердяев, — не мертвая бутафорская принадлежность, а удивительно меткий, красивый и трогательный символ современной русской молодежи "конца века" /.../. Самый выдающийся жанрист в русской литературе текущих дней преподносит вам превосходно написанную галерею живых окружающих типов». Чехову, по мнению Бердяева, «удалось ярко и рельефно изобразить в реальном образе происхождение и психологию современных декадентов». Бердяев считает Чехова «бытописателем, не приукрашивающим уродливой и гнусной действительности»⁷⁴. Позднее он отмечал, что многим европейским знаменитостям «как до звезды небесной далеко до наших — проникновенно-могучего драматурга Чехова и /.../ блестящего жанриста на сцене Максима Горького с их трезвым русским реализмом»⁷⁵.

В рецензии на постановку пьесы И.С.Тургенева «Вечер в Сорренто» Бердяев выражает свое отношение к Тургеневу-драматургу, который «проводит перед нашим очарованным взором не сочиненных кукол, а настоящих людей, и заставляет их просто обмениваться естественными, идущими к делу и гармонично между собой связанными фразами, а не болтать истерически модный вздор». (Тургеневу же посвящены также стихотворения Бердяева «Памяти Тургенева» и «Мать и сын»⁷⁶).

Не проходит Бердяев и мимо Грибоедова и Островского. А постановку в Киеве «Василисы Мелентьевой» и «Женитьбы Белугина» Островского он считает «праздником нашего национального искусства». Островский, по его словам, — «своего рода театральный Илья Муромец, энергичным резцом подаривший отчизне ряд великолепных изваяний из прошлого, а также наших дней»⁷⁷.

Большое внимание уделяет критик игре актеров, подобранных Соловцовым. «Если бы Грибоедов, — замечал Бердяев, — воскресши из гроба, увидел г.Киселевского (Скалозуба), он, я убе-

⁷³ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт.: Письма в 12 тт. М., 1978. Т.6. С.236.

⁷⁴ Жизнь и искусство. 1896. 17 ноября.

⁷⁵ Киевское слово. 1905. 10 октября.

⁷⁶ Жизнь и искусство. 1896. 23 октября; Заря. 1883. 23 августа; РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Ед.хр.412. Л.2-2об.

⁷⁷ Жизнь и искусство. 1897. 12 января.

жден, пришел бы в безграничный восторг от жизненной передачи типа»⁷⁸. О своем любимце и друге Н.П.Рошине-Инсарове (Пашенном) Бердяев пишет: «На спектакле "Царь Борис" за мною сидели два француза, их загипнотизировал своей строго реалистической игрой наш замечательный артист. Не зная ни слова по-русски, они на три четверти поняли само содержание трагедии. Рошин-Инсаров до мельчайших подробностей проник в замысел автора, исключив из своего портрета приписываемые Годунову черты алчного себялюбца и дипломатического лукавства»⁷⁹. О Рошине в роли Чацкого: «Такой декламации не сыщешь на русской сцене /.../. Рошин (Чацкий) — замечательнейший из Чацких в истории нашего театра»⁸⁰. (К первой годовщине трагической гибели выдающегося артиста Бердяев написал стихотворение «Грустная годовщина»⁸¹). Интересны его оценки игры актеров Т.Чужбинова, Анчарова-Эльстона, А.Тугариновой, бенефис которой стал праздником киевской интеллигентной молодежи⁸².

Бердяев не проходил мимо бездарных пьес, проникавших в репертуар. Тут уж перо его не знало пощады. Разящие стрелы летели и в автора, и в режиссера, и в актеров; например, по адресу нашумевшей «Тещи» Ж.Онэ, которого Бердяев назвал «бесмысленным борзописцем»: «Я нарочно подробно остановился на "Теще", чтобы показать, как низменны и пошлы идеалы западной буржуазной публики /.../. "Теща" — тошнотворно-слащавая, насквозь пропитанная буржуазной моралью пьеса»⁸³. «Теще» Бердяев противопоставляет произведения писателей, «стремящихся возможно ближе подойти к жизненной неприкрашенной правде /.../. Толчок этому дали скандинавские таланты Ибсен, Бьернстерне-Бьернсон, Стриндберг»⁸⁴.

Выражая свое отношение к комедии, Бердяев пишет: «Комедия должна быть или комедией нравов, сатирой современных язв, или естественно веселым водевилем не глубоко обличительного характера, а также просто представляющим собой ряд шаржей, карикатур. За талантливый юмор подчас можно простить и смешные пересолы и даже кое-что смело пикантное. Ведь вот хотя бы оперетки Оффенбаха и других авторов, при крайней грубости пользовались громадным успехом во всем цивилизо-

⁷⁸ Жизнь и искусство. 1896. 24 ноября.

⁷⁹ Там же. 27 октября.

⁸⁰ Там же. 24 ноября; 1897. 30 октября.

⁸¹ Киевская газета. 1900. 8 января.

⁸² Жизнь и искусство. 1897. 21 января, 12 февраля.

⁸³ Там же. 29 ноября.

⁸⁴ Там же. 12 января.

ванном мире в качестве политических стрел, наносивших чувствительные моральные раны режиму Наполеона III. В наши дни немецкие драматурги ведут борьбу с уродствами их гражданского строя, и ничто не в силах сдержать волны общественного негодования против безобразий германского милитаризма, приниженного положения женщины, угнетения в самых разнообразных формах и т.п., мощно прорывающейся наружу в пьесах Зудермана, Гауптмана и других идейных писателей»⁸⁵.

Бердяев высоко оценил постановку пьесы Г.Зудермана «Гибель Содома» в театре Соловцова: «Зудерман среди современных немецких драматургов занимает одно из видных мест, его пьеса /.../ написана талантливо, живо и сценично». Мы найдем у Бердяева и обширный отзыв о пьесе Зудермана «Камень среди камней. Искупление», а также анализ причин падения популярности драматурга⁸⁶.

Интересны мнения Бердяева об игре Д.А.Смирнова, Ф.И.Шалыпина, Адамо Дидура, игре «первоклассного сценического гения» Сары Бернар, о пьесе Э.Ростана «Принцесса Греза». Бердяев перевел на русский язык отрывок из «Мемуаров» Сары Бернар⁸⁷, его рецензия на пьесу Э.Ростана «Самарянка» была опубликована в парижском «Revue de Paris» (1897. №2) и в «Киевском слове» (1897. 17 апреля).

Отношение Бердяева к украинскому языку, драматургии, театру, актерам отражает его концепцию страстной защиты украинской культуры. «С особым удовольствием, — пишет он в 1899, — берусь я опять за перо драматического критика, чтобы заняться более близкой мне, малорусской сценой — особенно в нынешний критический момент незаслуженных, лукавых /.../ нападков на наши родные — литературу, искусство и даже науку»⁸⁸. Бердяевские обзоры украинской сцены весьма интересны, оригинальны, совершенно неизвестны ни театроведам, ни читателям...

Более чем 20-миллионный украинский народ с 1876 правительственным указом был лишен возможности в пределах Российской империи издавать книги, печататься на родном языке, исполнять в концертах народные песни, привозить украинскую литературу из-за границы и т.п.; не было собственной периодической печати, даже молитвенников и азбук. К тому же некоторая часть рус-

⁸⁵ Жизнь и искусство. 1896. 1 ноября.

⁸⁶ Там же. 1897. 10 декабря; Киевское слово. 1905. 10 октября.

⁸⁷ Киевская газета. 1900. 21 марта.

⁸⁸ Жизнь и искусство. 1899. 4 декабря.

ского общества обвиняла украинский театр в «сепаратизме», что Бердяев называл «бреднями», ибо «спектакли на местном наречии не представляли ни малейшей опасности, не наносили и тени ущерба кому или чему бы то ни было»⁸⁹. «В Германии, — пишет Бердяев в связи с этим, — под градом насмешек не знал бы куда спрятаться человек, который усмотрел бы нечто противогосударственное в постановке пьес на *platdeutsch*⁹⁰ /.../ французские иронисты сжили бы со свету несчастного, способного вменить в преступление высокоталантливому поэту Прованса Мистрало (тамошний Шевченко) то, что он осмеливается излагать свои мысли и чувства не на литературном языке галлов, но предпочитает красивую и певучую его разновидность /.../. На Западе производят подобные насюки устыдились бы заведомые невежды с улицы; у нас же их не гнушаются и патентованные жрецы серьезной филологии, прибегая к недостойным тенденциозным передержкам и почти фельетонному зубоскальству над народными святынями». Враги украинского народа и его культуры, утверждает Бердяев, нашли множество обидных, порою неприличных насмешек для унижения и затаптывания в грязь драматической литературы начиная с «Назара Стодоли» Т. Шевченко и до веселых, жизненных вещей Квитки-Основьяненко и современного репертуара: «Упорно и слепо не желают подметить оригинальной и трогательной поэзии Юга, нежного лиризма малорусской натуры, невольно чарующей всякую чуткую душу. Тут мы наталкиваемся на умышленную, плохо замаскированную неправду»⁹¹.

Бердяев обращает внимание на богатство и гибкость украинского языка, предлагает читателям прочитать «Последнюю ночь» М.П. Старицкого — «произведение, которое в переводе на иностранные языки произвело бы фурор в крупнейших театрах на Западе в передаче наиболее выдающихся артистов». (На смерть Старицкого Бердяев откликнулся стихотворением «Мій віночок. На могилу М.П. Старицкого»⁹²).

Бердяев восторженно пишет также об успехах украинского искусства в Москве: «Посмотрите-ка, насколько высоко отзывчивая и серьезная матушка Москва /.../ ценит плоды малорусского творчества — нашу историю, картины быта, какую привязанность она питает к милой южанке — Украине!»⁹³. Дейст-

⁸⁹ Жизнь и искусство. 1899. 4 декабря.

⁹⁰ Нижненемецкое наречие.

⁹¹ Жизнь и искусство. 1899. 4 декабря.

⁹² Там же; Літературно-науковий вісник. 1904. Т. XXVI. Кн. 6. С. 217-218.

⁹³ Жизнь и искусство. 1899. 4 декабря.

вительно, романами М.П.Старицкого, печатавшимися в московских газетах, интересовались столичные жители, театральные группы с Украины делали в Москве громадные сборы. Произведения украинских художников-пейзажистов хорошо покупались в России. Украинские народные песни и музыка, особенно Н.В.Лысенко, по выражению Бердяева, считались «артистическим лакомством» в концертах и на вечерах по купеческим и светским салонам. Бердяев объясняет это тем, что «в Москве от хором до подвалов преобладает настроение национально-народное, которое и смеет, и радо проникнуться таким же национальным народным настроением родственного племени, живо интересуясь его отличительными чертами, что не свойственно космополитическому и декадентскому с примесью холодного и черствого бюрократизма Питеру, которому подавай скорее экзотику, пряную, щекочущую притупленные нервы обывателя»⁹⁴.

Что касается театра, то Бердяев считает, что со времен Островского и А.Толстого на русской сцене не было заметных бытовых комедий или исторических драм, могущих влиять на публику. Русская сцена не знает сейчас, по его мнению, нового поколения актеров, знакомых с народной жизнью, с селом, с бытом. «А наши хохлацкие актеры и актрисы, — пишет он, — по большей части сами вышли из украинских сел, горячо любят народ и превосходно знают мужицкий быт — равно как и пишущие для них драматурги. Не вина последних, что снимаются с репертуара такие вещи, как "Глитай, або ж Павук" М.Л.Кропивницкого, разоблачающий южно-русского кулака-обдиралу». (Бердяев был лично знаком с выдающимся драматургом и актером Кропивницким, посвятил ему стихотворение «Родина»⁹⁵).

Критик восхищается игрой украинских актеров, особенно «великой тройкой» корифеев — Н.Садовского, П.Саксаганского, И.Карпенко-Карого, а также М.К.Заньковецкой (ей посвящено стихотворение «Божий дар»), У.Сусловой, А.Затыркевич, Ю.Росиной, Г.Базилевской и многими другими. Ему принадлежат десятки рецензий на спектакли украинских театральных трупп: братьев Тобилевичей, Д.А.Гайдамаки, А.Л.Суходольского и других. Остановимся лишь на некоторых.

Одноактный этюд М.Кропивницкого «После ревизии» Бердяев считает «пробным камнем» для украинских трупп. «Когда-то, — вспоминает он, — эта проникнутая глубоким, здоровым юмором, талантливая бытовая картинка вызывала у зрителей

⁹⁴ Жизнь и искусство. 1899. 4 декабря.

⁹⁵ Там же; ОРИЛ. Ф.100. Ед.хр.81.

такой экстаз, что они смеялись до судорог /.../», а «актеры Малого театра торопились кончать свои спектакли, чтобы поучиться реальной до иллюзии игре»⁹⁶.

Касаясь спектакля «Назар Стодоля», Бердяев отмечает, что автор пьесы, не имея понятия о театральной технике, о необходимости в драме внешних эффектов, все-таки создал классическое произведение, где есть возможность развернуться талантам. «Какая глубина содержания, какое благородство мыслей и чувств, какое искрометное остроумие в диалогах персонажей и, наконец, какое органически связанное, стройное развитие действия в самой драме! А общечеловеческие типы, выведенные в ней, — вечны»⁹⁷.

Столь же высокую оценку Бердяев дает постановке драмы Карпенко-Карого (Тобилевича) «Бурлака» и игре исполнителя главной роли Н.К.Садовского. «По благородству и пластичности, — пишет Бердяев, — образ "Бурлаки" достоин встать рядом с величайшими из сценических воплощений. /.../ Такого ансамбля, как у малороссов, не найти на российских сценах, которые не скупятся на "новинки" вроде "Дамы от Максима"»⁹⁸.

1896-1900 годы — пик деятельности Бердяева — театрального критика и рецензента, хотя и занимался он проблемами театра всю жизнь.

Новый подъем литературно-публицистической деятельности С.Бердяева приходится на годы первой русской революции. Он печатается во всех киевских газетах, за исключением монархического «Киевлянина». События 9 января 1905 нашли отражение в его стихотворении «Последние судороги»⁹⁹; о каторжном труде «полурабского племени» рабочих Бердяев говорит в «Новогодней думе»¹⁰⁰. Бердяев разоблачает бандитов-погромщиков, заливших кровью Киев в страшные дни 18-20 октября 1905 (стихотворение «Нет, это вовсе не свобода...» — Киевские отклики. 1905. 25 октября) и Белосток весной 1906 (Уличная встреча: Из разговора //Работник. 1906. 8 июня), выступает против черносотенцев в стихотворениях «Горжество порока» и «Злободневные отголоски» (Киевский голос. 1907. 25 марта и 11 апреля).

⁹⁶ Жизнь и искусство. 1899. 13 декабря.

⁹⁷ Там же. 4 декабря.

⁹⁸ Там же. 8 декабря.

⁹⁹ Напечатано трижды: В борьбе: Сборник. Вып.2. СПб., 1906. С.22; Песни борьбы: Сборник стихотворений. Ростов-на-Дону, 1906. С.27; Избранные произведения русской поэзии / Состав. В.Д.Бонч-Бруевич / Изд. 5-е. М., 1908. С.158.

¹⁰⁰ Киевские отклики. 1906. 1 января. Под названием «Городская» это стихотворение напечатано в самарском журнале «Заря Поволжья» (1914. №16. 10 мая) и в сборнике «Пролетарские поэты» (Т.П. Л., 1936. С.172). Возможно, это единственное произведение С.Бердяева, перепечатанное в советское время.

Стихотворение «1789. Историческая картинка» (Киевское слово. 1905. 6 ноября) отличается резкой антимонархической направленностью. Бердяев пишет украинские стихотворения «Лихоліття» («Година бедствия, лихолетье»), «Людкість» («Человечность»), «Перше мая» (Рада. 1907. 20 лютого, 22 квітня, 1 мая). Он поддерживает стачку почтово-телеграфных служащих и призывает сознательную часть общества «отнестись с самым горячим сочувствием к законному протесту доведенных до крайности труженников» (статьи «Почтовые страдальцы» и «Доигрались!»)¹⁰¹.

Талант публициста проявляется у Бердяева в эти годы в полную силу. Ряд статей посвящен разоблачению реакционной печати и прежде всего рупора монархически-черносотенных кругов — газеты «Киевлянин» и ее редактора Д.И.Пихно. В «Открытом письме к г.Пихно» Бердяев беспощадно расправляется с вдохновителем киевской «черной сотни»: «Как ни сильно у Вас желание повернуть в обратную сторону колесо жизни, вам не удастся это сделать /.../ Возврата к прошлому нет и не может быть, — говорит могучий голос действительности, — что бы ни каркали прихвостни реакции, разбойники пера и мошенники слова»¹⁰².

В статье «Волки в овечьих шкурах» Бердяев выступает против погромных прокламаций, напечатанных в охранках и градоначальствах, служители которых не скрывали своих черносотенных взглядов, а также против львовского «Галичанина», сеявшего рознь между поляками и украинцами, против «ванькиной литературы» — «орудия чрезвычайно опасной /.../ пропаганды под "прогрессивною" личиною, литературы, выступающей под видом жалости и любви к простому народу против освободительного движения»¹⁰³. В статье «Доки ж?» («До каких пор?») Бердяев разоблачает московскую мракобесную газету «Вече» — эту «бесстыдно-демагогическую, разбойничье-изуверскую прокламацию /.../ орган истинно-русских черносотенцев», — указывая и на покровительство властей этому изданию¹⁰⁴.

Ряд статей направлен против дискриминации нерусских народов, входивших в состав империи. «Польша должна получить автономию», — требует Бердяев в статье «Режим в российской Польше», выступает в ней против шовинистической политики русского правительства и местной шляхты, против системы русской бюрократии и действий «обрусителей», «переступивших да-

¹⁰¹ Киевские отклики. 1905. 6 (19) октября. 18 ноября (1 декабря).

¹⁰² Там же. 27 ноября (10 декабря).

¹⁰³ Киевская жизнь. 1906. 6 марта.

¹⁰⁴ Рада. 1907. 18 березня.

же крайние пределы всего того, что в состоянии придумать самая пылкая фантазия»¹⁰⁵.

Откликаясь на смерть известного финского живописца А.Эдельфельта, Бердяев в статье «Финское искусство» утверждает, что Финляндия не только российская провинция на географических картах, «но и край с самостоятельной, в полном значении слова, культурой, она обладает собственным, весьма выдающимся искусством и достойна занять одно из почетнейших мест в художественной области современной пластики /.../ Финская нация жива и отнюдь не готовится к духовной смерти»¹⁰⁶.

В пору революционного подъема Бердяевы возобновляют свою редакционно-издательскую деятельность. 22 декабря 1905 С.Бердяев получил разрешение на издание в Киеве газеты «Справедливость», переименованной им 23 марта 1906 в «Киевскую зарю». Очевидно, между сотрудниками существовали противоречия, затруднявшие активное использование газеты для проведения более радикального курса. Возможно, поэтому С.Бердяев передает права на издание другому лицу, сам остается в нем редактором и уже 24 апреля 1906 получает право на издание газеты «Свободный труд», через месяц переименованной в «Работник». Соиздателями и соредакторами газеты становятся Е.Г.Бердяева и Н.К.Мукалов¹⁰⁷.

В 1906, после подавления восстания в Москве, в Киев переезжает группа большевиков и участвует в работе «Узлового бюро РСДРП ЮЗЖД (Юго-Западной железной дороги)». Большевики решили издавать легальную ежедневную газету: ею стала бердяевская газета «Работник», ее неофициальными редакторами — Т.И.Попов, А.В.Мандельштам (Одиссей) и др.¹⁰⁸ Как и почему С.Бердяев согласился взять на себя риск издания большевистского органа — пока неизвестно, однако, известно, к каким драматическим последствиям все это привело...

Редакция обратилась с просьбой к Ленину в Петербург дать статью для первого номера газеты. По телеграфу была продиктована статья «Накануне»¹⁰⁹. Уже 8 (21) июня, в день выхода первого номера, Временный Комитет по делам печати постановил: «В газете "Работник" помещены статьи преступного содержания: "Накануне", "Текущий момент". Приказал: наложить арест на

¹⁰⁵ Киевские отклики. 1905. 5 ноября.

¹⁰⁶ Там же. 12 ноября.

¹⁰⁷ ЦГИА Украины. Ф.295. Оп.1. Ед.хр.54. Л.1-а, 3; Ед.хр.55. Л.1, 3.

¹⁰⁸ Мандельштам-Одиссей. О статье Ленина «Накануне», напечатанной в №1 «Работника» // Записки Института Ленина. Вып.1. М., 1927. С.162-163.

¹⁰⁹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.13. М., 1960. С.206-207.

номера, просить прокурора Киевского окружного суда привлечь к уголовной ответственности редактора Мукалова»¹¹⁰. Прибывшая в типографию полиция из 8 000 экземпляров конфисковала 2 100; остальные успели вывезти. В конторе редакции и у разносчиков полиция конфисковала еще около 100 экземпляров. Несмотря ни на что, редакция смогла на следующий день выпустить 2-й номер. В этот же день генерал-губернатор В.А.Сухомлинов приостановил издание газеты «ввиду вредного направления»¹¹¹. Однако этим дело не кончилось.

24 июня 1906 Департамент полиции направляет запрос начальнику Киевского охранного отделения: «В Киеве создана организация социал-демократической партии "Узловое бюро ЮЗЖД". Они успели поставить тайную типографию и приступить к изданию газеты "Работник". Одна треть газеты конфискована, остальное скрыли. Цель организации: вербовка сочувствующих волнениям рабочих и крестьян и подготовка их к общему восстанию в удобный момент». Департамент просит: «выяснить состав редакции газеты и группирующихся около них лиц, а также принять меры к обнаружению фабрикации вышеупомянутого воззвания...»¹¹². Такова краткая история появления первой большевистской газеты на Украине. Все это стало известно в 1978 после публикации подборки документов об этом событии, где, правда, не упоминается С.А.Бердяев и его роль во всей этой истории¹¹³. Нам удалось выяснить дополнительные обстоятельства.

Полиция не сумела установить нелегальный состав редакции «Работника». С.А.Бердяев, как фактический редактор-издатель, выгораживая и спасая жену и Н.К.Мукалова, всю вину взял на себя. В результате против него было возбуждено уголовное дело за напечатание в №1 и №2 газеты «Работник» статей, «возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего в государстве общественного строя». Дело Бердяева было намечено к рассмотрению в Киевской Судебной палате на осень 1907¹¹⁴.

Спасаясь от преследований, он с женой и детьми в августе или сентябре 1907 переезжает в Москву. Здесь работает в газетах «Столичное утро», «Голос Москвы», «Московские ведомости» (в отделе зарубежной жизни и культуры, куда его пригласил редак-

¹¹⁰ ЦГИА Украины. Ф.295. Оп.1. Ед.хр.4. Л.2об.

¹¹¹ Там же. Ед.хр.7: Л.334, 335, 407; Ед.хр.54. Л.4.

¹¹² Там же. Ф.275. Оп.1. Ед.хр.933. Л.22-22об.

¹¹³ См.: Глизь І.І. Документи про видання більшовицької газети «Работник» в Києві // Архіви України. 1978. №3. С.63-69.

¹¹⁴ ЦГИА Украины. Ф.318. Оп.1. Ед.хр.1752. Л.2, 4, 4об.; Ед.хр.2266. Л.7.

тор-издатель, ученый-славяновед А.С.Будилович). О мытарствах семьи Бердяевых мы узнаем из писем С.А. «Никогда не было худшего материального положения, — пишет он в Киевскую Судебную палату 25 апреля 1908, — без теплой одежды, при 25°. Наш сын, готовящийся к будущности профессионального певца [Григорий. — М.Р.], простудившись, бесповоротно потерял свой чудный оперный голос, не имея возможности, тяжело хвораая, пригласить врача и купить необходимые лекарства, а дети, за отсутствием средств, прекратили дальнейшее образование»¹¹⁵. Из того же письма мы узнаем, что Бердяевы, даже при скромных привычках, впали в жестокую нужду. Сергей Александрович был близок к самоубийству, жена тяжело заболела и потеряла сон...

В письме к известному публицисту В.В.Водовозову (1912) С.Бердяев сообщает о том, что 15-часовая ежедневная работа довела его до психоза. «С мая 1911 года я по-прежнему тяжело больная физически и душевно, живу без врачебного призора, с надорванным организмом и психикой /.../ без первобытных удобств и соответствующей пищи /.../»¹¹⁶. Тяжело переживает Сергей Александрович смерть в Киеве горячо любимой матери (23 июня 1912).

А судебное преследование продолжается. Бердяеву помогают известные адвокаты: Я.Гольденвейзер, А.Беренс, А.Марголин, Е.Фиалковский. Судебное дело переносится в Москву, здесь слушание несколько раз откладывается; друзья подготовили несколько врачебных свидетельств (и среди них свидетельство врача С.С.Голоушева — известного журналиста, печатавшегося под псевдонимом Сергей Глаголь) о болезнях Бердяева и невозможности слушания дела, которое так и не состоялось¹¹⁷.

На этом фоне мелькают редкие радости: в Москве выходит книга С.Бердяева «Песенки к шарманке. Сатирические диалоги» (Ч.1. М., 1908), его перевод романа О.Уайльда «Портрет Дориана Грея» (М., 1909), на Украине стихотворения Бердяева включаются в лучшие поэтические сборники: «Український декламатор "Розвага"» (1908), «Українська муза: Поетична антологія. Под ред. О.Коваленко» (1908), «Вінок Т.Г.Шевченкові» (Одесса, 1912), в Москве он начинает сотрудничать в русскоязычном журнале «Украинская жизнь», где печатаются его обширные «Обзоры украинской жизни»¹¹⁸. Однако это ненадолго меняет положение семьи, которая в 1912 возвращается в Киев.

¹¹⁵ ЦГИА Украины. Ф.318. Оп.1. Ед.хр.1752. Л.30об.-31.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф.539. Оп.1. Ед.хр.2049. Л.2.

¹¹⁷ ЦГИА Украины. Ф.318. Оп.1. Ед.хр.1752. Л.23, 25, 36-36об., 49.

¹¹⁸ См.: Украинская жизнь. 1912. №5. С.70-81; №6. С.92-97; №7. С.100-104.

С. Бердяев изредка печатается в местных газетах, занимается любимым делом: пишет рецензии на спектакли и выступления известных актеров. Однако семья бедствует. «...С объявлением войны, — пишет Е.Г. Бердяева в конце 1914 В.В. Водовозову, — мы мучаемся адски, особенно если принять во внимание, что на руках у меня был умирающий Сергей Александрович»¹¹⁹. Бердяев скончался в Киеве 6 ноября 1914, так и не осуществив многих планов: полиция не разрешила издание в Киеве ежедневной газеты «За сутки», а в Петербурге — «Изо дня в день». Не смог или не успел осуществить издание журнала для детей «Українська ластівка»¹²⁰ и многое другое.

Его вдова, по некоторым сведениям, после революции эмигрировала за рубеж со старшим сыном, средний умер в России (в 1918?), а младший, Глеб Сергеевич Бердяев (выступавший как литературный критик под псевдонимом Гл. Глебов), попал в сталинский ГУЛАГ (Тайшетлаг) и умер в конце 50-х годов, вскоре после освобождения¹²¹. Сейчас в Киеве, увы, ничто не напоминает о наших земляках Бердяевых...

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 2047. Л. 1.

¹²⁰ См.: ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 590. Л. 281, 283-284; ОРИЛ. Ф. 76. Ед. хр. 9.

¹²¹ Об этом сообщил нам директор музея Н.А. Бердяева в Москве А.В. Цветков.

A large, bold, black stylized letter 'P' that serves as a logo. It has a thick vertical stem and a curved top that extends to the left, ending in a thin vertical line.

Публикации

Н.А.БЕРДЯЕВ В НАЧАЛЕ ПУТИ (ПИСЬМА К П.Б. И Н.А.СТРУВЕ)

Предисловие, публикация и комментарии М.А. Колерова

Мы редко задумываемся над происхождением наших понятий. Размышляя о духовных поисках русской интеллигенции конца XIX — начала XX века, мы так легко соглашаемся с готовыми формулами, что уже не замечаем их условности, тенденциозности или намеренного субъективизма. Однажды высказанные предположения, переходя из текста в текст, становятся аксиомами, выработанные «на злобу дня» концепции мифологизируются и начинают соперничать с действительностью в «правдивости».

Наиболее уязвимой для творческой переработки оказалась история русского «религиозно-философского возрождения» начала XX века. И в этом не было злого умысла: сами участники «возрождения» явились инициаторами переосмысления своей жизни как памятника духовного самоопределения человека, для описания которого строгая документальность необязательна. В таком «автобиографическом творчестве» первое место, несомненно, принадлежит Николаю Александровичу Бердяеву (1874-1948) и его мемуарной книге «Самопознание»¹.

Именно бердяевский взгляд на историю русской духовности преобладает в литературе о «ренессансе» от кратких эмигрантских очерков до специальных исследований западных ученых, — и уже вошел в новую русскую историографию. Именно Н.А.Бердяев в большинстве случаев является истинным автором классических формулировок. «Русская идея», «Истоки и смысл русского коммунизма» — из этих и других сочинений Бердяева современная история русской мысли взяла наиболее популярные положения, развив и утвердив в качестве общепризнанного «авторский миф» философа.

Перед читателем «автопортретных» работ Бердяева предстает романтический образ одинокого творца, вечного еретика, на каждом этапе своей мировоззренческой эволюции выявляющего заложенную в глубинах его души страсть к свободе и преодолевающего узкие рамки интеллигентской «общественности». Первой ступенью зрелости мыслителя и испытанием его духовной природы стал русский марксизм, в лоне которого Бердяев провел 1890-е и начало 1900-х гг. Через марксизм и социализм прошли почти все главные деятели русской философии начала XX в., марксизм послужил необходимой предпосылкой к становлению ее «вехов-

¹ См. также: Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. П., 1923; Струве П.Б. Мои встречи и конфликты с Лениным. П., 1930-е; Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Н.-Й., 1956 и т.п.

ской традиции» (С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, С.Л.Франк и др.). Относя марксизм к одному из источников «религиозного возрождения», Бердяев совершенно справедливо уточнял, что это касается именно «критического направления» в нем, участником которого был мыслитель.

«Критический марксизм»² во главе с П.Б.Струве стремился придать новое дыхание социалистическому движению, «ревизуя» утопические начала исторического, политического и экономического учения К.Маркса и одновременно освобождая человеческие идеалы, волю, свободу выбора от примитивного материалистического детерминизма. В своей первой книге, изданной при помощи и с обширным предисловием П.Б.Струве, — «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (СПб., 1901) — Бердяев, по его словам, пытался «построить целостный синтез марксизма и идеализма». Он признавался позже, что «может быть более других марксистов этого течения исповедовал пролетарский мессианизм, но обосновывал его не материалистически. /.../ Я пытался построить теорию, согласно которой психологическое и социальное сознание пролетариата, как класса свободного от греха эксплуатации и эксплуатируемого, максимально совпадает с трансцендентальным сознанием, с нормами абсолютной истины и справедливости. /.../ Я был в социальном отношении левым марксистом, был связан с революционными кругами, но мои товарищи социал-демократы всегда считали меня еретиком...»³

На позициях «синтеза» Бердяев долго не задержался: вместе со своими немногочисленными коллегами по «критическому направлению» он двигался дальше. В поисках иной, непозитивистской основы общественной деятельности интеллигенции он участвует в новой инициативе П.Б. Струве — сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902); продолжая борьбу за политическую свободу, — сотрудничает в эмигрантском журнале Струве «Освобождение» (1902-1905, Штуттгарт-Париж) и вступает в образующийся вокруг него либерально-демократический «Союз Освобождения» (1904-1905); стремясь соединить на практике общественный и философский «идеализм», — входит в круг нового руководства журналов «Новый Путь» и «Вопросы Жизни» (СПб., 1904-1905). В современной описываемым событиям автобиографии Бердяев отмечал: «Сейчас я принадлежу к идеалистическому направлению, которое все более определяется и выражением которого является сборник "Проблемы идеализма"». Ближайшим своим единомышленником я считаю П.Б.Струве»⁴.

Его сотрудничество со Струве не прекращалось и впоследствии: главными и красноречивыми его примерами стало постоянное участие Бер-

² До недавнего времени в литературе был распространён термин «легальный марксизм». О его приемлемости в исследовании марксистских лет Бердяева и др. «критических марксистов» см.: Колеров М.А. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1991. №5. С.86-95.

³ Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» // Н.А.Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. С.219-220.

⁴ Бердяев Н.А. Автобиография (9 мая 1903 г.) // Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С.352.

дяева в журнале «Русская мысль», который с 1907 по 1918 возглавлял Струве, их общее с Булгаковым, Франком, Гершензоном и др. детище — антиинтеллигентский сборник «Вехи» (М., 1909), наконец, антиреволюционный сборник «Из глубины» (М., 1918), составленный по замыслу Струве. Однако в эмиграции их пути разошлись: центром и болевой точкой их расхождения стало отношение к большевикам и их власти. Если Бердяев был готов и «принять», и «оправдать» зло диктатуры в силу ее соответствия народному характеру, то Струве, «принимая» свершившееся как исторический факт, даже в ссылках на популярность большевиков не находил оснований для морального их «оправдания». Резкий тон взаимной полемики предопределил не только глубокий идейный, политический и человеческий раскол в отношениях старых сотрудников, но и «мемуарные выводы», сделанные Бердяевым в «Самопознании»: роль Струве в жизни философа была предельно принижена, а его философскому знамени — сборнику «Вехи» места в книге не нашлось вовсе...

Настоящая публикация писем Бердяева к Петру Бернгардовичу Струве (1870-1944) и его жене Нине Александровне (1869-1943) за 1899-1905 гг. самым серьезным образом дополняет и уточняет фактическую сторону их взаимоотношений, а также с максимальной для письменного источника непосредственностью погружает нас в атмосферу революционно-идеалистической молодости Бердяева, чьи проявления и приметы не искажены ни избирательной памятью мемуариста, ни позднейшими идейно-политическими обстоятельствами.

Струве в эти годы — признанный лидер «критического марксизма», шаг за шагом приближающийся к «идеализму» и либерализму. Один из вождей русской социал-демократии 1890-х гг., он направляет свою эрудицию в истории, философии и политической экономии на приспособление марксистской доктрины к мировому уровню социальной мысли, на анализ новых явлений в общественном развитии, выработку общезначимых принципов политического освобождения России и, освящаемый «ортодоксами», порывает с социал-демократической партией. В построении «философски обоснованного» марксистского идеала он отбрасывает «экономический материализм», оказывающийся «возведенным в философскую систему эмпиризмом»⁵. Не мысля себя без целостного мирозерцания, он призывает на помощь «построяющий мировое целое» идеализм. Но и он — не самоцель. Поощряя критические штудии молодого Бердяева, Струве замечает, что у того «ценна не одна только критическая мысль: у него с критической мыслью стройно сочетается и душевный подъем, рождающий веру и энтузиазм»⁶. Поиск абсолютных принципов человеческого существования, субъективно направляемый на более глубокое обоснование социализма, объективно выводит «критиков» не только за пределы узкой партийности, не только на зыбкую почву «творческого марксизма», но и на просторы социал-либерализма, для которого социальная справедливость важна не более, чем неотъемлемые права лич-

⁵ Струве П.Б. Предисловие // Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. С.VII.

⁶ Там же. С.I.

сти. Как с удовлетворением отмечал оппонент марксистского социализма Н.К.Михайловский, «субъективной социологии» которого была посвящена первая книга Бердяева, «критики» «уже давно отошли от марксизма, лишь по какому-то странному недоразумению доселе ими защищаемому»⁷.

Марксизм, призванный в Россию в качестве «объективной науки» для борьбы с народнической «субъективной социологией» и соответствующими утопиями, в научном отношении усеченный «ревизионизмом», в трудах «критиков» более не связывал природу идеального с «объективностью» поступательного экономического развития общества. Бердяев иронизировал по этому поводу: «Истина и идеал справедливости — категории действительно различные и поэтому складывать "субъективизм" с "объективизмом" так же мало возможно, как складывать пуды с аршинами». Отныне «объективное» для Бердяева значило: «общеобязательное, трансцендентальное». И только в этом смысле природа идеала признавалась Бердяевым «социальной»⁸. Всеобщий идеал — вот главный шаг на пути растворения собственно социалистических требований в очищенном от «буржуазности» либерализме.

Казалось бы, изложенная линия эволюции Бердяева не только хорошо известна, но и самоочевидна, лишена внутреннего конфликта и легко укладывается в его автобиографические схемы. Но публикуемые письма обязывают внимательно присмотреться к условиям эволюции. Например, Бердяев, не замечая явной холодности адресата по отношению к пролетарской метафизике, заботится о придании классовым «ценностям» абсолютного характера, наполняя религиозным содержанием социальный мессианиззм пролетариата. Бердяев всерьез обеспокоен полемикой «критиков» с «ортодоксами» и задумывается о желательности и необходимости ограничения «полета мысли» во имя партийного единства. Видно, не просто дань вежливости стояла за словами Бердяева о доктрине Маркса: «"Ученики" могут двинуть вперед теорию своего учителя; только оплодотворив ее великим духом философского критицизма, а ведь наша задача — двигать вперед теорию, развивать ее, а не пережевывать старое»⁹. Михайловский небезосновательно отмечал: «Бердяев — еретик, но, в противоположность обычной практике всех еретиков, он сравнительно очень мягко относится к той ортодоксии, от которой он откололся»¹⁰.

Дело освобождения личности, целенаправленно описываемое в «Самопознании», было бы еще долго настоятельной задачей молодого социалиста, если бы не Струве. Все тот же Михайловский, откликаясь на «Проблемы идеализма», язвил: Бердяев «точно все в зеркало смотрится:

⁷ Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1901. №4. Отд. II. С.128.

⁸ Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. С.18, 20, 25.

⁹ Там же. С. III.

¹⁰ Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1901. №4. Отд. II. С.89.

не отстал ли он от г-на Струве? Вровень ли с ним идет г. Булгаков? Достаточно ли он вообще самостоятелен и оригинален?»¹¹ Впрочем, Струве не только вел своего друга от первой его статьи «Ф.А.Ланге и критическая философия», представляющей развернутый комментарий к статье самого Струве о Ланге в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», к оригинальному творчеству, но и сам пребывал в быстром и глубоком развитии — и поэтому сохранял лидерство. Для Струве 1899-1901 — время наибольшей научной и философской активности, период принципиальных перемен. Книга Бердяева «так дорога ему»¹² лишь близкими и равноценными для него духом критицизма и пафосом построения «нового, положительного мирозерцания, гораздо более смелого, чем марксизм»¹³. Освобождение от догматики прямо зависело от успеха в построении мирозерцания, основанного на религиозном переосмыслении политики и профессиональном знании ее конкретных задач. Достаточно вспомнить судьбу любого из поколения революционеров 1890-х, кто хоть в малой степени посвящал себя «чистой науке» или «чистой философии», чтобы убедиться, что среда революционных практиков с жестокой неизбежностью отторгала П.Юшкевича и А.Богданова, как бы ни были они ортодоксальны в вопросах политической тактики. Еще большее удивление должны были вызвать интересы «идеалистические». Марксистский рецензент первой книги Бердяева недоумевал, что тот «кладет в основу всех своих социологических построений» классовый подход, и одновременно «вся его книга блещет рассыпанными по ней перлами превыспренних выражений — "великий дух", "плодотворный дух", "вечное", "неизменное", "незыблемое", "незыблемые абсолютные основания"...» Настоящее возмущение вызывал тон Бердяева: «в высшей степени самоуверенный, совершенно необычный для "начинающего писателя"»¹⁴. Может быть, обостренное чувство собственного достоинства и желание непременно быть самостоятельным в своем творчестве и служило той внутренней границей, что в конце концов отделила Бердяева от его «кружковых» друзей, а много лет спустя развела со Струве?

Но и не одной отвлеченной мыслью питался радикализм Бердяева. Свой персонализм Бердяев оттачивал на «боевой публицистике». Неудачные попытки следовать политической дисциплине лишь укрепляли его в требовании абсолютной свободы, зачастую переходившем в анархизм. Освободившись от интеллигентского утилитаризма, Бердяев сохранил в неприкосновенности интеллигентский максимализм и любовь к «терминологическому» разрешению общественных проблем, к хлестким характеристикам и блестящим формулам, скрывающим трудную сложность жизни. В 1906 году внимательный Лев Шестов сетовал на

¹¹ Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русское Богатство. 1903. №1. Отд. II. С.102.

¹² Струве П.Б. Письмо к Н.А.Струве (1902). РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.74. Л.50об.

¹³ Струве П.Б. Письмо к Н.А.Струве (1902). Там же. Д.61. Л.28об.

¹⁴ Санин А.А. Новые критики материализма и народничества. РЦХИДНИ. Ф.170. Оп.1. Д.108. Л.6, 18, 4.

Бердяева: «Ведь он в статьях по обыкновению все рассказывает "популярно". Не всегда и догадаешься, что он "непопулярно" думает»¹⁵. «Непопулярный», еще не отработавший стиля, «первозданный» Бердяев — в его ранних письмах.

Публикуются все письма Бердяева к П.Б. и Н.А.Струве за 1899-1905, сохранившиеся в автографах в фонде П.Б.Струве в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, в прошлом: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС): Ф.279. Оп.1. Д.74. Л.96-128.

1

[Киев] 23 ноября 1899 года

Многоуважаемый Петр Бернгардович, обращаюсь к Вам со следующим предложением. Только что вышла книга Вольтмана «Der historische Materialismus. Darstellung und kritik Weltanschauung»¹, я ее прочел, и мне пришло в голову, что недурно было бы перевести эту книгу на русский язык. Вольтман меня заинтересовал уже своей предшествующей книгой «System des moralischen Bewusstseins»², у него можно найти интересные мысли, он вносит свежую струю в марксистскую ортодоксию. Я с Вольтманом во многом не согласен и даже хотел бы перевести книгу не иначе, как снабдив ее небольшой критической статейкой, но у него есть очень симпатичная тенденция оплодотворять марксизм кантианством. Не знаю, согласитесь ли Вы со мной, но я думаю, что философия марксизма, особенно теория прогресса, сильно нуждается в некоторых положениях, установленных «Критикой практического разума» и «Критикой способа суждения», на это совершенно верно указал Штаммлер³. Книга Вольтмана включает весьма недурной историко-философский очерк, изложение систем Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, философск[ие] источники марксизма, затем историю марксизма как философской доктрины и критику историческ[ого] материализма. Последняя часть включает в себе ценные замечания, но в общем неудовлетворительно связывает марксизм и кантианство, автор слишком правоверный кантианец. Так вот интересно, не найдете ли Вы возможным провести этот перевод у Поповой⁴? Книга заслуживает перевода, она будит мысль и мож[ет] рассчитывать на успех уже потому, что называется «Историческ[ий] материализм», под этим заглавием даже бессмыслен-

¹⁵ Шестов Л. Письмо к А.М.Ремизову (1906) // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. М., 1990. С.148.

ный набор слов имел бы успех, т.е. покупался бы. Могут встретиться некоторые подводные камни в цензурном отношении, но их можно будет миновать. Я не начну перевода до получения от Вас ответа.

В самом непродолжительном времени я Вам пришлю свою работу о Михайловском, которую я назвал «Субъективизм и индивидуализм в общественной науке»⁵. Надеюсь, что ее можно будет издать у Поповой, как мы об этом с Вами говорили прошлой весной. Моя книга уже написана, и я ее только обрабатываю и подчищаю.

Мой адрес следующий: г. Киев, Ново-Елизаветинская, д. №10.

Ваш Николай Бердяев

¹ *Людвиг Вольтман* (1871-1907) — немецкий социолог, на рубеже XIX и XX вв. близкий к «бернштейнианскому» течению в социализме. Имеется в виду его книга: *Woltmann L. Der historische Materialismus. Darstellung und Kritik der marxistischen Weltanschauung.* Düsseldorf, 1900. Русский перевод вышел под редакцией М.М.Филиппова в издании Забицкого и Пятина (Исторический материализм. Изложение и критика марксистского мирозерцания. СПб., 1901).

² *Woltmann L. System des moralischen Bewusstseins.* Düsseldorf, 1898. Русский перевод В.Михайлова и Г.Г.Шпета вышел под редакцией М.М.Филиппова в том же издании, что и «Исторический материализм» (Система сознания в связи с отношением критической философии к дарвинизму и социализму. СПб., 1901).

³ См. кн. *Р. Штаммлера* «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (русский перевод: СПб., 1907. Т.1-2). Бердяев пользовался немецким изданием (Leipzig, 1896). В «Субъективизме и индивидуализме в общественной философии» (СПб., 1901) он отмечал: «В качестве кантианца Штаммлер чувствует, что идеал не может быть обоснован только на необходимости, что он нуждается в этическом оправдании, что должна быть показана его общеобязательность... К аналогичным выводам приходит Вольтман» (С.19).

⁴ *Ольга Николаевна Попова* (1842-1907) — издательница. Книгоиздательство ее имени открылось в Петербурге в 1894. Будучи владелицей журнала «Новое слово» (1895-1897), познакомилась с П.Б.Струве и в 1897 передала журнал в его фактическое ведение. С тех пор Струве постоянно сотрудничал с О.Н.Поповой в издании переводной политико-экономической и иной литературы, в частности редактировал «Экономическую библиотеку» издательства.

⁵ Книга Бердяева вышла в издательстве О.Н.Поповой в 1901 под названием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском».

Киев, 31 декабря 99г.*

Многоуважаемый Петр Бернгардович, простите, что я опять Вас беспокою по поводу перевода Вольтмана. По получении Вашего ответа я сейчас же написал письмо О.Н.Поповой, в котором говорю о своем проекте перевести книгу Вольтмана и спрашиваю, согласилась бы она издать этот перевод. Уже прошло довольно много времени, но ответа от Поповой я не получаю, поэтому я опять обращаюсь к Вам. Я не начну перевода, не имея в виду каких-нибудь перспектив, т.е. по крайней мере принципиального согласия издать эту книгу. (Я, конечно, исключая тот случай, что перевод мой окажется настолько плох, что его нельзя будет издать; предполагаю, что перевод будет хорош). Переводная работа имеет главным образом денежный интерес, но к переводу Вольтмана у меня есть некоторый идейный интерес. Поэтому я отказался от предложенной мне довольно выгодной переводной работы в «Мире Божьем», переводить две вещи я не имел бы времени. Будьте добры, Петр Бернгардович, ответить мне, получила ли Попова мое письмо и как она к нему отнеслась, словом, могу ли я начать перевод, не рискуя остаться в дураках и даром потратить время.

Я получил очень приятное для себя известие, что моя статья о Ланге, которую я окончательно переделал, под несколько измененным заглавием послал Кауцкому, принята с большим одобрением и появится в ближайшем номере «Neue Zeit»¹.

Моя книга все еще не вполне окончена, обработка и переписка требует много времени, но надеюсь, что я очень скоро с ней покончу и направлю на Ваш суд.

Искренно Вам преданный

Никол.Бердяев

Ново-Елизаветинская, №10.

¹ См.: Die Neue Zeit. 1899-1900. № 32-34. Под названием «Ф.А.Ланге и критическая философия» статья была напечатана в журнале «Мир Божий» (1900, №7). *Карл Каутский* (1854-1938) — после смерти Ф.Энгельса лидер «ортодоксального» крыла германской социал-демократии. В 1890-е поддерживал личные контакты с П.Б.Струве и С.Н.Булгаковым.

* Помета П.Б.Струве: «Написано Поповой и дан ответ».

Киев. 25 февраля 1900 г.

Многоуважаемый Петр Бернгардович, я очень Вам благодарен за то участие, которое Вы проявляете к изданию моей работы. Условиями, которые мне предлагает издательская фирма Поповой, я доволен. Спешу Вам сообщить, что с большим удовольствием возьмусь за перевод книги Виндельбанда¹. Прежде всего я нуждаюсь в работе, затем я очень ценю Виндельбанда и потому постараюсь перевести его получше. Интересно только знать, какой срок мне будет дан для перевода этой книги? Теперь я занят окончательной перепиской своей книги, и на это уходит больше времени, чем я предполагал. Я не только не могу послать в печать работу, написанную моим почерком, но даже не могу отдать ее переписать. Нервные движения в руках делают мой почерк непонятным, и я принужден диктовать свою книгу, и таким образом быстрота работы зависит не от одного меня. Меня очень интересует, что Вы скажете о моей книге, интересует также мнение Кистяковского². Мнения других меня не так интересуют, так как я нисколько не сомневаюсь, что меня зачислят в разряд совершенно безнадежных еретиков. Боюсь, что и Вы найдете у меня слишком уж рискованные метафизические тенденции. Вообще, я должен сознаться, что я прирожденный метафизик и что марксизм не излечил меня от этого. Самое страстное мое желание, это — поднять марксизм до заоблачных высот, придать ему в конечном счете идеалистический характер. Ведь песенка позитивизма и натурализма спета, мы теперь присутствуем при духовном переломе, который должен привести к более радостному и светлому мировоззрению. Я глубоко верю в то, что это мировоззрение признает, что наша жажда абсолютной истины и абсолютной справедливости не есть самообман, иллюзия, которую наука разлагает на молекулы. Приветствую я также возрождение романтизма в искусстве, мы должны признать самостоятельную и высшую ценность красоты и власти ее как можно более в жизни. Все это — должно быть соединено с самыми прогрессивными социальными стремлениями, которым придается более глубокий смысл. В этом переломе играет большую роль кантианство, но философия будущего не может быть только кантианство, этого было бы слишком мало. Меня очень порадовала Ваша статья в «Сев[ерном] Кур[ьере]» о «высшей ценности жизни»³. Мне особенно симпатична та этическая струя, которая проходит через Вашу статью, пора уже наконец марксистам признать

самостоятельное значение этической точки зрения. Я только не представляю себе, как это Вы философски обосновываете. Я в этом сделался бóльшим кантианцем, чем в теории познания, и особенно настаиваю на априорном и в этом смысле абсолютном характере нравственного закона (несмотря на текучесть содержания). Вероятно, более всего рискованной покажется моя телеологическая точка зрения на прогресс, защита нравственного смысла исторического процесса как части нравственного миропорядка вообще. Так как в соединении с марксизмом и историческим материализмом все это будет звучать довольно странно, но я чувствую большие недостатки своей книги, недостаточную обоснованность ее положительных воззрений. Но я надеюсь, что она по крайней мере возбудит известные вопросы и покажет несостоятельность воззрений Михайловского, несмотря на присутствие в них здорового зерна. Я назвал свою книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». В конце у меня есть глава о Михайловском как публицисте, которая будет отдыхом для тех, которые чувствуют себя несчастными в сфере философских абстракций. Ну да я что-то уж очень заболтался об себе, а я хотел еще поговорить об Вас. Мне наконец удалось достать «Архив Брауна», и я с большим удовольствием прочел Вашу статью⁴. В философском отношении я ставлю Вашу статью несравненно выше книги Бернштейна и совершенно согласен с ее основной мыслью. Я видел положительную сторону книги Бернштейна⁵, кроме общего призыва к самокритике, в устранении нелепой и вредной Zusammenbruchstheorie⁶ и соответствующих изменениях в понимании социального развития. Но я бы еще больше подчеркнул отрицательные стороны Бернштейна. В теоретическом отношении он из ряда вон плохой философ, в практическом большой филистер, вытравливающий всякий идеализм. Нужно особенно подчеркивать, что ценность, глубина и ширина нашего идеала нисколько не измельчаются от того, что научное понимание социального развития начинается иначе представлять себе реализацию цели. Вы прекрасно показали, что понятие социальной револ[юции] уже по гносеологическим соображениям должно быть отброшено, как несостоятельное. Но я бы прибавил к этому психологический анализ, который бы выяснил наше отличие от обыкновенных реформаторов. Объективно существует только социальная эволюция, но к ней можно разное относиться. И мне дорог опыт человека цельного и*

* Все фразы, выделенные в тексте курсивом, подчеркнуты в оригинале рукой П.Б.Струве.

дальнорядного в своем понимании общественного процесса, целовека с широким и глубоким идеалом, умеющего связать маленькие дела с великим делом. Я хотел бы думать, что и Вам он дорог. А вот Бернштейн желает уничтожить это психологическое отличие социального рев[олюционера] от социального реформатора, он не понимает, что самостоятельность первого может и должна быть сохранена, несмотря на уничтожение идеи социального краха. *Ведь есть же еще что-то по [ту]* сторону бланкизма и оппортунизма! Думается мне еще, что те поправки, которые теперь вносятся к ортодоксально-марксистскому пониманию социального развития, имеют большое этическое значение. Прежде всего теперь формулой прогресса должно быть «чем лучше, тем лучше», а не «чем хуже, тем лучше». Затем начинает подниматься ценность личности как самоцели, ее горизонты расширяются. Ведь чисто революционная идеология в узком смысле этого слова обыкновенно плохо понимает, что отречение от внезапного переворота и от бланкистских средств должно только углубить значение идеальной цели, устранение утопизма должно усилить не только наш реализм, но и наш идеализм.* По поводу своей статьи, принятой в «N[eue] Z[eit]», я получил очень благосклонное письмо от Кауцкого. Он опять развивает свою любимую мысль, которую он высказал в книге о Бернштейне, что дальнейшего теоретического развития марксизма нужно ожидать от русских¹. *Кауцкий остался очень доволен моей защитой философского критицизма, я даже не ожидал этого от такого ортодокса*⁸. *Боюсь только, что он счел меня за безусловного противника Бернштейна, между тем как мне представляются, увы, только курьезными попытки Кауцкого доказать, что Zusammenbruchstheorie продукт воображения Бернштейна*⁹. Ну, я что-то уж очень разболтался. Это произошло от того, что мне очень хотелось бы с Вами поговорить, п[отому] ч[то] я чувствую, что у нас будет много точек соприкосновения, а в Петербург я вероятно не так скоро попаду, несмотря на то, что меня туда страшно тянет. Книгу свою я Вам пришлю в Марте месяце. Очень боюсь, чтобы не вышло с ней цензурных затруднений. Как Вы думаете, не может ли ей повредить факт, что на ней будет стоять мое имя, человека в политическом отношении скомпрометированного?

Ваш Ник.Бердяев

¹ Вильгельм Виндельбанд (1848-1915) — немецкий философ-неокантианец. Его книга «История новой философии в ее связи с общей куль-

* Вставка П.Б.Струве.

турой и отдельными науками» вышла в переводе Е.И.Максимовой, В.М.Невежиной и Н.Н.Платоновой под редакцией А.И.Введенского (Т.1-2. СПб., 1902-1905).

² *Богдан Александрович Кистяковский* (1868-1920) — правовед, с 1890 — марксист, зачинатель социал-демократического движения в Киеве, организатор марксистских кружков самообразования. В одном из таких кружков состоял Бердяев. После ряда арестов, ссылки и учебы в Германии Кистяковский в 1899-1900 жил в Петербурге и Киеве, где сблизился с «критическим» направлением в русском марксизме и завязал тесные отношения с Бердяевым и Струве. Последний опоместил статьи Кистяковского и Бердяева в сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902). Их сближению способствовало также совместное участие в лекциях и рефератах, проводившихся политическими ссыльными в Вологде, где в 1902 одновременно жили ссыльный Бердяев и прибывший к ссыльной жене Кистяковский. Затем, вступив в «Союз Освобождения», Бердяев и Кистяковский, а также С.Н.Булгаков, возглавили киевскую группу этой организации. В своей первой книге Бердяев нередко опирается на докторскую диссертацию Кистяковского «*Gesellschaft und Einzelwesen*» (Берлин, 1899).

³ См.: Струве П.Б. О нашем времени. 1. Высшая ценность жизни. // Северный Курьер, 1900, №74, 16 января. С.2.

⁴ Имеется в виду статья: Struve P. von. Marx'sche Theorie des sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch. — Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1899. Bd.14. Heft 5-6. Русский перевод ее, изданный Б.Яковенко и М.Власенко в Киеве в 1905 («Марксовская теория социального развития»), самим Струве оценивался крайне низко.

⁵ *Эдуард Бернштейн* (1850-1932) — один из лидеров германской социал-демократии, теоретик марксизма, основоположник его «оппортунистического» направления, главный его труд: E.Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben des Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899. В этой книге, составленной из статей, опубликованных в партийной прессе, Бернштейн подверг критическому пересмотру основные положения марксистской доктрины в политэкономии, социологии и философии, в частности, краеугольные для социал-демократии рубежа веков теории «катастроф» (социальной революции) и «обнищания» пролетариата, что подразумевало соответствующие коррективы в политической практике. Попытки Бернштейна соединить материалистическое понимание истории с кантианством и обосновать позитивную роль социальной эволюции встретили в целом отрицательное отношение в среде русских марксистов — не только «ортодоксов», но и «критиков». Последние, во многом уже проделавшие «ревизию» своими силами, находили в отказе Бернштейна от «конечной цели» признаки буржуазного «филистерства». Лишь среди немногочисленных сторонников так называемого «экономизма» (С.Н.Прокопович, Е.Д.Кускова) бернштейнианство нашло в России теоретическую и практическую поддержку.

⁶ «Теория крушения» или «теория катастрофы» (нем.) — марксистская концепция исторического развития капитализма, согласно которой систематические экономические кризисы, учащаяся и становясь все более разрушительными, в определенный момент увенчиваются экономической катастрофой капитализма и, как следствие, политической революцией и установлением коммунистической организации производства.

⁷ Ср. упоминание Бердяева о своей первой статье (см. прим.1 к п.2) и переписке по этому поводу с Каутским: «Он очень приветствовал мою статью и писал мне, что возлагает большие надежды на русских марксистов для дальнейшего теоретического развития марксизма. Немецкие марксисты, по его мнению, слишком заняты практической политикой, чтобы иметь возможность развивать теорию. Вряд ли бы он приветствовал то направление, в котором у меня произошло развитие теории» (Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С.112). Письма К.Каутского Бердяеву в архивах не выявлены.

⁸ Сходное мнение К.Каутского содержится в его письме к Г.В.Плеханову от 6 февраля 1901: «Многие из молодых марксистов — неокантианцы /.../ некоторые из этих марксистов-неокантианцев — наши лучшие головы (Бернштейн, Струве, Адлер), но я никогда не был настолько нескромен, чтобы считать себя одной из этих лучших голов... Я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма» (Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т.2. М., 1973. С.172).

⁹ В книге «Бернштейн и социал-демократическая программа» (Stuttgart, 1899), по пунктам опровергающей основные положения бернштейнианской критики марксизма, К.Каутский утверждал: «Маркс и Энгельс не выдвигали особой "теории крушения". Термин этот принадлежит Бернштейну, так же, как термин "теория обнищания" исходит от наших противников...» (Каутский К. Бернштейн и социал-демократическая программа. СПб., 1906. С.54-55).

4

[Киев] 14 Марта 1900 г.

Многоуважаемый Петр Бернгардович,

Ваше письмо доставило мне очень отрадные минуты, но вместе с тем и грусть о том, что я не в Петербурге и не могу пользоваться великим преимуществом умственного и вообще духовного общения; может быть, при наличии подобного общения я бы избежал некоторых промахов и недостатков, которые наверно окажутся в моей первой книге. Я давно уже чувствую, что в Вашей духовной индивидуальности есть что-то мне родственное, но я все-таки не предполагал, что близость наших воззрений идет так далеко. Вы не можете себе представить, как много звучит для моего

ума и моего сердца в Ваших словах: «я тоже метафизик и абсолютист в этике». Именно в этом отношении я чувствую себя одиноким в среде своих единомышленников, как чувствую себя одиноким в другом отношении в среде таких специалистов философов, как, напр[имер], Челпанов¹, с которым я веду бесконечные споры и который не может понять ни моего стремления к общественному добру, ни моей потребности в абсолютной санкции добра. Ортодоксия в настоящее время не может уже удовлетворить человека с глубокими и разносторонними запросами; я согласен с Вами, что ее узкие сторонники оказываются буржуазными в грубом смысле этого слова, так как упрощение средств принижает и умаляет цель, но отказ от ортодоксии не есть переход в другой лагерь, в других направлениях удовлетворения совести уже нельзя найти. Поэтому я вижу свет только в том, что разобьется на самой ортодоксии и перерастет ее. Особенно важно было бы теперь настаивать на том, что лучи абсолютной истины, добра и красоты могут осветить только наш лагерь и что мы недостаточно сознавали свой высокий идеализм лишь по особым историческим причинам, сила которых теперь ослабевает, что поэтому отрешиваться и теперь от этого идеализма, бесконечно расширяющего наш кругозор, охранять то, что было своевременно пятьдесят лет тому назад, это недоразумение и... тупость. Меня очень радует, что Вы не просто бернштейнианец, Ваше отношение к большому месту наших дней сложнее и глубже, и я приветствую в Вас первого писателя (не в русской только, но и в европейской литературе), который, кажется, стал на верный и более новый путь. Я бы не хотел, чтобы новой ортодоксией сделалось голенькое бернштейнианство, этого мало, нужно что-нибудь более гармоническое, красивое и вдохновляющее. Мне очень приятна мысль, что Вы хотите обо мне писать, и я ничего не имею против того, чтобы Вы поместили свою статью в виде введения к моей книге, если найдете ее (т.е. мою книгу, а не свою статью) заслуживающей этого. Литературные противники будут, может быть, по этому поводу подмигивать, но это неважно. У нас, конечно, будут пункты разногласия, и Вы, вероятно, найдете в моей книге материал для критики в собственном смысле этого слова. Я вспомнил, что в прошлом году в личном разговоре мы с Вами не сошлись в мнениях, но разговор наш был так краток, что не мог ничего выяснить. Меня очень интересует Ваше мнение по поводу одного вопроса. Положение русского литератора того толка, к которому принадлежите Вы и к которому думаю и я принадлежать, очень трудное и, пожалуй, даже двусмысленное. Мне, напр[имер], кажется, что я кое-где кривлю душой в своей книге и

не высказываю всего так, как я это выскажу в личном письме или разговоре. Я органический противник ортодоксии и в этом Вам союзник, но меня мучает вопрос, должны ли мы представлять собою некоторое соединение, вдохновленное общей идеей, или нужно бросить эту иллюзию. Я все-таки думаю и чувствую, что наша критика, наши поправки, все наши «новые слова» не должны разрушать того соединения, которое раньше образовалось, в нем сила и своеобразная краса жизни. Отсюда вытекает необходимость для нас обязательных норм, которые ставили бы границы полемики с ортодоксами. Вы, вероятно, думали над этим вопросом и пришли к какому-нибудь заключению, но меня, как человека, вступающего на литературное поприще, он теперь очень беспокоит. Срок до 1 августа для перевода Виндельбанда я считаю достаточным. Думаю начать перевод с апреля, так что в моем распоряжении четыре месяца.

Свою книгу пришлю Вам во всяком случае между 20 марта и 1 апреля. Благодарю Вас, Петр Бернгардович, за Ваше теплое письмо и духовную поддержку.

Искренне преданный Вам

Ник. Бердяев

¹ *Георгий Иванович Челпанов* (1862-1936) — в 1892-1906 — профессор психологии и философии Университета св.Владимира в Киеве, близкий знакомый Бердяева.

5

[Киев] 22 Марта 1900 г.

Многоуважаемый Петр Бернгардович, наконец-то посылаю Вам свою работу. Перечитал ее в последний раз и не испытал полного удовлетворения, я очень живо почувствовал многочисленные пробелы и склонен по этому поводу к рефлексии. Мне кажется, что я все-таки не свел теоретических концов с концами, что мои воззрения находятся в процессе образования, но, если бы я ждал полного уяснения и законченности, то пришлось бы выпустить книгу через десять или двадцать лет. Авось и в таком виде она будет иметь некоторое значение. Буду с большим нетерпением ждать от Вас письма с отзывом. Если Вы мне укажете на явные промахи, свидетельствующие о незнании или непонимании чего-нибудь, то я буду очень благодарен, мелочи можно будет исправить в корректуре. Я, конечно, не считаю своего труда научным и придаю ему главным образом фило-

софско-публицистическое значение. Может быть, со временем мне удастся более научно и основательно развить некоторые свои мысли. Если я смогу попасть на несколько лет за границу, то непременно напишу давно задуманную книгу, которую можно было бы приблизительно назвать «Кантианство и философия будущего», а пока меня очень тянет к публицистике. У меня есть проект статьи, которой я дал бы несколько рискованное название «Борьба за идеализм», поводом к статье могла бы послужить недавно вышедшая книга Волинского под таким же заглавием¹. Основная мысль проектируемой статьи такова: именно мы, люди прогрессивных социальных стремлений современной эпохи, должны объявить борьбу за идеализм (нравственно-общественный, философско-религиозный и эстетический); мы должны отнять у реакционных сил права на идеализм, эти темные силы барахтаются в грязи, и только мы стремимся вверх во всех отношениях. Тут нужно распутать историческое недоразумение, переменившее роли. Мне особенно хотелось бы отметить глубокие духовные запросы наших дней и связать их с социальным брожением. Вы сделали в этом направлении некоторые намеки в своей статье «Романтика против казенщины»², которая вообще мне пришлась по сердцу. Теперь я уже могу приняться за перевод Виндельбанда, так что очень просил бы Вас прислать мне книгу. Когда приблизительно я могу рассчитывать на появление в печати моей книги? Впоследствии своей неопытности, я все боюсь цензурных затруднений.

Искренне преданный Вам

Ник.Бердяев

Киев

¹ *Аким Львович Волинский* (наст. фамилия Флексер; 1861-1926) — критик; имеется в виду его сборник статей «Борьба за идеализм» (СПб., 1900).

² См.: Струве П.Б. Романтика против казенщины (В.В.Розанов. Сумерки просвещения) // Начало. 1899. №1. Перепечатано в сб.: Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1902.

6

[Киев] 12 апреля 1900 г.

Многоуважаемый Петр Бернгардович, обращаюсь к Вам с большой просьбой не о себе. В Киеве уже больше двух лет сидит в тюрьме мой хороший знакомый Павел Лукич Тучабский¹, а теперь его ссылают на четыре года в Вологодскую

губернию. В нравственном отношении это один из лучших людей, каких только мне приходилось встречать, но, что в данном случае еще важнее, это человек очень интеллигентный, много читавший и с литературными наклонностями (окончил он историко-философский факультет). Так как П.Л.Тучабский в ссылке будет лишен каких бы то ни было средств и более всего склонен к литературной работе, то не могли ли бы Вы найти ему переводную работу по истории или политической экономии или, может быть, компелативную работу. Я прекрасно понимаю, что никакая издательская фирма не может заниматься благотворительностью, но дать работу Тучабскому было бы не только хорошее дело, я имею все основания думать, что он может литературно работать и будет переводить хорошо. Для того, чтобы подкрепить мое мнение, я прошу Вас, Петр Бернгардович, спросить о Тучабском у Б.А.Кистяковского, который знает его очень близко, ближе меня, и поддержит меня в моей просьбе². Я не знаю, сможете ли Вы что-нибудь сделать для Тучабского, но рассчитываю на Ваше сочувствие.

Мне тоже вышел приговор, ссылка на три года в Вологодскую губернию³. Я Вам сообщу свой новый адрес. Отчего Вы мне не пришлете Виндельбанда? Что скажете о моей книге, прочли ли уже ее?

Искренчо распол[оженный]

Ник. Бердяев

¹ Имеется в виду *Павел Лукич Тучапский* (наст. фамилия Лукашевич; 1869-1922) — в 1890-х один из руководителей киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по делу которого в 1898 был арестован и привлечался к ответственности Бердяев.

² П.Л.Тучапский познакомился с Б.А.Кистяковским в 1890, когда тот перевелся на историко-филологический факультет Харьковского университета. Встречался с ним в ссылке в Вологде в 1902. Оставил воспоминания, в которых достаточно подробно и с большой симпатией осветил жизненный путь Кистяковского (Тучапский П.Л. Из пережитого. Десяностые годы. Одесса, 1923).

³ 12 марта 1898 г. Бердяев был арестован и содержался в тюрьме до 1 апреля, когда был выпущен под залог. В ходе следствия, к которому, помимо Бердяева, было привлечено почти все руководство киевской социал-демократии, составилось дело киевского «Союза борьбы», по материалам которого 22 марта 1900 г. было вынесено высочайшее повеление о ссылке Бердяева на три года. Ссылку он отбывал в Вологде в 1900-1902 и Житомире. В Вологде в названные годы среди полити-

ческих ссыльных были также: П.Л.Тучапский с женой, А.М.Ремизов, его будущая жена С.П.Довгелло, А.А.Богданов с женой, Б.В. Савинков с женой, П.Е.Щеголев, А.В.Луначарский, С.Г.Струмилин, жена Кистяковского М.В.Беренштам, к которой он на каждую зиму приезжал из Германии.

7

Вологда. 7 октября 1900 г.

Многоуважаемый Петр Бернгардович, наконец получил часть Вашего предисловия¹ и прочел ее с огромным интересом. Мне многое хотелось бы Вам по этому поводу сказать, но я выскажусь окончательно, когда прочту все предисловие. Чтение Вашей статьи возбудило во мне массу мыслей и сосредоточило мое внимание на таких сторонах философских проблем, о которых раньше я, может быть, недостаточно думал. Особенно ценной представляется мне Ваша критика нормативной логики и теории познания (телеологического критицизма), и она заставляет меня точнее уяснить свою собственную точку зрения. Вы совершенно основательно сопоставляете меня с Виндельбандом, но я не считал и не считаю теорию познания исключительно достаточной [?]. Впрочем, я очень чувствую, что недостаточно выяснил свою философскую точку зрения, и постараюсь это сделать в статье. Во всяком случае, у нас будут некоторые философские разногласия, но это не мешает появиться нашим работам под одной обложкой, общего у нас все-таки больше. С нетерпением жду окончания Вашего предисловия. Когда может появиться книга?

Кстати, мне кажется, что я признаю гносеологическое различие сущего и должного и не смешиваю этих категорий, у меня только сказался метафизический монизм, родственный Фихте, хотя я и старался воздерживаться от метафизических построений и не вполне высказал свое философское profession de foi.

Искренно преданный Вам

Н.Бердяев

¹ Речь идет о рукописи предисловия Струве к книге Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии».

Вологда. 17 октября 1900 г.

Многоуважаемый Петр Бернгардович, наконец получил окончание Вашего предисловия. Прежде всего я хочу Вам сказать, что мой этический универсализм и Ваш этический индивидуализм ни в каком случае не могут быть противоположаемы, и я рад, что Вы сами это отметили. Ваш индивидуализм вращается в другой плоскости, чем мой универсализм, и потому он является не столько критикой, сколько дополнением моей точки зрения, в Вашем смысле я индивидуалист, а Вы универсалист в моем смысле. Но мне представляется очень ценным, что Вы останавливаете свое внимание на той стороне вопроса, которая у меня, может быть, осталась в тени. Нападая на этический индивидуализм, я имел в виду эмпирический субъективизм утилитаристов и вообще гедонистов; отстаивая универсализм, я имел в виду метафизическое значение нравственности, предполагающее в конце концов нравственный миропорядок. Надеюсь, что читатель поймет, что наши точки зрения сходятся: мы оба противники утилитаризма и гедонизма, оба утверждаем безусловную самоценность человеческой личности, оба приводим этическую проблему к метафизической, хотя я, по Вашему остроумному выражению, над которым я много смеялся, и «беспатентно промышляю метафизикой».

Мне ужасно нравится то, что Вы говорите в конце об «естественном праве», о невозможности отказаться от него и уступить за какое бы то ни было «счастье»¹. С этой точки зрения Вы совершенно верно указываете на «ошибку нравственного суждения» в народничестве 70[-х] г. Но этот упрек был бы несправедлив относительно течения, возникшего в конце 70[-х] г. и проявившегося в начале 80[-х], это течение было криком «естественного права», оно было более «работой чести», чем «работой совести» и оно-то и породило более высокие образы нравственного величия, чем «народничество» 70[-х] годов. Вообще, я очень многое извлек из чтения Вашего предисловия, но некоторые Ваши мысли нуждаются в разъяснении. Менее всего меня удовлетворила Ваша защита субстанциальности души, эта идея до такой степени расшатывалась философами, начиная с Канта и кончая Вундтом, что ее защита требует обстоятельной аргументации. Каким образом Вы приходите к метафизическому монизму, о котором Вы в нескольких местах отзываетесь сочувственно? Очень понравилось мне, что Вы резче меня подчеркиваете полную несостоятельность

позитивизма и гедонизма. Если бы я сейчас писал книгу, я бы, вероятно, написал ее лучше, продуманнее. Очень интересно, что скажет критика по поводу наших идеалистических ересей. Михайловский вряд ли будет возражать по существу, он этого не любит. Итак, книга должна поступать в цензуру, надеюсь, что там не будет задержек. Теперь у меня уже по этому поводу тревожное настроение.

Искренно преданный Вам

Никол. Бердяев

¹ П.Б.Струве писал в предисловии к книге Бердяева: «Бердяев очень удачно критикует субъективизм с точки зрения нормативной теории познания, но его собственное построение объективной нравственности по аналогии с объективным познанием подпадает под нашу выше развитую критику... Ошибка всякой нормативной теории познания состоит в том, что она — да будет позволено так выразиться — беспатентно промышляет метафизикой» (С.Л); «С той этической точки зрения, на которой мы стоим и стояли всегда, "естественное право" не может быть уступлено ни за чье и ни за какое "счастье". Это — область, недоступная оппортунистическим расценкам и компромиссам даже самого альтруистического или общественно-утилитаристского свойства» (С.LXXXIII).

9

Вологда. 7 ноября 1900 г.

Дорогой Петр Бернгардович,

большое Вам спасибо за телеграмму и вообще за все, за Ваше внимание и ваше теплое участие в моей первой работе. История с задержкой моей книги возмутительно нелепа, мне ничего подобного в голову не могло прийти, это не только неприлично с точки зрения литературных нравов, но и необыкновенно глупо. Вряд ли Михайловскому может быть особенно приятно, что его юбилей¹ чествуются приостановкой выпуска книг и наложением временного запрета на свободную критику, это ведь очень унижительный для Михайловского прием. Но мне очень жаль, что у Вас было из-за моей книги столько волнений и неприятностей, которые чуть не привели к разрыву с Поповой², а я сам спокойно ждал, ничего не зная, значит, объявления о выходе книги начнут печататься только после 15 ноября? Необычный способ распространения книги должен обратить на себя внимание и получится скандальным, конечно, не для нас. Своих 20 экземпляров я получил, внешний вид книги мне нравится, но мне кажется, что она слиш-

ком дорога. Встречаются досадные опечатки, например, эпитафия к первой главе — *sub specie aeternitatis*³ — перенесен в текст, и получилась бессмыслица.

Теперь насчет Вашего предложения писать в «Мире Божьем»⁴. Мне всегда особенно приятно будет писать в журнал, в редактировании которого принимаете участие Вы. Я себя считаю неподходящим сотрудником для «М[ира] Б[ожьего]» потому что, как Вы, менее всего склонен к популяризации и люблю отвлеченную мысль и боевую публицистику. Мне кажется, что по своему писательскому темпераменту я резко субъективен, поэтому я совершенно неспособен объективно реферировать какую-нибудь книгу или статью, даже в простую рецензию я буду упорно вкладывать свои заветные мысли, буду критиковать со своей определенной точки зрения. Но, может быть, Вам удастся несколько изменить характер журнала, и там не будут так бояться всего недостаточно понятного. Во всяком случае, раз Вы принимаете участие в редактировании журнала, я в принципе охотно соглашаюсь писать для него статьи и рецензии, голова моя теперь несколько светлее, и Вы можете на меня рассчитывать. Вообще я даже очень хотел бы систематизировать свою литературную работу, это имеет для меня значение и в материальном отношении. По каким вопросам я могу писать, Вы себе приблизительно представляете, по теории познания, этике, метафизике, эстетике, социологии, у меня есть также большая склонность и к чисто публицистическим статьям, но, конечно, с более философской, чем экономической подкладкой.

У меня к Вам еще следующая просьба: может быть, можно будет из денег, которые мне следуют за книгу, выдать 86 руб. 69 к. В.В.Водовозову⁵, который на днях будет в Петербурге, а может быть, уже и там. Это было бы очень удобно для меня и для него.

Искренно преданный Вам

Ник. Бердяев

У Вас есть книга, как у одного из авторов, но я хочу, чтобы Вы имели экземпляр от меня, и потому посылаю Вам.

Какого рода статьи из моей области Вы бы считали желательным и подходящим для «М[ира] Б[ожьего]»?

¹ 6 апреля 1900 отмечалось сорокалетие литературной деятельности авторитетнейшего народнического публициста Николая Константиновича Михайловского (1842-1904). 1 декабря 1900 известный писатель и революционер П.Ф.Якубович писал Струве: «Я не видел еще книги Бердяева, — и к сожалению достать ее трудно, — но, признаюсь, меня очень неприятно поразило, что во 1-х, по словам одного издавшего книгу ли-

ца, — в ней встречаются крайне оскорбительные для Михайловского выражения, и во 2-х (и это самое главное), Ваше предисловие подписано октябрём нынешнего года. Я вижу в этом резкое противоречие тому, что Вы мне говорили: будто книга вышла так поздно исключительно благодаря неаккуратности типографии, в действительности же должна была выйти еще весной /.../ Люди, враждебные Вам, говорят, что это — прямое доказательство сознательного расчета с Вашей стороны "подсунуть бревно" под юбилей Мих[айловско]го, и что же могу возразить им, напр[имер], я, при всем глубоком уважении к Вам?» (РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.95. Л.104).

² В 1900 между Струве, взявшим на себя хлопоты по изданию книги Бердяева, и О.Н.Поповой произошел конфликт, связанный, очевидно, с задержкой книги в типографии. Неизвестные обязательства О.Н.Поповой перед другим издателем — Л.Ф.Пантелеевым вынудили ее отложить издание книги Бердяева. Струве писал ей 29 октября 1900: «В случае, если Л.Ф.Пантелеев "развяжет" Вас, то я настаиваю на немедленном выходе книги обычным порядком, под Вашей фирмой или иной, для меня безразлично /.../ Я настаиваю на том, чтобы по истечении цензурного срока автору немедленно было послано 20 экз[емпляр]ов (авторских), мне 15 авторских же экз[емпляр]ов и кроме того, мне было выдано немедленно в кредит с обычной уступкой — 100 экз[емпляр]ов. /.../ Несогласие Ваше на эти два решения /.../ не оставит для меня никакого иного выхода, как заявить печатно о том, что я не состою больше редактором Ваших изданий. Как мне ни будет неприятен этот выход и как бы я ни желал не предпринимать никакого действия, направленного против Вас, но я, к сожалению, не имею никакой возможности категорически и выразительно высказать свое отношение к спорному пункту иначе, как сделав такой решительный шаг /.../ Вы можете поступать, как Вам угодно /.../ (можете, напр[имер], совсем отказаться от издания книги, не нарушая, конечно, ни писательских, ни материальных интересов авторов), но я поставлен в абсолютную моральную необходимость не допускать задержания выхода в свет книги всеми зависящими от меня средствами, с какими бы личными неприятностями и материальными неудобствами это не было для меня сопряжено» (РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.67. Л.77-79). Как показывает переписка Струве (Там же. Д.73. Л.104), книга вышла в свет не позже середины ноября 1900, а 1 мая 1901 Струве отказался от дальнейшего сотрудничества с Поповой (Там же. Л.69). Попытки его возобновления, предпринятые Струве в 1905, встретили ее любезный, но твердый отказ (РГБ. Архив Дома Плеханова. Ф.753. Ед.хр.84. Л.1-2).

³ Выражение принадлежит Спинозе (Этика.V.29). Оно было использовано Р.Штаммлером в качестве эпиграфа к четвертой книге его труда «Хозяйство и право» и В.Виндельбандом — в названии статьи в сборнике «Прелюдии» (Freiburg, Tübingen, 1884), а также позднее самим Бердяевым как заглавие сборника его статей (СПб., 1907).

⁴ В конце 1900 — первой половине 1901 П.Б.Струве состоял членом редакции ежемесячного журнала «Мир Божий» (1892-1906), в 1899-1906

ориентировавшегося на «критическое направление» в русском марксизме и внепартийную социал-демократию.

⁵ *Василий Васильевич Водовозов* (1864-1933) — в 1880-е народник, в середине 1890-х — в числе ведущих лекторов в социал-демократических организациях Киева (вместе с Бердяевым), весной 1898 — в одной общей камере Лукьяновской тюрьмы с Бердяевым (См.: Василенко К. Четверть века назад // *Былое*. 1924. №27, 28). Семейство Водовозовых — Василий, Николай Васильевичи, Мария Ивановна — в 1890-х служило одним из связующих звеньев марксистских кругов России: от Струве до Бердяева и от Кистяковского до Франка, что впоследствии во многом предопределило персональный состав «веховской» группы мыслителей.

10

Вологда. 31 января 1901 года.

Дорогой Петр Бернгардович!

Я не знаю, вернулись ли Вы уже из-за границы, не знаю Вашего заграничного адреса и наугад пишу Вам в Петербург на редакцию «Мира Бож[ьего]»¹. Я написал статью «Борьба за идеализм», которую сначала предполагал пристроить в «Жизни»², но Ваше вступление в редакцию «Мира Бож[ьего]» и появление в «Жизни» идиотской рецензии Васильева³ навело меня на мысль, что в «М[ире] Б[ожьем]» скорее может быть напечатана моя статья⁴. Тенденции статьи очень рискованные, и я рассчитываю только на Ваше сочувствие. Я очень дорожу этой статьей, т[ак] к[ак] вложил в нее свои заветные мысли и настроения, но по обыкновению очень мало удовлетворен выполнением, я даже долго не решался Вам посылать своей работы. Если Вы найдете, что моя статья стоит этого, то поспособствуйте ее помещению в «Мире Бож[ьем]». Но, может быть, статья по каким-нибудь причинам не подходит для этого журнала и Вы мне порекомендуете другое место? Что Вы скажете о статье Михайловского в январской книжке⁵? Вы были правы, нас так соединяют с Волконским [?]⁶, хотя тон у Михайловского сравнительно мягкий. Теоретического содержания в его статье нет никакого, но публицистическое есть, и на него, может быть, нужно будет ответить. Травля против идеалистических тенденций начинается, и идет она с разных сторон. Раздражение литературной улицы меня только забавляет. Жду ответа по поводу статьи.

Ваш Ник. Бердяев.

Мой адрес по-прежнему гостиница Золотой Якорь.

¹ 2 февраля 1901 Нина Александровна Герд-Струве сообщала мужу, что на его имя (в адрес редакции «Мира Божьего») пришла рукопись Бердяева — очевидно, статья «Борьба за идеализм» (РЦХИДНИ. Ф.279. Д.73. Л.109об.)

² «Жизнь» — ежемесячный журнал марксистской ориентации (СПб., 1897-1901), с середины 1900 прекратил публикацию статей Струве и его единомышленника М.И.Туган-Барановского, открыв полемику против их «ревизионистских» взглядов, изложенных, впрочем, и на страницах самой «Жизни».

³ Имеется в виду рецензия А.Васильева на «Субъективизм и индивидуализм...» Бердяева (Жизнь. 1900. №12). Рецензент заключал: «Книга г.Бердяева не найдет, мы в этом уверены, отклика среди хоть скольконибудь широких масс читателей /.../ цена ее (2 р. 25 коп. — М.К.) тоже такова, что широкого распространения книга получить не может» (С.390). А.Васильев (наст. фамилия — Сурков) также активно выступал против политэкономических и философских опытов Струве (Жизнь. 1900. №7, 10,12).

⁴ Речь идет о статье Бердяева «Борьба за идеализм» (Мир Божий. 1901. №6).

⁵ Подразумевается статья Н.К.Михайловского «О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о себе самом» (Русское богатство. 1902. №1-3).

⁶ Здесь Бердяев, вероятно, сближает разоблачительный дух статей Михайловского о книге Бердяева с вышедшей в 1900 пьесой Михаила Николаевича Волконского (1860-1917) «Принцесса Африканская», в которой автор сконцентрировал наиболее распространенные штампы традиционного театра.

11

Вологда. 22 марта 1901 г.

Многоуважаемая Нина Александровна!

Очень благодарен за то, что Вы мне письмом сообщили о Петре Бернгардовиче. Я еще раньше слышал о безобразном насилии, которому он подвергся¹, до глубины души был этим возмущен и беспокоился о его здоровье. Очень хотел бы получить известие, когда будет какое-нибудь изменение в положении П.Б. Передайте ему мой сердечный привет.

Желаю Вам всего хорошего, прежде всего свободы и здоровья П.Б.

Ник. Бердяев.

¹ На демонстрации протеста 4 марта 1901 у Казанского собора в Петербурге Струве, вместе с рядом других видных представителей демократической интеллигенции, был избит полицейскими и арестован. После двухнедельного заключения в Литовском замке был в административном порядке выслан в Тверь под гласный надзор полиции с запретом на жительство в столицах, университетских городах, Риге и Ярославле.

12

Вологда. 29 сентября 1901 г.

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях вернулся в Вологду и пишу Вам через редакцию «М[ира] Б[ожьего]», т[ак] к[ак] не знаю, где Вы теперь находитесь. Прежде всего относительно «Präludien» Виндельбанда¹. Я начинаю их переводить и хотел бы знать, сообщили ли Вы издателю, что буду переводить я, затем я хотел бы знать точно, каких статей не надо переводить. Но еще больше меня интересует, в какой стадии находится проект нашего сборника? Если уже что-нибудь определяется, то напишите мне об этом. Теперь я работаю над статьей по этике, которую предполагаю именно для сборника². Вообще я очень дорожу идеей этих сборников и думаю, что нам необходимо каким-нибудь способом разъяснить и развить свое направление, у нас слишком много противников и оказывают влияние разными путями. В Киеве я видел С.Н.Булгакова, и у нас оказалось гораздо больше точек соприкосновения, чем я предполагал, в общем у него те же идейные тенденции³.

Свидание с Вами останется для меня очень радостным воспоминанием, но мне так много хотелось сказать Вам и так много услышать от Вас, что слишком чувствуется кратковременность нашего свидания⁴. Мне бы страшно хотелось, чтобы мы могли жить в одном городе и чтобы между нами возникло более близкое общение, это уменьшало бы то чувство идейного и личного одиночества, которое меня всегда гложет.

Не забудьте сообщить мне свой адрес. Как Вы устроились и как себя чувствуете? Я теперь живу уже не в Золотом Якорь, мой новый адрес Калашная ул., д. Гусева

В.В.Водовозов думает, что за книги я ему должен около 10 руб., а Вам ничего не должен, но по вашему расчету я Вам остался должен что-то. Сколько именно? Получили ли 10 руб., высланные для меня? Я получил приглашение написать статью на литературную тему для какого-то сборника, характер которого мне не ясен, но по списку участников можно думать, что он стоит в

связи с покойной редакцией «Жизни»⁵. Будете ли Вы в нем участвовать? Если успею, то я напишу литератур[ную] статейку.

Передайте от меня поклон Нине Александровне.

Искренне любящий Вас

Никол. Бердяев

¹ Книга В. Виндельбанда «Präludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie» (Freiburg, 1884) на русский язык переведена С.Л. Франком (Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904).

² В сентябре 1901 Струве задумал коллективный сборник «в защиту идеализма», позже получивший название «Проблемы идеализма» (М., 1902), к участию в котором пригласил и Бердяева. П.И. Новгородцев, ввиду политической эмиграции Струве взявший на себя редактирование сборника, сообщил ему 14 ноября 1901: «Я имею обещания статей: от Булгакова, Бердяева, Аскольдова, кн. С.Н.Трубецкого /.../» (РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.67. Л.49об.).

³ С сентября 1901 *Сергей Николаевич Булгаков* (1871-1944) — ординарный профессор Киевского политехнического института. Один из лидеров «критического направления» в марксизме (именно с его полемики со Струве о «законе причинности и свободе воли» начинается история направления), С.Н.Булгаков, тем не менее, дольше своих соратников придерживался марксистской ортодоксии в политэкономии. Только в 1900, с завершением фундаментального труда «Капитализм и земледелие», опрокинувшего в глазах Булгакова основные положения марксистской доктрины экономического развития, создаются условия для сближения его с Бердяевым. В октябре 1901 он пишет Струве: «Бердяев произвел на меня отрадное впечатление» (Там же. Д.75. Л.101).

⁴ В сентябре 1901 Бердяев выезжал в Киев. Встреча со Струве, вероятно, состоялась при проезде через Тверь.

⁵ Журнал «Жизнь» был фактически закрыт в апреле 1901: его издатель и ведущие сотрудники оказались под арестом либо в ссылке. В 1902 редактор «Жизни» В.А.Поссе предпринял попытки продолжить ее издание в Лондоне и Женеве.

13

Калашная ул., д.Гусева
Вологда, 6 января 1902 г.^{1*}

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам свой долг. Вы мне так и не сообщили своего адреса, пишу Вам в Тверь², хотя не уверен, что Вы там. Во всяком

* Помета П.Б.Струве: «Дан ответ».

случае, когда Вы будете мне следующий раз писать, то не забудьте сообщить свой точный адрес.

Я догадался, что статья Борисова в «Вопр[осах] фил[ософии] и псих[ологии]» и есть та статья, о которой Вы мне говорили³, я прочел ее с живейшим интересом. Мне она страшно понравилась, это одна из лучших Ваших статей, и жаль, что под ней не стоит Вашей подписи. Почему это Вы скрыли себя под псевдонимом Борисова? Дух Вашей статьи и ее основные мысли мне очень дороги и близки. В последнее время я именно много думал о либерализме, который покоится на абсолютном естественном праве и имеет абсолютную ценность. По сравнению с этим либерализмом, устанавливающим вечные цели, социализм лишен самостоятельного идейного содержания. Все идеальные цели социализма, свобода, равенство, гарантии естественных прав человека, поруганные в «буржуазном» обществе, все это дано в либерализме; социализм указывает только на новые средства, более последовательного осуществления этих идеальных целей, средства, выдвинутые материальным развитием современной исторической эпохи. Практический либерализм («буржуазный») подлежит осуждению только потому, что он изменяет своей абсолютной идеальной природе, что он оказывается непоследователен. Вообще мне кажется, что стать теперь на точку зрения «естественного права», это значит проявить большое философское и публицистическое чутье, а у нас это единственно правильный путь для создания широкого политического настроения. Со времени моей книги я еще больше приблизился к Вам, у нас существуют гносеологические разногласия и индивидуальные оттенки в конечном метафизическом смысле [?], но я, подобно Вам, глубоко убежден, что только в спиритуализме можно найти окончательное удовлетворение. Мне кажется, что заглавие Вашей статьи не соответствует ее содержанию, содержание гораздо шире, а о национализме Вы говорите слишком мало.

Так как я привык связывать свою литературную судьбу с Вами, то я хочу посоветоваться по одному поводу. В Москве будет издаваться с января месяца новый журнал «Маяк» (два раза в месяц)⁴. Отделов текущей политики в нем не будет, и преобладать будет отдел литературно-художественный, но будет наука и критика. Пока определен состав сотрудников по художественной литературе, журнал стремится быть органом новых течений в искусстве (нечто вроде «Молодой России»), ближайшее участие в нем будет принимать М.Горький, который дает свою новую драму⁵ и напутственную статью для первого номера, А.Чехов, Е.Чириков⁶ (будет, похоже, писать [?]) «Провинциальные» кар-

тинки)), некоторые наши «декаденты» и начинающие таланты. Кроме того, я знаю, что журнал стоит в тесной связи с Московским художественным театром. Что касается отдела не литературно-художественного, то мне предлагают его редактировать и определить направление и состав сотрудников. Пересылаю Вам письмо от издателя В.М.Саблина (он врач-психиатр, переводчик некоторых драм Гауптмана и др. вещей и корреспондировал в «Русск[их] Введом[остях]») ⁷. Я отношусь с симпатией к литературно-художественным задачам журнала, но думаю, что при теперешней программе журнала слишком мало можно там сделать в сфере философских и социальных идей. Что Вы думаете об этом? Я не дал ответа, не посоветовавшись предварительно с Вами. Если бы я согласился, то только потому бы, чтобы прежде всего Вы приняли в этом участие. Может быть, можно расширить научный отдел. У меня почти готова статья по поводу драм Метерлинка «К философии трагедии» ⁸, которую я мог бы дать в этом журнале. Жду с нетерпением Вашего ответа, т[ак] к[ак] от этого в значительной степени зависит и мой ответ. У меня ведь нет никакого опыта и никакой практической инициативы. Если этот журнал дост[оин] внимания, если его можно использовать, то Вам нужно принять в этом участие. Читали ли Вы полемические упражнения Чернова ⁹? Я нахожу, что лучше всего на них не отвечать. Все время работаю над статьей по этике для «Сборника» ¹⁰.

Креп[ко] жм[у] Ваш[у] руку.

Иск[ренно] любящ[ий] Вас

Ник. Бердяев

¹ В автографе ошибочно указан 1901 г.

² С конца декабря 1901 Струве жил в Германии.

³ Имеется в виду статья Струве «В чем же истинный национализм?» (Вопросы философии и психологии. 1901. Кн.59), опубликованная под псевдонимом П.Борисов.

⁴ Проект издания журнала «Маяк» не осуществился.

⁵ Вероятно, подразумевается пьеса М.Горького «Мещане» (1901).

⁶ Евгений Николаевич Чириков (1864-1932) — писатель, сотрудник марксистских изданий; в 1900 в журнале «Жизнь» вел рубрику «Провинциальные картинки».

⁷ Владимир Михайлович Саблин (1872-1916) — в 1901 основал в Москве издательство, в котором, в частности, вышли два первых издания сборника «Вехи» (1909). В ноябре 1905 — январе 1907 при сотрудничестве

Бердяева под различными названиями издавал еженедельную газету («Жизнь», «Век» и др.).

⁸ См.: Бердяев Н.А. К философии трагедии. М.Метерлинк // Литературное дело. М., 1902.

⁹ *Виктор Михайлович Чернов* (1873-1952) — один из главных теоретиков и руководителей партии социалистов-революционеров, опубликовал обширный труд, посвященный как критике книги Бердяева, так и систематическому изложению идей Н.К.Михайловского, — «Субъективный метод в социологии и его предпосылки» (Русское богатство. 1901. №7, 8, 10-12).

¹⁰ Имеется в виду статья «Этическая проблема в свете философского идеализма», опубликованная в сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902).

14

Гейдельберг. Суббота 11 июля [1903]

Дорогая Нина Александровна,

было бы очень хорошо, если бы Вы и Пет[р] Бернг[ардович] приехали в Гейдельберг в Понедельник вечером, будет иллюминация замка. Если у вас есть свободный вечер, то это будет приятный отдых, и можно будет хорошо провести время. Богд[ан] Алекс[андрович] Вам уже об этом писал, мы с ним были бы страшно рады Вашему приезду¹. Я писал П.Б., что мы вообще думаем приехать как-нибудь в Штутгарт², но не непременно на этой неделе. Я знаю, как Вы оба непосильно заняты, и боюсь мешать. Передайте Пет[ру] Бернг[ардовичу], что я в положительном восторге от его статьи о германских выборах, такого рода статья была необходима для «Освоб[ождения]»³. Пожалуйста, дайте мне поручения по делам «Освоб[ождения]», если не слишком боитесь моей бесполовости. Чувствую я себя скверно, хотя та неврастеническая тошка, которая между прочим была у меня и во время моего пребывания в Штутгарте, начинает проходить. Бог[дан] Алекс[андрович] обращается со мной строго, заставляет посещать Виндельбанда в 8 ч. утра, болезней моих не признает. Если решите ехать, то известите нас, мы Вас встретим. Надеюсь скоро свидеться.

Ваш Ник. Бердяев

¹ См. письмо Б.А.Кистяковского к Струве (РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.80. Л.127об.; без даты).

² В Штуттгарте в 1902-1904 издавался либерально-демократический журнал под редакцией П.Б.Струве «Освобождение», нелегально распространявшийся в России.

³ Имеется в виду статья Струве «Германские выборы»: Освобождение. 1903. №1.(25).

15

Мюнхен. 20 августа / 2 сентября 1903 г.

Дорогой Петр Бернгардович!

Спасибо за письмо с адресами, я уже боялся, что не получу его до отъезда в Россию. Мне очень грустно, что то состояние нервного и душевного упадка, в котором я находился почти все лето по причинам чисто личным, помешало мне как следует поговорить с Вами и принять более живое участие в совместном обсуждении самых животрепещущих вопросов. Я переживаю тяжелый душевный кризис, который теперь парализует во мне всякую творческую энергию, мне трудно писать в таком состоянии, все жду какого-то возрождения, когда моя работа будет наконец меня удовлетворять. Для «Освобожд[ения]» в течение осени напишу непременно несколько статей и прежде всего обещанные две статьи, которыми очень дорожу¹. Вообще думаю теперь писать публицистические вещи, а по философии написать большую книгу, к которой буду готовиться несколько лет, чтобы избежать справедливого обвинения в голословности и недосказанности.

Мне больно было чувствовать, что между нами как будто бы произошло некоторое отчуждение. А может быть, это продукт моей мнительности? Я ведь Вас глубоко люблю, Петр Бернгардович, и преклоняюсь перед стойкостью и мужеством и самоотвержением, с которым Вы делаете свое великое дело. В Цюрихе я сражался с искристами за Вас и за «Освоб[ождение]» и, кажется, мне удалось вызвать к Вам немного лучшее отношение. Но есть предрассудки, которые можно преодолеть только столетиями, индивидуальная мысль останавливается перед ними в бессилии. Меня огорчает тот уклон от метафизического идеализма, который у Вас заметил не только я, но я надеюсь, что Вы вернетесь к метафизически-идеалистическим заветам Вашего «Предисловия» к моей книге и еще углубите эту тенденцию. Во всяком случае я хочу верить, что наши философские разногласия не помешают нам до конца дней наших быть глубокими идейными друзьями. Я очень страдаю от мысли, что так мало могу помочь Вам в Ва-

шей тяжелой работе по редактированию «Освоб[ождения]», я бы сейчас готов был бы сделаться Вашим соредактором, если бы сколько-нибудь подходил для этого по своим знаниям, по характеру вопросов, над которыми больше всего работаю, и по темпераменту. Я даже хотел было объявить войну своей отвлеченной и романтической натуре, да вряд ли что-нибудь из этого выйдет. Я себя считаю человеком наполовину погибшим, меня загубила женская любовь, которой я отдал так много сил, и [от] этого гораздо трагичнее, чем может показаться человеку, чуждому всего этого. Я скоро, может быть, опять буду за границей и увижу Вас, дорогой П.Б., а еще раньше пришлю Вам свои статьи. Креп[ко] жму Ваш[и] руки и обним[аю] Вас. Сердечн[ый] привет Нине Александр[овне].

Ваш Н.Бердяев.

Письмо без политики можете послать мне в Киев. Пушкинская, 10, на мое имя.

¹ Бердяев признал свое авторство только одной статьи: «Политический смысл религиозного брожения в России» (Освобождение. 1903. №13, 14), вышедшей под псевдонимом К.Т-н.

16

[Кларан. Около 23 августа / 5 сентября 1904]

Дорогой Петр Бернгардович!

Хочу у Вас спросить совета. Нам, т.е. главным образом мне и Сергею Николаевичу [Булгакову], предлагают вступить в редакцию «Нового Пути»¹ на очень выгодных условиях. Для этого к Серг[ею] Никол[аевичу] специально приехал в Крым² официальный делегат от «Н[ового] Пути». Комбинация такова, что мы делаемся физическими хозяевами журнала и приобретаем целый ряд талантливых сотрудников, которых и без того желали иметь у себя в журнале. Розанов может быть совершенно устранен, так же как и некоторые другие подобные писатели³. Но нам навязывается в качестве редактора Философов⁴. Клянутся, что он человек очень радикальный и что с ним легко иметь дело. Какого Вы об этом мнения, считаете ли Вы эту комбинацию приемлемой? Это, конечно, в том случае, если нельзя будет создать собственного журнала за недостатком денег, что очень возможно. А тут мы получаем уже готовый журнал с поставленной хозяйственной частью (у журнала 2500 подписчиков и он почти окупа-

ется). Фактически же разница будет только в заглавии. Но удастся ли нам [преодолеть] тот предрассудок, который существует относительно «Нового Пути»; согласятся ли у нас писать позитивисты, без которых мы не можем создать конкретной публицистики? Прежде всего, согласны ли Вы и в случае, если мы возьмем «Н[овый] П[уть]», принимать близкое участие в журнале? Сер[гей] Ник[олаевич] считает возможной эту комбинацию, если собственный журнал не удастся, я тоже, но предвижу решительный протест Павла Ивановича⁵ и многих сотрудников. Интересно Ваше мнение, как человека очень терпимого и обладающего редакторским тактом и большим опытом. Опять повторяю, что лучше, конечно, воссоздать «Воп[росы] Жизни»⁶, но, если это окажется невозможным, то почему не попробовать создать их под названием «Нового Пути».

Я теперь живу с супругами Пти, Н.Минским и З.Венгеровой⁷, Минский очень льнет к нашему направлению, но я ему не особенно верю. С редакц[ией] «Н[ового] П[ути]» у него отношения далекие. Я много говорил с Аксельродом⁸, разговоры были мирные и привели к некоторому соглашению. Он решительно высказался за союз соц[иал]-демокр[атов] и освободителей, а я этому придаю большое значение. О войне раздумал писать, боюсь вносить в политику свое индивидуальное настроение. Над другой статьей работаю, но это для книжки «Освоб[ождения]»⁹. Вашу передовую статью в последнем номере очень одобряю. Ответьте мне поскорее по адресу: Clarend. Hôtel Hetterer. Вероятно, в этот раз уже Вас не увижу, т[ак] к[ак] хочу поехать во Флоренцию на неделю, но скоро приеду к Вам в Париж. Пти удивительно симпатичный человек и к Вам относится очень хорошо. Мы с ним подружились. Передайте мой сердечный поклон Нине Александровне. У меня остались очень хорошие воспоминания о нашем путешествии в Шварцв[ал]л[ьд] и даже о Ваших припадках [нрзб.]. Вы хорошо вышли на фотографии. Жду скоро ответ.

Глубоко любящ[ий] Вас

Ник. Бердяев

¹ «Новый Путь» (Петербург, 1903-1904) — ежемесячный журнал, издававшийся учредителями Религиозно-философских собраний (ведущие сотрудники — Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, В.В.Розанов и др.). О передаче журнала в руки Булгакова и Бердяева новые сведения см.: Колеров М.А. «Вопросы Жизни»: история и содержание // Логос. Вып.2. 1992.

² В Корейзе, близ Ялты, С.Н.Булгаков жил с семьей на даче родителей жены.

³ Став ближайшими сотрудниками «Нового Пути», Булгаков и Бердяев сохранили деловые связи почти со всеми авторами прежнего состава журнала, за исключением В.В.Розанова (тот опубликовал лишь адресованные ему письма В.С.Соловьева).

⁴ *Дмитрий Владимирович Философов* (1872-1940) — критик и публицист, с июня 1904 — редактор «Нового Пути», в декабре 1904 — издатель.

⁵ *Павел Иванович Новгородцев* (1866-1924) — философ права, сотрудник обновленной редакции «Нового Пути» и «Вопросов Жизни».

⁶ «*Вопросы Жизни*» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1905 взамен «Нового Пути» под фактической редакцией Булгакова и Бердяева по учредительским документам Н.О.Лосского (официального редактора) на средства Д.Е.Жуковского (издатель).

⁷ *Николай Максимович Минский* (наст. фамилия Виленкин, 1855-1937) — поэт, философ, критик. *Зинаида Афанасьевна Венгерова* (1867-1941) — литературовед, критик. *Супруги Пети* — Евгений Юльевич Пети (Пэти) и его жена Э.Балаховская-Пети, общие знакомые Бердяева и четы Струве. Пети поддержали выход первых номеров «Освобождения» сообщениями во французской прессе. См. письма Э.Балаховской-Пети к Н.А.Герд (РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.74. Л.41-43).

⁸ *Павел Борисович Аксельрод* (1850-1928) — социал-демократ, один из лидеров меньшевиков в эмиграции.

⁹ *Книжки «Освобождения»* — сборники статей и аналитических материалов, выходившие в 1903-1904 параллельно журналу «Освобождение». Статьи Бердяева в них не публиковались.

17

Вена. 3/16 сентября [1904]

Дорогой Петр Бернгардович!

Очень огорчен, что должен уехать в Россию, не получив от Вас ответа на мое письмо, а мне и Сер[гею] Ник[олаевичу] очень интересно было знать Ваше мнение по поводу комбинации с «Нов[ым] Пут[ем]». Напишите мне все-таки в Киев, Пушкинская, №10, это можно, если письмо не будет заключать в себе никакой политики и не может вводить в соблазн посторонних читателей.

Очень жалею, что не удалось побывать у Вас на обратном пути, но я соблазнился красотой Флоренции. Был в Женеве на философском конгрессе¹, который был очень неинтересен. Демонстрировались почти столетние старцы Навиль и Лассон² и рассказывали анекдоты из своего прошлого. Там встретил Бельтова³, ко-

торый поразил меня своей любезностью. Я не хотел к нему даже подходить, но он первый подошел ко мне, очень приглашал к себе, выразил желание побеседовать со мной на философские темы и представил меня Людвигу Штейну⁴ в качестве своего «друга». Не понимаю, что сей сан означает.

Передайте, пожалуйста, Р.⁵, что его просьбу я немедленно исполню по приезду в Киев и тогда напишу ему по Берлинскому адресу. Тогда же сговорюсь и насчет корреспонденций в наш журнал.

У меня к Вам просьба: не могли бы Вы выслать №№ и листки «Освоб[ождения]»⁶ в корректурных оттисках моему хорошему знакомому И.Л.Давидсону, который издает «Correspondenzblatt»⁷. Для него это очень важно и вместе с тем это будет способствовать распространению сведений «Освоб[ождения]» на немецком языке. Сделайте это, если возможно. Посылать нужно по следующему адресу: Zürich, Tageblatt «Volkrechts», Redacteur Dr. Tabler für das «Correspondenzblatt über Russische Zustaende».

Надеюсь Вас увидеть зимою в Париже.

Искрен[но] любящ[ий] Вас

Ник. Бердяев

¹ II Международный философский конгресс в Женеве проходил 4-8 сентября (н.ст.) 1904.

² *Жюль Навилль* (1816-1909) — бельгийский философ-спиритуалист; *Адольф Лассон* (1832-1917) — немецкий философ.

³ *Н.Бельтов* — псевдоним Георгия Валентиновича Плеханова (1856-1918), под которым вышла его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1895). В «Субъективизме и индивидуализме...» Бердяев отмечал философскую слабость его диалектического материализма и «излишнюю ортодоксальность, преданность традициям доктрины» (С.15-16).

⁴ *Людвиг Штейн* (1859-1930) — немецкий социолог.

⁵ Вероятно, Рувим Давыдович Стрельцов — секретарь редакции «Освобождения».

⁶ Листки «Освобождения» — приложение к журналу, выходившее с февраля 1904 по март 1905.

⁷ См. письма *Ильи Львовича Давидсона* к Струве: РЦХИДНИ. Ф.279. Оп.1. Д.66. Л.200-208; о судьбе его проекта — там же, Д.65. Л.123.

[Киев. Сентябрь 1904]*

Дорогой друг,

спешу сообщить Вам, что дело с нашим журналом окончательно устроилось. К нам переходит «Новый Путь» на таких условиях, что мы оказываемся его полными хозяевами. Двойной октябрьско-ноябрьс[кий] номер будет уже наш. В объявлении я и Сергей Николаевич будем названы фактическими редакторами журнала. Хотели также объявить статьи наших новых сотрудников, и самое важное для нас, согласны ли Вы принимать близкое участие в журнале и в том случае, если он будет называться «Н[овый] П[уть]», а не «В[опросы] Ж[изни]»¹. Для внутреннего и иностранного обозрения привлечены И.Гессен и В.Водовозов². Будет продолжаться роман Мережковского³ и останутся те сотрудники по художественно-беллетристическому отделу, которых мы и без того хотели иметь, но неприятные для нас сотрудники будут устранены. Напишите как можно скорее Ал[ексandre] Мих[айловне]⁴ для пересылки мне списка тех Ваших статей, которые мы могли бы выставить в объявлении. Хотели объявить их под псевдонимом П.Г.⁵. Если Вы не согласны, то пришлите мне телеграмму «не согласен» по адресу Киев, Пушкинская, 10. Ответ нам необходим до 1 русского октября и, если мы не получим от Вас до этого времени отрицательного ответа, то мы будем это понимать как согласие и выставим в объявл[ении] те Ваши статьи, о которых Вы мне говорили в личном разговоре. Жду ответа.

Ваш Н.Бердяев**

¹ Струве был объявлен среди сотрудников «Вопросов Жизни», но участия в журнале не принял.

² *Иосиф Владимирович Гессен* (1866-1943) — правовед, впоследствии редактор кадетской газеты «Речь», ни в «Новом Пути», ни в «Вопросах Жизни» не публиковался. В.В.Водовозов выступал в журнале с «иностранными обозрениями» и др.

³ Окончание романа Д.С.Мережковского «Петр и Алексей» (книги VII-X) появилось в №1-3 «Вопросов Жизни», роман также вышел отдельным изданием в приложении к журналу (СПб., 1905).

⁴ *Александра Михайловна Калмыкова* (1849/1850-1926) — издательница, приемная мать Струве, в 1904 уже не имевшая с ним контактов.

* Помета П.Б.Струве: «Д[ан] о[твет]».

** На обратной стороне листа рукой Бердяева: «Для П.Г.».

⁵ П.Г. — псевдоним, которым подписана статья Струве «К характеристике нашего развития» (сб. «Проблемы идеализма»), в 1903 был раскрыт Н.К. Михайловским в «Русском богатстве» (№1), использовался редакцией «Вопросов Жизни» для анонсирования на 1905 серии статей Струве «Вне очереди».

19

[Петербург. 22 октября/4 ноября 1905]

Шлем сердечные поздравления редактору «Освобождения» по случаю освобождения нашей родины¹.

Лосский. Жуковский. Бердяев. Чулков².

¹ Телеграмма. Перевод с французского. Датируется по почтовому штемпелю. Послана из Петербурга по адресу: Париж, рю Беллини. Редакция журнала «Освобождение». П.Струве.

² Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965) — философ, официальный редактор «Вопросов Жизни»; Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1866-1943) — переводчик, участник сб. «Проблемы идеализма», финансировавший издание этого сборника, как и издание «Освобождения», «Вопросов Жизни» и др.; Георгий Иванович Чулков (1879-1939) — писатель, редактор литературно-критического отдела «Вопросов Жизни».

ИЗ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА П.П.МУРАТОВА С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ К.Ф.НЕКРАСОВА

Вступительная статья, публикация
и комментарии И.В.Вагановой

Павел Павлович Муратов (1881-1950) — писатель, яркий эссеист, искусствовед, тонкий и глубокий знаток древнерусского искусства, античного искусства, эпохи Возрождения, литературный и художественный критик. Самая значительная его работа «Образы Италии», вышедшая в двух томах в 1911-1912 годах, явилась опытом изображения прошлого и современного Италии, ее городов и пейзажей, ее исторического гения и оказала определенное влияние на русскую культуру начала XX века: многие поколения русских писателей, поэтов, художников сохранили благодарные воспоминания об этой книге.

П.Муратов родился в семье военного врача в городе Боброве Воронежской губернии; среднее образование получил в кадетском корпусе, в 1903 году окончил Петербургский институт путей сообщения и переехал в Москву, где жил у своего брата, офицера Генерального штаба (в доме у Никитских ворот). В это время Муратов был увлечен военным делом, точнее стратегией, и когда началась война с Японией, стал писать в московских газетах о морской войне (а брат писал о сухопутной). Его эссе полагались больше на фантазию и оптимизм, чем на знание реальной военной обстановки, однако, по воспоминаниям современников, читались с большим интересом.

О Павле Муратове той поры много десятилетий спустя писал его близкий друг — писатель Б.К.Зайцев:

«Павел Павлович (мы тогда звали его дружески "Патя" — так до старости и остальсь) — он тогда еще был юн, с мягкими рыжеватыми усиками, боковым пробором на голове, карими, очень умными глазами. Держался скромно. Иногда несколько застенчиво ухмылялся. Ходил уже тогда по-литераторски, а не по-военному — левое плечо свисало, и вообще, по всему облику мало походил на "фронтовика". Нечто весьма располагающее и своеобразно-милое сразу в нем чувствовалось»¹.

Когда окончилась война, правда не так, как предсказывали «стратеги» — братья Муратовы, Павел Павлович отправился в заграничное путешествие: в Англию и во Францию. Англией Муратов был покорен, в особенности английской литературой, которую он глубоко понимал

¹ Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965. С.89.

и ценил всю жизнь. Своеобразным итогом его первого увлечения явилась небольшая книжечка «Борьба за избирательные права Англии»² — об истории и современности этой страны.

Муратов был человеком постоянно увлекающимся, причем увлекающимся страстно и неистово, а необыкновенная и многогранная одаренность его натуры обеспечивала небывалый успех всем его увлечениям. Во Франции Муратов увлекся современной французской живописью, и в первых же работах о Поле Гогене, Поле Сезанне, Анри Матиссе, Эдуаре Мане и других художниках заявил о себе как о блестящем эссеисте, тонком художественном критике. Его статьи и заметки, начиная с 1906, чуть ли не каждый месяц появлялись в русских журналах (чаще московских) — «Весы», «Зори», «Старые годы», «Русская мысль» и других. Даже в маленьких заметках, помещаемых в разделе «Искусство», Муратов пытался решать каждую отдельную тему в контексте мировой культуры³.

Вернувшись в Москву, Муратов поступил на службу в Румянцевский музей помощником хранителя отдела изящных искусств. Круг его интересов значительно расширился. Именно к этому периоду относятся многие его работы о русской живописи и о таких художниках, как Виктор Борисов-Мусатов, Николай Крымов, Валентин Серов, Михаил Врубель⁴.

В 1908 Муратов впервые приехал в Италию. Увлечение Италией оказалось самым сильным и самым длительным в его жизни. Результатом первой встречи с этой страной и явилась книга «Образы Италии». Успех книги был огромен и непрерываем. В русской литературе ничего не было равного по артистичности переживания Италии и по изысканству решения итальянской темы. В предисловии Муратовым был сделан обзор русских книг, посвященных Италии. Обращение к поэтическим и прозаическим строкам, когда-либо написанным русскими поэтами и писателями об Италии, несомненно, увеличило интерес к этой книге русской публики.

Несколько лет спустя о своем отношении к «Образам Италии» написал Александр Блок в письме к Павлу Сергеевичу Сухотину, секретарю журнала «София», когда Сухотин от имени редактора П.Муратова пригласил Блока сотрудничать в журнале: «Передайте, пожалуйста, Павлу Павловичу Муратову мой поклон и мое искреннее уважение; по Италии я ездил в 1909 году, скоро после него, и местами находил его следы в виде надписей в книгах при музеях и церквях. С тех пор как-то часто я вспоминал его, не будучи знакомым, и время выхода его книг, особенно "Образов Италии", для меня памятно»⁵.

В 1909 Муратов вернулся в Россию. А дождавшись выхода первого тома «Образов Италии», осенью 1911 вновь уехал в Италию, где пла-

² Вышла в Москве в издательстве «Народное право» в 1906.

³ Характерной для творчества П.Муратова этих лет является, например, его заметка «Письма из Лондона» (Весы. 1906. №7. С.47-51).

⁴ Автографы многих работ П.Муратова находятся ныне в РГАЛИ в фонде Государственной Третьяковской галереи — Ф.646. Оп.1. Ед.хр.261-265.

⁵ Блок А. Собр.соч. в 8 тт. М.; Л., 1963. Т.8. С.437.

нировал подготовить третий том. Продолжая работать над итальянской темой, Муратов осуществляет свой замысел по подготовке «Новелл итальянского Возрождения» (вышли в Москве в двух томах в 1912-1913 гг.). Это издание, с одной стороны, а с другой — начавшееся в 1913 увлечение Муратова древнерусским искусством отодвинули выход 3-го тома «Образов Италии» на многие годы⁶.

Интерес к русской иконе вспыхнул в русском обществе в 1911-1913 годах с необычайной силой, и это тоже в значительной степени повлияло на увлечение Муратова. Он получил приглашение от И.Э.Грабаря принять участие в фундаментальном труде «История русской живописи», в создании тома, посвященного древнерусскому искусству. Из пяти выпусков этого, 6-го тома, четыре были подготовлены самостоятельно Муратовым⁷.

Вклад П.Муратова в изучение древнерусского искусства, до настоящего времени никем серьезно не рассматривавшийся, огромен. Муратов является одним из виднейших представителей прославленной русской иконографической школы, создателем эссеистической прозы в искусствоведении. Заслуга Муратова в том, что он открыл эстетическую ценность иконы — обстоятельство, долго упускавшееся из виду русскими археографами, — и первым в начале XX века рассматривал древнерусское искусство в контексте мировой культуры.

Увлечение Муратова древнерусским искусством нашло свое выражение в его многочисленных статьях, монографиях и редактировании журнала «София» (издатель К.Ф.Некрасов). Журнал был задуман московскими почитателями старины в противовес петербургскому журналу С.К.Маковского «Русская икона». Оба журнала выходили меньше года (осенью 1914 они прекратили свое существование), и между ними шла постоянная борьба. Однако она не помешала Муратову, редактору «Софии», опубликовать свою программную статью «Ближайшие задачи в деле изучения русской иконописи» на страницах журнала «Русская икона». Это было сделано по настойчивой просьбе С.К.Маковского, который через Муратова привлекал к своему журналу и других сотрудников «Софии», к большому неудовольствию К.Ф.Некрасова, издателя «Софии»⁸.

Было подготовлено всего шесть номеров «Софии», когда началась война, с первого дня которой Муратов был призван на фронт как артиллерийский офицер. Сначала он попал на австрийский фронт в гаубичную батарею, где очень тяжело переносил невзгоды военной жизни⁹. В 1915 был переведен в Севастополь, где комендантом служил его брат, в зенитную артиллерию заведовать воздушной обороной крепости. В Се-

⁶ Впервые в трех томах «Образы Италии» вышли в Берлине в издательстве З.И.Гржебина в 1924.

⁷ VI том «Истории русского искусства» под редакцией И.Грабаря вышел в 1913.

⁸ Эти сложные отношения прослеживаются при сравнении переписки между Маковским и Муратовым, с одной стороны (ИРЛИ. Р.III. Оп.2. Ед.хр.783, 784), и Некрасовым и Муратовым — с другой (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2).

⁹ См. в настоящей публикации письма 56 и 57.

востополе Муратов продолжил свои занятия древнерусским искусством и художественными переводами; в Севастополе же началось его новое увлечение стилизованной прозой. В 1916 в «Русских ведомостях» публиковались его беллетристические этюды под общим названием «Герои и героини», которые в 1918 вышли отдельной книгой под таким же названием в московском издательстве «Геликон». Опыты стилизованной художественной прозы Муратов продолжал в «Магических рассказах» (1922), романе «Эгерия» (1922), комедии «Кофейня» (1922) и др. произведениях.

В конце 1917 — начале 1918 Муратов неоднократно пытался оставить военную службу и выйти в запас. Но это ему удалось сделать только весной 1918. По возвращении в Москву Муратов поступил на службу по охране памятников искусства. Наиболее ярким событием тех лет в жизни Муратова было его «председательствование» в «Studio Italiano» — своеобразном институте итальянской культуры, а в действительности — небольшом кружке людей, объединенных любовью к Италии и находивших в этом еще один способ защититься от современной действительности. Самым памятным событием «Studio Italiano», по воспоминаниям Б.Зайцева, М.Осоргина, Б.Грифцова, было выступление А.А.Блока весной 1921¹⁰, о чем позднее, в эмиграции, писал Муратов.

Муратов был человеком, далеким от политики, вся его энергия была направлена на собственные интеллектуальные увлечения, однако и он оказался затронутым политическими переменами в 1921-1922. Вместе с Б.Зайцевым Муратов вступил в Комитет помощи голодающим и вместе с другими членами комитета в августе 1921 был арестован и несколько дней провел на Лубянке¹¹.

В 1922 Муратов, как и многие писатели, вынужден был покинуть Россию.

Сначала он поселился в Берлине, потом переехал в Рим, несколько позднее обосновался в Париже. В первые годы эмиграции Муратовым были изданы по-французски «Русские иконы»¹², по-итальянски «Фрате Анджелико»¹³ и книга о готической скульптуре¹⁴, задуманная им еще осенью 1917. В Париже статьи Муратова появлялись в журналах «Беседа», «Воля России», «Звено», «Современные записки» и других изданиях эмиграции. В 1930-х Муратов активно сотрудничал в парижской газете «Возрождение», писал небольшие, но острые политические статьи, откликаясь на все важнейшие события современности. Работа эта, несмотря на приличные заработки, не удовлетворяла Муратова. Дух

¹⁰ См.: Тименчик Р.Д. Блок и журнал «София» // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 556-559.

¹¹ Зайцев Б. Указ. соч. С. 94.

¹² Mouratov Paul. La Peinture byzantine / Avec 256 reproductions hors texte / Traduction de Jean Chuzeville. Paris, 1928; Mouratov Paul. L'Ancienne peinture russe / Traduction d'un manuscrit russe par André Caffi. Rome, 1925.

¹³ Muratoff Paolo. Frate Angelico / Con 296 riproduzioni in fototipia. Rome, 1929.

¹⁴ Muratoff Paul. La sculpture gothique / 96 reproductions hors texte. Paris; Rome, 1931.

авантюры и прежняя страсть к путешествиям заставили его покинуть Европу и уехать в Японию, откуда он продолжал присылать в «Возрождение» свои статьи.

В Токио он оказался без средств, с трудом добрался до Сан-Франциско. В Америке начал читать лекции, поправил свое материальное положение и вернулся в Париж. Вскоре после возвращения оставил журналистику, поселился уединенно и начал огромную работу по истории русско-германской войны 1914 года. Однако этот труд был прерван начавшейся Второй мировой войной, на время которой Муратов решил переселиться в Англию, в Лондон. В Лондоне Муратов вместе с У.Алленом, военным журналистом и историком, начинает работу над книгой «Русская кампания 1941-1945 годов», которая вышла в Нью-Йорке в двух частях в 1944 (первая часть) и в 1946 (вторая часть)¹⁵.

Под конец войны Муратов, измученный звуками летающих бомбардировщиков, перебрался в Ирландию, в имение своих друзей, где была большая библиотека, полное уединение и огромный заброшенный сад — одно из последних увлечений Муратова¹⁶. Там он начал работать над историей XVI века, подробно исследуя отношения между Россией и Англией в эпоху Ивана Грозного. Но работа осталась незавершенной: в октябре 1950 Муратов скончался от сердечного приступа.

Вера Алексеевна Зайцева, жена Б.К.Зайцева, одного из ближайших друзей Муратова, посылая С.Р.Эрнсту приглашение на вечер памяти П.П.Муратова в декабре 1950, писала: «Нас осталось так мало, культурных людей, что несмотря ни на что — приходите»¹⁷.

Без преувеличения можно сказать, что Павел Павлович Муратов и среди своих современников и друзей — людей высокой культуры — выделялся не только как личность необыкновенно одаренная, но и как человек высочайшей культуры, оставивший заметный след в литературе, истории, искусствознании.

С книгоиздательством К.Ф.Некрасова, существовавшим в 1911-1916, наряду с Павлом Муратовым сотрудничали Александр Блок, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Алексей Толстой, Андрей Белый, Михаил Кузмин, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич, Борис Зайцев и многие другие писатели и поэты начала XX века.

Константин Федорович Некрасов (племянник Н.А.Некрасова) родился в 1873 в Карабихе Ярославского уезда, где жила семья младшего брата Николая Алексеевича — Федора Алексеевича.

Константин Федорович окончил 2-й Московский кадетский корпус, но военная карьера его прервалась из-за болезни. С 18 лет он жил в Карабихе — сначала лечился, потом стал помогать отцу по хозяйству. По-

¹⁵ Allen W.E.D. and Muratoff P. The russian campaigns of 1941-1943. New-York, 1944; Allen W.E.D. and Muratoff P. The russian campaigns of 1944-1945. New-York, 1946.

¹⁶ Зайцев Б. Указ.соч. С.98.

¹⁷ Сектор рукописей Государственного Русского музея (ГРМ). Ф.147. Ед.хр. 209.

сле ссоры с отцом стал искать службу¹⁸. Замкнутая жизнь в Карабихе не давала почти никаких понятий об устройстве современного общества; это послужило одной из причин быстрого согласия Константина Федоровича на предложение уездного предводителя дворянства — поступить земским начальником в самый глухой и отдаленный в Ярославской губернии Пошехонский уезд. Через три года его перевели в Ярославский уезд, а затем в Ярославль. Некрасова избирают гласным уездного и губернского земств и Ярославской городской думы. Получив по службе циркуляр губернатора, воспрещавший крестьянам обсуждать общие вопросы, он разъяснил волостным старшинам, что циркуляр губернатора не может отменить высочайший рескрипт, которым дано право «всем обсуждать свои виды и нужды» для представления правительству. Разъяснение у волостных старшин отобрали, а Константину Федоровичу предложили выйти в отставку. Он отклонил это предложение, но по настоянию министра внутренних дел В.К.Плеве все же был отстранен губернатором от занимаемой должности и уволен «по третьему пункту», то есть без права занимать в дальнейшем государственные и общественные должности.

Во время русско-японской войны К.Ф.Некрасов был избран руководителем ярославского отряда Красного Креста, посланного губернским земством на Дальний Восток, но он отказался от этого поручения «в виду нараставших политических настроений и событий»¹⁹.

Яркой страницей в жизни Некрасова было его участие в 1-й Государственной Думе, куда он был избран как деятельный член местного отдела конституционно-демократической партии от Ярославля. Приминая к прогрессивному крылу Думы, Некрасов оказался после ее разгона среди тех, кто подписал «Выборгское воззвание», призывающее не платить налоги и игнорировать воинскую повинность. Как и другие участники Выборгского воззвания, Некрасов был приговорен к трехмесячному тюремному заключению, которое отбывал летом 1908 в Ярославле вместе с князем Дмитрием Ивановичем Шаховским, депутатом-ярославцем, секретарем Думы, оказавшим значительное влияние на становление взглядов К.Ф.Некрасова²⁰.

Именно в тюрьме — а тюремное заключение Некрасов переносил бодро, его письма из тюрьмы полны юмора и проектов на будущее — он впервые задумывается об издательском деле. После выхода на свободу Константин Федорович принимается за издание ежедневной газеты «Голос», и уже 18 января 1909 программа газеты была представлена на утверждение ярославскому губернатору. С первых дней выхода газета становится самой демократичной и популярной в Ярославском крае. В конце 1909 К.Ф.Некрасов и редактор газеты «Голос» Н.П.Дружинин начинают издавать приложение к газете — еженедельный иллю-

¹⁸ Используются биографические данные из «Автобиографии К.Ф.Некрасова». — РГАЛИ. Ф.1890. Оп.3. Ед.хр.542.

¹⁹ Там же. Л.1.

²⁰ См. биографические сведения о Некрасове за этот период в фонде Н.П.Дружинина — ОР РНБ. Ф.266. Оп.1. Ед.хр.431.

стрированный журнал «Ярославские зарницы», где наряду с краеведческими печатаются и литературные материалы: стихи, рассказы, повести современных авторов, литературные воспоминания. В 1911 К.Ф.Некрасов приступает к осуществлению своих издательских замыслов. Контора издательства находилась в Москве, поэтому на всех книгах издательства К.Ф.Некрасова местом выхода значится Москва, однако типография была в Ярославле, где и жил издатель до 1916 года — до закрытия издательства, ограничиваясь различными по продолжительности выездами в Москву и Петербург, где также находился издательский склад.

Издательство имело такие отделы, как «Переводная художественная литература», «Русская классика», «Современная русская литература», «Исторические мемуары», «Памятники Возрождения», «Памятники древнерусской живописи», «Биографическая библиотека», «Библиотека войны», а также выпускало серию лубочных изданий.

Первой книгой, вышедшей в издательстве К.Ф.Некрасова в конце 1911, был «Ватек» Бекфорда в переводе Бориса Зайцева с вступительной статьей Павла Муратова. Именно Муратову принадлежит особая роль в деятельности издательства К.Ф.Некрасова, объясняемая прежде всего его сильным влиянием на формирование взглядов самого Некрасова и личной дружбой, которая возникла к концу первого года сотрудничества писателя и издателя.

Публикуемые письма П.П.Муратова к К.Ф.Некрасову, охватывающие период с 1911 по 1917, интересны для рассмотрения как творчества самого Муратова, так и деятельности издательства. Именно в этот период интерес Муратова итальянскими темами дополняется сильнейшим увлечением древнерусским искусством, на котором он и Некрасов окончательно сходятся и которое, в общем-то, и определило их дальнейшее сотрудничество: издание монографий по древнерусскому искусству, собирание икон для будущего музея древнерусского искусства, который им так и не удалось создать, издание литературно-искусствоведческого журнала.

Были и еще обстоятельства, способствовавшие сближению Муратова и Некрасова. Одна из программных установок издателя заключалась в том, чтобы знакомить русскую читающую публику с малоизвестными ей именами и неизвестными произведениями. Такое направление издательства К.Ф.Некрасова импонировало Муратову, и он с большим воодушевлением готовил для молодого издательства статьи о Бекфорде, о Нервале, перевел Нервала, Мериме, Эмилию Бронте, Патера, Вернон Ли, итальянских новеллистов.

Не менее важным для Муратова был тот факт, что издательство К.Ф.Некрасова, по меткому выражению И.Э.Грабаря, не относилось к «идейным» издательствам²¹ и в то же время не было коммерческим. Муратову как человеку, далекому от политики и желавшему оставаться всегда только эстетом в самом прямом и глубоком смысле этого слова,

²¹ Так И.Грабарь характеризовал издательство в одном из писем к Некрасову. — Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.952. Оп.1. Ед.хр.83. Л.1.

безусловно нравилось стремление Некрасова сделать свое издательство «эстетическим» и просветительским в самом широком понятии.

Конечно, нельзя сказать, что Некрасов полностью подчинился влиянию Муратова. Далеко не все и Муратов принимал в издательской программе Некрасова, и это достаточно убедительно прослеживается в публикуемой переписке. Наиболее разногласия у них были связаны с изданием книг современных писателей и поэтов, однако Муратов, имея на этот счет свое оригинальное мнение, никогда не высказывал его Некрасову, а на вопросы издателя отвечал в таких случаях со значительной степенью осторожности — в особенности это касалось творчества И.Новикова, В.Брюсова, Н.Клюева и некоторых других авторов. Расхождение во взглядах на современную литературу людей, в общем-то близких духовно, можно объяснить еще и тем, что в первые годы на формирование издательской программы Некрасова и взглядов самого издателя очень большое влияние оказал Валерий Брюсов, позицию которого Муратов разделял далеко не во всем. Наиболее наглядно расхождение взглядов Брюсова и Муратова проявилось при решении К.Ф.Некрасова закрыть свое издательство: Муратов полностью поддерживал издателя, Брюсов «умолял» не спешить с закрытием²².

После изданий Бекфорда и Нерваля Муратов подготовил для Некрасова альманах в двух томах «Новеллы итальянского Возрождения» — их выход в 1912-1913 стал заметным явлением в литературной жизни. Рукописи «Новелл» присылались Муратовым в Ярославль из Италии (так же, как и рукопись Нерваля), в Италии же Муратов вел правку корректуры.

О своем намерении создать музей (или галерею) древнерусского искусства Некрасов сообщил Муратову тоже в Италию, а когда они встретились в конце 1912, по возвращении Муратова в Россию, то обговорили свои дальнейшие планы в области собирания и издания памятников древнерусского искусства.

К идее издания журнала они пришли не сразу. Вероятно, на эту мысль их натолкнуло намерение С.К.Маковского издавать журнал «Русская икона» в Петербурге. Московские поклонники мастеров иконописи считали, что петербуржцы не имеют морального права образовывать центр изучения древнерусского искусства. Борьба между журналами «София» и «Русская икона» началась задолго до выхода обоих. Сложность ситуации была еще и в том, что Муратов сотрудничал с Маковским с 1909, предоставляя для редактировавшегося им журнала «Аполлон» свои статьи. Естественно, что, получив журнал «Русская икона», Маковский обратился к Муратову. Получив от него статью «Ближайшие задачи...» (см. выше), Маковский писал в ноябре 1913: «Дорогой Павел Павлович, пишу /.../ только два слова, чтобы сердечно поблагодарить Вас за исполненное обещание и прекрасную статью в "Русскую икону". Это как раз то, чего не доставало в 1-м сборнике, — и будет напечатано в начале,

²² См.: Письмо В.Брюсова к К.Ф.Некрасову от 26 апреля 1916 //Позывные сердца: Сборник литературно-критических статей. Ярославль, 1969. С.350-351. См. также письмо №72 в настоящей публикации.

на днях уже вышло корректуру. Вскоре надеюсь повидать Вас в Москве. Будьте еще раз другом — повлияйте на Н.М.Щекотова /.../ без его статьи об иконах Остроухова и Рябушинского я совершенно "не вижу", как составить следующий сборник!"²³.

Статья Н.М.Щекотова, сотрудника «Софии», для «Русской иконы» была написана и опубликована в №3 (Маковский называл каждый номер журнала «сборником») с редакционным примечанием: «Печатаю статью Н.М.Щекотова в "Русской иконе", редакция считает своим долгом сказать, что она не согласна в корне с оценкой, какую дает г.Щекотов трудам стольких русских исследователей в области древнерусской живописи»²⁴. «Русская икона» также беспощадно критиковала и работы другого сотрудника «Софии» — Александра Ивановича Анисимова, одного из крупнейших русских искусствоведов начала века.

Надо сказать, что «София» не оставалась в долгу, а по остроте и язвительности ее статьи, направленные в адрес «Русской иконы», во многом даже превосходили нападки петербуржцев. Делая обзор первого выпуска «Русской иконы», «София» называет его содержание «до последней степени безличным, неопределенным и случайным», сравнивая по «внешней пышности» с изданиями Синодальной типографии, а по сочетанию с «внутренней бледностью» — с «Золотым руном»²⁵.

После выхода первого номера «Софии» Некрасов писал Муратову (3 января 1914): «Читали ли проспект "Русской иконы"? Что будет в журнале — не знаю. По проспекту же судя — это почти что и "Аполлон", только пишущий о русских иконах /.../. Неприятно все-таки, что за такие дела взялся Маковский, и вовсе неприятно, что в проспекте Ваше имя и Щекотова. И с практической стороны это в ущерб нам придает им большую силу»²⁶.

Сотрудничество Муратова и Щекотова с «Русской иконой» ограничилось ее первыми сборниками, в дальнейшем же все их силы были направлены на «Софию». Именно Муратов, взявшийся за создание своего журнала с большим азартом, сумел привлечь к «Софии» Н.А.Бердяева, А.Н.Бенуа, В.Ф.Ходасевича, М.О.Гершензона, И.С.Остроухова, И.Э.Грабара и многих других искусствоведов, писателей, историков, философов. Но «ядром» редакции оставались Муратов, Щекотов, П.С.Сухотин, А.И.Анисимов и К.Ф.Некрасов.

«Софии» удалось выйти на несколько месяцев раньше, чем «Русской иконе» (хотя о новом журнале Маковского было объявлено много раньше, чем о «Софии»). Среди других русских историко-литературных и художественных журналов «София» сразу же выделилась стремлением к серьезному теоретическому осмыслению событий литературной и художественной жизни. В задачи «Софии» входило освещение путей, приближающих к постижению искусств изобразительных и искусства сло-

²³ ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 784.

²⁴ См.: Н.М.Щекотов. Иконопись как искусство: По поводу собрания икон И.С.Остроухова и С.П.Рябушинского // Русская икона. 1914. №3.

²⁵ См.: Петербургская «Русская икона» // София. 1914. №4. С.95-96.

²⁶ РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед. хр.2.

весного; была сделана попытка уяснить методы, применение которых открывает значение художественных и литературных произведений. Вследствие этого «София» уделяла больше внимания типическому и общему, чем частному и эпизодическому. Особую важность «София» видела в пробуждении нового интереса к прекрасному древнерусскому искусству и ознакомление читателей с ним считала своей главной задачей. Полагая, что древнерусское искусство может быть верно понято и должным образом оценено лишь на фоне западного творчества, редакция помещала и статьи об искусстве Запада, обращая преимущественное внимание на близкие русскому искусству произведения античной и византийской традиции. Не менее существенным «София» считала и внимание к искусству и литературе Востока, мало известным в России. Не стремясь замыкаться в прошлом, «София» отмечала из современной литературы и художественной жизни все, что, по мнению редакции, было явлением непреходящего значения.

Редакция «Софии» ревниво относилась к своей славе и своей популярности, особенно если это было связано с Петербургом. Так, Некрасов писал Муратову 7 января 1914: «Сейчас узнал веселую новость. Из Питера с учительского съезда вернулся наш сотрудник. Слышал о "Софии". Говорят о ней много и считают событием в литературном мире. Меня поругивают: как смел после 1-й Думы взяться за столь аристократическое дело»²⁷.

Об этом же свидетельствуют и письма секретаря журнала Павла Сергеевича Сухотина. Находясь в Петербурге по редакционным делам, он писал в Ярославль Некрасову: «В Питере второй номер "Софии" весьма хвалит, в "Речи" собираются о нем писать»²⁸. А несколько дней спустя, 27 февраля 1914, сообщает в Москву Муратову: «В "Асторию" заходил какой-то господин с дамой и спрашивал редактора "Софии". Уж не Гумилев ли с Анной Ахматовой?»²⁹.

Весной 1914 Некрасовым и Муратовым была запланирована поездка в Париж и Италию с целью собрать материал для новых номеров «Софии», а также приобрести картины и иконы для будущей галереи. Кроме того, Некрасов еще зимой задумал познакомиться с владельцем коллекции персидской миниатюры В.В. Голубевым, проживавшим в Париже. Были проведены переговоры, главную роль в которых играл хорошо знакомый с Голубевым Илья Семенович Остроухов, живописец и крупнейший собиратель икон, но Некрасов, затеявший строительство новой типографии, поехать не смог, и во Францию, а оттуда в Италию отправился один Муратов. Он сделал много приобретений, познакомился с Голубевым и разрешил вопрос об использовании его коллекции (к тому времени проданной в Британский музей) для «Софии». Письма Муратова, написанные в июне—июле 1914 из Парижа, Рима и Венеции, — последние из писем за мирный период. Он вернулся в Россию за несколько дней до начала войны, которая круто изменила его жизнь.

²⁷ РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.12об.

²⁸ ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.257. Л.3.

²⁹ РГАЛИ. Ф.338. Оп.1. Ед.хр.200.

Уже упоминалось, что Муратов был призван на фронт, почти сразу вслед за ним ушел и Щекотов, и Некрасов вынужден был прекратить издание «Софии»: вышло всего шесть номеров, причем последние, подготовленные еще летом, вышли только глубокой осенью. Предваряя шестую книжку «Софии», Некрасов писал: «Год назад маленькая группа людей, объединенная одними помыслами, желаниями и взглядами на искусство, затеяла издание "Софии". Теперь же из этой группы не осталось почти никого. Члены ее, и среди них вдохновитель и руководитель журнала П.П.Муратов, с оружием в руках защищают честь и неприкосновенность нашей Родины /.../».

Здесь не место говорить о том, как выполнена задача. Смею, однако, думать, что и кратковременное существование "Софии" не пройдет бесследно в деле изучения и понимания искусства»³⁰.

Официальная печать не осталась равнодушной к закрытию журнала. Газета «Речь» 26 ноября 1914 писала: «Бескровными, но серьезными жертвами войны сделались несколько журналов. Вслед за "Старыми годами" прекратилась на днях московская "София" /.../. Просуществовав лишь полгода, журнал не успел ни выработать ясную физиономию, ни занять общественную позицию, но он интересовался самыми глубокими и коренными вопросами духовной жизни и дал немало искренних горячих страниц /.../. Пожелаем "Софии" поскорее занять оставленное место».

Но Муратов и Некрасов хорошо понимали, что к изданию «Софии» они больше никогда не вернуться, так же как понимали, что задачи, поставленные ими перед журналом, в полной мере выполнены не были. К этим мыслям Муратов время от времени возвращается в своих письмах к Некрасову, отправленных из Севастополя, где он служил с весны 1915.

Во время службы Муратов продолжал сотрудничество с Некрасовым (в частности, заметным явлением стал выход книги «Новгородская икона св. Феодора Стратилата» в 1916, подготовленной Муратовым и Анисимовым совместно). К лету 1916 вышло второе издание «Воображаемых портретов» У.Патера со значительно переработанной статьей Муратова и дополненное новыми его переводами. Велись переговоры об издании других книг Муратова (переводов Эмилии Бронте, Стивенсона, второго издания «Новелл итальянского Возрождения»). Некрасов хотел даже приобрести в собственность «Новеллы итальянского Возрождения», чтобы поддержать материально Муратова, на содержании которого были жена и маленький сын, но, не выдержав трудностей военного времени, в феврале 1916 вынужден был продать сначала газету и типографию, а к осени прекратить совсем издательское дело, рассчитывая возобновить его в Москве после окончания войны.

Переписка Муратова и Некрасова продолжалась и после закрытия издательства, более того, им иногда удавалось встречаться в Крыму, где служил Муратов и куда приезжал Некрасов почти каждую осень. После октября 1917 им также случалось обмениваться письмами, которые, как правило, передавались с «оказией».

³⁰ София. 1914. №6. С.3.

Осенью 1918 К.Ф.Некрасов вернулся в Москву на постоянное жительство (первый раз он переехал в Москву в 1916) и так же, как и Муратов, поступил на службу в Отдел охраны памятников искусства и старины, потом ему приходилось несколько раз менять службу и существовать на случайные литературные заработки. Последние годы жизни Некрасов серьезно изучал древнерусское искусство, продолжал совместные работы с искусствоведами-реставраторами А.И.Анисимовым, Н.И.Брягиным, П.И.Юкиным; написал книгу «О фресковой живописи старых русских мастеров», рекомендованную Академией архитектуры к изданию, но оставшуюся неопубликованной. Умер Некрасов 22 октября 1940 в поезде по дороге в Москву из Сочи, недоезжая Туапсе; похоронен в Туапсе³¹.

Сохранилось 96 писем П.П.Муратова к К.Ф.Некрасову за 1911-1917: из них публикуются 77 писем. В публикацию не вошли письма, либо не представляющие существенного интереса по содержанию, либо повторяющие известное из публикуемого материала. Письма публикуются по автографам, хранящимся в фонде К.Ф.Некрасова в Государственном архиве Ярославской области (Ф.952. Оп.1. Ед.хр.182-187).

Ответные письма К.Ф.Некрасова к П.П.Муратову сохранились в незначительном количестве: всего 12 писем, первое из которых датируется 16 октября 1913, последнее — 8 апреля 1914. Они хранятся в РГАЛИ (Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2). Письма К.Ф.Некрасова, ранее не публиковавшиеся, используются в комментариях.

1

[Москва] 8.VII.1911

Милостивый государь Константин Федорович!

Получив Ваше любезное письмо, спешу дать Вам некоторые разъяснения. «Ватек» Бекфорда¹ — сказка не для детей, а для взрослых. Это очень глубокое и своеобразное произведение, стоящее как-то одиноко в мировой литературе. Написана она настолько совершенно, что англичане считают ее автора одним из классиков — «Standard Authors». У нас она вовсе забыта, хотя Пушкин когда-то читал ее и ею восхищался, о чем есть свидетельство в его письмах. Очень любопытен автор ее, Бекфорд. Его жизнь сама похожа на сказку, его биография исключительна. Я давно уже дал себе слово написать о нем. Теперь же это тем более уместно, что недавно изданы его письма, где есть поразительные страницы². Будет прекрасно, если в России узнают наконец «Ватека» и Бекфорда.

³¹ Эти сведения сообщил нам сын Константина Федоровича Николай Константинович Некрасов (воспоминания записаны 7 декабря 1991).

Ваше предложение, где касается меня лично, я охотно принимаю. Зайцеву сегодня же об этом напишу, и когда он ответит, извещу Вас³. Уверен, впрочем, в его согласии. Что касается деловой стороны издания, то об этом также я спрошу Бориса Константиновича. По получении от него письма сообщу Вам наши авторские пожелания. Надеюсь, что успеем сделать это до отъезда в деревню на месяц — до 28 июля. Работа будет готова окончательно к началу сентября, по моему возвращению в Москву. Это будет небольшая книга. Листа 1 1/2 предисловие и листа 4 1/2 «Ватек».

Был бы очень рад лично узнать Вас и прошу Вас пожаловать, когда будете в Москве, в Румянцевский музей — я бываю там ежедневно.

Совершенно Вас уважающий и готовый к услугам

П.Муратов

¹ *Уильям Бекфорд* (1760-1844) — английский писатель; в 1784 издал по-французски роман «История халифа Ватека», который в 1786 вышел в Лондоне по-английски (*History of the Caliph Vathek*). «Ватек» оказал влияние и на самого Муратова, что наиболее ярко отразилось в его прозе 1920-х. В частности, один из героев «Магических рассказов» (1922) лорд Эльмор имеет много общего с халифом Ватекем.

² Муратов имеет в виду издание *Mellville Lewis. The life and letters of William Beckford of Fonthill*. London, 1910.

³ *Борис Константинович Зайцев* (1881-1972) — писатель, близкий приятель П.Муратова. Зайцев жил в Москве, но каждое лето, как правило, выезжал в Тульскую губернию в имение Притыкино. К.Ф.Некрасов обратился к Муратову и Зайцеву с предложением издать перевод «Ватека» Бекфорда с основательной вступительной статьей.

2

[Москва] 16.VII.1911

Многоуважаемый Константин Федорович!

Как раз собирался Вам написать, когда получил от Вас письмо. С Борисом Константиновичем Зайцевым мы успели обменяться письмами. Теперь, согласно выраженным им пожеланиям, я могу точно установить условия издания. Перевод — 60 рублей за печатный лист — 40 тысяч букв (таких листов будет, по-моему, 3 1/2 — 4 1/2) и предисловие 100 рублей за тот же лист (оно будет занимать листа полтора). Число экземпляров предоставляется на Ваше усмотрение. Расчет желательно произвести по предоставлении Вам рукописи в полном объеме. Позвольте считать

эти условия (которые я никоим образом не могу считать обременительными) окончательно принятыми.

О внешности книжки мне очень хотелось бы позаботиться. Хорошо бы поместить и портрет Бекфорда. У меня есть его портрет в книге, но для репродукции надо достать фотографический снимок. Я постараюсь это сделать. Нам следовало бы с Вами повидаться¹. Но теперь скоро я уезжаю в деревню до 1 сентября. С 28 июля мой адрес будет: Петербургская губерния, почт[овое] отд[еление] Заполье. Имение Подгорье. Для П.П.М.

Борис Константинович Зайцев собирается на зиму в Рим. Возможно, что он даже не побывает в Москве, а рукопись «Ватека» перешлет мне. Я же представлю ее Вам вместе с предисловием в начале сентября.

Не будете ли Вы в Москве этим летом (до августа). Милости прошу тогда пожаловать в Румянцевский музей, ко мне.

Преданный Вам и уважающий

П. Муратов

¹ Встреча Некрасова и Муратова состоялась впервые в октябре 1911.

3

[Москва] 22. VII. 1911

Многоуважаемый Константин Федорович!

Очень рад, что мы с Вами пришли к окончательному соглашению о «Ватеке». Теперь остается только доставить Вам рукопись, что и будет сделано в первых числах сентября. О внешности я думал. По-моему, чем проще, тем лучше. Мне представляется небольшого формата «уютная» книжка в обложке чистого и глубокого *синего* цвета с надписью, сделанной серебряными буквами слегка восточного духа. Если Вам это тоже нравится, я, вернувшись в Москву, попрошу кого-нибудь из приятелей художников сделать проектец такого рода. Кстати, имейте в виду для объявления, что «Ватек» был написан Бекфордом впервые *по-французски* и только потом переведен под его наблюдением на английский.

Французский оригинал был переиздан в 90-х годах покойным Малларме¹, и с этого-то оригинала и сделал перевод Б.К.Зайцев.

Что касается Fiabe Гоцци, то при всей моей любви к этому милому венецианцу, я не могу посоветовать Вам издать его перевод². Вы сами убедитесь в этом, когда Fiabe будут у Вас в руках. Стихи, которые там прелестно звучат по-итальянски, в переводе

на русский потеряют все. А главное, вся занимательность заключается в *ненаписанных*, а только в указанных ролях масок. Порусски это будут пустые места. Перевод представлял бы огромные трудности (не забудьте, что часть персонажей говорит на диалектах Венеции, Бергамо и проч.), а результат едва ли оправдал бы труд³. Я сам уже думал об этом и пробовал даже перевести кое-что вместе с моим приятелем поэтом В.Ф.Ходасевичем. Должен сознаться, что ничего путного из этого не вышло.

Мне пришло в голову предложить Вам нечто другое. Как только я кончу 2-й том «Образов Италии», я стану работать над такой книгой: «Новеллы Итальянского Возрождения». Переводы, статьи, характеристики. Об этой книге я уже говорил с моим издателем Г.К.Рахмановым⁴. Меня смущает только, что все издания «Научного слова» имеют одинаковую внешность (формат, шрифт) и при том не очень идущие к новеллам. Мне кажется, кроме того, что новеллы скорее приближаются Вашим издательским вкусу, чем вкусу «Научного слова». Сообщите, что Вы думаете о сем предложении. Я полагаю, что такая книга положительно необходима в русской литературе (в немецкой и французской есть аналогичные сборники в издании Insel Verlag и Mercure de France). У нас знают только одного Боккаччио. Но ведь есть еще десятки других, из которых можно было бы выбрать прелестные вещи. Кроме того я хотел бы написать в той же книге характеристики отдельных новеллистов (среди них бывали очень интересные люди) и общие статьи вроде: Эротизм итальянских новелл; Быт Возрождения в новелле; Новелла и искусство и т.д. Мне очень любопытно, как отнесетесь Вы к этой моей идее. Как будете писать, не забудьте, что я уезжаю 28-го. Деревенский адрес Вам известен.

Искренне преданный Вам и уважающий

П.Муратов

¹ *Стефан Малларме* (1842-1898) — французский поэт-символист; в 1893 переиздал «Ватека», написав к нему предисловие. См.: Beckford. Wathek / Réimprimé sur l'original français avec préface de St. Mallarme. Paris, 1893.

² *Карло Гоцци* (1720-1806) — итальянский драматург и поэт. К.Ф.Некрасов неоднократно говорил о своем желании издать театральные сказки К.Гоцци — фьябы: «Любовь к трем апельсинам», «Король-олень», «Турандот» и другие. В начале 1912 Брюсов составлял для Некрасова список авторов XVIII века, которых необходимо «воскресить для русских читателей». В этот список был включен и К.Гоцци, по поводу чего Некрасов писал Брюсову (не без влияния П.Муратова) 30 марта 1912: «Но самое

печальное это то, что и Ваш список придется урезать. Кто переведет Гоцци. Его *Fiabe* написаны народным языком, люди говорят на разных итальянских наречиях. Чтобы перевести его, нужен огромный талант, любовь и знания» (РГБ. Ф.386. Карт.96. Ед.хр.10. Л.60б.).

³ Тем не менее К.Ф.Некрасов обратился с таким предложением к М.А.Кузмину в письме от 27 марта 1912: «Между прочим у меня затеяна серия произведений 18 века; среди авторов есть один, которого почти невозможно передать по-русски: это Гоцци. О переводе его *Fiabe* я мечтаю давно. Из этого сборника на русском языке есть только "Турандот", испорченная Миллером. Подумайте об этой книжечке, возобновите ее в памяти и решите, возможно ли передать эти наивные простонародные стихи, писанные к тому же на разных диалектах. Для нас здесь есть и другая сторона: переводы, конечно, будут ставиться на театре. Ни к одному русскому поэту я не обратился бы с этим пока даже полупредложением; уверен, что если кто и может выполнить эту работу, это только Вы» (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.311. Л.1). См. также прим.1 к письму 17.

⁴ *Георгий Карпович Рахманов* — московский издатель, приятель П.П.Муратова.

4

[Петербургская губ., имение Подгорье] 8.VIII.1911.

Многоуважаемый Константин Федорович, мне очень приятно, что мы еще раз сошлись с Вами, на итальянских новеллистах. Подробно говорить об этом издании сейчас еще немного рано для меня (усиленно спешу кончить 2-й том «Образов Италии»). Но важно и принципиальное согласие. Разделяю Ваше мнение и о целесообразности целой серии небольших изящных томиков итальянской библиотеки. Но мне кажется, что новеллы собственно не следует растягивать больше, чем на два таких томика. Это было бы опасно с русским читателем, не обладающим стойкостью интереса и выдержанностью внимания. Кроме того, два тома соответствуют естественному разделению материала. Том I — Новеллисты XIV и XV века. Том II — Новеллисты XVI и XVII века. Такая группировка вышла бы и внутренне удачной. Что касается моих статей, то я думал бы все-таки не выделять их в особый том. Можно было бы только собрать их в конце каждой из двух книг, как почти самостоятельную часть ее. Но повторяю, все это детали, которые можно обсудить позднее при нашем свидании, быть может, на которое я продолжаю надеяться. Я вернусь в Москву 1-5 сентября. Не будете ли Вы в Москве к сентябрю?

Непрерывно загляните тогда в Румянцевский музей. О житье своем будущем московском пока ничего не знаю. Искренно благодарю Вас за Ваше исключительно любезное письмо.

Уважающий Вас и преданный

П. Муратов

Петербургская губ[ерния], почт[овое] отд[еление] Заполье, имение Подгорье.

5

[Москва] 20.IX.1911

Многоуважаемый Константин Федорович!

Наконец я получил письмо от Зайцева и теперь могу написать Вам. С «Ватеком» произошла некоторая задержка, не по моей вине, так как моя часть работы почти готова, и я могу выслать Вам ее на днях. Б.К.Зайцев уехал в Италию 6-го и увез рукопись с собой, не успев ее просмотреть здесь до конца. Сейчас он пишет, что кончает просмотр и значит на днях вышлет ее мне, а я Вам. Уверен, что до 1 октября она будет у Вас, и мое предисловие, разумеется, также. Портрет Бекфорда в виде фотографии достать нет возможности. Но я пошлю Вам книгу с хорошими репродукциями нескольких портретов. Если ими можно будет воспользоваться для дальнейшего репродуцирования, Вы выберете тогда тот, который Вам понравится. Что касается обложки, то не вижу здесь художника, которому можно было бы поручить ее. Очень этим интересуется г.Липскеров¹, но я его совсем не знаю как художника и предоставляю судить Вам. Если Вы не очень стоите на *богатстве* и цветистости обложки (я же не стою на этом нисколько), то не лучше ли ограничиться типографскими буквами, выбранными по Вашему вкусу, сохранив для них серебро, а обложку сделать все-таки довольно ярко-синей?

Но не о «Ватеке» хотел я Вам писать преимущественно. Меня все более и более интересует проект издания новелл, особенно в связи с предстоящей переменой моего образа жизни. С 1 ноября я оставляю службу в Румянцевском музее и как только выйдет 2-й том (начало ноября), переселяюсь в Италию. Буду жить в Риме и собираюсь пробыть там не менее двух лет, занимаясь литературной работой. «Образы Италии», как выяснилось теперь, будут не в двух, а в трех томах². Живя в Италии, мне будет очень приятно и удобно работать над сборником новелл. Там легче найти и разные издания, ставшие редкостью, и исторические материалы и иллюстрации. Поэтому я обдумал теперь план издания, как оно мне представляется, и спешу изложить его Вам.

Я хочу взять на себя три томика, которые, если вы того пожелаете, могут быть объединены общим именем библиотеки Возрождения. 1. Новеллы Итальянского Возрождения XIV и XV века. 2. Новеллы Итальянского Возрождения XVI и XVII века. 3. Хроники Итальянского Возрождения. Подзаголовки везде: выбор, переводы и характеристики П. Муратова. Как видите, мне пришло в голову кроме новелл предложить Вам еще издание хроник. Из них можно выбрать изумительно интересные куски. Уверен, что эта мысль найдет в Вас также сочувствие. Каждая книжка может быть очень любопытна и иллюстрирована снимками с гравюр и с живописи «кассонэ»³, которая так подходит к духу новелл и хроник. Размер следует установить 10 листов по 40 тыс. букв — каждая книжка. Так как формат мне представляется близкий к французским желтым томам (по-моему, вообще самый удачный формат), каждый томик будет книжкой страниц в 250-300. Из них 10 листов в каждом томике листов 8 будет занимать перевод и листа 2 мой специально написанный текст. Вся работа может быть закончена к 1 января 1913 года. Первую часть я могу сдать Вам к 1 мая 1912 года, вторую — 1 сентября 1912 года и третью — в последний срок. Другими словами, все три книги выйдут в течение следующего сезона 1912-1913 годов. Считаю необходимым указать здесь же, как я смотрю на материальную сторону издания. Оплату листа перевода считаю 75 рублей лист, текста 100 рублей. Пусть не кажется Вам оплата перевода чрезмерно высокой. Я знаю, что перевод оплачивается значительно меньше, но Вы должны согласиться, что этот перевод представляет особые трудности. Дело здесь не в стилистических только трудностях, но в *выборе*. Выбор лучшего из имеющегося огромного материала потребует долгой и кропотливой работы, которую и приходится учесть при оценке труда. При таких условиях каждая книга будет оплачена 850 рублей, что по-видимому не превзойдет $\frac{1}{5}$ общей валовой цены издания. Должен указать, что в случае Вашего согласия для меня необходимо также распределение оплаты, — 600 рублей при заключении нашего соглашения перед моим отъездом в Италию и затем по 600 рублей каждый раз по получении Вами законченных рукописей 1, 2 и 3 части в указанные выше сроки.

Кажется, я написал Вам подробно обо всем. Подробности мы могли бы обсудить при намеченном нами свидании в начале октября. Пока же прошу Вас ответить на это длиннейшее послание. Буду очень жалеть, если что-нибудь помешает нам с Вами прийти к соглашению.

Преданный Вам искренно и уважающий П. Муратов.
До 1-го ноября: Москва, Знаменка, Румянцевский музей.

¹ *Константин Абрамович Липскеров* (1889-1954) — переводчик, драматург, занимался живописью в мастерской художника К.Ф.Юона.

² См. об этом во вступительной статье к наст. публ.

³ *Кассоне* — распространенный в Италии в средние века и эпоху Возрождения тип деревянного сундука-ларя, стенки которого украшались позолоченным или раскрашенным стуком (искусственным мрамором), резьбой и живописью преимущественно на светские сюжеты.

6

[Москва] 2.X.1911

Многоуважаемый Константин Федорович!

Рад заключить из Вашего письма, что мы с Вами во всем пришли к соглашению относительно издания новелл и хроник. Предлагаемые Вами изменения в порядке платежей не только вполне приемлемы для меня, но даже более удобны¹. Размер книжек, разумеется, я приблизительно лишь определил Вам. Думаю, что 2-й том новелл займет больше чем 10 листов, а так листов 12-15. Хроники, уверяю Вас, будут весьма небольшие. Я имею в виду не только хроники — семейные трагедии, но и хроники городов. Что может быть любопытнее, например, хроники Перуджии Матараццо²! И думаю, что эти хроники, да и новеллы также, помогут нашему изданию функционировать в виде пособия для университетского преподавания, что и на расходимость окажет влияние.

Получили ли Вы «Ватека», прочли ли³? Уведомьте, пожалуйста, об этом скорее. Относительно обложки позвольте все-таки еще раз сказать «чем проще, тем лучше». Я знаю, таково желание и Б.К.Зайцева⁴. Бекфорд при всей своей фантазии обладал огромной сдержанностью. Одноцветность (в хорошем цвете) идет к нему больше всего. Не думаете ли Вы кроме того, что рисование обложек немного примелькалось?

Впрочем, все это надлежит решать Вам⁵. Книгу с портретами пришлю Вам на днях. Но когда же увидимся? Вы кажется собирались быть в Москве в начале октября? Жду известий Ваших о «Ватеке», приезде и прочем.

Преданный Вам П.Муратов

¹ Некрасов предложил Муратову выплачивать по 300 рублей в следующие сроки: 1 ноября 1911, 1 февраля, 1 мая, 1 июля, 1 сентября, 1 ноября 1912 и окончательный расчет — 1 января 1913. (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.182. Л.15).

² *Франческо Матараццо* (Francesco Matarazzo, 1240-1312) — итальянский филолог, профессор греческой и латинской словесности, жил в Перудже, составил хронику этого города. Муратов очень высоко ценил хроники Матараццо, целиком переведенные в начале XX века на английский и немецкий языки. Муратов использует хроники Матараццо, называя их «истинным кладом», в 3-м томе «Образов Италии» в главе «Перуджия». Муратов П. Образы Италии. Берлин, 1924. Т.3. С.61-82.

³ Муратов отправил рукопись Некрасову 28 сентября 1911, сопроводив ее письмом: «Посылаю Вам зайцевский перевод и мою статью. Б[орис] К[онстантинович] очень просит корректуры посылать ему» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.182. Л.16). В первых числах октября Некрасов получил рукопись, прочел перевод и вступительную статью и своими впечатлениями поделился с Зайцевым, который отвечал ярославскому издателю из Рима 26 октября: «Очень рад, что Вам понравился "Ватек" и перевод. Насчет статьи П[авла] П[авловича] — я так и думал, что она хороша. Приблизительно догадываюсь, о чем в ней умалчивается: если я прав, то писать об этом, конечно, трудно» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.107. Л.6).

⁴ Б.К.Зайцев не был знаком с Некрасовым, все вопросы, касающиеся издания «Ватека», он обсуждал с Муратовым. Первое письмо, с просьбой прислать корректуры в Рим и с указанием римского адреса, Зайцев отправил Некрасову из Италии 20 октября (2 ноября) 1911.

⁵ Некрасовым были учтены все пожелания Муратова при оформлении обложки.

7

[Москва, 3 ноября 1911]

Многоуважаемый Константин Федорович!

Спешу дослать Вам последний листок гранок предисловия к «Ватеку», который случайно остался у меня, — остальное послал Вам вчера.

Аретино¹ мною получен, получены также триста рублей в счет гонорара за новеллы. Соответствующую подпись сделаю на условии, когда его пришлете.

Не удивляйтесь, если числа 15-20 увидите меня быть может в Ярославле! Я приму участие в труде Грабаря — в той части его, которая будет отведена древнерусской иконописи и стенописи². Перед Италией посмотрю Новгород, Псков, Ярославль. Напишу Вам точнее потом.

Преданный Вам П.Муратов

Почтовая открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о книге итальянского писателя эпохи Возрождения *Пьетро Аретино* (1492-1556).

² *Игорь Эммануилович Грабарь* (1871-1960) — художник, искусствовед, музейный деятель. В 1909 приступил к изданию «Истории русского искусства», которая должна была состоять из 8 томов, разбитых на 40 выпусков. Муратов принял участие в VI томе (М., 1913), который же явился 1-м томом истории живописи и был посвящен допетровской эпохе.

8

[Москва] 7.XI.1911

Дорогой Константин Федорович!

очень благодарю Вас за Ваше любезное приглашение. Охотно воспользовался бы им, если бы ехал один, без одного моего приятеля, занимающегося русским искусством¹. Но, разумеется, непременно буду у Вас. По-видимому, я приеду в Ярославль 18-го из Петербурга и уеду 20-го утром. А 29 ноября выезжаю в Италию, прямо в Рим. Высочайшее соизволение на командировку уже получено.

Посылаю Вам подписанные мною условия. Изменил я там только, как Вы увидите, сроки сдачи последних двух книг — все отодвинуто на один месяц. Я сделал это в уверенности, что Вы ничего не скажете против. Очень жду «Ватек». Как Вы решили с обложкой? А у меня горе — Георгий Карпович Рахманов не позаботился заготовить бумагу и теперь полкниги (2 т.) отпечатано, а половина ждет! Досадно. Пожалуй, не дождусь выхода до отъезда.

До предстоящих свиданий.

Преданный Вам П.Муратов

¹ Речь идет о *Николае Михайловиче Щекотове* (1884-1945), искусствоведе. В дальнейшем Щекотов стал приятелем Некрасова и активным сотрудником его издательства, принимал участие в издании монографий по древнерусскому искусству и журнала «София».

9

[Москва] 8.XI.1911

Дорогой Константин Федорович!

Не совсем легко ответить мне Вам — Б.А. Грифцов — мой приятель. Сохраняя беспристрастие, должен сказать, что это интересный писатель и человек с очень хорошими литературными

вкусами. Как переводчика я его не знаю. Знаю только, что немецкий и французский языки ему известны¹.

Всего Вам пока хорошего. Скоро увидимся.

Преданный Вам П. Муратов

¹ *Борис Александрович Грифцов* (1885-1950) — критик, литературовед, искусствовед, переводчик. 28 октября 1911 обратился к К.Ф. Некрасову со следующим письмом:

Милостивый государь Константин Федорович.

Серьезность задач, поставленных Вашим книгоиздательством, позволяет мне обратиться к Вам с некоторыми предложениями. Ваши задачи — насколько я представляю их — познакомить русское общество с главными течениями западной культуры. Не мог ли бы я предложить Вам моих знаний по романтической (преимущественно) культуре? В частности, не думали ли Вы дать перевод избранных произведений Бальзака? Сразу помышлять об его полном издании, конечно, невозможно. Но я думаю, было бы своевременно подчеркнуть не то, что обычно выдвигают в нем учебники по истории литературы. Не Бальзак как родоначальник реализма, но как чудесный романтик, следовательно, не «Eugenie Grandet», но «Histoire de treize.» Без Бальзака мало понятна вся струя новых французских течений, бесспорно важных и, кажется, занимающих и Ваше внимание.

Или еще я мог бы предложить Вам перевод некоторых произведений немецкого романтизма, напр[имер] философической поэмы (в прозе) Фридриха Гельдерлина «Гиперион», поэмы, важной хотя бы потому, что стилем своим она оказала влияние на Ницше. В дальнейшем могла бы идти речь о Тике, Новалисе и др.

Но теперь меня ничего так не порадовало бы, как посидеть над Бальзаком, над немногими томиками его избранных романтических сказок и романов, начать которые можно было бы как раз с перевода «Histoire de treize».

Для Вас, конечно, важно знать не только тему, но и литературный облик предлагающего ее. В некоторой степени обо мне может дать представление изданная весной этого года В.М. Саблиным книга «Три мыслителя». А также я мог бы сослаться на Б.К. Зайцева, П.П. Муратова, А.А. Койранского, которые, насколько я знаю, имеют отношение к Вашему книгоиздательству и которые меня давно знают.

Мой адрес: Москва. Арбат, 44, кв.49. Борис Александрович Грифцов.

С полным уважением Б. Грифцов

(ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.84. Л.1-2).

Сотрудничество Грифцова с издательством Некрасова не состоялось, хотя в 1915-1916 велись переговоры об издании повести самого Б.А., но

помешал отъезд автора на фронт. В 1914 Грифцов был активным сотрудником журнала «София». Впоследствии, в советское время, Грифцов стал ведущим исследователем творчества Бальзака и переводчиком его произведений.

10

Рим, 5/18 дек[абря] 1911

Многоуважаемый Константин Федорович!

Пишу Вам из Рима и пишу сейчас кратко, ибо только что устроился. Вот мой адрес: Sign. Paolo Muratov. Roma. Via del Babuino 58 piano 3. Буду ждать теперь «Ватека». Борис Константинович Зайцев тоже сейчас здесь. Необычайно тепло в Риме — можно ходить без пальто, а на солнце даже жарко. Вспоминаю, какой мороз был тогда в Ярославле!

Хожу по букинистам и ищу новеллистов. Оказывается, это довольно хитрая история. Переизданы были немногие из них. Мне придется прочитать около 40 авторов. Боккаччио перевожу сейчас, решил окончательно включить его в книгу. Интересно, что выйдет из этого. Зайцев очень одобряет нашу с Вами затею.

Перед отъездом из Москвы получил сведения, что Вам предложили свои услуги в качестве переводчицы Анна Александровна Исакова (литер. Соколова) — моя старинная и добрая знакомая. Мне случалось читать ее переводы — они внимательны и литературны. Пишу об этом, так как легко могло случиться, что Вам ее переводы не попадались под руку¹. А затем желаю Вам от всей души всего доброго и хороших праздников в Вашем уютном ярославском жилье.

Преданный Вам

П.Муратов

¹ О А.А.Исаковой (Соколовой) писал Некрасову и Б.Зайцев из Рима 24 ноября (7 декабря) 1911: «К Вам, вероятно, обратится с предложением работ (по переводам) Анна Александровна Исакова (Соколова). Она знает несколько языков, переводчица опытная и хорошая. Ей смело можно поручить ответственный труд; с ее переводами знаком и П.П.Муратов. Мне кажется, она была бы очень полезна в этом издании» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.107. Л.5). Переводы А.А.Исаковой (Соколовой) в издательстве Некрасова не выходили.

[Рим] 30 XII.1911 (12.I.1912)

Дорогой Константин Федорович!

Получил сегодня «Ватека» и весьма одобрил его вид и все выполнение¹. Посмотрим, что скажут о нас гг. Критики. Примите благодарность за книги и не забудьте обещания — прислать, если будут писать что любопытного. Зайцев видел у меня книгу (если он еще не получил ее) и согласился с моими о ней впечатлениями.

Не стану описывать Вам римской жизни, перейду к новеллам. За этот месяц, который я посвятил им исключительно, наметился план этих книг в таком виде. Первый том будет состоять из двух частей (треченто и кватроченто), второй из одной третьей — чинквеченто. Новеллы сейченто, т.е. XVII века, я вовсе не буду переводить, это время явного упадка и оно выходит к тому же из общего заглавия «Возрождение». Приблизительно значитс я так:

Ч[асть] 1. *Треченто*: «Новеллино» — Цветочки Франциска Ассизского — *Боккаччио* — *Саккетти* — Серкамби — Сер Джованни.

Ч[асть] 2. *Кватроченто*: *Новелла о столяре* — Грассо — *Мазуччио* — Св.Бернардино — Илличини — Сермини — Корнаццано.

Ч[асть] 3. *Чинквеченто*: *Банделло* — Фиренцуола — Дони — Эриццо — Асканио Мори — Парабоско — Ласка — Джиральди — Баргальи — Фортини — Страпарола — Мольца.

В каждой книжке будет 12 авторов. Важнейших я подчеркнул. Боккаччио будет — часть вступления и 5 новелл, Саккетти — 12 новелл. Из Франциска Ассизского 3-4 примера и т.д.²

Если ничто не помешает, я надеюсь первый том доставить Вам в конце русского апреля. А помните ли Вы, мы беседовали с Вами о переводе Жерара де Нерваля? Этот перевод, пройдя мою редакцию, будет прислан Вам с небольшой моей статейкой о Нервале месяца через полтора-два. Туда войдут четыре вещи: «Сильвия», «Октавия», «Изида», «Аврелия». Вы поймете, мне кажется, что можно очень любить Нерваля³.

Пока примите лучшие пожелания. Чрезвычайно буду рад, если известите о Ваших делах и планах.

Преданный Вам

П.Муратов

¹ Первой книгой, вышедшей в собственном издательстве, был доволен и К.Ф.Некрасов. 28 декабря 1911 он писал В.Я.Брюсову: «Мне очень приятно, что вместе с новогодним приветом и самыми искрен-

ними пожеланиями я могу послать Вам книжечку, которая, я надеюсь, доставит Вам удовольствие: это прелестный "Ватек" Бекфорда. Французский или английский текст Вы, конечно, знаете. Русского до сих пор не было, и я рад, что случай дал мне возможность первому познакомить русскую публику с этим чудным произведением» (РГБ. Ф.386. Карт.96. Ед.хр.10. Л.5).

² «Новеллы итальянского Возрождения, избранные и переведенные П.Муратовым» вышли в издательстве К.Ф.Некрасова в двух томах в 1912-1913: Том 1. Часть 1. Новеллисты Треченто: «Новеллино» — «Цветочки св.Франциска Ассизского» — Боккаччио — Франко Саккетти — Серкамби — Сер Джованни. Часть 2. Новеллисты Кватроченто: Новелла о Мазуччио — Корнацано. Том 2. Часть 3. Новеллисты Чинквеченто: Мольца — Банделло — Аньоло Фиренцуола — Грацини — Дони — Фортини — Джиральди — Парабоско — Де-Мори — Страпарола — Малеспини — Баргальи.

³ *Жерар де Нерваль* (наст. имя Жерар Лабрюни, 1808-1855), французский поэт и прозаик, представитель позднего романтизма.

12

[Рим] 28 [февраля]/ 13 [марта].II.1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Посылаю Вам четыре вещи Жерара де Нерваля в переводе Е.С.Урениус¹ под моей *редакцией* и мою статью о Нервале. Из всего этого может выйти книжка размером около 6 листов.

Не стану рекомендовать Вам Нерваля. Как я отношусь к нему — Вы увидите из моей статьи о нем². Скажу одно: для меня непонятно, как до сих пор не переведен по-русски такой интересный и единственный в своем роде писатель. Рано или поздно перевод его должен появиться в России.

Если Вы пожелаете издать этот перевод, то, по-моему, не откладывайте его на долгий срок³. Во втором томе «Образов Италии» я упомянул его и, может быть, кто-нибудь заинтересуется им и станет переводить. Мне, разумеется, было бы приятнее всего, чтобы эта книга вышла именно у Вас (в типе «Ватек») и в этом сезоне. Если Вы станете издавать ее и пожелаете как-нибудь ее украсить, то я со своей стороны могу посоветовать только одно украшение в виде фронтисписа, — снимок с известной гравюры Дюрера «Меланхолия»⁴, игравшей такую роль для Нерваля. Впрочем, даже и это может быть лишнее. Что касается условий оплаты — то не имею в виду ничего, кроме обычных Ваших норм для оплаты переводов, таковы и полномочия, данные мне перевод-

чиком. Мою статью посчитайте как хотите. Очень прошу Вас ответить мне поскорее все, что Вы решите об этом переводе. Я давно уже от Вас ничего не получал, никаких известий. Дурная слава итальянской почты заставляет меня опасаться, что, может быть, и мое письмо, посланное Вам в конце января, пропало. Позвольте мне повторить изложенную там просьбу о следующем распределении «февральской» присылки в 300 руб.

125 руб. я просил послать в Петербург Евгении Владимировне Муратовой⁵, Васильевский остров, 2-я линия, д.3, кв.24. 25 руб. просил направить в Москву в Университетскую библиотеку Николаю Михайловичу Щекотову⁶.

Остальные за вычетом почтовых расходов, я просил прислать мне (чек заказным письмом на банк. Транскрипция имени во избежание недоразумений согласно паспорту Paul Mouratoff).

А вдруг в самом деле это письмо пропало. Как это было бы обидно!⁷

Итак, буду ждать теперь от Вас ответа.

Я так и не знаю, высказывались ли критики о «Ватеке». Здесь мне ничего не попадалось на глаза. Напишите, пожалуйста, если что видели в журналах и газетах⁸.

Первый том новелл пришлю Вам в апреле. Сейчас подыскиваю для него подходящую обложку.

Помимо всего, напишите, как Вам покажется Нерваль, его почти никто не знает в России и было бы интересно слышать русское мнение о нем. Рукопись, может быть, не идеал разборчивости, но что делать, наших пишущих машинок здесь нет.

Всего доброго Вам и привет.

Преданный

П.Муратов

¹ *Екатерина Сергеевна Урениус* — жена П.П.Муратова, переводчица. В издательстве К.Ф.Некрасова вышли ее переводы П.Мериме, Жерара де Нерваля под редакцией П.Муратова, романа «Тристан и Изольда».

² Об отношении Муратова к Нервалю убедительно говорит одна из рецензий, написанная Л.Кацманом после выхода книги: «В этой книге есть один роман — это вступительная статья г.Муратова с биографией Жерара де Нерваля, и четыре наброска Нерваля, из которых вылился он весь — мистический идеалист, поставивший женщину в центре своей жизни /.../. Мне кажется, в этом небольшой грех г.Муратова, что в своей блестящей вступительной статье он хочет показать де-Нерваля более сложным, чем он есть /.../. Г.Муратов, подобно самому Нервалю, как будто хочет найти во временных припадках безумия де-Нерваля нечто

большее, чем разум, с чем трудно согласиться» (Новый журнал для всех. 1912. №11. С.126).

³ К изданию книги Жерара де Нерваля «Сильвия. Октавия. Аврелия. Изиды» К.Ф.Некрасов приступил почти сразу же по получении рукописи. Книга вышла в начале лета 1912.

⁴ *Альбрехт Дюрер* (1471-1528) — живописец и график, крупнейший мастер немецкого Возрождения. Снимок с его гравюры «Меланхолия» в книге Жерара де Нерваля не был помещен.

⁶ *Евгения Владимировна Муратова* (1884 или 1885-1982) — первая жена П.П.Муратова. Умерла в пансионате ВТО (Дом престарелых) под Москвой.

⁶ Н.М. Шекотов до начала 1913 работал в библиотеке Московского Университета, где непродолжительное время работал и Муратов помощником библиотекаря.

⁷ Письмо П.Муратова от 30 января 1912 было получено К.Ф.Некрасовым и просьбы, повторенные в этом письме, были выполнены издателем согласно ранее установленным срокам, т.е. в начале февраля.

⁸ Немного позднее Некрасов отправил Муратову отзыв о «Ватеке» Сергея Ауслендера, опубликованный в газете «Речь»: «В России эта благоуханная книга появляется в виде вполне достойном. Она изящно издана. Перевод Зайцева сохранил весь аромат, всю классическую простоту подлинника. Очень интересна с большим воодушевлением написанная вступительная статья П.Муратова» (Речь. 1912. 12 марта). Сам Муратов об этом отзыве писал Некрасову 1 апреля 1912: «Прочел Ауслендера о "Ватеке" в "Речи". Мне кажется, это очень благоприятно для книги и написал он недурно» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.183. Л.12).

13

[Рим] 1.III.1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Сегодня получил от Вас заказное письмо. Очень благодарю за исполнение просьбы о посылке денег в России. «Расписку» прилагаю при сем.

Я уже послал Вам всего Нерваля. По-моему тоже, если издавать его, то издавать скорее. Если бы для ускорения надо было предоставить Вам корректуры, то, разумеется, располагайте ими как хотите. Боюсь, что рукопись только не очень разборчива, а я в моей статье по привычке пропустил множество знаков препинания. Забыл написать Вам о порядке вещей в книге. Он непременно должен быть таким: 1) статья, 2) Сильвия, 3) Октавия,

4) Аврелия. О внешности Вам известно мое постоянное мнение: чем проще, тем лучше.

Вот Вам заглавие книги о новеллах.

Новеллы Итальянского Возрождения.

Переводы и характеристики П. Муратова.

Часть I. «Новеллино» — «Цветочки св. Франциска Ассизского» — Боккаччио — Франко Саккетти — Сер Джованни.

Часть II. Новеллисты Кватроченто.

Новелла о Столяре — св. Бернардин Сиенский — Илличини — Сермини — Мазуччио — Корнаццано.

Следующий том будет состоять из одной части III. Новеллисты Чинквеченто.

Горячо приветствую издание Чосера¹, сочувствую вполне и всем другим Вашим начинаниям.

Чрезвычайно интересно, как покажется Вам Нерваль. Статью о нем я писал с большим удовольствием. Такой человек стоит и целой книги о нем. Если у меня когда-нибудь наберется 5-6 таких статей, как о Бекфорде и Нервале, непременно издам их небольшой книжкой.

Буду ждать известий.

Преданный Вам душевно и уважающий

П. Муратов

P.S. Нерваля можно было бы, мне кажется, озаглавить по-французски, либо просто, перечисляя все вошедшие в книгу вещи, например: Жерар де Нерваль. Сильвия — Октавия — Изиды — Аврелия.

¹ *Джефри Чосер* (1340-1400) — английский поэт. Вероятно, Некрасов писал Муратову о задуманном издании «Кентерберийских рассказов» Чосера, которое осуществлено не было.

Дорогой Константин Федорович, весьма рад был получить наконец письмо. Итак, Нерваль, оказывается не пропал в порядках русско-итальянской почты и даже скоро «увидит свет». Статья моя Вам пришлась по вкусу, в тексте же я уверен. Боюсь только, что при неразборчивости рукописи не выйдет ли много опечаток? И будет ли у Вас время просмотреть самому гранки? Необходимо ведь, чтобы их хоть раз прогля-

дел человек понимающий. Соображения Ваши о внешности новелл таковы, что против них трудно возражать. Сообщите мне только формат, в котором думаете их издать. Кажется, у меня будет случай дать сделать здесь обложку (комбинацией из фронтисписов старых книг) одному художнику за весьма небольшую плату¹. Едва ли следует вводить в новеллы какие-либо иллюстрации. Я думал об этом. Это выйдет искусственно и ляжет лишним расходом на издание.

Первый том, заключающий части первую и вторую, я вышлю Вам через две недели. Он будет состоять из 12 листов (10 листов перевод и 2 листа текст). Второй том (третья часть) размером тоже листов 10-12 я, вероятно, приготавлию к 1 августа. Таким образом, оба тома могут выйти *одновременно*.

Пришел я в некоторые «сумнения» относительно хроник. Вы помните, я сам их выдумал и теперь сам хочу от них отказаться. По крайней мере, в пределах будущего 1912-1913 года. Пожалуй, третью однозначную книгу в тот же год нет расчета Вам выпускать. Что же касается до меня, то, вернувшись к 1 сентября в Россию, я буду дьявольски занят работой над старой русской живописью для истории Грабаря. До февраля я буду не в состоянии от нее оторваться. Так что если Вы ничего не имеете против такого нарушения подписанных нами с Вами «законов», то давайте отложим хроники на неопределенный срок. Напишите мне об этом, но только совсем-совсем откровенно. Если бы Вы нашли, что издание хроник очень необходимо в один год с новеллами, то я все-таки постарался бы сдержать наш уговор во всей точности.

Очень приветствую Вас в издании романа Белого². Думаю, что это будет вещь крупная. Ваши планы издания «Усадьбы» и «Театра» мне чрезвычайно симпатичны³. Идея прекрасная, но мне кажется, трудности представляет практическая сторона дела. Еще одна-две книги об усадьбах могут хорошо пройти, но целый ряд монографий, — вопрос! Не презирайте меня за мой скептицизм. Я не очень хорошего мнения о нашей читающей и покупающей книги публике. Боюсь, что «усадьбы» для нее — блюдо слишком тонкое.

Еще месяца два я пробуду в Риме, потом двинусь куда-нибудь, впрочем, не раз еще Вам напишу. Пишите же и Вы и не делайте таких больше антрактов в наших диалогах. Нервала буду ждать с величайшим нетерпением. Слава Богу, приедет он наконец гостем и к нам в Россию. Когда выйдет, пришлите мне его штук пять.

Преданный Вам душевно

П. Муратов.

¹ Муратов имел в виду художника Николая Павловича Ульянова (1875-1949), своего близкого приятеля, который в это время тоже находился в Италии. Муратов высоко ценил Ульянова как художника, еще в 1907, рецензируя выставку Общества «Леонардо да Винчи», писал: «Едва ли не единственные интересные рисунки карандашом принадлежат Н.П.Ульянову» (Весы. 1907. №1. С.108). Ульянов неоднократно оформлял книги, издаваемые Муратовым, ему также принадлежат несколько рисунков, изображающих Муратова. После оформления «Новелл итальянского Возрождения» Ульянов стал активным сотрудником издательства К.Ф.Некрасова, в частном собрании которого были работы Н.Ульянова «Неизвестная» (масло, 1906) и «Пинета близ Равенны» (две акварели, 1910). К 50-летию художника была издана книга «Николай Павлович Ульянов» (М.; Л., 1925), авторами которой стали П.Муратов и Б.Грифцов.

² А.Белый продал свой роман «Петербург» Некрасову в середине марта 1912. См.: Белый А. Между двух революций. М., 1990. С.437-440. Роман в издательстве Некрасова не вышел, а был выкуплен у Некрасова владельцем петербургского издательства «Сирин» М.И.Терещенко. История издания романа рассмотрена Л.К.Долгополовым в статье «Андрей Белый и его роман "Петербург"» (Белый А. Петербург. М., 1981. С.557-571). Недовольство К.Ф.Некрасова невозможностью выпустить роман Белого было смягчено участием в этих событиях Блока (близко стоявшего к издательству «Сирин»), которого Некрасов ценил и почитал. Письма А.Белого к Некрасову, отправленные из Брюсселя в Ярославль, хранятся в ГАЯО (Ф.952. Оп.1. Д.33).

³ Весной 1912 Некрасов задумал издание альманахов «Русский театр» и «Старые усадьбы». 19 марта 1912 он писал Брюсову: «С "Русским театром" ношусь все время и вероятно решусь на это издание, но пока не решил еще». 13 октября того же года он вновь обращается к Брюсову по поводу альманаха, но уже другого: «Мой альманах о старых усадьбах почти созрел. М.А.Кузмин прислал стихи и рассказ. Ф.К.Сологуб пишет, что на днях пришлет мне рассказ "Барышня Лиза"; получил еще стихи от Гумилева. Может быть летом Вы вспоминали об этом альманахе и написали 2-3 стихотворения. Я был бы очень рад и благодарен» (РГБ. Ф.386. Карт.96. Ед.хр.10. Л.8об. и 9). Кузмин послал в Ярославль для альманаха рассказ «Набег на Барсуковку» и стихи «Бисерные кошельки»; Ходасевич — стихотворения «Века, протекшие над миром...» и «Жеманницы былых веков», о которых автор писал Некрасову: «Думаю, что их неописательный характер — их достоинство; хорошо бы поместить их в конце книги, благо и фамилия моя будет вероятно последней по алфавиту» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.275. Л.18-19). Для того же альманаха написал рассказ и Сергей Ауслендер, который предлагал Некрасову и свои услуги в организации этого издания. 24 августа 1912 он писал издателью: «А как Вы решили относительно альманаха "Усадьбы", о котором говорили весной? Если Вы не раздумали и захотите, я с удовольствием возьму на себя напоминать авторам и торопить их. Только надо окончательно определить список участвующих» (Ярославский музей-заповедник, далее — ЯМЗ. Ф.15710. Ед.хр.37. Л.2).

Однако альманах «Старые усадьбы» не вышел. Наиболее болезненно из всех авторов отнесся к этому Федор Сологуб, жена которого А.Н.Чеботаревская много переводила для издательства Некрасова. Сологуб писал издателю 20 октября 1913: «Многоуважаемый Константин Федорович, из Вашего письма к Ан[астасии] Н[иколаевне] я узнал сегодня, что Вы не знаете, что делать с "Барышней Лизою", и что по Вашему мнению теперь поздно издавать Альманах, — время ушло. Почему поздно, я не понимаю; никакой разницы с прошлым годом в отношении задуманного Вами альманаха нет, и изменилось только то, что в прошлом году Вы хотели издать этот сборник, а теперь не хотите. Это, конечно, Ваше дело. Что касается меня, я свое дело сделал, — написал для Вашего сборника, по Вашему заказу, повесть. Доставил я Вам ее с некоторым промедлением, — как и всегда, работая, я думаю прежде всего об интересах искусства, и потому никогда не позволяю себе выпускать из рук художественное произведение в "сыром виде", заниматься ремесленным сочинительством я просто не умею; настоящая же работа представляла для меня и некоторые особенные трудности, которые Вы оцените, если прочтете повесть. Что делать с "Б.Л."? Если Вы не хотите печатать ее вместе с остальными собранными Вами для Альманаха материалами, то, конечно, одно — вернуть ее мне возможно скорее» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.251. Л.7). Повесть Сологуба «Барышня Лиза» была опубликована в альманахе «Сирин» (Сб.3. СПб., 1914).

15

Рим 21/9 мая [1912]

Дорогой Константин Федорович!

С благодарностью получил от Вас деньги и расписки на оные прилагаю. Успеете ли Вы выпустить Нерваля до лета? Будете ли присылать мне остальные гранки или возьмете их на себя? Вот это мне не совсем ясно.

Что касается гонорара за Нерваля, то давайте его установим так. Сто рублей за лист статьи и сорок рублей за лист перевода. Думаю, это Вас не обременит, — книжка ведь будет небольшая, всего листов 6-7. Если Вы согласны на эти цифры, то будьте добры, пришлите скорее, сколько там приходится по расчету кроме посланных Вами 200 рублей. Эти деньги я хотел бы скорее передать по назначению.

Работаю сейчас над вторым томом новелл, ничего другого не делаю, хочу большую половину его в августе сдать Вам и тогда сесть за третий том, который едва ли успею кончить раньше Нового года¹.

Очень рад, что статьи мои Вам нравятся. Если мы с Вами будем продолжать нашу деятельность, давайте издадим через

год-два сборник небольших статей по литературе. Кроме Бекфорда и Нерваля я хочу написать еще о Патере², о Гоцци (подробнее), о Браунинге³ и еще о ком-нибудь⁴.

«Ватек», по-моему, в конце концов разойдется весь, я в этом уверен. Боюсь, как бы лето не заглушило Нерваля. По-моему, поздновато его выпускать. Впрочем, не смею судить, Вам виднее. Пока я, как видите, все еще в Риме и [месяца] 1 1/2 пробуду наверно здесь. Если уеду куда — напишу Вам. И Вы меня не забывайте.

Сердечно преданный Вам

П. Муратов

¹ П. Муратов имеет в виду 3-й том «Образов Италии».

² *Уолтер Патер* (1839-1894) — английский писатель, оказавший значительное влияние на творчество Муратова. В издательстве Некрасова Муратов выпустил 2-е издание сборника новелл Патера «Воображаемые портреты» (1916). 1-е издание У. Патера «Воображаемые портреты. Ребенок в Доме» в переводе П. Муратова вышло в Москве в издательстве В. М. Саблина в 1908.

³ *Роберт Браунинг* (1812-1889) — английский поэт, долго жил в Италии. Переводы произведений Браунинга, а также статьи о нем — видимо, неосуществленные замыслы Муратова.

⁴ Этот замысел не был осуществлен.

16

[Рим] 5/18 июня 1912

Дорогой Константин Федорович,
обращаюсь к Вам с просьбой опять делового характера. Дело в следующем. Приближается время, когда я должен покинуть Рим и начать странствия по Северной Италии, необходимые для написания 3-го тома книги. Во время этих странствий я не буду иметь постоянного адреса, что сделает весьма затруднительным всякие письменные сообщения. Я думаю начать путешествие не позднее 1 русского июля и займет оно месяца полтора. Между тем, я сам изменил в нашей условии срок второй присылки за 2-й том новелл с 1 июня на 1 августа. Теперь вижу, что это для меня крайне неудобно. Мне было бы необходимо получить эти деньги прежде начала странствий, ибо где я буду 1 августа — совсем не знаю, и это зависит от случайностей путешествия. Поэтому очень про-

шу Вас, пришлите мне эти 300 рублей теперь же в русском июне. Я был бы благодарен Вам за это, и поездка, столь необходимая для меня, не задержалась бы. Во всяком случае, желательно было бы получить оную сумму до 1 русского июля. Простите, если доставляю Вам этим затруднение и выхожу из рамок нашего условия. С другой стороны, естественнее скорее ликвидировать наше предприятие с новеллами, ибо я скорее приведу его к концу. Вместо 1 октября, как я раньше предполагал, я доставлю Вам 2-й том новелл к 15 русскому августа. Это можно сказать уже наверно. Оба тома, таким образом, выйдут вместе, и если бы оказалось более выгодным, их можно было бы даже выпустить одной книжкой. Впрочем, это Вам виднее. Размер 2-го тома будет точно такой же как 1-го, может быть на $\frac{1}{2}$ листа более. Послав Вам к 15 августа 2-й том, я буду собираться в Россию и там уже прочту корректуры. Полтора месяца от 1 июля до 15 августа (русского) буду скитаться по Италии. Повторяю только еще раз просьбу — если возможно, передвиньте вперед вторую присылку. В надежде на Вашу всегдашнюю любезность буду ждать Ваших известий. Пользуюсь случаем напомнить Вам и о Нервале. Давайте поскорее удовлетворим сполна переводчика. Ту небольшую сумму, которую следует за перевод кроме присланных Вами 200 рублей, пришлите на мое имя и возможно скорее — я уже давно обещался доставить ее. За все эти хлопоты великодушно простите.

Преданный и уважающий

П. Муратов

17

[Рим] 29/16 [июня 1912]

Дорогой Константин Федорович!

Рад был получить от Вас обстоятельное письмо. Я прошлый раз писал Вам про дела и деньги, сегодня не буду касаться сего предмета и поспешу ответить Вам на Ваши вопросы и обменяться с Вами разными мыслями.

Гоцци я не думаю переводить и не понимаю, откуда Кузмин мог это выдумать¹. Однажды зимой мы полушутя говорили об этом с В.Ф.Ходасевичем. Но решительно никаких последствий это не имело, в противном случае я написал бы Вам об этом в первый же раз, когда Вы спрашивали.

Говоря о третьем томе, я имел в виду «Образы Италии». Хроники же, как я уже писал Вам, просил бы Вас отложить на неопределенный срок².

Книжку Нерваля, пожалуйста, пришлите, если успеете. Я думаю уехать из Рима числа 2/15 - 5/18 июля. Буду странствовать месяца полтора-два и в Россию вернусь к 1 сентября. Корректуры новелл хотел бы прочесть, но это, пожалуй, возможно только уже в России. «Путешественнику» пересылать их затруднительно. Могу порадовать Вас, что обложка выходит *превосходно*. Делает ее здесь художник Ульянов (мой приятель)³ в духе фронтисписов итальянских книг XVI века. Схема ее такая: рамки орнаментальные с разным зверьем, амурами, профилями. Надпись в середине.

Но только вот чего я боюсь. *Обложка сделана применительно к присланному Вами размеру*. Для другого она едва ли сгодится. Как тут быть, если Вы захотите опять вернуться к формату «Ватка»? Было бы жалко расставаться с обложкой.

Мысль о музее в Ярославле мне очень симпатична⁴. Когда он будет учреждением легализованным и проч. — можно обратиться к нашему музею⁵ и кое-что найдется у Рум[янцевского] музея, что можно послать. Я со своей стороны готов оказать всякое содействие и постараюсь тогда, чтобы Вам в Ярославль не дали чего-нибудь плохого. Эрмитаж уж не даст ровно ничего, — это испытанно и безнадежно. На первых порах бойтесь, чтобы Вам не насыпали всякой «деревянной» дряни. Надо быть очень строгим, как бы скромно ни было начинание. Разборчивость только сразу поднимет его. У художников, как правило, просить ничего не надо — исключения возможны. Прежде всего надо раздобыть денег на покупку, *непременно*. Одними пожертвованиями не может жить никакой частный музей. Хоть бы тысячи полторы в год сколотить! Я поговорю, когда буду в Москве, с Остроуховым, Якунчиковым и Карзинкиным (Ал[ександр] Андр[еевич])⁶. Последний имеет ведь даже отношение к Ярославлю. А если бы хоть немного было денег на покупку, музей сразу зажил бы. Меня все это очень интересует и не забывайте держать меня в курсе дела. Пока же всего лучшего Вам. Крепко жму руку.
Преданный душевно

П. Муратов

¹ Михаил Алексеевич Кузмин (1872-1936) — поэт, критик, переводчик, композитор. Вероятно, разговор о переводе Муратовым Гоцци состоялся при встрече М.А.Кузмина с К.Ф.Некрасовым, так как в письмах Кузмина к Некрасову (они сохранились полностью — ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.147) об этом нет упоминаний. Нет упоминаний об этом и в письмах Некрасова к Кузмину (сохранились все, за исключением одного — от 27 августа 1912. РГАЛИ. Ф.232. Оп.2. Ед.хр.40). О дальнейших планах

относительно издания Гоцци в издательстве Некрасова проясняется из письма к нему Кузмина от 11 сентября 1912: «Относительно Гоцци "Il ge servo", я охотно сделаю перевод к январю и очень рад, что Муратов сделает вступление. Я всегда с большим наслаждением читаю его статьи, посвященные столь дорогому мне искусству Италии» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.147. Л.7-8). Об этом издании у Некрасова с Муратовым состоялся разговор в начале сентября, когда Муратов вернулся в Россию. Задуманное издание русского перевода фьябы Гоцци «Король-олень» (1762) осуществлено не было.

² Итальянские средневековые хроники Муратовым изданы не были, но он использовал их в 3-м томе «Образов Италии» (Берлин, 1924).

³ См. прим.1 к письму 14.

⁴ Некрасов написал Муратову о своей идее создать в Ярославле художественную галерею или музей древнерусского искусства. В какой-то степени это обращение Некрасова послужило толчком для духовного сближения Муратова и Некрасова, их дальнейшей совместной деятельности и дружбы.

⁵ Не понятно, какой именно музей Муратов в этот период называет «нашим». Возможно, речь идет о Третьяковской галерее, так как Муратов был дружен с И.С.Остроуховым, другом П.М.Третьякова и попечителем галереи в 1905-1913. Кроме того, Муратов часто бывал в галерее, писал обо всех ее выставках и был дружен со многими ее сотрудниками и художниками, имеющими отношение к галерее.

⁶ *Илья Семенович Остроухов* (1858-1929) — художник, крупный коллекционер живописи. В издательстве Некрасова в 1914 была издана П.Муратовым книга «Древнерусская иконопись в собрании И.С.Остроухова». *Владимир Васильевич Якунчиков* (1855-1916) — московский фабрикант, директор Товарищества Воскресенской мануфактуры, меценат. *Александр Андреевич Карзинкин* (1863-1931) — московский фабрикант, меценат. Был дружен с И.С.Остроуховым. Член совета Третьяковской галереи в 1905-1912. Карзинкины — владельцы Товарищества Ярославской Большой мануфактуры с 1859.

18

[Рим] 30/17 [июня 1912]

Дорогой Константин Федорович!

Не успел отправить письмо, как получил от Вас второе письмо и деньги. Очень благодарен Вам за любезно исполненную просьбу. Расписки при сем прилагаю. Встревожило меня, как быть с корректурами новелл. Я все-таки хотел бы их просмотреть. Думал я, думал и придумал сделать так. Я уеду из Рима через две недели,

но затем вернусь в него к 25 августа здешнему, 12-му русскому. Проживу в Риме около месяца еще числа до 8-10 русск[ого] сентября, а затем прямо в Россию. Чтобы не было задержки, посылайте все корректуры, какие накопятся до того момента, когда я Вам сообщу будущий римский адрес (то есть числа до 18 августа русского) — по адресу моего приятеля Осоргина-Ильина¹, который всегда живет в Риме. Когда я вернусь в Рим, он мне их передаст и через неделю по возвращении я вышлю Вам все корректуры. Тогда же надеюсь послать и 2-й том. Так хорошо, не правда ли? Перед отъездом из Рима напишу Вам адрес Ильина. При таких условиях несомненно I том новелл может выйти в свет 15 сентября. Раньше едва ли это даже нужно. А прочесть корректуры я все-таки хотел бы, боюсь, местами в печатном виде окажется слишком по-старинному грузно и надо будет это исправить. Недоразумения могут выйти и с транскрипцией бесчисленных собственных имен.

Итак, напишу Вам еще перед отъездом и укажу, куда посылавать корректуры.

Искренно Вам преданный

П. Муратов

Если успеете прислать книжку Нерваля — пришлите. Обложку доставлю Вам тоже по возвращении в Рим, т.е. в 20-х числах русского августа, примерно.

¹ *Михаил Андреевич Осоргин* (наст. фамилия Ильин, 1878-1942) — писатель. В 1906-1916 жил в Италии. На адрес Ильина в Рим Некрасов посылал и корректуры «Ватека» для Б.К.Зайцева.

Дорогой Константин Федорович!

Корректуры и письмо застали меня совсем «на вылете» из Рима. Признаться, корректуры, полученные мной до письма, меня немного озадачили. Но исправил их и теперь посылаю вместе с этим письмом.

Меня смущает только, что я наделал Вам столько хлопот и... что Вы по Вашей доброте не браните меня!

Правда, не применить хорошую обложку было бы жалко, да и книга в самом деле выиграет «в видимости» большого формата. Значит, все остается в силе, как я писал Вам. Направляйте коррек-

туры и письма моему приятелю Гульельмо Пассильи, Вице-директору Национальной Библиотеки по адресу: Рим. Гульельмо Пассильи. Заказное. *Reccomandata Al Signor Guglielmo Passigle Biblioteca Nazionale Vittorio-Emmanuele. Rome.* Я его предупредил, когда приеду, он мне их передаст. Надеюсь послать Вам 2-й том новелл даже с одного из этапов поездки.

Что Вы пишете о лубках, очень интересно, и художники наверно, заинтересуются¹. Что касается до меня, то пользуйтесь для этой цели новеллами, как Вам заблагорассудится, предоставляю Вам всякие права, и ни о каких гонорарах в таком деле, разумеется, не может быть и речи. Любопытно, что именно Вы считаете пригодным? Типография Ваша сработала новеллы недурно и я менял мало. Но все-таки как-то страшно было не просмотреть корректуры. Уж пришлите, если будут.

Буду с дороги посылать открытки Вам. А ведь в сентябре я надеюсь побывать у Вас в Ярославле по дороге на Белое Озеро². Еще спрошу у Вас о навигации по Шексне.

Пока, крепко жму Вашу руку,

Преданный Вам

П. Муратов

¹ Речь идет о намерении Некрасова наладить серию лубочных изданий.

² Муратов имеет в виду свои поездки в Вологду, Кириллов, Белозерск, связанные с подготовкой тома по древнерусскому искусству для издания И. Грабаря.

[Рим] 30/17 [июля 1912]

Дорогой Константин Федорович,

одновременно с этим письмом посылаю Вам рукопись 2-го тома новелл. Итак, книга кончена и готова для печати. Скоро будет готова и обложка. Ульянов едет на днях в Россию и пошлет Вам обложку из Москвы. «По-приятельски» он назначил плату за нее 50 рублей. Я думаю, цена эта не покажется Вам высокой, когда Вы увидите обложку.

Пишу Вам из Рима, куда приехал третьего дня и где пробуду еще дней 10-12. Мои планы путешествия опять изменились! Я по-

ездил по Тоскане, вернулся в Рим на 2 недели и теперь уеду отсюда уже совсем числа 30-31 русского июля. Поеду на Север, проживу там и проезжу недели три и около 23 августа буду уже в Москве. В связи с этим у меня к Вам покорная просьба: по получении сего письма вышлите мне «причитающуюся» сумму и во избежание долгого движения денег сделайте это (о чем весьма прошу) переводом по телеграфу через банк, как Вы уже однажды это любезно сделали. По моему счету вышло листов 11 перевода и листа 1^{1/2}-1^{3/4} статьи, то есть всего на сумму 975-1000 рублей, из коих 600 рублей мною получены и остается следовательно дополучить 375-400 рублей, как раз тысячу франков. Может быть, при этом погасится и перевод по телеграфу, если же нет, то учтите оный. Очень извиняюсь, что полная продажа новелл пришла на 2 месяца раньше, чем мы предполагали. Но с другой стороны ведь это подвинет на 2 месяца и выпуск книги в полном виде. Думаю, что не доставлю Вам больших хлопот и затруднений и рассчитываю на Вашу постоянную ко мне любезность. Забыл прибавить, что адрес мой теперь прежний: Paul Mouratoff, 58 Via del Babuino. Rome.

Не беспокойтесь о судьбе корректур. Если они успеют прийти до здешнего 11-12 августа, то я их получу у Пассильи. Если же они разминутся со мной, то Пассильи пошлет их в Москву в Румянцевский музей. Вы же направляйте корректуры, если таковые будут, теперь тоже в Москву в Румянцевский музей. Приехав туда, я немедленно займусь ими и около 1 сентября русского все то, что Вы пришлете, будет исправлено и Вам возвращено. В начале сентября я непременно поеду на Белое озеро и буду проездом у Вас в Ярославле. Напишите мне, когда Вы будете в Ярославле и поедете ли в Крым¹. Напишите также, пожалуйста, до каких пор есть пароходство по Шексне. Пришло мне в голову еще вот что. Оба тома или, вернее, все три части новелл теперь готовы. Не лучше ли было бы их издать одной внушительной книгой, заключающей все три части? Не берусь судить о технической и «распространительской» стороне такого предположения, Вам это лучше известно. Но как бы Вы посмотрели на это? Мне кажется, в Вашем формате книга не вышла бы чрезмерно толстой и, быть может, она выиграла бы в цельности. Напишите мне, пожалуйста, что Вы думаете об этом.

Пишите мне теперь так: Paolo Muratov. Fermain posta. Venezia.

В Риме, пожалуй, письмо меня не успело бы застать — тем более не успела бы застать долгая история с переводом. Вот почему я еще раз повторяю просьбу послать деньги переводом по телеграфу. Хочется поскорее на север. Жара стоит большая, 33-35.

Ну, кажется, изложил Вам все. Местами новеллы не очень разборчивы. Некоторые из них успел дать переписать. В ожидании Ваших известий

Всегда преданный Вам и уважающий

П.Муратов

¹ Некрасов по состоянию здоровья ежегодно сентябрь вынужден был проводить в Крыму.

21

[Сьена] 15/2 авг[уста 1912]

Дорогой Константин Федорович!

Пишу Вам из Сьены — проездом на Север остановился поглядеть на удивительное празднество здешнее, рассказ о коем, смею надеяться, Вы прочтете в 3-м томе «Образов Италии»¹.

Очень благодарю Вас за присылку денег, столь любезную и своевременную. Расписку в получении оных прилагаю.

Корректур у Пассильи пока что не было. Направляйте все их в Москву, в Румянцевский музей. Я приеду в Россию между 20 и 25 русского августа, т.е. весьма скоро, а в начале сентября, как я уже писал, побываю у Вас в Ярославле.

Надеюсь, что обложку Вы уже получили или получите в скором времени.

Итак, кроме повторенной еще раз благодарности, мне прибавить нечего.

Всего лучшего. Крепко жму Вашу руку.

Преданный П.Муратов

¹ Праздник в Сьене Муратов описал в 3-м томе «Образов Италии», в главе «Палио в Сьено» (Берлин, 1924. С.139-152). Празднество в Сьене — «палио» бывает два раза в год: 2 июля и 14 августа. Муратов описывает праздник 14 августа.

22

[Москва] 6 сент[ября 1912]

Дорогой Константин Федорович,

спешу уверить Вас, что рисунок, о котором Вы писали, — *нисколько не* Гаварни¹ и что подпись несомненно фальшивая. Возможна только его принадлежность к эпохе (50-е годы), но нет никаких данных, которые подымали бы его цену выше рублей 10-15.

Но невозможно, впрочем, что все это «злостная» подделка. Мой совет: не берите его.

Путешествие мое все откладывается и если не отложится Ваше возвращение², то мы еще можем встретиться в Ярославле числа 20-22.

Купил вчера три иконы — прелесть! Хотел бы Вам показать их. Может быть проездом через Москву побываете у меня? (Пречистенка, Хрущовский пер. Меб[лированные] ком[наты] Гунст)³.

Преданный Вам и уважающий

П. Муратов

¹ *Поль Гаварни* (наст. имя Сюльпис Гийом Шевалье, 1804-1866) — французский график, автор литографий и акварелей. Некрасов, начавший приобретать художественные произведения для своего собрания (которое могло стать, по его предположению, основой будущей галереи), послал в Москву Муратову предложенный ему рисунок для определения его ценности. Для подобных пересылок Некрасов и Муратов, как правило, пользовались московским книжным складом издательства К.Ф.Некрасова.

² Муратов имеет в виду свое путешествие на Белое озеро и возвращение Некрасова из Крыма.

³ Муратов жил в Москве в меблированных комнатах Анны Ивановны Гунст — Хрущевский пер., 5.

23

[Москва. После 20 сентября 1912]

Дорогой Константин Федорович,

сего 28 сентября мы с Н.М.Щекотовым надеемся выехать из Москвы и в 2 часа ночи приехать в Ярославль. Дальнейшее движение предполагается в субботу в 7.41 вечера на Вологду. Воскресенье рассчитываем провести в Вологде, в Кириллове быть в понедельник. Возвращение (по Шексне до Рыбинска) в Москву к 5-6 октября. Низко кланяюсь — присоединяйтесь к нам! Ведь тут целых три праздничных дня. Позвольте не сомневаться в таком согласии.

Очень поблагодарил бы, если бы разведали что о шекснинских пароходах и если бы сказали словцо иконнико-старьевщикам.

С утра в субботу рассчитываем посмотреть Спасо-Преображенский монастырь¹, а к часу быть у Вас в редакции. А в 7 часов едем, хорошо? До свидания,

Преданный Вам душевно

П. Муратов

¹ Муратов имел в виду Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря. Монастырь заложен в начале XIII века, собор — построен и расписан в 1506-1516 на месте сгоревшего деревянного храма начала XIII века. Находится в Ярославле на берегу реки Которосль.

24

[Москва] 22 ноября [1912]

Дорогой Константин Федорович!

Нам надо скорее повидаться¹. Но ради Бога, будьте осторожны. 2000 за икону — цена исключительная (не за строгановскую)². Остроухов ждет Вас, Николая Мих[айловича]³ и меня для осмотра завтра в пятницу в 5 часов дня. В субботу он уезжает. Посему для беседы и «условления» непременно заходите завтра в пятницу до 3-х в музей.

Преданный Вам

П.Муратов

P.S. Дополнительное: завтра я буду в музее от часа. Очень прошу быть между часом и тремя. Завтра, быть может, зайдет в музей и Г.К.Рахманов. Если встретитесь с ним, не говорите ничего об экскурсии к Остроухову. Я ему обещал устроить это, но хочу его визит отложить и «пустить» вперед Вас с Ник[олаем] Мих[айловичем].

По телефону можно звонить мне сегодня до 5 ч[асов] 101-44 и от 9-11 по тел. 202-24, вызвать из 29.

¹ Записка написана Муратовым Некрасову, когда последний находился в Москве.

² *Строгановская школа* — условно введенное в XIX веке наименование одного из основных направлений в русской иконописи конца XVI-XVII веков. Для икон строгановской школы в целом характерны небольшие размеры, миниатюрность письма, сочная, плотная, построенная на полутонах цветовая гамма, обогащенная широким применением золота и серебра, хрупкая изнеженность поз и жестов персонажей, сложная фантастика пейзажных фонов.

³ Имеется в виду Н.М.Щекотов.

⁴ Встреча, вероятно, была задумана с целью предварительных переговоров об издании икон из собрания И.С.Остроухова.

[Москва] 25 декабря [1912]

Дорогой Константин Федорович!

Пишу Вам из Москвы. В Новгород мы так и не поехали. В Петербурге вечером у Нерадовского¹ познакомился с «героем дня», с Мих[аилом] Ив[ановичем] Терещенко². Это молодой человек, очень красивый и весьма элегантный, и довольно изящный (пока молод). Кипит жадной всяческой деятельностью. Дал 100 тысяч музею Ал[ександра] III³ на издание икон и перед иконами вообще уже «млеет». Остроуховского собрания еще не видел, но боюсь, что увидит очень скоро и, нисколько не сомневаюсь, вспыхнет издать. Конкурировать же с ним пожалуй что и невозможно. Как быть — судите сами. Во всяком случае, как только он будет у Остроухова, я сейчас же об этом узнаю.

Судьба моей «Троицы» пока гадательна. Николай Мих[айлович] получил письмо от Антона, но вероятно он сам сообщит Вам его содержание. Письмо не без надежды⁴. Как новеллы? Жду их со дня на день. Прикажите прислать мне штук 30. Это много, но большинство из них предназначены таким людям, какие чрезвычайно будут способствовать их распространению. Корректуры второго томика идут. Сильно подвинулось дело с Мериме⁵. После Рождества его можно будет печатать. Получите же Вы его (все, кроме статейки о Мериме) по моим итоговым исчислениям 15-18 декабря. Сие не без умысла, ибо к празднику нужны деньги и переводчице и редактору. Мы с Екатериной Сергеевной просим Вас пока что по получении рукописей прислать 300 рублей. Эта сумма покроется с избытком стоимостью работы — листов 10-11 перевода (будем считать как и Нерваля по 40 р.), да еще статейки будет пол-листа. Без этих денег как бы праздники не вышли плачевны, «Троица» моя застряла и я слегка повесил нос. Не унывает Ник[олай] Мих[айлович], как кажется, раздобыл какие-то капиталы для новых Вологодских покупок. И еще просьба к Вам в наказание за Вашу любезность. Если имеется еще диван, о котором мы беседовали в ресторане «Амбир», то хорошо бы его переправить в Москву, удержав соответствующую сумму из «предрождественского» гонорара. И, наконец, еще два последних денежных дела. 1). Долг мой иконный в 50 рублей прошу все-таки отложить до «реализации», которая непременно состоится все равно в каком размере. 2). Если по подсчету за новеллы выйдет, что я «перебрал», напишите в точности сколько, и мы введем это в дальнейший счет.

Каким я стал деловым после Петербурга! А Вы как провели там время? В Москве попал в водоворот — Грабарь, корректуры новелл, музей, Мериме, Остроухов и проч., проч. Вышла моя книжка 2-м изд[анием] (2-й том)⁶. Посылаю ее Вам.

А Брягин-то уехал в Петербург, повез 10 икон Нерадовскому⁷. А Остроухов купил «География», послабее того, но все-таки отличного.

Напишите, если не лень.

Душевно Вам преданный

П. Муратов

¹ *Петр Иванович Нерадовский* (1875-1962) — художник, искусствовед, много лет работал в Русском музее. В 1912-1929 был заведующим Художественным отделом этого музея.

² *Михаил Иванович Терещенко* (1886-1958) — сахарозаводчик, миллионер, меценат, совместно с сестрами был владельцем издательства «Сирин». Его отец Иван Николаевич Терещенко (1857-1903) — киевский заводчик, был коллекционером русской и западноевропейской живописи.

³ Русский музей, который до 1917 назывался Русский музей Императора Александра III.

⁴ Речь идет о приобретении икон из вологодских церквей и монастырей.

⁵ Речь идет о книге: Мериме П. Избранные рассказы / Пер. с франц. Е.С.Урениус. Ред. и вст.ст. П.П.Муратова. Вышла в издательстве Некрасова в 1913. В книгу вошли рассказы «Маттео Фальконе», «Видение Карла XI», «Взятие редута», «Таманго», «Партия в триктрак», «Этруская ваза», «Упыри», «Виколо ди мадам Лукреция», «Венера Ильская». Рассказы П.Мериме переиздавались Некрасовым в 1914: «Взятие редута» — в серии «Библиотека войны»; в 1915 — «Любовные похождения испанского дворянина Дон Жуана» и «Упыри, или выходцы из могил».

⁶ Имеется в виду 2-е двухтомное издание «Образов Италии», которое вышло в том же издательстве «Научное слово» в 1912-1913.

⁷ Вероятно, имеется в виду *Николай Иванович Брягин* (1885-1933) — из знаменитой династии мстерских реставраторов древнерусской живописи. И.С.Остроухов и П.П.Муратов были в более близких отношениях с братом Н.И. — Евгением. Иконы для Русского музея (т.е. в тесном контакте с П.И.Нерадовским) реставрировали А.И., Е.И. и Н.И.Брягины, однако именно Н.И. с 1913 по 1920 работал в Русском музее главным мастером по реставрации икон. Когда в письмах Муратова идет речь о Е.И.Брягине, он, как правило, упоминается по имени.

[Москва] 22 дек[абря] 1912

Дорогой Константин Федорович!

Очень благодарю за исполнение просьбы, — деньги получил и расписку при сем прилагаю. Благодарен также и за диван и спешу передать Вам живейшую благодарность Екатерины Сергеевны.

Статью о Мериме напишу в течение праздников; она будет пол-листа. Хорошо, по-моему, что Вы уже пустили Мериме в набор. Как бы кто по нынешним временам не «опередил». Мериме ведь очень на виду. Буду очень просить Вас, только если найдете возможным, прислать и корректуру, и верстку. Хочу посмотреть все дважды. Особенно смущает меня, что Бор[ис] Конст[антинович] говорил, будто Вы завели машинный набор. По опыту с Саблиным¹ знаю, что это штука весьма ядовитая в смысле опечаток. Новеллы выйдут после Крещения? Не думаете ли Вы сразу издать оба томика? Пожалуй, это было бы лучше всего.

А теперь об иконах. Неудачи Ваши с Никол[аем] Мих[айловичем] меня более смущают, чем Вас². Должен сказать, что чем более я к этому делу приглядываюсь, тем более убеждаюсь, что икон на свете весьма много. Думаю, что тут не очень-то возьмешь поездками. Вне старообрядческих кругов икон, особенно новгородских, достать нельзя. По-видимому, все, что у Остроухова, Рябушинского³ и пр. — все это результат ликвидации каких-то молелен. Напасть на такие следы — вот задача. А без этого плохо дело.

Меня пригласили участвовать в Комитете февральской выставки⁴, устроенной Рябушинским, Остроуховым и пр. Вчера я «заседал» в компании всяких иконных людей: Чирикова⁵, Тюлиных⁶ и пр. Занимались мы приемом предложенных на выставку вещей и определением оных. Были, например, вещи Силина⁷ и Никольского⁸. И вот оказывается, что все это *чрезвычайно скудно* по сравнению с музеем Ал[ександра] III, Остроуховым, Рябушинским и старообрядческими церквями.

Откуда ухитрится доставать один Брягин мой. Недавно он опять отвез в Петербург Нерадовскому тысяч на 10-15. Две иконы (Никола и Федор Стратилат с житием) замечательные. Но пройдет года 2-3, и правда, как выражаются иконники, «все приберется к рукам». Будем, разумеется, действовать и мы.

Относительно Рязани: не подлежит сомнению, что вещи там перво-второклассные и не очень дорогие. Художник Яковлев⁹,

сообщивший об этом, где, он не говорит, принужден по всяким обстоятельствам предложить это сперва княгине Гагариной¹⁰. Если она не возьмет или не возьмет всего, тогда я поеду и посмотрю в целях музея и наших. Одно время я стал надеяться. Может быть, и теперь надежды терять нечего. Будто бы там есть Корреджио¹¹, Гюбер Робер¹², Хогарт¹³, голландцы. Надо все это проверить.

Когда будете в Москве? Веселых праздников или, вернее, легких!

Преданный Вам

П. Муратов

¹ *Владимир Михайлович Саблин* (1872-1916) — русский книгоиздатель, переводчик.

² О чем идет речь, установить не удалось (возможно, об иконных покупках во время осенней поездки в Вологду).

³ *Сергей Павлович Рябушинский* (1872-?) — коллекционер древнерусской живописи, почетный член Московского археологического института. Собирал древнерусскую живопись для новых старообрядческих церквей, первым применил полную и последовательную расчистку икон XIV-XVI вв. Расчистку для него проводил А.В.Тюлин. Его собрание получило особенно широкую известность после московской выставки 1913.

⁴ Речь идет о выставке древнерусского искусства в Москве в 1913. Основу этой выставки составили собрания И.С.Остроухова и С.П.Рябушинского. Текст к иконам, представленным на выставке, составлял С.П.Рябушинский.

⁵ Имеется в виду один из братьев *Чириковых* — Михаил Осипович или Григорий Осипович (1882-1936). Иконописная мастерская их в Москве на Таганке была основана их отцом, иконошником-реставратором из Мстеры Чириковым Осипом Семеновичем (ум.1903).

⁶ *Алексей Васильевич Тюлин* (ум.1918) и его брат *Яков Васильевич Тюлин* — иконописцы-реставраторы (мстерцы).

⁷ Имеются в виду иконы из коллекции *Дмитрия Ивановича Силина* (1855-1913) — московского купца, собирателя икон, владельца магазина икон в Верхних Торговых рядах. Его брат Евгений Иванович также имел иконный магазин «Силин Е.И. Торговый дом». Начало торговле и собиранию икон братьев Силиных было положено их отцом Иваном Лукичом Силиным (ум. 1899), который, кроме икон, торговал старопечатными книгами и рукописями; снабжал П.М.Третьякова.

⁸ Возможно, речь идет об А.Никольском, авторе статьи «Реставрация икон и настенной живописи в московских соборах: Большом Успен-

ском, Архангельском и Благовещенском в 1770-1783 годах» (Вестник Археологии и истории, издаваемый имп. С.-Петербургским археологическим институтом. XXII. 1914. С.97-106).

⁹ *Василий Николаевич Яковлев* (1893-1953) — художник, изучал живопись XVII века, повлиявшую на его живописную манеру. В 1926-1931 был заведующим реставрационными мастерскими ГМИИ.

¹⁰ Вероятно, родственница князя *Григория Григорьевича Гагарина* (1818-1893) — художника, археолога, вице-президента Академии художеств, основателя музея православного иконописания.

¹¹ *Корреджо* (Антонио Аллегри, ок.1499 - ок.1534) — итальянский живописец эпохи Высокого Возрождения.

¹² *Гюбер Робер* (1733-1808) — французский живописец.

¹³ *Уильям Хогарт* (1697-1764) — английский живописец, график, теоретик искусства.

27

[Москва] 5 [января] вечером [1913]

Дорогой Константин Федорович!

Вероятно, Вы удивились и посмеялись, получив мою телеграмму¹. Увы! Все никак не может окончиться моя иконная неудача! Утром звонит мне Рахманов и говорит: «Я думаю вернуть все иконы, ведь я не платил за них еще деньги. В крайнем случае оставим еще штуки 3-4 лучших, рублей на 500, и если они на это не согласятся, то придется вернуть все». Немного спустя, поговорив с адвокатом, сыном той старушки, чьи иконы, он опять звонит мне: «Старушка уехала куда-то молиться. Все решится в понедельник».

Значит, возможны 2 варианта. 1) В понед[ельник] мы возвращаем все (вот почему я и обратился к Вам со столь экстренной просьбой). 2) В понед[ельник] возвращаем все за исключением 3-4 икон. Во втором случае, желая принять участие в денежном «выкупе» Рахманова, я оставляю «Екатерину» за 100 руб. (хотя это и несколько высокая для нее цена). Но что если придется все возвращать! Помните, какое пятно я «расчистил» на «Екатерине»? Придется везти ее к Брягину и наводить «старую олифу». Боюсь также, что не успеет прийти икона от Вас². Чувствую, что наделал Вам хлопот, и меня это, поверьте, ужасно огорчает. Пусть сумма 302 увеличится еще на расходы по отправке — очень прошу. А Ваше «Тихвинское явление», отдадим его не только по первому

варианту, но и по второму. За 50 рублей я, ручаюсь, достану Вам у Брягина или у Тюлина скромную, но настоящую новгородскую иконку и вышлю ее Вам по почте. Позвольте мне сделать так, дорогой Константин Федорович, и не жалеете о «Тихвинском явлении», которое принадлежит к тем сомнительным письмам, какие иконники называют «монастырскими».

Что Вы на все это скажете? Пролетел я, что называется, решительным образом, и наделал Вам хлопот.

Получил «Новеллы» и весьма ими утешился. Книжка очень милая, мне кажется, все будут ее читать. Я просил склад выслать мне 30 экземпляров — как уже раньше просил Вас об этом. Книжки мне прислали. А вчера в «Русском слове» был уже отзыв Измайлова, краткий, но весьма сочувственный³.

Что бы Вы сказали, если бы представился случай купить за 250 руб. «Благовещение» (новгородское, XVI века с отличной архитектурой, соединенное из двух досок из Царских врат как в музее Ал[ександра] III)? Пока это не наверное. Впрочем, боюсь рекомендовать что-либо после грандиозного моего провала. Буду ждать письма от Вас. Прощайте и не браните.

Ваш П. Муратов

P.S. Екат[ерина] Серг[еевна] очень смущена материей и все спрашивает «не сделал ли я неловкости». Ведь материя была куплена Вами и за какую-то определенную сумму⁴. Еще покорнейшая просьба: приложить эту сумму к той же цифре «302».

¹ В телеграмме Муратов просил Некрасова вернуть икону, купленную по рекомендации самого же Муратова.

² 6 января утром икона от Некрасова была получена Муратовым, о чем свидетельствует письмо, отправленное вслед за письмом от 5 января: «6-е утром. Дорогой Константин Федорович! Сейчас получил икону. Тысячу раз благодарю. Письмо с подробностями уже отправлено Вам. Еще раз спасибо. Преданный Вам и благодарный П. Муратов» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.184. Л.2).

³ Речь идет об отзыве *Александра Алексеевича Измайлова* (1873-1921), писателя и критика (Русское слово. 1913, 5 января). В той же газете был опубликован отзыв А.Измайлова и на второй том «Новелл итальянского Возрождения», в котором он писал: «Даже совершенного новичка книга вводит в густую и стильную атмосферу века. Для беллетриста и драматурга это неистощимый сборник тем, поддающихся самым разнообразным вариантам» (Там же. 1913, 11 мая).

⁴ Речь идет о материи для дивана, который Некрасовым был отправлен из Ярославля Муратову и его жене.

[Москва] 13 янв[аря] 1913]

Дорогой Константин Федорович!

Душевное Вам спасибо за внимание во всем этом происшествии с неудачной покупкой. Происшествие окончилось, впрочем, вполне благополучно. Иконы возвращены за исключением четырех, какие Рахманов оставил себе за вполне справедливую плату 400 руб[лей] и «Екатерины», которую я оставил себе за 100, отчасти желая принять участие в «ликвидации», отчасти пользуясь возможностью подарить эту икону (хотя и оцененную несколько высоко) Катерине Серг[еевне] как ее именную. (А как Ваши угодники? Показывали ли Вы их Дубровину¹?) Вместо же Вашей «Тихвинской» я высылаю Вам, надеюсь, нечто получше. Это два воздуха, купленные мною у человека, который носит вещи в музей Строган[овского] училища² и который будет теперь носить их и в наш музей. Заплатил я за них 40 рублей, что, по-моему, весьма удачно. Я показывал Брягину, и он нашел цену маленькой. Говорит, стоит 100 руб., потому что начало XVIII века. Если бы XVII век, стоили бы рублей 300, а если бы XVI, стоили бы и тысячи. Мне они очень нравятся, надеюсь, что понравятся и Вам, а если не понравятся — привезите при случае обратно, я с удовольствием возьму сам.

Позавчера и вчера у Брягина открылся «великопостный» сезон. Ему привезли две большие партии³. Я еще не видел, но уже видел Рахманов и кое-что рассказывал. Есть Новгород⁴. Есть Благовещенье отличное, рублей в 1000 (это уж для Остроухова или Музея Ал[ександра] III!) Есть царские врата рублей на 400, на которые целится Рахманов для своей моленной. Вне всякого сомнения, найдется кое-что и для нас. На той неделе, когда Брягин немного подреставрирует вещи, я думаю побывать у него. Совестно Вас тащить из Ярославля, но следовало бы и Вам приглядеть себе кое-что при этом случае. Если не соберетесь приехать — попробуйте доверить мне, пришлите денег, сколько найдете нужным, и я что-нибудь отберу для Вас. Я у Брягина пользуюсь кредитом, и потому, имея денег рублей 300, могу взять рублей на 500. Пожалуй, и риска никакого и нет. Новгород у него «с ручательством», ибо все на глазах — Вы видите вещь нерасчищенной, а потом она постепенно чистится⁵. Кроме того, взяв несколько безусловно порядочных вещей, я не боюсь не угодить Вам, ибо если что не понравится, то я охотно оставляю себе. Итак, несмотря на неудачу недавнюю, настаиваю на приглашении принять участие

— приехать или прислать денег. Такими случаями надо пользоваться. Напишите скорее, что Вы об этом думаете и как находите воздухи. Если они понравятся, то в наших иконных счетах за мной 60 руб. (но Вы ничего не пишете о стоимости диванной материи) и на эту-то сумму я во *всяком случае* подберу Вам что-нибудь у Брягина.

Теперь о литературе. Рахманов говорил мне, что по его справкам «Новеллы» идут отлично. Поторопите корректуры 2-го тома, мне их очень давно не присылали. А затем следующее неприятное происшествие. Вчера приходит ко мне в музей молодой иудейского вида человек и называется представителем «Современных проблем». «Что же Вам угодно?» — «Мы издаем мемуары Казановы и просим Вас написать статью». Памятуя о Вашем издании⁶, я тогда развожу дипломатию. Выясняется, что они *пока не знают* о Вашем Казанове, и я нарочно им ничего не сказал, боясь, как бы они Вас не опередили. Нарочно сказал, что сейчас очень занят и до марта ничего не могу решить. Просил в марте опять меня спросить — надеюсь таким образом выиграть для Вас время. Но этот нахал заявил кроме всего прочего, что будто бы есть закон, по которому статью в лист можно перепечатать, не спрашивая автора, и что т[аким] о[бразом] они будто бы могли перепечатать мою статью из «Образов», не спрашивая меня. Я тогда резко спросил, зачем же они ко мне обращаются. Он сказал, что этого они, конечно, не сделают без согласия автора и пр. Тогда я сказал, что согласия на перепечатку ни в каком случае не даю. Какие мерзавцы! Каков вывод! *Как можно скорее выпускайте первый том Вашего Казановы*. Если они меня спросят, тогда я их срежу и скажу, что не обязан знать, что у Вас делается. Имени моего ведь не будет на Вашей книжке. Для вступит[ельной] статьи лучше перевести кого-нибудь. Мне же повторяться не хочется, а сокращения какие надо я *охотно и безвозмездно* сделаю⁷. Напишите только Лепешкиной⁸, чтобы она не болтала. Они уже переводят, и еврейчик пытался всучить мне перевод, но я его дипломатично «отшил» до марта. В марте же хочется послать его ко всем чертям. С такими людьми нельзя поступать иначе.

Написал Вам целую кучу. Напишите мне хотя и не столь страшно, но поскорее.

Катер[ина] Серг[еевна] шлет привет.

Ваш П. Муратов

¹ Николай Федорович Дубровин — ярославский купец, торговал древностями, коллекционер.

² В 1861 при центральном училище, основанном графом С.Г. Строгановым в 1825 (первоначально была рисовальная школа, в 1860 преобразованная в училище) был открыт художественно-промышленный музей.

³ Иконы в иконописно-реставрационные мастерские поставлялись со всей России специальными скупщиками-офенями. Наиболее знаменитыми в Москве офенями были Зайцев с сыновьями и Никифор Тюлин. В поисках икон офени обычно выезжали втайне друг от друга на маслоулице, в начале февраля. Офеней, возвращающихся на возах, наполненных иконами, далеко от Москвы уже поджидали представители «фирм». Воз покупался оптом — за две-три тысячи рублей. Все иконы не могли быть одинаково ценными по художественным достоинствам и сохранности; наиболее интересные из них расчищались, утраты реконструировались, «просмирялись» олифой, после чего продавались коллекционерам.

⁴ В начале XX века понятие «иконы новгородской школы» было очень широким; к новгородским относили большинство икон XI-XVII вв., происходивших из русских северных городов: Вологды, Ярославля, Архангельска, Костромы.

⁵ Среди иконописцев-реставраторов были особые мастера подделыватели — подфурники, в основном выходцы из Мстеры, которые не только «подстраивали» собственную реставрацию, как большинство мастеров, но из жалких остатков делали «древнюю» икону или создавали полный новодел. Распространенным приемом был обычай вновь «насекать» волосы или «описывать» лики. Мстерцы, работая главным образом на старообрядцев, были специалистами по «стилизованной» росписи. Особенно прославился на этом поприще Г.И. Чириков, мастерская которого сделалась «фабрикой имитации» (см.: Семеновский Дм. Мстера. М., 1939. С.9). Говоря о «ручательстве» Брягина, Муратов как раз и уверял Некрасова в невозможности подделки со стороны Брягина.

⁶ *Джованни Джакомо Казанова (1725-1798)* — итальянский писатель, мемуарист. Прожил бурную и авантюрную жизнь, которую описал многотомной «Историей моей жизни», опубликованной после его смерти. В издательстве Некрасова мемуары Казановы готовились Б.К.Зайцевым. Мысль перевести и издать Казанову принадлежала Муратову и Зайцеву; договоренность об издании с Некрасовым была достигнута в конце 1912 - начале 1913. К переводу Зайцев приступил лишь осенью 1913. 7 ноября 1913 он писал Некрасову: «Над Казановой работать начал. Павел Павлович дал мне и французский текст, с которым я сверяюсь в затруднительных случаях. /.../ Если нужно, то первый том я могу сдать недели через две» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.109. Л.9-10). Над переводом Зайцев работал самостоятельно, в переписке Зайцева и Некрасова эта работа упоминается часто, однако издание осуществлено не было.

⁷ Статья «Казанова» включена в первый том «Образов Италии» (часть 1 — «Венеция»). Еще в 1909 Муратов посылал ее в журнал «Аполлон». С.К.Маковскому, редактору журнала, он писал 12 октября 1909:

Милостивый государь Сергей Константинович.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам мою статью «Казанова», в надежде, что Вы найдете ее желательной для «Аполлона». Написать статью об этом замечательном человеке и писателе было моим давнишним желанием, которое по различным причинам могло быть осуществлено только теперь. Казанова почти неизвестен в России, и это предопределило характер предлагаемой Вам статьи — она в большей степени состоит из выборочных и переведенных мною мест. В силу этого статья вышла несколько длинной. Полагаю, однако, что в случае нужды ее можно было бы разбить на две части.

Примите уверения в совершенном почтении и искренности

П. Муратов

(РНБ. Ф.124. Ед.хр.2939).

Статья Муратова в «Аполлоне» не была опубликована.

⁸ *Лидия Владимировна Лепешкина* в 1911-1914 была секретарем издательства К.Ф.Некрасова.

29

[Москва] 18 янв[аря] 1913]

Дорогой Константин Федорович, спешу написать Вам, что «Воздухи» отправлены во вторник утром. Думаю, теперь Вы уже получили их. Но Вы их так ждете, что, боюсь, разочаруетесь. Напишите, когда получите.

Относительно икон я, напротив, убеждаюсь, все более и более, что единственный путь пока — это через Брягина. Недаром Остроухов остановился на нем¹. Моя «Богоматерь» — нисколько не случайность. И сейчас у Брягина найдется достаточно вещей того же качества и по той же цене. Я вообще думаю, что единственный путь, правильный для чего бы то ни было, это *составлять себе собрание и из того, что безусловно хорошо и безусловно нравится*. Только такие вещи и можно потом, если понадобится, продать. Покупать же, руководствуясь кажушимся случаем, не ведет ровно ни к чему. Не стоит накапливать посредственные вещи. Лучше или ничего не будет, или будет 5-6 хороших вещей. Цены тоже не трагичны. У Брягина рублей за 200-300 можно достать вещь безусловно высокого качества. Вы, по-видимому, склоняетесь к другой точке зрения. Лучше тогда мне воздержаться от каких-либо выступлений за Вас. Подождем, когда Вы приедете сами.

Псковский образ, который я приторговывал через Брягина, можно купить за 350 р. Для меня эта цена сейчас высока. Для Вас

же не решусь ее дать, пока Вы сами не посмотрите вещи. Завтра буду у Брягина, но для вас — лучше уж мы с Вами вместе побываем у него, когда приедете.

Отзыв о «Новеллах» меня очень интересует, если будет возможность, пожалуйста, пришлите *непременно*². Но отчего вышла задержка с печатанием 2-го тома? Я на Вашем месте не стал бы упускать сезона и выпустил бы его поскорее. Пока ведь книга идет, все говорят, очень хорошо. Неужели в феврале не выпустим?

«Евангелистом» очень интересуюсь. В общем на всех тут предлагается 12 икон — недорого, но все они ужасно подозрительные и ненастоящие³. Что касается Мстеры, то едва ли тут можно конкурировать с Брягиным — ведь он сам мстерский⁴ — он там свой человек. А что стоило у Дубровина 300 р., то наверняка у Брягина стоит рублей 150-200. Жаль одно, что Вас нет сейчас в Москве. Пишите.

Преданный Вам

П. Муратов

P.S. Если можете, то пришлите диванную материю поскорее. Е[катерина] С[ергеевна] уж очень по ней томится.

¹ И.С.Остроухов предпочитал иметь дело по всем вопросам покупки и реставрации икон с Е.И.Брягиным.

² О каком именно отзыве на «Новеллы итальянского Возрождения» идет речь, установить не удалось.

³ Вероятно, речь идет об иконах у какого-либо московского антиквара. Опасения Муратова были достаточно обоснованны, т.к. фабрикация подделок древнерусской живописи в России начала XX века была поставлена на самую широкую ногу, что стимулировалось прежде всего огромным спросом на древние иконы. Об этом говорилось и на Всероссийском съезде художников в Петербурге в 1911-1912: «Такое отношение к нашей церковной старине вызывает среди русских скупщиков икон желание наживы, сбыта, подделок под старину, вследствие чего за последнее время развилось особое ремесло — реставрация едва сохранившихся икон и даже писания на старых досках, подделываясь под старину» (Труды Всероссийского съезда художников. Пг., 1911. Т.2. С.9).

⁴ Реставрационные мастерские вырастали на почве традиционных иконописных промыслов Мстеры и Палеха; иконописцы этих сел издавна занимались поновлением икон. Мстерцами были Брягины, Чириковы, В.П.Гурьянов, Тюлины, Овчинниковы и другие.

[Москва] 5 фев[аля] 1913]

Дорогой Константин Федорович,

не писал Вам «по-нашему» давно. Все ждал, когда придет Евг[ений] Ив[анович]¹ и выскажется о нашем «Спасе». Евг[ений] Ив[анович] все обманывал. Сегодня он был и приговор его таков (образ был окончательно дочищен Фроловым²; лак оказался почти сохранным): Москва, конец XVI века, а может быть и искусная столетняя подделка под старое, басма хорошая XVII века, был бы недурен и венец, если бы эмаль была целее. В результате стоимость — 50 руб. и Евг[ений] Ив[анович] охотно меняется на два фрагмента этой стоимости, которые, я полагаю, мы и разделим. Помните те две «Богоматери» из Благовещения, о которых он говорил. Так что теперь все обстоит довольно благополучно.

«Троица» Ваша расчищена, Евг[ений] Ив[анович] говорит, вышла славная, «цветная» и если хотите, пошлет ее, а то может быть, подождать Вашего приезда? Напишите, когда собираетесь. Выставку открываем 13[-го]³. Напишу статью для «Русск[ого] слова». «Дмитрия» собираюсь завтра отпилить и Вам через склад отправить.

Затеяли меняться с Рябушинским. «Троицу» мою он оценил в 300 руб. Может быть, отдаст за нее отличного архангела из Чина. А, может быть, 3 фрагмента — из них один хорош, другой — недурен, а третий пока неизвестен.

«Пророки» пока у Евг[ения] Ив[ановича], но боюсь Остроухов увидит (он еще не видел!) и возьмет себе.

Корректуры посылаю, осталось, я думаю, еще на один раз. Грабаря начинают печатать, поднесу Вам в отдельном виде. Сабашников (помните о Данте?) звонил и сообщил, что все еще не пришел ни к какому решению⁴. Просит еще срок на размышление. Вот чудак! Человек с шитьем исчез пока. На выставке шитье слабо и дорого безумно. А как у Вас дела?

Любопытно, что Брягин знал «Спаса» еще до тех пор, пока он не попал к Кузнецову⁵ и «побоялся» взять его, хотя и хотел из-за венца. Вы видите, что они все знают, что есть в Москве по иконной части. «На местах», конечно, дело другое.

Ну всего Вам доброго.

Крепко жму руку. Жду известий.

Преданный

П. Муратов

¹ Е.И.Брягин.

² Реставратор, сведений о котором установить не удалось.

³ Выставка древнерусского искусства в Москве в 1913. См. прим.4 к письму 26.

⁴ *Михаил Васильевич Сабашников* (1871-1943) — глава «Издательства М. и С.Сабашниковых». Муратов и Зайцев предложили М.Сабашникову издать «Божественную комедию» Данте в переводе Б.Зайцева со вступительной статьей и комментариями П.Муратова.

⁵ Вероятно, имеется в виду *Павел Варфоломеевич Кузнецов* (1878-1968) — художник.

[Москва] 16 фев[аля] 1913]

Дорогой Константин Федорович, я очень разочарован, что Вы не приедете. Все эти дни поджидал Вас. Хотелось вместе посмотреть выставку. Она изумительна и прекрасна. Но посещается пока что весьма плохо. Фельетон, который я написал в «Русск[ом] слове» 13 февраля, не помог¹. Как известно, общественное мнение делает в России Яблоновский², а не кто-либо иной!

Иконные новости таковы. Искали мы с Остроуховым икону для поднесения от Думы Царю. Взяли у Брягина весьма недурную вещь — выйдет хорошо. Поменялся я с Рябушинским: он мне архангела из Чина, я ему — Троицу. Троицу он оценил в 300 руб. Архангела Брягин оценил в столько же. Архангел хорош, XV век; сейчас чистится.

Ваша Троица сейчас у меня. Она вышла так мила, как я не ожидал. Очень цветная. Брягин ценит ее в 100 р. Я вышлю Вам ее через склад.

Фрагмент Богоматери Брягин еще не разыскал, потому что страшно занят с царской иконой. Сейчас этот фрагмент только один (пусть он будет Ваш), но знаете ли почему? Вот самое сенсационное — другой фрагмент Брягин оставляет, ибо надеется подобрать целые врата к новым своим 4[-м] евангелистам. *Евангелисты же сии те, которых в лавке у Никитских ворот видели и я, и Рахманов, и Никол[ай] Мих[айлович]³, и Вы.* И все мы прозевали их, потому что это оказались отличные новгородские иконы! Там же мы прозевали и «О тебе Радуется», тоже славную новгородскую икону. Я сам видел их у Брягина уже расчищенными. Каково!

Икону «О тебе Радуется» можно было купить за 20 руб. А я-то вместо того взял московского архангела. Сколь хитро все это.

В указанное Вами место я звонил по телефону, но мне было отвечено, что там теперь уже никого нет. Была целая молельня, но все продано. Мне очень хочется приехать к Вам в Ярославль — и Вас повидать, и иконы посмотреть, наконец, и просто отдохнуть от Москвы. Я думаю быть у Вас четв[ерг], пятн[ицу], субботу на первой неделе и в субботу с Вами же выехать в Москву.

Сейчас занят еще устройением через Остроухова Николая Михайловича на должность помощника хранителя Третьяковской галереи. Кажется, это дело устроится⁴. А Ник[олай] Мих[айлович] все мечтает ехать на Масляной в Вологду, Николу Корень и проч. Но едва ли соберется.

О Казанове писал Бенуа, и он мне ответил⁵. Он соглашается весьма охотно, но говорит, что сейчас очень занят и не найдет времени раньше конца марта. Напишите мне, когда нужна эта статья — крайний срок.

Из 15 икон, приобретенных Вами, может быть, кое-что и выйдет? Вот приеду к Вам, вместе почистим. А может быть, Вы все-таки соберетесь в Москву 19-22? Уж очень хороша выставка и надо бы Вам ее скорее поглядеть.

Стихи Клюева судить мне трудно⁶. Я мало чувствую весь *этот род* поэзии, но в этом *роде* стихи кажутся хорошие и фальши я в них не вижу.

Кончаю последнюю корректуру «Новелл». Всего хорошего, увидимся скоро. Пишите.

Преданный П. Муратов

¹ Муратов П. Древняя иконопись // Русское слово. 1913, 13 февраля.

² Сергей Викторович Яблоновский (наст. фам. Потресов, 1870-1954) — московский журналист, литературный критик, фельетонист, сотрудник газеты «Русское слово».

³ Н.М.Щекотов.

⁴ Н.М.Щекотов поступил на службу в Третьяковскую галерею 15 февраля 1913 (РГАЛИ. Ф.646. Оп.1. Ед.хр.112. Л.2).

⁵ Александр Николаевич Бенуа (1870-1960) — художник, искусствовед, критик. П.Муратов писал А.Бенуа 8 февраля 1913:

«Многоуважаемый Александр Николаевич, очень благодарю Вас за прекрасную историю и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. Мой друг, книгоиздатель Некрасов (Константин Федорович), издавший мои новеллы и несколько вполне приличных книг, издает перевод Казановы. Перевод (он

уже готов) вполне удовлетворителен и вообще книга будет надлежащая. Некрасову хотелось бы иметь к ней соответствующее вступление. Мы совещались с ним об этом и решили покорно просить Вас написать, что Вам вздумается и пожелается о Казанове. Мне лично ужасно хочется, чтобы Вы написали об этом и, право же, Ваше отношение к Венеции XVIII века «обязывает» Вас не отказываться! Нет, серьезно, не отнимайте у нас этой надежды. Я знаю, что Вы очень заняты, но ведь можно написать немного (а как хорошо, если бы много!) — главное же, чем раньше, тем лучше.

Итак, позвольте ждать ответа, который не обескуражил бы меня и искусство.

Преданный Вам и уважающий Вас

П. Муратов

(ГРМ. Ф.137. Оп.1. Ед.хр.1243. Л.1-2). В письме упоминается первый том «Истории живописи всех времен и народов» (СПб., 1912), присланный Бенуа Муратову.

⁶ В начале 1913 Некрасовым (по совету А.Н.Толстого) были изданы книги стихов Николая Алексеевича Клюева (1884-1937) — «Сосен перезвон» и «Лесные были». Издатель отправил книги Муратову, а также В.Брюсову, М.Кузмину и другим. Кузмину Некрасов писал: «Посылаю Вам книжку этого удивительного Клюева. Должен сознаться — половину ее я знаю наизусть. Вы частью знакомы с ней — это "Лесные были"» (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.311. Л.4).

32

[Москва] 21 февраля [1913]

Дорогой Константин Федорович, жду Вашего «Илью» и совершу с ним все, что надо. «Троицу» же Вашу не стану посылать, ибо теперь уже скоро приеду и привезу ее с собой. Я решил окончательно выехать в среду 27-го вечером и пробить у Вас в Ярославле четверг и пятницу, а если надо, и субботу. Любопытно, что окажется.

Наши новости таковы: в Мстере последний раз ездил не один Евг[ений] Ив[анович], но и Тюлин ездил, и Чириковы. Чириковы оказались ловчее всех, привезли 100 икон (заплатили 4000), из коих 2-3 очень хороших. Одну — «Илью» совсем необыкновенного на красном фоне — купил за 1^{1/2} тыс. Остроухов. Говорили мне про то, что в числе этих 100 икон есть всякая всячина — разрозненные чины и проч. Хочу съездить и посмотреть. Остроухов обещал захватить меня, когда поедет — он там еще что-то присмотрел.

Ваша мысль о промене «Спаса» на «Пророков» хороша, и я поговорю с Брягиным, когда его увижу.

Живу сейчас не очень хорошо и работаю вяло. У меня есть и корыстная цель при сборах в Ярославль. Прошу Вас очень: подсчитайте, сколько выйдет теперь за новеллы. Авось и «очистится» рублей 100-150. 1-го марта нужны будут деньги, а иных видов что-то нет. Но каков Сабашников! Опять звонил недавно и «просил позволения еще обдумать» на свободе (масленица). Смех да и только — целый месяц колеблется.

Бенуа напишите теперь Вы сами и укажите ему сроки. Адрес его: Пбг., Ново-адмиралтейский канал, д.31.

Скоро увидимся, значит. Пока всего лучшего. Крепко жму Вашу руку.

Преданный П.Муратов

Ник[олай] Мих[айлович] шлет Вам привет. Он-таки устроился в Третьяковской и очень доволен. Там-то, говорит, буду собирать иконы. На Пасхе Вы, чай, в Крым? Как бы и я там не оказался. У меня в Севастополе брат служит. А может, во Флоренцию соберетесь? Поговорим об этом.

33

[Москва] суббота [23 марта 1913]

Дорогой Константин Федорович!

Сегодня был у Чирикова и видел двух Ваших «Архангелов». Оба совсем готовы и будут Вам посланы во вторник или среду. Вышли превосходно, особенно большой, который, кажется, перешиб даже малого. Чириков говорил, что Харитоненко¹, увидев этого «архангела», позарилась было на него. В общем же в иконном мире затишье. Процветает, кажется, один Чириков, Брягин что-то закис.

Получил гранки статьи — спасибо. Новелл пока не видно — порядком они задержались. Мериме, по-видимому, Вы отложили до следующего сезона? Бенуа еще здесь, но, поставив в среду Мольера², должно быть перекинется в Петербург. Там его адрес: Ново-адмиралтейский канал, 31. Александр Николаевич Б[енуа]. Написал статью в «Старые годы» о выставке³. Вышел, кажется, каталог, у меня его пока еще нет. Велю Вам послать. Пишу 3-й выпуск Грабарю (2-й сдал), но увы, кажется, будет еще и 4-ый — почти целый том в общем⁴.

Сабашников, наконец, дал ответ: решил «пока» воздержаться. Не будучи с ним связаны, мы с Зайцевым решили все-таки предложить книгу Вам. Соображения у нас такие — перевод Данте

(ритмичной и художественной прозой), статьи о Данте, о Комедии и по поводу Комедии и комментарии. В общем около 36 листов (21 л. — перевод и 15 л. — статьи), по 12 л. на часть. Первая часть могла бы выйти осенью 1914, вторая осенью 1915, третья зимой 1916-1917. Гонорар мы исчисляем (по-моему, справедливо) так: 3 книги по 2 рубля и в количестве 3000 экз. Валовая стоимость 18 000 рублей. Беря отсюда 20% — будет 3600 руб. Оплата в четыре срока — по 900 р. Первый раз при соглашении и остальные по представлению рукописи каждой из трех частей. Каждый из нас получает, т.о., за труды по 1800 р., т.е. по 600 р. за часть, что, по-моему, не излишне много, хотя и достаточно.

Если Вас этот замысел интересует, пришлите расчет и подумайте, не обременят ли Вас единовременные затраты. При проезде Вашем через Москву, мы могли бы обо всем окончательно сговориться. Но только *ради Бога*, помните, что я смотрю на это дело совсем просто и вполне готов к тому, что оно Вас не прельстит нисколько. Материальная сторона меня интересует мало — проще было бы взяться за что-нибудь другое. Но не скрою, над Данте посидеть приятно и хочется.

Напишите об этом что-нибудь. Достал я Вам местных людей в Гори и Кутаиси, которые окажут Вам чисто «восточное гостеприимство (!)» Впрочем, Вы, кажется, охладели к Кавказу. Что до результатов — не знаю, но поехать следовало бы попытаться. Я на Пасху никуда от Гунст, и Бог знает вообще, когда я отсюда выберусь. Летом мне, кажется, предстоит учебный сбор в артиллерии. Хочу попроситься к Вам в Ярославль. Может быть, все это и к лучшему. Устал очень и на мир смотрю скорее мрачно.

Преданный Вам душевно

П. Муратов

Р.С. Нерадовский был, кое-что купил у Чирикова. Цены растут безобразно. Помните «чинок» у Брягина (черноватый)? Пошел за 2000 рублей!!

Письмо датируется по содержанию.

¹ *Вера Андреевна Харитоненко* — жена Павла Ивановича Харитоненко (1852-1914) — сахарозаводчика, коллекционера икон и картин. В его имени была освящена церковь, украшенная исключительно образцами древнерусской иконописи. На его средства в Русском музее Александра III была устроена Палата новгородской живописи.

² Речь идет о постановке «Мольеровского спектакля», включающего три пьесы: «Мнимый больной» (поставлена в 1912), «Тартюф» (1912), «Брак поневоле» (1913) в Московском Художественном театре.

Переговоры МХТ с А.Н.Бенуа об оформлении «Мольеровского спектакля» начались в 1909, работа завершена была в 1913.

³ Имеется в виду статья: Муратов П.П. Выставка древнерусского искусства в Москве // Старые годы. 1913. №4. С.34.

⁴ VI том включает всего 5 выпусков, из них 4 — написаны Муратовым (С.5-408).

34

[Москва] Вторник [2 апреля 1913]

Дорогой Константин Федорович!

Вчера получил Ваше письмо о Данте и уже собрался Вам ответить. Сегодня пришло второе. Должен сказать, что еще вчера я хотел Вам написать: не стоит ехать на Кавказ, если есть колебания. Ничего не следует делать с колебаниями. Так что сегодняшнее Ваше письмо вполне приветствую. Ведь и одна необычайно ранняя весна сама по себе могла изменить все планы. В Новгороде будет гораздо лучше (на Пасху), чем можно было зимой на это надеяться. Я с Вами на все время едва ли соберусь, но не исключаю возможности кратковременного вылета из Москвы к Вам в Псков. Очень жаль, что не будет Анисимова¹ — во многих отношениях. Хотя в некоторых это даже и лучше. В Новгороде расскажу Вам все, что сам знаю, и достану книг из Музея. Псков меня интригует — хорошо бы и в уезд удариться куда-нибудь. Но поговорим при свидании.

Вашему решению о Данте очень рад, и мне приятно, что будет очень доволен Зайцев. О внешности книги должным образом позаботимся. Ускорить же дело едва ли много возможно. Надо иметь минимум 1 1/2 года на перевод и по году на остальное. Значит, все будет конечно осенью 1916. О хрониках не «сумневайтесь» — сделаем их непременно. Работы всегда немало, но Вы «сгустили краски», как пишут в газетах, моей занятости. От Грабаря я отъезжаю к 10 июня, когда начну, как это почти выяснилось, отбывать лагерь. Значит, на 3 года у меня на руках будут: 1) 3-й том «Об[разов] Ит[алии]», 2) два тома хроник, 3) Данте и 4) один том насчет Греции². В этом томе и заграничная подготовка русской живописи. Русская подготовка — по возвращении. Выходит, как видите, совсем немного. Может быть, конечно, взбредет что-нибудь в голову, но от материальной необходимости брать новую работу избавят, я надеюсь, за эти 3 года — 3-е издание «Образов»³

и 2-е издание «Новелл»⁴. С тем же, что я перечислил, справиться вполне можно. Сегодня получил корректуры Мериме. Отлично. Пустить его в начале мая. К Пасхе я напишу статейку в 1/2 листа. Радуюсь Вашим «архангелам». Брягин что-то опять зашевелился. Теперь тут в Москве еще интересная для Вас выставка — Романовская в Чудовом монастыре. Там много шитья, хотя и 17 века.

Приезжайте, у меня есть для Вас «подарок». Как только приедете в Москву, звоните по телефону.

Преданный Вам

П. Муратов

Проспекты «И[оанна] Предтечи»⁵ имеют успех. Очень горячо обещал сочувствие Остроухов. Когда книга выйдет, я напишу в «Русские ведомости» статейку «Ярославль».

Анекдот: Черногубов⁶ спрашивает: «Нумерованное издание?» — «Да, 350 экз.» — «Ну тогда подпишусь. Через три года будет стоить впятеро».

Письмо датируется по содержанию.

¹ Александр Иванович Анисимов (1877-1939?) — искусствовед, реставратор, крупнейший знаток древнерусского искусства, в 1913 — хранитель новгородских икон. Сотрудник журнала «София».

² Вероятно, подразумевается задуманная Муратовым монография по византийскому искусству. Поездка в Грецию, запланированная в связи с этой работой, не состоялась.

³ 3-е издание «Образов Италии» вышло в 1917 в издательстве «Научное слово».

⁴ 2-е издание «Новелл итальянского Возрождения» вышло в 1913 в издательстве Некрасова.

⁵ Имеются в виду проспекты монографии «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле» (Объяснительная статья П.Первухина. Фотографии И.Лазарева, П.Мосягина и С.Шитова. Рисунок обложки С.Малютина. М.Изд-во К.Ф.Некрасова, 1913).

⁶ Николай Николаевич Черногубов (1873-1942) — хранитель Третьяковской галереи в 1903-1917, искусствовед и библиофил.

35

[Москва] 6 мая 1913

Дорогой Константин Федорович,
давно не обменивались мы известиями. В четверг 9-го выезжаем в лагерь на 6 недель, но, разумеется, буду приезжать в Москву

по субботам-воскресеньям и праздникам. Адреса мои остаются все те же. В субботу послал Вам телеграмму — напомнил о сроке выезда в лагерь и о деньгах. Теперь жду денег, но возможно, что Вас нет в Ярославле. Тогда пошлите мне чек заказным письмом на музей. Я в субботу приеду и получу.

Вчера встречали Бальмонта, было дьявольски трогательно¹. Сухотин сообщил мне Вашу переписку, спрашивал всяких советов и проч.². Я советовал ему попробовать и не судить о трудностях, работы не попробовав, — их можно преуменьшить или преувеличить.

Сию над выпуском о «Строгановских»³. Предмет весьма темный. Как-никак близится дело к концу — осталось $\frac{2}{3}$ четвертого и последнего выпуска. Планы мои таковы: 9 мая - 20 июня лагерь. 20 июня - 2 июля поездка на Волгу, к Вам вместе с Зайцевым и далее в Василево под Городец к Рахманову. Июль — сидение в Москве. Август — далекое путешествие.

Был у Брягина. Сретенье расчищено на $\frac{1}{3}$ слева. Выходит хорошая Москва 1580-1610 года. Очень внимательно сделано, но краска глухая. Я бы уступил этот образ рублей за 500. Жаль больше всего басму и... собственную удачу. Других новостей у Брягина нет. Обещал чистить после 9-го познергичнее. Сегодня происшествие: захожу к антиквару у Никитских ворот. Говорят мне — есть новости. Чин из 8 икон очень записанный, но может быть интересный и 2 иконы из другого чина — «Предтеча» и Павел. «Предтеча» дивный, по-моему, превосходнейшая новгородская икона XV века. Стал торговать Предтечу — давал 50, 75 и при малом количестве денег взогрелся до 100! Безумие! Тем не менее не отдали. Хотели за Предтечу с Павлом 400. Они пригласили по телефону Рахманова (знают его по «делу» об евангелистах). Рахманову понравилось, спросил по телефону мое мнение — в результате купил за 300. Цена порядочная, но Предтеча, я уверен, отличный. Представьте, на доске такие же разводы, как на фоне чина в Никольском единоверческом монастыре. Вздыхаю, но слава Богу, хоть Силину не досталось. Я подумал о Вас, но усоветился бомбардировать Вас телеграммой о деньгах, а у меня 300 р. не было.

Как видите, иконный пыл не прошел у меня, хотя и унялся немного. Настроен я не очень весело — лагерь, Москва в июле — все это не сладко. Только и хорошо, что Волга. Тысяча еще всяких сложностей и забот и — Боже мой! — как хотелось бы отдохнуть.

Присылайте мне корректуры Мериме — самое занятие на лето. Планы Ваши с Сухотиным отличные. Но мне кажется, что

«Экстракт» в двух томах сейчас нужнее и осуществимее, чем многотомное издание «памятников»⁴. Впрочем, Вы и сами так думаете.

Пишите. Крепко жму Вашу руку.
Преданный

П.Муратов

¹ Муратов имеет в виду возвращение К.Д.Бальмонта в Россию после нескольких лет (1906-1913) политической эмиграции. Поэт получил возможность вернуться в результате амнистии к 300-летию дома Романовых. Некрасов и Бальмонт переписывались, начиная с 1911. Вернувшись в Россию, поэт писал:

31 мая 1913 г.

Наро-Фоминск Моск[овской] губ[ернии]
им[ение] Плесенское

Дорогой Константин Федорович,
очень хотел бы получить от Вас несколько строк. Напишите, что Вы и где Вы. Вас мне не доставало в числе лиц, обрадовавшихся моему приезду в Россию. Живу в глухом углу, в лесу. Может, приедете ко мне дня на два? Нужно только предупредить заранее, дабы я не отлучился куда-нибудь.

Смутно мне в России. И горестно. Больше боли, чем радости.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам

К.Бальмонт

(ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.26. Л.1).

О встрече Бальмонта в Москве сообщил К.Некрасову и П.Сухотин в письме от 9 мая 1913: «Приехал Бальмонт, честь ему воздали, хлопали и беседовали с полицией — все как водится» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.256. Л.6).

² *Павел Сергеевич Сухотин* (1884-1935) — прозаик, драматург, поэт. В 1913 Сухотин и Некрасов решили издавать древние русские повести. Сухотин провел огромную работу по разысканию повестей, переводу и подготовке их к публикации. Книга, о которой было заявлено и в каталоге издательства Некрасова, выйти не успела. Была опубликована статья Сухотина «Древнерусская повесть» (София. 1914. №1. С.5-32). Свои сомнения Сухотин высказывал не только Муратову (о чем Муратов и пишет Некрасову), но и издателю в письмах, так как был человеком в значительной степени неуверенным в своих силах. Б.Зайцев, П.Муратов, К.Некрасов высоко ценили работы П.Сухотина и оказывали ему всевозможную поддержку.

³ Речь идет о четвертом выпуске VI тома «Истории русского искусства» под редакцией И.Грабаря. «Строгановская школа» — десятая глава в этом томе.

⁴ Первоначально было задумано многотомное издание «Древнерусских повестей», потом пришли к выводу в необходимости двух томов.

36

Московская губ. Пятн[ица] 17 [мая 1913]

Дорогой Константин Федорович!

Не сердитесь, что не писал и не отвечал Вам долго. Только 14[-го] удалось побывать в Москве и там нашел Ваше письмо. Телеграмма же застала меня за несколько часов до отъезда. Деньги получил — благодарю и присылаю для памяти записку.

С 9[-го] живу здесь¹. Попал неудачно. 3-я гренадерская бригада оказалась чуть ли не самой строгой из всех, и после многих лет взрослой жизни попал я вновь на положение кадета. Курьезно, глупо и не очень приятно. Занятий очень много и в отпуск «пускают» весьма туго. Буду в Москве 20-го, затем 25, 26 и на Троицу. Не встретимся ли мы с Вами? Напишите на Гунст.

Все занятия пришлось отложить: подумайте, ведь первую неделю пришлось прожить просто в палатке. Теперь переехал в деревню, стало нестерпимо холодно. Вообще, жить неудобно и весь день проходит в «учении» или в элементарных физических заботах.

Мечтаю о 10 днях отдыха между лагерем и музеем 20-30 июня. Непременно приеду в Ярославль и, конечно, не на один день.

Прочел о «Новеллах» весьма лестную рецензию в апрел[ьском] «Мире Божьем»². Там меня называют «отличным писателем» и даже «замечательным»³. Посмотрели бы они, как сей писатель превратился вдруг в артиллерийского «субалтерна» и как ему приходится *просить*, чтобы пустили на день в Москву! Одно время я злился — теперь смеюсь. Ух, холодно, скорее в постель!

Жму руку

П. Муратов

¹ Муратов с 9 мая по 18 июня находился на военных сборах как артиллерийский офицер запаса, закончивший Петербургский институт путей сообщения.

² Муратов имеет в виду журнал «Современный мир», в котором была опубликована рецензия Андрея Левинсона на «Новеллы итальянского Возрождения» (1913. №4. Отд. II. С.117). Рецензия начинается словами: «Этот новейший труд отличного писателя, автора ставших почти знаменитыми "Образов Италии", нельзя не встретить с особенным удовлетворением».

³ В мае 1913 появилось много рецензий на «Новеллы итальянского Возрождения», где Муратов как писатель был оценен высоко: Русские ведомости. 1913. 8 мая (анонимно); Речь. 1913. 13 мая (С.Ауслендер); Русское слово. 1913. 11 мая (А.Измайлов) и другие. О популярности Муратова как писателя в 1913 ср. свидетельство М.В.Нестерова в письме к А.А. Турыгину: «Читаю теперь "модного" Муратова "Новеллы", в коих изящество больше меры перемешано форменной похабщиной» (Нестеров М.В. Письма. Избранное. Л., 1988. С.255).

37

[Московская губ.] 16 июня [1913]

Дорогой Константин Федорович, редко мы теперь с Вами обмениваемся письмами. Я совсем одичал и отбился от порядочной жизни с этим лагерем. Но скоро уже конец. 18-го у нас «экзамен» (каково!), а 20-го думаю уже быть в Москве. Дальнейшие мои планы таковы: 21 веч[ером] думаю выехать из Москвы в Нижний и к веч[еру] 22-го буду в Василеве у Георг[ия] Кар[повича]¹. На Светлояр не поедем, я думаю². Во-первых, я не успею попасть к веч[еру] 22-го туда, во-вторых, какая-то апатия меня одолела и не хочется ничего сложного. У Рахманова я думаю просидеть дня 3, съезжу с ним в Городец. А затем по Волге приплыву к Вам, что следовательно будет числа 26-27-го. Если позволите, буду Вашим гостем до вечера Петра и Павла³. 30-го утром мне надо уже быть в Москве. О поездке этой на Волгу я думаю с большим удовольствием. Думаю, что она стряхнет с меня оцепенение, в которое меня вогнала военная служба. Пора ведь и за дело приниматься, а я забыл, когда что и делал. Забыл даже, что есть на свете Италия, иконы, добрые друзья. Ведь и в Москве довольно давно не был.

Трудновато будет дописывать 4-й выпуск Грабаря. Но любопытно, что станут говорить наши ученые, когда начнется моя «история». А ведь это должно быть совсем уже скоро, если только Грабарь не отложит «ради сенсации» на осень.

Можно ли что делать в лагере, судите из того, что я (в общем, человек, право же, прилежный) взял сюда несколько гранок Мериме и положительно не в состоянии их здесь просмотреть. За мною еще статейка о Мериме. Напишу ее летом непременно.

При свидании расскажу Вам о моих путешествивных замыслах и вообще о многом побеседуем. Так если будет это все же довольно скоро, то до скорого свидания. Крепко жму руку.

П.Муратов

¹ Г.К.Рахманов.

² Светлояр — озеро в Макарьевском уезде Нижегородской губ., скры-
вающее, по народной легенде, невидимый град Китеж; один из центров
старообрядчества; в июне становился местом паломничества.

³ По старому стилю день Петра и Павла в России — 29 июня.

[Москва] 4 июля [1913]

Дорогой Константин Федорович!

Был я у Брягина. Известия неутешительны. Новгородская, разумеется, бесспорна. Но 4 «Рождества», по его мнению, — XVIII века твердо, а «Архангел» — копия XIX века (начала) с какой-то очень хорошей иконы XV века. Под — ничего нет, а что сверху — новое. Чистить, говорит, не стоит¹.

Но какой удивительный малый наш Евг[ений] Ив[анович]. Вот какая история. У Никитского антиквара², тогда же когда у него был Ио[анн] Предт[еча], купленный Рахмановым, был и небольшого размера чин из 8-9 досок. Я его видел и решил — записанная Москва. Видели его Силин и Тюлин и никто не взял за 250 р. Взял через две недели Евг[ений] Ив[анович]. Я видел вчера этот чин... Дивный и редкий Новгород на голубых фонах! Вот и поди тут, и ездить никуда не надо, коли под своим носом ничего не видишь!

Был я вчера у этого антиквара, узнал, что он привез нечто. Решил в случае нужды телеграфировать Вам. Но антиквар совсем испортился. Во-первых, он потерял ко мне уважение по моей бедности, не все мне показывает. Во-вторых, на уме у него уже тысячи. А жаль. Есть у него Никола отличный (не «оглавный» как Ваш), но, по-моему, весьма недурной Новгород и за него 100 р. дать можно было бы.

Видел я Илью Семеновича. Он получил Ваше издание³ и *чрезвычайно* его одобряет. С величайшей готовностью предоставляет Вам свое собрание. Ему вообще нравится сама идея серии, и он советует после его собрания издать Главки Благов[ещенского] собора. Говорит, что подпишется сразу на 30 экз. своего собрания. Таким образом, пусть Ив[ан] Арт[емьевич]⁴ скорее приезжает и действует. Я уже наметил, что и как снять⁵.

Византийские планы Ник[олай] Мих[айлович] очень одобрил и обещал поискать и поразмыслить⁶.

Да, чуть не забыл. У Брягина есть интересная для Вас икона «Усекнов[ение] главы И[оанна] Предтечи». Курьезная композиция в арке. Век XVI. Стоимость 200 р., уступит, я думаю, за 150, но только ведь сам Илия⁷ на нее целится.

Ну, буду ждать Вас, дорогой Константин Федорович. Приезжайте числа 12-15. Мы тут не без пользы и интереса проводим время.

Ваш П. Муратов
P.S. Забыл еще: вышел мой первый выпуск у Грабаря. Интересно, что Вы скажете. Картинки — ни к черту. Чернота сплошная.

¹ Речь идет об иконах, приобретенных Некрасовым и взятых Муратовым в Москву для определения их ценности.

² Хозяин антикварной лавки, которая находилась у Никитских ворот и где часто бывал Муратов.

³ Имеется в виду книга «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле».

⁴ *Иван Артемьевич Лазарев* (1865- после 1929) — фотограф, сотрудничавший с издательством Некрасова. И.А.Лазаревым были выполнены все фотографии для монографий по древнерусскому искусству, вышедших в издательстве.

⁵ И.С.Остроухов писал Некрасову 5 июля 1913:

Многоуважаемый Константин Федорович, мне уже говорил Павел Павлович Ваше желание. Повторяю, очень рад отдать в полное распоряжение мое собрание превосходному автору и прекрасному издателю. Третьего дня мы с П[авлом] П[авловичем] целый долгий вечер внимательным образом пересмотрели мои иконы и дрессировали список репродукций. Таковых наметили 74.

9 августа я собираюсь за границу на обычный срок двух с половиной — трех месяцев. Было бы приятно, если бы Ваш фотограф работал при мне; но и после нашего отъезда ему никто не помешает заниматься в нашем доме. Пав[ел] Пав[лович] ему заменит меня вполне.

Полученная мною Ваша книга о церкви Иоанна Предтечи подана превосходно. Текста еще не успел прочесть.

Крепко жму руку и желаю всего доброго

Ваш И.Остроухов

(ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.200. Л.1).

⁶ Речь идет о работах по истории византийского искусства. Эти планы частично были осуществлены в журнале «София».

⁷ И.С.Остроухов.

[Москва] 19.VII.1913

Дорогой Константин Федорович,
 подумав, готов согласиться со многим, что Вы пишете о Диле¹. По-французски шутить уместнее, в русском же переводе — скучно от шуток немного профессорских. Бог с ним с Дилем. Найдите и еще кого-нибудь. Историк искусства он все же прекрасный, и книгу ему послать стоило².

Видел я вчера Диесперова³, говорил с ним, но ведь он дикобраз ужасный. Стал охать, что ему надо сначала кончить университет и сдать работу об Эразме⁴. Представьте себе: этот чудак ухитряется обыкновенную университетскую работу затеять как том в 750 страниц! Все-таки со временем он обещал сделать, что-нибудь и сделает⁵.

В Москве ужасно скверно, с каждым днем все хуже. И все хуже я чувствую себя физически и душевно. Работаю с большим трудом. Ей Богу, надо бы отдохнуть. Но такой сейчас момент моей жизни, что негде сделать этого и некогда.

Ведь и Италия не будет отдыхом, я это знаю.

Илья Сем[енович] звал Вас к себе отдыхать на дачу — но Вас уже не было. Я тоже не ездил к нему. Поеду завтра в Ильин день⁶.

Ну, будьте здоровы. Пока. Жму руку.

П.Муратов

¹ *Мишель Шарль Диль* (1859-1944) — французский ученый-византист, историк искусства.

² Вероятно, речь идет о книге «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле».

³ *Александр Федорович Диесперов* (1883 - не ранее 1931) — поэт, критик, историк литературы.

⁴ Речь идет об университетском выпускном сочинении Диесперова об Эразме Роттердамском.

⁵ В 1916 в издательстве Некрасова вышла книга Диесперова «"Блаженный Иероним" и его век», представляющая расширенный вариант его же статьи в журнале «София» (1914. №1), дополненный оригинальными текстами и комментариями.

⁶ По старому стилю день Ильи Пророка в России отмечался 20 июля.

[Москва] 26 июля [1913]

Дорогой Константин Федорович,

тяжело мое летнее сидение в Москве, но зато оно и заставляет много думать, «фантазировать». Вот какие мысли приходят мне в голову за последнее время. Уехать надолго за границу и совсем одному, как я думал, будет тяжело и неестественно. Пожалуй, эксперименты в жизни опасны. Засим был я как-то тут в Успенском соборе, видел дивные фрески (XV век!), уже открываемые Брягиным¹, видел иконы Дионисского склада, ждущие расчистки. Сделалось мне как-то жалко бросать все это². Видел я, с другой стороны, тут Маковского³. Боже, какая петербургская чушь и беспомощность⁴. Но вот Вам неожиданные выводы: хочу завтра пойти к Остроухову и потолковать с ним серьезно. Нельзя ли найти человека, который дал бы денег для *издания нашего с Вами журнала*. В некоторой мере можно будет (я уверен) привлечь к этому делу Георг[ия] Карп[овича]⁵. Жаль, что Вас нет здесь, можно было бы потолковать, сколько денег нам вообще надо. А журнал начать с 1 января и пусть в заглавии будет участвовать слово Москва. Ради такой штуки можно бы и не уезжать. Я бросил бы музей и взялся за редакторство с азартом. А Вы? Я думаю, да! Видите, какие фантазии мне приходят в голову. Но разве это уже так фантастично? Главное, откладывать нечего. Журнал Маковского ни капли не помешает⁶. Это будет инвентарь богатых собраний. И кроме того, журнал специальный. А наш не должен быть несколько специальным. Цель: *в глубочайшем смысле слова — эстетическое воспитание* на том, что ближе всего, конечно, — русская икона, повесть, но и не только на этом, а и на том, что можно выбрать, перевести с Запада. Правда, людей мало, но тем не менее найдем и людей. Держаться будем строго и абсолютистски.

Нет, что Вы об этом думаете? Напишите ко мне поскорее.

А теперь о другом. Знаете ли Вы, что план путешествия Николая Михайловича⁷ изменился. Он едет 20 авг[уста] сначала в Грецию — Одесса, Константинополь, Афины, Мистра, а потом уже Италия. Дорогой Константин Федорович, вот бы Вам присоединиться. Ник[олай] Мих[айлович], я уже говорил с ним, разумеется, будет страшно счастлив. А Вам случай не плыть одному. На обратном пути, если пожелаете ехать в Италию, вернуться через Салоники и Сербию⁸. Правда же, страшно складно. Напишите и об этом тоже.

Перевод Мериме совсем готов. Но статейку о Мериме еще не написал. Не могу сразу писать, оказывается, несколько вещей. «Очередь» такая: 1) Грабарь — будет кончен числу к 6 августа; 2) Мериме; 3) Остроуховское собрание; 4) Новиковская церковь для Маковского⁹.

Отпечатки от Павлова получил¹⁰. Да вот еще просьба: напишите поскорее Попкову¹¹, чтобы он не удивлялся, когда я найду взять у него 50 руб. (помните какие?) и экземпляр «Новелл».

Ну, всего хорошего. Крепко жму руку.

Пишите поскорее. П. Муратов

¹ В Успенском соборе открывал фрески Н.И.Брягин.

² Об открытии древних фресок в Успенском соборе Муратов несколько позднее написал статью «Два открытия» (София. 1914. №2. С.5-18).

³ *Сергей Константинович Маковский* (1877-1962) — поэт, художественный критик, редактор журнала «Аполлон». В 1913 задумал издавать журнал «Русская икона» при «Обществе изучения русской иконописи».

⁴ Муратов, как и другие представители московской иконографической школы, очень болезненно относился к попытке петербуржцев изучать древнерусское искусство, считая, что Москва на это имеет значительно больше прав. Именно идея издания журнала С.Маковского «Русская икона» заставила его всерьез подумать о своем, московском журнале. К «Русской иконе» болезненно относились и единомышленники Муратова — Н.М.Щекотов и П.С.Сухотин. Последний писал Некрасову еще 6 июня 1913: «Журнал не дает мне покоя. Почему Питер? Почему Маковский?» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.256. Л.15).

⁵ Г.К.Рахманов.

⁶ Муратов был в курсе многих планов Маковского, так как неоднократно писал для журнала «Русская икона» и пользовался доверием у Маковского. П.П. предложил для «Русской иконы» сокращенный вариант некоторых статей из «Истории русского искусства» И.Э.Грабаря (из еще не вышедшего тома). Однако на это не пошел Грабарь. Муратов по этому поводу писал Маковскому: «К сожалению, Игорь Эммануилович придает большое значение приоритету эстетических суждений об иконописи. Спорить против всего этого не приходится». (ГРМ. Ф.97. Ед.хр.506. Л.5). Тогда Муратов написал для «Русской иконы» статью «Ближайшие задачи в деле изучения русской иконописи» (см. об этом во вступ. ст. к наст. публ.).

⁷ Щекотов собирался совершить длительное путешествие в Италию.

⁸ О своих планах Некрасов сообщал В.Я.Брюсову 2 августа 1913: «Я на этих днях уезжаю на юг месяца на 1 1/2. Тянет посмотреть Византию. Может быть, проеду Салоники, благо война, наконец, окончилась» (РГБ. Ф.386. Карт.96. Ед.хр.10. Л.13).

⁹ Вероятно, речь идет о статье для журнала Маковского, замысел которой остался неосуществленным.

¹⁰ Возможно, речь идет об отпечатках к изданию «Древнерусская иконопись в собрании И.С.Остроухова», текст к которому писал Мура-тов.

¹¹ Вероятно, управляющий московской конторой издательства Некрасова.

[Москва] 31 июля 1913

Дорогой Константин Федорович, получил сейчас в музее Ваше письмо. Но прежде расскажу Вам московские разговоры о журнале. 1) С Ник[олаем] Мих[айловичем] полное сочувствие, но вопрос: сотрудники? Думали, думали, с грехом пополам набрали кое-кого. Не блестяще. Вывод: включить в журнал непременно и серьезные статьи по литературе. 2) С Остроуховым. О деньгах разговора не было. Он жестоко напал. Категорически убеждал, что некому. Однако через два дня звонит по телефону и говорит, что все думает об этом и что в этой идее «что-то есть».

Но вот что выясняется еще. Я все-таки *непременно* уеду. Буду и в Италии, и в Греции, вернусь будущей осенью, а поеду около 15 сент[ября] — 1 окт[ября] в этом роде. Таким образом, для меня желательно было бы отложить журнал на год. Вы пишете, что для Вас это тоже желательно бы. Ваши соображения об участии чужих людей вполне понимаю и разделяю. Разумеется, лучше обойтись без этого, если не будет необходимости. Тем более, что журнал должен быть абсолютно не «роскошным», и главное в нем *текст, а не картинки*, и картинок немного, штук 10 в каждом номере, и довольно. Но идея сама, хотя исполнение ее откладывается на год, во мне теперь *прочно* засела. Может быть, именно за год и надо все начать обдумывать. Хотел бы очень повидать Вас. Побывайте в Москве, мне в Ярославль сейчас трудно собраться. Ведь Вы же все равно поедете на юг через Москву? Дорогой Константин Федорович, куда же Вы все-таки едете? И почему бы все-таки не ехать «параллельно» с Ник[олаем] Мих[айловичем], хотя бы до Мистры. Ведь это Вам сильно облегчило бы. Море пустяки, что Вы в самом деле, как не стыдно. Я сам не охотник до качки, но разве можно с этим считаться! Не всегда же, наконец, качка бывает. И то, что Вы с братом¹ — разве составляет какие-

нибудь препятствия. В складе мне сказали, что Вы будете здесь 5-7. Так в эти числа и буду поджидать Вас. О бюсте² поговорим при свидании, здесь видел хорошее. Появился здесь Пав[ел] Серг[еевич] и Боже! В каком виде! Чуть без глаза не остался. Ездил по России странствовать, но и не везет же ему, надо сознаться, отчаянно. Он Вам верно расскажет или напишет сам все³.

Приезжайте, дорогой Константин Федорович, поговорим о журнале, и это будет *не пустой разговор*. Мы с Вами непременно сделаем московский художественный и литературный журнал с 1 января 1914 г.!

Итак, скоро увидимся?

Преданный П.Муратов

¹ Вероятно, речь идет об Александре Федоровиче Некрасове, старшем брате Константина Федоровича по отцу. А.Ф.Некрасову принадлежало право издания сочинений Н.А.Некрасова. .

² В этот период Некрасов начал увлекаться собиранием скульптуры.

³ П.С.Сухотин ездил по России и собирал древнерусские рукописи по городам и монастырям. 27 июля 1913 Сухотин писал Некрасову: «По дороге на станцию из Красного холма у нашего ямщика соскочил корень, и мы по инерции вылетели вон; все, кроме меня, отделались благополучно, а я сильно ударился головой о камни и разбил левый глаз» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.256. Л.23). Сухотину, не закончив путешествия, пришлось вернуться в Москву. Но на этом его несчастья не закончились. 1 августа он сообщил Некрасову о том, что «глаз заживает, но вот еще беда: привязалась на щеку экзема, черт ее дери!» (Там же. Л.26). В письме от 3 августа Сухотин сообщает Некрасову о пропаже вещей, отправленных по случаю ранения из одного из пунктов путешествия в Москву: «И вот вчера приходит мой чемодан, по вскрытию коего там оказались камни по 9 фунтов весу и еще кусок обшивного теса, а костюма, белья, сапог и пр[очего] добра тю-тю. Николай Михайлович меня утешает тем, что всеми этими, мол, событиями, разряжается постепенно тот грозный и роковой удар судьбы, который готов был пасть на мою голову и сделать из нее мозги-фри» (Там же. Л.29).

42

[Москва] 8 авг[уста 1913]

Дорогой Константин Федорович!

Мы все очень разочарованы — ждали Вас ежедневно, 6[-го], 7[-го], сегодня. Только поэтому я и не писал Вам. Писать же и говорить, как Вы увидите сейчас, было о чем. Мысль о журнале и после нашего согласия «отложим» его на год, не давала мне

покая. Дней пять назад мы сидели с Ник[олаем] Мих[айловичем] в кофейне в Петр[овском] парке и целый вечер говорили об этом. И прежде по ночам мне мерещилось содержание будущих номеров. В тот вечер я как-то случайно произнес название и понял вдруг, что выхода нет — обязательно надо *делать это теперь же*. Признаюсь Вам, что мысль о журнале служит для меня утешением в теперешнее нелегкое для меня время. Ник[олай] Мих[айлович] и Сухотин еще более горячие, чем я, сторонники неотложности. Мне ужасно хотелось бы сказать Вам название, но писать его как-то страшно. Не сердитесь, я боюсь, что оно прозвучит в письме как-то не так, как в разговоре¹. Решил я так. Август я сижу здесь, также и часть сентября. В Италию мне надо поехать всего недель на 6. С 1 ноября я мог бы быть здесь и всецело заняться журналом. Поехать весной месяца на 2 ¹/₂ в Грецию он тоже мне не помешает. Мне-таки много приходит в голову сейчас хороших мыслей и тем. Такие «настроения» в жизни не повторяются и через год этого может не быть. *Ведь уже шесть номеров готовы!* Не смейтесь, вот увидите сами. Что касается денежной стороны, то это несомненно устроим. Я был опять у Остроухова в имении, говорил с ним. В случае надобности такой милый человек, как А.А.Карзинкин, окажет нам поддержку и не станет ни во что вмешиваться. Кроме того, я *уверен* в порядочном расходовании журнала, да и такой, каков он представляется мне, он не должен стоить дорого. Мне все казалось, когда мы переписывались, что мы говорим немного о разных вещах. Ведь я не думал о журнале специальном, как журнал Маковского. Нет, это должен быть теоретический в лучшем смысле слова, воспитательный по идее журнал. Не только искусство в нем будет, но и литература. Вот Вам внешние данные. Формат взять грабаревской истории искусства, но менее квадратный. В каждом номере 3 печ[атных] листа по 40 тысяч букв и 11, считая фронтиспис, иллюстраций. А вот Вам примерное содержание первых 6 номеров /...²

В конце года будет также «гвоздь»: номер, посвященный дивной коллекции персидской миниатюры Голубева в Париже³.

Нет, но разве обо всем напишешь! Есть так много, что хотелось бы еще рассказать Вам. Ехать мне в Ярославль сейчас, когда такое лихое время, хорошо ли? С другой стороны, говорить обо всем с Вами хотелось бы не только мне, но и Ник[олаю] Мих[айловичу] и Пав[лу] Серг[еевичу]. Лучше уж дождемся Вас здесь. Что касается поездки Ник[олая] Мих[айловича], то очень может быть, он поедет и сухим путем. Я чувствую, что с Турцией будут недоразумения. Он едет 21[-го] или 22[-го]⁴. Ну, дорогой Константин Федорович, устал. Жду от Вас ответа. Не соберетесь

ли Вы внезапно на денек? Ведь это было бы для Вас даже отдыхом. В случае чего телеграфируйте. Мы все соберемся и потолкуем. Крепко жму руку.

П.Муратов

¹ Муратов имел в виду название «София», которое сразу же было принято и Некрасовым.

² Муратов сообщает далее программу, которая за небольшими исключениями совпадает с содержанием вышедших номеров.

³ *Виктор Викторович Голубев*, специалист по восточному искусству. Приятель И.С.Остроухова. Жил в Париже.

⁴ Н.М.Щекотов выехал 21 вечером в Будапешт, далее — в Сербию и Салоники.

43

[Москва] 16 авг[уста 1913]

Дорогой Константин Федорович!

14 августа я узнал, что А.А.Карзинкин в городе. Вечером были у него, сидели до часу, выпили много вина — и вот результат: 20 тыс. есть. Будут внесены по первому требованию. Условие: безусловный секрет, что А.А. нам помогает.

На другой день, т.е. вчера, я вдруг проснулся совсем больным. Страшное расстройство брюха и очень сильный жар. Боялся, не тиф ли. Сперва что-то вроде дизентерии. Ник[олай] Мих[айлович] даже ночевал у меня. Сегодня лучше и чувствую — скоро поправлюсь.

Но ослаб ужасно. Уж и лето же вышло у меня. При встрече расскажу обо всем подробно. Пока, прощайте.

Преданный П.Муратов.

44

[Москва] 18 окт[ября 1913]

Дорогой Константин Федорович,

спешу поделиться с Вами нашими удачами.

1) Все необходимое шитье найдено в Историческом музее (целые залежи)¹. 2) Среди этого шитья лучшее: воздух с *изображением Софии*, который и будет сделан цветным для журнала². 3) Уварова³ и поездки Ник[олая] Мих[айловича] пока отпадают⁴. 4) Найден и привлечен к делу *дивный* фотограф, которого Маковский при-

способил для «Русск[ой] иконы». Это г.Сахаров с помощником Орловым. 5) Получены разрешения, пока единственные, на снятие полуторасаженной иконы (ныне расчищенной) в Синодальной конторе и на снятие новых фресок (XV в.) в Успенском соборе. Завтра думаем приступить к работе. 6) Вступлено в соглашение с Ал[ександром] Ив[ановичем]⁵, который сообщает, что в Новгороде расчищены знаменитые иконы — Битва суздальцев с новгородцами и Молящиеся новгородцы. Немедленно после работы в Москве фотограф будет направлен в Новгород. 7) Снята удобная квартира, о которой расскажет Вам София Леонидовна⁶.

«Темные» пункты пока таковы: в Историческом музее можно будет работать только со среды 23[-го], когда вернется Орешников⁷. Неизвестно, как сделает цветную фототипию Павлов и если, как Вы только пишете, Вы вступите с ним в конфликт — не причинит ли он нам затруднений? Цветная же фотография с шитьем совсем и окончательно необходима⁸!

Да, не забудьте прислать Ник[олаю] Мих[айловичу] отпечатки того, что поехало в Петербург. Без них он никак не может приступить к писанию⁹.

Фототипий Павлова пока еще не видел.

Вот еще какая «идея» пришла в голову. Исходная точка ее такова: знаю сейчас три иконы, которые следовало бы купить: Три святых (100 р.) и Евангелист (р.50) у Дикарева¹⁰ и Рождества Богородицы (р.50) у Комара¹¹. К сожалению, денег у меня нет, и они будут, может быть, упущены. Не важно, что именно я их не достану. Досадно, что уйдут из нашего круга. Мне пришло в голову следующее. Так как такие случаи могут быть постоянно и так как «София» нуждается в украшении и более всего иконном, то основывается при ред[акции] «София» некий иконный фонд, скажем, в тысячу рублей. Уславливаемся не тратить из него более, чем 100 рублей за вещь. Купленные иконы помещаются в редакцию «Софии». В дальнейшем они могут стать собственностью Вашей, моей, Ник[олая] Мих[айловича] или Сухотина при внесении тем, кто возьмет икону, суммы за нее заплаченной. Таким образом, фонд всегда будет пополняться и «София» будет всегда располагать иконами и деньгами на постоянную сумму своего фонда. Иконы будут так проходить через «Софию» и украшать редакцию и прочие комнаты оной. Применим это и к моей поездке в Семенов.

Напишите, что Вы об этом думаете¹²? Проект был бы смешным, если бы Вы были здесь. Но Вас часто нет в Москве, а упустить случай можно ведь и в один день.

Я ужасно доволен, что нашел фотографа. «Черным» мы обеспечены. Забота только о цветном и о репродукции. Какие вести из Петербурга? В Москве уже есть подписчики. Пишите скорее.
Преданный П. Муратов

¹ Шитье было необходимо для статьи Н.М.Щекотова «Древнерусское шитье» (София. 1914. №1). В этом же номере — несколько репродукций древнерусского шитья.

² Цветная репродукция воздуха с изображением Софии открывает первый номер журнала.

³ Графиня *Прасковья Сергеевна Уварова* (1840-1924) с 1884 была председателем Московского археологического общества. Речь идет, вероятно, о выступлении в этом обществе.

⁴ Речь идет о материалах поездки Н.М.Щекотова в Поречье Смоленской губернии, о которой Муратов писал Некрасову 11 октября 1913: «Ник[олай] Мих[айлович] нашел дивное (лучше Кириллов[ского]) шитье XV века по снимку в старом археологическом журнале. Поведем же атаку» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.184. Л.44-45).

⁵ А.И.Анисимов. Прежде чем Муратов «вступил в соглашение» с Анисимовым, он написал ему несколько писем, осуждающих сотрудничество Анисимова с журналом «Русская икона». Оправдываясь, Анисимов писал Муратову, статьи которого более чем охотно печатал С.К.Маковский: «Ведь я вовсе не потому сообщил о своем намерении участвовать в "Русской иконе", что считал, что меня там более "оценят", чем в "Софии" (и зачем Вы только это говорите!), а потому лишь, что был убежден после первого Вашего журнала [что мои работы] и не будут соответствовать его задачам и окажутся не только не нужными, но жертвенными... В первую очередь опишу "Битву с сюзальцами" и "Молящиеся новгородцы"» (ИРЛИ. Р.III. Оп.2. Ед.хр.755. Л.1).

⁶ *Софья Леонидовна Щерба* — (1879-1924) — жена К.Ф.Некрасова.

⁷ *Алексей Васильевич Орешиников* — сотрудник Исторического музея, был близок к кругам коллекционеров картин и икон.

⁸ О Павлове Некрасов писал Муратову 21 октября 1913: «С Павловым никакого конфликта нет. Он прислал письмо, которое посылаю Вам для сведения. Просьба к Вам: внимательно пересмотреть все оттиски с икон Остроухова и ничем не стесняясь отметить, что не годится и что можно оставить. Из письма Павлова Вы увидите, что он человек дельный и честный. Думаю, что цветную фототипию св.Софии можно поручить ему не опасаясь» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.2).

⁹ Имеется в виду статья «Древнерусское шитье».

¹⁰ *Михаил Иванович Дикарев* — иконописец и реставратор, член Общества любителей духовного просвещения.

¹¹ *Иосиф Доминиканович Комар* — владелец магазина «Антикварий» у Никитских ворот в Москве.

¹² Относительно этого проекта Некрасов писал Муратову: «С "фондом" я, разумеется, согласен. Придумано бесподобно. Благословляю приступить к началу» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.2).

45

Москва, 12 н[оября 1913]

Дорогой Константин Федорович, получил прошение и в пятницу буду у градоначальника¹. Однако же эта история меня огорчает. С журналом дела недурны. Отлично обстоит теперь литературный отдел. Много новых статей увидите в объявлении в «Русск[их] вед[омостях]» в воскресенье². Статью Ник[олай] Мих[айлович] послал сегодня. Конец он немного скомкал. Ярцев³ заметки не пришлет, следовательно номер будет кончатся на заметке «Роза и крест»⁴.

Был у Генегара⁵. Картинки пущены в машину. «София» вышла недурно, по общему мнению⁶. Автотипия на пробу вышла отлично, лучше автотипии Голике⁷. Вопрос, значит, только в бумаге. Но в целом по размышлению я решил передать и иллюстрации 2-го номера Генегару. *Все они будут обрезаться и все, даже большие, будут наклеиваться* на журнальную бумагу, которая прелестна. Уверяю Вас, все это будет иметь вид даже лучше и наряднее, чем голиковские автотипии на матовой желтоватой бумаге.

Цветные также придется наклеивать на особую бумагу (она уже выбрана у Кувшинова⁸ и послана Вам).

Жду теперь корректуры, а также Вашего вызова ехать в Ярославль.

Клише обложки⁹ делается и будет Вам скоро послано с образцами отпечатков в красках. Также и титульный лист.

Преданный Вам

П.Муратов

¹ 11 ноября 1913 Некрасов писал Муратову:

Дорогой Павел Павлович, вчера от губернатора я получил окончательный ответ: он не может выдать разрешение на «Софию» и предлагает обратиться к московскому градоначальнику. Посылаю новое прошение, подпишите его и всего лучше сами отнесите к градоначальнику. Лично Вам, вероятно, удастся тут

же выяснить, выдаст нам градоначальник свидетельство или нет. Если нет, мы не медля обратимся к директору Главного управления по делам печати гр.Татищеву; наш губернатор, его двоюродный брат, гр.Татищев (Дм[итрий] Ник[олаевич]) /.../ обещал всякое содействие. Примите все меры, чтобы скорее получить разрешение или отказ; все дело в этом. Имейте в виду, что «Русская мысль» издается в СПб-ге, а печатается в Москве у Кушнера.

(РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.3).

² Объявления были помещены в «Русских ведомостях» 17 ноября 1913.

³ *Петр Михайлович Ярцев* (1861-1930) — литератор, театральным рецензент. Ярцев достаточно часто упоминается в письмах Б.Зайцева, Муратова, П.Сухотина. Зайцев писал И.Новикову 26 ноября 1913: «Собираемся с Ярцевым и Высоцким в Киев, Краков и Венецию — на три недели под Рождество. Если только Ярчик не надует» (РГАЛИ. Ф.343. Оп.2. Ед.хр.38. Л.56). Заметка Ярцева в «Софии» не появлялась.

⁴ Грифцов.Б.А. Роза и крест // София. 1914. №1. После этой заметки в первом номере «Софии» помещена заметка П.Сухотина «Письма графа Л.Н.Толстого к жене».

⁵ Глава торгового дома по производству фотоцинкографий и фототипий «Генегар и К°»

⁶ См.: примечание 2 к письму 44.

⁷ *Роман Романович Голике* — администратор по делам «Товарищества Р.Голике и А.Вильборг». Оно оформляло журнал «Русская икона».

⁸ Речь идет о писчебумажной фабрике «Торгового товарищества М.Г.Кувшинова» в Москве.

⁹ Обложку журнала изготовил художник Н.Ульянов. Позднее рисунок, сделанный Ульяновым для обложки «Софии», приобрел Румянцевский музей.

46

[Москва] Вторник [19 ноября 1913]

Дорогой Константин Федорович,
также пишу Вам о делах. С градоначальником неопределенно. Справку о положении дела нашего получили только вчера и пошлем Вам телеграмму¹. По-моему (по впечатлению), дело дрянь — предупредительности никакой не видно, необходимы закулисные воздействия. Уже идет подписка из провинции — 18 повесток есть, а денег нельзя получить!

Остальные дела, напротив, по-моему, обстоят отлично. Корректуры Вам посланы; жду с нетерпением статью Ник[олая] Мих[айловича] и остальных. Дуплексы Вам посылаю сегодня. Цветная, клише обложки, клише титульного листа и клише корешка будут посланы в пятницу. Отпечатки обложки в красках вышлю завтра. Обложки вышли прямо великолепно. *1-й номер пустим листья красные, 2-й — зеленые, 3-ий — синие.*

Автотипии Сириуса мне очень понравились². Да, это лучше все-таки, чем Генегар. Я даже переменял принятое было решение и отдал Генегару только фрески Успенские (6), а икону (8) думаю послать по-прежнему Сириусу. Надо, значит, их переслать Вам? Вот что необходимо сделать с автотипиями Сириуса. Подписи Ник[олая] Мих[айловича] «Пелена половины XVI века» и «Пелена половины XVI века. Деталь» — неприемлемы (не годится «половина», да и век это скорее конец XV). Поэтому надо эти две автотипии (Вы помните — Успение и деталь) — *обрезать* и пустить в наклейку. Также надо обрезать и автотипию с подписью «Пелена XV века» — эту для экономии места, она маленькая сравнительно.

Шрифт мне нравится, особенно шрифт заметок. Также и слово «Заметки». А вот «Гауденцио Феррари» и «Возраст России»³ (заглавие) неудачно — высоко и «тоще».

Делаю кое-что для второго номера. Он будет собран к 10 декабря. Я окончательно решил выехать из Москвы в воскрес[енье] вечером. Хочется уехать из Москвы. Едет и Катер[ина] Серг[еевна]. Пробудем в Ярославле дней 5-6. Весело будет расклеивать номер⁴. Деньги, понятно, получил. Пишите.

Преданный

П. Муратов

Сегодня был у Сарьяна⁵, видел вещи интереснейшие и, по-моему, прямо даром: 100-300-400. Одна у него на комиссии в Петербурге у Добычиной. Не забыли о нашем плане⁶?

Дата письма установлена по содержанию.

¹ Телеграмму из Управления печати Некрасов получил 17 ноября вечером: «Местом выхода периодического издания считается место его печатания. За свидетельством надлежит обратиться к ярославскому губернатору». 20 ноября Некрасов писал Муратову: «Дорогой Павел Павлович, сейчас был у губернатора. Все улажено и свидетельство будет выдано дня через два-три» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.6).

² Речь идет об автотипиях, изготовленных в Петербурге в типографии «Сириус» (владелец — Сергей Николаевич Тройницкий).

³ Статьи Муратова в первом номере «Софии». «Возраст России» (без подписи) открывала журнал как редакционная статья.

⁴ О том, как Муратов проводил время в Ярославле, Б.Зайцев писал И.А.Новикову 5 декабря 1913: «Я пробыл в Ярославле два дня. Один день мы с утра осматривали церкви. Многое меня удивило и поразило. В некоторых отношениях я не видал подобного на Западе. Церковь Иоанна Предтечи вся сплошь записана фресками! И это все настоящее, искусство. Каждую фреску можно рассматривать отдельно, — не говоря уж об эффекте целого. Вечером Паша, конечно, бушевал за красным вином. Он живет сейчас у Некрасова, выпускает первый номер "Софии", днем бывает мрачен и трудолюбив, вечерами ярится» (РГАЛИ. Ф.343. Оп.2. Ед.хр.38. Л.44-45).

⁵ *Мартирос Сергеевич Сарьян* (1880-1972) — армянский живописец. Об отношении Некрасова к Сарьяну говорит его фраза в письме к Муратову от 20 ноября 1913: «У Сарьяна, ради Бога, купите что и сколько есть хорошего. Буду благодарен, только есть ли у Вас деньги» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.6об.).

⁶ В планы Некрасова по созданию художественной галереи входил и сбор произведений современного искусства.

47

[Москва, 5 декабря 1913]

Дорогой Константин Федорович, сейчас получил картинки для подписи и письмо. Жаль, что номер выйдет 11-го¹. Я уже сдал объявление, что он выйдет 8-го. Впрочем, не беда. Я работал здесь над вторым номером. В поисках иллюстраций к повестям наткнулся на новгородскую рукопись 1477 года с миниатюрами. Чудесные вещи, и они уже снимаются для нас цветными Гославским² и Генегаром. Пожалуй, даже жалко включать их в повесть, сами по себе интересные и лучше будет сделать из них «гвоздь» целого номера, например, 4-го.

Завтра, в пятницу, еду в Новгород. Вернусь 11-го в 2 часа дня. Взял у Ник[олая] Георг[иевича]³ 300 р. для иконного фонда, *ибо получил адрес в Новгороде*, где есть иконы. Для галереи смотрел Сапунова⁴ у Лемерсье⁵ — оказался плохой. Тропинина⁶ не смотрел — жду Вас. У Крылова⁷ тоже не был, тоже жду Вас. Но вот что, по-моему, *необходимо* сделать. Был я у Евг[ения] Ив[ановича] и опять видел старое новгор[одское] Воскресение. Помните его? Необходимо взять его для галереи за 400 руб. Оно стоит вдвое больше даже по нынешним ценам. Возьмем его в ту сумму 15 тыс⁸. Право же, оно лучше и *нужнее* для нас всякой картины. Боюсь,

чтобы оно не ушло, и хочу сказать Брягину, чтобы он оставил его за нами. Благословляете ли?

Павлу Серг[еевичу] оставлю перед отъездом «завещание»⁹. Особых, впрочем, каких-нибудь дел до выхода 1-го номера нет. Жму руку Вам, 11-го свидимся.

Преданный П. Муратов

Дата установлена по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Речь идет о первом номере «Софии». 3 декабря Некрасов писал Муратову: «В среду и четверг заканчивают печать, в пятницу — Никола, 7, 8, 9 будут работать переплетчики и значит раньше 11-го номера не будет в Москве. Скверно, но ничего сделать нельзя» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.8).

² *Гославский* — типограф из Торгового дома «Генегар и К°».

³ Управляющий конторой издательства Некрасова в Москве.

⁴ *Николай Николаевич Сапунов* (1880-1912) — живописец и театральный художник. В четвертом номере «Софии» была опубликована о нем статья (Ettinger P. Сапунов // София. 1914. №4. С.96-98).

⁵ *Карл Августович Лемерсье* — владелец выставочного зала в Москве («Галерея Лемерсье»).

⁶ *Василий Андреевич Тропинин* (1776-1867) — живописец, портретист.

⁷ О ком идет речь, установить не удалось.

⁸ Имеются в виду деньги, которые были пожертвованы на журнал А.А.Карзинкиным.

⁹ П.С.Сухотин был секретарем журнала «София».

48

[Москва] 1 янв[аря] 1914]

Дорогой Константин Федорович!

Еще раз поздравляю. Вчера встречали Новый год в «Софии». Очень, очень жаль, что Вас здесь не было¹. Дела наши таковы. Подписка идет недурно. Рукопись Эдинга² (уж очень небрежно он писал) — Вам послана. Дня через два пошлю «Два открытия»³. Пав[ел] Серг[еевич] маленько задержался, но числу к 7[-му] весь материал будет у Вас, а к 12[-му] и все заметки⁴.

Иконные дела таковы. Ал[ександр] Ив[анович] здесь (очень о Вас «тоскует») — он тоже встречал Новый год в «Софии» и даже

танцевал танго с Верой Алексеевной⁵. Юкин⁶ же не приезжал еще. Будет здесь 3-го, привезет ли что — неизвестно. В Семенов едем с Георг[ием] Карп[овичем]⁷ 11-го вечером. Решено окончательно. Неделю проедем, а в 20-х [числах] января побываю у Вас в Ярославле. Выкупать номер будет все-таки Пав[ел] Серг[еевич]. По-видимому, это войдет в его обязанности навсегда.

У Брягина приглядел для Вас архангела с мечом — 7 вершк[ов] тонкий и старый, из постниковского собрания⁸. Посмотрим, когда расчистится.

На Семенов рассчитываю очень. Будем и в Городце. Может, вывезем что от Овчинниковой⁹.

Собирание материала для журнала идет туговато. До осени, впрочем, обеспечены.

Жму руку Вам, не забывайте.

П. Муратов

¹ О встрече Нового года в «Софии» писал Некрасову и Б.Зайцев 3 января: «Слыхали, что Вы хорошо встречали Новый год. Мы также, в "Софии", где с Екатериной Сергеевной сломали Вам диван. Это была блестящая атака. Вообще, Ваши сотрудники — пьяницы и дебоширы» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.110. Л.2).

² *Борис Николаевич фон Эдинг*, специалист по древнерусской архитектуре. Речь идет о его статье «Очерки древнерусской архитектуры» (София. 1914. №2).

³ «Два открытия» — статья П.Муратова (София. 1914. №2).

⁴ Имеются в виду материалы для второго номера «Софии».

⁵ А.И.Анисимов и *Вера Алексеевна Зайцева* (урожд. Орешникова, 1877-1965), жена Б.К.Зайцева.

⁶ *Павел Иванович Юкин* — реставратор древнерусской живописи. Работал вместе с А.И.Анисимовым. В 1930-х был близок с Некрасовым.

⁷ Г.К.Рахманов.

⁸ Вероятно, речь идет о собрании Николая Михайловича Постникова (ок.1827 - ок.1890), насчитывавшем более трех тысяч произведений и распроданном к этому времени с аукциона.

⁹ Речь идет о поездке в Вологодскую губернию за иконами. Кто имеется в виду конкретно из местных антикваров, установить не удалось.

[Москва] 5.1.1914

Дорогой Константин Федорович, спасибо Вам за письмо. Читая его, почувствовал, как мне хочется с Вами поговорить¹! Но когда мы увидимся? 11[-го] еду в Семенов. Это решено. Вернусь 18-19[-го]. В 20-х [числах] января рассчитываю съездить с Ек[атериной] Серг[еевной] к Вам в Ярославль. Пав[ел] Серг[еевич] поедет, когда надо будет выпускать номер. Материал 2-го номера числу к 10-12[-му] *весь* соберется. Как картинки от Сириуса? «Февраль» пришлю вовремя².

Дела подписки идут, кажется, неплохо. Газетных же отзывов о нас, представьте, совсем не видел — ни «Дня», ни «Нового времени». Как-то у нас обстоит это дело плохо. Сохраните отзывы или пришлите. Надо бы знать, что о нас пишут³. О галерее думаю и я. Не огорчайтесь Малютиным. То, что он выставил в этом году, *негусто* (не верьте газетам), а старое не уйдет. С Крымовым, пожалуй, дали маху. «Утро» купил Высоцкий. Тоже Коненкова ценят чуть ли не в 10 тыс.! 2 тыс. ему давала Третьяковская⁴.

Насчет икон будем действовать, но будем осторожны и больших денег не будем тратить. На Семенов запасусь тысячей — думаю хватит. Известия оттуда *благоприятные*. Надо этим воспользоваться.

С Юкиным вышла полная чушь. Ничего он не привез, и вообще, он ужасный рохля. Ал[ександру] Ив[ановичу] Анисимову пришла в голову дикая мысль: привезти *потихоньку* иконы Петра и Павла для того только, чтобы *показать их археологам* на докладе у Уваровой! Юкин должен был сделать это, но его накрыли, и теперь у Анисимова будет скандал с архиереем. Боюсь, как бы это не отразилось на нас, не дадут еще фотографировать.

О многом хотелось бы еще поговорить, но всего не упишешь. Досадно, что Вы так далеко. Крепко жму руку Вашу и обнимаю Вас.

Преданный П. Муратов

Страшная тайна: Остроухов и Морозов⁵ затеяли купить целиком собрание Прянишникова в Городце!

¹ 3 января 1914 Некрасов писал Муратову не только о текущих вопросах, связанных с журналом и иконами, но и о многих жизненных и философских проблемах.

² Речь идет о материалах для третьего номера «Софии».

³ 3 января 1914 Некрасов писал Муратову: «Что будет с журналом! Пока из всех рецензий я понял только, что никто и ничего не понял. Только один А.Я. в газете "Дни" (31 дек[абря]) уразумел до известной степени, что мы собираемся делать, остальные же писали только чепуху. Любопытно, что в своей боязни нас сошлись такие газеты как "Речь" и "Новое время". Но Вы, наверно, читали уже все эти отзывы и вынесли свои заключения. Мои же, как видите, вот в чем: большинство не понимает, меньшинство чует и кое-что понимает, все вместе боятся и готовы ненавидеть, так сказать, в кредит. За ошибки нас будут люто поедом есть» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2).

⁴ Здесь Муратов отвечает на размышления Некрасова о картинах современных художников: «За картины я спокоен, но страшно жалко, что мы с Вами не были у Малютина. В январе непременно надо быть. Кстати, Крымов продал "Утро" за 1200 рублей. Кто купил, не знаете? Не сделали ли мы ошибки, не купив?» (Там же). *Сергей Васильевич Малютин* (1859-1958) — живописец, график. *Николай Петрович Крымов* (1884-1958) — живописец, пейзажист. Сведений о Высоцком, купившем картину Крымова, обнаружить не удалось. *Сергей Тимофеевич Коненков* (1874-1971) — скульптор.

⁵ *Алексей Видулович Морозов* (1857-1934) — один из собственников крупного текстильного предприятия; собиратель икон. Основу его коллекции составили древние иконы рода Морозовых. Собирал также фарфор, табакерки, литографированные портреты. Каталог его собрания вышел в Москве в 1912-1913 в четырех томах.

50

[Москва] Пятница [6 апреля 1914]

Дорогой Константин Федорович.

Христос Воскресе!

Пишем Вам это письмо вместе с Пав[лом] Серг[еевичем], хотя и пишет его одна моя рука. Главное содержание таково: очень беспокоимся — от Вас нет никаких известий. Последнее известие — это письмо Софии Леонидовны из Баку¹. Все же в дурное что-либо я не верю. Здоровы ли Вы, какова бодрость? Каков дух путешествия?

У нас новости таковы: 3-й номер вышел 29-30[-го]. 4-й номер собирается, картинки готовы все. Литературный материал соберем весь к 17 апреля. Думаю, номер выйдет 1 мая. А 5-й, тоже много подготовленный, 15 мая...

Ник[олай] Мих[айлович] едет в Новгород. Гославский тоже едет в Новгород делать цветные снимки. 3-й номер в розницу идет хорошо. Погода в Москве скверная, все норовит к снегу. Пасха

будет невеселая. Завтра кончаю текст для остроуховского собрания и на Пасхе отправлю в набор. Видите, соблюл обещание. Хочется очень уехать, не мешало бы и отдохнуть. Пав[ел] Серг[еевич] очень жалеет, что Вас нет в Москве: продается дешево отличное имение 300 дес[ятин] по Яросл[авской] дороге, на середине ее, (12 дес[ятин] летнего пара, дом и проч. и все за 15 тыс.) Может быть, впрочем, имение Вас и дождется. Впрочем, все это, может, Вам сейчас после Исфагании и не интересно.

Обнимаем Вас.

П. Муратов. П. Сухотин.

Андрею Андреевичу привет². Из Баку телеграфируйте, когда Вас ждать.

Дата установлена по содержанию. Последние две фразы написаны рукой П. Сухотина.

¹ Некрасов в это время путешествовал по Персии и Тегерану. Подробное письмо о путешествии им было отправлено 8 апреля 1914 в Москву Муратову.

² А. А. Балакин, переведший вместе с Сухотиным с древнеперсидского «Сказки Попугая (Тути-Наме)», изданные Некрасовым в 1915.

51

[Париж] 13/31 [июня/мая 1914]

Дорогой Константин Федорович,

недавно Вам послал открытку «в одном духе», сегодня пишу Вам совсем в другом духе. Кампания покупок началась! И ведется она с ожесточением. Целые дни мы бегаем по Парижу. И вот самый приятный пока результат: поздравьте себя с «китайцем» (для Вас лично), очаровательным, небольшим — $\frac{3}{4}$ ар. — $\frac{1}{2}$ ар., и весьма недорогим: 250 фр.

Сюжет: женщина смотрится в воду, эпоха Мин, XVI столетие¹. Но начну по порядку.

Первая неделя не прошла даром. Много я выяснил себе, нашел все галереи, что не очень легко. Страшный спрос и большие цены на современных художников, вошедших в известность. Сезанна или Гогена хорошего нельзя купить меньше 50-60 тыс. франков (шесть лет назад они стоили 10-15 тыс.). В значительной цене и следующее поколение: Вюйлар (меньше 2-3 тыс. нет), Боннар, Руссель, Морис Дени и проч.². Подумав и рассудив, я решил, что все это правильно и хорошо, и только в пользу нашей затее. Жаль, конечно, что мы не располагаем 20-30 тыс. вместо 3 [тыс.] (руб-

лей), но и с этими деньгами *можно* и надо что-то сделать. Я купил очень красивый маленький пейзаж *Шарля Лакоста* за 225 фр., купил эскиз, отличный по краскам, *Пьера Ланрада* за 200 фр., акварель (море) очень совершенную (по-моему, музейная вещь) *Кросси* за 400 фр.³ Ужасно мне хочется купить одну (довольно большую) вещь *Русселя*, за нее на выставке было назначено 2000 фр., даю 1500, они уступают за 1600. Пока еще не сошлись. Приторговали еще пейзаж, очень сильный, *Пикарда Леду* за 200 фр. и думаю купить вещи Люса и Дусе, не выходя из 400-500 фр. за каждую⁴. Мне хотелось бы привезти Вам штук 10 французов, истратив на них 4000 фр., т.е. 1 1/2 тыс. рублей. Если удастся, буду считать это большим успехом. Ах, каков Руссель, если бы Вы видели!

Сегодня с трепетом направился в галерею Worch, торгующую исключительно Китаем. Боже, чтобы с Вами сделалось! 8-10 больших комнат битком набитых керамикой, фарфором, скульптурой, костью и проч., и проч. И все хорошее. Боялся и спросить о живописи. Но она менее в цене пока, чем предметы, очевидно, еще немногие сравнительно понимают. Цены от 300-200 до 3-4 тыс. фр. и больше, все соображены с размером. Всего картин у Worch я видел штук 30-40 — их все-таки немного. Купленная для Вас мне с первого взгляда понравилась. Из других же пока не выбрал ничего. Пробыл у Worch битый час и видел все. Не хотелось покупать приблизительно. Больше всего искушает один пейзаж. Просят за него 750 фр., уступят, думаю, за 600-650. Есть еще один — юноша с цветами, аршина 1 1/2 - 2 высоты; за него просят 1000 фр. Сперва хочу побывать у другого торговца Китаем, того Винье, где Шукин⁵ купил своего китайца (между прочим, ручаюсь, что Шукин уплатил за него тысяч 10 фр. самое большее, а то и 5-6). Вообще, с Китаем *непонятная* и, вероятно, случайная дешевизна. Очень скоро все изменится, тем более, что, слушайте, что было дальше сегодня. Поехали в галерею на rue de Bergi, в шикарном квартале, где объявлена выставка *персидского искусства*. Приезжаем. Элегантный, необычайный, автомобили у подъезда, внутренний лифт и все прочее. Несколько зал. По стенам — миниатюры (по каталогу 300 номеров), в середине — витрины с керамикой вроде Вашей, только *Раги совсем нет*, и они признаются, что это большая редкость. Стал я спрашивать цены на миниатюры. Вот Вам они: 39 — XV век — 6000 фр., 44 — XV — 3500 фр., 164 — рисунок без красок XVII века — 1500 фр., 178 — индоперсид[ская] миниатюра XVII века — 10 000 фр., 184 — тоже 10 000 фр. Что Вы на это скажете! И не думайте, что это какие-нибудь исключительные вещи. Это все разряд хороших Ваших. У Вас довольно много таких, как те, о которых я спрашивал. Уверен теперь, что

у Вас есть XVI век. XIV и XV несколько отличаются. Простые заставки стоят 300-400 фр. Вообще, с Персией такое сумасшествие, какое я не мог себе даже представить.

Письмо Ваше получил. За иконы рад, признаться, не ожидал. К Голубеву⁶, соберусь с духом, пойду все-таки. В Париже пробуду, наверно, еще с неделю. Если что надумаете, телеграфируйте. Адрес: Hotel du Danub. Rue Jacob. Paris VI.

Крепко жму руку. Устал дьявольски.

Ваш П. Муратов

¹ Эпоха Мин в Китае — 1368-1644 гг.

² *Эдуард Вюйяр* (Вюйлар, 1868-1940); *Пьер Боннар* (1867-1947); *Морис Дени* (1870-1943) — французские художники, члены группы «Наби». *Руссель* (Ker Xavier Roussel, 1867-1944) — французский художник.

³ *Шарль Лакост* (Charles Lacoste, 1870-?); *Пьер Лапрад* (Pierre La-grade, 1875-1932); *Вильям Кросси* (William Krause, 1875-1925) — французские художники.

⁴ *Пикар Леду* (Picart Le Doux, 1881-?); *Люса* (Desiré Luçac, 1869-?); *Дусе* (Henry-Lucien Doucet, 1856-1895) — французские художники.

⁵ *Сергей Иванович Шукин* (1854-1937) — фабрикант, коллекционер французской живописи. См. о нем: Грабарь И.Э. Письма 1891-1917. М., 1974. С.373.

⁶ На визите к В.Голубеву настаивал Некрасов. Еще зимой, 7 января 1914, он писал Муратову: «"Рус[ская] икона" обещала статью Голубева о персидской миниатюре. Думаю, что Голубев никакой статьи "Аполлону" и не обещал, и они просто выдумывают. Мне кажется, следует попросить Остроухова написать Голубеву и перетащить статьи к нам. Ведь это прямо грабеж! И на что им дался Восток!» (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.12).

52

[Париж] Четверг [18/5 июня 1914]

Дорогой Константин Федорович, сегодня получил Вашу телеграмму. Спасибо за подбодрительное слово. Сегодня закончил покупательную кампанию, которая с ожесточением велась ровно неделю. Сегодня побывали наконец у Голубева¹. Все дела сделаны. Больше нечего здесь прожиться, и в воскресенье уезжаем отсюда в Италию.

Картины посылаю через контору Третера в Москву (Тверская, 29, на Ваше имя) малой скоростью. Проедут они около месяца. В Москве есть корреспондент здешней конторы, некто Кулин (Мясницкая, 11), от него Вы должны будете получить извещение, через него получите вещи и ему же, по-видимому, придется уплатить за провоз и проч.

Результаты Парижской кампании таковы: на *французов* израсходовано 3700 фр. — куплены картины Русселя, Дусе, Отмана, Леду, Лакоста, эскиз Люса, акварели Кросса и Лапрада и рисунки Жирие и Люса². На *китайцев* израсходовано 2270 фр. — куплено четыре вещи и еще на аукционе куплены случайно и дешево (за 120 фр. 7 штук) японские цветные гравюры.

Всем купленным я доволен. Дорогих вещей в сущности две: картина Русселя (1600 фр.) и один маленький китаец — монгольские всадники эпохи Юан (900 фр.)³. Остальные вещи не превышают 400-500 фр. каждая — что весьма немного.

Ваших денег было около 7900 фр., таким образом, осталось около 1900 фр. Из них ранее 200 франков употреблены на покупку дивного изделия персидских миниатюр собрания Голубева (при его содействии). По-моему, оно Вам необходимо. Из оставшейся суммы некоторую часть придется мне взять у Вас заимообразно, чтобы хватило вернуться. Некоторая же часть останется на покупки в Венеции. На моленные приобретения итало-греч[еских] икон мне денег, пожалуй, и хватит, но на Иоанна Предтечу, о котором Вам рассказывал, пожалуй, и не хватит. Мне думается, за него запросят тысячу или полторы франков. Китайцы выбили меня из бюджета несколько, о чем, впрочем, нисколько не жалею. Предлагаю Вам сделать так: в Венеции я буду в пятницу 26/13 июня и хотел бы там пожить 2 недели. Дня через 3-4 по приезде я выясню положение, справлюсь о Предтече и Вам телеграфирую, сколько надо денег (в сотнях рублей, надеюсь). Если Вы хотите этого — напишите мне теперь же Venezia Ferma in Posta Paolo Muratov. Я как приеду, сейчас же получу.

Визитом к Голубеву я очень доволен. Я боялся светских удовольствий и гостеприимства. Но Голубев очень деловит, серьезен, по-французски суховат, более учен, чем моден, и в высшей степени расположен к «Софии»⁴. Выбрали мы с ним фотографии индийских фресок для октябрьского номера. Установили твердо, что декабрьский номер будет при всяческом его содействии посвящен *персидской* миниатюре⁵. Он любезно взялся устроить нам и все снимки. Просит меня через *него вести все связи* с западными людьми, которых мы думаем привлечь к «Софии».

На дому у него нет ничего. «Китайцы» есть в музее Чернуски, куда мы с ним поедem в субботу. А персид[ские] миниатюры — увы! — месяц тому назад он продал все свое собрание Бостонскому музею. (Снимки он обещал устроить в других парижских собраниях). Сейчас они положительно помешаны на Индии. Как жаль, что такой человек не работает в России и для России. Всегда у нас так!

Кончаю писать, устал. Завтра на свободе от дела съезжу в Версаль, суббота утром — Голубев, вечером укладка, а воскр[есенье] рано утром в поезд.

Издание персидских миниатюр, думаю, Вы будете довольны. Оно необходимо для Вас необходимо. С Голубевым говорить о Персии нелегко, он уже успел ею «разинтересоваться»⁶. Но номер все-таки декабрьский у нас будет. Объявление «Аполлона» — чистая фантазия, ничего у них нет и не будет.

Преданный П. Муратов

¹ Свою встречу Голубев и Муратов планировали еще весной в письмах. В частности, Голубев писал Муратову: «Не откажите сообщить, когда именно, в начале или конце месяца Вы думаете приехать с К.Ф. Некрасовым, а я устроюсь так, чтобы быть посвободнее /.../. Хотелось бы показать Вам, что меня интересует и над чем работаю» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 771. Л. 10).

² *Оттман* (Henry Ottman, 1877-1927); *Жирюе* (Pierre Paul Girieud, 1874, по другим данным — 1875 -?) — французские художники.

³ Эпоха Юан в Китае — 1280-1367.

⁴ В 3-ем номере «Софии» была опубликована статья «Ars Asiatica» — о выходе первого тома нового французского издания, посвященного восточному искусству, редактором которого был В.В. Голубев. 11 мая 1914 он писал Муратову из Парижа: «Глубокоуважаемый Павел Павлович, только что получил 3[-й] номер "Софии". Приношу Вам сердечную благодарность за слово, обращенное к Ars Asiatica — так чувствую теперь, что работаю не один и не на чужбине, а для своих, для друзей и соотечественников. На днях выйдет 2[-й] том Ars Asiatica. Надеюсь, что Вы полюбите и его — он посвящен китайской скульптуре» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 770. Л. 8).

⁵ Эти номера «Софии» выйти не успели.

⁶ Относительно перемены своего увлечения Голубев писал Муратову еще в апреле 1914: «Не знаю, когда появится в Ars Asiatica описание моей персидской коллекции, полагаю, не раньше как через три года. Теперь все внимание у нас сосредоточено на Индии и буддизме. Следующий (3-й) том посвящен индийской скульптуре; IV — буддийской выставке (1913 г.)» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 769. Л. 4-5).

Милан. Понедельник [22/9 июня 1914]

Дорогой Константин Федорович,
сегодня я на перепутье в Милане, откуда и пишу Вам. В пятницу, русского 13[-го], надеюсь быть в Венеции.

Последнее мое свидание с Голубевым носило характер даже весьма сердечный, даже облобызались, видите, как хорошо. Для «Софии» это в самом деле важно, Вы правы. Хотелось бы все подробно рассказать Вам, но в письме не упишешь. Главное: декабрьский номер «Софии» будет с персидскими миниатюрами. 6 в красках и 10 черных по выбору Голубева. Цветные будут исполнены французской фирмой, с которой Голубев взялся вести для нас переговоры. Текст доставит он же.

Благодаря ему же мне удалось купить для Вас за 200 фр. последний экземпляр великолепного издания персидской миниатюры его собрания (ныне проданного в Бостон). Теперь это издание продается у антикваров за 400-500 фр. экземпляр.

Картины поехали к Вам. Мне сказали, что пересылка обойдется рублей в 60-70. Упакованы они очень хорошо. Как-то они Вам покажутся. Прибудут в Москву числа 7-10 июля, и тогда как раз, я полагаю, мы с Вами и увидимся.

Если надумали послать деньги в Венецию (а в конце концов, пожалуй, пришлите, если не на что будет тратить, не истрачу) — *то не посылайте почтой*. Лучше всего по приезде в Венецию я Вам телеграфирую адрес и Вы сделайте перевод *по телеграфу* же через банк. Это обойдется рублей 10, но зато все будет гораздо скорее. Прислать, я думаю, надо бы 20 000 фр., т.е. 760-770 руб. Впрочем, все зависит от цены Иоанна Предтечи.

Чувствую себя в Италии «по-домашнему». Так мило и просто все после парижской лихорадки. Надо будет малость отдохнуть и подумать насчет «Образов Италии» 3-го тома.

Чуть не забыл. Когда будете делать перевод или писать чек, то обозначьте меня согласно транскрипции паспорта на французский лад Paul Mouratoff, а в скобках Paolo Muratov. Крепко жму руку.

Ваш П. Муратов

Дата письма установлена по содержанию.

[Венеция] 29/16 июня [1914]

Дорогой Константин Федорович,
«Крылатый Иоанн Предтеча» стоит уже в ящике в моей комнате. Вещь будет отличная — XV век. Очень удачно купил еще Богоматерь Страстную (превосходный XV-XVI век), довольно большую и вполне сохранныю, за 140 фр. По-моему, цена этому образу в России минимум рублей 600-700.

Скоро двинусь в Россию. Раньше думал проехать сначала в деревню. Теперь решил ехать прямо в Москву, где надеюсь быть 6 июля и проживу там неделю. Хорошо, если бы к этому времени пришли парижские вещи и если бы Вы приехали тоже в Москву. Мне необходимо увидеться с Вами. Остановиться я хочу у Николая Михайловича. Что с Павл[ом] Серг[еевичем], от него я не получил ни строчки¹. От Вас только одно письмо в Париже.

Итак, уже до скорого свидания.

Ваш П.М.

¹ П.С.Сухотин сам жаловался в письме Некрасову, что Муратов не пишет: «От Павла Павловича есть лишь одна открытка, судя по которой надо признать состояние его духа весьма дурным...» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.257. Л.7). В июне Сухотин был занят семейными проблемами и здоровьем жены, которая родила в начале месяца.

[Венеция] Пятн[ица] 10 июля/27 [июня] 1914

Дорогой Константин Федорович,
еще я сделал одну покупку (последнюю) — за 190 фр. купил большую Икону Богоматери с двумя медальонами. По-моему, интереснейшая вещь XIV века. Если не ошибаюсь, то значит из Венеции будут вывезены отличные образцы XIV, XV и XVI веков.

Посмотрим, что скажете Вы, что скажут Ник[олай] Мих[айлович] и Брягин. Буду в Москве 6[-го] утром, дней на 5.

Ваш П.Муратов

Открытка с изображением отеля «Савойя» в Венеции.

1 сент[ября 1914]

Дорогой Константин Федорович, вот уже две недели, как мы воюем с австрийцами¹, были бесконечные переходы днем и ночью, был бой 26-27 авг[уста] — мы селяли и по нам стреляли (потерь у нас не было). Теперь 5-й день стоим, бываем на поле в верстах в 35 от австрийской границы. Дождь, холодно, есть нечего. Но война с Австрией идет успешно. Всюду отбитое орудие, пленные. Впрочем, мы мало что знаем о войне. Газет я не видел 9 дней. Места здесь глухие, ни железных дорог, ни городов. Я пока что здоров, цел и чувствую себя сносно. Но выйти из этих трех условий, разумеется, легко здесь каждую минуту. Иногда тоскую по Москве. Но лучше не думать.

Обнимаю Вас.

Ваш П. Муратов

¹ Муратов был призван на фронт с первых дней войны. О его участии в боях см. во вступительной статье.

19 окт[ября 1914]

Дорогой Константин Федорович, не писал Вам давно; было некогда и было трудно. Все время мы в походе, месяц у нас не было дневки, кроме боев в окрестностях Ивангорода. Теперь мы перешли Вислу и идем, по-видимому, на Ченстохов. Германцы бегут — это ободряет. Бог даст, половина этой жуткой войны уже миновала. Да, милый Константин Федорович, все труднее и тяжелее мне и чем все это кончится — Бог знает. Хватит ли сил вынести! Дела же вообще хороши, и мы победим — это несомненно.

Как-то Вы все живете там? Даже и представить себе не могу — как на луне, или мы на каторге.

Обнимаю Вас

П. Муратов

[Севастополь] 20 [марта 1915]

Дорогой Константин Федорович,

Христос Воскресе!

Будьте здоровы и счастливы, милый друг. Добрых праздников! Не соберетесь ли Вы в конце концов на юг? Хотя сегодня скверно и холодно, но три дня тому назад было отлично, и дня через три снова, конечно, будет.

Живу я здесь хорошо, у брата¹. Служу под самым городом. Служба состоит исключительно из дежурства. Ежедневно я встаю в 3-4 ч[аса] утра и иду на берег. В 9-12 (в зависимости от погоды) я уже дома. Жаль только, что недели через три брату придется отсюда уехать. Насколько прочно я сам здесь, тоже нельзя сказать. Во всяком случае недель 6 у меня есть, и числу к 15 апр[еля] жду сюда Катю. Если решите приехать, телеграфируйте, и брат пошлет Вам телеграммой необходимый пропуск. Иначе Вас доведут только до Симферополя. Адрес мой и брата — Соборная, 7. Взялся за работу. Читаю корректуры 2-го тома Вернон Ли². После того возьмусь за Патера «Воображаемые портреты», которые во 2-м сильно дополненном издании хочу выпустить у Вас³. Катя кончает Бронте, которую с моей статьей сдам Вам летом⁴. На погашение моего колоссального долга (который, однако, Вы так и не подсчитали), включая сюда и аванс Катер[ины] Серг[еевны] за Бронте, думаю обратить: 1) Тристана⁵, 2) Бронте, 3) Патера, 4) второе издание новелл, 5) избранные повести, статьи и письма Роберта Луи Стивенсона⁶, за которые Катер[ина] Серг[еевна] возьмется после Бронте и которые я попрошу Вас издать, хотя бы «на положении» Тристана и 6) Итальянскую хронику, за которую примусь, как только еще более очухаюсь. Думаю, что таким путем кое-какие прорехи будут заткнуты. А тогда, Бог даст, наступят лучшие времена, и мы поговорим с Вами о более серьезных работах.

Напишите, что Вы обо всем этом думаете, и главное, не приедете ли на юг? Бывали ли Вы в Бахчисарае? Ради этого стоит сдвинуться с места. Поклон Софье Леонидовне.

Ваш П. Муратов

¹ Весной 1915 Муратов был переведен на службу в Севастополь в зенитную артиллерию заведовать воздушной обороной крепости. В Севастополе служил его брат (комендантом города). О службе Муратова в Севастополе см. во вступительной статье.

² *Вернон Ли* (наст. имя Виоле Падже, 1856-1935) — английская писательница. Ее книга «Италия. Избранные страницы» в переводе Е. Урениус под редакцией Муратова и с его вступительной статьей вышла в двух томах в Москве в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1914-1915.

³ Издание вышло в начале 1916. См. примечание 2 к письму 15.

⁴ *Катя* — Е. С. Урениус. Переводила «Грозовой перевал» английской писательницы Эмили Бронте (1818-1848). Статью о Бронте Муратов планировал опубликовать еще в «Софии». В издательстве Некрасова переводы из Бронте не вышли.

⁵ Речь идет об издании средневекового романа «Тристан и Изольда» в изложении Ж. Бедье в переводе Е. Урениус.

⁶ Издание осуществлено не было.

59

[Севастополь] 1 мая [1915]

Дорогой Константин Федорович, давно уже собирался ответить на Ваше милое письмо (отлично письма Вы пишете!), но только ужасно трудно отсюда пишется. Вашим иконным успехам ужасно рад; о Евг[ени] Ив[ановиче] знаю от Ильи Семеновича, который изредка мне пишет¹. Сейчас как будто все это улучшилось. Радует меня и Ваше одобрение моих литературных затей. А Ваш проект приобретения в собственность новелл и проч. — ах, Константин Федорович, Константин Федорович! Думаете, не разгадал я Ваших намерений! Ну ладно, ладно, при встрече поговорим. Осенью надеюсь сдать Вам Бронте и Патера, из него получится прямо совсем хорошая и наполовину совершенно новая книга. Уже это хорошо, но плохо то, что я чувствую, если война еще затянется, осенью я сяду на мель, и вместо ликвидации старых грехов, как бы не пришлось опять искать денег... Но об этом пока еще рано. Вы пишете насчет Данте². Верно, я забыл к списку приписать Данте. Но я, конечно, всегда помню о нем. Только в теперешних условиях совсем нельзя работать над ним. Книг нет и достать их здесь нет возможности, да и вообще, иностранные книги сейчас достать очень трудно.

Живу я здесь хорошо. Брат пока здесь (мой адрес Соборная, 7). Приехала сюда Катерина Серг[еевна] с Гавриилом³ — оба чувствуют себя хорошо. Числа 20-го уедет она в деревню, около того же времени, глядишь, потянут брата, и я останусь один. Житья мне тогда будет во всех отношениях хуже.

Да, иногда (и часто даже!) берет тоска, но тогда я вспоминаю других, Ник[олая] Мих[айловича]. Где-то он теперь (кроме адреса ведь пока ничего не известно) и как он чувствует себя, наш милый друг⁴!

Помните, прошлый год весной — Вы собирались в Париж. Как жаль, что Вы тогда не поехали⁵. А жалеете ли Вы «Софию»? Все-таки из нее не вышло того, что нам с Вами рисовалось в самом начале.

Не забывайте. Пишите изредка хотя.

Ваш всей душой П. Муратов

¹ Е.И.Брягин был арестован, вероятно, по ложному обвинению. Хлопотал о нем И.С.Остроухов, который писал Некрасову 14 апреля 1915: «Евгений Ив[анович] сегодня утром прибыл в Москву, и я имел удовольствие пить с ним утренний чай. Он освобожден под залог пока. Что дальше будет — в руке Божией. Разумеется, и хлопотал, и хлопочу, и буду хлопотать, пока сил хватит. Дело возмутительное. Еду по сему послезавтра в Петербург, вернуться надеюсь в понедельник» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.200. Л.2).

² Об издании Данте (см. письма 33 и 34) Муратову напомнил и Зайцев. 11 апреля он писал Некрасову: «Павлу Павловичу относительно Данте написал. Завтра сажусь за четыре последние песни, и думаю, через месяц-полтора кончу все» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.111. Л.10). 17 июня Зайцев вновь пишет Некрасову о Данте: «Третьего дня я кончил "Ад". Павлу Павловичу писал, но по недостатку у него книг и свободного времени он сейчас этим заниматься не может» (Там же. Л.11).

³ *Гавриил* — сын Муратова, родился в начале марта 1915. П.Сухотин писал Некрасову 12 марта 1915: «Получил сейчас приглашение от Муратовых крестить сына, надобно стало ехать в Москву /.../. Значит, до скорого свидания» (Там же. Д.258. Л.60б.).

⁴ Н.М.Щекотов был призван в июле 1914.

⁵ Муратов имеет в виду поездку во Францию и Италию летом 1914, куда он ездил один, так как Некрасов вынужден был остаться в Ярославле из-за того, что затеял постройку новой типографии.

60

[Севастополь] 19 июля [1915]

Дорогой Константин Федорович,
не писал Вам давно и от Вас очень давно ничего не получал. Пишите мне, не забывайте. Бог весть, сколько еще времени пройдет, пока мы с Вами увидимся. Не преедетесь ли Вы в августе — сентябре в Крым? Вчера уехал мой брат, получивший назначение

командиром 123 пех[отного] Козловского полка. Мы (Катерина Серг[еевна] здесь, решила не ездить в деревню, не разлучаться по нынешним временам) живем — Екатерининская, д.85, кв.5. Я-то, впрочем, бываю в городе лишь через день. Через сутки дежурю сутки. Пытаюсь тем не менее работать. Двигаю вперед Патера, а Катер[ина] Серг[еевна] кончает Бронте. К сентябрю надеюсь прислать Вам эти книги. В целях заработка хочу попробовать писать в «Русск[ие] вед[омости]» нечто вроде фельетонов. У Вас вышел Аполлон Григорьев¹. Пришлите мне его. Пав[ел] Серг[еевич] мне ничего не пишет: сердится, верно, что я ему ничего не писал.

Да, сегодня год войны, и Бог весть сколько еще все это продлится и когда я увижу Вас, Москву, Волгу, русскую зиму, иконы. Времена суровые и заставляют много-много думать. О многом бы хотелось поговорить с Вами. Писать трудно. Может быть, в самом деле проехали бы в Крым, на солнце, на виноград? До октября-ноября, полагаю, я здесь еще буду. Что Вы делаете, чем заняты, чем увлечены, чем разочарованы? Очень-очень хотел бы с Вами поговорить.

Обмениваюсь письмами с Ильей Сем[еновичем], с Бор[исом] Конст[антиновичем]. Доходят до меня вести и о Ник[олае] Мих[айловиче] через Лидию Никол[аевну]². Вот только о Вас давно уже ничего не знаю. Как Ваши лубочные издания? Пишите же мне, как чувствуется сейчас в России. Здесь этого никак не угадаешь. Крепко жму руку.

Ваш П.Муратов

¹ Имеется в виду издание: Григорьев А. Мои литературные и нравственные скитальчества. С послесловием и примечаниями П.Сухотина. М., 1915.

² *Лидия Николаевна Щекотова*, жена Н.М.Щекотова, во время войны жила в имении П.С.Сухотина в Тульской губернии.

61

[Севастополь] 30.VII.1915

Дорогой Константин Федорович,
ужасно рад, что Вы приедете! Прямо воспрял духом. Смотрите же не обманите, не передумайте. Значит, 12-го Вас ждать? Прямо с вокзала приезжайте к нам, а если телеграфируете, то встречу Вас на вокзале. Итак, до скорого.

Ваш П.Муратов

P.S. Захватите последние Ваши книги.

[Севастополь. 17 августа 1915]

Дорогой Константин Федорович, сегодня издано распоряжение Сев[астопольского] градоначальника, что въезд в Севастополь допускается лишь с его разрешения. Так как я очень хочу Вас видеть, то прошу Вас, телеграфируйте Сев[астопольскому] град[она начальнику] просьбу о разрешении Вам въезда в Севастополь. Одновременно телеграфируйте мне, я найду в градоначальство и попрошу их там выслать Вам разрешение поскорее. Сделайте это теперь же и о результате известите меня. В крайнем случае, если это почему-либо не удастся, я приеду в Бахчисарай повидаться с Вами¹. Помните мой адрес: Екатер[ининская], 85. кв.5.

Ваш П.Муратов

Открытка, датируется по почтовому штемпелю.

¹ Некрасов в это время жил в Ялте в гостинице «Россия».

[Севастополь] 20 авг[уста 1915]

Дорогой Константин Федорович, получил Ваше письмо и сейчас же побегал в управ[ление] градоначальника. Там огромная толпа народа. Добился свидания с самим градоначальником. Он сказал, что хотя Ваше прошение написано не по форме и т.д., но все равно он ничего не имеет против. С другой стороны, не берется ускорить и предоставляет все на усмотрение правителя канцелярии. А раз так, то *самое скорое* удалось бы получить это 21[-го] в 2 дня — такая уйма народа. Подумав, подумав, я решил бросить все это предприятие. Одна возня, а толку мало.

Приезжайте на Бахчисарай, а я приеду туда с Вами повидаться. Предлагаю Вам следующее: из Ялты выезжайте 23-го. Переночуйте на Ай-Петри, а если не захотите, то в Бахчисарае, и рано-рано продолжайте путь с тем, чтобы часов в 10 утра быть в Бахчисарае. Я выеду отсюда с утренним поездом и следовательно приеду в Бахчисарай тоже около 10 ч. утра. Спрошу о Вас в гостинице напротив гостиницы «У фонтана», а сам буду сидеть у этого самого фонтана и есть шашлык. Захватите из

Ялты с собой бутылку красного вина. Засим прогуляемся мы с Вами до вечера (съездим в Чуфут-Кале). А в 8 ч. вечера Вы сядете в свой поезд (едуших никого не будет), а я в свой. Это будет как раз, значит, 24-го числа.

По-моему, этот план во всех отношениях лучший. Вам проще. А я даже рад проехаться буду. Жаль только, Кате нельзя. Для верности пошлите мне телеграмму в момент выезда из Ялты. Еду, мол, на Бахчисарай.

Ваш П.Муратов

64

[Севастополь] 10 сент[ября 1915]

Дорогой Константин Федорович, послезавтра, если ничто не помешает, пошлю Вам Патера — исправленную книгу и новую рукопись. Вступ[ительную] статейку дошлю недели через две. Книга должна была и, мне кажется, именоваться так: Уолтер Патер (без мягкого знака). Воображаемые портреты. Перевод и вступительная статья П.Муратова. Издание 2-ое, исправленное и значительно дополненное.

Внешность книги вполне предоставляю на Ваше усмотрение. Выйдет листов 10-11. Не позабыли ли Вы, дорогой Константин Федорович, один из пунктов нашей беседы под бахчисарайскими виноградными? Жду 300 р., которые Вы добро пообещали прислать мне, с некоторой тревогой, ибо 18-20[-го] я должен переменить адрес, как бы из-за этого деньги не пространствовали лишнее. Куда я перееду, еще сам не знаю. Когда решится, понятно, напишу. Присылайте корректуры. В октябре пришлю Вам Бронте. Это будет совсем большая книга, листов 18 и за нее можно будет назначить по меньшей мере 2 р. 50 к.

Ужасно хотелось бы поговорить с Вами именно сейчас о многом. Но в письме это невозможно. Что будет? Что-то будет! — но только я совсем здесь не понимаю, что именно.

Забыл написать порядок книги Патера. Он таков: *Ватто — Дэнис Оксерра — Себастьян Ван-Сторк — Герцог Розенмольдский — Аполлон в Пикардии — Дом детства — Отрывки из романа «Эпикуреец Марий».*

Пишите мне, не забывайте. Без Вас снова настала тут пустыня. Катя Вам кланяется.

Ваш П.Муратов

До 18-20[-го] адрес: Екатерининская, 85, кв.5.

[Севастополь] 16 сент[ября 1915]

Дорогой Константин Федорович,

Деньги получил — спасибо Вам. Получил снимки и письмо: письмо меня ужасно тронуло. Люблю я в людях больше всего такие размышления и чувства (пусть неясные даже!), которые у Вас там есть. Жизнь, действительно, тяжела. Мне ли не знать этого! — Иногда мне кажется, что на плечах 100 пудов, и устал я, верно, еще больше Вашего. Часто, слишком часто, думаешь, хоть бы и не жить вовсе. Но люблю я все-таки «простейшие элементы» жизни. Люблю видеть, как встает солнце и как растет трава. Люблю пить вино и есть хлеб с сыром. А Вы ведь, пожалуй, еще больше меня все это любите. Конечно, солнце, трава, вино, хлеб и даже сыр есть в каких угодно странах. Но здесь начинается труднейшее. Вернусь и я к текущим делам. О Федоре Стратилате напишу¹. Хорошо ли, плохо ли, много ли, но напишу. Только вот в чем дело. Много писать об иконе, значит подробно о ее сюжете, не очень я умею, да и надо иметь многое под рукой. А между тем ведь Вам надо довольно много, ведь это не фототипии, не забудьте, а наклейки среди более или менее *обильного* текста. Не привлечете ли Вы кроме меня еще и Анисимова? Не морщитесь: он напишет подробно, шепетильно и длинно, и будьте уверены, что многим это-то и нужно. А я тогда напишу «стремительную» статейку, но, увы, много ли напишешь? Ну, ³/₄ листа самое большое, а то и половину. Подумайте, дорогой Константин Федорович, и не отвергайте «для пользы дела» Анисимова. Он, кажется, уехал из Новгорода, но я думаю, ему можно писать на Григорово — перешлют. Пусть именуется «Мур[атов] и Анис[имов]», мне все равно, а выйдет нечто солидное. Как Вы хотите, конечно — я же со своей стороны все равно напишу в течение, я думаю, этого месяца.

Досадно, что у нас наступила полная неурядица с квартирой. 20-го надо съехать, а куда, сам еще не знаю. Но адрес пока прежний — дойдет. Напишите.

Ваш П. Муратов

А приятно было увидеть Стратилата!²

¹ Речь идет о подготовке книги: Новгородская икона св.Федора Стратилата / Текст П.П.Муратова и А.И.Анисимова. М.,1916. Вышла в серии «Памятники древнерусской живописи».

² Муратов имеет в виду снимки с иконы Федора Стратилата, которые ему выслал Некрасов.

[Севастополь] 18 с[ентября 1915]

Дорогой Константин Федорович,
писал Вам о получении денег и по поводу Федора Стратилата. Теперь относительно Патера. Издавайте его в каком Вам будет удобно виде. По-моему, только 3 р. — цена слишком высокая, может быть, и не стоит переходить за 2-50. Впрочем, Вам виднее. Мои желания в этом деле ограничиваются:

- 1) *изображений* не надо бы на обложке (цифры можно),
- 2) заставок бы с изображениями тоже бы не надо (цифры можно),
- 3) стилия тоже не надо, — пусть будет типографски просто, прилично, вроде того как англичане делают в своих изданиях.

Впрочем, опять повторяю, все это Ваше дело, а не мое.

В Вашем последнем письме есть пессимистическое нечто, что, по-моему, самыми последними обстоятельствами не оправдывается. Уверен, что через год все уже войдет в обычные нормы и начнется даже «расцвет» для книг и искусства.

Бронте будет у Вас в ноябре (листов 18), Стивенсон же в январе, я думаю (листов 15).

Этим книгам легче будет придать солидный вид, нежели Патеру. Лубки пока не получил, интересно взглянуть.

Все крепнет и крепнет во мне убеждение издать у Вас историю древнерусской живописи, отлично иллюстрированную и дорогую, но все же не кирпич и не тираж, а книгу, самое большое в трех не очень больших томах, рублей по 5 за том.

Заглавие Патера: УОЛТЕР ПАТЕР. Воображаемые портреты. Издание 2-ое значительно дополненное новыми переводами и вступительной статьей П.Муратова (это по Вашему усмотрению).

Ваш П.Муратов

[Севастополь] 21 окт[ября 1915]

Дорогой Константин Федорович,
прежде всего сообщаю Вам новый адрес: *Екатерининская д.43 кв.10*. Столько хлопот было, так трудно здесь все в Севастополе! 10 дней мы жили в гостинице, и я на время забросил всякие занятия.

Письмо Ваше получил. Вид страницы будущего Патера импозантен — пожалуй, слишком импозантен. Не выйдет ли книж-

ка тонкой? Но не буду вмешиваться и Вам мешать, делайте, как находите нужным.

К Федору Стратилату думаю приступить теперь же (даже раньше статьи о Патере). Около 1 ноября он будет у Вас. Но не будете ли Вы разочарованы, если получите всего $3/4-1/2$ листа? А это может случиться. Помните: ведь совсем нет подходящих книг. Не уверен, найдется ли даже простое житие, а тогда как писать о «клеймах»? Нет ли у Вас или вообще в Ярославле чего-либо подходящего?

Проект Ваш школьного издания икон меня смущает. Я предвижу для Вас много хлопот и расходов (ведь в красках все это дорого). И как все это «обернется» и обернется ли? В этом я тоже мало уверен. Современная школа, пожалуй, мало наклонна к этому. «Элементарный» подход к этому она будто бы переросла, а до «не-элементарного» она, конечно, не доросла и никогда не дорастет. Разумеется, если Вы решитесь, то всячески готов с Вами работать. Но можно ли решаться. Есть еще такая сторона. Мы говорили с Вами об издании древнерусской живописи — издании непопулярном, но в то же время широком и в то же время *впервые* знакомящим людей с разными нашими иконными и фресковыми красотами. Стоит ли уничтожить это «*впервые*» *предварительным* популярным изданием целого ряда икон. Не забудьте, что на средний глаз иконы все очень похожи между собой и беглое впечатление от историй будет только *повторять* впечатление от недорогих школьных альбомов. Обсудите это.

Ваш душевно

П. Муратов

А где же лубки? Я не получил¹.

¹ Некрасов выслал Муратову лубочные издания, о чем сообщил в письме.

[Севастополь] 22 окт[ября] 1915]

Дорогой Константин Федорович, чем ближе дело по написанию статьи об иконе Фед[ора] Страт[илата], тем яснее всевозможные трудности и тем, однако, тверже уверен, что *как-то* надо выйти из них.

Написать *фактично, обстоятельно* и хотя бы сколько-нибудь учено — положительно нет никакой возможности. Вместе с тем я

чувствую большой заряд написать от души, нечто «по поводу», нечто свободное, что было бы даже и личные от Новгорода впечатления. Уверен, что сделаю это совсем не плохо. Но этого *мало*. Необходимо и другое, то, что в данных условиях нет никакой возможности. Ведь здесь нет решительно никаких нужных книг! Отчего Вы не хотите привлечь Анисимова? Боитесь, что он задержит? Уверяю Вас, что при данном положении вещей я задержу больше, если начну выписывать из Москвы книги. Кстати, я как раз вчера получил от него письмо. Весь этот год он еще в Новгороде. Все у него под рукой и *сюжетом* Федора Стратилата ведь он занимался уже и знает его фактическую сторону, легенды и все факты о той церкви, из которой эта икона происходит. Разрешите мне написать ему. Для ускорения я даже до Вашего ответа сейчас же напишу ему и ставлю ему срок 1 декабря. Пусть напишет печатный лист. Я напишу $\frac{1}{2}$ листа и выйдет достаточно. Мою статью Вы получите в начале ноября. А Анисимов, ей Богу, не задержит. Правда же! Давайте сделаем так. Конечно, я напишу Анисимову «предварительно» и окончательное решение все же за Вами.

Патера не лучше ли набирать теперь же и предисловие пустить с отдельной римской нумерацией? Я пришлю его Вам после статьи об иконе, т.е. около 15-20 ноября. После того возьмусь за Бронте, чтобы к январю кончить. Спасибо за книги. Павлова¹ издана прелестно! «Дом Орембовских»² Вы навряд ли читали. Сахарно, но не совсем уж плохо.

Ваш П.Муратов

¹ Речь идет об издании: Павлова Каролина. Полное собрание сочинений: В двух томах / Редакция и вступительная статья Валерия Брюсова. М., 1915.

² Новиков И. Между двух зорь: Дом Орембовских. М., 1915.

[Севастополь] 11 ноября [1915]

Дорогой Константин Федорович,

Анисимов ответил согласием написать статью к 15 дек[абря] и хотел написать Вам, прося снимков. Я очень доволен, что все так устроилось. Мою статью пошлю Вам на днях (кончаю). Она называется «В Новгородских церквях»¹ и местами содержит хорошие проблески. Выйдет приличное издание. Не озаглавить ли его так:

Памятники древнерусской живописи. Новгородская икона Феодора Стратилата. Столько-то снимков. Текст П.П.Муратова и А.И.Анисимова. Следующий выпуск будет II. Икона Молящаяся новгородцы и Битва Суздальцев с Новгородцами. Текст из «Софии», а цветных снимков можно и не помещать. III выпуск: 4 иконы Успенского собора — Воинствующая церковь, Борис и Глеб, и недавно расчищенные иконы святителей Петра и Алексея, которые Вы обещали снять (хоть один цветной надо) — статьи из «Софии» и еще можно будет подписать заметку. Вот Вам блестящее начало, $\frac{3}{4}$ которого есть готовое! А Евангелие это само собой, мысль правильная². А затем таких выпусков может быть сколько угодно, например, собрание Морозова, Ферапонтовские фрески в новых снимках и т.д.

Присылайте Патера³. Кончив икону, примусь за вступительную статью. Тянет что-то к иконам!

Ваш П.Муратов

¹ Имеется в виду вступительная статья к изданию «Новгородская икона св.Феодора Стратилата». См. примечание 1 к письму 65.

² О красочном издании Евангелия Некрасов вел переговоры с Н.М.Щекотовым еще весной 1914; в этом решении Некрасова поддерживал И.С.Остроухов.

³ Имеются в виду корректуры «Воображаемых портретов».

70

[Севастополь] 3 дек[абря] 1915]

Дорогой Константин Федорович,
что не пишете? Вы не написали, как показалась Вам моя статейка для Федора Стратилата. Годится ли она? Что Анисимов? Как находите Вы проект издания других икон? Видите, ряд вопросов.

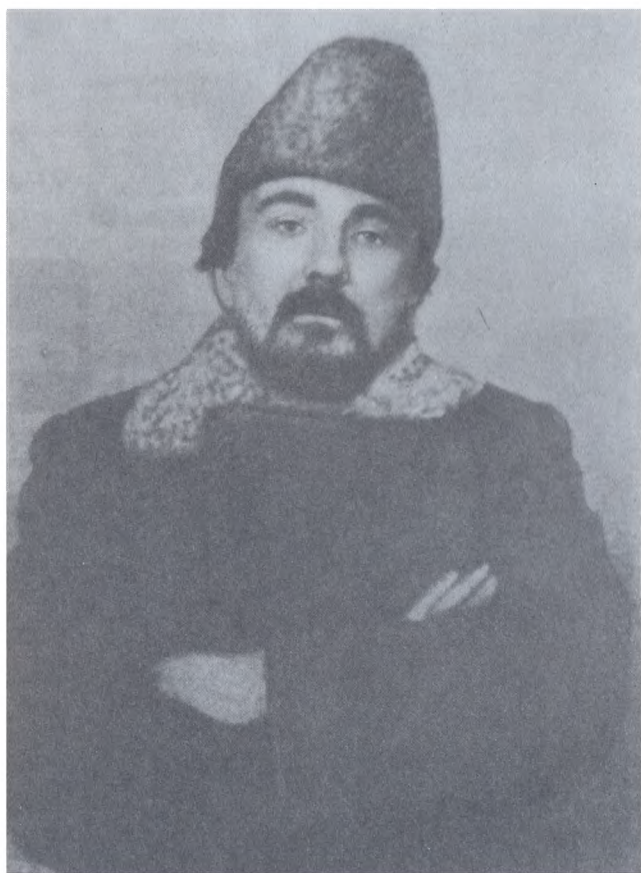
Пишу сейчас статью о Патере. Дней через 10 пошлю Вам ее. Корректуры идут что-то медленно. В последнее время все думаю усиленно об истории древнерусской живописи. С каким удовлетворением стал бы работать сейчас над ней!

Мысли мои выливаются в такую форму. Прошу обсудить их и положить резолюцию.

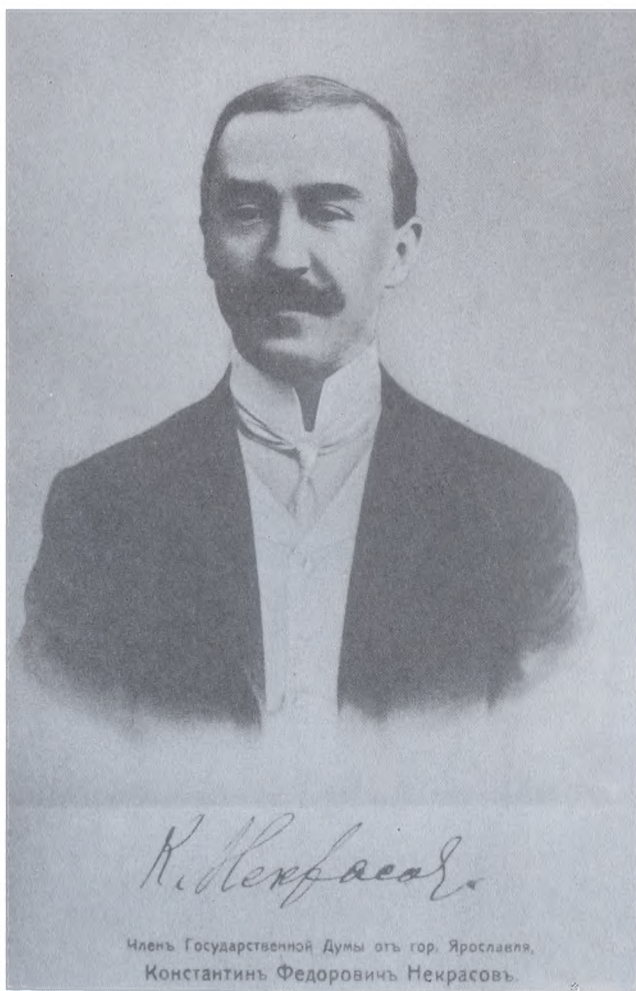
Итак, с момента, когда будет возможно работать, надо отсчитать год, и в этот срок выйдет 1-я часть И[стории] Д[ревней] Р[усской] Ж[ивописи] (фрески, иконы, шитье, рельефы)¹.

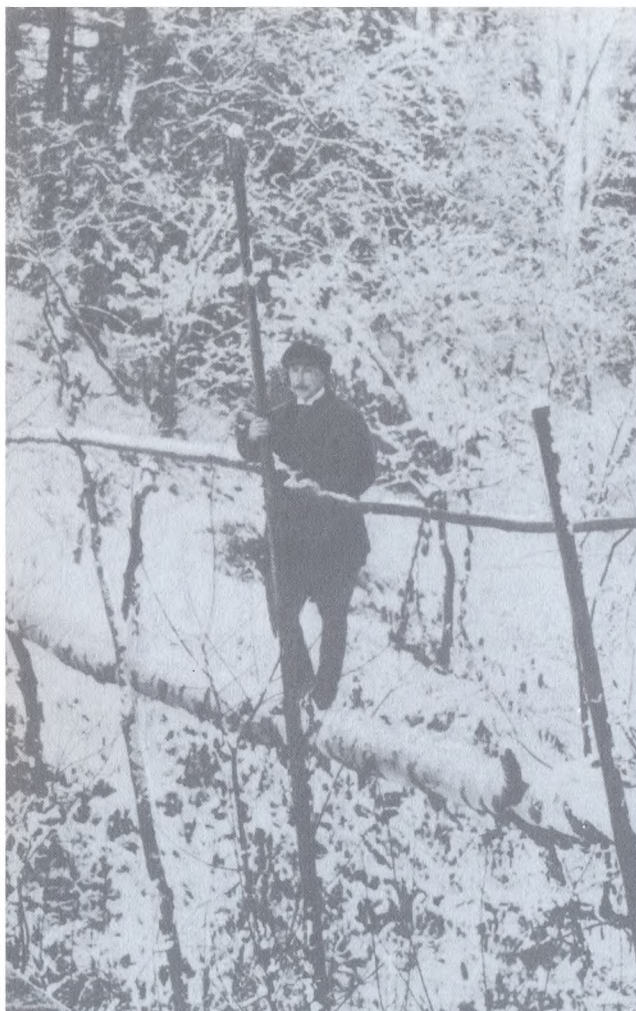
**О. Черемшанова исполняет испанский танец.
Конец 1920-х — начало 1930-х.**

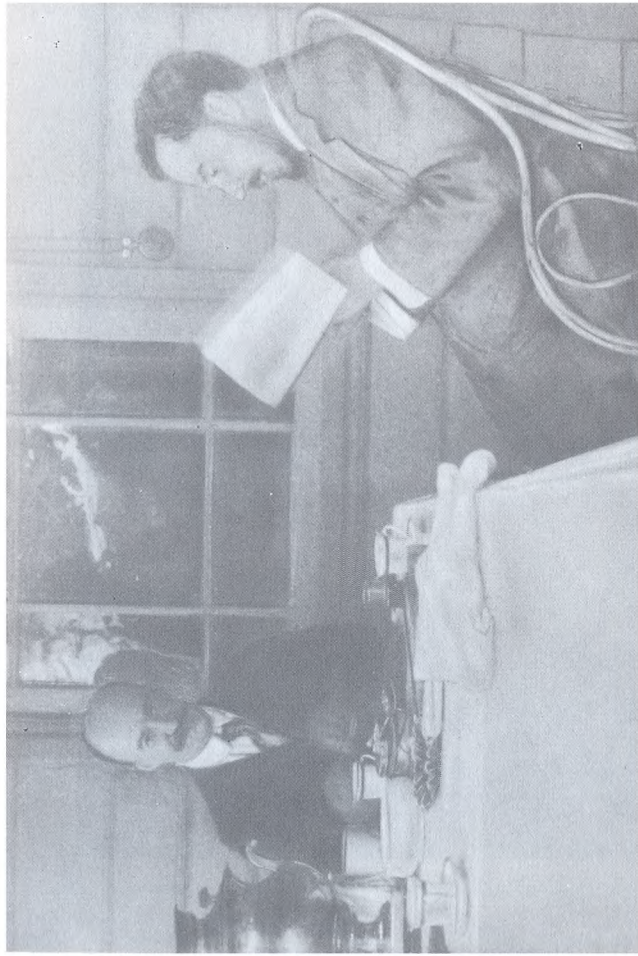
С.А.Бердяев.

**К.Ф.Некрасов, член Государственной Думы от г.Ярославля.
Фотография из архива Н.К.Некрасова (Москва).**

**К.Ф.Некрасов в зимнем парке в Карабихе.
Фотография из архива Н.К.Некрасова (Москва).**

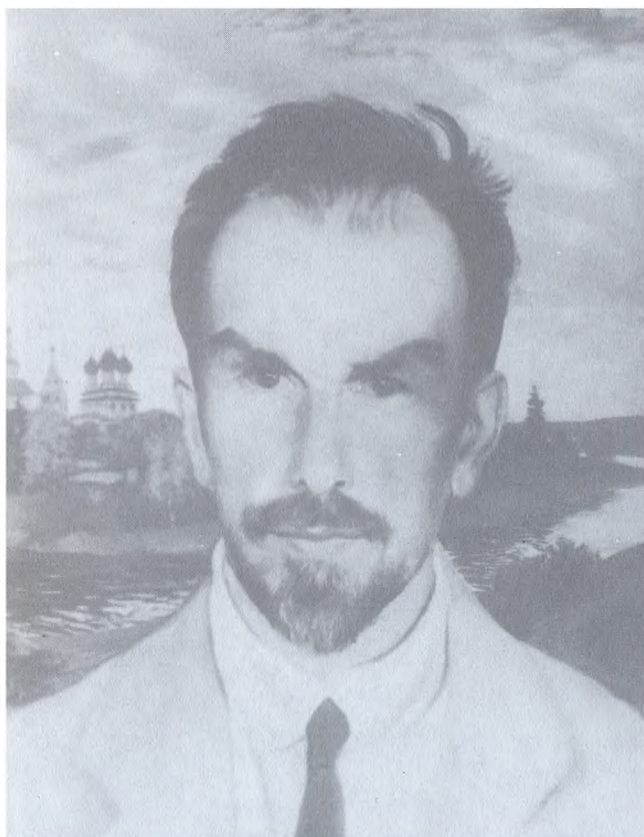
К. Ф. Некрасов и П. П. Муратов в доме К. Ф. Некрасова в Ярославле (1914?). Фотография из архива Н. К. Некрасова (Москва). На оригинале надписи рукой К. Ф. Некрасова: «Дом в Ярославле на углу Дворянской и Духовской, где я жил в 1910-е годы, на балконе с П. П. Муратовым».

**П.П.Муратов с сыном Гавриилом.
Севастополь, конец 1915 — начало 1916.
Рукописный отдел Третьяковской галереи.**

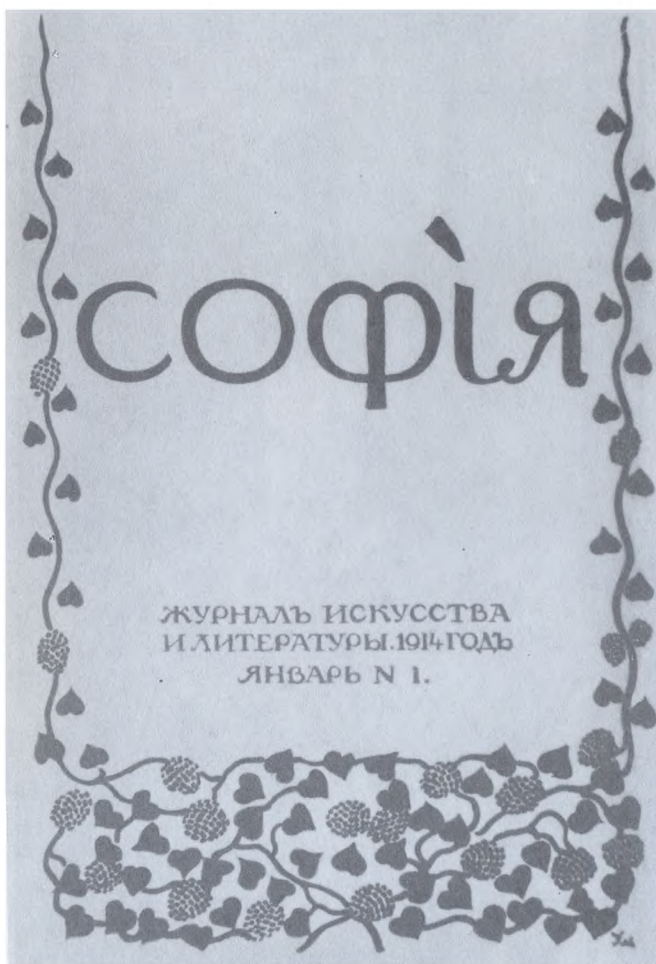
Б.К.Зайцев

А.И.Анисимов. Портрет работы Б.М.Кустодиева.

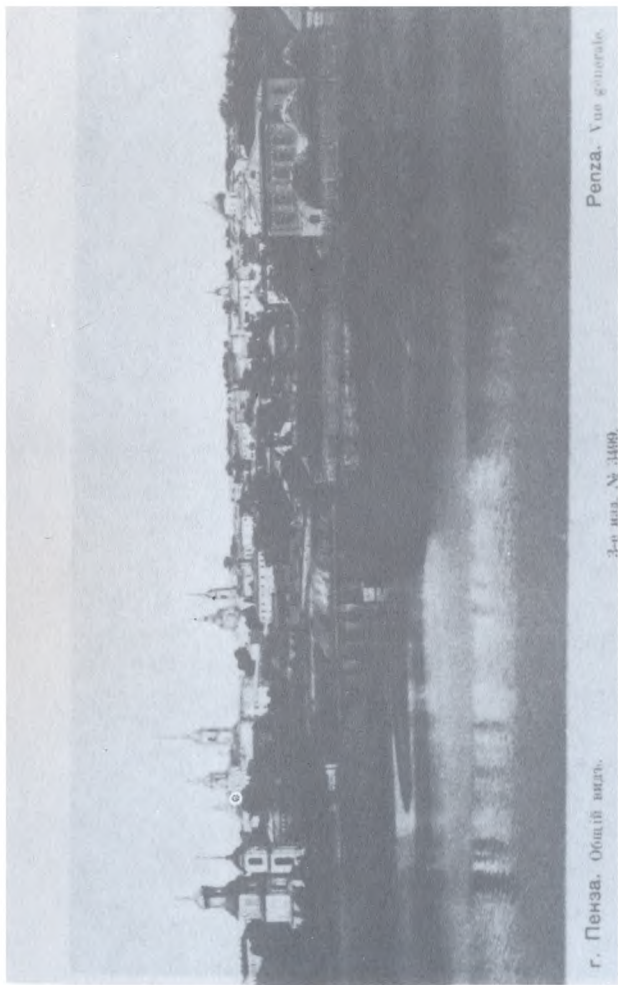
А.И.Анисимов. Фотография начала 1920-х. Москва.

Обложка журнала «София». Работа художника Н.П.Ульянова.

А.Л.Пастернак. Фотография из студенческого дела.

г. Пенза. Общий вид.

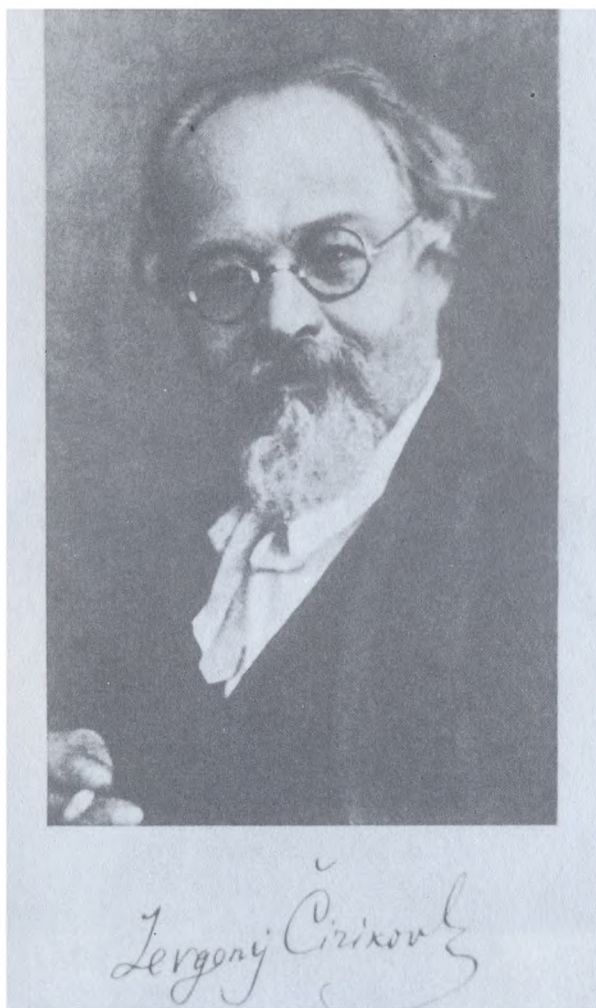
3-е изд. № 3469.

Ренза. Vue generale.

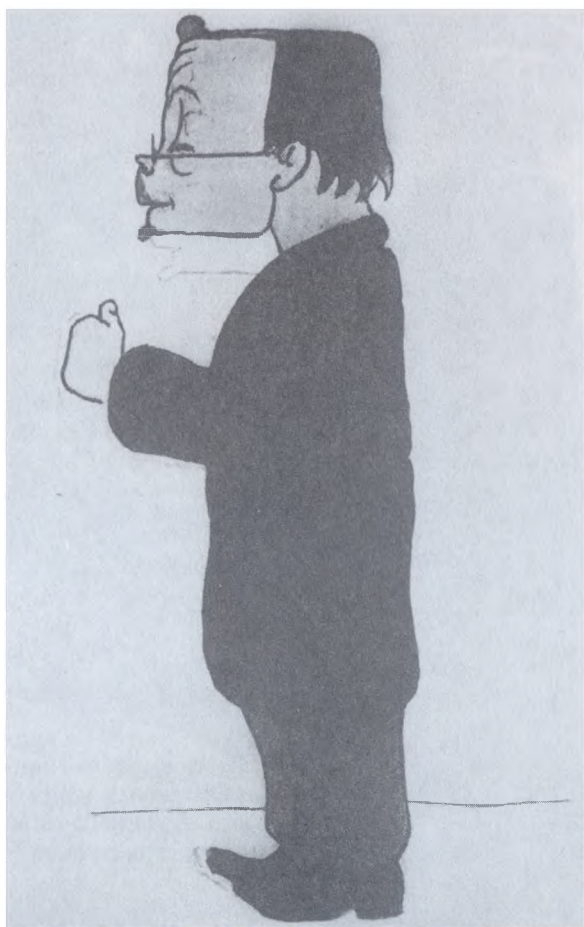
Пенза. Общий вид.

А.М.Ремизов в группе с неустановленными лицами. Пенза, лето 1898.

Е.Н. Чириков

Е.Н.Чириков. Шарж Каррика. 1899-1900.

Могила Е.Н.Чирикова. Прага.

План ее таков:

История др[евне]р[усской] жив[описи]*²

Том I. Происхождение

Часть 1. Введение

Часть 2. Киевский период

Часть 3. XIII-XIV в.

Том II. Расцвет*

Часть 1. Конец XIV в.

Часть 2. Перв[ая] пол[овина] XV

Часть 3. Вторая пол[овина] XV

Часть 4. Пер[вая] пол[овина] XVI

Том III. Упадок

Часть 1. Эпоха Грозного

Часть 2. Эпоха строгановцев

Часть 3. Конец.

Всего, как видите, 10 частей. На издание каждого тома понадобится год-полтора. Каждый том — нечто вполне цельное и даже каждая часть нечто законченное. Каждая часть должна быть книгой, а не выпуском, состоящей из 100-120 страниц. Бумага меловая, но необходимы картинки и *текста не чрезмерно* много. Кроме того, в каждой книге (части) 10-12 илл[юстраций] на отдельных листах и 3-4 цветных. Формат *небольшой* (очень настаиваю), меньше «Софии». Число иллюстраций в тексте в каждой книге от 30 до 40. Общее число, значит, картинок: 40-60 в каждой книге. Цена ее в отдельной продаже не свыше 3 руб., тома — 10 р., всего издания по подписке 25 р.

Главное, чтобы это были *книги* для чтения, а не альбомы для лежания на столе.

Вот прикиньте, дорогой Константин Федорович, осуществимо ли все сие и каковы Ваши поправки. Всю иллюстрац[ионную] часть можно соорудить при помощи Ив[ана] Арт[емьевича]³, Генегара и Гославского. Заманчиво ужасно! Хочется работать.

Обнимаю Вас.

П. Муратов

¹ Издание осуществлено не было.

² Муратовым дана сноска к знакам «*»: «примерно».

³ И.А.Лазарев.

[Севастополь] 2 янв[аря 1916]

Дорогой Константин Федорович!

Ваше письмо меня несколько встревожило, не хотел бы я, чтобы с Вами случилось что-либо неприятное, если даже не «трагическое». Напишите же, если можно, в чем дело.

Как бы то ни было — с Новым годом Вас, дорогой друг! Хоть и идут годы, но я рад, что этот год прошел. Для меня лично он был счастливым, но все менее и менее меня удовлетворяет «мироздание». Все яснее торжество «дурного начала» и хотя я всегда подозревал возможность такой истины, но всю жизнь не хотел в нее верить ни в индивидуальной, ни в мировой сфере.

Понятие о необходимости всяких испытаний становится ли нужным с такой точки зрения?

Представляете ли Вы себе будущее? Я — вовсе нет. Поэтому, когда пишу Вам планы работ, все это вроде как вилами по воде...

А как Патер, что-то он, видно, застрял. Будьте добры, пришлите мне Блока — Григорьева¹ и, может, еще что у Вас вышло за это время. В жизни моей занимательного ничего. Фельетонный источник для «Р[усских] в[едомостей]» иссяк и 5-й, еще ненапечатанный у них, фельетон будет последним, как ни полезно это для прокормления². Кажется, попробую написать нечто полубеллетристическое, отчасти из фантазируемой иногда книги «Герои и героини» — разные исторические фигуры: участники наполеоновских войн, авантюристы-поляки и т.д. Выйдет ли — посмотрим.

Катя поздравляет.

Обнимаю Вас,
любящий

П. Муратов

¹ Имеется в виду издание: Стихотворения Аполлона Григорьева / Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М., 1916. Книга вышла в ноябре 1915.

² В 1915-1917 в «Русских ведомостях» было напечатано 12 фельетонов и беллетристических этюдов Муратова (сохранилась часть писем Муратова редактору газеты: РГАЛИ. Ф.1701. Оп.2. Ед.хр.272).

[Севастополь] 12 февр[аля] 1916]

Дорогой Константин Федорович, решение Ваше меня, действительно, не удивило. Я так хорошо представляю себе, как все это должно было накопиться: и «либеральные» редакторы, и конфискация книг, и склады, и литераторы, и прочее и прочее. Газету жалеть не приходится, типографию саму по себе, конечно, тоже, но не предрешается этим вопрос о книгоиздательстве! По-видимому, оно должно будет тоже исчезнуть, и вот спрашивается, жалко ли его? На это ответчу с полной искренностью: в том виде, какой оно приняло, нет, не жалко. В последнее время я даже перестал понимать его смысл и значение для Вас. Материально оно было только убыточно, внутренне же не давало Вам решительно ничего, кроме суеты и напряженностей. *Нельзя издавать книги, которых Вы не читаете ни до, ни после издания.* Это все равно, что Черногубов «хранит» картины галереи, презирая их (хотя бы и вполне справедливо) и не интересуясь ими. В конце концов, Вы издавали «книги милых людей» так, как прощают слабости милым людям. Оставим материальную сторону. Но ведь и внутренне это Вам не давало решительно ничего. Какой же во всем этом смысл? Для кого и для чего? Кому нужен «Дом Орембовских»?² или Альфьери³ или Брюсов⁴? Ни Богу, ни Вам, ни людям.

Вместе с тем мое глубокое убеждение, что хорошее, небольшое, отчетливое книгоиздательство вполне возможно и морально, и материально. И если бы можно было начать сначала... Но, по-видимому, никогда и ничего нельзя начинать дважды с начала. Внутренне для Вас это уже стало пустыней, мертвым морем, тем более нежелательным, что в Вас всегда клокочут жизненные струи, другие, разумеется.

Струи эти бьют в сторону 1) собирательства, 2) русской старины, 3) отчасти журнала. Как бы ни были сокрушительны материально антикварные, иконные и «Софийские» аспекты, они хоть, по крайней мере, Вас радовали. А это, ей Богу, главное. Было Вам хоть «весело». А газета, типография, склады и книги — все это несколько не весело. Вот почему я отлично понимаю и Ваши слова насчет журнала и думаю, что, может быть, нечто подобное будет когда-нибудь возможно. Но что *займет* Вас ближайшим-то образом? Не представляю Вас без хлопот и без дела, ведь и в них есть своя хорошая сторона. Не втравитесь только в какие-нибудь лишние неприятности.

О себе написать мало что есть. Относительно Сабашникова⁵ и 2-го издания новелл я сделаю при первой возможности: я писал ему давно уже письмо (не об этом, конечно), но ответа не получил. Ведь он с бурятским отрядом на фронте, и значит, вне сферы досягаемости. Он, правда, мне такой вещи не предлагал, только мое предположение, но я уверен, что он пойдет на это, и может быть, удастся получить с него значительную сумму, продав «Новеллы» в полную собственность. Попробую поискать его и добиться толка, но вряд ли с ним споешься до конца войны. Он, кажется, стоит на точке зрения временного прекращения дел и расцвета их после. Мой фельетонный запас для «Р[усских] в[едемостей]» уже иссяк и сейчас я пишу (и даже послал им две штуки) совсем уже страшные и неподходящие для них вещи. Это беллетристическо-фантастическое изображение различных «кавалеров и дам», никогда не существовавших, под общим титлом «Герои и Героини». Сейчас написал уже три (Матео Руска — генерал из пастухов времен Наполеона, Лонский — польский авантюрист 1863 и 1870 годов и Кемрон — англичанка и артистка варьете, действующего в наши дни в Китае). Предвижу штук двенадцать таких героев и героинь и в недалеком будущем издам целую небольшую книжечку того же наименования⁶. Видите, как все это срочно и неожиданно. «Леди Кемрон» я даже хотел посвятить Вам.

Вряд ли только «Русские ведомости» станут это печатать, разве по «протекции А.А.Мануйлова»⁷.

Что же Анисимов-то мямлит, экий рохля!

Патера жду, Бронте занимался мало, видя как медленно движется Патер. Половина из всего уже готова в окончательном виде.

Как же Вы полагаете насчет истории древнерусской живописи? Я как-то писал Вам, изложил целый проект. Но это для далекого будущего.

Трудно стало изворачиваться с деньгами. Если еще год пройдет так, чистый зарез. Пишите мне чаще, помните, как мне важно все, что Вас касается. Не погостите ли в этих местах на Пасху? Крепко Вас обнимаю.

Ваш П. Муратов

¹ Некрасов в начале 1916 продал газету и типографию; окончательно прекращать издательское дело он не был намерен. По этому поводу он писал Брюсову: «До окончания войны придется печатать книги в Москве, а затем, когда цены станут нормальными, надеюсь открыть типографию в Москве и перенести туда все дело. Возможно, что издательство

несколько сократится. /.../ Совсем прекращать издательство или даже особенно сокращать его я не предполагаю. Правда, я начинаю сейчас довольно крупное по моим средствам заводское дело, но дело это будет отнимать у меня всего 3-4 осенних месяца в год, остальное же время я буду свободнее, чем теперь» (РГБ. Ф.386. Карт.96. Ед.хр.11. Л.19-20).

² Роман И.Новикова «Дом Орембовских» был издан Некрасовым по совету П.Муратова. Когда Б.Зайцев узнал, что вопрос решился в пользу Новикова, написал ему: «Очень порадовало, что роман выйдет у Некрасова. Поистине Пате пришла счастливая мысль» (РГАЛИ. Ф.343. Оп.2. Ед.хр. 38. Л.52).

³ Муратов имеет в виду книгу: Жизнь Витторио Альфиери, рассказанная им самим / Перевод В.Г.Малахиевой-Мирович / Под ред. Б.К.Зайцева / Вступительная статья А.А.Андреевой. М., 1914.

⁴ Подразумевается книга стихов В.Брюсова «Семь цветов радуги» (М., изд-во К.Ф.Некрасова, 1916).

⁵ М.В.Сабашников. Речь идет о втором издании «Новелл итальянского Возрождения» Муратова. Некрасов предполагал приобрести эту книгу в собственность, но отказался от этого в связи с закрытием издательства и предложил составителю обратиться к Сабашникову, который также был одним из издателей произведений и переводов Муратова.

⁶ Этюды вошли в книгу П.Муратова «Герои и героини» (М.,1918). Книга и отдельные рассказы из нее переиздавались в 1922, 1923 («Геликон»), в 1923, 1924 (Париж, «Современные записки»), в 1929 (Париж, «Возрождение»).

⁷ Александр Аполлонович Мануйлов (1861-1929), экономист.

73

[Севастополь] 3 апр[еля] 1916]

Дорогой Константин Федорович, если не поздно, нельзя ли изменить один пассаж в моей статье о Федоре Стратилате, согласно приложенному. Анисимов настаивает, и, пожалуй, он прав.

Как живется, как Ваша Молога¹? Поздравляю Вас, дорогой друг, с праздником. Будьте светлы и счастливы.

Получил как-то милое письмо от Паши Сухотина. Илья Семенович жалуется, что Вы к нему не заходите². Он пишет, что Кондаков³ где-то изрек (печатно) про Ферапонтовские фрески — «ничтожное и ремесленное произведение». Каково!

Что же Вы не откликнулись на мой финансовый подсчет⁴. Напишите хоть одно слово — правильно это или неправильно.

О Сабашникове никаких известий.

Бориса Александровича Грифцова призвали⁵. Зайцев ждет своей очереди в конце лета.

Пишите же. Обнимаю Вас.

П.Муратов

Катя кланяется.

¹ Речь идет о заводе в г.Мологе Ярославской губернии, в который Некрасов в 1916 вложил свои средства.

² В начале 1916 Некрасов переехал жить в Москву.

³ *Никодим Павлович Кондаков* (1844-1925) — историк искусства, византист, академик.

⁴ В предыдущем письме от 28 февраля Муратов сделал подсчет, по которому оказался должным Некрасову 2700 рублей и просил Некрасова уточнить, не «пропустил ли» каких моментов.

⁵ Б.А.Грифцов перед отправкой на фронт сам написал Некрасову письмо от 31 марта 1916 (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.86. Л.4).

74

[Севастополь] 21 апр[еля] 1916]

Дорогой Константин Федорович,

Христос Воскресе! Лобызая Вас и обнимаю.

Поздновато это, правда, но тут я захандрил и не написал за это время никому ни строчки.

Захандрил же я, во-первых, от общих причин — надежды, которые питал я всю зиму, вдруг отчетливо показались мне несколько преувеличенными. Время обязывает, увы, только на «скромность», черт бы ее побрал. Во-вторых, у меня вышла «частная» неудача: сговорился я было окончательно с неким Сахаровым относительно перевода книги об итальянской живописи Бернсона¹. И вдруг Сахаров пропал без вести — более месяца от него нет ответа. По-видимому, уехал на фронт — он прапорщик. И все провалилось, т.е. провалилась приятная и очень подходящая по обстоятельствам работа и провалилось также финансовое разрешение предстоящего лета. Совершенно неожиданно создались для меня жестокие затруднения. Но, довольно об этом...

Относительно Данте, дорогой Константин Федорович, — что же, я не отказываюсь от него, если только сильно отло-

жить его и издать, в этом я вполне с Вами согласен, все части вместе. Так что это дело далекого будущего².

Сабашникова теперь с собаками не сыщешь, и я ничего не писал ему о втором издании «Новелл». Оставим пока этот вопрос открытым. Бронте будет отличная книга; боюсь, как бы кто не издал ее — не будем откладывать на 1917 год.

Рады ли Вы Трапезунду? Честное слово, мы когда-нибудь поедem с Вами из Трапезунда в Александриетину и Сирию!

Крепко жму Вашу руку. Катя кланяется.

Ваш П. Муратов

¹ *Бернард Бернсон* (1865-1959) — американский искусствовед. Это издание было подготовлено Муратовым и издано С.И.Сахаровым в начале 1920-х: Бернсон Б. Флорентийские живописцы Возрождения / Перевод и предисловие П.П.Муратова. М., 1923.

² 7 января 1916 Зайцев писал Некрасову: «Над "Адом" я работаю, прохожу его снова. Пять первых песен мог бы Вам даже прочесть, они подготовлены. Но все меньше надежды у меня на П[авла] П[авловича]. Как Вы смотрите? Из последнего письма его я вынес впечатление, что он, в сущности, отказывается. Что Вы говорили с ним в Крыму об этом?» (ГАЯО. Ф.952. Оп.1. Д.112. Л.1-2). В письме от 29 марта Зайцев вновь пишет о том же: «За Данте деньги (450 р.) я верну Вам из гонорара, когда книга выйдет. П[авла] П[авловича] я ждать не буду — это безнадежно. Да он и собирается взять новую огромную работу. Данте думаю издать или сам, или в "Книгоиздательстве писателей". Впрочем... осенью мне, вероятно, идти на войну. Надеюсь успеть (т.е. — сдать рукопись)» (Там же. Л.4).

75

[Севастополь, 27 июня 1916]

Дорогой Константин Федорович, наконец-то пришло от Вас письмо. Завтра я еду в отпуск. Решил, так как в Москве сейчас нет никого, проехать прямо в Подгорье. В Москве буду на возвратном пути, 19, 20 и 21 июля — непременно. Очень прошу, приезжайте. Напишите мне в Подгорье, где мне Вас тогда сыскать. Адрес мой в отпуску: Петроградская губерния, почтовое отделение Ново-Заполье, имение Подгорье.

За счет спасибо. Что-то он подозрительно мал. Но будь по-Вашему. Прибавим только 1000 рублей истраченных на парижскую поездку. Это моя настоятельная просьба. Иначе я всю жизнь буду чувствовать себя неловко. В конце концов, при помощи книг сквитаемся.

В пятницу (24) в «Русских ведомостях» напечатан мой этюд из серии «Герои и Героини», посвященный Вам¹. Напишите, как покажется.

Итак, очень прошу, повидаемся в Москве на Ильин день. Поклон С[офье] Л[еоновне].

Обнимаю Вас.

П. Муратов

Дата письма установлена по почтовому штемпелю.

¹ Этюд «Мод Кемрон» (Русские ведомости. 1916, 24 июня; посвящение: «К.Ф.Н.»).

76

[Петроградская губ., имение Заполье] 14 июля [1916]

Дорогой Константин Федорович, планы мои изменились: не придется побывать в Москве. Трудно теперь с билетами, негде остановиться, да и никого в Москве нет. Павел Сергеевич застрял прочно в своих тульских палестинах¹. Так что 21[-го] придется увидеть Москву из окна вагона². Грустно это. Что же это, как оторвался я от Москвы волей судеб! В деревне блестяще. Ведь два года не был я у «донса».

Когда же увидимся с Вами. Катя уверяет, что по ее «предчувствию», Вы приедете в Крым осенью. Если поедете, я достану Вам пропуск в Севастополь.

Как Ваши дела? Дай Бог удачи.

Зайцева призывают³ и, кажется, Ал.Блока⁴.

Обнимаю Вас.

П. Муратов

¹ П.С.Сухотин во время войны почти безвыездно жил в Тульской губернии в имении Мишенское.

² Муратов возвращался из отпуска, который проводил в Петроградской губернии, на службу в Севастополь.

³ Б.К.Зайцев был призван осенью 1916 и, чтобы не идти на фронт рядовым, поступил в Александровское военное училище в Москве, где прошел ускоренный курс и в марте 1917 был выпущен прапорщиком. На фронт из-за болезни не попал.

⁴ А.Блок был призван в действующую армию в июле 1916.

[Севастополь] 25 сент[ября 1917]

Дорогой Константин Федорович,

в понедельник, 10-го числа, воспользовались совершенно исключительным случаем проехать по Крыму в автомобиле (Севастополь — Ялта — Алушта — Судак — Карасубазар — Симферополь — Севастополь), проезжал я через Кучум Узел... Мне это место (Куру и Кучум Узел) понравилось, кажется, более всего, что я здесь видел... Но мог ли я думать, что Вы там! Какая досада! Теперь мне туда не попасть уже никак. Повидаться можем только так: напишите или телеграфируйте, когда будете в Бахчисарае. Я туда приеду и объеду все гостиницы.

Не уверен, что письмо Вас застанет. Хотя верю, задержитесь из-за железнодорожной забастовки.

Что сказать Вам, дорогой Константин Федорович, о жизни и самочувствии. Жизнь тяжела, сами представляете, насколько мне трудно писать, «изворачиваться», когда нет денег и не может быть заработка. Самочувствие же мало отличается от Вашего. Кругом кошмар и чепуха, и совершенно не понимаю, как из этого можно выйти.

Лично у меня осталась одна мечта (для себя) — когда кончится война, ехать надолго в Париж и писать историю скульптуры для «Шиповника», когда-то мною отвергнутую¹. О России нынешней и газетах думаю холодно. Слава Богу, что хоть успела спастись Европа-то. Создание на протяжении 50 лет новых великих империй (как Римская) с Германским ядром считаю делом возможным. Первыми, кого поглотят они, будем, конечно, мы.

Обнимаю Вас.

П. Муратов

Так увидимся же! Новый адрес: Севастополь, Соборная, д.9, кв.4.

¹ Написать историю скульптуры для петербургского *издательства «Шиповник»* (1906-1918) Муратову предлагал З.И.Гржебин, один из основателей и владельцев этого издательства. Книга о готической скульптуре была написана Муратовым в 1931. См. прим.14 к вступ. статье.

БОРИС ПАСТЕРНАК И ЕГО СЕМЕЙНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Официальные документы

Публикация Е.Г.Болдиной и О.В.Кузовлевой

Предлагаемые документы из фондов Центрального государственного исторического архива г.Москвы (ЦГИА г.Москвы) позволяют перелистать отдельные страницы раннего периода биографии Бориса Пастернака, совершить путешествие по его московским адресам, познакомиться с семейным окружением поэта.

Основное место в публикации занимают документы из личных дел студентов Московского университета — Л.О.Пастернака, его сыновей Бориса и Александра. В историю старейшего учебного заведения страны органично вплелись жизненные пути двух поколений одной семьи. Архивные материалы обращают внимание на одну любопытную деталь: и Леонид Осипович, и Борис Леонидович непродолжительное время обучались на юридическом факультете, сделав, однако, окончательный выбор в пользу творческих профессий — художника и поэта.

Мировоззрение Бориса Пастернака формировалось в художественной среде: его мать была талантливой пианисткой, отец преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества. Выполненные Л.О.Пастернаком оригиналы всех 33 иллюстраций к роману Л.Н.Толстого «Воскресение» выставлялись в русском павильоне Всемирной выставки 1900 года в Париже и были отмечены медалью. В их доме бывали лучшие художники эпохи: Серов, Врубель, Коровин, Трубецкой, Ге, композитор Скрябин. Именно по совету Александра Николаевича Скрябина Борис Пастернак перешел с юридического факультета Московского университета на философское отделение историко-филологического¹.

Документы публикуются впервые. Некоторые из них ранее не были введены в научный оборот. Это материалы из студенческого дела Л.О.Пастернака, метрики Бориса Пастернака и его сестры Лидии.

Публикуемые документы хранятся в фондах Московского университета и Московской синагоги.

¹ См.: Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С.111.

І. ДОКУМЕНТЫ Л.О.ПАСТЕРНАКА

Его превосходительству, г[осподи]ну ректору
Императорского Московского университета¹
Окончившего курс в Одесской 2-й
гимназии Ицхока Исаака² Пастернака

Прошение

Желая поступить в число студентов медицинского факультета Императорского Московского университета, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о зачислении меня в таковые. При сем прилагаю: аттестат зрелости за №338, метрическое свидетельство, свидетельство о приписке к призывному участку за №12070 и увольнительное от мещанского общества свидетельство за №11801³.

Ицхок Пастернак

Одесса, июля 18 дня
1880 года

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.294. Д.575. Л.1. Автограф. На документе пометы: «25 июля», «№1658».

¹ Ректором Московского университета в указанный период являлся Н.С.Тихонравов (см.: Летопись Московского университета: 1755-1979. М., 1979. С.104).

² Так в документе.

³ Увольнение из общества мещан требовалось при переходе в другое сословие или из одного общества в другое. Перечисляющийся не должен был состоять под судом и следствием, иметь частные долги. В личном деле имеется копия удостоверения Одесской мещанской управы №11801 от 7 июля 1880 следующего содержания: «На поступление его в высшее учебное заведение со стороны управы препятствий не имеется, а также по книгам управы о подсудности одесских мещан в записи не значится, в чем Одесская мещанская управа, подписью и печатью удостоверья, выдает таковое ему, Постернаку, вследствие поданного им прошения и согласно постановлению управы от сего числа для представления куда следует при ходатайстве о поступлении его в высшее учебное заведение» (ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.294. Д.575. Л.5-5об.).

Свидетельство

От Императорского Московского университета дано сие свидетельство бывшему студенту 1 курса юридического факультета мещанину Ицхоку Иосифову Постернаку¹ иудейской веры, родив-

шесюму 20 марта 1862 года, в том, что он по аттестату зрелости Одесской 2 гимназии принят был в число студентов сего университета в августе месяце 1880 года на 1 курс медицинского факультета, где слушал лекции в 1880/81 академическом году, переводных испытаний на следующий курс не держал и по прошению перемещен на 1 курс юридического факультета, где слушал лекции в 1881/82 академическом году, переводным испытаниям на следующий курс не подвергался и на основании VIII п[ункта] высочайше утвержденных 8 июня 1869 года правил из ведомства Московского университета уволен. Во время пребывания в университете поведения он был хорошего, ни в чем предосудительном замечен не был. Так как он, Постернак, полного курса не окончил, то права, высочайше дарованные студентам, окончившим курс университетского учения, на него не распространяются.

Москва сентября 2 дня 1882 года

Ректор университета Н.С. Тихонравов
За секретаря по студенческим делам Облеухов

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.294. Д.575. Л.32. Подлинник².

¹ Так в документе.

² Документ имеет резолюцию: «К делу»; пометы: «№2297», «У сего свидетельства императорского Московского университета печать».

Его превосходительству, г[осподи]ну ректору
Императорского Московского университета
студента II курса юридического
факультета Ицхока Постернака¹

Прошение

Не имея средств продолжать своего образования в Московском университете, я подал в Императорский Новороссийский университет мой отпуск с прошением о переводе моих бумаг из Московского в Новороссийский университет². Бумаги были получены лишь чрез месяц. Но полученные бумаги оказались неточными. В них сказано, что я лишь слушал лекции в 1881/82 учеб[ном] году и испытаниям не подвергался, а посему и зачислен в студенты первого курса.

Между тем я наравне с другими студентами I-го курса подвергался испытаниям в течение мая м[е]с[я]ца текущего года и по всем предметам выдержал, имея в итоге переходной балл 4.

На основании этого я, уезжая из Москвы 2 июня, и получил отпускной билет, в котором ясно обозначено арабской цифрой 2-го курса.

Находя посланное в Императорский Новороссийский университет обо мне заявление неточным, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о немедленной пересылке в Новороссийский университет разъяснения этой неточности.

студент Императорского
Новороссийского университета
II^{го} курса юрид[ического]
факульт[ета]

И.Постернак

Одесса,
19 сентября 1882 года

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.294. Д.575. Л.30. Автограф. На документе пометы: «21 сентября», «80/575», «№3892».

¹ Так в документе.

² Л.О.Пастернак вспоминает: «Поступив по желанию родителей на медицинский факультет Московского университета, я за год учения успел убедиться, что врачом стать не могу» (Пастернак Л.О. Записи разных лет. М., 1975. С.152).

Основным предметом его увлечения была живопись, еще гимназистом он посещал Одесскую школу рисования. Юридический факультет предоставлял, по его словам, больше возможностей для художественных занятий. В связи с этим Леонид Осипович подал прошение о переводе. Продолжить же обучение на аналогичном факультете Новороссийского университета в Одессе Пастернак решил потому, что существовавшие там правила позволяли студентам выезжать за границу для получения образования. Следующим этапом было поступление в Королевскую Мюнхенскую академию художеств (см.: Пастернак Л.О. Указ. соч. С.22, 25, 26, 30; ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.294. Д.575. Л.18).

II. ДОКУМЕНТЫ Б.Л.ПАСТЕРНАКА

Метрика Бориса Пастернака

[13 февраля]¹ 1890 г.

№ муж жен [ск [ск ой] ий]	Кто совершал обряд обрезания	Месяц и число Хрис[ти-анский] Евр[ейс-кий]	Где родился	Состояние отца, имена отца и матери	Кто родился и какое ему или ей дано имя
47		родился январ[я] 30 ² в 12 ч[асов] ночи обрезан по слабо-сти февр[аля] 13	Арбатск[ая] ч[асть] 2 уч[асток] по Оружей-ному пер[е-улку] д[ом] Веденева ³	Отец запасный младший фей-ерверкер из во-льноопределя-ющихся ⁴ , дей-ствительный студент Исаак Иосиев Посте-рнат ⁵ , мать Райца (она же Роза) Срулева Кауфман (по отцу)	Сын, имя дано ему Борис

ЦГИА г.Москвы. Ф.2372. Оп.1. Д.19. Л.16. Подлинник.

¹ Датируется по дню записи в метрической книге Московской синагоги.

² В автобиографическом очерке «Люди и положения» Пастернак называет датой рождения 29 января 1890 (Пастернак Б. Воздушные пути: Проза разных лет. М., 1982. С.413). Е.Б.Пастернак конкретизирует этот факт, уточняя время рождения: 29 января 12 часов ночи (Пастернак Е. Указ. соч. С.14).

³ Дом Веденева, расположенный между Второй Тверской-Ямской улицей, Оружейным переулком и Третьей Тверской-Ямской улицей, сохранился до настоящего времени (2-я Тверская-Ямская, д.2/3). Пастернаки занимали квартиру №3 из 6 небольших комнат, недостаточно приспособленных для устройства в какой-либо из них художественной мастерской (Пастернак Е. Указ. соч. С.12).

⁴ После окончания Новороссийского университета Л.О.Пастернак в течение года находился на военной службе. Обратимся к его мемуарной

записи: «Я поступил в артиллерию вольноопределяющимся. В свободное от воинских занятий время я рисовал и зарисовывал все, что попадалось мне на глаза в казарме и на полигоне: лошадей на коновязи или в упряжке, зарядные ящики с прислугой, пушки «на отдыхе», казарменную жизнь, обстановку, товарищей по батарее и т.д. В это же время я познакомился с молодой, но уже завоевавшей имя пианисткой — Розой Кауфман, моей будущей невестой и женой» (Пастернак Л.О. Указ. соч. С.31).

⁵ Так в документе.

Аттестат зрелости

Дан сей сыну академика живописи Борису Исааковичу (ему же Леонидовичу) Пастернаку, иудейского вероисповедания, родившемуся в Москве 30 января 1890 года, в том, что он, вступив в Московскую 5 гимназию¹ в августе 1901 года, при отличном поведении обучался по 6 июня 1908 года и кончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания:

По Закону Божию	—	Награждается золотой медалью
Русскому языку и словесности	5 (отлично)	
Философской пропедевтике	5 (отлично)	
Латинскому языку	5 (отлично)	
Греческому языку	5 (отлично)	
Математике	5 (отлично)	
Математической географии	5 (отлично)	
Физике	5 (отлично)	
Истории	5 (отлично)	
Географии	5 (отлично)	
Немецкому языку	5 (отлично)	
Французскому языку	5 (отлично)	

На основании сего и выдан ему сей аттестат зрелости, представляющий ему все права, обозначенные в §§ 130-132 высочайше утвержденного 30 июня 1871 года Устава гимназий и прогимназий.

Председатель педагогического совета
Московской 5-й гимназии директор П.И.Касицын

Члены педагогического совета:
инспект[ор] Н.Г.Тарасов
О[тец] законоучитель В.Н.Благовещенский
протоиерей К.Я.Орлов
протоиерей И.И.Липпинг
Л.Л.Моккан

С.П.Гвоздев
А.Е.Кан
М.П.Смирнов
Н.Н.Филатов

Москва
6 июня 1908 года
№ 383

Секретарь педагогического совета П.Н.Фортинский

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.322. Д.1328. Л.22. Подлинник.
На документе помета: «Императорский Московский университет».

¹ Московская 5-я мужская гимназия была основана в 1865, размещалась в каменном здании на углу улиц Поварской и Большой Молчановки. Считалась одной из лучших в Москве. Свои впечатления от гимназических вступительных экзаменов Б.Л.Пастернак воссоздал в конце первой части повести «Детство Люверс». См. также: Справочная книга об учебных заведениях Московского учебного округа на 1901-1902 учебный год. Ч.1. М., 1902. С.83; Пастернак Е. Указ. соч. С.40, 42.

Его превосходительству г[осподи]ну ректору
Императорского Московского университета¹
сына академика живописи
Бориса Исааковича (его же
Леонидовича) *Пастернака*

Прошение

Прилагая при сем: 1) аттестат зрелости за №383, выданный Московской 5-й гимназией; 2) свидетельство о рождении за №1450, выданное Московским общественным раввином и засвидетельствованное Московской городской управой за №20512; 3) свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности за №269; 4) свидетельство за №625, выданное Училищем живописи, ваяния и зодчества моему отцу, как документ о звании и 5) 3 фотографические карточки, засвидетельствованные директором Московской 5-й гимназии, имею честь просить Ваше превосходительство о принятии меня в число студентов Императорского Московского университета на первый курс по юридическому факультету.

Сын академика живописи Борис Пастернак

Жительство имею: Москва, Мясницкая ул., д.№21

Училища живописи, ваяния и зодчества².

Москва, 15 июня 1908 г.

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.322. Д.1328. Л.24. Автограф. Документ имеет резолюцию: «1 августа 1908 г. Зачисл[яется] студ[ентом] юридическ[ого] фак[ультета]. Вл.Гулевич»; пометы: «М[осковский] у[чебный] о[круг]. Золот[ая] мед[аль]»; «5, 25 руб., №7628, 16 июня 1908 г.». В левом нижнем углу наклейка: «Юр[идический] 1908 663».

¹ В ноябре 1905 ректором Московского университета избран профессор А.А.Мануйлов (см.: Летопись Московского университета: 1755-1979. М., 1979. С.148).

² Осенью 1894 Л.О.Пастернак с семьей поселился на первом этаже кирпичного надворного флигеля Училища живописи, ваяния и зодчества, а в августе 1902 переехал в квартиру на четвертом этаже левого крыла главного здания (Пастернак Е. Указ. соч. С.29, 58).

Его превосходительству господину декану
историко-филологического факультета¹
студента 1-го курса
юридического фак[ультета]
Бориса Леонидовича
Пастернака

Прошение

Желая перейти с юридического факультета на историко-филологический, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство зачислить меня с осеннего семестра 1909 года в слушатели означенного факультета. Отметку (5) по греческ[ому] яз[ыку] имею в аттест[ате] зрелости.

Борис Леонидович (он же
Исакович) Пастернак

Москва, 2 мая 1909 г.

Мясницкая, д[ом] Училища живописи и ваяния

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.322. Д.1328. Л.23. Автограф. Документ имеет пометы: «4 мая», «№258 1908 г.», «1338», «не возвратил входн[ой] бил[ет] в вес[еннем] пол[угодии] 1909 г.», «запрос 4 мая №403»; резолюцию: «Признано возможным перевести. Декан М.К.Любавский. 3 июня 1909 г.»

¹ В 1909 деканом историко-филологического факультета избран профессор М.К.Любавский, который занимал этот пост до 1911 (см.: Летопись Московского университета. Указ. изд. С.157).

Свидетельство

Предъявитель сего, Пастернак Борис Исаакович (он же Леонидович)¹, иудейского вероисповедания, сын академика живописи, родившийся 30 января 1890 года в г.Москве, по аттестату зрелости Московской V гимназии с золот[ой] медалью принят был в число студентов Императорского Московского университета на юридический факультет в августе 1908 г.; в осеннем полугодии 1909 г. был переведен на историко-филологический факультет, избрав учебный план философских наук, слушал курсы: психологии, логики, введение в философию, греческих авторов, латинских авторов, истории философии древней, средневековой, новой и новейшей, истории педагогических идей, педагогической психологии, введение в языковедение, истории древней, средневековой и новой русской истории, истории западноевропейских литератур, истории русской литературы, участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, подвергался испытаниям:

по богословию

по психологии

по логике

по введению в философию

по греческим авторам

по латинским авторам

по немецкому языку

по французскому языку

весьма удовлетворительно

весьма удовлетворительно

весьма удовлетворительно

весьма удовлетворительно

весьма удовлетворительно

весьма удовлетворительно

и, по сдаче коллоквиумов и выполнении всех условий, требуемых учебными планами, утвержденными 18 января 1907 г., и правилами о зачете полугодий имеет 8 зачетных полугодий.

В удостоверение чего, на основании ст[атьи]² Общего устава императорских российских университетов выдано ему, Пастернаку Борису Исааковичу (он же Леонидович) это свидетельство от историко-филологического факультета Императорского Московского университета за надлежащей подписью и с приложением университетской печати.

Апреля 6 дня 1913 года за № 366

Свидетельство это видом на жительство служить не может.

Декан историко-филологического факультета

А.А.Грушка

Секретарь факультета

С.Н.Соболевский

Секретарь Совета

С.Н.Преображенский

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.322. Д.1328. Л.14. Подлинник. Документ имеет помету: «Что исправлено во 2-й строке текста (он же Леонидович) и на второй странице в 7 строке снизу (он же Леонидович), тому верить. 10 апреля 1913 года. Секр[етарь] Совета С.Н.Преображенский»; штамп: «удостоен диплома».

¹ он же Леонидович — вписано над строкой.

² Номер статьи не указан.

III. ДОКУМЕНТЫ А.Л. И Л.Л.ПАСТЕРНАКОВ

Метрическое свидетельство

Дано сие от Московского раввина в том, что в метрической тетради части первой о родившихся евреях по городу Москве за тысяча восемьсот девяносто третий год значится акт о рождении следующего содержания по установленной форме:

[25 февраля] 1900 г.¹

№ муж жен [ск [ск ой] ий]	Кто совершал обряд обрезания	Месяц и число Хрис[ти-анский] Евр[ейс-кий]	Где родился	Состояние отца, имена отца и матери	Кто родился и какое ему или ей дано имя
22		родился февр[аля] 12 в 6 ч[асов] вечера обрезан по слабо- сти март[а] 2	адара 8 вечера д[ом] Лы- жина ² по Садовой	Сущев[ской] ч[асти] 1 уч[астка] Лы- жина ² по Садовой Отец: личный почетный гра- жданин ³ , действитель- ный студент Исаак (Ицхок) Иосифович Пастернак ⁴ , мать: Роза (Райца) Срулева, урож- денная Коф- ман ⁵	сын, имя дано ему Алек- сандр

В чем подписью с приложением печати удостоверяю
Московский раввин Я.С.Маза

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.325. Д.1261. Л.22. Подлинник. Документ имеет угловой штамп: «МВД Московского раввина Москва февраля 25 дня 1900 г., №214»; помету: «1911 г. №1261»; гербовую марку.

¹ Датируется по дню выдачи свидетельства.

² Дом Лыжина, находившийся между Малой Угольной площадью, Оружейным переулком, Пименовской улицей и Садово-Каретной, был снесен в 1976 в ходе работ по расширению Садового кольца. Пастернаки занимали квартиру №37 из 4-х комнат на 2 этаже. В большой комнате, торцом выходившей на площадь, размещалась мастерская Л.О.Пастернака (Пастернак Е. Указ. соч. С.22-23).

³ В 1891 Л.О.Пастернак был удостоен звания личного почетного гражданина. Почетные граждане — привилегированная группировка в сословии «городских обывателей» в России, образованная в 1832. Разделялась на потомственных и личных. Личное почетное гражданство присваивалось: по рождению — детям духовных лиц, не имевшим образовательного ценза; по ходатайству — лицам, окончившим университет или некоторые другие высшие учебные заведения (Академия художеств, политехнические институты и др.), по службе — чиновникам, которые по «Табели о рангах» не имели права на личное дворянство (14-10 классов). Почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний, получали право участия в городском самоуправлении (Пастернак Е. Указ. соч. С.20; Советская историческая энциклопедия. Т.11. М., 1968. С.487).

⁴ Так в документе.

⁵ То же.

Аттестат зрелости

Дан сей сыну академика живописи Александру Леонидовичу (он же Исаакович)¹ Пастернаку, иудейского вероисповедания, родившемуся в Москве 12 февраля 1893 года в том, что он, вступив в Московскую 5 гимназию в августе 1903 года, при отличном поведении обучался по июня 1911 года и кончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания:

По Закону Божию		
Русскому языку и словесности	5 (пять)	Награждается золотой медалью
Философской пропедевтике	5 (пять)	
Латинскому языку	5 (пять)	
Греческому языку	5 (пять)	
Математике	5 (пять)	
Математической географии	5 (пять)	
Физике	5 (пять)	
Природоведению	5 (пять)	

Истории	5 (пять)
Географии	5 (пять)
Немецкому языку	5 (пять)
Французскому языку	5 (пять)

На основании сего и выдан ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130-132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года Устава гимназий и прогимназий. Что между строк написано (он же Исаакович), то верно — Директор Виктор Соколов².

Председатель Педагогического Совета
Московской 5-й гимназии, директор В.А.Соколов

Члены Педагогического Совета:

Инспект[ор]	Н.Г.Тарасов
О[тец] законоучитель протоиерей	К.Я.Орлов
	И.И.Липпинг
	С.П.Гвоздев
	Л.Л.Моккан
	М.П.Смирнов
	И.Г.Гугунава
	А.Е.Кан
	И.Г.Теодорович
	Н.Н.Филатов

Москва
1 июня 1911 года
№ 336

Секретарь Педагогического Совета П.П.Фортинский

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.325. Д.1261. Л.13. Подлинник. На документе пометы: «Императорский Московский университет», «см. 3-ю стр.».

¹ *Он же Исаакович* вписано над строкой.

² *Что между ... Виктор Соколов* вписано от руки.

Его превосходительству ректору
Императорского Московского университета
сына академика живописи, преподавателя
Училища живописи, ваяния и зодчества
Александра Леонидовича (его же Исааковича)
Пастернака

Прошение

Представляя при сем нижеследующие документы: 1) аттестат, выданный об окончании Московской 5-й гимназии, за №336 от

1 июня 1911 г.; 2) метрическое свидетельство за №214 от 25 февраля 1900 г.; 3) свидетельство, выданное из Училища живописи, ваяния и зодчества за №1693 от 11 мая 1901 г.; 4) свидетельство о приписке по отбыванию воинской повинности за №383 от 11 мая 1911 г. вместе с копиями с перечисленных документов; 5) 3 фотографические карточки, засвидетельствованные директором 5-й гимназии, имею честь просить Ваше превосходительство о принятии меня в число студентов физико-математического факультета по математическому отделению.

Местожителство имею временное (до 20 августа с.г.) Одесса, Большой фонтан, 16-я станция, дача Алексеевой, а с 20 авг[уста] Москва, Мясницкая, 21. Плата в пользу Университета в размере 25 рублей пересылается мною по почте.

Александр Пастернак

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.325. Д.1261. Л.26. Автограф. На документе пометы: «М[осковский] учебный о[круг] зол[отая] мед[аль]», «№8855», «№5»; резолюция: «Зачисляется студентом математ[ического] отд[еления]. Ректор М.К.Любавский. 18 авг[уста] 1911 г.»; штамп: «В Университет поступил. 24 июня 1911 г.» В левом нижнем углу наклейка: «мат[ематическое] — 1911 г. №305».

Его превосходительству, г[осподи]ну ректору
Императорского Московского университета¹
студента математического отд[еления]
физико-мат[ематического] факультета,
ученика 4^{то} курса архитектурного
отд[еления] Училища живописи, ваяния
и зодчества Александра Леонидовича
Пастернака

Прошение

Не имея более возможности продолжать одновременно параллельные занятия на физ[ико]-мат[ематическом] факультете университета и на архитектурном отделении Училища живописи, ваяния и зодчества, следствием чего явилось сильное переутомление и истощение сил, на почве которого я перенес острый припадок аппендицита, я покорнейше прошу Ваше превосходительство уволить меня из числа студентов вверенного Вам университета и выдать мне мои бумаги, находящ[иеся] в университете.

Жительство имею: Волхонка, 14, кв.9²
Москва, 25 июля 1916 г.

Александр Пастернак

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.325. Д.1261. Л.12. Автограф. Документ имеет пометы: «студентом состоит», «1911, 1261», «См. другое прошение».

¹ В феврале 1911 ректором Московского университета был назначен М.К.Любавский, который оставался на этом посту до марта 1917 (Летопись московского университета. Указ. изд. С.161).

² Переезд семьи Пастернаков по новому адресу был вызван тем, что Московское художественное общество в конце апреля 1911 утвердило план, согласно которому крыло училища, где помещалась большая часть их квартиры, подлежало сносу. На освобожденной территории предполагалось построить двенадцатизэтажный доходный корпус, а под оставшейся частью этого крыла пробивать ворота. Было решено предоставить преподавателю Л.О.Пастернаку квартиру с мастерской в доме общества на Волхонке. Первая сохранившаяся почта, полученная по новому адресу (Волхонка, 14, кв.9), датируется 4 сентября 1911 (Пастернак Е. Указ. соч. С.147).

Его превосходительству г[осподи]ну ректору
Императорского Московского университета
студента математического отд[еления]
физико-мат[ематического] факультета,
ученика 4го курса архитектурного отд[е-
ления] Училища живописи, ваяния и
зодчества Александра Леонидовича
Пастернака

Прошение

Имею честь просить Ваше превосходительство об обратном приеме моем в университет и считать мое предыдущее прошение об увольнении¹ недействительным.

Александр Пастернак

Жительство имею: Волхонка, 14

ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.325. Д.1261. Л.11. Автограф. На документе регистрационный штамп: «27 июль 1916».

¹ Об увольнении вписано над строкой.

Метрика Лидии Пастернак

[2 октября]¹ 1902 г.

№ муж [ск ой]	жен [ск ий]	Кто совершал обряд обрезания	Месяц и число Хрис[ти-анский]	Евр[ейс-кий]	Где родился	Состояние отца, имена отца и матери	Кто родился и какое ему или ей дано имя
100			Родилась Марта 8 В 5 ч[асов] дня Обряд наречения имени по болезни ребенка совершен	Адара 12 Октября Тишре 2	Мясниц[кая] ч[асть] 1 уч[асток] дом Мос-ковского ху-дожествен-ного обще-ства по Мясницкой улице	Отец: Исаак (Ицхок) Иосифович (Иосьев) Постернак ² , личный почет-ный гражданин г.Одессы, окончивший Императорский Новороссийский университет со званием действительного студента; Мать: Райца (она же Роза) Срулевна, урожденная Кауфман	Дочь, имя дано ей Лидия-Елизавета

ЦГИА г.Москвы. Ф.2372. Оп.1. Д.33. Л.267. Подлинник.

¹ Датируется по дню записи в метрической книге Московской синагоги.

² Так в документе.

Е.Н.Чириков
НА ПУТЯХ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Отрывки воспоминаний

Вступительная статья,
публикация и примечания А.В.Бобыря

В ряду русских писателей конца XIX — начала XX века заметное место принадлежит Евгению Николаевичу Чирикову (1864-1932). Он был одним из тех литераторов, которые в своих произведениях, рассказывая о себе, отражали сложность общественно-политических проблем рубежа веков, обилие и пестроту жизненных фактов, передавали дух своего времени. Творческое наследие плодовитого писателя, издавшего в дореволюционный период свои сочинения в 8 томах (СПб., «Знание», 1901-1909) и собрание сочинений в 17 томах (М., «Московское книгоиздательство», 1910-1916), хоть и в минимальном объеме, но известно современному читателю благодаря тому «Повестей и рассказов» (М., 1961) и публикациям его произведений в различных сборниках и периодических изданиях. Стало более доступно и то, что он напечатал, находясь в эмиграции. Чириков известен в основном как рассказчик, романист и драматург, в тени осталась его публицистика, почти неизвестны поэтические произведения раннего периода, а также и воспоминания.

Жизненный и творческий путь Е.Н.Чирикова лишь кратко освещен в научной литературе, вступительных статьях к публикациям его произведений. Более обстоятельно рассказано о писателе в диссертационных сочинениях (Б.С.Бугров, Э.П.Хомич, А.В.Бобырь, М.Ю.Любимова), доступ к которым широкому кругу читателей ограничен.

В связи с бурным характером эпохи, сложностью литературного процесса рубежа веков, в котором Чириков принимал активное участие, личность писателя представляет значительный интерес. Жизнь его протекала как в провинциальной глубинке, так и в столицах Российской империи. Более десяти лет он провел в эмиграции — в основном в Праге. Будучи социально активным и общительным человеком, Чириков встречался, дружил и враждовал со многими писателями и политическими деятелями самых разных направлений и партий. Его отношения с современниками были динамичными, он довольно часто пересматривал и переоценивал свои политические и эстетические взгляды. Как честный писатель и искренний человек, Чириков откровенно признавал свои ошибки.

Жизнь Чирикова интересна и сама по себе, но, как верно отметил Л.Долгополов, «частная» творческая биография художника в литера-

турном развитии нации неизбежно приобретает "общий" смысл, то есть становится выражением закономерностей литературного процесса в целом»¹.

Е.Н.Чириков родился 24 июня 1864 в Казани. Его детские годы прошли в уездных городках Поволжья. Уже во время учебы в казанской гимназии он приобщился к идейной борьбе, насколько это было возможно в том возрасте. Став студентом Казанского университета, будущий писатель с головой ушел в политику. Жизненный путь Чирикова — показательный пример обретения гражданской позиции под влиянием таких мощных идеологических течений времени, как народничество и марксизм.

Несмотря на то, что после 1 марта 1881 народническое движение пошло на убыль, что росло влияние нового, марксистского направления, радикальная молодежь была насковозь проникнута народническим духом. Это объяснялось еще и тем, что традиционные народовольческие взгляды народники пытались соединить с социал-демократическими. Революционная практика и идейные искания 70-80-х гг., опыт «хождения в народ», уроки борьбы землевольцев и народовольцев оставили глубокий след в сознании огромной части русской интеллигенции.

В гимназии Чириков лишь познакомился с народническими воззрениями. Годы обучения в Казанском университете дали ему более глубокие представления о жизни, о социально-политической действительности. Он сразу же примкнул к революционно настроенному студенчеству. В частности, Чириков был близко знаком с теми студентами, которые поддерживали связь с Н.Е.Федосеевым, организовавшим в Казани один из первых в России марксистских кружков. Революционный характер позиции будущего писателя подтверждается и участием в декабрьской сходке студентов Казанского университета в 1887, и созданием сатирической оды Александру III, которая, по свидетельству очевидцев, была популярна как среди народников, так и среди марксистов.

Аресты, тюрьмы, надзор полиции, полоса скитаний не привели Чирикова к пессимистическому взгляду на мир. Наоборот, он находился в приподнятом настроении, в ожидании действия, в ощущении счастья, хотя все эти чувства были неопределенны и расплывчаты. Об этом свидетельствует его дневниковая запись, сделанная 14 мая 1892 в тюрьме: «Да, счастье капризно! Захотело и прилетело!.. Для него нет ни глухих каменных стен, ни замков, ни решеток!.. В маленькой каморке, при свете жестяной лампочки, сижу я за решетчатым окном тюрьмы, — и никогда еще не был счастлив, как сейчас!.. И никто не отнимет этого счастья!.. И всех я люблю, люблю даже тюремщиков!.. Всех людей!.. Отчего? Уж, конечно, не оттого, что сижу в тюрьме!..»²

Политической платформой для Чирикова поначалу стало народничество. Первый рассказ «Рыжий» (1886) об умирающем от голода и унижений нищем был написан в народническом духе. Рассказ «Тайна помойной ямы» молодой писатель послал в марте 1889 одному из первых своих

¹ Долгополов Л. Личность писателя, герой литературы и литературный процесс // Вопросы литературы. 1974. №2. С.116.

² ИМЛИ. Ф.400. Оп.1. №1.

литературных консультантов — В.Г.Короленко. В письме к нему Чириков заметил: «Ведь самый факт выхвачен мною из самой заурядной категории общественных явлений. Я хотел только остановить на нем внимание, обобщить его и изобразить в картинах, оставляющих в читателе известное преднамеренное впечатление, причины и процессы одного из общественных грехов»³.

В своих ранних произведениях Чириков протестовал против существующих норм жизни, не соглашаясь с установленным правопорядком. Активность художника была связана с поисками тех идейно-политических сил, которые несли прогрессивный заряд. К началу 90-х гг. на смену народничеству пришел марксизм, захвативший радикальную интеллигенцию и студенчество. Чириков, имевший возможность наблюдать идейные столкновения марксистов и народников, разделял общее увлечение. В его идейной эволюции большую роль сыграло пребывание в Самаре в середине 90-х гг. Он работал в самарских газетах. О позиции Чирикова-журналиста говорит его уход с группой сотрудников из «Самарской газеты» в обновленную марксистами газету «Самарский вестник»: так журналисты отреагировали на решение хозяина «Самарской газеты» опубликовать статью, посвященную Александру III.

Постепенно Чириков приходит к критической оценке народничества 90-х гг., его внимание привлекают идеи легального марксизма. Писатель так вспоминал об этом периоде своей жизни: «В 1894 г. в г. Самаре сгруппировался кружок новых интеллигентских "сектантов" — марксистов около газеты "Самарский вестник" и началась диффузия двух сред: народнической и марксистской; начался мой душевный перелом, последствием которого вышло мое сотрудничество в журнале "Новое слово", где в 1897 г. появилась моя повесть "Инвалиды", повлекшая за собой разрыв с "Русским богатством" и свирепое нападение народнической критики»⁴.

С этого времени у Чирикова обостряется ощущение идеологической атмосферы времени, усиливается интерес к марксизму, хотя нельзя согласиться с Е.Сахаровой в том, что «соприкосновение его с идеями марксизма было весьма и весьма поверхностным»⁵.

Писатель внимательно следил за всеми обстоятельствами борьбы марксистов и народников. В частности, он обратил внимание на диспут, который состоялся 19 декабря 1898 в актовом зале Московского университета в связи с защитой М.И.Туган-Барановским своей докторской диссертации на тему «Русская фабрика в своем прошлом и настоящем». Материалы диспута послужили отправной точкой для создания стихотворения «Суд над марксистом», в котором Чириков изобразил столкновение марксистов и народников. Сидящий на скамье подсудимых марксист обвиняется народниками в отрыве от народа, в анархизме и преступной свя-

³ См.: Короленко В.Г. Избранные письма в 3 тт. Т.3. М., 1936. С.48.

⁴ Чириков Е. Автобиография // Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф.Ф.Фидлер. М., 1911. С.67.

⁵ Сахарова Е. Е.Н.Чириков: Очерк жизни и творчества // Чириков Е.Н. Повести и рассказы. М., 1961. С.7.

зи с капитализмом, получившим в стихотворении иносказательное определение — «купчиха»:

На скамейке обвиняемых восседает наш марксист,
Предан он суду народников, как зловредный анархист...
«Признаешь ли, обвиняемый, — начал громко прокурор...
— Что ты — изверг человечества и союзник темных сил
И что с целью корыстной ты купчиху полюбил?..
Что с купчихой той задумал обездолить наш народ:
Отнять землю, свергнуть общину, увести последний скот.
И затем, — о злодеяние, — весь народ сварить в котлах...»⁶

Более глубокое и зрелое отражение общественной борьбы народников и марксистов нашло место в повести Чирикова «Инвалиды» (1897). Она дает многое для уяснения мировоззренческих позиций писателя, который стремился объективно изобразить представителей различных идеологических лагерей. Чирикову в «Инвалидах», как и В.Вересаеву в рассказе «Поветрие» (1897), удалось отразить остроту спора народников и марксистов, показать психологическую сложность идейных сражений, раскрыть трагизм судеб уходящего поколения борцов.

В повести «Инвалиды» анализируется состояние человека, утратившего ориентиры в жизни. Главный герой, народник Крюков, вернулся из ссылки с теми убеждениями, которые владели интеллигенцией в 70-е гг. Суровая действительность бросает Крюкова из одного провинциального города в другой, но в каждом из них замыслы героя рушатся, как картонные домики. Мотив бездорожья, звучащий в повести, был одним из центральных не только в творчестве Чирикова, но и других писателей-современников (А.П.Чехов, В.В.Вересаев).

В свое время Чириков сам испытал чувство растерянности и беспомощности, которое порой подавляло его оптимистическое мировосприятие. Свидетельством тому является чириковское стихотворение, посвященное освобождению из тюрьмы в июле 1892 и дающее возможность предположить определенную долю автобиографичности образа Крюкова:

Женя, милый, ты свободен...
Пред тобою путь открыт...
Но на что ты, милый, годеи?
У тебя нога болит,
Нервы к черту не годятся,
Ты развинчен, как старик,
Разучился ты смеяться,
И так скрючило твой лик!
Женя, милый, ты свободен,
Но куда ты теперь годеи!..⁷

Ироническое отношение автора к себе все же не скрывает того важного вопроса, который встал перед ним, — что дальше, куда идти?

⁶ Цит. по: Дымшиц А., Абрамкин В. Суд над марксистом: Из истории раннего марксизма в России // Звезда. 1930. №3. С.169-170.

⁷ ИМЛИ. Ф.400. Оп.1. №1.

Чириков создал верный психологический рисунок не только состояния Крюкова в повести «Инвалиды», но и супругов Промотовых в повести «Чужестранцы» (1899). Близки им герои рассказов «Блудный сын» (1899), «Капитуляция» (1901), «На поруках» (1903). Незнание жизни и народных нужд приводило Крюкова к трагикомическим ситуациям. Он скрывается от жизни в собственном мире, в котором нарушено реальное соотношение сил. Главное, что выдает в Крюкове «инвалида», заключается в его неспособности к конкретным практическим делам. Столкновение с реальной действительностью приводит героя в финале произведения к осознанию своей ненужности.

О подобных типах интеллигентов и их психологии писала современная Чирикову критика: «Это обычная психология мученичества, граничащая с самогипнозом, сводящая все содержание жизни к общественной борьбе и требующая от личности полного самоотречения»⁸.

Но Чирикова уже не удовлетворяли герои, зашедшие в тупик и смирившиеся с собственной гибелью. В его творчестве намечается выход из «бездорожья», который был связан с поисками нового героя — носителя марксистского мирозерцания. Таким в повести «Инвалиды» является студент Игнатович. Он скептически относится к напыщенным речам либеральных интеллигентов, резкую критику вызывают у него и народники, которые, по его мнению, лишь «ноют и плачут».

Критика рубеж^а веков справедливо упрекала писателей в том, что марксисты в их художественных произведениях не показаны в практическом деле, а проявляют себя лишь в дискуссиях. Писатели ссылались на цензуру. Но дело не только в цензурных запрещениях, хотя и это немаловажный фактор. Писатели-демократы еще не имели четкого представления о пришедшем на смену народничеству марксизме. И у Чирикова образ марксиста в «Инвалидах» получился схематичным, лишенным индивидуальной обрисовки. Но многое Чирикову и удалось. Так, В.А.Поссе отмечал: «Сцену столкновения старого народника с молодым марксистом он написал живо и без утрировок»⁹.

Народническая критика упрекала Чирикова в незнании интеллигенции и настоящих народников, в глубокой тенденциозности. В его героях видели деревянных марионеток, двигающихся по воле автора. А.Скабичевский назвал повесть «деревянным пасквилом»¹⁰.

В отличие от народнической, либеральная критика дала произведению Чирикова объективную оценку. А.И.Богданович защищал Чирикова от обвинения в художественной недостоверности образов: «Если бы его инвалиды не имели ни одной живой черточки и автор ограничился бы чисто внешним описанием их, то, право, народническая критика не была бы так пристрастна»¹¹.

⁸ Колтоновская Е.А. Новая жизнь. Критические статьи. СПб., 1911. С.40.

⁹ Цит. по рукописи: Поссе В.А. Мой жизненный путь: Дореволюционный период (1864-1917 гг.) // Архив Н.А.Поссе (вдовы мемуариста). СПб.

¹⁰ Скабичевский А. Текущая литература: «Инвалиды» Чирикова // Сын отечества. 1897. №324. 28 ноября.

¹¹ Мир Божий. 1898. №1. С.1. Подпись: А.Б.

Чирикова привлекали те образы, которые хоть в какой-то мере противостояли мрачной русской действительности. Он обратил внимание на сильные женские характеры («Именинница», 1900; «Марька из Ям», 1904; «Иван Мироныч», 1904). Не переоценивая возможностей своих героинь, писатель видел в них обыкновенных людей, которые поднялись над окружающей повседневностью. С большим сочувствием Е. Чириков описывал представителей демократической интеллигенции, особенно студентов («Блудный сын», 1899; «На поруках», 1904), которых постоянно преследовали неудачи, но они все же не шли на компромиссы, не смирялись с действительностью.

Формированию литературной позиции Чирикова способствовала его работа в провинциальных газетах и журнале «Жизнь» (1898-1901), где он выступал в роли фельетониста, очеркиста, хроникера. Популярность среди читателей Чириков завоевал в первую очередь на этом поприще. Критика начала века отметила его успех: «Чириков был талантливый обозревателем, в нем удачно сочетались все необходимые для этого данные: и художественный талант, и знание провинции, и определенность основных взглядов»¹². Но критики не заметили еще одну особенность фельетонов, очерков, хроник Чирикова 1890-1900-х — их публицистическую направленность.

Жизнь поднадзорного заставила Чирикова скитаться по провинциальным городам России (Казань, Самара, Царицын, Астрахань, Алатырь, Минск, Ярославль, Нижний Новгород, Екатеринбург) и сотрудничать в местных газетах — «Волжский вестник» (Казань), «Самарский вестник», «Нижегородский листок» и др. В 1898 ему как известному и признанному публицисту было поручено вести в журнале «Жизнь» отдел «Провинциальные картинки». Публицистические выступления Чирикова восходили, помимо личных наблюдений, к разным источникам — к сведениям, полученным от посетителей редакций газет, к материалам других изданий и, особенно, к письмам читателей. Многочисленные контакты с читателями совокупно с другими факторами содействовали обращению писателя к насущным темам и проблемам своего времени: власть капитала, лики обывателя, самосознание и психология маленького человека, система просвещения и др.

Для Чирикова типичен подход к жизненному факту, сформулированный им в фельетоне «Один в поле воин»: «Читатель, не гнушайся Колодной! Там, как в капле воды, отражаются все лучи света, все тени личного усмотрения, и если все это в миниатюрном виде, то ведь тебе ничего не стоит взять увеличительное стекло и получить вместо маленького темного дела — большой произвол и вместо маленьких коломенских обывателей, похожих на лилипутов, — настоящих взрослых Гаргантюа»¹³. В окружающей жизни Чирикова привлекали факты не только яркие, броские, но и мелкие, повседневные. Работа в газетах и журнале «Жизнь» научила писателя не только ценить факт, но и стремиться к обобщениям,

¹² Щеголев П. Е. Н. Чириков // Вестник и Библиотека самообразования. 1903. №18. С. 789.

¹³ Чириков Е. Н. Собр. соч. в 17 тт. Т. 10. М., 1914. С. 263.

частные случаи приводили его к размышлениям о русской действительности.

Следует подчеркнуть единый, взаимообусловленный характер творчества Чирикова-публициста и Чирикова-прозаика и драматурга. Публицист учился у художника отбирать факты наиболее типичные, избегать поверхностного освещения действительности. Рассказчик учился у публициста постановке злободневных проблем, четкости и ясности их освещения. Эта взаимосвязь особенно ярко проявилась в период первой русской революции. В это время Чириков утверждал: «Когда жизнь концентрируется вокруг революционного движения, литература не может не отражаться так или иначе в форме этого движения»¹⁴.

В 1905-1906 писатель создал произведения, отражающие революционные события в деревне, — очерк «В сахарном королевстве», драму «Мужики» и повесть «Мятежники», в которых показал сдвиги в социальном сознании масс. Внимание Чирикова привлекли события, происходившие в Глуховском уезде Черниговской губернии, которые своим размахом, а впоследствии жестокостью расправы над крестьянами потрясли русского писателя, заставив его приехать на место событий и принять непосредственное участие в судебном процессе. Писатель-демократ не мог не откликнуться на яркий пример народного возмущения. В ночь на 23 февраля 1905 около трех тысяч крестьян Глуховского, Новгород-Северского и соседних уездов Орловской губернии разгромили и сожгли крупный сахаро-рафинадный завод братьев Терещенко. Вызванные войска жестоко расправились с бунтовщиками. С 5 по 14 сентября в Глухове проходил открытый судебный процесс по делу о крестьянских волнениях. Чириков присутствовал на процессе в качестве корреспондента социал-демократического журнала «Правда» (в котором и был напечатан его очерк «В сахарном королевстве»), выступал на суде в защиту группы крестьян.

Впечатления от происшедших событий и процесса оставили глубокий след в душе художника, он начал работать над драмой «Мужики». Она была закончена 11 ноября 1905 и, после одобрения М.Горьким, принята К.П.Пятницким для сборника товарищества «Знание»¹⁵. В 1906 вышла и повесть Чирикова «Мятежники». Интересно, что в тексте повести есть подтверждение тому, что события в обоих произведениях происходят в одно и то же время: лавочник Щегольков рассказывает о газетном сообщении — мужики сахарный завод сожгли.

И в очерке, и в драме, и в повести Чириков поднимал самый важный для крестьян вопрос — о том, кому будет принадлежать земля. Он не идеализировал крестьян, показывая их ограниченность, безграмотность, веру в доброго и справедливого царя. Но в этой забитой массе писатель, в первую очередь, выделял ростки того нового, что возникло под воздействием времени и нарастающих грозных событий.

Чириков не оставил вне поля своего зрения и отдельную личность из крестьянской среды. Индивид у писателя является одним из слагаемых,

¹⁴ Свобода и жизнь. 1906. №12. 12 ноября.

¹⁵ См.: Сборник т-ва «Знание». Кн.8. СПб., 1906.

составляющих народную массу. В драме «Мужики» обращает на себя внимание образ деревенского бунтаря Ивана Ключникова. В его резких репликах сконденсирована ненависть мужиков, в окружении которых герой постоянно находится. Образ этот имеет документальную основу. В очерке «В сахарном королевстве» мы встречаемся с его прототипом — осужденным сельским старостой Андреем Ключниковым. Внимательно вглядываясь в этого человека, Чириков размышлял над судьбами всего русского крестьянства: «Смотришь на этого ушедшего вглубь своих дум человека с умным лицом и кажется, что это не староста Ключников, а весь русский народ, оставшийся на распутье и раздумывающий, куда дальше идти. Что делалось в этой низко склоненной голове, какие думы роились в этой мужицкой голове под бряцанием ружьями близко стоявших солдат? Когда я перевел взгляд с этой трагической фигуры на защитников во фраках, на судей, блистающих своими позлащенными цепями, на дам в шляпах, — мне рисовалась вся бездна, отделяющая нас, культурных людей, от тут же сидящих крестьян, и мне казалось, что никто из нас и никогда не поймет и не проникнет в мысли Ключникова»¹⁶.

Воплощение одного и того же материала в различных жанрах (очерк, повесть, драма) свидетельствовало о стремлении писателя как можно многограннее и всесторонне изобразить революционные события 1905 года в деревне.

После спада революционного движения Чириков вместе с рядом других писателей демократического направления ушел из «Знания». Его произведения стали печататься в альманахе «Шиповник», сборниках «Земля». В его творчестве начало сказываться влияние символизма. Особенно это было заметно по драматическим произведениям «Красные огни» (1907), «Легенда старого замка» (1907), «Лесные тайны» (1911). Однако в период 1910-1917 Чириков возвращается к реалистической манере письма (автобиографический цикл «Жизнь Тарханова», 1911-1914; «Судьба», 1912, и др.). В первую мировую войну писатель работал корреспондентом от газеты «Русское слово» на фронте, в 1916 вышел сборник его рассказов «Эхо войны».

Чириков приветствовал Февральскую революцию, но Октября не принял, осуждая подавление демократии и жестокость большевистского террора. Публичные выступления, газетные публикации Чирикова послереволюционной поры не раз ставили его жизнь под угрозу.

Послереволюционные годы жизни Е.Н.Чирикова в России и его пребывание за границей до сих пор специально еще не освещались. Вышедшую в Ростове-на-Дону брошюру Чирикова «Народ и революция» (1919) Ленин поместил в своей кремлевской библиотеке, надписав на ее обложке: «Особая полка: *белогвардейская литература*»¹⁷. Помня писателя по Казанскому университету, Ленин через брата жены Чирикова М.Григорьева передал записку: «Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете»¹⁸.

¹⁶ Правда. 1905. №9/10. С.380-381.

¹⁷ Библиотека В.И.Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961. С.239.

¹⁸ Из письма внучки Чирикова Н.Г.Федоровой (проживающей ныне в США) к

Создававшаяся обстановка и предупреждение Ленина вынудили Чирикова с женой и ее матерью уехать в Крым, где у них была дача в Батилимане. Дети, двое сыновей — Евгений и Георгий — и трое дочерей — Новелла, Людмила и Валентина — были разбросаны по всей России.

В Крыму Чириковых ожидало тревожное известие о том, что старший сын Евгений, вступивший в Добровольческую армию, ранен в боях под Екатеринодаром. Получив разрешение взять сына на поруки, а в случае его побега — самому остаться заложником, Чириков пробрался к нему, нашел его в живых, но инвалидом — с ампутированной ногой. Другого сына, совсем еще юного Георгия, мобилизовали во врангелевскую армию. В одном из писем Чириков с горькой иронией заметил: «Начальство готовится в эвакуацию, а младенца посылают на фронт»¹⁹. Писатель начал хлопотать за сына, ему удалось вырвать его из обреченных рядов белогвардейцев.

Жена Чирикова настаивала на том, чтобы муж и сын покинули Россию. Но писатель все еще раздумывал. Последний аргумент в пользу эмиграции, вероятно, прозвучал из уст известного публициста и издателя В.Л.Бурцева. Спустя год Чириков вспоминал: «Я сперва решил остаться, но Бурцев, бывший в Севастополе, запугал меня. Прямо потребовал, чтобы я уезжал»²⁰.

13 ноября 1920 Чириков с сыном Георгием выехал из Севастополя, 20 ноября они были в Константинополе. О первых эмигрантских впечатлениях Чириков писал дочерям: «Гога ехал барином, а я — татарин, в каменноугольном трюме, весь пропитался угольной пылью и вообще хлебнул горя... Жизнь здесь [в Константинополе. — А.Б.] невозможна, никакого заработка, русские служат прачками, кухарками, лакеями, — ужас!» В конце письма подпись: «Изгнанный правды ради Евгений!»²¹. Впоследствии писатель неоднократно отмечал, что не добровольно покинул родину, а, собственно, был изгнан из России.

В начале 1921 Чириков из Константинополя перебрался в Софию, но долго жить там не собирался. Пришло известие о том, что Георгий принят на учебу в пражский Политехникум. Нужно было готовиться к новому переезду, но все тревожили мысли о разбросанной семье: «Моя мысль одна — соединиться с вами, собрать осколки семьи, без которой я не умею жить»²².

В октябре 1921 Чириков вместе с сыном и дочерью приехал в Чехословакию и поселился в Праге. Русского писателя духовно и материально поддержали чешские литераторы. От их имени Чирикову помогал Эммануил Лешеград, известный чешский прозаик, поэт, переводчик и критик. Е.Н.Чириков писал ему: «Многоуважаемый господин Lesehrad! Я чрезвычайно растроган вниманием и братским участием ко мне со стороны

автору этой статьи от 7 мая 1991. По другим сведениям, предупреждение Ленина передал Чирикову нарком здравоохранения Н.А.Семашко.

¹⁹ Архив Е.Н.Чирикова, хранящийся у Н.Г.Федоровой (Нью-Йорк).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

чешских писателей. Прошу Вас и в Вашем лице "Союз писателей" принять мою горячую благодарность за это братское отношение к собрату в трудные минуты жизни..."²³ Благодаря помощи чехов вся семья Чириковых собралась в Праге под одной крышей.

Среди русских писателей, эмигрировавших в Чехословакию (А.Аверченко, М.Цветаева, Вас.И.Немирович-Данченко), Чириков был заметной фигурой. В письме от 18 октября 1921 он рассказывал дочери Людмиле, как его встретили в Праге, об атмосфере жизни русских эмигрантов в чешской столице: «Прага — город значительный, красивый и приветливый. Я "персона грата": популярен, знаменит и любим. Почти все мои книги переведены... Много русских профессоров. Только что кончился съезд русских ученых, скоро общестуденческий съезд. Вообще Прага все более делается русским культурным центром»²⁴.

Произведения Чирикова были известны чешскому читателю еще до эмиграции русского писателя, начиная с 1905, когда была переведена и опубликована его пьеса «Евреи». Четырнадцать томов сочинений Чирикова начали издаваться в Чехословакии с 1924 в «Русской библиотеке» Я.Отто. О популярности произведений Чирикова у пражских читателей и об интересе к русской книге вообще можно, например, судить по статистике Русского народного университета за 1923-1927. Народными публичными библиотеками было приобретено 214 402 книги, на русские переводы приходится 7 067; из них: произведений Ф.Достоевского — 2 073; произведений Л.Толстого — 1 533; произведений Е.Чирикова — 846 (больше всего: «Изгнание» — 177, «Юность» — 170, «Возвращение» — 165). Далее идут: И.Гончаров — 529; И.Тургенев — 514; А.Чехов — 456; Н.Гоголь — 422; Д.Мережковский — 394; М.Горький — 300²⁵. Книги Чирикова навевали лирико-романтические воспоминания о России, питали ностальгические чувства эмигрантов. Но в его сочинениях были и такие моменты, которые затрагивали читателей многих стран Европы. Отмечалось, что «ряд романов, повестей и рассказов, пользующихся большим успехом у европейского читателя, писатель выпустил на иностранных, по преимуществу славянских языках»²⁶.

Зачастую сочинения Чирикова в 1920-е выходили в свет сначала на чешском, а потом на русском языках. Произведения его на чешский язык переводили Э.Чех, В.Червинка, Л.Баудышова, В.Подгорский, А.И.Кучера и другие. Многие из написанного Чириковым — художественная проза, воспоминания, критические статьи — публиковались в Чехословакии на русском языке в эмигрантских изданиях, выходивших в Праге («Ковчег: Сборник союза русских писателей в Чехословакии», «Младорусь: Периодический сборник», журнал «Студенческие годы» и др.).

²³ Литературный архив Музея национальной литературы в Праге. Фонд Э.Лешера. №311.

²⁴ Архив Е.Н.Чирикова, хранящийся у Н.Г.Федоровой.

²⁵ См.: Русские в Праге. Прага, 1928. С.331.

²⁶ Русская зарубежная книга: Библиографические обзоры. Ч.1. Прага, 1924. С.105.

В Чехословакии Чириков написал последнюю часть автобиографической тетралогии «Жизнь Тарханова» — роман «Семья» (1925). В рассказе «Невеста» (1927) писатель вспоминал годы юности, участие в студенческих волнениях, арест. Многие произведения его были посвящены России прошлой, ее прекрасной природе, народным обычаям и поверьям («Красота ненаглядная», 1924; «Между небом и землей», 1927; «Девичьи слезы», 1927). В конце творческого пути он создал семейную хронику «Отчий дом» (1929).

В сборник «Красный паяц: Повести страшных лет» (1928) вошли рассказы, в которых Чириков передал ужас гражданской войны («Красный паяц», «Опустошенная душа», «Да святится имя Твое», «Мстители»). Более глубоко осмысление братоубийственной бойни писатель представил в романе «Зверь из бездны: Поэма страшных лет». Это произведение в 1924 было опубликовано в чешском переводе, а в 1926 вышло на русском языке в пражском издательстве «Пламя». Тексту романа была предпослана фраза: «Посвящаю эту книгу братскому чешскому народу». Позже писатель повторил слова благодарности: «А посвятил я свою книгу чешскому народу в знак глубокой благодарности за то, что братский народ дал мне приют и возможность написать эту книгу»²⁷.

В романе «Зверь из бездны» Чириков прослеживает судьбы братьев Владимира и Бориса Парамоновых, жены Владимира Лады и невесты Бориса Вероники в кровавых перипетиях гражданской войны, которая разрушила общечеловеческие и родственные связи и пробудила низменные порывы. Писатель не оправдывал ни красный, ни белый террор, его ужасало человеческое озверение. Занимая гуманистическую позицию, он вопрошал: «Во имя чего убивать? И кого убивать? Слепых и обманутых? Во имя родины? Но родина прежде всего в твоём народе, стало быть, во имя родины убивать родину?»²⁸

«Зверь из бездны» вызвал особый интерес читателей, многочисленные отзывы критиков и бурную полемику в русской эмигрантской печати. «Около моего романа "Зверь", — сообщал писатель своей дочери Людмиле в Нью-Йорк 24 декабря 1926, — теперь идет борьба, и грызня разбередила больное место. А читают нарасхват. В библиотеках месячная очередь»²⁹.

А «больное место» для Чирикова — это тоска по родине. Из-за нее не принес особой радости юбилей — 40-летие литературной деятельности, отмеченный в январе 1927. Ни о чем другом, как о России, ему не хотелось ни читать, ни писать. В одном из последних писем Чирикова обращает на себя внимание такое признание: «Всё в прошлом. Вот и книжка моя "Вечерний звон" — все раскопки прошлого. Настоящего точно нет. Конечно, много сюжетов дать может эмиграция, но не хочется и не может шевелить и беречь наши язвы и наши страдания. Толку мало, а боли много»³⁰.

²⁷ Возрождение. 1927. №597. 20 января.

²⁸ Чириков Е. Зверь из бездны. Прага, 1926. С.81.

²⁹ Архив Е.Н.Чирикова, хранящийся у Н.Г.Федоровой.

³⁰ Там же.

Несмотря на долгие годы разлуки с родиной, Россия, ее просторы, ее города, Волга, — стояли перед глазами писателя. Не имея возможности вернуться в родные места, Чириков возвращал их к себе. И не только в своем творчестве. Он нашел отраду в том, что по памяти создавал модели волжских пароходов, составлял городские панорамы. Шемящую радость воспоминания о прошлом приносили редкие встречи с соотечественниками (Л. Сейфуллина, братья Кедровы и др.).

Ностальгическим чувством, стремлением осознать историческое прошлое России, необходимостью понять свое место и роль в общественно-политических и литературных процессах, переосмыслить некоторые свои оценки объяснялось обращение Е.Н. Чирикова к мемуарам. Около 1928 он закончил работу над рукописью воспоминаний «На путях жизни и творчества», которая до настоящего времени полностью не публиковалась³¹. Отдельные фрагменты из воспоминаний писателя были напечатаны в зарубежной периодике: «Каронин и Короленко», 1922; «Годы моего студенчества», 1922; «Как я сделался драматургом», 1922; «Смердяков русской революции (роль Горького в революции)», 1921. Как видно по годам появления в печати этих фрагментов, Чириков обратился к мемуарам уже в первую пору жизни в эмиграции. Впоследствии он дополнил и обобщил этот материал. Отдельные мемуарные очерки в свод «На путях жизни и творчества» не вошли (например, «Л. Андреев», 1921; «В.Ф. Комиссаржевская», 1925). Подзаголовок мемуаров Чирикова — «Отрывки из воспоминаний» — указывает на то, что писатель не претендовал на полноту и разносторонность в изображении пережитого времени.

На родине писателя его воспоминания без ссылок на них были использованы Е.М. Сахаровой, автором вступительной статьи к сборнику Чирикова «Повести и рассказы» (М., 1961). Произвольно выбрав отдельные, не связанные между собой главы, публикацию части воспоминаний дал журнал «Наш современник» (1991, №9). Рукопись сопровождается скудными примечаниями редакции, без корректировки отдельных ошибок и неточностей, допущенных автором. В этой публикации, в согласии с редакционными идейными установками, акцент сделан на конфликте Чирикова с писателями-евреями, который в мемуарах отнюдь не находится в центре внимания автора.

Воспоминания Е.Н. Чирикова, впервые воспроизводимые в полном объеме, дают достаточно полное представление о видении писателем своего жизненного и творческого пути до эмиграции, о его оценках общественно-политических и литературных событий, о его отношениях с литераторами и общественными деятелями.

Жизненный путь Чирикова оборвался 18 января 1932. «Чехи устроили Евгению Николаевичу, — вспоминает внучка писателя Н.Г. Федорова, — торжественные похороны. За катафалком, после духовенства и семьи, шли официальные представители русских и чешских организаций. Чеш-

³¹ Выражаем благодарность внукам Е. Чирикова Н.Г. Федоровой и А.Г. Ретивову за предоставленную рукопись.

ское правительство было представлено в лице министра Карла Крамаржа³². Шли друзья и знакомые, ученики и преподаватели всей русской пражской гимназии. Ученики старших классов несли за гробом венки и цветы. Все движение на Вацлавском наместьи, по которому шла похоронная процессия, было приостановлено»³³.

Прах Е.Н.Чирикова погребен на Ольшанском кладбище рядом с русским храмом. В этой же земле покоятся тела А.Т.Аверченко, Вас.И.Немировича-Данченко.

³² Карл Крамарж (1860-1937) — премьер-министр первого чехословацкого правительства (1918-1919), депутат парламента (1918-1931). Он и его жена Надежда Николаевна (урожденная Хлудова) имели тесные связи с русскими эмигрантами.

³³ Из письма к автору этой статьи от 7 мая 1991.

ВСТУПЛЕНИЕ

Хорошо писать воспоминания, когда человек, пройдя долгий путь жизни, со всеми его радостями и печалью, пристанет к тихой пристани, откуда примиренно, со спокойным духом и совестью, может предаться объективному созерцанию всего пройденного пути...

У нас, русских писателей, ошеломленных русской трагедией, жестоко исковеркавшей и поломавшей сверху донизу все исторические устои национально-государственной жизни, а с нею и личную жизнь каждого из тех, кто не преклонил позорно своих колен перед идолом материального и духовного насилия, — у нас нет ни тихого пристанища, ни примирения, ни спокойного созерцания. Мы, очутившись ныне на реках Вавилонских, на чужой земле, в изгнании, с фальшивым паспортом «врагов» своего народа, не хотим и не можем предаваться слезам и вздоханиям. Мы продолжаем бороться мечом слова, в меру своих талантов, с подлинными врагами нашей родины и нашего народа. Пройдя скорбную дорогу страшного национального унижения, мы хотим еще, обернувшись назад, увидеть свои грехи и свои ошибки на путях нашего творчества перед родиной и народом, для которых мы добивались только благ политической свободы и экономического благосостояния, а вместо этого, наравне с большинством интеллигенции, часто в идеалистической простоте и идеологической наивности своей подсобляли толкать по направлению к той кровавой пропасти, в которой очутились теперь наша родина и наш любимый народ...

И теперь, приступая к отрывкам своих воспоминаний, я хочу дать лишь те отрывки, которые так или иначе связаны не только с личной жизнью писателя, но и с духом социального творчества своей эпохи, поскольку писатель обречен отразить его в своей личности и произведении.

Я вышел на литературный путь в конце 80-х годов¹, еще под флагом революционного народничества, получив свое крещение от так называемых «писателей-общественников», лозунгом которых была некрасовская заповедь: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...»²

Необходимо, однако, пояснить, что этот лозунг вовсе не носил какого-либо принуждения. Он носился как бы в воздухе того времени, и его обязательность совершенно не чувствовалась, являясь категорическим императивом духа времени. Мы принимали не как долг раба, а как средневековые рыцари свою «прекрасную даму». Такой дамой был для нас русский народ, наша родина.

И потому мы были в сокровенности своей и патриотичны, и национальны. По моей писательской душе проехали, так сказать, все тяжелые русские телеги интеллигентской революционной идеологии: народничество, народовольчество, толстовство, марксизм и изошедший из всего этого идеологического месива большевизм. На народнический грунт моей души дух времен отлагал свои напластования, пока революция 1905 г. не произвела там подобной землетрясению катастрофы и не освободила меня окончательно из когтей всяких революционных идеологий, оставив нетронутыми лишь унаследованную от народничества любовь к родине и к своему народу... Однако, сделавшись свободным художником слова, я не утратил воспринятого от «писателей-общественников» завета — быть *гражданином*, а потому нередко менял кисть художника на меч публициста, а с момента выступления на идеологическую сцену большевизма и до настоящего времени боролся и борюсь с поработителями русского народа и разрушителями его культурно-национальных ценностей...

Оглядываясь на пройденный путь жизни и творчества, мне хотелось бы в кратких отрывках воспоминаний наметить те узлы, в которых жизнь общества, жизнь писателя и его творчество наглядно переплетаются в своей зависимости друг от друга.

I. ДЕТСТВО И ГИМНАЗИЯ

Что прошло, то будет мило. Детство так далеко, что от него осталась лишь радость туманных воспоминаний. Я говорю о раннем детстве, когда нам новы все ощущения бытия... До десятилетнего возраста я прожил частью в селах, частью в маленьких городках Казанской и Симбирской губернии, на Волге. Перед моими глазами с первых моментов пробужденного сознания развертывалась огромная светлая водяная дорога, с манящими в даль синими контурами гор, с безграничным простором лугового и лесного Заволжья. Отсюда страстная любовь моя к богатырской родной реке, живущая в душе до сих пор. Семья у нас была большая³, и хотя мы числились по роду-племени потомственными дворянами Симбирской губернии, но помещиками уже не были: отец, избравший военную карьеру, сделавшийся, вместе с братьями, по смерти моего деда, наследником поместий, пожелал выделиться и получил свою часть деньгами, которые быстро растаяли. Семья жила исключительно на средства, добываемые отцовской службою. Поэтому нашим первоначальным воспитателем и педагогом были не специалисты этого дела, а матушка-Волга, улица, обще-

ние с детворой всех классов и сословий тех людских муравейников, в которых нам приходилось жить. Условия нашей ребячьей жизни складывались таким образом, что сам собою осуществлялся завет поэта Некрасова:

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай!⁴

Никто и ничто не мешало нам отдаваться этим вольным впечатлениям, и, вероятно, отсюда пробился тот родник, который смыл все последние следы привилегированного рождения и потянул в сторону идей о человеческой равноценности и равноправности, внедрившихся подсознательными еще путями. Мать учила меня грамоте, а Волга и улица всему прочему. Вспоминая свои дошкольные годы, я могу представить себя только либо за уроками по чтению, писанию дома, около матери, либо на Волге, либо на улице с так называемыми «уличными мальчишками». Конечно, с улицы я приносил домой много неприятных неожиданностей в своих манерах и особенно в красочном лексиконе, но зато Волга рождала безудержную фантазию: там мы играли в разбойников, в «Стеньку Разина», и однажды пришел я в такой азарт, изображая Стеньку, что сбросил с прикованной у берега лодки в воду вместо персидской княжны девчонку Таньку, захваченную в плен дочь дьячка. Хорошо, что тут было неглубоко и Танька вылезла и вся мокрая, с ревом, побежала жаловаться... Удивительнее всего то, что, как я отчетливо и теперь помню, в нашем ребячьем представлении Стенька Разин был положительным героем, а купцов, которых он грабил, мы изображали разбойниками! У меня был есаулом босоногий Яшка, и он круто расправлялся с ребятами, одетыми по-господски. Разбитые носы были нередки в программе наших игр в Стеньку Разина...

Помню еще, что я был трогательно-религиозен и плакал самым настоящим образом над учебником «Закона Божьего», впервые знакомясь с трагедией Голгофы. Помню, что, уединившись в укромном уголке дома родительского, я нараспев, как читается в церкви Евангелие, читал Страсти Господни, и слезы прыгали на картинку Распятия, а отец, которому я мешал заниматься, раздраженно кричал из кабинета:

— Евгений! Ты опять задьячил!

Резко врзалась в память разлука с родной семьей и первое большое путешествие в г.Казань с матерью — держать экзамен в гимназию. Помню свой ужас в страшной огромной зале, каких я

не видал еще никогда, помню свое трепетание перед экзаменаторами и неопишемую радость: выдержал!..

И вот я уже гимназист⁵, в новом мундирчике с серебряными пуговицами и кантом на воротнике, в кепке формы французских зуавов⁶, с лавровым венчиком вместо кокарды. Поглом первое страшное горе: разлука с матерью! Меня поместили в чужие люди, как говорилось тогда, «на хлебы» к толстой обруселой немке, сын которой, гимназист старших классов, заика, должен был репетировать со мной уроки. Вскоре, впрочем, к той же немке привезли и мою сестру, также отданную в гимназию. Тяжко было на первых порах бороться с науками. Особенно дожимал латинский язык, который мы изучали с первого класса. Трудно запоминались латинские слова. Тут я сделался изобретателем: я открыл способ запоминания. Вот, например, латинское слово — longus, оно похоже на более знакомое мне татарское слово dongus, что по-русски значит «свинья». Ну вот: longus-dongus. Когда меня спросил учитель, я и преподнес ему dongus'a, вызвав гомерический хохот всего класса. Особенно ярко встают в памяти поездки домой на Святки, Пасху и летние каникулы. То в санях на паре с колокольчиками, то в тарантасе, то на пароходе! О, эти путешествия в родной дом казались таким огромным событием, словно мы с сестрой отправлялись на северный полюс.

Какая гордость проснувшейся личности — приехать в село или маленький городок в гимназической форме и очутиться в обществе ребят в рубашонках и курточках! Теперь не Стенька Разин, а — офицер! Кепка набекрень, большой палец за бортом застегнутого на все пуговицы мундира, брюки навывпуск, как у больших, честь под козырек, по-военному. Раньше мальчишки звали «Енькой», теперь не решаются. Ну, а девочки в «свои соседи» приглашают наперебой. Исключительный редкостный кавалер, похожий на офицера! Лытит это маленькому мужскому самолобию. Надо сказать, что я уродился очень влюбчивым мальчиком. До гимназии был влюблен в свою маму, а вот теперь, в первый же приезд домой на Рождество, влюбился в Леночку Михайлову, дочь инженера водных путей сообщения, которого жители называли просто «водяным». Влюбился в дочь водяного! У водяного свой служебный пароход «Стрела», и мы с Леночкой на каникулах — его бесплатные пассажиры. Любовь тянется целых три года! Водяного перевели на другой участок, и я страдал не менее года в разлуке, пока не влюбился вторично уже в Казани. Надо признаться, что в гимназические годы я не помню себя невлюбленным. Любовь эта всегда носила характер чистейшего обоготворения. Предмет моих вздыханий всегда стоял на пьедестале недо-

сягаемой святости... Впоследствии эти гимназические увлечения дали мне немало материала для художественного творчества, как и вообще школьное бытие. Много лично пережитого в рассказах «Коля и Колька», «Ранние восходы», «Соседка», «Тяга», «Сирень» и др. Не буду скрывать, что эта слабость сопровождала меня и во все дни моей юности, о чем красноречиво свидетельствует моя книга «Цветы воспоминания» и роман «Юность». Кстати, меня часто запрашивали и теперь продолжают интересоваться благо-склонные читатели, не самого ли себя я описываю в Тарханове и были ли в действительности Зоя и Калерия⁷. Признаюсь: много в этих романах лично пережитого, много автобиографических черточек, но столько же, если не больше, и вымысла, художественного перевоплощения и собирания, типичного для современной мне жизни молодежи. Поэтому и Зоя с Калерией — лишь типы моего времени и два основных типа женщин вообще. Обе они как бы вылеплены из моих пережитых увлечений, очень многих, в две основных фигуры. И много в них от вечности.

В старших классах гимназии у моей «любви» появилась опасная соперница. Имя ее — Революция. Любовь и Революция постоянно переплетались и соперничали. Любопытная психологическая деталь: я был нежно, с тоской до слез, влюблен в портрет казненной по процессу Первого марта 1881 г. Софьи Перовской⁸. Период моего пребывания в гимназии, 1875-1883 гг., прошел под литературным и социально-психическим воздействием идей нашего народничества в его различных стадиях: сперва бунтарско-коммунистического, с его хождением в народ, с «Черным переделом»⁹, «Землей и Волей»¹⁰, потом народовольческого, с его «Народной волей»¹¹ и террором. Уже с пятого-шестого класса мы подвергались «народнической эпидемии», которая, казалось, носилась в самом воздухе. Все были «народниками», не исключая тех, которые никогда не жили в деревне и видели нашего мужика только в городе на базарах! По рукам учащейся молодежи ходили в огромном количестве нелегальные брошюрки, прокламации, стихи и отчеты о политических процессах: об убийстве генерала Мезенцова¹², дело Веры Засулич¹³, процесс 1 марта 1881 г.¹⁴ и др. Так как студенты находились в непрестанном общении с гимназистами старших классов, то эта нелегальщина, при общей восприимчивости к революционной эпидемии, падала на благоприятную почву: мы с жадностью пожирали эту возбуждающую ум и чувство литературу, превращаясь как бы в коконы будущих революционных бабочек. В старших классах многие из нас были уже «на побегушках» у революции: собирали деньги, прятали нелегальщину, сторожили

заседания тайных кружков, исполняя роль добротных нижних чинов революционной полиции. Еще не все умели отличать «социологию» от «социализма», а уже называли себя с гордостью социалистами. Будучи в 7 классе гимназии я уже попал в так называемый «Кружок саморазвития»¹⁵, в котором студент-революционер «натаскивал» нас, как охотник натаскивает молодого пса, на революцию. И таких кружков среди молодежи всех учебных заведений, не исключая духовного ведомства, было множество. Все это были кустарные фабрики будущих революционеров. Бывало, влюблен, душа рвется на простор красоты, хочется сказки, фантазии, сладких вымыслов, а тут тебе преподносят «Что такое прогресс?» Михайловского¹⁶ или «Письма» Миртова¹⁷. Ведь в том же заколдованном кругу вращается и та девушка, в которую ты влюблен. Хотя там, в кружке, можно с ней повидаться, обменяться влюбленными взглядами, проводить потом до дому. Ведь заниматься любовью, стихами Фета или Пушкина, а, чего доброго, еще и жениться — это измена революционному долгу! Все это мешает общественному делу и толкает на компромиссы с подлостью. Не скажу, чтобы я был на высоте призвания. Я всегда как-то умел обходить строгость наших уставов и умел совмещать несовместимое. Это соплетение влюбленности в революцию и в девушку, особенно в годы студенчества послужило потом темой многих повестей и рассказов: «Студенты приехали», «Лушка», «Королева», «Русалка» и др.

В седьмом классе гимназии я был редактором и главным сотрудником нелегального рукописного журнала. Там, впрочем, наша революционность была направлена, главным образом, в сторону министерства народного просвещения и нашего гимназического начальства и учителей. Писал я тогда стихи, и два стихотворения из нашего журнала были впоследствии взяты и напечатаны в вышедшем в г.Казани в 1882, помнится, году «Волжском сборнике»¹⁸ за моей полной фамилией. Оба они посвящены Волге. Однако я не считаю это началом моей литературной деятельности: кто не писал в ранней юности стихов? И все-таки еще в гимназии меня потянуло к литературному творчеству. Откуда это пришло? В моем роду был только один писатель, родственник мне по материнской линии: поэт Навроцкий¹⁹, автор стихотворных легенд, связанных с Волгой и с историческими городами на ней. Но лично с ним я никогда не встречался (ему, между прочим, принадлежит популярная среди студенчества моего времени песня «Утес Стеньки Разина»)²⁰. Тут многим обязан я нашему гимназическому надзирателю и классному наставнику Николаю Николаевичу Шестакову. Он прекрасно читал стихи и прозу, заведовал на-

шим внеклассным чтением, библиотекой, знал и любил русскую литературу и умел воспитывать эту любовь в наших душах. Маленький человек с большой и красивой душой! Учителя словесности не умели этого сделать. Помню такой случай. Я недурно писал заданные на тему сочинения, но делал всегда грубые грамматические ошибки. Зная эту свою слабость, я на одном из своих классных сочинений поставил эпиграфом пушкинские строки из «Евгения Онегина»:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...²¹

Но не обозначил своего заимствования. Словесник хворал, и его заменял учитель русского языка из младших классов. Он выправлял тетради и давал оценку нашим произведениям. Вызвав меня, он начал издеваться перед целым классом:

— Тебе, друг, мерещатся уже румяные уста и улыбки! Нужно поменьше бегать за гимназистками и повторить вместо этого грамматику! И лучше тебе не сочинять стихов: нескладно оно выходит...

— Стихи отличные! — возразил я, радостно изумленный, что учитель не признал в них Пушкина.

— И все-таки ты не Пушкин и не Лермонтов.

— Я не Пушкин, но стихи эти написал Пушкин!

Учитель этот в скором времени заменил окончательно прежнего, и мы сделали врагами. Только постоянная влюбленность поддерживала еще огонь на алтаре гонимой в гимназии Музы творчества кнутом грамматики. Влюблюсь и пишу стихи, посвящения, изливая восторги и скорбь втайне от Революции. В начале тетради — выписки из Рикардо²², а в конце:

О, как бы я хотел забыть тебя порой,
Из памяти изгладить!.. Но напрасно:
Передо мной встает твой образ дорогой
И улыбается так холодно, бесстрастно!

Что прошло, то будет мило. Вспоминаю свою гимназию с глубокой радостью, и все в ней, казавшиеся тогда непримиримыми врагами, кажутся теперь и добрыми, и милыми душе. А тогда? Тогда гимназия представлялась какой-то вражеской крепостью, захватившей нас в нескончаемый плен и терзавшей нас латинским и греческим языками и экзаменами. Помню, как шумно и радостно мы отпраздновали весной 1883 г. свое окончание и получение «аттестатов зрелости»! Казалось, что счастливее этого дня не

может быть на свете... Сейчас же долой гимназические мундиры! Облеклись в косоворотки, надели широкополые шляпы, высокие сапоги, обзавелись толстыми палками и пледом на плечо, все некурившие закурили, все непьющие напились и направились бродить по неприличным заведениям и распевать на улице любимую песню казанских студентов:

Там, где тинный Булак
Со Казанкой рекой,
Словно братец с сестрой,
Обнимается,
От зари до зари
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются...

Ночью на нескольких лодках, с фонарями, катались по озеру Кабану, разделяющему татарскую и русскую стороны, пускали фейерверки, делали привал у берега, где располагались неприличные дома, и, гурьбой врываясь туда, танцевали с доступными феями...

Здесь нельзя без благодарности вспомнить о своей слабости — влюбленности: так как я всегда был тайно влюблен и наполнен священным благоговением перед чистой девушкой, то, пребывая в ореоле ее святости, и сам оставался чистым от той грязи, к которой так близко подходил во дни юности. Всякий раз, когда казалось, что я стоял уже на краю пропасти, носимый в душе образ чистой прекрасной девушки предстал в моем воображении, и я с гадливостью отворачивался и отходил в сторону...

Любви все возрасты покорны,
Ее порывы благотворны!²³

II. УНИВЕРСИТЕТ И РЕВОЛЮЦИЯ

Осенью 1883 г. я поступил в Казанский университет на юридический факультет²⁴. Почему я избрал эту отрасль наук? Да потому, что я должен в будущем сделаться защитником политических преступников и безграмотного и беспомощного «социалиста по природе» — русского мужика. Таким он воспринимался по теориям народничества. А помимо того, на юридическом факультете изучаются политическая экономия, социология и другие науки, необходимые для всякого социалиста. А я уже говорил вам, что еще в гимназии я прошел начальную школу революции в виде «Кружка саморазвития» и теперь вылупил из кокона и превра-

тился в революционную бабочку. Лавры защитников по процессам Веры Засулич, стрелявшей в генерала Трепова и оправданной, и по процессу 1 марта 1881 г. уже не давали мне покоя с гимназической скамейки, и вот я — юрист первого курса... Увы! — начал слушать разные права и быстро увял. Доканало римское право, потребовавшее усидчивой зубрежки тысячи текстов. Все это казалось таким далеким от действительной жизни, которая билась ключом и требовала немедленных откликов. В душе сидела потребность немедленно проявлять долг сознательной личности, потребность войти активным работником по переустройству мира и прежде всего своей родины на основах свободы, братства и равенства, а тут забудь весь мир и зубри латинские тексты, казавшиеся никому не нужным мертвым хламом! Не понравились и студенты-юристы: причесанные, прилизанные, уже сейчас похожие на департаментских чиновников. Тут меньше всего лохматых голов, красных рубах под пиджаками, свидетельствующих о прогрессивном направлении, так много крахмала, цветных галстуков и перчаток. Совсем неподходящая для меня компания. «Моих» всего больше на медицинском факультете. Чужим я стал чувствовать себя среди юристов. Полугодовые экзамены сдал и бросил посещение лекций. С головой ушел в общественную работу: попал в библиотекари землячества, вступил в тайный кружок «Сознательной личности», получил представительство в «Союзе землячеств»²⁵. Словом, почувствовал себя значительной персоной в студенческом движении. Через кружок «Сознательной личности» у меня завязались знакомства и сношения с подлинными нелегальными революционными организациями студенчества, в которых работа велась уже под руководством подлинных революционеров... Революционная волна катилась тогда по всем университетам и, как щепочек, подхватывала, откровенно скажу, лучшую в моральном отношении молодежь. Насколько сильно было революционное настроение тогдашней молодежи, вы можете видеть хотя бы из такого положения: в аудиториях, в перерывах лекций открыто продавались нелегальные издания, собирались в шапку пожертвования в пользу политического Красного Креста²⁶, раздавались прокламации, — и все это не встречало никакого отпора и препятствий в среде студенчества, в его массах, и тем более доносов. В прокламациях кричали о зверских гонениях на мысль и на свободное слово, а между тем эти прокламации гуляли себе на полном просторе. Тогда, впрочем, это противоречие не бросалось в глаза и в мысли...

Годового экзамена я не держал и на следующий год перебрался на естественное отделение математических наук, снова на первый курс. Почему на естественное отделение? Чтобы изучить про-

изводство взрывчатых веществ и сделаться вторым Кибальчиком²⁷, повешенным по процессу 1 марта 1881 г.

Теперь, когда прошлое ушло уже в историю, когда можно со свойственной старости, умудряющей всех людей, объективностью анализировать события общественной жизни далекого прошлого и свое собственное место в них, невольно хочется найти ответ на вопрос: почему так неудержимо и победно русская в большинстве своем лучшая молодежь 80-х годов прошлого столетия попадала в круговорот революционной эпидемии, чего не наблюдалось ни в одном из культурных государств того времени?

Основной причиной было, конечно, наследие, оставленное молодой интеллигенции «отцами». А таким наследием были отчаянный радикализм и социальная мечтательность, расцветшая пышным цветом социальных утопий. И вот на эту наследственную почву обрушивается революционная пропаганда, многоликая, вездесущая, не встречающая никакого разумного отпора, борьбы с нею, кроме репрессий постфактум! Ни школа, ни семья, ни церковь палец о палец не ударили, чтобы развить противоядие от заболеваний этой эпидемией. Все стыдливо и пугливо молчало. Ни одного разумного слова по адресу соблазнительной нелегальной литературы, которая подсовывала молодежи американский ключ от всех тайн мироздания и предлагала такие простые и понятные рецепты осчастливить все человечество, а в том числе и свою родину и народ. Вместо этого — на благородного юного мечтателя, жаждущего только блага для человечества и своего народа, власть накладывала несмываемое пятно политического преступника и тем лишь толкала его в объятия революции, пополняя ее кадры все новыми и новыми жертвами юных увлечений. Работали революционеры, но им сильно помогали власти расширять поле своей деятельности... С клеймом политического преступника и арестанта власть накладывала еще и ореол героизма и мученичества в глазах тех, кто стоял еще в стороне, а ведь какому молодому человеку не хочется сделаться героем?..

Ну вот и я захотел сделаться Кибальчиком и потому стал изучать химию, в ней — отдел взрывчатых веществ...

На втором курсе я очутился, так сказать, в приговорительном классе для политических преступников: попался пока в *свидетели* по политическому преступлению своих приятелей по революционным делам. После допроса жандармский полковник предсказал мою судьбу:

— Можно бы, собственно, перевести вас из свидетелей тоже в обвиняемые, но время терпит, торопиться не будем. Это всегда так бывает: сперва — свидетель, а потом... Я надеюсь, что нам

придется встретиться очень скоро, и при этой встрече вы будете играть более определенную роль!..

Конечно, это предсказание меня не испугало, да и в глазах идейного студенчества только подняло мой престиж: все-таки свидетель по политическому делу! Вроде первого чина на государственной службе...

Казанский университет того времени играл исключительную роль и имел своеобразную физиономию²⁸. Его географическое положение на перекрестке Волжско-Камских и европейско-азиатских путей, при отсутствии собственных университетов в юго-восточной, северо-восточной и азиатской России, делало из него своего рода российскую этнографическую кунсткамеру. Казалось, что все народы необъятной Матушки-России выслали сюда своих молодых представителей. Светлые блондины и жгучие брюнеты, окающие и акающие великороссы, певучие малороссы, узкоглазые калмыки, татары, рослые и здоровые сибиряки, казаки с Дона, Урала и Кубани, грузины, армяне, евреи... Настоящий Ноев ковчег! И таков был дух времени, что никакого обострения национальной враждебности или счетов никогда не чувствовалось и не было группировки по национальностям. Студенчество группировалось и организовывалось территориально: по губерниям и областям — по «землячествам»: сибиряки, донцы, волжане, кавказцы, пермяки, вятчане и т. д. Над ними — общестуденческий «Союз землячеств». Я застал еще эти организации на легальном положении, как и курсовые в стенах самого университета, я застал еще в живых университетскую автономию. «Землячества» могли бы сыграть огромную роль в борьбе с революционной эпидемией: являлась возможность людям науки и общественным деятелям входить в непосредственное общение с молодежью, отрезвлять ее веским критическим словом, распространением антиреволюционной литературы и т. п. Ничего подобного не делалось со стороны отцов, хотя они отлично знали, что революционеры всеми силами старались наложить свою руку на эти организации, устраивая внутри их свои собственные кружки и утверждая через них свое влияние на молодежь. Власть боролась с революционной эпидемией не мерами санитарно-просветительного характера, а исключительно — хирургического, причем не стеснялась, для верности, вместо одного больного пальца отрезать всю руку! Так как студенческие организации начали являться местом приложения революционной силы, а в деканы и ректора выбираются профессора с либеральным уклоном, то всего проще уничтожить самые организации и университетскую автономию, из студента сделать «отдельного посетителя», а из профессора — подведомственного попечителю

округа чиновника, и всех, и студентов, и профессоров, взять под надзор особой университетской полиции, пребывающей в непрестанном единении с корпусом политической жандармерии. Такова именно и была операция, произведенная новым университетским уставом 1884 г.²⁹ Этим добились только того, что студенческие организации перешли на нелегальное положение и тем приобщились к тайным, и это лишь еще больше их революционизировало, ибо давало им ореол гонения и тем приобщало к тайным подлинно революционным кружкам и связывало с ними узами общих интересов самосохранения, а потом и взаимопомощи. Множество губернских и областных землячеств, пропитанных революционным духом и тайно руководимых примазавшимися к ним революционерами, сделались сильным аппаратом распространения нелегальной литературы и революционных идей по лицу чуть не всей России, со всеми ее отдаленными окраинами и медвежьими углами. Разъезжаясь на летние каникулы во все стороны, казанские студенты делались как бы «коробейниками революции». Среди казанского студенчества моего времени преобладали три типа: 1) самый распространенный — революционер, если не всегда готовый, то стоявший уже на очереди, 2) забулдыга, гуляка и дебошир, но непременно с оппозиционным ко всем властям настроением, постоянно сражавшийся с полицией, и 3) «маменькины сынки», франты, обретшие всю истину в дарованных новым уставом мундире и шпаге.

Я, как и все, поступившие в университет до нового устава, имел право не носить формы. У нас была своя форма: длинные волосы, широкополая шляпа, высокие сапоги, косоворотка, толстая палка и непременно — плед. У кого его не было, носил свернутое под плед темное одеяло. На первом курсе я носил одеяло. Я был беден и жил на собственные вольные заработки: уроки, переписка лекций, поездки репетитором на летнее время в помещичьи имения. Семья была в нужде: отец утратил способность к службе. Я помогал еще и ей от своих скудных заработков. Жил репетитором трех оболтусов в почтенном семействе за стол и комнату. Сперва и зиму бегал в летнем пальто с одеялом вместо пледа. Потом студент-приятель подарил мне коротенькую шубу из собачьего меха сверху ворсом. Она была теплая, но от нее разило псиатиной, особенно в сырую погоду, и за мной постоянно бежали собаки, обнюхивая сзади. Подозревали, видимо, не собачьей ли я породы... Пришлось отказаться от подарка, тем более, что и по конспиративным мотивам эта собачья шуба была неудобна: слишком бросалась в глаза своей оригинальностью. Однако я всегда был весел и жизнерадостен и ухитрялся не только преуспевать в

естественных науках и в революционных упражнениях, но еще всегда был влюблен и тайно вел текущий роман. Иногда нужда все-таки припирала: ни уроков, ни переписки, ни корректуры. В один из таких моментов напечатал в местной газете такое объявление:

«Милые родители! Репетитора взять не хотите ли?
Репетирую дешево и сердито».

Много шума наделало тогда это объявление. Столичные журналисты перепечатавали его в своих обзорах в сопровождении очень жалобных статей о бедственном положении нашей молодежи, вынужденной в поисках заработка прибегать к столь печальным средствам. Один написал: «Не смех ли это сквозь слезы! Не граница ли отчаяния!» — и далее пролил много гражданских слез, обвиняя меж строк недостатки нашего государственного устройства. Однако ни один из множества родителей на мой крик не отозвался и не решился вручить под мое репетиторство свое дитяtko!

Юность не любит хныкать и смеется в лицо бедности. Помню, один из подобных мне шутников над собственными материальными лишениями, изгнанный за неплатеж платы из комнаты, перетащил при помощи приятелей свою койку, лампу, столик, книги и гитару на городскую площадь, расставился и разложился, как в доме, лег на кушетку, курит и читает. Пришла полиция, и началось представление, собравшее огромную толпу зевак.

— Кто такой? Где ваше местожительство? и пр.

Студент: — Нигде не живу, а пребываю между небом и землей.

Забрали со всей обстановкой в полицию. Там он и проживал на казенной квартире и иждивении, пока приятели не взяли его на коллективную квартиру. Тип забулдыги и буяна был в казанском студенчестве менее распространен, чем тип революционера, но так как этот тип вел себя шумно и пьяно, с постоянными дебошами в пивных и драками с полицией на улице, то за казанским студентом вообще в культурной публике утвердилось превратное суждение: «пьяница и скандалист». Репутация совершенно ошибочная. Хорошая слава лежит, а дурная бежит. А забулдыги действительно проделывали такие фортели, что то и дело взбудораживали и жителей, и полицию. Однажды ночью такая компания, вооружившись лестницей и инструментами, на всей улице переставила торговые и прочие вывески: зубной врач превратился в парикмахера, парикмахерская в зубного врача, молочная — в пивную и т.д. Приезжавшая во множестве в Казанский университет молодежь попадала в сложное положение: либо примкнуть к идей-

ному студенчеству и потому революционному, либо к пьянству-убошению, дебоширящим и развратничающим...

На втором курсе мое положение поправилось: за свои преуспеяния в науках я получил стипендию, предназначенную специально для студентов, избравших своей специальностью химию. Были уроки, издавал лекции. Все это дало мне возможность выпisać покинутую отцом семью к себе в Казань и сделаться сразу отцом многочисленного семейства: мать, младшие два брата и сестра. Жили в тесноте, но не в обиде. Весело зажили: постоянная толчея молодежи, горячие споры о задачах интеллигенции, о критически мыслящей личности, о судьбах человечества, о социализме, потом гитара, хоровое пение, декламирование революционных стихов, чтение новой нелегальной брошюрки, трепетные новости о только что арестованных студентах или курсистке, об обыске в каком-нибудь землячестве. Меньше всего разговоров о науках! Наука — так, между прочим, а главное — гражданский долг и революционные дела. А за ними, в тайниках души, радость от встречи глаз, от голоса, от нечаянных касаний: она, тайно любимая, тут же, среди нас, и никто не подозревает, что мы любим друг друга и пойдем вместе на жертвенный подвиг.

III. МЕНЯ НАПЕЧАТАЛИ

1887 год оказался бурным для русского общества, и прежде всего студенчества, а для меня, помимо того, чреватым значительными событиями в личной жизни, как радостными, так и печальными, впрочем, отнюдь не в смысле субъективных переживаний, в которых и в печалях бывает радость, как бывает печаль в радостях.

Начался этот год для меня крупной и неожиданной радостью, как бы намечавшей всю мою судьбу: 7-го января в казанской газете «Волжский Вестник» появился мой первый рассказ «Рыжий»³⁰. Прошло с тех пор более 40 лет, а я помню это событие так ярко, словно оно произошло 40 дней тому назад. И вот как это случилось.

Стихи, как я признался уже, я пописывал еще на гимназической скамейке, не покидал этого занятия и студентом. Каждая новая влюбленность сопровождалась взрывом вдохновения и изливалась в стихах. Так как самая любовь в революционном лагере считалась зловредной глупостью, то, конечно, я старательно прятал от людей этот тайный порок. Не помню, что толкнуло меня попробовать прозы. Написал рассказ из жизни нищих — детей,

эксплуатируемых профессионалами этого дела, нищенства, довольно распространенного тогда в Казани. Помню, что написал запоем, в один присест. На Рождество прочитал его дома, в семейном кругу, в присутствии лишь одного постороннего: моего друга, описанного потом мною в трилогии под фамилией Касьянова³¹. Рассказ произвел сильное впечатление: долго молчали и пофыркивали носом, прятали выступившие слезы. Мать вздохнула и ушла, братья смеялись над слезами друг друга. Приятель походил по комнате и произнес:

— Написано здорово: слезу, брат, прошибает! Пошли в редакцию, — напечатают.

Вероятно, неясно для самого себя, этот проект уже зрел в моей душе, — предложение приятеля меня сразу взбудоражило:

— Ты думаешь, — напечатают?

— Давай спорить, что напечатают!

Я, тайно надеясь на это, протягиваю руку, изображая совершенно уверенного, что приятель проиграет:

— На что?

— Если напечатают, ты выставляешь дюжину пива! Не напечатают, выставляю я.

Мать против всяких споров: 12 бутылок пива стоят 1 рубль 20 копеек!

— Не бойся: я выиграю... Кто согласится печатать эту ерунду? — успокаиваю мать.

Но ей жаль Касьянова: не может купить себе перчаток, а тут — 1 р. 20 к. на пиво! Еще на одну бутылку можно, а легко сказать — дюжина! Запугала Касьянова.

— Ну, давай на бутылку! Не в этом дело.

Если бы не состоялось спора, едва ли бы моя рукопись попала в редакцию: я сам не решился бы туда идти или посылать. Как две стороны, одинаково заинтересованные в этом деле, мы решили пойти вместе и втиснуть рукопись в специальный редакционный ящик в сенях, на дверях в редакцию газеты. Несколько дней с трепетом ходил в студенческую читальню и просматривал газету: нет! Вот и Рождество кончилось. Еще потрепетал несколько дней и стал требовать с Касьянова бутылку пива. Тот уклонялся и откладывал. И вот, когда я уже бросил просматривать газету ежедневно и похоронил свои тайные тщеславные надежды, — судьба неожиданно улыбнулась, наполнив мою душу безграничным ликованием! Ярким морозным утром 7 января торопливо бегу в университет, а навстречу — знакомая курсистка:

— Скажите: не ваш ли это рассказ напечатан в «Волжском вестнике»?

— Рассказ? Когда? Где?

— В сегодняшнем номере...

Тут я содрогнулся от облившей душу радости, но постарался ее не обнаружить:

— А как называется рассказ?

— Рыжий!..

— А! Да... это мой рассказ, — подтвердил таким тоном, словно для меня это дело совсем не представляет чего-либо особенного.

— Жму вам руку! Прослезилась...

— Что слезы женские? Вода!

Разошлись. Я приостановился от душившей меня радости. Я понесся в студенческую читальню. Газета занята. Множество кандидатов. Не дожدهшься. Посмотрел через плечо читающего ее студента и собственными глазами прочитал заглавие: *Рыжий*. Трудно описать то, что творилось в моей душе в этот момент. Я сделал сугубо индифферентную и даже недовольную физиономию и вышел из читальни. Ноги понесли куда-то! Они знают, где можно купить номер газеты: газета продается в книжном магазине.

Купил номер газеты, зашел в плохенькую пивнушку, взял бутылку пива и уединился. Я никого не хотел сейчас видеть и ни с кем не хотел делиться своей радостью. Как жених с невестой, я с номером газеты, где напечатан мой рассказ. Раз пять подряд я прочитал свое произведение, и оно казалось мне самым лучшим из того, что кто-либо и когда-либо написал! Прочитывал подпись автора, и собственная фамилия и по внешней форме, и по звучанию казалась другой, новой. Евгений Чириков, а все-таки не тот, который сейчас сидит с бутылкой пива и с газетой в руке. Тот — писатель!..

Прихожу домой, а там уже сидит Касьянов и читает мое произведение окружившим его членам моего семейства:

— Что, брат? Я говорил! Напечатали! Я, брат, кое-что понимаю в литературе...

В семье тоже общая радость. Прямо праздник! Я горд, но скромн.

— Да рассказ ничего себе... Печатают и похуже...

— Мама! Посылайте за полдюжиной пива! Проиграл, ничего не поделаешь...

— Да ведь спорили на одну бутылку?

— А вы не скупитесь: Евгений гонорар получит! Надо sprыснуть нового писателя. Сейчас еще двое придут: бутылкой не отделаетесь...

— Гонорар? Получит? А сколько заплатят? — радостно вопрошает мать.

Меня это сердит и оскорбляет, а мать в особом экстазе:

— Не даром трудился... Не хочешь платить, не печатай... А напечатали...

— Получим, получим! — успокаивал Касьянов и предложил спорить, что я получу за рассказ не меньше 10 рублей.

— И непременно купи себе новые брюки! — вставляет мать.

Проза бедной жизни посыпалась на голову новорожденного писателя и принизила мою радостную гордость, совсем особенную, непонятную окружающим возвышающую душу радость, от которой вырастают за спиной незримые крылья, сулящие полет в далекие неведомые края творческих восторгов...

Спустя несколько дней мы вместе с Касьяновым пошли в контору редакции, чтобы узнать, полагается ли гонорар за напечатанного «Рыжего». Это было мучительно стыдно. Долго мы с Касьяновым топтались у дверей редакции и подталкивали друг друга. Касьянов оказался храбрее: позвонил. Когда дверь раскрылась и Касьянов шагнул в нее, я попятился и остался за дверью. Быть может, я убежал бы, но выглянувший со злой физиономией приятель прошипел злобно:

— Какого же черта! Иди... мне не выдадут!

Виновато вошел.

— Вот он, автор! Тебе, брат, причитается тринадцать с половиной!

Я получил гонорар и, красный, как печеный рак, намеревался поскорее скрыться с глаз кассира, но появился секретарь редакции В.Н.Поляк, впоследствии саратовский присяжный поверенный, расстрелянный большевиками. Он задержал меня, наговорил комплиментов моему «Рыжему» и потащил познакомиться с редактором газеты, профессором Н.П.Загоскиным³². Я совершенно растерялся. Сам редактор Загоскин трясет руку, просит продолжать сотрудничество. Говорит, что талантливо, хотя и напоминает несколько «Мальчика у Христа на елке» Достоевского. А я тогда и не знал этого произведения. Вышел из редакции, как говорится, не чуя под собой ног. Говорят, что я — писатель! Да неужели? Все может быть. Касьянов идет тоже с гордостью, точно и он играет тут немаловажную роль.

— Что? Говорил, что получишь не менее 10!

Я получал стипендию в размере 15 рублей в месяц. И вдруг сразу и неожиданно, точно с небес свалилось, еще 13 руб. 50 к. В те времена это была в нашем семейном хозяйстве весьма значительная сумма.

— Ну, брат, 13 — оставь, а полтину на угощение!

С той поры я считаю число «13» для себя счастливым, и это мое суеверие многократно в жизни оправдывалось.

Надо сказать, что «Волжский вестник» была совсем исключительной областной провинциальной газетой, как по своему распространению и значению в общественном значении и влиянии, так и по своим литературно-научным силам. Здесь в ту пору, помимо профессоров университета, постоянно писали: Анненский³³, Короленко, Каронин³⁴, Мамин-Сибиряк, Глеб Успенский и изредка Н.К.Михайловский. Таким образом, я сразу очутился в компании с большими писателями, имена которых громко звучали на всю Россию. Первый успех окрылил меня, пробудил настойчивое желание печататься. Я временно забросил и химию, и революцию, и затормозил свой роман: такая обуюла жажда творчества! Писал и днем, и ночью. Почти каждую неделю в «Волжском вестнике» появлялся мой новый рассказ. Моя фамилия была уже включена в перечень сотрудников наравне с именами известных писателей, и среди студенчества к моей революционной авторитетности прибавляется популярность литературная. Бывая в редакции, я уже чувствую себя равноправным со всеми сотрудниками. Меня называют здесь «молодым писателем», «новым беллетристом». Весной получаю из редакции предложение поехать корреспондентом от газеты в Екатеринбург на выставку³⁵. Там встречаюсь и знакомлюсь с писателями Карониным и Маминым-Сибиряком. Сотрудник погибших «Отечественных записок»³⁶, пишущий теперь в «Русской мысли»³⁷, Н.Е.Каронин, один из крупных писателей-народников, не только писатель, а и заклеянный политический преступник: он только что отбыл каторгу и поселение в Сибири и по пути в Россию европейскую жил пока под Екатеринбургом³⁸. Мамин-Сибиряк жил тогда на своей родине, на Урале, и уже пользовался широкой известностью, которую ему дали романы «Горное гнездо» и «Приваловские миллионы»³⁹. Каронин и Мамин-Сибиряк и были первыми подлинными писателями, с которыми я лично познакомился. По газете они меня уже знали и приняли как младшего собрата, очень тепло и участливо. Как революционера меня притягивал Каронин, герой борьбы, сидевший в Петропавловской крепости, побывавший на каторге. Как художник — Мамин-Сибиряк. Два писателя и два совершенно ни в чем не сходных человека. Каронин — олицетворение идейного страдальца: худ, тонок, с глубокими тоскующими глазами, хрупкое тело и в нем огненный дух, с него можно писать святого мученика. Мамин-Сибиряк рядом с Карониным — богатырь: он весь какой-то огромный, олицетворение телесной силы и красоты, здоровья и спо-

койного созерцания действительности. При виде его мне почему-то сейчас же вспомнился покоритель Сибири Ермак Тимофеевич. Конечно, «идея» победила: я сдружился с Карониным и стал постоянным гостем в его семье. Впрочем, не одна «идея» была тут причиной: я встретился там с девушкой, падчерицей писателя, буквально оглушившей меня своей красотой, напоминавшей лермонтовскую Тамару⁴⁰. Мать ее была армянкой, отец — русский, и красота востока, воссоединенная с красотой севера, сотворили чудо, сразу победившее мое мягкое в этом отношении сердце. Теперь, когда все прошло и навсегда ушло, этот юношеский роман рисуется мне как не лишенный юмора эпизод, а тогда он переживался роковой драмой. И вот почему. Я приехал в Екатеринбург почти женихом. За год перед этим я встретился в Казани с высланной из Петербурга курсисткой, которая должна была вернуться на Урал на поруки к родителям. В Казани она прожила долго, пытаясь выхлопотать разрешение продолжать образование на фельдшерских курсах. Миловидная сибирячка с революционным ореолом, пострадавшая за идею, сделалась скоро центром притяжения идейной молодежи. Я вступил в число конкурентов и получил предпочтение. Наша взаимная симпатия возрастала не по дням, а по часам, и, когда хлопоты курсистки закончились предложением полиции немедленно выехать по назначенному месту жительства, разлука заставила нас проститься хотя и без словесных излияний, но совсем не с дружескими поцелуями и с обещанием переписываться. Мы переписывались. Никаких предложений друг другу не делали, но тоска любви сквозила с обеих сторон так ясно, что решили повидаться, и полученное мной от газеты предложение поехать в Екатеринбург показалось нам вмешательством самого Провидения, чтобы соединить наши горящие на огромном расстоянии сердца. Словом, в глубине души я считал себя счастливым женихом, решившим преступить революционную заповедь: не жениться. Мы условились встретиться в Екатеринбурге, куда должна была, в квартиру своей близкой знакомой, приехать из уезда моя невеста. Повторяю, что брак наш только подразумевался и никогда не закреплялся словесно или письменно. Ехал я в восторженном настроении, с волнующим сладким ожиданием встречи после долгой разлуки. Невеста должна была приехать через неделю, а тем временем я встретился с Тamarой и убедился, что никогда и никого еще я так не любил, как эту девушку... Она стала проявлять ко мне свои симпатии, и я понял, что эта встреча роковая... Так я сделался женихом двух девушек одновременно! Эта пережитая драма впоследствии нашла свое творческое воплощение в рассказах моих «Молодецкий курган» и «Измена». Вместе с

семьей Каронина я вернулся в Казань, и скоро мы расстались: они поехали на постоянное жительство в г. Нижний Новгород, я остался. Осталась и моя Тамара, поступившая в 8-й класс гимназии. Судьбе было угодно не разлучать нас: в декабре 1887 г. мы оба очутились в Нижнем Новгороде, поворковали недели две, и любовь прервалась надолго: я крепко засел в тюрьме... Превратился в «политического преступника»... И вот как это случилось.

IV. БУРНЫЙ ГОД

Казалось, что после разгрома «Народной воли», революция обезглавлена и обезврежена. Крупных «дел» давно не было, а попадалась в невода охраны так, всякая мелкая рыбешка. Как вдруг, в годовщину убийства Царя-Освободителя, в Петербурге на Невском проспекте, — снова покушение на императора Александра III-го! Пойманы три студента с разрывными снарядами в форме огромных книг в переплетах: Николай Ульянов, Генералов и Андреюшкин⁴¹. В культурном обществе большое волнение: среди консерваторов — пугливая растерянность, среди либералов — затаенно-радостное и злорадное: ведь новый царь систематически портит все освободительные реформы своего царственного родителя, конечно, они никаких убийств не могут одобрить, но что поделаешь? — вынуждают! Все студенчество в политическом экстазе...

В Казани все это проявилось с особенной яркостью, ибо все виновники покушения — волжане: Н. Ульянов — симбирский дворянин, Генералов — из Кинешмы, а Андреюшкин, которого я знал лично, перешел в Петербургский университет из Казанского. В связи с этим событием огромные аресты не только в Петербурге, а и по Волге. Из Петербурга масса молодежи выслана: одни Казань только проезжают, другим разрешено устроиться в высших учебных заведениях г. Казани. В наших «землячествах» кипит работа: собирают деньги на высланных, стряпают на гектографах скороспелые воззвания к обществу, прокламации в связи с покушением. В числе тех, кому разрешено поступить в Казанский университет, — Владимир Ульянов, брат казненного террориста. Он поступил на юридический факультет⁴². Помню, с каким почти-тельным благоговением смотрели мы, казанцы, на этого питерского гостя!⁴³ Низковатый, приземистый, с большой головой на короткой шее, с маленькими хитроватыми глазками под рыжими бровями, — наружность самая невнушительная и нерасполагающая. Но он в ореоле геройского подвига брата своего...

— Брат повешенного! — шептали студенты друг другу, когда появлялась эта с виду плюгавенькая фигура, которой суждено было в будущем превратиться в разрушителя России и палача русского народа. Тогда наше знакомство с ним было случайным и коротеньким. Оставленный в Казани с обязательством жить смиренно и не соваться в политические дела, Владимир Ленин жил уединенно и необщительно, избегая всякой близости. И тем не менее наступившие в декабре события соединили нашу участь: оба мы одновременно были исключены из университета и высланы административным, ускоренным порядком из Казани...⁴⁴

Репрессии на профессоров, педагогов и учащуюся молодежь, предпринятые правительством для успокоения взмятенного духа путем хирургическим, лишь сильнее взбудораживали и общество, и молодежь, содействуя настроению революционному и воинственному. Молодежь, как более чуткая, нервная, отзывчивая и прямолинейная часть общества, всегда была у нас на передовых позициях в борьбе за утверждение идей демократического освобождения. Она и несла массу жертв, напоминая, при своем радикализме и мечтательности, благородного рыцаря Дон Кихота Ламанчского, нападающего на ветряные мельницы...

«Отцы», за весьма редкими исключениями, отсиживались в безопасном тылу и тайно сочувствовали. Зато действовали революционеры, играя на юном благородстве душ, бросая искры в горючий материал. То же самое делала и слепая власть, совершенно не считаясь с духом своего времени. Министр народного просвещения Делянов издал, например, такой циркуляр для руководства всем попечителям округов: гимназии и университеты устроены вовсе не для кухаркиных детей, а потому люди, не имеющие средств прилично содержать и одевать своих детей в гимназиях и университетах, не должны туда лезть, — для них есть низшие школы ремесленного типа⁴⁵. Так и было сказано: «кухаркины дети» и «лезть». Этот неумный для своего времени циркуляр министра, бросавший совершенно ненужный вызов обществу и молодежи, был искрою в горючий материал и, конечно, сильно помог революционерам поднять на демонстрации и протесты все русское студенчество, направляя их на свою мельницу: «Долой самодержавие, делающее право на образование монополией привилегированных классов!» И вот по лицу государства покатались волны студенческих беспорядков, с плюхами начальству, с петициями и требованиями конституции!.. «Кухаркины дети» превратились в огромное политическое событие, потребовавшее огромных жертв со стороны учащихся всех учебных заведений, не исключая гимназий, духовных семинарий, учительских институтов и пр. Вы-

брошен новый огромный кадр будущих скороспелых революционеров...

Мог ли я не откликнуться на это событие и не вступить за «кухаркиных детей»? Мог ли я понять, что тут не столько повинно «самодержавие», сколько прямолинейная глупость его охранителей? И вот я сажусь и сочиняю большую сатирическую оду в честь императора Александра III. Я ведь уже писатель, а он «не может быть не возмущен, когда возмущена стихия»⁴⁶. Ода написана в напыщенном стиле од Державина, воспевавших Екатерину. В ней я воспел с злобным издевательством все реформы нового царя, направленные к ломке освободительных реформ Александра II. Для того, чтобы дать вам понятие о характере этого ядовитого революционного произведения, я приведу несколько выдержек; вот ее начало:

Хотя давно уж нету моды
Писать торжественные оды,
Но так как много уже лет
Блаженной памяти поэт,
Наш Тредьяковский, спит в земле
И конкурентов нету мне, —
То я, пигмей, теперь дерзаю
И, лиру взяв, на ней бряцаю...
О, Муза! Сжался надо мной!
Владей моим пером, умом...

И вот я славословил сперва могучую фигуру царя, его физическую мощь и особенно бороду:

Твоя священная брада...
Нет! Не осмелюсь никогда
Я подыскать браде сравненье!
То — наша гордость, украшенье.
Имел ли кто среди людей,
Среди царей, среди зверей
Такую гриву столь космату,
Широку, длинну, кудревату?
Но что ты сам! Твои деянья
Превозошли все ожиданья!

Далее я издевался над всеми деяниями, направленными к очистке государства от «крамолы»: усиленная цензура и чистка библиотек, борьба с гласностью, ломка суда присяжных, земские начальники, расширение губернаторской власти, укрощение земства и всякого самоуправления, увеличение кадров сельских урядников... В конце такое восхваление:

Ты всеобъемлющим умом
Печешься даже и о том,
Чтоб наши будущие жены
Умели сшить нам панталоны!

Кончалась ода торжественно:

О, царь, тебя благословят!
О, за тебя везде творят
Все подданы молитвы рьяны,
И все рыкают, словно пьяны,
У твоего царского двора —
Ура-ааа! Урааа! Ура!..

Волна беспорядков еще не докатилась до Казанского университета, но молодежь бурлила. Тайные сходки по землячествам, тайные вечеринки. Мы уже отпечатали оду на гектографе в сотнях экземпляров, разбросали и разослали во все стороны. Только немногие избранные знали автора оды, а самую оду читал уже весь город и, конечно, все власти. Курсистки устроили вечеринку для сбора денег в пользу пострадавших в других университетах за «кухаркиных детей» и, как известного уже всей молодежи писателя, пригласили меня в число исполнителей. И вот я вышел на возвышение и серьезно продекламировал свою оду. Бурный восторг! Всем стало ясно, что написал ее я сам. Качали на руках, заставили бисировать, при последней строке присоединялись к «урааа!». Было, как в сумасшедшем доме. Я был горд: я почувствовал над толпой силу моего слова!.. Моя Тамара наградила меня публичным поцелуем и, видимо, окончательно решила отдать мне свое сердце...

И вот я уже на волне революции, в числе ее героев!

Теперь, когда поломанная Россия отдана на разгром, разграбление и оплевание насильникам, когда революция залила родную землю реками слез, крови и горя, когда огромное большинство национально-культурных сил старой России либо погибло, либо очутилось среди миллионного беженства в рассеянии по всему свету, стало модным искать виновных. По свойственной в несчастье слепоте «козлом отпущения» делают русскую интеллигенцию, одни совершенно забыв свою историю последних царствований, другие, молодые, совсем не зная царских времен по бывшей младости лет. Конечно, испытав на собственной шкуре величайший из гнетов и деспотизмов — большевизм, все старое представляется прекрасной идиллией и верхом блаженного состояния, которое так хочется вернуть весьма многим. Забывают, что всю

материальную и духовную культуру страны создавала русская интеллигенция. Никто из обвинителей не хочет знать, что революции не сваливаются с неба, как снег или град, а являются результатом длительных исторических процессов. А эти исторические процессы создают и физиономию интеллигенции. Когда-то про русскую интеллигенцию говорили, что она — лучшая в мире. Как будто бы это не подтверждает сама история и факты действительности: за одно столетие русская наука, литература и искусство догнали, а во многом и перегнали достижения других культурных народов, работавших в течение многих столетий. Русская интеллигенция, если можно так выразиться, действительно споткнулась на политическом творчестве, но по своей ли только вине? Не толкали ли ее правительства все время в объятия революции, помогая в этом небольшим, в сущности, группам профессиональных революционеров? Возможна ли была бы страшная кровавая большевистская революция, если бы государственная власть вовремя разрешила вопрос о земле, на котором всегда базировалось наше революционное действие? Возможно ли было бы так жестоко обмануть русский народ, как обманули его большевики, если бы он постепенно приобщался к гражданской жизни и не держался по системе наших Победоносцевых⁴⁷ в искусственном невежестве?

Мне хочется найти причину и оправдание нашей прекрасной, но несчастной молодежи, которая, горя искренней любовью к своей родине и народу, полная жажды самопожертвования во имя этой благородной любви, летела на огонь революции, как бабочка летит на свет. Без соответствующих знаний, без опыта жизни, с единой верою в благородные освободительные идеи, она отдавала все, что имела: свое пылающее сердце! Вот так же, как теперь многие из эмигрантской молодежи готовы были сделать это во имя поруганной родины и народа, если бы знали, как это сделать... Каждое историческое событие мы должны брать и судить в обстановке современных ему условий... Обращая взоры в свое прошлое, я, например, отчетливо вижу ныне, что оба последних царствования изо всех сил помогали процессам революционного взрыва и землетрясения, и если вам захочется посадить русскую интеллигенцию на скамью подсудимых, то придется посадить вместе с нею два последних царских правительства, все время державших котел государственной машины под огромным давлением революционных паров и никогда вовремя не открывавших предохранительных клапанов! Котел не выдержал: взрыв разрушил здание, сопровождая миллионами невинных жертв неосторожность. Вот одной из сравнительно малых неосторожностей

был и циркуляр министра Делянова о предназначении среднего и высшего образования только для богатых людей...

Могла ли молодежь остаться равнодушной к этому наглому цинизму человека и государственного мужа, которому вручена забота о просвещении русского народа? И разве он не был в духе царствования, возвращавшегося к эфемерной идее обосновать благоденствие мужицкого царства на государственном откармливании разорявшегося и вырождавшегося дворянского сословия? Как легко было профессиональным революционерам разжечь пожар среди молодежи, использовав эту государственную глупость царского министра!

Запылал пожар по всем университетам и учебным заведениям, и 7-го декабря 1887 года вспыхнул и Казанский университет⁴⁸, ветеринарный институт, духовная академия, женские акушерские и фельдшерские курсы, и даже в мужских и женских гимназиях начались «политические инциденты»: сходки и резолюции...

Начал университет. По заранее выработанному «Союзом землячеств» плану, в условный час, по свистку, наполненный до отказа молодежью университет огласился призывами на сходку. Молодежь, словно прорвавшая плотину волна, покатилась к актовому залу. Зал заперт. Взломали дверь и шумным потоком влились в огромное помещение.

— Председателя сходки!

Выкрикивают несколько имен, в том числе мою фамилию. Я ведь уже прославился своей одой. Я вскакиваю на кафедру и прежде всего призываю дать клятву до конца, как один человек, стоять друг за друга. Один за всех и все за одного! Произношу горячую речь, взрываясь от благородного негодования по адресу сперва министра, потом самодержавия. В ответ, конечно, громовой крик:

— Долой самодержавие!

За моим выступлением следует целый поток речей. На кафедрах начинают появляться не студенты, а неизвестные с готовыми резолюциями. Часа два вырабатывается резолюция. Поправки делают ее все более и более общегражданской, и в последний пункт требований вносится требование всех свобод и конституционной формы правления. Зал оглашается бурным рукоплесканием: инспектор студентов, появившийся для шпионских наблюдений, получает принципиальную плюху. Неожиданно на кафедру восходит престарелый, апостольского вида профессор Суворов, встряхивает своей львиной гривой и громко произносит только пять слов:

— Молодые друзья! Я — с вами!

Энтузиазм переполняет души. Хотя один из «отцов» пришел к нам в эту минуту, поборов совестью все житейские страхи. Все готово, потребовали ректора г.Кремлева⁴⁹. Пришел низенький суховатый старичок, начал было свое отрезвляющее казенное слово, но говорить ему не дали:

— Мы призвали вас не для нотаций, а для вручения вам нашей петиции! — заявил я ректору и прочитал все 15 пунктов резолюции, выработанной сходкой. Ректор принимает бумагу и, кладя ее в боковой карман, говорит, что даст ей какое-то «дальнейшее движение». Кто-то из толпы оскорбляет его:

— Только не в жандармское управление, а господину министру!

— Разве я когда-нибудь давал повод к такому предупреждению?

Ректор Кремлев действительно очень любил молодежь и всегда старался выручать ее в трудные минуты, житейские и политические. На глазах старика — слезы.

— Кто сказал? Извиниться! Извиниться! Извиниться!

Происходит трогательная сцена: виновник выходит с поникшей головой и вноватым голосом приносит извинение. Ректор улыбнулся, отер слезу и гордо прошел к дверям. Там он обернулся и сказал: — Из любви к вам советую тихо небольшими группами расходиться...

В сущности больше и делать было нечего. Все разрядились словом и чувствами. Политический задор иссякнул. Болтали и горели часа четыре. Всем захотелось есть. Разошлись бы мирно по домам, тем все и кончилось. Но университет оказался оцепленным пешими и конными жандармами и отрядами полиции в полном боевом вооружении. Не хватало только пушек. Скакали на верховых лошадях полицмейстер и жандармский полковник, гарцевали на пляшущих лошадках казаки с нагайками наготове, а все улицы вокруг университета были запружены народом, любопытной публикой двух враждебных лагерей: мещанство, лавочники, мясники, дворники жаждали помочь начальству, культурная часть публики явно сочувствовала нам и ругала начальство. Что делать? Стали было выходить попарно, но выходящих немедленно арестовывали. Тогда мы стали строить баррикады перед входами в университет, вооружаться перилами от лестниц, плитами разобранного пола, палками, чем попало. Пешая полиция пошла на штурм, а жандармерия теснее спланивалась вокруг университетских корпусов. Вмешался ректор, и начавшаяся была атака прекратилась. До позднего вечера мы отсиживались в университете за баррикадами. По произведенной рекогносцировке

оказалось, что силы врага отошли и на позициях только маленькие отрядики на углах. Не зная, что враг скрылся в ближайших дворах и за углами прилежащих улиц, мы решили всей массой двинуться и прорвать реденькую цепь. Цепь прорвали, но попали в засады, и начались схватки на улицах. Много потеряли пленными, но много и спаслось, прорвалось и утекло. В числе последних был и я. Двое суток я прятался в разных доброжелательных квартирах, спал под кроватями. Родные меня тщетно искали и предавались терзаниям: не убит ли в сражении? Однако «вечно спать под кроватью — невозможно, на время — не стоит труда»⁵⁰. Пробрался ночью домой, а на рассвете явились жандармы, сделали обыск, арестовали и увезли. Мать, прощаясь, горько плакала, а я был в благодарном сознании исполненного подвига и утешал:

— Не плачь, мама! Тебе радоваться надо, что твой сын не подлец, а честный человек и гражданин...

Очутился в огромной камере пересыльного замка, набитой дополна исполнившими долг гражданами. Здесь было восторженно весело: пели хором революционные песни, говорили речи, пили пиво, танцевали русскую. А наутро меня повезли в жандармское управление, и там выяснилось, что меня, в числе 27 главных вожаков сходки, высылают в 24 часа из Казани.

— Куда желаете быть высланным? — спросил знакомый уже мне полковник.

— Я совершенно не желаю быть высланным. Вероятно, вы свое желание спутали с моим...

— Мы вам оказываем любезность, а отвечаете дерзостями... Я указал Нижний Новгород.

— Имейте в виду, что этим дело не кончится!

Ударили, как говорится, и в хвост и в гриву: университетское начальство исключило из университета без права обратного поступления, а полицейское начальство выслало из Казани, лишив права въезда в столицы, университетские и большие центры. Нижний был лучшим из допущенных. Нас ехало пятеро на переменных тройках с колокольчиками и бубенцами. Нас провожал специальный жандарм до самого Нижнего. На пути мы поили его водкой, и он нам мирволил, под конец превратившись в заботливого дядьку. Остановливаясь во встречных городках, мы свободно разгуливали по улицам, знакомились с культурными жителями и награждали их своей петицией из 15 пунктов... Я ехал с огромной радостью: мать при последнем прощании сообщила мне приятнейшую новость: любимая мной Тамара, гимназистка 8-го класса, исключена из гимназии и уехала к родным в Нижний Новгород! Какое счастливое совпадение: снова будем вместе!..⁵¹

V. ПЕРВАЯ ТЮРЬМА

Нижний Новгород того времени был долгим пристанищем передовой и революционной интеллигенции, среди которой было много писателей и журналистов. Здесь обосновались не имевшие еще тогда права жительства в столицах и университетских городах писатели: Анненский, недавно вернувшиеся из Сибири Короленко и Каронин, Елпатьевский⁵², критик Богданович⁵³ и журналист Дробышевский⁵⁴, в их обществе вращались либеральные земцы, присяжные поверенные, бывшие революционеры, облившие и теперь мирно работавшие служащими в пароходствах и транспортных конторах. А теперь к ним прибавилось много изгнанных из разных университетов за беспорядки студентов. Помимо того в этом городе постоянно, хотя и временно, проживали потерпевшие политические аварии интеллигенты, пробиравшиеся через Нижний на юг и на восток. В то время Нижний местная власть называла «скотопрогонным пунктом»: в местную тюрьму собирали со всей России политических арестантов для отправки пароходами в Пермскую и Вятскую губернии, в ближнюю и дальнюю Сибирь на поселение или в каторгу. В революционном отношении город был «бойкий». «Неблагонадежными», как говорили, хоть пруд пруди! Но губернатором был тогда довольно культурный и тактичный администратор, известный герой русско-турецкой войны генерал Баранов⁵⁵, а потому никаких шумных столкновений с властями у «неблагонадежной интеллигенции» не выходило. Этот губернатор не боялся публично блеснуть иногда своим просвещенным либерализмом и оказывал все внешние знаки внимания и любезности писателям. Есть пословица — каков поп, таков и приход: местный жандармский полковник Познанский шел в ногу с губернатором, увлекался физикой и читал доклады по астрономии в местном просветительном обществе. Во всяком случае он не стремился сделать себе карьеру на искоренении крамолы, переделывая муху в слона, чем любили-таки заниматься его сотоварищи по оружию...

Я приехал в Нижний⁵⁶ уже в роли известного героя казанских событий и автора «Оды императору», а потому, принятый в семью писателя Каронина, быстро перезнакомился с другими писателями, с общественными деятелями и всей революционной интеллигенцией. Целую неделю ходил в гости, где меня баловали исключительным вниманием. В гостях хорошо, а дома еще лучше: я в постоянном общении и близости с тайно любимой девушкой, моей Тamarой. Денег у меня пока ни копейки, но это — перед деньгами: редакция «Волжского вестника» уже предложила мне через

Каронина продолжать сотрудничество, такое же предложение я получил от местного органа печати и ранее имел предложения от «Екатеринбургской Недели»⁵⁷ и некоторых приволжских газет. Весело и радостно проводил я первые дни Рождества на положении общепризнанного «героя», как вдруг глубокой ночью под Крещение — обыск во всей квартире Карониных и мой арест. Привезли в тюремный замок и заперли в одиночную камеру в круглой башне №2. Если Чацкий попал с корабля на бал⁵⁸, то я попал с бала в тюрьму! Волнение мое было столь велико, что, очутившись в тюрьме, я брякнулся на жесткую кровать нераздетым, завернулся в поместительную баранью шубу, в которую меня нарядили добрые Каронины, и, как мертвый, проспал до утра без всяких вопросов: за что? почему? что случилось? Утром с недоумением осматриваюсь: огромная круглая башня, поверху — желтая, понизу — серая, с одним круглым окном высоко под потолком. Кровать, стул и столик — вся мебелировка, а в углу — осмоленный бочонок для естественной надобности, который на тюремном жаргоне называется «парашкой». В двери круглое застекленное отверстие, называемое «глазком», для наблюдения стражи за арестантом. Тишина могильная. Принесли кипятку в жестяном чайнике и кусок черного хлеба. На хлебе — кусочек сахара. Вечером почувствовал себя лучше: от Карониных мне принесли чай, сахару, ветчину, хлеб, мыло, папиросы и коробку конфет! Не сказали откуда, но сердце подсказало. Круглое одиночество смягчилось сознанием, что я — не один и не покинут друзьями. Со второго дня стали приносить домашний обед, и по ложке я понял, что обед от тех же друзей. Надзиратель сказал еще, что в контору внесено 20 рублей, которые я могу тратить на свои надобности, давая записку, что мне купить. На третий день повезли на допрос к полковнику. Деликатен, любезен, но строг... Узнал, что меня обвиняют в принадлежности к тайному революционному обществу, стремящемуся ниспровергнуть существующий в государстве порядок, и в сочинении и распространении оскорбительного для государя-императора произведения под названием «Ода императору Александру III». Преступления, за которые по закону грозит каторга. Так как я, кроме «землячества», ни в каком революционном сообществе не состоял и членом революционной партии не был, то сейчас же понял, что обвинение стоит на глиняных ногах. Отверг начисто все обвинения. Про оду показал, что хотя я ее действительно читал публично на вечеринке, чего невозможно было отрицать, так как по вопросам полковника я понял, что на вечеринке был шпион или предатель, но ода эта сочинена не мной: я нашел ее на полу университетской аудитории. Полковник не изводил и не ловил ме-

ня и не путал, и у меня осталось такое впечатление, что допрос я выдержал молодцом⁵⁹. Испросил тут же разрешение на перо, чернила и бумагу и на пересылку своих произведений через контору тюрьмы в редакцию «Волжского вестника».

— Имейте в виду, что ваши произведения будут лично мною просматриваться!

— Очень лестно!..

Однажды, окончив обед, я стал обглаживать кость и, высасывая из нее мозг, увидел что-то блестящее. Выковырнул: что-то завернутое в свинцовую бумажку от шоколада. Развернул — записка на папиросной бумажке: «Пишите тем же путем!»

Я уже знал, что прежде всего на воле должны знать, в чем я обвиняюсь и что раскрыто и установлено дознанием. Написал, что обвиняют в сочинении оды, которую читал, но не сочинял, и в принадлежности к революционной партии, чего никогда не было. Завернул в свинцовую бумажку и засунул в кость. Посуда (судки) сдавались тюремной администрацией обратно в замену новых, с обедом, и таким образом я установил связь с друзьями. Как впоследствии выяснилось, они помогли мне сбросить обвинение в сочинительстве оды: они выпустили мою оду в Москве с датой 1885 года и распространили ее и в Москве, и в Нижнем Новгороде. Это и спутало нить обвинения.

Следствие кончилось, и я получил новые льготы: свидание и право читать научные и художественные произведения, писать домой письма. Написал в тюрьме большой рассказ⁶⁰, который благополучно прошел цензуру полковника и был напечатан в нескольких номерах «Волжского вестника» за моей полной подписью. Читал и писал вообще запоем. Перечитал всех классиков — как русских, так многих немецких и французских. Вообще с чувством благодарности вспоминаю свою первую тюрьму: она сильно расширила круг моих знаний и дала возможность погрузиться в серьезное изучение художественной литературы. Положение в тюрьме политических преступников было исключительно хорошее: не только обращались вежливо и предупредительно, но относились с полным уважением. Помню, я писал матери: «За меня не беспокойся! Я жив, здоров и весел. Место получил хорошее, казенная квартира, отопление, освещение, баню, бесплатный обед и ужин, а кроме того 3 рубля 30 коп. жалованья» (тогда политическим из дворян полагалось 11 коп. в день кормовых денег!). Читая мои произведения, жандармский полковник убедился, что в его руках пребывает несомненный писатель. Однажды он вызвал меня в управление, увел в свой кабинет, запер дверь на ключ, усадил

меня на диван и вместо ожидаемого вопроса заговорил со мной как строгий, но добрый дедушка с блудным внуком:

— Я хочу поговорить с вами как человек, желающий вам только добра...

Я насторожился и принял душевно-оборонительное настроение: не ловит ли на добром слове и иудином поцелуе?

— Очень благодарен, хотя это к делу не относится.

— Очень даже относится! У вас талант, данный вам Богом. Бросьте вы писать эти оды и революционную чепуху! Я мог бы теперь доказать, что автор оды — вы, молодой человек, но...

— Если можете доказать, то и доказывайте. Я в ваших милостях не нуждаюсь.

Тогда полковник вынул из ящика письменного стола пучок тоненьких бумажек, на которых было написано моей рукой несколько сочиненных в тюрьме сатирических революционных песенок и стихотворений, которые я направлял с обедом в квартиру друзей. Так вот почему я так давно уже не получаю ничего от Карониных по тайной почте! Она раскрыта...

— Вот вам доказательства: вы и в тюрьме продолжаете сочинять возмутительные стихотворные произведения. Но я не хочу вас губить. Поверьте и смотрите!

Полковник зажег свечу и на моих глазах сжег все доказательства. Вот какие жандармы попадались в далекие царские времена! Переводя взоры на большевистские тюрьмы и на большевистских жандармов-палачей, как не улыбнуться политической идиллии прошлого?..

VI. ВСТРЕЧА С Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Хотя следствие не установило моей принадлежности к революционной партии, занимающейся разрушением государственного устройства, факт же моего авторства распространенной возмутительной оды был поколеблен, но достаточно оказалось и одного деятельного участия в беспорядках, чтобы просидеть полгода в одиночной тюрьме и попасть еще на три года в ссылку. Меня сослали в Астраханскую губернию. Сперва была намечена киргизская степь, но добрый полковник испросил для меня г. Царицын⁶¹: лучшее, что можно было получить в этой огромной и пустынной губернии. Царицын — большой торговый город на Волге, от него пахнет нефтью, рыбой, кожами, мукой, керосином, свежеработанным лесом, солью. Он на перекрестке путей на Кавказ, на Дон, на Ташкент, на Нижний и Рыбинск. В нем неуго-

монны паровозные и пароходные свистки, пыхтение работающих лесопилок, накачивающих нефть и керосин «поповок»⁶², визг грузовых лебедек. Его бич — пески, при ветре погружающие город во вздыбленные тучи песка, пыли и сора.

Так как одним писанием трудно было прокормить и себя, и семью, оставшуюся в Казани, я быстро нашел себе службу: я сделался смотрителем керосиновой станции пароходно-нефтяного и керосинового товарищества «Лебедь». Для «героя» довольно-таки прозаично! Станция находилась на окраине города и состояла из одинокого большого дома в степи и нескольких огромных башнеобразных железных цистерн с керосином и нефтью. Я должен был исследовать качество нефти и керосина, принимать их с нефтянок и отпускать в железнодорожные вагоны-цистерны, измерять количество пудов по уровню высоты в баках, выплачивать акциз за отпускаемый керосин, отпускать его в разнос — наливать в бочки возчикам. За это я имел хорошую квартиру и 50 рублей в месяц жалованья. После разрешения вопросов о судьбах всего человечества довольно-таки скучное занятие. Единственной усладой моего жития здесь была литературная работа, переписка с милой и охота. Вокруг дома осенью тучами садились перелетные куропатки, так что, распивая чай на балконе, я в то же время охотился. За Волгой, бывало, нападал на «высыпки» вальдшнепов в таком изобилии, какого нигде и никогда не встречал более. В то время, как я служил смотрителем керосиновой станции, будущий Максим Горький, а тогда Алеша Пешков, служил весовщиком на железной дороге⁶³. Парень был и тогда занятый, и хотя и толчился уже среди революционной интеллигенции, но еще не был ею обращен в свою веру и сверкал неожиданностями в своих суждениях и, особенно, в образном и красочном языке. Все собирался идти на поклон к Л. Толстому. На железной дороге тогда служило немало бывших студентов и разных неблагонадежных лиц, которых пристраивал один либеральный инженер. Но скоро начались среди них обыски, и всю компанию разогнали. С ними исчез и Алеша Пешков. А весной и я покинул г. Царицын, получив разрешение оканчивать ссылку в Астрахани. Здесь только что открылась новая газета прогрессивного направления⁶⁴, вокруг которой сгруппировалась местная прогрессивная интеллигенция, и я сделался одним из членов ее редакции и постоянным и усердным сотрудником.

И здесь, в редакции газеты, я впервые увидел самого крупного апостола русской литературно-революционной интеллигенции Николая Гавриловича Чернышевского⁶⁵. Он только что вернулся из своего сибирского заточения и жил тогда со своей женой в ка-

честве поднадзорного в Астрахани⁶⁶. Помимо полицейских властей, он пребывал еще под надзором жены, Ольги Сократовны, которая берегла его от всякого вмешательства в политику и старалась потому изолировать его от всяких излишних общений с революционной интеллигенцией, в чем он дал подписку властям. Со всем молодым он был выброшен на каторгу, пробыл в ней более 20 лет, сделался стариком, а все еще казался власти чрезвычайно опасным для общественного спокойствия! Так крепка оказалась память о роли этого человека в истории нашего революционного движения. И не только у властей, а и у всего русского прогрессивного общества, особенно среди молодежи. Да и как же иначе? Мы до сей поры штудировали примечания Чернышевского к политической экономии Милля⁶⁷ и начинали свою начальную школу революции романом «Что делать?». Белинский, Добролюбов, Чернышевский — ведь это три столба, на которых утвердилась и пребывала русская идейная интеллигенция в течение многих десятилетий. Ведь это — три истока нашей реки революционной идеологии...

Я уже знал, что Астрахань замечательна тем, что ее освещает своим пребыванием один из первых вождей и пророков интеллигенции и, когда впервые увидел в редакции Чернышевского, я еще издали узнал его по рисунку головы, прическе, криво сидящим на носу очкам. В памяти резко стоял фотографический портрет молодого Чернышевского, и старость не сделала особенных перемен в этом типичном образе. Только шевелюра на голове и бородка с усами как бы в серебристом пепле. Я так взволновался, что не мог перевести дух и некоторое время оставался в первой комнате, наблюдал и слушал издали. Знаменитый гость редакции был страшно оживлен, подвижен, говорил молодым тенором совсем не по-стариковски. Все тот же, что и на портрете, только немного пополнее и седой. Я поймал, видимо, конец или кусочек его рассказа о том далеком времени, когда его везли на каторгу. Вот содержание этого рассказа. Дело Чернышевского прошумело на всю Россию, не исключая Сибири, и, конечно, начальники городов и этапов, на которых жандармы сдавали важного арестанта для дальнейшей отправки, особенно же их жены, матери, дочери горели любопытством собственными глазами посмотреть на этого «страшного зверя». И вот на каждой остановке и этапе исправники и заседатели требуют политического преступника в свою квартиру, в свой кабинет, а за внутренними его дверями в нарочно оставленной щели поблескивают любопытные женские глаза и слышится женский шепот. Никакого дела, в сущности, нет у этих начальников до арестанта, а потому они прибегают к разговору в форме шаблонного допроса:

— Вы политический преступник Николай Чернышевский? Сколько вам лет? Женаты или холосты? Чем занимаетесь?

На каждой остановке и этапе повторяется это опрашивание для удовлетворения своего и женского любопытства. Чернышевскому это надоело, и он придумал способ самозащиты: как только его введут и поставят перед лицом начальника, он, предупреждая его, сам начинает задавать ему вопросы:

— Кто вы такой? Сколько вам лет? Женаты? и т.д.

Это производило такое замешательство и испуг, что его моментально уводили!

Когда Чернышевский обернулся и увидел меня с благоговейно устремленным на него взором, мне ничего не оставалось, как войти и отрекомендоваться. Конечно, моя фигура в этот момент напоминала религиозно-верующего христианина, принимающего благословение от самого митрополита...

— Чириков... Чириков... Позвольте, только недавно хохотал, читая в книжке «Недели» рассказ, как мужик возил в город свинью продавать⁶⁸... Не ваш рассказ?

— Мой.

— Хорошо, хорошо! Лучше начать со свиньи и кончить человеком, чем наоборот. А ну-ка я попробую с вами так же, как было со мной:

— Сколько вам лет?

— 24.

— Давно пишете?

И весело расхохотался, прощаясь со всеми нами. Потом я часто встречался с Чернышевским и в редакции, и на улицах. Несмотря на подписку не входить в общение с жителями, он имел обширный круг знакомства с лавочниками, городовыми, извозчиками. Его все знали и любили, не представляя себе, что с ними говорит знаменитый революционер и писатель, которого так боятся высшие государственные власти. На дом Ольга Сократовна никого не пускала, старик сидел в одиночестве, и вот на улицах удовлетворял свою потребность общения. Нельзя, впрочем, и жену винить в таких предохранительных средствах: приплывавшая на пароходах в Астрахань студенческая молодежь всеми правдами и неправдами добивалась личного свидания с Чернышевским, чтобы спросить автора романа «Что делать?» о том, что делать интеллигенции для блага народного, ибо прежняя вера в террор начинала пропадать и фундамент народнической идеологии дал уже много трещин. Конечно, и сам я, при первой возможности, задал Чернышевскому тот же проклятый для нашего времени и возраста вопрос — что делать интеллигенции?

Николай Гаврилович нервно передернул плечами и ответил мне целой притчей:

— Когда я был юн, я вот так же горел любовью к народу и жаждой служить ему. Жил я тогда бедно в Петербурге, на третьем дворе, на пятом этаже, в огромном грязном доме с крутой полутемной лестницей. Вот однажды, после горячих дебатов о путях ко благам народным и о спасении народа от страданий, уже в сумерках зимнего дня, возвращаюсь домой и поднимаюсь по лестнице в свой пятый этаж. Вижу — впереди дворник тащит на спине тяжелую охапку дров и крихтит от тяжести. Видал я и раньше эту ежедневную картину, да как-то не придавал ей особенного значения. Ну, тащит и тащит! А тут, после разговоров о народных страданиях, мне вдруг стыдно как-то стало перед мужиком: я иду с книжечкой, а он лошадей тащит тяжесть, от которой спирает дух и с носа пот каплями прыгает. Почти до самого пятого этажа мы дошли: мужик впереди, я — позади. Значит, думаю, к нам тащит, меня согреть! И опять совестно. А тут вижу, что дрова расползлись и, того гляди, рассыплется вся вязанка. Вот я и решил помочь бедному мужику. Прыгнул на две ступеньки и давай дрова поправлять. Ну, а дрова и посыпались, загремели по всей лестнице. Уж и ругал же меня тогда мужик! Самыми скверными словами ругал. Я ему объясняю, что помочь хотел, а он:

— Ах, так тебя перетак, да кто тебя просил помогать! Теперь из-за твоей помочи сколько раз я должен нагнуться, чтобы дрова собрать да снова снизу волоочь их на себе? Кабы я лошадей был, так тебя растак, а то я тоже человек. Не лез бы, когда тебя не просят!

— Прости, говорю, пожалел тебя же.

— Да черт ли мне в твоей жалости... Не смыслишь в этом деле, так нечего и соваться... Не помогал бы, так донес, а теперь...

Чернышевский пристально посмотрел мне в глаза и сделал строгий вывод:

— Говорить и писать мы все умеем, а никакого дела делать не умеем, да еще и беремся часто совсем не за свое дело. Учиться, учиться надо... Тогда и самому ясно будет, что делать. Другой этому научить не может. Как делать — может научить, а что делать — всякий сам решай! Да сперва хорошенько научись делать...

Как часто потом вспоминалась мне эта мудрая притча Николая Гавриловича Чернышевского! И каким зловещим пророчеством звучит она для нас теперь, когда, желая помочь народу, мы помогли его насильникам!

VII. «ЧУЖЕСТРАНЦЫ»⁶⁹

Большой торгово-промышленный город с «евразийской физиономией». Огромные рыбные промыслы, соляные, центр скопления нефти и керосина, ближайший передаточный и перевалочный пункт торговли с Персией, Хивой, Бухарой, Закавказьем, центр огромного водяного транспорта — Астрахань в своем кипящем торгово-промышленном котле либо быстро растворяла попадавшую сюда интеллигенцию, с ее общечеловеческими идеалами, покоряя своему богу, Меркурию, либо совершенно ее игнорировала, как особую идеологическую категорию, в этом городе совершенно лишнюю и даже враждебную. Никаких идей, особенно возвышенных, здесь не требовалось. Всем было некогда: время — деньги. Пристани и улицы кишат азиатскими народами, магазинами восточных товаров, кипит торговля, город воняет воблой, нефтью, керосином, грохочет перевозимыми с пристаней и на пристани возами с грузом товаров, бочек, ящиков. Есть гимназия, реальное училище, духовное училище, но и там все больше народ практический, с наследием духа лавочки. Даже уездный предводитель дворянства, и он же редактор-издатель местной газеты, имеет собственный магазин наподобие московского «Мюра и Мерилиза»!

И вот в этом городе — новая идейная газета, в которой, как зайцы в половодье на острове, засели все наличные интеллигенты, с ярлыком бывших политических преступников! Ведь если рыбака рыбака видит издали, так как же нам было не сплотиться в свой кружочек? Тут был ссыльный г.Маркович⁷⁰, сын когда-то очень известной писательницы Марко Вовчок⁷¹, бывший каторжник по процессу петрашевцев, г.Никольский, бывший «политический» поляк, высланный из Петербурга студент Кравченко, ваш покорнейший слуга. Это в редакционном центре, а в окружении несколько тайных «Никодимов»⁷² из местных учителей, сотрудничавших в газете анонимно. В составе корреспондентов из уездных городков губернии «ссыльные политики» и собственные корреспонденты из Берлина и Парижа, конечно, политические эмигранты. Конечно, мы были здесь более непонятны и чужды, чем любой персидский торговец! Не было до нас дела городу, но и нам до города не было никакого дела. Мы держали руль на освободительные идеалы человечества. Совершенно игнорируя местные злобы дня, мы старались кого-то приобщить к мировым вопросам, писали на эзоповском языке о несовершенствах нашего государственного устройства вообще, воображая, что кто-то поймет, в чем дело. Вопросы местного городского хозяйства мы игнорировали, мало останав-

ливались на животрепещущих делах рыбной промышленности, но зато аккуратно осведомляли о том, что делается в рейхстаге, в палате общин, приводили речи социалистических лидеров, вообще угощали всласть эту «Евразию» Европой. Редактор старой и конкурирующей с нами газеты⁷³ зло высмеивал нас в своих фельетонах. Он называл нас «общечеловеками», выпаривающимися в собственном революционном соку. На общем и, признаться, довольно скучном фоне нашей копии «Русских Ведомостей» мои рассказы и юмористические фельетоны из местной жизни были единственной улыбкой всем читателям, и потому мое имя в Астрахани быстро приобрело популярность. Никакие мировые вопросы не могли одолеть мою жизнерадостность и склонность к юмору, и иногда мелкий пустячок из местной жизни, написанный в форме беллетристической миниатюры, заставлял хохотать всю чиновную знать города. До сих пор помню, какой шум произвел мой фельетон «Совещание клопов». Поводом или сюжетом был такой пустячок. Местная больница славилась изобилием клопов. Никакие жалобы больных и здоровых не действовали. Администрация плевала на все жалобы. Но вот попал в больницу наш сотрудник и прислал нам «письмо в редакцию», в котором сообщал о бунте больных, среди белого дня пожираемых обнаглевшими клопами, не встречающими никакого отпора со стороны администрации. «Письмо» повело к тому, что появился какой-то изобретатель со своим инструментом в форме металлической колбы с оттянутым в тонкую трубочку горлышком: при накаливании колбы получается струя горячего пара, которым и поражаются клопы. При первом испытании изобретенного инструмента, правда, погибло несколько клопов, но зато пострадало и двое больных, кроме самого изобретателя. Колба взорвалась и обварила их довольно серьезно. Вот я и написал, как клопы больницы после первого опыта устроили совещание, в котором горячо говорили о грозящей им опасности, о гибели трех клопов в самом цветущем возрасте и необходимости начать борьбу с террористами, прибегающими к разрывным снарядам! Номер газеты раскупался нарасхват. Оно как будто бы и по поводу истории с клопами, а как будто бы о чем-то более значительном. А придаться невозможно. Работа в газете проглотила меня с головой. Такое животрепещущее дело! Постоянное пребывание в творческом трансе! Особая газетная сутолока: все в кипении. Редакция и типография в непрестанном взаимодействии. В редакции скрипят перья, в типографии грохочет машина, рождаются свинцовые цепи строчек. У самого источника печатного слова. Можно забыть и о человечестве, и о революции: на очереди новый номер газеты, зарождающийся и оформляю-

щийся на твоих глазах и при твоём участии. Утром написал, а вечером тебе подадут твои слова в новом печатном костюме, от которого так приятно пахнет типографской краскою!

Как мы ни старались поднять читателя до высоты понимания наших задач, читатель упирался: газета шла в убыток, в конце концов испугавший нашего издателя. Он тайно завел переговоры с редактором враждебной нам старой газеты, и спустя год мы очутились под его начальством. Конечно, все мы отказались и вышли из редакции. Но вскоре я получил предложение занять покинутый в другой газете престол редактора и очутился на значительном ответственном посту. Революционный пыл быстро начал остывать, и в связи с этим редактируемая мной газета делалась жизненнее и ближе к областным интересам. Я старался сделать ее более литературной, чем политической, и жизнь края освещал в форме фельетонов, а не сухих статей. Картины жизни на рыбных и соляных промыслах, картины рыболовства весной, осенью и зимой, картины жизни в калмыцкой степи, калмыцкие сказки, исторические сказания и легенды, связанные с городом и краем. Понемногу, но верными шагами я шел от революции к мирному культурному творчеству. И снова помогала этому любовь. Я переживал первый серьезный роман с женщиной типа моей героини романа «Юность» Калерии. Она была замужем и имела двух маленьких детей. Я требовал разрыва с мужем, она боялась бедности, ибо привыкла к красивой и обеспеченной жизни. Что мог я дать ей, ссыльный, ограниченный в правах жителя и не имевший никакой будущности человек? Я должен получить университетский диплом. И вот я все свободное от газеты время употреблял на подготовку к окончательным государственным экзаменам по юридическому факультету. На пути была преграда: для допущения к такому экзамену я должен был представить от властей удостоверение в политической благонадежности. Я нашел и тут лазейку. Своими фельетонами и статьями о жизни и быте калмыков я привлек благосклонное внимание местного губернатора и управляющего калмыцким народом, с которым был знаком уже как редактор местной газеты. Когда я в разговоре с ним на одном калмыцком празднестве поделился своим желанием сдать государственный экзамен и посетовал на невозможность достать свидетельство о благонадежности, он план мой одобрил, а вместо свидетельства о благонадежности предложил очень остроумный выход:

— Подайте мне прошение: я зачислю вас чиновником особых поручений при управлении калмыцким народом, конечно, без жалования, почетным, что вы заслужили своими литературными

работами о калмыках. Как состоящий на государственной службе, вы обойдетесь без свидетельства о благонадежности, потому что... щекотливое дело! Кому охота брать на себя поручительство! Я-то убежден уже в вашей лояльности, но специалисты в этой области очень пугливы...

Поблагодарил и подал прошение. Спустя неделю я был зачислен сверхштатным чиновником особых поручений, о чем и было пропечатано в местных «Губернских Ведомостях». Но тут снова вмешалась в мою судьбу ревнивая Революция и нанесла мне новый сильный удар, разрушив налаженную мирно жизнь и жестоко высмеяв мою любовь, настраивавшую меня не к счастью всего человечества, а только к личному счастью. Но тут для пояснения событий я должен вернуться месяцев на пять назад и рассказать один случайный эпизод, который оказался для меня и моего счастья роковым...

Бежавший из Сибири бывший народоволец и террорист Сабунаев⁷⁴, перейдя на нелегальное положение, двигался от Ярославля вниз по Волге и организовывал в приволжских городах партию «Молодой Народной воли»⁷⁵, группируя молодежь в кружки и комитеты. Постепенно он сплывал по Волге и добрался до Астрахани, куда приплыл на плотках в роли рабочего-сплавщика. Так как я был когда-то «героем», сидел в тюрьме и теперь находился в ссылке, то это давало основание революционерам считать меня в числе революционного запасного кадра. Не знаю, по своей ли инициативе или по указанию кого-нибудь в Казани или Нижнем, Сабунаев, переряженный типом мелкого лавочника или торговца, явился в редакцию и потребовал личного свидания с редактором. Лично я никогда этого человека не знал, но по революционным святцам знал имя этого «мученика нашего самодержавия», кроме того он назвал имена таких почтенных для меня лиц, дававших ему указания, что я не мог усомниться в подлинности лица. Да и мало ли кто и зачем может явиться в редакцию и говорить с редактором? Это еще не преступление.

— Вы должны мне помочь: требуется ночлег. Я на нелегальном положении, и потому гостиницы опасны. Только на одну ночь. Я здесь по важному делу.

Жил я тогда на окраине города, на пустыющей пока даче, в виноградниках, где так удобно было развертывать страницы своего большого романа; кругом безлюдье: дачу сторожила одна старуха, и та была почти слепая. Почему не приютить на одну ночь Сабунаева? Придем ночью, а ночи были темные, и я введу его через окно, так что и старуха ничего не будет знать... Все-таки «революционное прошлое» требовало от меня хотя такой ничтож-

ной услуги. Переночует и уйдет! И вот решено: в 10 ч. он ждет меня в назначенном пункте, потом следует за мной на приличном расстоянии на окраину города в сады. Он должен заметить ворота сада, куда я войду, и ждать. Я сделаю разведку и освещу окно зеленой лампой. Он должен виноградником пробраться к этому окну и сидеть, пока я не погашу лампу и не раскрою окна. Тогда он влезет в мою комнату. Окно невысоко, в первом этаже. Все вышло удачно, и гость очутился в моей комнате, где так много было уже романтических тайн, а теперь вторглась еще революционная.

До сих пор не могу забыть этой кошмарной ночи! Полусумасшедший господин, обритый и скрывавший голый череп рыжим париком, с испуганно-блуждающими глазами, вздрагивающий и при каждом шорохе и звуке в сенях или за окном выхватывающий револьвер, с нервными подергиваниями глаза, рассказывает, что воскресла «Народная воля», что им организованы комитеты по всей Волге, налажена уже тайная типография, и вот он, как член исполнительного комитета новой партии, предлагает мне вступить не только членом партии и принять на себя организацию отделения в Астрахани, но имеет поручение исполнительного комитета просить меня, как химика и специалиста по взрывчатым веществам, заняться немедленно устройством лаборатории для изготовления взрывных снарядов для возобновления террористической борьбы. Деньги имеются.

Искушение Дьявола: когда-то ведь я мечтал сделаться вторым Кибальчицем, так вот рок посылает мне исполнение желаний!

Никакого отклика в моей душе! Во-первых, не было уже веры в полезность террора, не было прежней жажды мести, а во-вторых, любовь вела меня совершенно в другую сторону. А в-третьих, гость, по мере объяснений, все более напоминал мне не бежавшего из Сибири, а бежавшего из дома умалишенных. Он по минутно сдирал парик и отирал мокрую голову, потом снова превращался в рыжего, по минутно оглядывался по сторонам, на окно, на дверь и невольно вызывал в памяти героя гоголевских «Записок сумасшедшего». Об устройстве лаборатории говорил не серьезнее гимназиста. Что-то похожее на гоголевского Поприщина, и на гоголевского Хлестакова, и на «рыжего» из балагана. Получив от меня ответ, что я не верю в террор и признаю огромной ошибкой убийство царя-освободителя, он начал истерическим шепотом кричать на меня, упрекая в измене убеждениям. Это меня обозлило, и я громко и отчетливо, засунув руки в карманы, заявил:

— Ни заниматься лично убийствами, ни помогать другим совершать убийства я не могу и не хочу! И я очень удивлен, что вы

обратились ко мне с этим предложением. Я борюсь теперь только словом убеждения!

— Позиция безопасная! Нет, тысячу раз нет! «Любовь к нам явилась облитая кровью с креста, на котором был распят Христос!»

— Вы совершенно насильственно зачислили в свой комитет Христа!

— Тогда нам больше не о чем разговаривать! Я немедленно ушел бы от вас, но, к сожалению, уйти теперь некуда. Надеюсь, что ваши новые убеждения не помешают вам сохранить в тайне весь наш разговор?

— Можете быть в этом уверены.

Долгое неловкое молчание. Я даю ему тюфяк и подушку, делаю себе постель. Мой гость подергивается судорогами, что-то бормочет, ищет куда-то положенный парик. Я лег и притворился заснувшим. Гость тоже улегся на тюфяк. Окно было закрыто только прозрачным жалюзи. В щели поддувал прохладный влажный ветерок, доносился шепот листвы. Мне не спалось: сегодня в 10 должна бы прийти повидаться и поговорить Калерия, а пришлось это свидание отменить и заменить этим глупым свиданием и глупым разговором с полусумасшедшим человеком... Рано утром гость ушел, не дождавшись моего пробуждения, а я так и не спал еще. Только с уходом гостя я свободно вздохнул и крепко заснул.

Продолжение через пять месяцев, когда я, совершенно позабыв о рассказанном свидании, сделался неожиданно чиновником особых поручений при управлении калмыцким народом и меня пропечатали уже в официальной правительственной газете, когда мой роман казался почти победным, все рассыпалось, как карточный домик: внезапный обыск, арест и превращение из чиновника особых поручений в политического арестанта. А накануне ареста удар и с другой стороны: Калерия испугалась разрыва с мужем и уехала далеко, с просьбой простить и навсегда все забыть! «Все, что случилось, было только — мой каприз!» Еще накануне мне казалось, что вся моя жизнь в одной Калерии, и вдруг полная пустота! «Мой каприз!» Точно слепые глаза раскрылись и увидели самообман. Глаза, как черные бездны, а душонка — грязная лужа, в которой видно дно. А тут допросы. Сперва все отрицаю, но скоро убеждаюсь, что я предан, и начинает думаться, что предан самим случайным гостем. Весь разговор наш воспроизводился в таких подробностях, в таких точных выражениях, что игра в запирательство невозможна. Известно даже, что я отказался вступить в комитет и делать разрывные бомбы теми самыми резкими словами, какими я это сделал. Оставалось только рассказать всю

правду, что я и сделал. А впоследствии выяснилось, что по следам Сабунаева ехали шпионы и только ждали, когда нива созреет для жатвы. Очевидно, во время нашего разговора за прикрытым только жалюзи окном сидел тоже шпион и все записывал. Но каково благородство шпиона царских времен сравнительно со шпионами коммунистической партии: не только ничего не прибавил для моей гибели, но записал и то, что говорило в мою пользу и в мое оправдание!

VIII. ВТОРАЯ ТЮРЬМА

Как превратна судьба! Еще три дня тому назад я считал все отношения с революцией навсегда порванными; казалось, что соперница революции, любовь, победила, вырвала меня из цепких когтей этой пожирательницы нашего молодого поколения, превратила меня в «чиновника особых поручений» и готовила в счастливые супруги прекрасной Калерии и отцы двух готовых детей. А вот теперь я, как зверь в передвижном зверинце, сижу на арестантском пароходе с обнесенной проволочной железной сеткой палубой и еду в Казань!

И рад бы, говорит пословица, попасть в рай, да грехи не пускают!

Таков закон интеллигентских судеб: раз молодой человек получил штемпель «политически неблагонадежного», раз он получил тюремное крещение, ему почти не было возврата, если он не мог превратиться в предателя или доносчика на своих бывших товарищей! Не спасло, как видите, даже звание «чиновника особых поручений» при управлении целым калмыцким народом! Да простит мне бывший либеральный астраханский губернатор, управляющий калмыцким народом, что я причинил ему совершенно невольную большую неприятность, неожиданно получив опять звание «политического арестанта». Видит Бог, что это не входило в мои намерения, которые были совершенно благонадежны... Значит, всемогущая Революция продолжала числить меня в кадрах своего запасного ополчения, как и охранительная власть «особого корпуса жандармов». И та, и другая сторона настаивали:

— Никуда не скроешься. Ты *должен* быть революционером!

И вот я снова в Казани, где происходит центральное следствие по делу «Молодой Народной воли»... Возвращение к родным пенатам. Допросы в присутствии прокурорского надзора. Прокурор относится ко мне с нескрываемой симпатией. Благородный шпион дает ему основание, в конце концов, обвинять меня лишь в укры-

вательстве бежавшего преступника и в недонесении властям о его пребывании в Астрахани...

— Я никогда не служил в охранном отделении и считаю это требование закона аморальным и устаревшим...

Мать подняла на ноги всех друзей. Начала, по совету того же прокурора, хлопоты о моем временном освобождении на поруки. Жандармская власть потребовала залог. Газета «Волжский вестник» внесла его, и я очутился на свободе! Дело поступило на решение Департамента полиции в Петербурге, когда-то там соберутся еще разобраться в судьбах великого множества обвиняемых, намербованных по всем приволжским городам! Тюрьма еще в туманном отдалении, а кругом кипит жизнь и весенняя радость. В Поволжье я — «литературная и революционная знаменитость»: у всех на памяти мои заслуги. В редакции «Волжского вестника» меня принимают радостно в секретари и фельетонисты. Руководит газетой бывший революционер Иванчин-Писарев⁷⁶, друг Н.К.Михайловского, литературно-критический отдел в руках другого бывшего революционера г.Богдановича. Все «свои люди». Снова родная привычная стихия газетного мирка, снова водоворот творческого бытия, только с большими горизонтами: мои рассказы и фельетоны перепечатываются многими провинциальными газетами, в Поволжье я уже популярен, я одной ногой шагнул уже в столичную журналистику: я печатаюсь в гайдебуровской «Неделе» и ее книжках⁷⁷. Столичные журнальные обозреватели уже отмечают мои произведения и делают из них выдержки⁷⁸. Так как в своих произведениях я уделяю особенное внимание молодежи, то становлюсь ее любимцем...

Астрахань осталась где-то далеко-далеко позади. Еще не совсем зарубцевалась любовная рана души, но боль все тише и слабее, потому что на пути жизни встретилась уже другая прекрасная светлая девушка с огромными золотистыми косами, с такой чистой прозрачной душой, самое совершенное воплощение того типа, который впоследствии сотворен мною в романе «Юность». Она еще гимназистка, оканчивающая 8-й класс гимназии⁷⁹. С ее братом я когда-то учился в одном классе и одной гимназии: он давно уже сделался «политическим» и только недавно вернулся в Казань из ссылки⁸⁰. Такая счастливая случайность! Мы встретились с ней в квартире редактора газеты. Я ей рисовался как писатель и «герой», она мне — обретенным идеалом девушки. И вот новая борьба любви с революцией! Мы — жених с невестой. Но у нее впереди окончательный экзамен, а у меня — новый курс тюремного лечения. Мы почти ежедневно встречаемся в редакции и в прилегающей к ней квартире редактора. Наша любовь там встречает общий

привет. Правда, над нами немного подшучивают и называют нас «иглолкой с ниточкой», но все шутки такие радостные и доброжелательные, что мы не сердимся. Родные не все одобряют наше решение пожениться: у жениха, кроме тюрьмы, как будто ничего нет для счастливой семейной жизни, при том же в Казани я утвердил уже за собою репутацию Дон-Жуана, влюбчивого и непостоянного, а кроме того на моем попечении имеется уже семейство: мать, брат и сестра. Если мать невесты обеспокоена моей репутацией, то мать жениха обеспокоена потерей моей материальной помощи. Но какое нам дело? Мы так верим в себя и в друг друга, что отмечаем все препятствия. Мой соперник, толстовец, пугает Валю:

— Да ведь он в тюрьмах сгниет!

— Ну и я с ним!

Никакое благоразумие не в силах нас напугать и остановить девятый вал любви! Революция наносит удар: кончилось наконец наше дело, и на мою долю выпадает билетик лотереи с полгодом одиночного заключения! Награда за ночь, проведенную с полусумасшедшим господином...

И вот жених — в тюрьме. Кто хочет знать, как я там жил и себя чувствовал, пусть перечитает посвященные этому моменту в романе «Юность» страницы. Повторяться не хочется. Невеста кончила гимназию и в тот же день пришла полноправной гражданкой ко мне на свидание. А когда я отбыл полугодичное одиночество, то взял в редакции аванс в 75 рублей, и мы поженились. Я снова стал секретарем и сотрудником «Волжского вестника», и мы жили, как два голубя, на мансарде над редакцией. Два с половиной месяца беззаботно и радостно ворковали, а потом неприятное напоминание со стороны проклятой неотвязной Революции: высылка из Казани в 24 часа!

По выходе из тюрьмы мне было разрешено остаться в Казани под условием жить смирно, без вмешательства во внутреннюю политику и студенческие революционные предприятия. Дать подписку. Вмешательство получилось совершенно неожиданно для самого себя. Был в Казани профессор Осокин⁸¹, он же ведал в губернском земстве школьным отделом. Огромный свиноподобный великан, слабоватый в своих любовных похождениях... От него зависело назначение и увольнение учителей и учительниц в земских школах. Этим он пользовался в своих похождениях. Было немало историй возмутительного свойства с этим ловеласом, но все ему сходило с рук, пока я не вмешался в разоблачение по следующему поводу: приходит в редакцию студент и рассказывает о новом подвиге Осокина: последний пообещал его сестре дать место, если

она согласится провести с ним ночь. Та ответила дерзостью и назначения не получила. Студент ходил объясняться с оскорбителем, но его не пустили, и профессор пострашал жандармами, если они вздумают сделать скандал.

— Если эта подлость пройдет ему безнаказанно, я застрелю его, как собаку! — говорил студент и, судя по его душевному состоянию, это могло произойти.

Совещание в редакции. Я в совершенстве владею эзоповским языком: я должен написать такой фельетон, чтобы цензура не могла догадаться, в чем дело, и пропустила, а все мало-мальски умеющие читать между строк поняли и узнали героя. И такой фельетон я написал, и он прошел через цензуру. Эффект получился громоподобный. Все узнали Осокина, и в тот же день студенты выгнали его из аудитории. Вечером в театре, завидя с верхов райка и балкона Осокина, компания студентов выгнала его из театра. А на следующий день меня вызвали в жандармское управление и объявили, что я высылаюсь в 24 часа из города!

Разорили голубиное гнездо!..

Конечно, все порядочные люди в городе оказались на нашей стороне, и я менее чем в 24 ч. получил место счетовода на строящейся ветке железной дороги от Казани на уездный город Алатырь на Суре. И никогда в этом городке не было еще такого счастья, какое привезли мы туда со своей любовью! Счастье рождало буйное вдохновение. И наша жизнь в Алатыре была одной из лучших страниц нашей младости.

IX. ВОЙНА С МАРКСИСТАМИ

Полтора года в Алатыре пронеслись, как два месяца. Не страшна была, а мила тогда эта глушь, это захоlustье, медвежья берлога в огромных сосновых лесах, прорезанных светлой и бурной рекою Сурой. Весь мир тогда был для нас друг в друге, и хорошо было, что ничто не мешало здесь нашей уединенности. Даже служба в счетоводстве, звучащая так сухо и прозаично, оказалась приятной: меня часто посылали на линию постройки, в лесные просеки, где строились станционные постройки. Так хорошо было блуждать лесами на верховой лошадке и в лесном молчании прислушиваться к своему счастью! И какая радость после разлуки на два-три дня вернуться домой, к своему счастью! Не опишешь... Любовь победила Революцию и вернула меня к художественному творчеству. В Алатыре начинается попытка печататься в толстых столичных журналах. Написал первый большой рассказ из гимна-

зической жизни, назвал его «Ранними всходами»⁸², посвятил, конечно, молодой жене и смело направил в «Русскую Мысль». Ответ от редактора г.Лаврова⁸³ поразил меня:

— Написано прекрасно, но мы не находим возможным занимать наших читателей романами героев первого класса гимназии. Переделайте возраст, и тогда напечатаем с удовольствием.

— Вот так критики! — вырвалось у меня. — Вся прелесть рассказа именно в том и заключается, что мои герои — ребятишки, а он переделать возраст предлагает. Какие сапожники сидят иногда в редакциях в качестве ценителей художественной литературы!

Жена плакала от обиды и огорчения. Я гордо утешал ее:

— Ведь сам же пишет, что написано прекрасно!

Посылаю рукопись в редакцию журнала «Мир Божий» (будущий «Современный мир»)⁸⁴ и получаю длинное восторженное письмо от редактировавшей и издававшей тогда этот журнал г.Давыдовой⁸⁵. Она читала мой рассказ Н.К.Михайловскому, редактору «Русского богатства», и тот признал в авторе нового талантливого автора и просил Давыдову написать мне, чтобы я прислал будущий рассказ в «Русское богатство». Мы торжествуем. Чаша счастья полна пьянящим восторгом: теперь я — настоящий писатель! Жажда писать необъятная. Написал рассказ из жизни маленького городка «Gaudeamus igitur»⁸⁶ и послал в «Русское богатство». Скоро получаю письмо со штемпелем этого журнала. Пишет сам Михайловский своими несуразными каракулями: рассказ понравился, принят, и Михайловский просит продолжать сотрудничество в его журнале. В 1893 г. почти одновременно в обоих журналах появляются мои рассказы...⁸⁷ Надо знать, что значило в то время для начинающих писателей попасть в толстые ежесычники да получить благословение такого всесильного критика, каким был тогда Н.К.Михайловский! Мою радость можно было сравнить с чувством человека, который, долго блуждая по глухим проселочным дорогам, неожиданно выбрался на большую дорогу, с телеграфными столбами, с рельсовыми колеями, широкую, людную и веселую.

Постройка дороги кончилась, и мы поехали на заработки в г.Самару, на родную Волгу. Это было зимою 1893 г. Почему в Самару? — там две газеты, вечно ругающиеся между собой: «Газета» и «Вестник»⁸⁸. Первую редактирует народоволец г.Ашешов⁸⁹, вторую — группа новорожденных «марксистов», два кружка бродячей интеллигенции, так напоминающей бродячих музыкантов. В «Газете» — мешанина из народников, народовольцев, народоправцев и постепенцев, но курс передовой и оппозицион-

ный ко всем властям и враждебный новой интеллигентской секте, во главе которой тайно стоит помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов⁹⁰, пишущий под псевдонимом Ленина в заграничных нелегальных изданиях. Тот самый, вместе с которым я был выслан из Казани в 1887 г., «брат повешенного». Среди его учеников и друзей: брат моей жены, М. Григорьев⁹¹, будущий экономист Маслов⁹², Молотов, Циммерман⁹³ и еще несколько новообращенных. Сам Ленин благоразумно прячется за их спинами и живет тише воды, как самый благонамеренный обыватель. На его прибитой к дверям визитной карточке над именем и фамилией красуется даже корона: символ столбового дворянства, на которое опирается самодержавный император!⁹⁴ (Окраска в защитный цвет). Он числится помощником у почтенного либерального присяжного поверенного г. Хардина, но никакими юридическими делами не занимается. Поигрывает с патроном в шахматы⁹⁵. Мы часто встречаемся в квартире Хардиных, где бывает цвет местного передового общества, но никто не подозревает, что под личиной молчаливого приглашенного человечка прячется фанатик марксизма, поставивший целью перевести русскую революцию на новые пути классовой борьбы. Ленин говорит о всяких пустяках и кажется неинтересным и скучным в культурном обществе, окружающем семью Хардиных. Он никогда не появляется в редакциях и вообще сторонится с виду от революционной интеллигенции. Он руководит кружком тайно и действует в газете через своих друзей. «Самарский вестник» делается первым печатным легальным органом марксистов в России⁹⁶. «Классовая точка» и «производственные отношения» подсовываются под все явления и случаи русской жизни вообще и местной в частности. Долбят, как дятлы, однотонно и неустанно, отыскивая на все случаи социально-общественных отношений тексты из марксовского «Капитала». А издает газету самарский уездный предводитель дворянства г. Реутовский!⁹⁷ Самарский барин-помещик, и его же каждодневно секут сотрудники в собственной газете. Терпит во имя прогресса и уважения к чужому мнению, да еще и деньги дает. Вот тебе и «классовая точка зрения». Помещик, дворянин, капиталист, а содержит своих врагов, марксистов. Впрочем, таких абсурдов в русской жизни не оберешься. Какой-нибудь купец-эксплуататор всю жизнь дерет шкуру с ближнего, накапливает огромный капитал и вдруг, умирая, все скопленное разбойным образом достояние жертвует по духовному завещанию на различные богоугодные дела, обижая прямых наследников!..

Марксист и друг Ленина, брат моей жены, жил у нас, и моя теща кормила обедами всю холостую редакционную братию по

себестоимости. Мы жили в большой квартире, где была вечная толчея, главным образом, газетной братии обоих вражеских лагерей. Тогда еще не было в личных отношениях такой нетерпимости и ненависти, какие развились впоследствии. Но словесная война шла ежедневно не только в газетах, но и в нашей квартире. Мы обличали «еретиков», они старались соблазнить нас новой верой. Народ все молодой и горячий. Был, впрочем, в Самаре и нейтральный центр, где сходилась самая разношерстная интеллигенция всевозможных убеждений и направлений. Таким домом была квартира местного судебного следователя Якова Львовича Тейтеля⁹⁸. Тут бывало как на выставке всей русской интеллигенции, и никакие споры принципиального характера не допускались. На стене зала висел плакат: «I. Оставьте политику вместе с верхним платьем и тростью в передней. II. Не говорите здесь о старости и болезнях». И все старались не нарушать требований гостеприимных хозяев. Чуть сцепятся в каком-нибудь безлюдном уголке два врага и начнут шепотом грызню, сейчас же появляется хозяин с хозяйкой и, взяв их под руки, разводят по разным местам, предлагая по стакану воды. В этом доме я впервые встретился и познакомился с писателем Н.Г.Михайловским-Гариным, который являлся живым опровержением «классовых отношений» и «классовой точки», ибо, будучи богатейшим помещиком, всегда эксплуатировался крестьянами и разорился на путях облагодетельствования меньшего брата, материального и духовного⁹⁹. Несмотря на зрелость лет, его можно было назвать «молодым писателем», ибо он слишком поздно открыл в себе писателя, пройдя большую часть жизненного пути в роли крупного помещика и инженера-строителя железных дорог. В то время он только что прославился своим «Детством Темы»¹⁰⁰ и горел литературным творчеством, как юноша. Изумительный собеседник, красноречивый, привлекательной наружности, большой барин, всегда одетый с иголочки, предупредительно любезный, он привлекал все сердца, а дамские, конечно, в особенности. Когда бывал Гарин, эти сборища протекали в приподнятом настроении, оживленно, остроумно и потому весело. Бывал тут друг Л.Толстого Бибииков¹⁰¹, в имение которого на кумыс съезжалась обыкновенно захудалая революционная интеллигенция. Бывала графиня Толстая с сыном лет 14, упитанным и довольно глупым мальчиком, из которого потом вышел писатель Алексей Толстой¹⁰², перебежавший ныне к большевикам и им служащий. Бывал сотрудник нашей газеты Степан Скиталец¹⁰³, всегда с гусями, тоже будущий писатель. А в скором времени появился на самарском горизонте и Максим Горький¹⁰⁴, тогда еще неизвестный в большой литературе, только что начав-

ший пописывать в газетах и ведший бродячий образ жизни и терпевшийся около интеллигенции «самородок» из мещан Нижегородской губернии, с большим ярким литературным талантом, красочным языком и с нетронутым интеллигентскими «верами» самобытным восприятием. Он уже тогда дал в газету один из лучших своих по красочности рассказов — «На плотях»¹⁰⁵. Конечно, у этого непосредственного парня тогда не было никаких точек соприкосновения с Лениным, как и с марксизмом. Вольная душа, привыкшая ко всяким просторам и раздольям! Мы грызлись, а Максим Горький дружил с бывшим певчим церковного хора Степаном Скитальцем и посмеивался. Совершенно неожиданно эта газетная грызня оборвалась. Скончался царь Александр III¹⁰⁶, которого я воспел в своей оде. Телеграмма об этом была получена редакцией ночью, когда в редакции сидел один редактор Ашешов. Он наскоро написал по сему важному случаю передовую статью, с которой мы, прочие члены редакции, познакомились уже в напечатанном виде. Мы были возмущены проявленным, на наш взгляд, холопством со стороны редактора, который не счел нужным обсудить столь важную статью на общем собрании. В результате объяснений по этому поводу мы заявили коллективный протест и все бросили газету. На смену нам и пришел М. Горький со своей компанией. Из прежних сотрудников остался только приятель Горького Степан Скиталец. Горький начал писать под псевдонимом «Иегудиил Хламида»¹⁰⁷...

«Самарский вестник» постигла худшая доля. Жандармы открыли в Самаре организацию тайной типографии, следы от которой вели к сотрудникам названной газеты. Многих арестовали, в том числе и брата моей жены, а Ленин благополучно скрылся¹⁰⁸. «Вестник» закрыли на неопределенное время...

«Так кончился пир наш бедою!»

Х. «КАВАЛЕР» ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Был в моей жизни смешной случай. Прошло несколько дней после того, как я женился на семнадцатилетней гимназистке Вале. Идем мы с ней по улицам Казани в беспечно-радостном возбуждении, а навстречу нам — девица типичного для идейных курсисток того времени вида: очки, стриженные волосы, кипа книг под мышкой. Чувствую, что моя Валя дернулась с явным намерением поскорее перейти на другую сторону улицы, но было уже поздно: пришлось встретиться. Я прошел вперед, а Валя задержалась. Догнала потом меня взволнованная, красная, как пион, с пылающими щеками и ушами.

— Что с тобой? Случилось что-нибудь?

— Так... ничего.

Как я ни приставал, не сказала. Только спустя несколько дней я добился признания. Оказалось, что встречающая курсистка, подруга жены по гимназии и по «кружку саморазвития», распекала ее за то, что она вышла замуж. У них в кружке было постановлено не делать этого, так как брак есть цепи, отнимающие женщину у общества и превращающие ее в рабу. Дала слово, а сама первая выскочила! Надо сказать, что мы в свое время решали не жениться и вообще не заниматься любовью, ибо это — верная дорога к примирению с существующим порядком вещей и ко всяким компромиссам с житейской пошлостью...

Смешно и по-детски наивно. Но ведь в юности чуется богатырская сила, и мы бросаем вызовы самой природе! И смешно, и наивно, но, по существу, мы были правы: революционер должен быть свободен, как ветер, ибо «неоженившийся печется о том, како угодити Богу, а оженившийся — како угодити жене своей»!¹⁰⁹ Не привел ли меня роман с Калерией к метаморфозе из бывшего политического преступника в «чиновника особых поручений»? Только несчастный случай сохранил мою «политическую девственность». А вот теперь новое искушение и опасное тем более, что я уже женат и на моих руках: жена, теща и ребенок, дочка с поэтическим именем Новелла, да еще в недалеком будущем ожидается мальчик, которого решено назвать Романом¹¹⁰. А я после газетной катастрофы очутился без гроша денег и без перспектив получения откуда-нибудь более или менее значительного гонорара. Положение безвыходное, а тут черт снова подсовывает «либерального генерала». В Астрахани подсунул либерального губернатора, теперь — главного контролера государственного контроля Самаро-Златоустовской железной дороги Григоровича¹¹¹. И фамилия-то литературная!

Странное было время. Крутой самодержец Александр III и его правительство, казалось, не оставили ни одного уголка не очищенным от революционной крамолы. На поверхности — гладко и чисто, как на болоте в тихую погоду, а вот стоило помереть императору, как крамола снова стала вылезать из всех щелей: либеральные земства запросили конституции, и обнаружилось, что ожили все «бессмысленные мечтания», как выразился новый царь Николай II¹¹². Оказалось, что крутая расправа повела лишь к тому, что революция уползла в подполье, а либеральная сыпь пошла гулять в самих административных центрах и проявляться заболеванием генералов. Множество либеральных генералов! Генерал Драгомиров, государственный контролер Филиппов, министр

Святополк-Мирский¹¹³, все министерство земледелия, а в провинции — много губернаторов с либеральным душком, не говоря уже о менее высоких особах...

И вот снова искушение. Либеральный генерал Григорович нуждается в секретаре, который в совершенстве владел бы пером! Сам он туговат в этом отношении, а положение требует человека, умеющего отгрызаться от всех ведомств, но так мастерски, чтобы было почтительно и не обидно по внешности. Кто-то, кажется, тот же присяжный поверенный Хардин, который принял к себе в помощники Ленина, сказал генералу Григоровичу про меня. Тот уцепился за меня обеими руками: он был моим почитателем как читатель газеты. Вот именно такого ему и нужно! Направляюсь к генералу. Мил, любезен, просвещен, совершенно не пахнет генералом! Происходит нечто вроде экзамена: он дает мне длиннейшую бумагу из департамента железнодорожных дел и объясняет, что бы ему хотелось получить от меня. Написал очень ядовито. Генерал читал и подпрыгивал от удовольствия на кресле, радостно ухмылялся, а когда прочел, то сказал:

— Отлично, но местами того... Смягчить надо... Вот тут, тут, тут...

Смягчил. Подал. Превосходно! «Из вас выработается прекрасный секретарь!»

— Но я могу поступить при одном условии: моего права продолжать совершенно независимо от службы свою литературную деятельность!

— Сделайте одолжение! Пока я зачислю вас по вольному найму.

И вот я — секретарь государственного учреждения и вольный литератор... Спустя несколько месяцев генерала переводят в г. Минск. Генерал не хочет расставаться со мной и предлагает перевестись мне в контроль Либаво-Роменской ж.д. Пока я остаюсь еще в Самаре, но через полгода получаю перевод. К собственному удивлению, по приезде в Минск я оказываюсь зачисленным на государственную службу. Сперва я — счетный чиновник, через год — помощник контролера с чином «коллежского регистратора», а к Рождеству того же года, тайно представленный генералом к награде, делаюсь «Кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени»!

Говорят, что двум богам не служат. А я ухитрялся преуспевать и по службе, и в литературе. За пять лет жизни в г. Минске¹¹⁴ я написал и издал три книги¹¹⁵. Конечно, в моем творчестве тех лет отражалось пережитое, и потому я должен был сделаться «певцом провинции» с ее маленькими городками, маленькими

людьми, певцом Волги, певцом провинциальной интеллигенции всех видов: благополучной и гонимой, революционной. К этому периоду относятся «Танино счастье», «Именинница», «Фауст», «Блудный сын», «Студенты приехали» и два романа «Инвалиды» и «Чужестранцы», наделавшие немало шума как в критике и литературных кругах, так и среди интеллигенции в особенности. Оба последних романа были встречены со злобной партийной нетерпимостью. Одни усмотрели в них насмешку над народниками, другие — над марксистами¹¹⁶, в то время как я описывал только пережитую правду жизни. Очевидно, я ковырнул подлинное больное место и оскорбил прямолинейных фанатиков партийных идей своим юмором. От загоревшейся уже тогда грызни народников и марксистов я стоял в отдалении и лишь с добродушным юмором описывал кружковую жизнь революционной интеллигенции, её радикальную мечтательность и беспомощность, бесполезную жертвенность и вечное скитальчество, стоическую преданность своим программам вопреки требованиям действительности. Все это получило в этих произведениях свое правдивое отражение. Но так как появление их совпало со словесной дуэлью между народничеством и марксизмом, то вещи эти были поняты тогда как мое вмешательство в интеллигентскую грызню.

В результате — разрыв с «Русским богатством» и другими народническими изданиями и невольное сближение с журналами, ищущими новых путей. Сближение, впрочем, издалека. Первым таким журналом было «Начало» под редакцией г.Струве¹¹⁷. Как волка ни корми, а он все в лес смотрит! Душа жила как бы в двух плоскостях: казенно-чиновничьей и революционно-интеллигентской. Последняя искала приюта в литературе и в поддержании знакомства с местной неблагонадежной интеллигенцией. А среди нее были и весьма заслуженные революционеры, как например, помещик Бонч-Осмоловский¹¹⁸ и частенько гостившие в его имении под Минском Е.К.Брешко-Брешковская¹¹⁹, нынешняя «бабушка революции», вернувшийся каторжанин г.Ковалик¹²⁰, устроившийся благодаря «либеральному генералу» в местном Акцизном управлении; наезжавшая из Москвы подруга казенной по процессу 1 марта 1881 г. Софии Перовской А.И.Мороз, а также молодые, народившиеся, среди которых получивший впоследствии громкую известность революционер г.Гершуни, организовавший снова революционный террор и сам убивший уфимского губернатора¹²¹.

Пять лет жизни в Минске в личине чиновника и жителя «черты еврейской оседлости» обогатили меня большим запасом впечатлений и наблюдений над жизнью и бытом нашего чиновенства и евреев, отразившись в творчестве соответствующими рассказами

и пьесой «Евреи». Я получил уже второй чин и был произведен в контролеры, в перспективе маячило новое «кавалерство Его Величества», я имел уже четырех детей, и казалось, что мне суждено сгнить не в тюрьме, как предсказал один толстовец, а весьма почтенно и благопристойно в высоком чине, со многими орденами, — как вдруг мой чиновный дом рассыпался, как карточный домик. В Петербурге открылся новый литературно-общественный журнал «Жизнь»¹²², не совсем марксистый, но с таким душком, с поисками новой идеологии в эту сторону. Устой революционного народничества были уже тогда сильно поколеблены, вера в «мужика» пошатнулась, интеллигенция держала курс на «рабочего». Я уже не верил, что наш мужик — социалист прирожденный, не верил ни в общину, ни в артель, ни в сектантство. Жизнь и личный опыт сделали из меня скептика по отношению к народнической идеологии. Но и марксизм меня не победил. Он унижал человеческую личность и обрезал крылья у творческой человеческой души. И все-таки практически, через организацию огромных масс под флагом социализма, — тогда в форме социально-демократической партии, — он был ближе к жизни. Жизнь и события толкали интеллигенцию в эту сторону, сдвигая ее с продолжительной «мертвой точки». Революционный марксизм подрастал на навозе разлагавшегося народничества. Происходила, если так можно выразиться, диффузия идеологий: полународники и полумарксисты, а в центре — фанатические ортодоксы марксизма. Недостигаемая цитадель марксизма пребывала за границей, и богами новой веры были Плеханов и его ученик Ленин. Последний, впрочем, никогда не был чистым марксистом. Ленин был лукавым учеником Плеханова и Иудой Карла Маркса. Ленин давно уже мечтал, как Архимед в математике, найти такую точку опоры, чтобы перевернуть Русскую землю с ее самодержавием. И такую точку он почувствовал в марксизме. Отсюда истек и страшный русский большевизм... Не станем, однако, забегать вперед... Редактор «Жизни» г. В.Поссе¹²³ пригласил меня вступить в редакцию нового журнала, и я, положением своим давно снявший с себя ограничения жителя, поломал свою чиновную карьеру и, оставив семью в Минске, помчался в столицу, где никогда в жизни еще не был...

Наконец-то я настоящий столичный писатель! Мчусь в Петербург. Не буду описывать чувств закоренелого провинциала, который только 20 лет от роду увидел железную дорогу, а 36 попал впервые в Петербург. Первую неделю я был ослеплен, подавлен грохотом, движением, сверканием, морем огней и все боялся заплутаться и никогда не найти своей гостиницы. По своей провинциальной наивности я упустил из вида, что работа в журнале не

сможет прокормить меня с большим семейством. Я поторопился выйти в отставку, надо было просто перевестись на службу же. Литературные покровители немедленно исправили мою ошибку. Нашелся третий либеральный генерал и принял меня, как бывшего естественника, в Лесной департамент на место лесного таксатора с жалованием в 150 р. в месяц. 200-300 р. я мог заработать в журнале, и таким образом все наладилось. Но тут снова вмешалась в жизнь мою госпожа Революция, и, прожив в столице около месяца, я был изгнан экстренным порядком. Почти буквально повторилась «астраханская история»! Только «Правительственный Вестник» пропечатал о моем назначении старшим таксатором, как я попадаю снова в «политический инцидент»! 1 марта 1901 года на Казанской площади Невского проспекта должна была произойти политическая демонстрация студентов и курсисток, не помню по какому поводу¹²⁴. По инициативе «Русского богатства» было назначено собрание писателей с целью если не остановить молодежь от ненужных жертв, то хотя личным вмешательством помешать сражению и избиению молодежи казацкими нагайками. Решено было пойти на площадь. Избиение произошло, и не только одной молодежи, а многих, которые пытались остановить его. Особенно сильно пострадал тогда редактор «Русского богатства» Анненский и либеральный генерал, сенатор князь Вяземский¹²⁵. Я отделался участком и протоколом, после чего был освобожден. Возмущенные писатели, всегда видевшие последнюю инстанцию в гуманной Европе, составили воззвание к представителям мировой науки, литературы и государственности, где не поскупились разукрасить варварство и зверство русского самодержавия с художественным мастерством специалистов своего дела. Конечно, и моя подпись фигурировала в числе других. За границей воззвание было напечатано в газетах, а в России распространено в тысяче экземпляров. Начальство предприняло расследование и, между прочим, сделало открытие, что я — один в двух лицах: неблагонадежный, дважды сидевший в тюрьме писатель, и в то же время — кавалер ордена Св. Станислава, старший таксатор Лесного департамента! Как первого меня присудили к высылке в 24 часа, а как второму — дали трое суток отсрочки. Так неудачно закончилась моя первая попытка сделаться столичным писателем и жителем! Вернулся в г. Минск отставным старшим таксатором, какое звание и осталось за мной до сего дня. Была большая семья, было два чина, имел орден Кавалера Его Величества, но не имел ни гроша денег... Вернулся в первобытное состояние неблагонадежного и свободного художника, без права жительства, впрочем, в столицах и университетских городах еще в течение трех лет...

XI. ВСТРЕЧА С ЧЕХОВЫМ

Странная судьба! Все мои попытки попасть в столицу, в Петербург или Москву, кончались катастрофами. До 40-летнего возраста оставался ограниченным в правах жительства. Почти 20 лет волочилось за мной «клеймо политического арестанта», а между тем я никогда не был не только активным революционером, но даже активным политиком. Участие в студенческих беспорядках и «Ода императору» были единственными прямыми услугами с моей стороны делу Революции во дни младости. Правда, словом своим я всегда боролся за дело освобождения страны и народа от всякого произвола и насилия, но ведь у нас свободного слова не было, и все, что я печатал, появлялось с благословения цензуры! Не помогли ни «чиновник особых поручений при калмыцком народе», ни чин губернского секретаря при Высочайшем рескрипте, где было сказано: «нашему», ни звание «Кавалера Его Величества», и никакие «либеральные генералы». Раз «назвался грибом, полезай в кузов» неблагонадежности! Можно подумать, что г-жа Революция мстила мне за измену ей и 20 лет издевалась надо мной, внушив охранному начальству «внутреннее убеждение» в моей опасности для государственного устройства Российской империи.

И вот 40 лет жизнь моя протекала в провинции, которую я исколесил во всех направлениях и познал во всех мельчайших бытовых и психологических ее черточках. Хорошо это или плохо было для меня как писателя? Я — оптимист и склонен думать, что, творя злое дело преследования без особенных оснований, начальство, помимо своей воли, помогало мне изучать и свой народ, и свою родину не из прекрасного теоретического далека, а путем личных и непосредственных впечатлений и переживаний. Правда, в силу этих обстоятельств я в литературном отношении был почти всегда одинок, как отбившийся от стаи журавль, но и тут, как говорится, не было худа без добра: я не варился в специальной профессиональной среде с ее литературно-партийной грызней, с ее скрещивающимися большими самолюбиями, тщеславием, завистью, не держался ни за какие хвосты благосклонных критиков. Я пробивал себе дорогу к душе и сердцу читателя сам, без всякой помощи и протекции литературных покровителей, и добился любви и внимания читателей гораздо скорее, чем многие другие криком и шумом критиков. До переезда в Москву накануне первой революции (1905 г.) мои встречи и связи с писателями были случайны и малочисленны. Каронин, Короленко, Глеб Успенский, Мамин-Сибиряк, Анненский, Богданович. Но все это было во мла-

дости и мимолетно. И только с одним Карониным была душевная близость. Правда, попав ненадолго в Петербург, я успел увидеть почти весь столичный Олимп, но все это было «видение». Точно перелистал альбом с портретами. Не скажу, чтобы меня и огорчало особенно это обстоятельство. Ведь все лучше издали, как и писатели. Но вот к кому меня тянуло неудержимо — к А.П.Чехову!..

К нему меня влекла какая-то исключительная симпатия. Должно быть, моя провинциальная натура и мое знание провинции, ее глухих уголков и ее героев давали резонанс в моей душе при чтении произведений этого писателя. Я любил его родственной любовью и тайно лелеял мечту когда-нибудь познакомиться с ним. И когда я жил в г. Минске, эта мечта исполнилась. Я впервые, получив на Пасху отпуск по службе, поехал в Крым. Увидать и познакомиться с Антоном Павловичем было не только радостно, но и страшно. Хотя тогда имя Чехова уже нередко появлялось на обложках журналов рядом с моим, но я, провинциал, всегда стеснялся и избегал искусственных встреч со знаменитостями. Хотя, например, я знал, что Л.Н.Толстой пленился юмором некоторых рассказов¹²⁶ и интересовался, расспрашивая других о Чирикове, но я все-таки не решился, когда меня звали ехать в Ясную Поляну, и потому не имел счастья видеть его. И к Чехову показаться было тоже страшно, но в нем я прозревал простого и скромного провинциала и потому поборол свой страх и застенчивость, хотя Чехов был уже в зените своей славы, «объелся» ею и, больной, искал тишины и уединения, боясь надоедливых поклонников и, особенно, поклонниц. Жил он на своей даче в Аутке, над Ялтой, осаждаемый курортной публикою, съезжавшейся в Крым к Пасхе огромными стаями. Особенно докучали ему дамы и девичьи, заочно влюбленные и искавшие случая объясниться или поговорить о его героинях, а может быть, и посвятить писателя в свой тайный порок литературной графомании...

И вот теперь едет еще один поклонник!

Живу в Ялте в номерах. Несколько раз уже ходил в Аутку и бродил, как влюбленный гимназист, мимо дачи Антона Павловича. Ждал — не выйдет ли? Не решался войти в калитку и возвращался. Так неужели так и уеду, не повидав Антона Павловича? Обидно. А время бежит. Скоро конец отпуска. И вот не выдержал: написал Антону Павловичу письмо с приветом и извинился, что не явился лично, боясь помешать ему работать¹²⁷. Опустил письмо в почтовый ящик и стал мучиться ожиданием. Вечером в тот же день меня требуют к телефону. Кто меня может здесь звать? Покраснел от волнения. Бегу в телефонную будку:

— Я у телефона. Кто говорит?

— Чехов. Как вам не стыдно? Я ведь не губернатор и не пишущая машинка, чтобы всегда только писать... Жду вас! Сейчас же!

— Я боялся... Вам так здесь надоедают.

— Это совсем не может относиться к писателям. Для них я всегда дома и только рад, что меня не забывают. Приходите сейчас же... чай пьем!

Я взял извозчика и поехал. Спустя полчаса я был уже в кабинете Антона Павловича и — странно! — чувствовал себя так, точно давным-давно был в этом кабинете и знал этого милого, кроткого, застенчивого и деликатнейшего человека! Спросил о здоровье:

— Ничего. Покашливаю.

Кашляет и плюет в маленькие бумажные сверточки-фунтики, аккуратно складывая их на карнизе камина. На столе — раскрытый томик Мопассана:

— Любите его, Антон Павлович?

— Учусь! Вот где нет ни одного лишнего слова, ни одной ненужной запятой.

— Пишете что-нибудь?

— Письма пишу... актерам. Это труднее, чем рассказы. Очень обидчивый народ.

Заговорили о Художественном театре.

— Я никогда не был в нем.

— Надо посмотреть. Надо пьесы писать. Писатели должны это делать, а не ремесленники сцены. Вы сколько книг написали?

— Три тома.

— А вам сколько лет?

Я сказал. Антон Павлович глубокомысленно помолчал и произнес:

— Напишите еще десять.

Говорили о молодых писателях: обо всех отзывается хорошо, все интересны и талантливы. Изумительная черта: впоследствии я не встречал ее ни в одном писателе. О ком ни заговоришь, непременно старается умалить и убавить. А Чехов ко всем доброжелателен и ласков. Спросил меня, есть ли дети:

— Трое.

Ласково улыбнулся.

— Книг написали три, и детей — трое. И детей у вас будет много... Надо считать, в среднем, один — на два тома, стало быть у вас будет не меньше шести¹²⁸. Я страшно люблю детей. Пришлите мне фотографию ребятшек... У меня — целая коллекция...

— Хорошо. Я пришлю вам Новеллу.

— Имя такое придумали?

— Да.

Снова веселая улыбка:

— В Италии, что ли, родилась?

— В Самаре.

— Фантазер вы... Так вот мне эту... Новеллу! Вон в одном семействе назвали младенца Аполлоном, а вышел курносый.

— У нас очень красивая девочка...

— Ну, слава Богу! А то надо быть родителям поосторожнее...

Посмеялись. В передней настойчиво звонил колокольчик. Услышав его, Антон Павлович притих и насторожился. Звонить перестали, и мы снова начали болтать о пустяках. Никакого желанья казаться значительным, мудрым, загадочным, что наблюдал я на многих из писательской братии впоследствии. Вошла старушка с мягким приятным лицом.

Антон Павлович познакомил:

— Вот, мать, писатель Евгений Чириков... Три тома и трое детей! А кто там звонил?

— К тебе! Опять девица. Я сказала, что ты работаешь. Какие нынче дерзкие стали: я спрашиваю, по какому делу? «Это вас не касается!» — говорит... А в руке толстая тетрадка... Не драму ли сочинила...

— Ох, это всего страшнее... Я уж однажды чуть не убил одну даму...

— Пожалуйста чай кушать...

Прошли в столовую, а в передней снова звонок.

— Мама, спасайте!

Пошла и быстро вернулась.

— Кто?

— Да опять женщина, только эта тихая и скромная... Мне даже жалко было отказать. Чуть не плачет...

Антон Павлович опечалился:

— Я боюсь «сезонных», а из-за них приходится всем отказывать.

Разговорились об отношении писателя и читателя, и вот какой интересный случай рассказал Антон Павлович.

— Был у меня один случай, и вот я все боюсь теперь обидеть кого-нибудь... Принимать всех — это значит бросить совершенно работу и заниматься только приемами посетителей. А могут произойти ошибки... Года два тому назад, например, такой случай. Однажды утром я пошел погулять по набережной. Я гуляю рано, пока спит сезонная публика. Встретился с писателем Елпатьев-

ским, и присели мы с ним на лавочке, в уединении, чтобы вместе помолчать. Неожиданно подходит чистильщик сапог, татарин, и подает мне букет роз. Ну, думаю, беда: какая-нибудь сезонная дама, страдающая бессонницей.

— От кого? — спрашиваю.

Татарин показал жестом на сидевшую вдали от нас на скамейке одинокую даму... или девицу. Далеко: не разберешь! Я был в хорошем настроении духа и пошутил: передал цветы своему спутнику. Тот — мне обратно, я — снова ему. А потом мы встали и пошли, а цветы оставили на лавочке... Конечно, я очень скоро забыл об этом происшествии. И вдруг, спустя несколько месяцев, этот пустой случай превращается в трогательную красоту женской души, перед которой до сих пор стыдно мне. Получаю письмо из сибирской глуши, из Иркутской, помнится, губернии. Какая-то сельская учительница пишет мне, что она три года копила деньги, чтобы поехать и увидеть, и поговорить со мной! Пишет, что приходила в Аутку, но ее не пустили. Стала подкарауливать, и вот однажды утром ей удалось увидеть меня издали. Подойти не решилась, а купила роз и послала с татаринком. «Вы, пишет, бросили мои розы, но это все равно: я уже счастлива, потому что все-таки увидела моего любимого писателя!»...

— Да. Зло шутит иногда над нами жизнь... Эта девушка вспоминается мне теперь часто, когда в передней раздаются звонки...

Печальные глаза Антона Павловича помнятся мне вместе с рассказом его о бедной девушке с цветами¹²⁹...

Так я впервые познакомился с А.П.Чеховым, чтобы навсегда полюбить его не только как писателя, но и как редкого по душе человека. Награжденный книгами с автографами автора и счастливый от общения с ним возвращался я в Минск из двухнедельного отпуска. Мы переписывались изредка¹³⁰. Несколько раз я бывал у него потом в Москве. Видел его в последний раз уже совершенно больным: он уезжал за границу, чтобы там умереть.

ХII. «НОЕВ КОВЧЕГ» РЕВОЛЮЦИИ

Итак, «Кавалер Его Величества», как выражались волжане, снова очутился на мели. Впрочем, теперь это не было уже страшным: я оставался ближайшим сотрудником журнала «Жизнь», где, помимо своих художественных произведений, печатал ежемесячные провинциальные обозрения, сделавшиеся одним из «гвоздей» этого журнала¹³¹, и потому мог ждать благоприятной погоды без особенной нужды. Так как я уже трижды не оправдал до-

верия «либеральных генералов» и всякий раз, воспользовавшись их покровительством, или попадал в тюрьму, или в «политическую историю», то, поддавшись суеверию, решил окончательно оставить государство без своей помощи и поискать пристанища в других сферах. Прожить на один литературный заработок с большой семьей было трудно, и я стал искать частной службы.

Жило-было тогда на свете транспортно-пароходное общество «Надежда», имевшее огромное дело во всех городах Российской империи: собственное пароходство на Волге от г. Нижнего Новгорода до Астрахани и тысячи транспортных контор, разбросанных по всем мало-мальски заметным узлам торгово-промышленного кровообращения страны. Это общество «Надежда» называли остряки из департамента полиции «Ноевым ковчегом революции», ибо в нем находили служебный приют очень многие интеллигенты из успокоившихся революционеров с казенным штемпелем «политической неблагонадежности», успевшие занять там значительные места и тянуть свою братию. У меня там опора в лице покойного теперь П.С. Анненкова, потомка известного декабриста. И вот я очутился в «Ноевом ковчеге» на ролях транспортного ревизора, в ведении которого была вся северная Россия и Волга с притоками: Шексной, Унжей, Ветлугой и Окой. Я и так знал провинцию, а тут раскрывались новые обширные горизонты для познания нашей необъятной родины. Архангельская, Вологодская, Петрозаводская, Пермская, Вятская губернии, каждая из которых по своим размерам — целое государство. Почти без железных дорог. Тройка с колокольчиками — единственный и лучший способ сообщения, а бывало, что и на крестьянской телеге или санях, на одной лошаденке ползешь, как букашка, по глухим углам. Вот где можно было почувствовать власть русского пространства, с его лесами, реками, озерами, снегами, оврагами, разливами и бескрайностью, в которых растворяется воля человеческая, с его разумом, и жизнь течет в фантастических грезах и видениях! Там еще пелись былины, жили сказочники и сказительницы. Там поистине пахло старой «Святой Русью»... Сколько новых впечатлений, встреч, чувствований! Ну как тут не сделаться оптимистом и не воскликнуть: «Все на свете делается к лучшему!» Судьба точно нарочно бросала во все стороны и приказывала: смотри и учись теперь не печатным рассуждениям, а по самой книге жизни! Вот пример. Как народник я представлял всегда себе и любил мужика бедного, несчастного, забитого, голодного и бесправного, а тут — богатые села, высокие и просторные чистые избы, красивый рослый и горделивый народ. А главное — все в один голос:

— Нечего Бога гневить, хорошо живем!

Стараюсь уловить хотя тень недовольства существующим государственным устройством: никаких протестов, всем довольны! Никакого социализма... самое мещанское и собственническое мировоззрение! Ничего им не надо: ни земли, ни воли! Какой подрыв «народническому евангелию»!

Постоянное передвижение мешало художественной работе, зато давало богатейший материал для моих «Провинциальных картинок». Теперь пора признаться: мы, писатели революционных настроений, проходили мимо всего светлого, что попадалось на путях жизни; мы, игнорируя это светлое и отрадное, усиленно выбирали только отрицательные факты и явления, нужные нам для обличения властей и перемены политического строя родины. Как мы не любили зажиточного мужика, который всем доволен, так мы игнорировали те факты и события, в которых власть нельзя было обвинить в произволе, насилии, глупости или корыстолюбии. Перед нашими глазами еще не было такого разлива всей этой мерзости, какая проявилась ныне, когда воцарился «Интернационал». Мы были очень чувствительны ко всякой несправедливости и постоянно делали из мухи слона. И было это как в нелегальной, так и в легальной печати, с тою разницей, что нелегальная, свободная от всяких счетов с цензурными требованиями, не стеснялась никакими средствами и перед Западной Европой изображала Россию, ее царя и правительство как жесточайшую варварскую тиранию, рисовала одну сплошную помойную яму во всех отношениях. Вероятно, именно этому мы обязаны тем ложным представлением о России царских времен, которое живо до сих пор даже среди просвещеннейших европейцев...

Это культурное, особенно же политическое самооплевание было свойственно русской интеллигенции моего времени. Вернее сказать, не моего времени, а многим столетиям русской истории. Мы всегда показывали наш национальный Дом не с парадного крыльца и парадных комнат, а со двора, с его мусорными и помойными ямами. А в каком доме их нет?

Так вот и я не представлял в этом отношении исключения. Я собирал по всем городам, городкам, слободам, селам только «цветы зла» и вязал их в пышные букеты, поднося ежемесячно в журнальном обозрении. Я не врал, я брал факты жизни, но факты односторонние, нужные мне для политических целей, и, получив от Господа дар юмора, лишь раскрашивал эти факты всеми красками слова. Мои обозрения производили огромный переполох в провинции среди обывателей и начальства, и ко мне полетели письма со всех уголков России. Все, что по местным цензурным усло-

виям нельзя было напечатать в своих газетах, жители и редакции направляли на мой адрес в редакцию «Жизни», а я перерабатывал в полубеллетристическую форму и пускал в обращение. Когда боялся встретить препятствие в столичной цензуре вследствие того, что действующими героями были очень высокие особы административного мира, я прибегал к эзоповскому языку, которым в совершенстве владели тогда наши читатели. У меня появилось множество своих собственных корреспондентов, искателей и восстановителей поруганной общественной и личной правды. Ко мне стали обращаться как в последнюю инстанцию все оскорбленные и обиженные. Моим именем стали пугать жители свое начальство: — В таком случае мне остается сообщить г-ну Чирикову!

Благодаря моим обзорам журнал получил огромное распространение и популярность в провинции, чему в равной мере способствовало еще начавшееся тогда печатание произведений Максима Горького, только что яркою ракетой взвившегося на литературном горизонте и привлекшего усиленное внимание как критики, так и читателей, — больших повестей «Фома Гордеев» и «Трое». Новому журналу дал тогда и А.П.Чехов одно из прекрасных своих произведений «В овраге»¹³². Журнал просуществовал недолго¹³³. Насколько помню, он был прикрыт по распоряжению правительства на несколько месяцев, а за это время издатель разорился, и дело кануло в вечность. Я перенес свою обличительную деятельность в другие журналы: печатал обзоры сперва в «Совр[еменном] Мире», потом — в «Русс[кой] Мысли» и кончил в «Вестнике Европы». Наиболее яркие из них я впоследствии собрал в две книги с заглавиями «Тихий омут» и «Взбаламученный омут»¹³⁴. Перечитывая их теперь, сам себе удивляюсь: ни одного светлого явления! Сплошная помойная яма! А между тем — все правда: все это было. Это две коллекции, тщательно и долго собираемые автором специально для революционной кунсткамеры. Читая эти книги, можно подумать, что все наше государство — сплошная и курьезная пошлятина! Прости меня, Мать-Родина, ибо был я слеп и, как многие тогда интеллигенты, не отличал России от правительства.

Проживая в г. Ярославле, я встречался с двумя будущими знаменитостями двух полюсов русской жизни: с тогдашним губернатором Ярославской губернии, бароном Штюмером, впоследствии министром-премьером страшных революционных дней падения самодержавия¹³⁵, и с Каляевым, будущим убийцею великого князя Сергея Александровича¹³⁶. С первым как председателем местной архивной комиссии, а со вторым как с сотрудником местной газеты, где Каляев вел хронику и пописывал лирические

стихи. С виду совсем sereneкий был человек этот Каляев, и я прошел как-то мимо него, не замечая огромной сокрытой в нем силы воли.

Из Ярославля в конце 1902 г. меня перевели в г. Нижний Новгород, который надолго связал меня и мое имя с Максимом Горьким.

ХIII. МАКСИМ ГОРЬКИЙ И «ЗНАНИЕ»

Тяжело и трудно делиться своими воспоминаниями, связанными с этим писателем и человеком, большим художником слова и революционером сперва «Духа», а потом «БРЮХА», сперва твоим другом, а потом непримиримым врагом¹³⁷. Но как из песни нельзя выкинуть слова, так невозможно выбросить из своей жизни этого человека и писателя, похожего на двуликого Януса. В 1915 г. Максим Горький написал претендующую на научность статью «Две души», в которой доказывал, что в русском народе воплотилось две души: славянская и монгольская. Если эта идея «евразийского порядка» абсурдна для нации, самая сущность которой заключается в наличии единой исторической души, то весьма правдоподобна в применении к отдельным личностям и, безусловно, верна для Максима Горького. Да, он — Янус: одно его лицо славянского типа с резким выражением доброты, мягкости, сентиментальности, широты порыва и размаха, расплывчатости в степных даях и волжских ширях; другое лицо азиатского типа, с резко выраженной жестокостью, твердостью, безжалостностью, хитростью, лукавством и с деспотическими наклонностями своего «я». Первое лицо воплотилось в художнике, второе — в революции. До революции 1905 к нам было обращено первое, славянское лицо, унаследовавшее от русской национальной литературы любовь к человеку и человеческой личности вообще, ибо «человек — это звучит гордо»¹³⁸ без всяких классовых рамок, любовь к родине и к своему народу, искательство «правды Божией на земле» опять-таки для всех и во имя всех и жажду борьбы и подвига на путях этого искательства. Было и еще нечто, что мгновенно привлекло сердца и души критиков и читателей дореволюционного М. Горького, давшего нам романтических «босьяков», помимо их огромной художественной ценности и яркого красочного языка. Писатель выступил с ними в период разгула политической реакции, приведшей за собой чеховские «Сумерки» и «Хмурых людей», «Ионычей» и «Чебутыкиных», когда вся жизнь представлялась нашей передовой интеллигенции одной сплошной «Скучной историей»¹³⁹. И вдруг появляется на литературном горизонте саморо-

док-писатель, с его босяками-нищеедцами, забросавшими тихую, сонную поверхность устоявшегося политического и морального тинного болота камнями своего анархического отрицания всех ценностей культуры и цивилизации. И критика, и читатели слишком злободневно восприняли яркую босяцкую ненависть к существующей общественной и личной жизни. Всякий вкладывал в босяцкие громы свое собственное недовольство, своего «Бога», непременно враждебного к существующему в России порядку. И так силен был этот самогипноз, что даже такие имена, как Лев Толстой и Антон Чехов, временно стали тускнеть перед обаянием имени Максима Горького. Прекрасная повесть «Фома Гордеев», напечатанная в журнале «Жизнь», сразу утвердила славу и популярность писателя в литературе, а его оригинальная биография, происхождение из народных низов наполнило гордостью «сознательных рабочих», и они стали называть его своим классовым писателем. Ничего, однако, классового тогда в М.Горьком еще не было, и творчество его было непосредственным и свободным от всяких партийных рамок. И к этому периоду беспартийности относится все самое яркое и красочное, что написал М.Горький.

В 1902 году в Петербурге образовалось «Товарищество Знание»¹⁴⁰, выпустившее в свет две первые книги М.Горького, три тома моих рассказов и повестей и первую книгу рассказов Леонида Андреева. В товариществе было пятеро пайщиков, в половине своей людей с «политическим прошлым»: Поссе, Чарушников, Протопоповы, Пятницкий¹⁴¹ и бывший издатель журнала «Жизнь», фамилию которого я забыл¹⁴². Учитывая популярность М.Горького, они пригласили последнего шестым пайщиком, вносящим свой пай отчислениями из гонорара от издания его произведений. Непосвященный в коммерческую сторону этого дела, я ограничился одним фактом: спустя год издательство очутилось в руках М.Горького с Пятницким, а все прочие были отстранены и вместе со своими паями унесли навсегда обиду на М.Горького¹⁴³.

Ранее связанные с издательством «Знание», мы с Леонидом Андреевым оказались в издательстве М.Горького. Тогда мы этому только радовались, ибо искренно любили и высоко ценили этого писателя, а Л.Андреев даже, можно сказать, был открыт М.Горьким и прямо пылал к нему нежными чувствами...

Я уже говорил, что встречался с М.Горьким в юности, когда я был смотрителем керосиновой станции, а он весовщиком в г. Царицын. Вторая встреча была в Самаре, третья в 1896 г. в редакции «Нижегородского листка» во время всероссийской выставки. Тогда я был уже постоянным сотрудником толстых журналов, а М.Горький только что начал печататься¹⁴⁴. Я, получив отпуск

по службе, был приглашен на время выставки работать в местной газете, где уже работал М.Горький, только что поженившийся¹⁴⁵, бесконечно счастливый, жизнерадостный и милый. Общая работа в газете сблизила нас, так что, когда в конце 1902 года я перевелся в Нижний Новгород из Ярославля и когда вновь встретился там уже с прославленным М.Горьким, мы быстро сошлись и дружились семьями. Тогда М.Горький был бесконечно приветлив к людям, и его квартира служила центром, где за гостеприимным столом у самовара сходилась самая разношерстная публика, начиная от революционеров всех партий и кончая особами духовного звания! Горький еще не был тогда опьянен своей славой, не страдал тщеславием и нетерпимостью к чужому мнению и был индивидуалистом, а не коллективистом. Какая-то радость сверкала в его доме. Наезжали к нам в Нижний столичные писатели, артисты и всякие знаменитости искусства, и все это попадало в квартиру Горького. С этим временем совпадает попытка М.Горького организовать в Нижнем Новгороде народный театр силами Художественного театра¹⁴⁶, просуществовавший только один сезон и развалившийся за малыми доходами, и к этому же времени относится идея Горького собрать около «Знания» всех молодых и популярных писателей, освободив их от эксплуатации других издателей при выпуске своих книг¹⁴⁷. Тогдашняя популярность Горького и любовь к нему, как человеку и писателю, помогли осуществлению этой идеи: очень скоро около издательства М.Горького сконцентрировался кружок из всех известных тогда т.н. «молодых писателей», которые стали печататься и издаваться только в сборниках и в издательстве «Знания». Тут оказались: Горький, Андреев, Бунин, Вересаев, Куприн, Чириков, Серафимович, Скиталец, Телешов. Получилось нечто вроде монополии на всех новых по времени писателей, и дела издательства пошли блестяще. Сборники наши выдерживали до 70 т[ысяч] повторных изданий, книги расходились с небывалой ранее быстротой. В большинстве своем состав писательской группы захватывал всех революционно или оппозиционно настроенных писателей своего времени, а это совпало с духом времени и настроением читательских масс. Никаких особенных выгод для всех нас, кроме Максима Горького и Пятницкого, отсюда, впрочем, не проистекало, ибо мы пайщиками издательства не были и лишь получали усиленный гонорар сравнительно с установленным в других изданиях. Сливки снимались «хозяевами предприятия», в карманы которых и шла вся так называемая «прибавочная стоимость». Честь этого открытия принадлежит А.И.Куприну. Он отдал в сборник «Знание» свой прекрасный роман «Поединок»¹⁴⁸, почти исчерпывавший

содержание всего сборника. К роману было добавлено лишь несколько стихотворений. Роман Куприна имел исключительный успех: сборник, а в сущности роман, выдержал подряд три издания; в общем до 70 тысяч экземпляров. В нем было около 20 печатных листов. По усиленной расценке гонорара, принятого в издательстве Горького, автор получил семь с чем-то тысяч рублей. Между тем, издай он свой «Поединок» отдельной книгой в 70-ти [тысячах] экземпляров, он получил бы по обычной тогда расценке в 20% с номинальной стоимости 14 тысяч рублей, т.е. ровно вдвое. Куприн откололся и вышел из «монополии». Мы остались, пребывая в очаровании Максима Горького. Хотя тогда уже началась погоня за популярным в массах писателем со стороны разных социалистических партий, чующих значение такого писателя для своих партийных целей, но Горький еще присматривался и выбирал, как Владимир Святой, веру интеллигентскую, дабы принять какое-нибудь крещение. Он все еще не решался и оставался свободным. Когда-то в начале своей литературной карьеры он написал рассказ «Читатель»¹⁴⁹. В нем автор ведет интимную беседу со своей писательской совестью. Содержание такое. В уединенном месте сада к сидящему на лавочке писателю подсаживается «читатель» и заводит с ним такой душевный разговор:

— Кто твой бог? Покажи мне в душе твоей хотя что-нибудь, что помогло бы мне признать в тебе *учителя!*

— Кто мой Бог! Если бы я знал это... Я открыл в себе много того, что обыкновенно называют хорошим, но чувства, объединяющего все это, стройной и ясной мысли, охватывающей все явления жизни, я не нашел в себе.

Он, писатель, — добавляет автор, — представлял себя твердо стоящим на ногах и немым. Он мог бы крикнуть людям: «Как живете! Не стыдно ли?» и мог обругать их. Но если спросят: «А как надо жить?», он прекрасно понимал, что после этого вопроса ему пришлось бы слететь с высоты кувырком, туда, под ноги к людям. И смехом проводили бы его гибель...

Это нечаянно в юности вырвавшееся искреннее сознание тайно жило еще в душе М.Горького и в начале 90-х годов, когда он красочно воевал с устоявшейся жизнью, но все еще не сотворил себе партийного интеллигентского кумира, взирая на социалистическую веру интеллигенции с притягивающей симпатией, не зная, где истина: у социалистов-революционеров или у социал-демократов? Горький хорошо знал себе цену как художнику слова, но он знал еще, что читатель русский привык смотреть на писателя как на учителя жизни и чувствовал, чтобы подняться до учительства, надо найти одну какую-то общую мысль, идею, охватывающую

все явления жизни. И оттого, что он не попал еще в когти такого «прокрустова ложа», яркая индивидуальная непосредственность бурлила в его творчестве... Вот он написал пьесу «На дне», и в ней все еще все люди всех классов и положений в падении своем до глубин полного и одинакового ничтожества, все герои без различия, от барона до старьевщика-татарина, имеют одинаковое право на любовь и сострадание автора...

Таким я застал М.Горького в Нижнем Новгороде и таким любил его и с ним содружествовал. Закрепившись в издательстве «Знание», я получил возможность бросить всякую службу и с 1903 года превратился в профессионального писателя.¹ Доход с моих книг и сотрудничество в сборниках «Знания» давали достаточно, чтобы прожить безбедно моей семье.

В Нижнем Новгороде я написал пьесу «Евреи»¹⁵⁰ и почувствовал вообще тяготение к драматургии¹⁵¹.

К последнему периоду моей провинциальной жизни и дружбы с Максимом Горьким относится такой памятный эпизод.

В провинции уже гремела слава нового Художественного театра гг.Станиславского и Немировича-Данченко¹⁵², а я не видел еще этого чуда. Страшно тянуло нас с женой побывать в Москве на спектаклях этого театра, но на пути все еще стояли рогатки: я все еще не был полноправным гражданином и не имел права жительства в столицах. Однажды, когда М.Горький собирался в Москву с женой, мы с женой решили, игнорируя воспрещение, присоединиться, чтобы посмотреть Художественный театр. Кстати, в Москве гостил тогда А.П.Чехов: хотелось повидаться с ним. Я решил жить в Москве на нелегальном положении: день и ночь блуждать по знакомым, нигде не прописываясь.

Приехали. Горький с женой остановились в Лоскутной гостинице, моя жена — там же, а я нигде не остановился: ходил по писателям, а вечера проводил на спектаклях Художественного театра, встречаясь там с женой. Очарование театра было непередаваемо. Я никогда не мог даже вообразить, чтобы театр мог создавать такую иллюзию действительной жизни. Первые день и ночь прошли благополучно. Ночевал у Леонида Андреева. До театра были у Чехова. Здесь все кружилось вокруг театра: и люди, и разговоры. В театр отправились все вместе: А.П.Чехов, супруги Горькие и мы с женой. Сидели в одной ложе. Ставили «Дядю Ваню» Чехова¹⁵³, и мы проливали слезы. Автор прятался в глубине ложи, а М.Горький впереди и в антракте сделался предметом общего внимания: разнесся слух, что в театре — Горький, и молодежь хлынула в коридор нашей ложи. Антон Павлович скрылся в директорской ложе, а Горького успели задержать, и начались

шумные овации. Он пытался, было, нырнуть в директорскую ложу за мной, но молодежь отрезала ему путь. Тогда он сказал:

— Что вы, господа, тарашите на меня глаза? Я не балерина и не утопленник. Идет пьеса Чехова, а хлопаете мне. Погодите — напишу пьесу, тогда и хлопайте!

Публика обиделась и быстро разошлась¹⁵⁴. Когда узнал об этой речи Горького А.П.Чехов, он не одобрил:

— Что вы так уж разругали их. Как вам не жалко? Вас так любят, а вы...

На следующий вечер все были на «Одиноких» Гауптмана¹⁵⁵. После спектакля я пошел проводить жену до гостиницы.

— Зайди, выпьем чаю!

Зашел, а уходить не хочется. Идти ночевать далеко: в Малые Грузины! Разнежился, и решил ночевать у жены, а рано утром уйти незаметно. Расположился как полноправный гражданин и законный супруг. Только успели заснуть — стук в дверь:

— У вас посторонний мужчина! Это воспрещается. Попросите гостя удалиться.

Надо было спасти честь собственной жены:

— Здесь не гость, а законный муж.

— Тогда потрудитесь представить паспорт!

— Представлю завтра утром. Мы — в постели, раздеты...

— Просуньте в дверь паспорт! Иначе уходите. Не имеем права без паспорта.

Безвыходное положение: уйти — значит набросить тень на жену, остаться и отдать паспорт — попасть в лапы полиции. Конечно, пошел на самопожертвование — отдал паспорт. А рано утром меня арестовали, составили протокол по делу о моем незаконном проживании в Москве и препроводили на поезд к немедленной высылке по месту постоянного жительства в г. Нижний Новгород. Жена побыла несколько дней и вернулась. Она видела еще две пьесы.

Художественный театр воспламенил меня к драматическому творчеству. Захотелось написать пьесу и увидеть ее на сцене именно этого театра. После нескольких неудачных попыток я добился намеченной цели. Последовал совету А.П.Чехова:

— Вам надо написать комедию из провинциальной жизни.

Написав такую пьесу, я отправил ее сперва Чехову и получил ответ, в котором он писал: «Читал вашу "Новую жизнь" (так сперва называлась пьеса) и много от души хохотал. Отличная пьеса! Надо только переменить заглавие: публика посмотрит пьесу и спросит: "А где же новая жизнь?" Она не поймет, что вы это — с иронией. Публика придиричива. Надо давать такие заглавия,

которые ни к чему не обязывают автора. Переделайте заглавие и посылайте Немировичу. Я напишу ему об этом»¹⁵⁶.

Я переделал заглавие на «Ивана Мироныча» и послал. В 1904 году Художественный театр ее поставил, и прошла она множество раз с большим успехом¹⁵⁷. В том же году я сделался полноправным гражданином, и мы переехали жить в Москву. Туда же переехали и Горькие. Революционер «духа», анархист по природе, певший «песню безумству храбрых», неожиданно и противоестественно нашел и выбрал своим богом Маркса, в котором обрел единую идею, объединяющую все явления духа и плоти человеческой, в «классовой борьбе» и «производственных отношениях» и примкнул не к Плеханову, а к Ленину, упростившему эту объединяющую идею до «революции брюха».

В воздухе уже пахнет близкой революцией. Неудачи войны с Японией и закулисный авантюризм ее поводов возбуждают всенародное негодование, завершившееся невиданной еще в истории забастовкой всех классов, сословий, состояний, даже возрастов, начиная с гимназического. Не классы, а подлинно весь русский народ вырывает у самодержавного царя Манифест с обещанием всех свобод и с самоограничением в форме Государственной Думы парламентарного характера. Большевики с Лениным во главе стремятся к углублению революции путем восстания в Москве. Горький принимает в нем участие в качестве добывателя денег. Восстание не удается, подавляется самыми крутыми мерами, и Горький, боясь возмездия, бежит за границу, на остров Капри, где окончательно попадает под партийное иго большевиков. Они забирают в плен духовный писателя, а с ним и издательство «Знание»¹⁵⁸. Хотя Горький и пребывает за границей, но редактирование сборников оставляет за собою, и туда начинают влезать гг.Луначарский, Богданов и вообще ленинская компания. Тогда кружок писателей, сгруппировавшихся около «Знания», пытается охранить себя от большевистского плена и избирает в редакторы Леонида Андреева¹⁵⁹. Горький не соглашается, и все мы, за малыми исключениями, уходим, и Горький остается сам-друг с г.Пятницким¹⁶⁰. Горький, избалованный головокружительным успехом и вообразивший, что достаточно одного его имени для прежнего успеха дела, пытается продолжать его, но неудачно. Года два издательство еще влачит свое существование и затем сходит со сцены¹⁶¹. Бывшие в группе писатели распыляются по различным издательствам: Л.Андреев в изд[ательстве] «Шиповник»¹⁶², Куприн и я — в «Московском книгоиздательстве»¹⁶³. Свое постоянное сотрудничество я переношу в «Вестник Европы» и «Современный мир».

Наши пути с бывшим другом М.Горьким расходятся в разные стороны, чтобы в будущем никогда не сходились на литературном и общественном поприщах.

XIV. ТЮРЬМА И БЕГСТВО ИЗ МОСКВЫ

Как бывший боевой конь отвечает на трубный военный сигнал взволнованным ржанием и жаждой помчаться в атаку, так и я во дни всеобщей забастовки 1905 г., когда в воздухе запахло близкой революцией. Я ведь из тех писателей, которые не могут остаться спокойными, «когда возмущена стихия»...

В особняке князей Долгоруких происходят без предварительного разрешения растерявшейся власти собрания по организации «конституционно-демократической партии»¹⁶⁴. Вырабатывается под непосредственным руководством и председательством г.Милюкова¹⁶⁵ программа партии решительно со всеми политическими свободами, с парламентом и выборами, с всеобщим прямым, равным и тайным голосованием. Все уже готово, и разногласия лишь в некоторых деталях: г.Милюков грозит выйти из партии, если будет принято предложение от культурных женщин и их организаций, внесенное супругой П.Н.Милюкова¹⁶⁶, о полном уравнении при выборах женщин с мужчинами. Спор по этому вопросу затянулся до полуночи¹⁶⁷, а затем внезапно появился посланный из «Русских ведомостей» сотрудник и огорошил почтенное собрание полученным из Петербурга телеграфным сообщением о Манифесте со всеми политическими свободами и Государственной Думой¹⁶⁸. Я был свидетелем этого незабываемого момента, когда сперва все растерялись, ибо всем показалось, что теперь и сама партия уже не нужна, а потом разразились бурными рукоплесканиями и взаимными поздравлениями, даже слезами радости... По-каюсь: поплакал и я от восторга и умиления. Все свободы, как облупленное яичко, подаются жителю с высоты царского престола!

Не толкни тогда Ленин с компанией «бунтарей-социалистов» пасомые ими стада московских рабочих на совершенно ненужное восстание, одержи верх гражданская выдержка и сознание, у испуганной власти не было бы повода запугать царя и получить право бесцеремонно, вопреки Манифесту со всеми свободами, расправляться не только с восставшими, но и с мирными гражданами, пожелавшими лишь осуществить право собраний и сходов.

Накануне Манифеста в нескольких верстах от Москвы происходил тайных сход выборных от «Крестьянских союзов»¹⁶⁹, руководимый тайно социалистами-революционерами, на котором вырабатывалась петиция к правительству с требованиями земли

и воли. Думаю, что власти знали об этих заседаниях, но такова была растерянность, что не решались разогнать незаконное собрание. Конечно, этот крестьянский сход наполовину, если не более, состоял из интеллигентов и распропагандированных мужиков. Все принесенные с разных сторон петиции были скроены по одной интеллигентской колодке, изобличавшей работу партии. Мужик, по обыкновению, гнался за барской землей, а ему добавлялись в виде бесплатного приложения политические свободы, учредительное собрание и республика. Как человек с народническим нутром я, конечно, не мог остаться равнодушным к Всероссийскому Крестьянскому Союзу и его тайному съезду¹⁷⁰. Да и как писателя меня продолжали больше интересовать мужики, чем рабочие. Вожди и руководители съезда — все хорошо знакомые москвичи-интеллигенты, чем я и пользуюсь, чтобы удовлетворить свою писательскую любознательность: день за днем езжу в Химки, присутствую на заседаниях съезда, знакомлюсь и беседую с мужиками. Есть два молодых священника, заявляющие, что если бы Христос сошел на землю, то был бы с ними на съезде! Есть хитроватый и плутоватый мужичонко из Тульской губернии, который, разговаривая с интеллигентами, подмигивает и заявляет:

— Не беспокойтесь: таперь мы знаем, кого бить нам... Не надуешь больше! Нет, не надуешь...

— А кого?

Наклонился и губами в ухо:

— С царя надо начинать: первый помещик и барин в России!

Ах, как поражал и радовал интеллигенцию этот сознательный мужичок!..

Когда вышел Манифест со всеми свободами, но без земли, настроение съезда сделалось воинственным. Так как полученные политические права давали возможность жителям устраивать собрания, лишь оповещая о них предварительно полицию, то вожди перенесли заседания съезда в Москву, и они сделались публичными, отчего приобрели особенную остроту и революционность настроения; подогревали появлявшиеся в публике специалисты своего профессионального искусства, как с крайнего «лева», так и с крайнего «права». Были, конечно, в числе вольных слушателей и командируемые охранным управлением шпионы. Я продолжал свои посещения и вел себя непринужденно. С речами не выступал, но в перерывах заходил в комнату президиума, разговаривал с мужиками, вообще вел себя как свой, близкий делу человек. Вероятно, это обстоятельство и было причиной того, что когда из Петербурга последовало телеграфное распоряжение разогнать Всероссийский крестьянский съезд и арестовать всех его

устроителей и организаторов, то [я] очутился вместе с ними и одновременно попал в одиночную камеру Бутырской тюрьмы!..

И это — после того, как только три дня тому назад я получил, как писалось в Манифесте, незыблемые основы неприкосновенности личности и прав политической свободы во всех ее видах и формах, присущих конституционной монархии!

Это были первые ласточки политической тюрьмы после Манифеста! Итак, все по-старому! Сажали меня без всяких поводов в тюрьму при царском самодержавии, посадили и теперь, при конституции! Теперь только чувствовалось это по-иному. Была надежда, что это — возмутительная ошибка, что вот-вот войдут в камеру и принесут тысячу извинений, а я буду ругаться и требовать, чтобы виновники были привлечены за нарушение Высочайшего Манифеста к строгой судебной ответственности... Не тут-то было! Никто не приходит и не извиняется. Допросил однажды судебного следователя по особо важным делам, и продолжительное неведение: что тебя ожидает в будущем. А сидеть жутко: Москва кипит восстанием. Мы, арестанты, слышим громовые раскаты пушек. Сочувствующий нам тюремный страж объясняет, что происходит вооруженное восстание, что московские банщики собирались нас освобождать и что это плохо: могут всех нас перестрелять и лучше, если бы банщики повременили...

— Почему банщики?!

— А кто их знает! За крестьян, дескать, вы стояли, а банщики все — из мужиков безземельных. Земли ждали.

И вот тревожные ночи. Всякий доносящийся с улиц шум кажется наступлением банщиков на тюрьму, и мы совсем не рады такому проявлению революционного настроения у банщиков!

Но вот и восстание кончилось печально. Москва притихла, как могила. Вот уж третья неделя в тюрьме. Но вот в один прекрасный день заявляется в мою камеру смотритель тюрьмы и полицейский пристав. Смотритель объявляет распоряжение судебной власти об освобождении меня от обвинения в организации противоправительственного революционного сборища и берет подписку, что мне о моем освобождении объявлено. Я хочу уложить вещи, чтобы ехать домой, но пристав останавливает:

— Потрудитесь прочесть постановление градоначальника и подпишитесь, что оно вам объявлено.

Читаю: «В силу положения об усиленной охране и на основании такого-то §, предоставляющего мне право ареста и содержания в тюрьме до 3-х месяцев всех лиц, представляющих опасность для порядка и спокойствия в городе, предлагается не освобождать пребывающего в Бутырской тюрьме арестованного писателя Ев-

гения Чирикова, зачислив его за мною. Градоначальник барон Медем».

Суд освобождает, а барон Медем не выпускает! Какой горькой иронией и издевательством прозвучал теперь для меня Высочайший Манифест с «незыблемыми основами»¹⁷¹ личной неприкосновенности! Я подал жалобу прокурорскому надзору — не действует. Тогда я обратился в последнюю инстанцию писателя, к политической сатире, и написал такое стихотворение:

Конституция прекрасна, но барон наш очень строг:
При «незыблемых основах» посадил меня в острог!
И сижу я в «одиночной» с Конституцией моей,
И, как стихнет, в час полночный, прижимаюсь крепко к ней...
А она, трясаясь от страха, тихо шепчет, что Медем
Ей сказал: «Смотри, мерзавка, я тебя поймаю — съем!...»

При свидании с женой я тайно передал ей это стихотворение для напечатания в «Русском слове»¹⁷². В номере газеты, где были даны портреты всех арестованных по Крестьянскому съезду, было напечатано и мое стихотворение... А на другой день я был выпущен на свободу!¹⁷³

В это время усиленно работали так называемые черные сотни, организующие в союзы моральных подонков города для платных манифестаций и расправ с любителями политической свободы («Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела»)¹⁷⁴. В Москве один из этих «Союзов» уже убил из-за угла проходившего по улице сотрудника «Русских Ведомостей» г.Иоллоса¹⁷⁵. Теперь я предупредительно получил на свою квартиру приговор к смерти, скрепленный печатью с черепом, подчеркнутым двумя скрещенными костями (символ смерти!). Сперва я не верил серьезности этой анонимной угрозы, но скоро убедился, что меня сторожит смерть: однажды ночью, возвращаясь домой под охраной вооруженного друга, мы наткнулись во дворе, на пути к моей квартире, на сторожившую фигуру. Мой друг вынул револьвер и направился вперед. Субъект нырнул во второй двор, оттуда перескочил через ограду в соседний. На другой день, утром, почтальон в числе писем принес оповещение, что я убит по приговору верховного суда «мстителей за веру, царя и отечество»... Очевидно, оповещение было отправлено в полной уверенности, что адресат будет уже покойником. Значит, за мной охотятся. Оставаться в Москве было невозможно, и я бежал в Финляндию, куда вскоре перебралась и вся моя семья. Через полгода мы обосновались в Петербурге, и с той поры до большевистского переворота уже не меняли постоянного места жительства...

XV. ПЕРЕЛОМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

Период пребывания в горьковском «Знании» (1903-1906 гг.), совпавший с предреволюционной и революционной горячкой русской интеллигенции и всего культурного общества страны, был последней вспышкой моего писательского боевого настроения. Большая часть написанного и напечатанного мной за эти годы в сборниках «Знания» была данью своему времени. Сюда относятся: «На пороге жизни», «На поруках», «Мятежники», «Красные огни», «Легенда старого замка», «Евреи» и др. Лик революции, явленный в московском вооруженном восстании, искусственно созданном большевиками безумстве, окончательно охладил мои чувства, вскормленные наследственным боготворением Великой Французской революции. Всего более меня оттолкнула от профессиональных революционеров демагогическая ложь и неразборчивость в средствах и безжалостность по отношению к трудовым массам, которые они толкают на смерть в жертву своим фанатическим идеям, сами прячась за их спинами или за границей, куда убежали Максим Горький, Ленин, Луначарский и многие из тех, которые, почуя безопасность, поспешили вернуться в Россию, чтобы сделаться ее предателями впоследствии...

Великая разница вскрылась теперь между старыми революционерами и революционерами марксистского толка... В «народнической вере» красной нитью проходит христианско-моральная подоплека и любовь к своей родине и своему народу. Свой революционный путь народники неизменно освещали религиозным настроением, Христовой моралью, этическими побуждениями долга перед ближним, а не дальним. В их спорах то и дело дебатировался вопрос: «Имеем ли мы нравственное право?» Хотя формально они Бога игнорировали, как и национальность, но, в сущности, сделали своим богом отвлеченное понятие — *человечество*, а в нем — свой народ в образе «мужика», идеализация которого именно и проистекала из сильного национально-патриотического чувства. В новой марксистской вере не было ни религиозного настроения, ни моральной подоплеки, и все духовные ценности человека признавались лишь надстройкою буржуазной идеологии, подлежащей разрушению, а патриотизм и национальное чувство упразднялись во имя грядущего многоликого и вездесущего «Интернационала». Пролетариат, поставленный на место своего русского народа, играл лишь роль тарана — разрушителя стен буржуазного Иерихона, и потому полагалось льстить ему и обманывать его, питая демагогией и охраняя от излишнего знания социальных законов истории. Мало того, отсидевшись за границей, Ленин

с Горьким издали в 1906 г. брошюру¹⁷⁶, в которой рекомендовалось, в случае новой войны, поднять всероссийский бунт крестьян с помощью мужицкой жадности к земле, имея в виду, что «мужик» — буржуй и в будущем придется вести с ним войну, как с врагом социализма. Правда, и народники не брезговали обманом мужика «Золотой грамотой царя», призывавшего будто бы народ к захвату помещичьих земель, но этот обман имел в основе не только использовать силу, но действительно наградить своего живого русского мужика землей. Здесь, у новых революционеров, русский народ в образе мужика должен был играть роль спровоцированного во имя Интернационала болвана!

Нет, мне не по дороге с этой новой формацией революционной интеллигенции, в лапы которой попал теперь бывший мой друг Максим Горький, вместе с Лениным и Луначарским, устроившим на острове Капри школу большевистских провокаторов для будущей революции...¹⁷⁷

Я впервые явственно ощутил таившуюся в новой идеологии разрушительную силу, грозившую моей родине, моему отечеству и государству если не гибелью, то огромными бедствиями. Во мне стало просыпаться временно усыпленное социальными утопиями национальное здоровое чувство, этот прирожденный каждому народу инстинкт национально-государственного самосохранения. Я почувствовал себя не просто *человеком*, а человеком и писателем *русским*. Казалось бы, что в таком чувстве нет ничего дурного, а тем более политически реакционного, а между тем вскоре на этой именно почве разыгралась семейная интимная писательская история, проскочившая на интеллигентскую улицу в форме крупного литературного события, давшего богатейшую пищу для журналистики, публицистики и всякого литературного, партийного и разговорного шума вокруг моего имени.

В числе моих новых петербургских друзей был артист г. Ходотов¹⁷⁸, дом которого был салоном, открытым для служителей всех девяти Муз искусства и науки в лице наличного состава столицы, от знаменитостей до непризнанных гениев богемы. Было время, когда у нас поднимал голову свой, доморощенный символизм с доморощенными «Метерлинками»¹⁷⁹, объявившими смерть быту в искусстве. Я вовсе не был противником символизма, но считал, как и теперь продолжаю думать, что и реализм, а с ним неразлучный быт, и символизм — не призваны воевать и уничтожать друг друга принципиально, это две школы, имеющие одинаковое право на свое утверждение в искусстве. Есть, однако, много таких нетерпимых на этом поприще, которые похожи на цепных собак около своей конуры. Такими были в Петербурге моего вре-

мени молодой небесталанный писатель г.Дымов¹⁸⁰, называвший себя «русским Метерлинком», и театральный рецензент г.Аш¹⁸¹, оба близкие приятели с известным критиком Вольтинским¹⁸². Недавно с громадным успехом прошла в Петербурге и за ним в Москве и по всей провинции моя пьеса «Еврей»¹⁸³, написанная под впечатлениями, вынесенными из пребывания в Минске, в черте еврейской оседлости, и еще более под свежим впечатлением ужасного кишиневского погрома¹⁸⁴. Конечно, эта пьеса в полном смысле бытовая. Однако она не встретила со стороны названного рецензента недружелюбия, а сильно восхвалялась. Моя другая поставленная в Петербурге пьеса «Белая ворона»¹⁸⁵, посвященная быту помещичьей жизни и вышедшей оттуда революционной интеллигенции, встретила совсем иную оценку, как пьеса умершего быта, причем в рецензии вообще служилась панихида о быте. В Петербург приехал еврейский писатель г.Шолом-Аш¹⁸⁶ с целью провести свою новую пьесу «Голубая кровь» на императорскую сцену. Автор очень скверно и говорил и понимал по-русски. Его пьесу перевел писатель г.Дымов.

И вот артист г.Ходотов устраивает у себя интимный вечер писателей и артистов для прочтения пьесы¹⁸⁷. Надо сказать, что вечера Ходотова и его салона всегда напоминали просто веселые товарищеские пирушки, вперемежку с литературными и артистическими выступлениями певцов, декламаторов, рассказчиков. Ужин всегда сопровождался значительными возлияниями Бахусу, и частенько пиры кончались бедою: не только ссорой, но иногда и драками людей с громкими именами! На сей раз драка вышла словесная, но из тех, про которые говорится: «свои собаки дерутся, чужая не приставай!» Прочитали пьесу, начали ужинать, принося жертву Бахусу. Когда общество пришло в приподнятое настроение, начались разговоры и речи о прочитанной пьесе г.Шолома-Аша, сидевшего тут же и ничего не понимавшего. Я пришел сюда взвинченный только что прочитанной рецензией Аша о новой картине нашего знаменитого национального художника И.Е.Репина: автор рецензии во имя лозунга «Смерть быту!» не только ругал новое полотно Репина, его «Стеньку Разина»¹⁸⁸, но и вообще, отпевая быт, развенчивал И.Е.Репина как устаревшего и теперь ненужного. Надо сказать, что прочитанная пьеса г.Шолома-Аша «Голубая кровь», написанная ярко, красочно и талантливо, словом, хорошая пьеса, вполне достойная любого из столичных театров, носила, однако, резко бытовой характер и строго национальную еврейскую окраску, рисуя с положительной стороны еврейскую аристократию древней чистоты крови и с отрицательной — тенденцию к ее разжижению, причем была полна быто-

выми картинами старого еврейства. Воздав должное вместе с другими гостями Бахусу, я ждал, что скажут наши могильщики быта. Надо заметить, что критик Волынский, по собственному признанию, пьесы не читал и к чтению ее у Ходотова тоже запоздал. И вот теперь, во время ужина, начинается критика пьесы. Первым говорит переводчик пьесы, г. Дымов, символист и отрицатель быта в искусстве. Неудержимо хвалит! Вторым — рецензент г. Аш: сплошной дифирамб. Третьим — критик Волынский: очень серьезно и глубокомысленно хвалит. Он, не читавший даже пьесы! Во мне просыпается юморист и автор прежних сатирических общественных фельетонов. Легкое опьянение заостряет лезвие языка, и я жажду сразиться с писателями символической школы. Когда дошла очередь говорить мне, я, похвалив пьесу с литературной стороны, стал довольно язвительно высмеивать предыдущих ораторов:

— Пьеса прекрасная, но вот что меня удивило здесь: один из объявивших смерть быту, г. Дымов, не только перевел эту исключительно бытовую пьесу, притом далеко не с демократическими тенденциями, а еще произнес хвалебное слово. Другой могильщик быта, похоронивший нашего великого национального художника Репина, теперь изо всей мочи хвалит бытовую пьесу. А третий, не читавший пьесы, превозносит автора и его бытовую пьесу. Что ж, господа, это значит? Может быть, наш русский быт умер, а еврейский не может и не должен умирать?

Как разорвавшаяся бомба были эти мои слова за ужином приятелей! Ничего не понявший автор, вообразивший, что я ругаю его произведение, встал и на своем ломаном русском языке весьма запальчиво и темпераментно заявил, что я не понял пьесы, причем воспользовался мудростью русской пословицы:

— Чтобы понять мою пьесу, надо три пуда соли съесть с евреями! — таков был конечный смысл заявления.

Я принял удар и отразил его:

— Вы утверждаете, что я, русский человек, не способен понимать вас, еврея! Но вот все евреи были в восторге от моей пьесы «Еврей», а художественный гипноз у читателей был так велик, что один из провинциальных евреев, проживающий в Сибири, прислал мне письмо, в котором спрашивает, правда ли, что я сам — из евреев? Если вы, однако, настаиваете на невозможности для русского понять еврейскую бытовую пьесу, то мне остается только пожалеть, что мои бытовые пьесы подвергаются критике со стороны рецензентов-евреев, не способных понять меня как русского. Ведь большинство рецензентов у нас в Петербурге — евреи...

Тут подлил масла в огонь один журналист¹⁸⁹ с революционной репутацией пострадавшего за правду общественную: он встал и произнес речь о том, что русская интеллигенция ни в революции, ни в литературе не проявляла желаний обособиться, а вот евреи поминутно напоминают нам о национальном различии.

— Вы — шовинисты. Вы даже в социал-демократической партии отгородились от нас своим «бундом»¹⁹⁰. А теперь отгораживаетесь в художественном творчестве! Не думаю, чтобы в России это вам было выгодно...

И вот приятельская интимная схватка за ужином, где шла больше личная пикировка, чем обсуждение еврейско-русских отношений, пирушка, окончившаяся после ужина дружескими объяснениями, неожиданно вырвалась на улицу, и муха родила слона! В еврейской газете «Фрейнд» появилось лживое письмо четырех мною обиженных: гг. Дымова, Аша, Шолом-Аша и Волынского, в котором происшедшее в частном доме и в интимной компании преподносилось публике в извращенном виде. В нем утверждалось, что Евгений Чириков, автор пьесы «Евреи», произнес публично громовую антисемитскую речь, говорил о захвате прессы евреями, о необходимости обособиться от них в литературе и в театре и т.д.¹⁹¹ Почти одновременно во всех крупных провинциальных газетах появились телеграммы из Петербурга под крупными заголовками: «Автор пьесы "Евреи" Евгений Чириков — антисемит!» Пьяная Муха превращается в трезвого Слона: П.Б.Струве печатает статью о «Национальном лице», в газетах начинается трезвон, причем никому нет дела, что мне приписана речь, которую я вовсе не произносил. Лидер сионистов Жаботинский¹⁹² тоже употребляет меня в дело в качестве доказательства, что все спасение евреев только в сионизме, ибо вот даже автор «Евреев» и тот — непримиримый антисемит!

И все это только из-за того, что я искренно сказал четырем писателям, напоминавшим, что они — евреи, что я — писатель русский, что для меня родной быт так же дорог, как для них свой.

Это превращение Мухи в Слона очень типично для своего времени, отмеченного общим национальным размагничением русской интеллигенции, при котором даже одно признание с моей стороны в национальном самочувствии удивило окружающих и дало повод оклеветать меня, приравняв меня к членам черносотенного «Союза русских людей»¹⁹³, приговоривших меня к смерти и приудививших бежать из Москвы...

Я почувствовал, что революция 1905 г. и все сопутствующие ей события как бы переломили мою жизнь пополам. Это случилось, когда мне стукнуло 40 лет... В душе и в творчестве наступает

тоже крутой перелом, связанный с личной драмой: умирает любимая мать¹⁹⁴. Исключительно тяжелая, страшная смерть от рака печени. Свои страдания мать поясняла сравнением: точно раскаленные гвозди ворочаются внутри, жгут и вонзаются остриями. Две недели я провел около постели медленно умиравшей страдалицы. В минуты, когда ненадолго, после впрыскивания морфия, боль затихала, мать торопилась вспомнить всю прожитую жизнь, то, что хотела еще раз пережить. Это было и трогательно, и мучительно тяжело. И вот в эти минуты, точно впервые, встала передо мною человеческая жизнь в ее роковой трагичности. Предсмертные беседы матери впервые заставили меня оглянуться на свой пройденный путь, почувствовать малоценность всей прежней революционной суеты и вернуться к вечному: душе человеческой, со всеми отражениями в ней Божеского лица и борьбы индивидуальной, к красоте и чудесам творения Божьего. Я начинаю чувствовать себя так, словно сейчас только получил аттестат писательской зрелости. Художник побеждает общественника...

К этому новому периоду творчества я отношу: книгу «Цветы воспоминаний», книгу «Плен страстей человеческих», «Волжские сказки», романы: «Юность», «Изгнание», «Возвращение» и «Семья» и написанные уже в изгнании: «Зверь из бездны», «Мой роман», «Опустошенная душа», «Красный паец» и книги: «Девичьи слезы» и «Между небом и землей».

XVI. ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

Неожиданно свалившаяся, как снег на голову, страшная всемирная война, подобно землетрясению, потрясла идеологию культурной русской интеллигенции, и она дала первую основную трещину по линии национально-государственного сознания. Огромное большинство, не исключая членов социалистических партий, поняло, что прежняя позиция — чем хуже, тем лучше — в наступивший исторический момент неприемлема, ибо в этой войне будет решаться не только судьба правительства, но и самого государства и народа русского, со всеми его сословиями и классами. Проснулось казавшееся умершим национально-патриотическое чувство даже у немецких социал-демократов, и это чувство не оправдало намеченной социалистами программной надежды — ответить на войну всеобщей забастовкой. Жизнь победила теоретические мудрствования, и война была принята огромным большинством с чувством патриотического долга защиты своей родины от хищнических поползновений Германии. Исключением яви-

лось незначительное меньшинство революционной интеллигенции, привыкшей танцевать только от своей трафаретно-программной печки «пораженчества», которую моментально утвердил спасавшийся за границей Ленин, а у нас дома — только что амнистированный правительством Горький в основанном им журнале «Летопись» весной 1915 г.¹⁹⁵ Ленин в своей «Искре» написал, что самым желательным исходом войны должно считать поражение императорских армий, к чему и должны направить свои усилия все «товарищи»¹⁹⁶. Ту же большевистскую точку зрения приняла незначительная группа социал-демократов, усиленно подчеркивавших принцип *интернациональной* позиции.

Я уже говорил о том, что еще в 1906 г. Ленин выпустил за границей брошюру с рецептом, как в случае возникновения новой войны одарить крестьянство с помощью его жадности к земле и сделать орудием достижения диктатуры пролетариата. Когда-то просьбы революционеров к правительству о прощении считались недопустимым и позорным компромиссом. М.Горький, принявший уже новую веру о морали как буржуазной надстройке, перешагнул порог этого предрассудка, и ему было разрешено вернуться в Россию. Это случилось перед самой войной, за несколько месяцев до нее¹⁹⁷. Конечно, М.Горький прибыл с тайными инструкциями своего нового учителя, Ленина, и начал разрушительную работу прежде всего печатным словом. Откуда явились у М.Горького разом огромные средства, давшие ему возможность почти одновременно начать издание толстого журнала «Летопись», издательства при нем специально пропагандистских брошюр и ежедневной газеты «Новая жизнь»? Его «Знание» давно уже развалилось и потерпело материальный крах, повлекший за собою третейский суд между М.Горьким и г.Пятницким¹⁹⁸, так что никаких ресурсов для нового большого дела дать не могло. Быть может, время выяснит сей вопрос обстоятельно, но вот что уже стало известным относительно возникновения газеты «Новая жизнь»¹⁹⁹. Богатый и добрый буржуй, один из директоров сибирского банка, немец г.Груббе²⁰⁰ дал М.Горькому 300 000 рублей на издание прогрессивно-демократической газеты «Луч»²⁰¹. Вместо этого «Луча» Горький начал издавать боевой марксистско-революционный орган «Новая жизнь», а г.Груббе не протестовал и вскоре был, как немецкий подданный, объявлен военнопленным и затем выслан из России. Но и высланный, он не опротестовал хотя бы в газетах бесцеремонного распоряжения М.Горького его личным капиталом в столь значительном размере, как 300 000 рублей! Поразительная доброта немецкого буржуа! И вот какую странную физиономию явила новая газета Горького: не было номера, где бы наши

«союзнники» не фигурировали в качестве зловредных империалистов и капиталистов, в то время как немцы в этом отношении не подвергались никакому рассмотрению. Это противоестественное для искреннего социалиста обстоятельство несколько раз отмечалось Плехановым. Удивлялся такой односторонности М.Горького и французский социалист г.Садуль²⁰². Общеизвестен также тот факт, что на страницах горьковской газеты нашла исключительный уют идея братания с немцами на фронтах²⁰³. Вспоминается невольно и факт обращения болгарского посла при Берлинском правительстве г.Ризова к М.Горькому с предложением содействовать заключению сепаратного мира с Германией²⁰⁴. Судя по тому, что М.Горький опубликовал это предложение в газете и сопровождал его миной удивления, почему к нему лично направлено это обращение, делается возможным предположение о полной политической наивности М.Горького и о том еще, что он сам не знал, что творилось тогда за его спиной. Но недоуменные вопросы остаются без разгадки, которая кроется несомненно в рождении вместо прогрессивно-демократической газеты «Луч» сподручного органа г.Ленина, прибывшего впоследствии со значительными суммами в немецком запломбированном вагоне.

Во всяком случае, заведомо или неведомо для себя, М.Горький, вернувшись с Капри, где он пребывал очень долго под влиянием большевиков с Лениным во главе, сделался орудием в руках последних, орудием очень ценным, ибо имел на главе своей венца революционера и страдальца за пролетариат, помимо писательской славы. И не только в России, а и за ее пределами. Там он вырос благодаря революционной рекламе до первого и самого главного борца и вождя московского вооруженного восстания.

Хотя с 1906 г. — времени распада «Знания» — М.Горький стал заметно утрачивать художественное обаяние среди интеллигенции, но популярность его среди читателей из низов значительно возросла. В то время как художественная критика заявляла, что «Горький кончился», тенденциозно-классовая критика объявляла его «пролетарским писателем».

Как бы то ни было, а вернувшийся Горький был совсем не похож на того, каким был раньше: он нашел, наконец, если не Бога, то идола, которому начал служить, и был горд в новом жреческом сане. Теперь Горький почувствовал себя учителем и начал. Он уже написал статью по адресу Франции, которую закончил таким пролетарским эффектом: «Плую тебе в лицо, прекрасная Франция!»²⁰⁵, он написал статью, в которой проклял Америку, обозвав ее страной Желтого Дьявола — разумей «капитала»²⁰⁶. Написал статью, в которой сделал пролетарское разоблачение:

классики русской литературы все оказались «классовыми мещанами»²⁰⁷.

Лето 1914 и 1915 г. Горький проводил в Финляндии, в деревне Нейвола, где жил на даче и я с семьей. Хотя пути наши разошлись, но долгое прежнее содружество, теперь остывшее с обеих сторон, и близкое соседство повели к возобновлению литературного знакомства.

Совсем новый человек! Марксизм и большевизм, впрыснутые в большой дозе в зараженного нищезанятием босняка, с буйными разрушительными наклонностями, убили в нем искренность и непосредственность ума и сердца. Они сделали из Горького склад всевозможных чужих мыслей, в которых он путался, как муха в тенетах паука. Большой некогда художник стал напоминать посредственного профессора, ушибленного в детстве большевистской нянькой!

Начиналась всемирная война: Горький потирал от удовольствия руки и выбрасывал пораженческие лозунги. Однажды я заметил:

— Почему тебя радует неуспех? Ведь с ним гибнет народ...

— Чего жалеть? Людей на свете много. Народят новых. Чего жалеть дураков!

— Почему «дураков»?

— Не ходи воевать!

Однажды Горький прочитал своим гостям, в числе которых был и я, свое новое научное произведение «Две души», напечатанное потом в первом номере журнала «Летопись» в измененном виде²⁰⁸. Это произведение буквально огорошило меня. Словно писал его не русский писатель, а немецкий профессор, который доказывает, что немцы имеют право на всемирное первенство среди народов и моральное право поглощать менее культурные народы, каким является народ русский! Русский народ Горький изображал как ленивую, пьяную и жестокую помесь славянина с азиатом, стоящую поперек дороги человеческому прогрессу, прославлял культуру германскую и пророчествовал, что именно ей предстоит скоро сделаться единой общечеловеческой культурой. Одним словом «Дэутшлянд! Дэутшлянд! Убер аллес Дэутшлянд!»²⁰⁹ Услышать такое произведение из уст русского писателя во время войны, когда на карту поставлена судьба родины, было противно и страшно. Я не сдержался:

— О какой, собственно, культуре ты пророчествуешь?

— Вообще о культуре и о цивилизации.

— Но ведь в эти понятия входят: и язык, и религия, и литература, и искусство, и все свойственное народу как исторической

национальности... Вообще статья весьма туманная и лучше ее не печатать...

Горький не мог дать никаких пояснений. Единая культура свелась им к единой технике, науке и... к социализму, который призвана осуществить именно Германия! В этой статье была уже в наличии смердяковская умственность и лакейство перед ленинским социализмом, вскормленным германским золотом. Как она написана: заведомо или по научной наивности? Одно несомненно: она написана с целью гасить русский национально-патриотический подъем интеллигенции и расчистить путь для будущего торжества предполагаемой победительницы, Германии. В печатном виде эта знаменательная статья появилась с сокращением именно тех мест, где говорилось и пророчествовалось о неизбежном торжестве германской культуры и цивилизации...

Вскоре я был поражен и глубоко возмущен М. Горьким: без моего ведома и согласия он опубликовал мое имя в числе сотрудников будущего своего журнала «Летопись»²¹⁰. Я потребовал объяснений:

— Я вижу в числе сотрудников большинство наших «пораженцев», а потому прошу выкинуть мою фамилию из числа сотрудников.

Горький сделал страдальчески-дружескую улыбку, фальшивую улыбку, которая давно уже была мной разгадана:

— Какое пораженчество! Ведь журнал подцензурный! Журнал марксистский, в числе задач — борьба с нашей азиатчиной и... самодержавием.

— Значит, — революция?

— Ну, да...

— Да ведь это и будет поражением!..

— Ерунда. Дело каких-нибудь двух недель. Напротив, этот переворот — единственный выход из поражения...

— Я отказываюсь и прошу меня исключить.

— Хорошо.

Я был прав: первая же книжка журнала, в ряде своих руководящих статей во главе с горьковскими «Двумя душами», была сплошным развенчиванием идей родины, отечества, национальности и открытым вызовом всей интеллигенции, вставшей на точку зрения жертвенной борьбы с врагами, а с другой стороны, там восхвалялась система государственной милитаризации немецкой промышленности, как шаг к будущей социализации, и эзоповским языком предсказывалась неизбежная победа Германии, а потому и поражение России. И глупая цензура ничего не поняла!

Я написал по поводу горьковского журнала большую статью в журнале «Современный мир»²¹¹, где вскрыл всю подоплеку пораженческой позиции нового журнала, и между нами произошел второй и окончательный разрыв даже в личных отношениях.

До самой февральской революции 1917 г. М.Горький в своих журнале и газете расчищает путь для торжественного въезда в запломбированном немецком вагоне своего учителя и наставника Ленина и его дружины, ведет борьбу с г.Плехановым, с этим так называемым «отцом русской социал-демократии», лидером меньшевиков, вставшим на патриотическую позицию социалистом, всеми средствами дискредитируя Плеханова в глазах рабочих, и солдат, и матросов. Он и «социал-предатель», и продавшийся буржуазии идеолог, и презренный соглашатель, вонзающий нож в спину революции. Эта демагогическая травля М.Горького повела к тому, что несколько матросов ворвались в квартиру Плеханова и стали с ним разговаривать толчками ружей и угрозами убить за измену²¹². Все средства хороши, только убрать бы с дороги политического противника с таким крупным именем среди русских социалистов! Большой Плеханов бежит в Финляндию²¹³. А когда он там умирает, М.Горький посылает на могилу его огромный венок из красных роз с надписью: «М.Горький — нашему бывшему другу», или что-то в этом роде.

Плеханов побежден. Его газета «Единство» закрылась²¹⁴. Меньшевики раскололись, и часть их стала переползать в так называемые «полуленинцы», которых покойный Плеханов называл более вредными, чем чистые ленинцы. Ленин откровенно говорил о своих целях: разложить армию, произвести всероссийский крестьянский бунт, захватить власть и объявить диктатуру пролетариата. Полуленинцы принимали все, кроме немедленного захвата власти, они провозгласили вместо захвата власти «углубление революции до ее естественного конца». Что они разумели под таким концом, они умалчивали, но нетрудно было догадаться, что захват власти им казался рискованным, и они откладывали его на неопределенное время. Разницы почти никакой, но видимость была по отношению к Ленину — оппозиционная. Наученный неудачным опытом московского вооруженного восстания и первым неудачным выступлением большевиков в Петербурге, М.Горький не верил в возможность захватить и удержать власть, а потому оказался в стане «полуленинцев» и временно в оппозиции к Ленину. Когда Ленин захватил-таки власть, Горький не верил в ее продолжительность, и к этому периоду относятся дни просветления писательской совести Горького и вся та правда, которая вырвалась тогда из души и из-под пера его по адресу боль-

шевиков. Вот что писал он тогда в своей «Новой жизни» под рубрикой «Несвоевременные мысли»²¹⁵:

— Жизнью правят люди, находящиеся в непрерывном состоянии запальчивости и раздражения. Гражданская война, т.е. взаимоистребление демократии, затеяна и разжигается этими людьми.

— Советская власть расходует свою энергию на бессмысленное и пагубное и для нее самой, и для всей страны возбуждение злости, ненависти, злорадства.

— Мы совершаем опыт социальной революции — занятие весьма утешительное для маньяков этой идеи и очень выгодное и полезное для жуликов. Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг «Грабь награбленное!» Грабят изумительно, артистически. Грабят и продают церкви, музеи, пушки, интендантские склады, дворцы, расхищают все, что можно расхитить... И вот вожди народа не скрывают своего намерения зажечь из сырых поленьев костер, огонь которого зажег бы западный мир. Костер зажгли. Он горит плохо, воняет грязненькой пьяненькой и жестокой Русью. Несчастную Русь тащат на Голгофу, чтобы распять...

— Народные комиссары относятся к России, как к материалу для опытов. Русский народ для них — лошадь, которой бактериологи прививают тиф для добывания сыворотки. Вот именно такой жестокий, заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что лошадка может издохнуть.

— Мы видим, что среди служителей Советской власти то и дело попадают взяточники, жулики, спекулянты, а честные люди, чтобы не умереть с голода, занимаются физическим трудом. Это нелепость! Идиотизм!

— Большевистская политика выражается в равнении на бедность и ничтожество. Я обязан с горечью признать: враги правы — *большевизм* есть национальное несчастье, ибо грозит уничтожить русскую культуру в хаосе возбужденных им инстинктов.

— В «Правде» различные зверушки науськивают пролетариат на интеллигенцию. Это называется «классовой борьбой»...

— Несмотря на то, что интеллигенция превосходно пролетаризована и готова умирать голодной смертью, моральное чувство не может позволить ей работать с правительством, которое печатает в своих распоряжениях угрозу красных моряков убить сотню тысяч буржуев за одного своего товарища и тому подобные гадости.

— Рабочих постоянно развращают демагоги, подобные Зиновьеву. Эта демагогия, возбуждая темные инстинкты масс, ставит рабочую интеллигенцию в трагическое положение *чужих* в родной среде. Советская политика — предательская политика по отношению к рабочему классу!

Я мог бы продлить это изобличение Максима Горького еще сотней выдержек из написанного и подписанного им своим именем. Товарищ Зиновьев пострадал М.Горького в «Правде»²¹⁶:

— Когда на светлом празднике сольются пролетарии, ранее воевавшие друг с другом, будет ли там место Максиму Горькому? — спрашивает Зиновьев.

Но Горький, не видя приближения этого праздника, храбро отвечает:

— На празднике, где будет торжествовать свою легкую победу деспотизм полуграмотной массы и личность человека, как и раньше, останется угнетенной, — мне на этом празднике делать нечего и для меня это — не праздник!

Казалось бы, что после такого ясного и гордого ответа М.Горький навсегда освободился от опутавшего его красного спрута. Но вот в Германии начинается «Спартакоское движение», в Болгарии — восстание, в Венгрии — коммунистический переворот, в Румынии — восстание, в Италии — тоже... Советские газеты затрезвонили о наступлении праздника социальной революции и напугали Горького. И вот М.Горький, воспользовавшись покушением на Ленина, шлет ему поздравление с чудесным событием и делает полный оборот на месте²¹⁷, а Ленин публично хвастается:

— Мы одержали одну из самых крупных побед: мы завоевали М.Горького!

XVII. РЕВОЛЮЦИОНЕР ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА

Было это в Финляндии, незадолго до начала всемирной войны. Я жил тогда на своей даче, в финляндской деревне Нейвола, где тогда проводили лето М.Горький, Бонч-Бруевич²¹⁸, Демьян Бедный, Нахамкес²¹⁹. Вероятно такое изобилие революционной публики и было причиной того, что скрывшийся из своего заточения знаменитый монах Иллиодор, бывший друг, а потом злейший враг знаменитого Распутина, задумав бежать за границу, пришел искать временного приюта в нашу деревушку²²⁰. Только на одну ночь. Рано утром ему должны были привезти фальшивый заграничный паспорт, и требовался только безопасный ночлег.

Однажды под вечер ко мне заявляется известный в то время писатель, исследователь русского сектантства г. Пругавин²²¹ и, полный таинственности, просит поговорить наедине.

— В чем дело?

Пругавин объясняет: нужно приютить Иллиодора на одну ночь. Он бежит за границу, чтобы опубликовать изобличающие тайны нашего царского двора. Так вот, не разрешу ли я Иллиодору переночевать в своей даче? Я был не только изумлен, но возмущен:

— Почему вы предлагаете мне помогать Иллиодору, зная, что он мой злейший политический враг, ибо враг он всей русской интеллигенции...

— Он совершенно переродился! Теперь он — гонимый и трагический, понял все свои ошибки и сделался активным врагом самодержавия. Если не хотите сделать это для него, сделайте для меня! Ведь и мы с вами в свое время подвергались преследованиям... Надо понять и простить...

Я упрямылся: еще так живо было в памяти шествие Иллиодора по Волге, избивание учениками и последователями Иллиодора на улицах Саратова встречной интеллигенции²²², комедия всенародного сожжения «гидры революции», его содружество с Распутиным и т.д. Немало обломал я перьев в свое время, воюя в своих провинциальных обозрениях с этим хулиганом из духовного ведомства, а теперь он просит у меня же защиты и приюта!

— Неужели он не знает, что я писал о нем?

— Знает, но верит в ваше христианское отношение к человеку... Поверьте, что он искренно жаждал правды и лишь ошибался в путях...

Пругавин, в конце концов, вырвал-таки мое согласие и, ушедши к леску за оврагом, вернулся оттуда с гостем. Ничего духовного! Высокий, здоровенный, мордастый, скуластый, с маленькими острыми глазками, в больших сапогах, озорная вызывающая фигура и жесты, только рука — мягкая, холеная, женоподобная, привыкшая к целованиям паствы. Гляжу и сам себе не верю: иеромонах или волжский разбойник? Явное могущество плоти перед духом. Человек, который приспособлен проталкиваться кулаком и локтями, но вовсе не словом Божиим! Так недавно я громил его в печати, а теперь он сидит в моем доме, на балконе, за чайным столом!

— Вы читали, что я писал о вас?

— Конечно. Кто меня только не травил в газетах. Другие — пусть, но вы — по недоразумению, как и все люди вашего лагеря.

— Ошибаетесь: я писал в здравом уме и не отказываюсь ни от одного своего написанного о вас слова.

— О сем поговорим душевно.

Пругавин ушел. Иллиодор был тогда злободневной знаменитостью, и, конечно, женщины моей семьи не сдержали своей любознательности и начали расспрашивать редкостного гостя о Гришке Распутине, с которым Иллиодор теперь воевал смертельной враждою. Много порассказал Иллиодор про Гришку, сверкая образным языком, фигурами и сравнениями, много насплетничал и про царскую семью. Теперь, когда все сплетни уже пущены в оборот, я не буду на них останавливаться. Но расскажу душевное признание Иллиодора о том, как он переродился и сделался революционером, отвергнувшим царя и самодержавие. После чая, когда уже стемнело, мы пошли побродить под гору, к лесу, и Иллиодор начал свою исповедь:

— Да, и меня травили, травили газеты, травила и вся интеллигенция ваших взглядов. А я вас всех тоже травил! Но все это было, как я теперь понимаю, одно недоразумение с обеих сторон!

— Я не считаю это недоразумением!

— Позвольте, позвольте! Вы думаете, что я ищущ оправданий и хитрю с вами? Нет, я вам исповедуюсь. Мы шли к одной цели, но разными путями. Я сам вышел из народа и со школьной скамьи горел жаждою вывести народ на прямую дорогу. Плохо я разбирался в государственной жизни, а был только религиозен до страсти и по внутреннему призыву души пошел по духовной дороге. Я еще верил тогда в то, что в облачении духовном, именем Бога, я смогу послужить не только Господу, но и своему народу. С детства меня воспитывали и просвещали по системе двоебожия: на небе — Бог, Царь небесный, на земле — Бог, царь земной. И царь был всегда моим вторым богом. Рос я и присматривался к жизни: везде — неправда, обман народа, его страдания, но всю эту неправду и обманы я не относил к царю, ибо хула на царя была для меня как хула на Бога. Всю неправду и зло я относил, как и сам народ, не к самодержавному владыке, а к тем, кто стал между царем и народом. «Если бы царь знал всю правду, — думал я, — если бы сановники, помещики, купцы и чиновники не закрывали бы царских очей, народ жил бы хорошо и счастливо, в правде жил бы!» И вот родилась у меня идея: царь и народ, а все прочее — средостение, нарост, шелуха, которую надо отместить прочь. Надо сделать так, чтобы у нас было мужицкое и рабочее царство... А все вы, наша интеллигенция, представлялись мне врагами Бога и царя. Я знал, что вы желаете с помощью социализма осчастливить народ, но я не верил вам и вашим путям; у вас были другие боги:

не Царь небесный и не царь земной. Скоро я убедился, что мое духовное слово — моя сила, увидел, что моя проповедь притягивает народ и что именем Бога и царя я могу вести стадо человеческое не только в царство небесное, но и в царство Божие на земле. А вы, безбожники, казались мне дьяволами, мешающими мне на путях моего служения народу. Возненавидел я интеллигенцию, губернаторов, купцов, полицмейстеров и стал громить их в своем слове, желая сотворить мужицкое царство с двумя богами: земным и небесным. Вся наша культура казалась мне гробом поваленным...

Иллиодор примолк, а я спросил:

— А теперь?

— Жизнь разбила мою заветную мечту и надежду. Случилось так, будто дали мне в детстве коробочку с драгоценными камнями, велели беречь, как свою жизнь, но не раскрывать ее никогда. Вот с этой коробочкой и жил я, храня свои тайные драгоценности. Но жизнь заставила раскрыть коробочку... и я вдруг увидел, что вместо драгоценных камней я всю жизнь берег цветные стекляшки!

— Как же это случилось?

— Судьба приблизила меня ко двору, к царю и царскому семейству, и обаяние перед земным богом разбилось. Как самый обыкновенный темный мещанин оказался мой земной бог и его благочестивое семейство. И самая вера моя стала терять власть надо мною, ибо Распутин осквернил чистоту нашей церкви, а наш синод распинал Христа. Теперь у меня нет коробочки, с которой я прошел полдороги жизни. Выкинул я из нее стекляшки и бросил самую коробочку. Я потерял земного бога. Он оказался идолом. Ищу новых драгоценностей: я ушел в сектантство, где еще жив Христос. А что касается земных путей, так я приблизился к вам: надо разбить идолослужение... Вот я напишу такую книгу, что у всех слепых прозреют очи...

— Ну, а как же мужицкое и рабочее царство...

— Если бы нашелся такой человек, который...

Иллиодор не закончил фразы. Помолчал и произнес:

— Народ верил и шел за мной, как за пророком...

Иллиодор встряхнул по-казацки головой:

— Да, вы мне сильно мешали. Кабы не эта травля, все по-другому вышло бы...

Сделалось сыро, из лощины пополз пронизывающий туман, и мы вернулись к даче. Долго еще говорили об интеллигенции, о народе, о мужицком царстве. И когда Иллиодор вспоминал о могуществе своего слова перед народом, он весь преобразался, заго-

рался пафосом, говорил громче и красивее, размашисто жестикулировал, глазки его делались злобными и горели, в эти минуты он напоминал мне Гришку Отрепьева...

Кто знает, как далеко простирал свои мечты этот честолюбивый авантюрист духовного ведомства? Не мечтал ли он о том, что именно ему было суждено сотворить такое царство и сесть в нем на престол?

Теперь, вспоминая эту своеобразную фигуру монаха-революционера, я часто думаю:

— Какой яркий предвестник будущего Ленина! Предтеча нашего большевизма в монашеской рясе!

Оба авантюристы, фантазеры, фанатики, честолюбцы и властолюбцы, только один — удачник, а другой — неудачник... Все дело в коробочке: Иллиодор раскрыл ее, а Ленин всю жизнь не раскрывал и передал ее в наследство своим ученикам... И те тоже не сдержались, как Иллиодор: раскрыли уже, увидели тоже стекляшки вместо драгоценных камней, но стараются скрыть это от народа и от самих себя...

Но жизнь нельзя обмануть. Она громко кричит теперь на весь мир:

— Не верьте большевистской коробочке: там не драгоценности, а одни пустые слова!

XVIII. БОРЬБА С ЛЕНИНЫМ

«Медовый месяц» революции протекал в радостно-приподнятом самочувствии всех петербургских жителей, без различия пола, классов, возрастов. Все пребывали в революционном угаре от всяких свобод, и над этим физическим и духовным хаосом столицы как чудотворное видение возносился прославленный лик г. Керенского, объявившего революцию «бескровной»... Всегда и везде революции сопровождался зверствами и кровавыми жертвами, а вот у нас, благодаря вмешательству новоявленного чудотворца г. Керенского, будет хотя и «великая», но бескровная! Тысячи портретов великого мага и чародея печатались в литографиях, и не было квартиры, от богатого особняка до убогой чиновничьей комнатки, где бы не красовался образ этого «великого человека» и государственного мужа! Теперь нам смешно. Да. Но не вправе ли г. Керенский, подобно гоголевскому городничему, сказать нам:

— Над кем смеетесь? Над собой смеетесь...²²³

Не глупо ли, в самом деле, обвинять во всем г. Керенского, когда Временное правительство, впустившее в страшную для го-

сударства минуту «Троянского коня» в виде запломбированного вагона с Лениным и его бандой, имело в своем составе столько излюбленных мужей разума, среди которых был и испытанный политик и историк Милюков? Не он ли распорядился впустить Троцкого в пополнение передвижной труппы г. Ленина? Ленин не скрывал своих разрушительных планов, опубликованных еще в 1906 г. и намеченных им при первой новой войне. Правительство не могло не знать этих планов, а между тем не только приняло «немецкий дар» в запломбированном вагоне, но допустило торжественную встречу и манифестацию с музыкой, устроенную его единомышленниками и получившую, благодаря огромной толпе любителей, характер торжественного и значительного события²²⁴. Мало того, оно допустило торжественное выступление будущего предателя страны в зале заседаний Государственной Думы²²⁵. Я случайно был в это утро в Таврическом дворце и наблюдал с хоров, что творилось внизу. Здесь был весь наличный состав столичных революционеров различных партий и масса вольнослушателей, в том числе солдат и рабочих. В двухчасовой речи Ленин откровенно изложил всю свою программу действий, вплоть до превращения войны в гражданскую и захвата власти, и объявления диктатуры. Попутно он высмеивал Временное правительство, призывал к недоверию и свержению его как власти буржуазной, бросал в толпу кровожадные лозунги... Вообще это был прямой призыв к бунту. Только однажды публика запротестовала, когда Ленин сказал, что царская армия должна быть распущена. Тут загудели недовольно солдаты, раздались интеллигентские протестующие выкрики. Но Ленин быстро поправился и сменил гнев толпы на взрыв рукоплесканий. Он сказал, что армия должна быть не царской, а народной, служить не царю, помещикам и фабрикантам, а трудящемуся народу...

И все это творилось в глазах правительства, под одной с ним кровлей Таврического дворца!

Надо сознаться: после речи Ленина и взрывов рукоплесканий на скамьях интеллигенции, восседавшей на местах, и в солдатской толпе, перемешанной с рабочими, я впервые усомнился в чудотворстве г. Керенского, которого так зло высмеял Ленин за намерение делать революцию в перчатках... В зале сразу запахло кровью...

«Медовый месяц» революции сразу оборвался. Началась бешеная вакханалия большевистской пропаганды, захват типографий, дач, особняков, водворение во дворце балерины Кшесинской под охрану броневиков с пулеметами²²⁶. Марсово поле, казармы, площадь перед дворцом Кшесинской представляли собой беспре-

рывные большевистские митинги, на которых творилось спешно и злобно разрушение всех основ государственности. И никакого сопротивления со стороны Временного правительства. Эти базары, где бесплатно раздавались брошюры и прокламации, выкрикивались кровавожадные лозунги, призывавшие к убийствам и грабёжам, бунтам и ниспровержениям! Милицейские власти только требуют внешнего порядка, следят, чтобы не было драк, а говори что хочешь:

— Раз свобода слова объявлена, мы не можем останавливать.

В казармах устраиваются митинги, на которых открыто выступают ленинцы и молчат их противники. Их попытки всегда неудачны: достаточно двух-трех демагогических выкриков вроде: «Вы — помещик или капиталист?», — как толпа раздражается готанием и антибольшевика забрасывают насмешками, не давая говорить. Отрезвляющее слово принимается враждебно... Я однажды попробовал вылезти и заговорить.

— Вы какой партии? — закричали с разных сторон.

— Партии здравого смысла! — огрызнулся я.

— Довольно нам здравого смысла! Все буржуи вопят о нем теперь!

— Я не думал, что тут не требуется здравый смысл и предпочтается глупость!

— Товарищи! Что сказал наш пролетарский поэт Максим Горький? Он сказал: «Безумству храбрых поем мы песню!» К черту здравый смысл!

— Правильно-ооо! Доло-ой! Вон его!

— Довольно морочить нашего брата!

— Они нам царство небесное, а себе пироги с капустой! Воюй, говорят, а мы за твоей спиной деньги считать будем! Война только вам, буржуям, нужна!

Толпа — это огромный и страшный идиот. Трезвой мыслью и словом на нее не воздействуешь. Большевики предлагают бросить войну, делить помещичью землю, захватить фабрики и заводы, а что могли обещать мы?

Ни к каким партиям я тогда не принадлежал, но работал все-таки вместе с Плехановым в его газете «Единство», которая предназначалась для рабочих. Это была единственная возможность продуктивной борьбы. Так как для так называемых сознательных рабочих Карл Маркс был уже неопровержимым доказательством, а он один в двух лицах: и активный революционер (по Коммунистическому манифесту) и эволюционист, как человек спокойной науки. Чем же воевать в рабочих массах, как не тем же Марксом, которым сражается сам Ленин? Так именно сражался Плеханов,

так делал тогда и я. Это огорашивало «сознательных» и мешало им слепо идти за Лениным, пока тот еще не овладел вместе с Россией и ее рабочим классом.

Революция надолго оборвала мое художественное творчество. Я всецело отдался борьбе с врагами родины, которые очутились скоро ее властелинами. Так как в Петербурге дело становилось безнадежным в этом смысле и борьба словом и пером не находила больше места, я перебрался накануне большевистского переворота в Москву. Однако и здесь скоро началась последняя попытка отстоять родину, ее сердце, кончившаяся тщетным кровопролитием. Большевики водворились в Кремль. Пока они церемонились с прессой, я продолжал борьбу словом в «Русских ведомостях»²²⁷, выступлениями на собраниях, чтением лекций. За одно из таких выступлений я едва не заплатил жизнью.

Я только что вернулся из поездки с лекцией. Побывал в Вологде, где большевики сорвали мою лекцию выстрелом на галерке театра в пространство, что произвело переполох и разогнало публику. Был в Рыбинске, Костроме, в Нижнем Новгороде. После лекции в городе здесь заявила ко мне депутация с Сормовского завода и попросила прочитать лекцию на заводе специально для рабочих. Когда я приехал с этим намерением в Сормово, летний театр, где должна была состояться лекция, был оцеплен красноармейцами. Я стоял с толпой рабочих перед воротами сада, ожидая впуска. Рабочие начали роптать и требовать, чтобы нас пустили. Тогда из-за ограды сада открылась стрельба из ружей, и толпа побежала врассыпную. Я укрылся в семье одного инженера. Меня искали, чтобы арестовать, но я благополучно уплыл ночью на лодке в Нижний. Здесь была страшная тревога: чехи взяли Казань, и среди большевиков была явная паника. Для меня было совершенно ясно, что двинься чехи тогда на Нижний и Москву, Россия была бы спасена от них [большевиков] навсегда. Но чехи повернули на Сибирь. А как их ждали в Нижнем! Как поджали хвосты торжествующие насильники! Многие из них уже уложились, чтобы бежать, многие выпроваживали свои семьи из города. Растерянность властей принимала комический характер, а жители ходили с гордо поднятой головой!..

Вернулся в Москву. Молодой писатель Б.Пильняк²²⁸, живший тогда в Коломне, под Москвой, пригласил меня с дочкой посмотреть Коломенский кремль, которого я никогда не видел. Чтобы не тратить зря времени, я решил прочитать там лекцию. Лекция моя, хотя и антибольшевистская, но построенная на эволюционном лике Карла Маркса в спокойном, якобы научном тоне, прошла хотя и с выступлениями горячих противников, но благопо-

лучно. В местном Совете заседали интеллигенты, еще не потерявшие почтительности к писательским именам. А мое имя еще не числилось в разряде писателей-контрреволюционеров. Выступали и некоторые члены Совета против меня, но дебаты велись в корректной форме. Это было в пятницу, а в субботу меня пригласили учителя на свой уездный съезд и избрали меня вторым почетным председателем. На съезде выступил с докладом об единой трудовой школе большевик. Очень путался в словах, говорил иногда ерунду, смешившую публику. Я этим воспользовался, как почетный председатель просил у докладчика разъяснения его глупостей, тот путался еще больше и, наконец, выведенный из терпения, заявил, что здесь творится явный саботаж, и раздраженно покинул съезд. Учителя просят меня сказать что-нибудь по поводу переживаемых событий. Я вместо речи читаю свое сатирическое стихотворение на большевиков. Приведу несколько начальных строк:

Нас немец победить не мог, —
Ему Ильич в этом помог.
Сей «барин красный», хотя русский,
Приехал к нам за пломбой прусской
И, чтоб пожар внутри зажечь, —
Повел предательскую речь:
К чему вам родина, отчизна
И прочий буржуазный хлам?
Иную заповедь я дам:
Буржуй — единственный ваш враг!
Режь! грабь! — и всех в один овраг:
Попов, купцов, интеллигентов,
Всех бар — помещиков, студентов,
Профессоров и инженеров,
Кадет, эсдеков и эсеров,
Всех генералов, патриотов
И разных прочих идиотов,
Зовущих вас спасать Россию...

Далее приводился разговор Ленина с мужиком, солдатом и рабочим, с демагогическими посулами каждому, и созданный из них триумвират:

Так создался триумвират:
Мужик, рабочий и солдат,
Спиной к врагу, штыком к народу
Творили новую свободу,
И русский воз социализма
Приехал в царство коммунизма...

Затем описывался коммунистический рай, в котором все трое оказались обманутыми батраками коммунистической партии...

Моя басня произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Сперва учителя и учительницы перепугались, и минута прошла в тишине, а потом кто-то смелый зааплодировал, и все собрание загремело рукоплесканиями и криками «браво». Съезд устроил мне овацию, которая продолжалась и на улице при моем выходе из собрания. На другой день, утром, я с дочерью в сопровождении писателя Пильняка с сестрой отправились осматривать Коломенский кремль. Едва мы вошли туда, как позади раздался грозный окрик:

— Стой!

Мы оглянулись: нас настигал рослый черный бородатый мужик, с револьвером, в сопровождении двух латышей с винтовками.

— Где у тебя спрятана прокламация, сволочь этакая? Руки вверх!

Рожа прямо разбойничья, запомнилась навеки: на верхней губе шрам, глаза черные, свирепые, ноздри раздуваются, как у лошади. Обыскал меня. Я потребовал объяснений, спросил мандат.

— Вот тебе мандат! — разбойник направил в мое лицо револьвер и закричал, — убью, как собаку! Объявляю тебя арестантом! Читай, вот мой мандат!

Он вытащил бумагу, и я прочитал, что предъявителю этой бумаги предоставлено арестовывать всякое подозрительное по контрреволюции неизвестное лицо. Моя дочь наивно сказала:

— Тут сказано «неизвестного», а папу знает вся Россия!

— Не суйся, а то и тебе...

Пока меня обыскивали и пока я пререкался с разбойником, Пильняк с сестрой отделились и скрылись. Дочь заявила, что она пойдет вместе со мной.

— Куда вы ведете папу?

— А вот узнаешь куда! — задыхаясь от злобы, говорит разбойник, а один из латышей на ломаном русском языке добавляет:

— Ты буржуй, тебя надо расстрелять!

— Вас без того скоро вешать будут, а ты, сволочь, приехал против Ленина революцию разводить! Мы знаем, что с вами делать!

Я понял, что меня ведут на расстрел. Желая не делать свидетельницей этой расправы свою дочь, я посоветовал ей идти и дать телеграмму матери и поугал разбойника: «Пусть немедленно скажет по телефону Ленину!» Никакого эффекта, впрочем, моя хитрость не произвела. Дочь ушла. Меня вели под гору за город, и

уже не оставалось сомнений, что часы моей жизни сочтены. Странно, что совсем не было страшно: какое-то тупое безвольное безразличие овладевало душой. Привели на пустырь к полуразрушенному дому и втолкнули в калитку на двор. Дом оказался обитаемым: во флигелях и на дворе бегали красноармейцы, больше латыши. Мелькнуло: это — Чека. Вогнали в задний флигель, в пустую комнату. Дверь была открыта и было слышно, что в другой половине дома, через сени, говорят, кричат люди, трещит телефон. Вошел латыш с винтовкой и начал поглядывать на меня с таким любопытством, что я угадал его мысли: у меня — часы, хорошее пальто и ботинки. А телефон трещит, потом крикливый разговор в трубку. Прислушиваюсь и начинаю понимать, что речь идет о моей судьбе. Как потом выяснилось, писатель Пильняк, бросив меня, побежал в местный Совет и заявил там, что меня арестовали и повели в город. Местный Совет, зная, что мне грозит расстрел, как тоже потом выяснилось, потребовал меня на допрос в судебную комиссию. Разбойник спорил и не желал меня выпустить из рук... Прошло минут пять, и я увидел через окно двух велосипедистов интеллигентной наружности, оказавшихся потом членами Совета и революционного трибунала. Потом я явно услышал громкое пререкание из-за меня: разбойник настаивал на своем праве судить меня здесь, а велосипедисты требовали вести в Совет, причем шел спор о моем выступлении — насколько я был контрреволюционен в своих словах. И у меня ментально мелькнула мысль: спорящие спорят о разных выступлениях: велосипедисты полагают, что меня арестовали за прочитанную лекцию, во время которой они не только присутствовали, но и выступали оппонентами, а разбойник слышал мои стихи на съезде и о них говорил, но по малограмотности не соображал, что тут — недоразумение. После долгих препирательств меня повели под конвоем в город, и я очутился перед лицом советского заседания. Разбойник остался в канцелярии и ждал, что меня ему выдадут.

Началось выговором председателя:

— Вы сами виноваты, что нам приходится пользоваться малоразвитыми людьми. Если бы к нам шла помогать интеллигенция, такие случаи не имели бы места...

— Вы сами присутствовали на лекции и потому можете судить: можно ли за научный доклад на основах Маркса арестовывать и... могло случиться, что и расстреливать...

Началось обсуждение моей лекции. Только один молодой человек, еврей, находил, что моя лекция все-таки была направлена против власти и дискредитировала идеи большевизма. Большин-

ством голосов, за исключением молодого человека, меня признали заслуживающим выговора и постановили немедленно выслать из Коломны. Когда я проходил мимо разбойника, тот крикнул:

— Кабы знал, что тебя отпустят, я бы не так сделал! Дурака сваял...

Бог спас от расстрела! Мы с дочерью ушли окраиной на вокзал и уехали с первым поездом. Скоро пришлось и Москву покинуть: я напечатал в «Русских ведомостях» статью «Великий провокатор» о Ленине²²⁹ и через брата своей жены получил совет от Ленина — немедленно уехать подальше, иначе он вынужден будет бросить меня в тюрьму. В это время открылось сообщение с оккупированной немцами Малороссией, и мы перебрались в Крым.

ХІХ. НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

В Крыму мы узнали, что старший сын наш, студент Новочеркасского политехникума, Евгений, ушедший под знамя генерала Корнилова, раненный в боях под Екатеринодаром, при отступлении потерявшей вождя армии, был брошен в одной из попутных станиц²³⁰. Полные отчаяния, мы с женой решили поехать на Красную Кубань и, если еще не поздно и возможно, спасти его от неминуемого расстрела. В советских газетах били тревогу: оправившаяся белая армия снова перешла в наступление и двигалась по направлению к Екатеринодару. Это усиливало опасность нашего предприятия и, если сын еще жив, приближало его гибель. Пробравшись в Керчь, мы на греческой фелюге пробрались в Новороссийск, а оттуда в Екатеринодар. Здесь я бывал несколько раз и имел связи в кругах местной интеллигенции. Многие из ее среды, прикрывшись красным плащом, служили теперь в большевистских учреждениях и помогали спасать «белых». От них я узнал, что мой сын жив и находится в станице Дядьковской. Блеснула надежда спасти сына при помощи псевдокрасных доброжелателей. План был такой: добиться разрешения властей взять сына на поруки и, похитив его, вывезти через Анапу в Крым. Пока я налаживал это дело, жена, превратившись в простую бабенку, отправилась искать сына. В первых числах июля 1918 г., приняв по возможности «демократический облик», направился и я в Дядьковку, имея в кармане разрешение взять сына на поруки с обязательством при первом требовании представить его в революционный трибунал и с угрозой: в случае побега очутиться на положении заложника. Помогло этому то обстоятельство, что местные власти не были еще осведомлены о моей антибольшевистской позиции и продол-

жали по старой памяти числить меня попутчиком и своим доброжелателем.

— Как вы, товарищ Чириков, допустили, чтобы ваш сын... и т.д.

— Мальчишка! Ему 18 лет... Учился в Новочеркасске и со-блазнился, убежал...

Добравшись по железной дороге до станции Медведицкой, я нанял попутного казака и на телеге поехал в Дядьковку. Стоял тихий погожий денек, беззаботно пели птички, и мой возница напелал что-то себе в бороду, когда впереди, в золотистом пыльном тумане, всплыли силуэты всадников.

— Каратели! — прошептал, обернувшись ко мне, казак и добавил: — Обыскивать не стали бы. Буржуев и кадетов ловят...

«Помоги, Господи!» — мысленно произнес я и принял невинный вид удрученного годами и равнодушного ко всему в мире человека. Облака пыли, разливная казацкая песня и загорелые рожи частью в папах, частью в сдвинутых на затылок военных фуражках. Есть с типичными донскими хохлами, а есть подлинные лики пропойц и каторжников. Слава Богу, проехали! Мой возница стеганул кнутом лошадь, телега покатила быстрее, но позади прозвучал злобный окрик «стой!» и разбойничий свист, потом выстрел... Казак обеими руками осадил лошадку. Подскакали три всадника с винтовками наготове.

— Кто ты такой?

Не знаю сам, как и почему я произнес точно Богом подсказанное слово:

— Драматург!

— Что такое?!

— Драматург.

Вопрошавший недоуменно оглянулся на своих товарищей, и один из них, как видно — старший, как бы хвастаясь своими познаниями, разъяснил дуракам:

— Это которые киномотографы показывают!

— А!

Рожи расплылись, и сразу сделались доброжелательными. Пошептались, и старшой махнул рукой:

— Проезжайте с Богом!

Когда всадники ускакали, я незаметно перекрестился и почувствовал усталость во всем теле. Это страх смерти, стоявшей рядом... Под вечер приехали в Дядьковку. Отыскал жену. Она остановилась у казачки, сын которой ушел к белым, и потому она была к нам трогательно доброжелательна.

— Видела Женю? Ну, что? Как?

На глазах жены слезы. Потупилась:

— Видела... Он... без ноги... — прошептала и заплакала.

Казачка утешает, говорит, что грешно плакать:

— А ты скажи — слава Богу, что жив остался. Два раза их к смерти определяли.

Начала жуткую повесть о брошенных корниловцах. Дважды исповедовались и причащались, чтобы смерть принять. И дважды воскресали. Подлинные чудеса Божии! Однажды наскочил конный отряд полупьяных красных, узнали, что в станице Деникин лазарет бросил, — туда! Под окошками суд устроили, и всех к расстрелу приговорили. Батюшка всех исповедовал... А Бог не допустил.

— Что же случилось?

— Да бабы с девками не дали. Народу собралось около лазарета видимо-невидимо. Очень уж нам жалко было: все молоденькие да хорошенькие... и пожить на свете мало пришлось. Вот мы и начали препятствовать...

— Неужели баб и девок послушались?

— А мы их в гости приняли, развели по домам. Выпили, поплясали, с девками поиграли, а тут им и время вышло: на коней да и марш! А в другой раз еще страшнее было. Наскакали, и суд! Не стоит, говорят, эту сволочь хлебом кормить. А дохтур белый и скажи: мы, дескать, свой хлеб едим, потому генерал Деникин капитал нам оставил. Как это они узнали про деньги, и про суд забыли. Стали дохтура пытаться, сколько денег да где спрятаны. Дохтур отдал. Сказывают, не меньше двух сотен тысяч было. Стали они их промежду собой делить да и повздорили, драка началась, друг в дружку стрелять начали и все ускакали друг за дружкой да так и не вернулись. Только двое пьяных остались. Они, прежде чем уехать, зашли в лазарет, дохтура в кровь избивали, двух белых полковников убили, а других исковеркали... Вот, видно, и сынка-то вашего...

Да, сына исковеркали. Подошли к постели:

— Куда ранен?

— В ногу.

Отвернули одеяло: нога в гипсе. Давай молотить спинками ружейных прикладов по ноге. Бросили в бессознательном состоянии и к следующему. Раздробили кости. Началась гангрена. Страшный налет и наступивший в лазарете хаос помешали вовремя сделать операцию, а потом доктор махнул рукой: поздно! все равно умрет! Но тут снова произошло нечто чудесное... Лазарет навещала одна добрая культурная молодая женщина — не буду называть пока ее полное имя и положение. Пусть остается

Ольгой Н. Узнав, что в лазарете лежит сын любимого ею писателя, она превратилась в его родную мать, окружив больного юношу трогательной заботливостью. После зверства, учиненного над сыном, она страдала, мучилась и молилась. Когда она узнала, что юноша обречен на смерть, она и сама заболела. И вот снится ей сон: подошла к сыну, тот жалуется на невыносимую боль и просит ее переложить изуродованную ногу. Ольга Н. хочет взять ногу, а её нет!.. И тут точно свыше осенило меня! — рассказывала она потом. — Надо отрезать ногу! Пошла к доктору Иванову и стала умолять об ампутации. Тот сперва упрямылся, находя это бесполезным, но она настояла. При самых несовершенных технических условиях отняли сыну ногу выше колена. Сын выжил!

Со слезами на глазах вошел я в лазарет, в комнату, где лежал сын.

— Папа!

Он вскочил и на одной ноге прыгнул мне навстречу. Мы крепко обнялись. Я скрипел зубами, чтобы не дать воли чувствам, не разрыдаться.

— Никак вы играете в шахматы?

— Да. Вот позволь тебя познакомить: мой партнер сперва в боях, а теперь в шахматах... Мудьюгин! Мой сосед...

Совсем мальчик. Бежал из Ростова, из 4-го класса гимназий. Без руки. Уже полна комната любопытных: кто в повязках, кто на костылях, а лица радостны:

— Правда ли, что белая армия идет снова на Екатеринодар? Слухи хорошие, а правда ли?

В этот вечер не удалось побыть с сыном наедине, чтобы обсудить вопрос о побеге. А на другой день и самый вопрос о побеге был лишним: из бесед с друзьями и по достоверным слухам с фронтов выяснилось, что по обеим линиям железных путей, в середине которых лежит Дядьковка, идут уже жестокие бои, дорога на Анапу отрезана и побег невозможен. Мы с женой перебрались жить к Ольге Н., муж которой пользовался особенным уважением среди тайных врагов большевизма.

— Наши побеждают! — радостно шепчет он, потирая руки.

— Почему вы в этом уверены?

— Слышите, какой скрип по дорогам? Это снимаются наши «иногородние» (не казаки, а пришлое население). Они ведь сообщники большевиков, надеющиеся получить казацкие земли. Когда красных гонят, иногородние бегут впереди.

Десятого июля эта догадка подтвердилась: к мужу Ольги Н. явилась депутация от местного Совета, и произошел такой разговор:

— Вот мы могли бы перебить корниловцев, а не тронули. А вот придут ваши, белые нас расстреляют... Скажите по совести: оставаться нам? заступитесь или нет?

— Если лазарет останется цел, я первый заступлюсь. Сохраните нам корниловцев, тогда и мы отстоим вас.

— Мы не тронем, а опасность вот такая: кто первым ворвется в Дядьковку? В боях люди, как полоумные, как можно поручиться? — Делегаты пошептались между собою и предложили: — Мы крови не прольем, а чтобы снять с себя всякую вину, разрешаем вам разобрать корниловцев по рукам и попятать, где хотите. А уж как дальше выйдет, мы бессильны, отвечать не можем...

Так и поладили.

Этот договор с несомненностью свидетельствовал о том, что слухи о победном приближении белой армии правильны. Трудно передать тот радостный взрыв, который охватил лазарет, когда мы приступили к тайной эвакуации! Казачки самоотверженно помогали нам, предлагая свои огромные огороды, бани, погребницы и разные укромные места в садах, на сенницах, мельницах. Они не только брались прятать, а еще и обслуживать их пищей. Мы спрятали сына в соседнем огороде-саде и стали трепетно ждать событий. Уже гремела пушечная канонада в отдалении, а к ночи 10 июля стала доноситься и страшная работа пулеметов. Точно где-то шили на швейных машинах! Станица как-то опустела и притихла. В воздухе висела невидимая напряженная тревога...

И вот настал ОЛЬГИН ДЕНЬ — 11 июля, именины нашей славной Ольги Н. Никогда в жизни я не бывал и никогда не буду на таких именинах! Точно обреченные, сбились мы в тесный кружок в чистенькой уютной квартире именинницы, одетой в белое, с каким-то просветленным святым лицом. Все были тихи, особенному кротки и ласковы друг с другом и больше шептались, чем разговаривали. Были и пирог, и вино, и чай, но ни у кого не было аппетита. Стемнело. Мимо станицы текли скрипучие обозы беглецов, и визг немазанных колес, мычание коров и обозленные голоса женщин врываются в раскрытые окна. То и дело в кухню заходили вестники и вестницы и вызывали то Ольгу Н., то ее мужа. В страшном томлении тянулись часы и минуты. Ведь решалась общая участь! Если придут наши — всем жизнь, если придут красные — всем нам смерть. Вот пришла казачка и сообщила, что все советское начальство, побросав дома и семьи, уткнуло! Потом кто-то вдохновенно закричал в кухне:

— Наши взяли Кореновку!

Кореновка — верстах в 30 от Дядьковки. Мы пожимались и подергивались, одолевала нервная позевота и хотелось потяги-

ваться. Однако все притворно бодрились. Голубое летнее небо сверкало звездами. На горизонте затрепетало зарево пожара. Слышалась канонада во всех сторонах, и казалось, что бой шел близко-близко. Сидели на крылечке и молча слушали грохот пушек, трескотню пулеметов, скрип обозов и какие-то странные выкрики не то людей, не то хищных птиц. Изредка пробегали по площади темные силуэты людей и внушали какую-то мистическую жуть своим тревожным мельканием и исчезновением. Вернулись в комнаты. Кто-то подсел к пианино и взял несколько пугливых аккордов. Раздался тревожный стук под окном и голос:

— А вы не играйте! Нехорошо. До музыки ли теперь. Лучше и огонь-то потушили бы.

Это осторожный сосед. Не понимает, что именно эта жуть момента и толкнула кого-то заглушить ее звуком музыки. Так мы томились до рассвета. Как вдруг все встрепенулись разом, вскочив с места: загудел набатный колокол на колокольне! Бросились на крыльцо:

— Что? Что случилось?

Пробегавшие торопливо, на ходу, кричали:

— Белые! Белые! За корниловцами приехали!..

Не берусь описывать наше душевное состояние. Мы точно воскресли из мертвых. Вся станица на ногах, в движении, в криках. На площади содом невообразимый. Появился сын. Лицо его сияет. Допрыгав до стола, торопливо и жадно пьет вино и напевает «Смело мы в бой пойдем за Русь святую!»²³¹ Направляемся к лазарету, а здесь уже формируется обоз для вывозки корниловцев. В церкви — благодарственный молебен.

Горстка дроздовцев²³², человек в 50, с риском гибели, провралась узкой полосой, свободной от боев, в Дядьковку и спасла корниловцев и всех, кто был теперь около них.

Когда солнышко всплыло над степью и радостью засверкал новый день, мы, двигаясь рядом с телегами больных и раненых корниловцев, под охраною конного отряда дроздовцев, покидали одно из страшных лобных мест великого похода. Как опишешь это радостное летнее утро, когда, казалось, вся природа ликовала вместе с нами! Еще ночью мы сидели в мрачном трепете, в ужасе, как уже приговоренные к смерти, а взошло солнышко, и мы — на вольной волюшке, пьем аромат свежего раннего утра и переполнены благодарностью к Господу и к покачивающимся в седлах героям-дроздовцам, большинству которых суждено было погибнуть в следующую ночь. О, если бы могли тогда знать это! А теперь они гордо торжествовали, были поглощены общей радостью и пели:

Марш вперед! Трубят в поход,
Черные гуса-а-ры!
Звук лихой зовет нас в бой,
Наливайте чары!

Песню подхватывают на телегах корниловцы, и летит она по степи с ветерком во все дали и шири, возносится к небесам... А стихла песнь, где-то ворчат пушки, словно отдаленный гром. Но теперь он не пугает, а лишь острее делает нашу радость спасения. О, незабвенная радость! Вот прошло уже десять лет²³³, а стоит в памяти, как вчерашний день. Тяжелое и ужасное, пережитое в эти проклятые годы братской бойни, отодвинулось и потускнело, а радость жива до сей поры. Она поднимает душу и тайно подсказывает:

— Верь: будет еще одна огромная радость, радость спасения и воскресения родины! Еще одна последняя радость в моей жизни, бегущей к закату!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литературный путь Чирикова, согласно последующему указанию самого писателя (см. с.307), начался 7 января 1887, когда в казанской газете «Волжский вестник» был опубликован его первый рассказ «Рыжий»; стихи Чирикова начали появляться в периодической печати с 1882.

² Из стихотворения Н.А.Некрасова «Поэт и Гражданин» (1856).

³ Подробных сведений о семье родителей Чирикова не выявлено. Из шести детей Чириковых Евгений был вторым ребенком.

⁴ Из стихотворения Н.А.Некрасова «Песня Еремушке» (1859).

⁵ Чириков был принят в Казанскую гимназию в 1875.

⁶ Форма солдат пехоты во французских колониальных войсках.

⁷ *Тарханов, Зоя, Калерия* — герои автобиографической тетралогии Чирикова «Жизнь Тарханова» («Юность», 1911; «Изгнание», 1913; «Возвращение», 1914; «Семья», 1925).

⁸ *Перовская Софья Львовна* (1853-1881) — революционная народница, организатор и участница покушений на Александра II; казнена через повешение 3 апреля 1881.

⁹ «*Черный передел*» — революционная народническая организация (1879-1882), возникла после раскола «Земли и воли», сохранив ее программу.

¹⁰ «*Земля и воля*» — революционная народническая организация, основанная в Петербурге в 1876. Разногласия между т.н. «деревенщиками» и «политиками» привели в 1879 к расколу на «Народную волю» и «Черный передел».

¹¹ «*Народная воля*» — наиболее крупная и значительная революционная народническая организация, которая возникла в Петербурге в августе 1879.

¹² Николай Владимирович *Мезенцев* (1827-1878) — государственный деятель, с 1876 — шеф жандармов. Убит С.М.Кравчинским 4 августа 1878. Мотивы покушения были изложены Кравчинским в брошюре «Смерть за смерть», напечатанной осенью 1878 в типографии «Земли и воли».

¹³ Вера Ивановна *Засулич* (1849-1919) — революционная народница, 24 января 1878 выстрелом из револьвера тяжело ранила петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф.Трепова. Была оправдана судом присяжных 31 марта 1878.

¹⁴ Процесс *первомартовцев* проходил 26-29 марта 1881 в Особом присутствии Правительствующего Сената.

¹⁵ *Кружок саморазвития* — одна из основных форм общественной работы студенческих землячеств.

¹⁶ Работу Николая Константиновича *Михайловского* (1842-1904) «Что такое прогресс», опубликованную в «Отечественных записках» (1869, №1, 9, 11) радикальная молодежь ставила в один ряд с «Что делать?» Н.Г.Чернышевского и «Историческими письмами» П.Л.Лаврова. «Формула прогресса» Михайловского отвечала настроениям разночинной интеллигенции, она выдвигала основным требованием к деятельности развитой личности борьбу с существующим строем.

¹⁷ *П.Миртов* — псевдоним Петра Лавровича Лаврова (1823-1900), теоретика русского революционного народничества, философа и социолога. В «Исторических письмах» (1868-1869, отд. изд. 1870) Лавров дал молодому поколению руководство для «сознательного участия в общественной жизни». В воспоминаниях Чирикова «Годы моего студенчества» (Студенческие годы. Прага. 1922. №2-4) представлен более полный список произведений, с которыми знакомились гимназисты и студенты в кружках саморазвития: «Азбука социальных наук» Б.В.Берви-Флеровского, «Один в поле не воин» Ф.Шпильгагена, «Кто виноват?» А.И.Герцена, «Знамя времени» Д.Л.Мордовцева, «Исповедь» Л.Н.Толстого, «Что делать?» Н.Г.Чернышевского, «Политическая экономия» И.И.Иванюкова, «Записки революционера» П.А.Кропоткина, «Подпольная Россия» С.М.Степняка-Кравчинского, работы Ф.Лассалья, Дж.-Ст.Милля, компилятивные изложения трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, биографии казненных революционеров.

¹⁸ Издание под таким заглавием выявить не удалось.

¹⁹ Александр Александрович *Навроцкий* (1839-1914) — прозаик, поэт и драматург.

²⁰ Стихотворение А.Навроцкого «*Утес Стеньки Разина*» («Есть на Волге утес, диким мохом оброс...») было опубликовано в 1870 в «Вестнике Европы» (№12).

²¹ «Евгений Онегин», гл.3, строфа XXVIII.

²² Давид *Рикардо* (1772-1823) — английский экономист.

²³ «Евгений Онегин», гл.8, строфа XXIX.

²⁴ Об этом периоде жизни писателя см.: Чириков Е.Н. Годы моего студенчества // Студенческие годы (Прага). 1922. №2-4.

²⁵ *Союз землячеств, студенческие землячества* — объединения студентов («земляков») по территориальному признаку. Они носили полулегальный характер. Видные члены землячеств являлись чаще всего председателями студенческих сходок, делегатами для переговоров с начальством. Одной из основных форм общественной работы студенческих землячеств были кружки саморазвития. Студентами собирались значительные библиотеки запрещенных книг.

²⁶ Так назывались первые организации помощи политическим заключенным и ссыльным, созданные в середине 1870-х; в их задачу входила и организация побегов из мест заключения.

²⁷ Николай Иванович *Кибальчич* (1853-1881) — революционный народник, изобретатель, участник покушения на Александра II.

²⁸ *Казанский университет* (основан в 1804) в своем составе имел историко-филологический, физико-математический, медицинский и юридический факультеты. С 1836 в число студентов принимали магометан. В 1884 в университете насчитывалось 892 студента, был сильный профессорский состав.

²⁹ По новому университетскому уставу, принятому 18 июня 1884, университеты лишились прежней автономии.

³⁰ «*Волжский вестник*» — общественно-политическая и литературная ежедневная газета, издававшаяся в Казани с 1883. Чириков ошибся на год: «Рыжий» был помещен в газете 7 января 1886.

³¹ Герой автобиографической тетралогии Е.Чирикова «Жизнь Тарханова».

³² Николай Павлович *Загоскин* — историк русского права, профессор Казанского университета. В 1883-1891 был редактором-издателем «Волжского вестника».

³³ Николай Федорович *Анненский* (1843-1912) — публицист, экономист, общественный деятель; сотрудничал в «Отечественных записках», «Русском богатстве», «Деле».

³⁴ *С.Каронин* (псевдоним; настоящее имя — Николай Елпидифорович Петропавловский, 1853-1892) — прозаик.

³⁵ В 1887 уральское общество любителей естествознания устроило в Екатеринбурге сибирско-уральскую выставку. Чириков был послан на эту выставку как корреспондент «Волжского вестника».

³⁶ «*Отечественные записки*» были запрещены в апреле 1884.

³⁷ «*Русская мысль*» — литературный, научный и политический ежесычный журнал, издававшийся в Москве в 1880-1918.

³⁸ С.Каронин-Петропавловский в 1874-1886 подвергался репрессиям: был осужден по «процессу 193-х» (1877-1878), отбывал ссылку в Сибирь. По возвращении жил в Поволжье под надзором полиции.

³⁹ Роман Д.Н.Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» был опубликован в 1883, роман «Горное гнездо» — в 1884.

⁴⁰ Имеется в виду героиня поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» (1839).

⁴¹ 1 марта 1887 покушение на Александра III совершили Александр (у Чирикова ошибочно назван Николаем) Ильич Ульянов (1866-1887), Василий Денисович Генералов (1867-1887), Пахомий Иванович Андреюшкин (1865-1887).

⁴² Ленин был принят в число студентов юридического факультета Казанского университета 13 августа 1887. Поступив в Казанский университет, он подписал обязательство не принимать участия в каких-либо сообществах и не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения начальства, однако в декабре 1887 он был избран членом симбирского землячества студентов Казанского университета. Биографы Ленина отмечают: «Ленин в Казани посещает собрания передовой революционной молодежи на квартире исключенного из Казанского университета Е. Чирикова» (Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника в 11 тт. Т.1. М., 1970. С.40). Чириков в воспоминаниях «Годы моего студенчества» писал: «Ленин, хотя и не принял участия в беспорядках, но был исключен за несомненное участие...» (Указ. изд. 1922. №2. С.8).

⁴³ Чириков ошибся, посчитав, вероятно, что В.Ульянов жил со старшим братом, тогда как тот после окончания гимназии приехал в Казань из Симбирска.

⁴⁴ 5 декабря 1887 правление Казанского университета внесло постановление об исключении из университета студентов, участвовавших в сходке. В этом списке были имена Е. Чирикова и В. Ульянова.

⁴⁵ Иван Давыдович Делянов (1818-1897) — министр народного просвещения (1882-1897); в 1884 ввел новый университетский устав, согласно которому в гимназии и университеты был ограничен прием детей недворянского происхождения, в средние учебные заведения не принимались «дети кучеров, прачек, мелких лавочников и т.п.»; полностью отменялась выборность ректора, деканов и профессоров, на которой основывалась автономия университетов. Круг дел, подлежащих ведению Советов университетов и факультетов, сильно сузился.

⁴⁶ Из стихотворения Я.П.Полонского «В альбом К.Ш. ...» (1871): «Писатель, если только он / Волна, а океан — Россия, / Не может быть не возмущен, / Когда возмущена стихия».

⁴⁷ Константин Петрович *Победоносцев* (1827-1907) — государственный деятель, юрист; в 1880-1905 — обер-прокурор Синода.

⁴⁸ Студенты Казанского университета собрались на сходку 4 декабря 1887.

⁴⁹ Николай Александрович *Кремлев* — профессор римского права, ректор Казанского университета. «Чтобы заявить свою сознательность, — вспоминал *Чириков*, — собрали свои студенческие билеты и вручили ректору, т.е. все добровольно предали себя в руки жандармов и полиции» (Указ. изд. 1922. №2. С.8).

⁵⁰ Обыгрываются строки стихотворения М.Ю.Лермонтова «И скучно и грустно».

⁵¹ События студенческой сходки легли в основу рассказа *Чирикова* «Судьба», впервые опубликованного в газете «Русское слово» (1912. №154-156. 5-7 июля).

⁵² Сергей Яковлевич *Елпатьевский* (1854-1933) — прозаик и публицист, народник, один из руководителей журнала «Русское богатство». Работал врачом в Нижнем Новгороде в 1887-1896.

⁵³ Ангел Иванович *Богданович* (1860-1907) — литературный критик и публицист. Будучи студентом-медиком Киевского университета, за участие в народовольческом кружке был арестован и в 1883 выслан. Проживая в Нижнем Новгороде в 1883-1890, стал печататься в ряде волжских изданий.

⁵⁴ Алексей Алексеевич *Дробыш-Дробышевский* (1856-1920) — редактор газет «Волгарь», «Самарская газета», «Нижегородский листок».

⁵⁵ Николай Михайлович *Баранов* (1836-1901) — нижегородский губернатор с 1882 по 1897.

⁵⁶ *Чириков* приехал в Нижний Новгород в декабре 1887.

⁵⁷ Политическая и литературная газета «Екатеринбургская неделя» выходила в Екатеринбурге с 1879.

⁵⁸ Обыгрываются строки из «Евгения Онегина»: «Он возвратился и попал, / Как Чацкий, с корабля на бал» (гл.8, строфа XIII).

⁵⁹ О душевном состоянии *Чирикова* в это время свидетельствует стихотворение, написанное после допроса:

Нет, головы своей я не склоню покорно
И не скажу: «напрасная борьба!»
Своих колен не преклоню покорно
Перед врагом с смирением раба!
С открытой грудью, безоружный, слабый,
Но гордый знаменем, которое несусь,

Вперед пойду, погибну смертью славной,
Но жертвы идолам врагов не принесу!

(Студенческие годы. 1922. №3/4. С.9).

⁶⁰ Вероятно, имеется в виду повесть «Капрал».

⁶¹ Чириков приехал в Царицын в 1888.

⁶² *Поповка* — круглое судно, построенное по системе вице-адмирала Попова.

⁶³ Встреча Чирикова и М.Горького произошла в 1888 в Царицыне. Значительно позже Горький писал об этом И.А.Груздеву: «Я впервые встретился с ним в Царицыне, за городом, на нефтяных складах Нобеля» (Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т.30. М., 1955. С.429). По другим сведениям, встреча писателей произошла в том же году в Борисоглебске, где Чириков служил в местном отделении Грязе-Царицынской железной дороги (см.: Трофимов Ж. Где взлетел Буревестник // Неделя. 1977. №49. С.5).

⁶⁴ Имеется в виду газета «Астраханский вестник».

⁶⁵ Встреча Чирикова с Н.Г.Чернышевским произошла в 1889 в редакции «Астраханского вестника».

⁶⁶ Н.Г.Чернышевский жил в Астрахани с 1883 по 1889.

⁶⁷ Джон Стюарт *Милль* (1806-1873) — английский философ-позитивист, экономист. Имеется в виду экономический труд Н.Г.Чернышевского «Примечания к "Основаниям политической экономии" Д.С.Милля» (1860), в котором были подвергнуты критике попытки английского экономиста доказать возможность улучшения положения рабочего класса при сохранении капиталистической частной собственности путем изменения форм распределения.

⁶⁸ Чернышевский имел в виду рассказ Чирикова «Свинья», опубликованный в «Книжках Недели» в 1888 (№8).

⁶⁹ Название главы ассоциируется с повестью Чирикова «*Чужестранцы*» (1899), в которой писатель одним из первых в русской литературе отразил зарождение марксизма в России. Спустя много лет М.Горький в письме к И.А.Груздеву от 29 октября 1935 отмечал популярность этого произведения: «Его "Чужестранцы" вызвали широчайший отклик — редакция "Жизни" получила за два, три месяца около 500 писем на имя Чирикова, а он говорил, что у него за год накопилось до двух тысяч. По тем временам это — много» (Архив А.М.Горького. Т.11: Переписка А.М.Горького с И.А.Груздевым. М., 1966. С.345).

⁷⁰ Богдан Афанасьевич *Маркович* (1853-1915) — сын Марии Александровны и Афанасия Васильевича Марковичей, народник, участник революционного движения 1870-1880-х, журналист, переводчик. В Астрахани Б.Маркович жил в ссылке в 1887-1890.

⁷¹ *Марко Вовчок* (настоящее имя — Мария Александровна Вилинская-Маркович, 1833-1907) — украинская и русская писательница.

⁷² Обыгрывается образ Никодима — тайного ученика Христа (Ин. III: 1-21; VII: 50-51; XIX: 39-42).

⁷³ Видимо, имеется в виду Николай Львович Росляков, редактор «Астраханского справочного листка».

⁷⁴ Михаил Васильевич *Сабунаев* (1855-1922) в 1889-1890 пытался возродить организацию «Народная воля». Для этого создал революционные группы в Москве, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде и других городах. Осенью 1890 всех членов его группы арестовали. Это была последняя попытка возродить «Народную волю» как всероссийскую организацию.

⁷⁵ «Молодая партия народной воли» — революционная народовольческая организация, которая оформилась в январе 1884.

⁷⁶ Александр Иванович Иванчин-Писарев (1849-1916) — журналист, публицист, сотрудничал в «Волжском вестнике», «Русском богатстве», «Сибирской газете».

⁷⁷ «Неделя» — еженедельная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге с 1866 по 1901. Ее редактором в 1876-1893 был Павел Александрович *Гайдебуров* (1841-1893). С 1878 в виде приложения к газете выходил ежемесячный «Журнал романов и повестей», который с 1891 по 1901 издавался под заглавием «Книжки Недели».

⁷⁸ Первые отзывы о произведениях Чирикова появились в 1895: о рассказе «Ранние всходы» — Из русских изданий (нравоучительный роман из детской жизни) // Книжки Недели. 1895. №9. С.240-242 (без подписи); о рассказе «В лесу» — Обнинский П. Из области современной этики // Русское богатство. 1895. №10. Отд. II. С.27-28.

⁷⁹ Имеется в виду Валентина Георгиевна Григорьева, будущая жена Чирикова.

⁸⁰ Брат жены Чирикова — Михаил Георгиевич Григорьев (1872-1934), один из первых русских марксистов, в Самару был сослан в 1895.

⁸¹ Николай Алексеевич *Осокин* (1839-1895) — историк, профессор всеобщей истории Казанского университета.

⁸² Рассказ «Ранние всходы» опубликован в журнале «Мир Божий» (1895. №8).

⁸³ Вукол Михайлович *Лавров* (1852-1912) — основатель и редактор (1882-1905) «Русской мысли».

⁸⁴ «Мир Божий» — ежемесячный литературный, политический и научно-популярный журнал, издававшийся в Петербурге с 1892 по август 1906. В результате цензурных преследований был закрыт, но с октября 1906 возобновлен под названием «Современный мир».

⁸⁵ Александра Аркадьевна *Давыдова* (1848-1902) — издательница и редактор журнала «Мир Божий» в 1892-1902. Чириков писал в автобио-

графии: «Покойные Н.К.Михайловский и А.А.Давыдова прислали мне теплые письма и пригласили быть сотрудником» (Русская литература XX века: 1890-1910 / Под ред. С.А.Венгерова. Т.2. М., 1915. С.67).

⁸⁶ Рассказ «*Gaudeamus igitur*» был написан в 1893.

⁸⁷ Чириков неточен: рассказ «*Gaudeamus igitur*» был напечатан в №7 «Русского богатства» за 1894. Эта публикация открыла дорогу молодому писателю в другие толстые журналы — «Северный вестник», «Вестник Европы».

⁸⁸ Имеются в виду «*Самарская газета*» и «*Самарский вестник*». «Самарская газета» выходила ежедневно с 1884; первым издателем и редактором ее был И.П.Новиков, в марте 1894 газету приобрел С.И.Кастерин, который редактировал ее в 1895. «Самарский вестник» — газета, выходящая с 1894 ежедневно; издатели-редакторы — В.Н.Умнов, Г.Е.Курбатов, Н.К.Реутовский.

⁸⁹ Николай Петрович *Ашешов* (псевдоним: А.Ожигов, 1866-1923) — журналист, литературный критик; заведовал редакцией «Самарской газеты», работал в «Нижегородском листке».

⁹⁰ Кружок самарских марксистов образовался в 1892 под руководством В.И.Ленина.

⁹¹ *М.Г.Григорьев* часто виделся с Лениным в первом марксистском кружке в Казани, который назывался федосеевским, по имени активного его члена Н.Е.Федосеева.

⁹² Петр Павлович *Маслов* (1867-1946) — экономист, социал-демократ. Сотрудничал в журналах «Жизнь», «Начало», «Научное обозрение». После Октябрьской революции вел научную и педагогическую работу. С 1929 — академик АН СССР.

⁹³ *П.Молотов* — один из псевдонимов Александра Лазаревича Гельфанда (Парвуса, 1869-1924). Роман (Рейнгольд) Эмилиевич *Циммерман* (псевдоним — Р.Гвоздев, 1866-1900) — экономист и беллетрист, автор кн. «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» (1898).

⁹⁴ Дворянское звание отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, получил в 1882.

⁹⁵ Андрей Николаевич *Хардин* (1842-1911) — присяжный поверенный, видный представитель либеральных кругов Самары. В 1891 Ленин, после сдачи экстерном экзаменов в Петербурге, возвратился в Самару и занимался юридической практикой (по назначению) в качестве помощника присяжного поверенного, работая у А.Н.Хардина в 1892-1893. Ленин любил играть в шахматы с Хардиным, который, по словам Чигорина, был первоклассным шахматистом. Вопреки суждениям Чирикова, в 1892-1893 В.И.Ульянов пять раз выступал в Самарском окружном суде в качестве защитника по делам крестьян и отдельных лиц.

⁹⁶ «Самарский вестник» стал органом легального марксизма с 1895. 25 ноября 1895 здесь была напечатана первая часть статьи Ленина «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии». В газете печатался и Г.В.Плеханов.

⁹⁷ Николай Кронидович *Реутовский* (1864-1903) — уездный предводитель дворянства, земский начальник, был издателем и редактором «Самарского вестника».

⁹⁸ Яков Львович *Тейтель* (1851-1939) — либеральный общественный деятель, судебный следователь. На его квартире в Самаре в 1890-х — начале 1900-х собиралась местная интеллигенция.

⁹⁹ Писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852-1906) в начале 1880-х увлекся народничеством, пытался доказать жизненность «общинного быта» в своем имени в Самарской губернии, о чем рассказал в очерках «Несколько лет в деревне» (1892); жил в Самаре, сотрудничал в «Самарском вестнике» в 1896-1897.

¹⁰⁰ Повесть «Детство Темы» была опубликована в 1892 в «Русском богатстве» (№1).

¹⁰¹ Видимо, имеется в виду Александр Николаевич *Бибиков* (1827-1889), владелец имения Телятники, корреспондент Л.Толстого.

¹⁰² Александра Леонтьевна Бостром (урожд. Тургенева, по первому мужу — *графиня Толстая*; 1854-1906) — писательница; мать А.Н.Толстого. Жила в основном в Самаре. Сотрудничала в местных газетах одновременно с Чириковым. В 1908 начинающий писатель А.Толстой принес свою рукопись «Сорочьи сказки» Чирикову, который способствовал ее выходу в свет в издательстве «Общественная польза» (см.: Петровский М. Городу и миру. Киев, 1990. С.39-40).

¹⁰³ *Скиталец* (наст. имя: Степан Гаврилович Петров, 1869-1941) — прозаик, поэт.

¹⁰⁴ Горький приехал в Самару в феврале 1895, там он работал фельетонистом «Самарской газеты».

¹⁰⁵ Рассказ М.Горького «На плотях» был напечатан в «Самарской газете» 2 апреля 1895.

¹⁰⁶ Александр III скончался 20 октября 1894.

¹⁰⁷ Псевдонимом Иегудиил Хламида М.Горький подписывал свои произведения, опубликованные в «Самарской газете» и «Самарском вестнике» в 1895-1896.

¹⁰⁸ Ленин уехал из Самары в Петербург 20 августа 1893, значительно раньше описываемых событий 1895-1896.

¹⁰⁹ «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; А женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор. VII: 32-33).

¹¹⁰ Решение Чириковых изменилось: старшего сына назвали Евгением, младшего — Георгием.

¹¹¹ Статский советник Павел Авраамович *Григорович*.

¹¹² В 1894 в адресах губернских земских собраний по случаю воцарения Николая II либералы намекнули на расширение прав земств. Царь назвал эти пожелания «бессмысленными мечтаниями».

¹¹³ Михаил Иванович *Драгомиров* (1830-1905) — генерал-адъютант, начальник Академии Генерального штаба. Петр Дмитриевич *Святополк-Мирский* (1857-1914) — товарищ министра внутренних дел в 1900-1902, министр внутренних дел с августа 1904 по январь 1905.

¹¹⁴ Чириков жил в Минске в 1896-1901. Писатель принимал активное участие в культурной жизни Минска — в организации Пушкинской библиотеки народных чтений, народного театра, в котором сам играл. О пребывании Чирикова в Минске рассказано в документально-художественной повести Я.Басина «Зов Прометея» (Минск, 1987).

¹¹⁵ Имеются в виду книги Чирикова: Очерки и рассказы. В 2 тт. СПб., 1899-1900; Сочинения. Т.1. СПб., 1901.

¹¹⁶ Повести Чирикова «Инвалиды» (1897) и «Чужестранцы» (1899) подвергли критическому анализу народники: Михайловский Н.К. Последние сочинения. Т.2. СПб., 1905. С.146-150; Мякотин В. Новые слова о старых деятелях // Русское богатство. 1900. №2; Скабичевский А. Текущая литература: «Инвалиды» Чирикова // Сын отечества. 1897. №324. 28 ноября. Положительную оценку произведениям Чирикова дала критика либерального направления: Ладожский Н. Критические наброски: Немного о народниках и марксистах // С.-Петербургские ведомости. 1897. №274. 7 октября; А.Б. (Богданович А.И.) Критические заметки // Мир Божий. 1898. №1.

¹¹⁷ Петр Бернгардович *Струве* (1870-1944) — экономист, философ, историк, публицист, в 1890-е представитель «легального марксизма»; впоследствии — лидер правого крыла кадетской партии. Был редактором ежемесячного научно-политического и литературного журнала «Начало», издававшегося в Петербурге в 1899. Вышло 5 номеров (в 4-х книгах) журнала. 22 июня 1899 он был запрещен.

¹¹⁸ Анатолий Осипович *Бонч-Осмоловский* (1857-1930) — участник революционного движения. Чириков вспоминает: «Вот под Минском есть неблагонадежное гнездо: помещик Бонч-Осмоловский. Он стоит на платформе отобрания земли у помещиков, и иногда летом там появляются блуждающие революционеры, уже не инвалиды, а, как например, сама будущая "бабушка революции"...» — Сегодня (Рига). 1927. 20 января. Жена А.Бонч-Осмоловского Варвара Ивановна (урожд. Ваховская, 1855-1929) вызвала к себе и поселила в Блони (под Минском) своих товарищей по «процессу 193-х», отбывших сибирскую каторгу, — Е.Брешко-Брешковскую и С.Ковалика с женой и дочерью.

¹¹⁹ Екатерина Константиновна *Брешко-Брешковская* (1844-1934) — одна из организаторов и лидер партии эсеров, прозванная в прессе «бабушкой русской революции». В 1874-1896 была в тюрьме, на каторге и в ссылке. В 1898-1901 проживала в Минске. С 1919 — в эмиграции.

¹²⁰ Сергей Филиппович *Ковалик* (1846-1926) — революционер-народник. По «процессу 193-х» был приговорен к 10 годам каторги. Жил на поселении в Верхоянске и Иркутске. По возвращении из ссылки (1898) жил в Минске, служил в государственных учреждениях и преподавал.

¹²¹ Григорий Андреевич *Гершуни* (1870-1908) — один из организаторов Босвой организации и член ЦК партии эсеров. В Минске Гершуни содержал аптеку и бактериологический кабинет. Чириков вспоминает: «Все наши знакомства в Минске, за исключением одного, с будущим террористом, а пока фармацевтом Гершуни, — благонадежны...» (Сегодня. 1927. 20 января). В 1903 Гершуни убил губернатора Н.М.Богдановича.

¹²² «Жизнь» — ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1897-1901, в Лондоне и Женеве — в 1902. С 1899 М.Горький сплотил вокруг «Жизни» группу демократических писателей-реалистов (Скиталец, А.Серафимович, И.Бунин, С.Гусев-Оренбургский, Л.Андреев, Н.Гарин-Михайловский, Н.Тимковский, В.Тан), в которую входил и Чириков.

¹²³ Владимир Александрович *Поссе* (1864-1940) — журналист и общественный деятель, пайщик издательства «Знание» до 1902. С конца 1898 под фактическим руководством В.Поссе «Жизнь» стала органом «легальных марксистов».

¹²⁴ 4 марта 1901 в Петербурге на площади у Казанского собора состоялась студенческая демонстрация с требованиями отмены «временных правил», по которым студентов отдавали в солдаты. Среди участников демонстрации были писатели, составившие вечером того же дня письмо протеста, которое подписали около 90 литераторов: М.Горький, Н.Гарин-Михайловский, Д.Мамин-Сибиряк, Н.Михайловский, В.Поссе, П.Вейнберг и др., в их числе — Чириков. В России это письмо ходило по рукам, а за границей было опубликовано во многих газетах.

¹²⁵ Князь Леонид Дмитриевич *Вяземский* (1848-1909) — генерал-лейтенант, член Государственного совета. Был выслан в 1901 из Петербурга, получив «высочайший выговор» за то, что пытался протестовать против избиения полицией участников демонстрации на площади у Казанского собора 4 марта 1901.

¹²⁶ Л.Толстой в начале 1900-х отметил в произведениях Чирикова «гоголевский юмор», выделил его рассказ «В лошине меж гор», интересовался чириковской драматургией. В библиотеке Л.Толстого были книги Чирикова с дарственными надписями автора. См.: Письмо Е.Н.Чирикова к Л.Н.Толстому. Публикация и примечания А.Бобыря // Вопросы литературы. 1989. №2. С.278-281.

¹²⁷ Чириков написал письмо Чехову 8 августа 1900.

¹²⁸ Предсказание Чехова почти сбылось. У Чирикова было пятеро детей: двое сыновей — Евгений, Георгий и трое дочерей — Новелла, Людмила и Валентина.

¹²⁹ См. воспоминания Чирикова о Чехове: Девушка с цветами: Из воспоминаний о Чехове // Спохохи (Берлин). 1922. №12. С.38-40; Встречи с Чеховым и другими писателями. Отрывки воспоминаний // Сегодня. 1927. №14. 19 января.

¹³⁰ Известны 5 писем Чехова к Чирикову и 7 писем Чирикова к Чехову, в которых обсуждались литературные вопросы. 24 апреля 1903 Чириков послал из Нижнего Новгорода три свои книги: Пьесы. СПб., 1903; Рассказы: Том первый. СПб., 1903; Рассказы: Том второй. СПб., 1903. 1 октября 1903 Чириков послал Чехову свою фотографию с дарственной надписью.

¹³¹ Имеются в виду публицистические произведения Чирикова, печатавшиеся в «Жизни» под рубрикой «Провинциальные картинки».

¹³² Названные произведения были опубликованы в «Жизни»: «Фома Гордеев» — 1899. №2-4, 6-9; «Трое» — 1900. №11-12, 1901. №1-4; «В овраге» — 1900. №1.

¹³³ Журнал «Жизнь» был запрещен 8 июня 1901.

¹³⁴ См.: Чириков Е. Собр. соч. Т.10. М., 1910; 2-е изд. — М., 1913.

¹³⁵ Борис Владимирович *Штюрмер* (1848-1917) — государственный деятель; был губернатором в Нижнем Новгороде и Ярославле. 20 января 1916 был назначен председателем Совета министров.

¹³⁶ Иван Платонович *Каляев* (1877-1905) — революционер; с 1898 член петербургского «Союза борьбы», с 1903 — эсер, член Боевой организации. 4 февраля 1905 убит московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

¹³⁷ О взаимоотношениях Чирикова и М.Горького см.: Ежова Н.В. А.М.Горький и Е. Чириков: История знакомства. Творческие связи // Научные труды Куйбышевского пединститута. 1974. Т.150; Бобырь А.В. М.Горький и Е.Чириков: К вопросу «Горький и писатели-знаньевцы» // Радянське літературознавство. 1981. №5. С.70-76.

¹³⁸ Фраза из монолога Сатина в пьесе М.Горького «На дне» (1902).

¹³⁹ Подразумеваются сборники рассказов Чехова «В сумерках» (СПб., 1887) и «Хмурые люди» (СПб., 1890), а также его повесть «Скучная история» (1889). Ионыч — герой одноименного рассказа Чехова (1898), Чебутыкин — персонаж его драмы «Три сестры» (1901).

¹⁴⁰ Чириков неточен: *Книгоиздательское товарищество «Знание»* в Петербурге было учреждено в 1898 деятелями либерального Комитета грамотности; 4 сентября 1900 в «Знание» был принят М.Горький, по его инициативе в 1902 произведена реорганизация товарищества, связанная с расширением беллетристического отдела.

¹⁴¹ Александр Петрович *Чарушников* (1852-1913) — петербургский издатель. Дмитрий Дмитриевич и Всеволод Дмитриевич *Протопоповы* — литераторы, Д.Д.Протопопов (1865-?) — земский деятель, член I Госу-

дарственной думы от Самарской губернии. До осени 1902 братья Протопоповы были пайщиками книгоиздательского товарищества «Знание», а потом продали свой пай Горькому. Константин Петрович *Пятницкий* (1864-1938) — литературный деятель; с 1898 — основатель и один из руководителей издательства «Знание», редактор сборников «Знание».

¹⁴² Первым редактором-издателем «Жизни» был С.В.Воейков, с мая 1897 — Д.М.Остафьев, с октября 1899 — М.С.Ермолаев. В состав товарищества «Знание» ко времени вступления в него Горького входили К.П.Пятницкий, В.А.Поссе, В.Д.Протопопов, Д.Д.Протопопов, О.Н.Попова, В.И.Чарнолуцкий и Г.А.Фальборк.

¹⁴³ На первых порах издательство «Знание» преимущественно выпускало общеобразовательную литературу и, согласно принятому решению пайщиков, не печатало произведений современных беллетристов. Ряд пайщиков, не согласившись с проектом Горького и Пятницкого о расширении беллетристического отдела, оставили издательство.

¹⁴⁴ В 1890-е имена Чирикова и Горького для их современников стояли в одном ряду: «Тогда возлагались большие надежды на трех молодых писателей: Горького, Вересаева и Чирикова. О них везде говорили, их читали, в них верили» (Телешов Н.Д. Записки писателя. М., 1958. С.333).

¹⁴⁵ М.Горький обвенчался с Екатериной Павловной Волжиной 30 августа 1896.

¹⁴⁶ В Нижнем Новгороде местной интеллигенцией при непосредственном участии М.Горького, который привлек в число пайщиков Ф.Шляпина, С.Морозова, С.Панину, К.Станиславского, Чирикова и др., был создан Народный дом (1903-1904). В 1904 в нем работала драматическая театральная труппа любителей и профессиональных актеров.

¹⁴⁷ После закрытия в 1901 журнала «Жизнь» М.Горький решил создать издательское предприятие с привлечением демократически настроенных писателей. В декабре 1901 он писал Чирикову: «Ты, Андреев, я и Поссе — мы вчетвером могли бы здоровенный журнальце создать, — как ты думаешь? Володя [Поссе. — А.Б.] — за кучера, в корню — изящный вороной беллетрист Леонидише [Андреев. — А.Б.], ты — правая пристяжная — на два фланга, и по беллетристике и по публицистике, а я бы — левая» (Архив А.М.Горького. М., 1959. Т.7: Письма к писателям и И.П.Ладыжникову. С.34). В письме к Н.Д.Телешову от 8 или 9 марта 1903 Горький определил более широкий круг писателей: «Мое мнение таково, — не нужно гнаться за объемом и строго выбрать участников. Если сборник составится из работ: Чехова, Андреева, Куприна, Юшкевича, Телешова, Горького, Скитальца, Серафимовича, Бунина и Чирикова и если все эти лица постараются написать хорошие, крупные вещи, — это будет литературным событием» (Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т.28. М., 1954. С.282). Писатели получали почти весь доход за свои книги, исключая расходы на их издание. По сравнению с другими издательствами их гонорар был в два раза больше.

¹⁴⁸ «Поединок» Куприна был напечатан в 6-м сб. «Знания» (СПб., 1905).

¹⁴⁹ Рассказ «Читатель» Горький написал в 1898. Далее Чириков приводит извлечения из него (см.: Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения в 25 томах. Т.4. М., 1969. С.114-127).

¹⁵⁰ Пьеса «Евреи» была опубликована в 1904 в 4-м томе Сочинений Чирикова («Пьесы»), вышедшем в издании товарищества «Знание». Об этом произведении Горький писал К.Пятницкому 22 августа 1903: «А теперь — возрадуйтесь и возвеселитесь. Евгений Чириков написал пьесу "Евреи"». Я вам скажу вот что — первый раз в русской литературе является произведение, так славно, метко, верно изображающее отношение к евреям... Евгений коснулся всего — и отношения русских к еврейству, взаимоотношения евреев социал-демократов, сионистов, ортодоксальных и ассимиляторов. И все это сделано — хорошо, очень хорошо! Пьеса заканчивается трагической картиной погрома, но и без этого она едва ли прошла бы в России даже сквозь общую цензуру. Возникает вопрос об издании ее в Германии... Пьеса произведет огромный шум — это необходимо, это будет» (Цит. по: Чириков Е.Н. Повести и рассказы. М., 1961. С.14).

¹⁵¹ О своем драматургическом творчестве Чириков рассказал в статье «Как я стал драматургом» (Театр и искусство. 1911. №3. 16 января).

¹⁵² Московский Художественный театр был основан К.С.Станиславским и Вл.И.Немировичем-Данченко в 1898.

¹⁵³ Чириков был на представлении «Дяди Вани» в Художественном театре 27 октября 1900. Другие воспоминания Чирикова дополняют описываемый эпизод: «Впечатление от "Дяди Вани"» ступало все уже виденное. Наши жены плакали, я не отставал от них. Душа жила и страдала вместе с героями пьесы. В антрактах посматривали на Чехова, и хотелось броситься к нему, обнять его, целовать ему руки, сказать ему что-то особенное, но не было таких слов... А Антон Павлович скромно прятался от публики, и не было в нем никакой торжествующей авторской гордости, словно вовсе не он и написал эту пьесу, до дна всколыхнувшую наши сердца... Когда мы вошли в ложу, в публике увидели Чехова, раздались вызовы: "автора". Он словно испугался, нырнул из двери и спрятался в директорской ложе. И все-таки его насильно вытащили на сцену. Вот он перед публикой. Все та же застенчивая скромность, смущение. Точно провинившаяся девушка» (Чириков Е. Как я сделался драматургом // Артисты Московского Художественного театра за рубежом. Прага, 1922. С.43-44).

¹⁵⁴ В освещении этого эпизода Чириков не совсем точен: вместе с Горьким и Чеховым он был в Художественном театре 28 октября на спектакле «Чайка». Горький, согласно его письму в редакцию газеты «Северный курьер» (между 10 и 18 ноября 1900), заявил публике, которая устроила ему овацию: «Как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками» (Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т.28. М., 1955. С.140). Слова Горького были переданы в фельетоне Пэка «Кстати» (Новости дня. 1900. №6268. 1 ноября).

¹⁵⁵ Пьеса немецкого драматурга Г. Гауптмана «Одинокие» (1891) была поставлена Художественным театром в 1899 (режиссеры — К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко, премьера — 16 декабря 1899).

¹⁵⁶ Автограф цитируемого письма Чехова к Чирикову не выявлен.

¹⁵⁷ Премьера пьесы Чирикова «Иван Мироныч» состоялась в Художественном театре 28 января 1905 (постановка Вл.И. Немировича-Данченко и В.В. Лужского). Чехов был уверен в успехе «Ивана Мироныча», он писал Чирикову 9 февраля 1904: «Пьеса /.../ хороша и пойдет шибко, на долгие годы» (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 12 тт. Т.12: Письма. М., 1983. С.33). Театральный обозреватель «Русского слова» С.Яблоновский (псевдоним С.В. Потресова) писал на следующий день после премьеры: «В "Иване Мироныче" есть что-то молодое, живое, здоровое, есть свежий воздух, есть протест против затхлости и людей в футлярах...» (Русское слово. 1905. 30 января).

¹⁵⁸ М. Горький задумал тогда превратить «Знание» в литературно-публицистическое и литературно-научное издание с привлечением в него Ленина и других социал-демократов.

¹⁵⁹ В начале 1907 М. Горький и К. Пятницкий предложили Л. Андрееву редактировать сборники «Знания». Но в течение июля-августа Андреев отказался от редакторства, так как Горький не принял выдвинутые им условия: привлечение к сотрудничеству в сборнике Блока, Сологуба и других писателей-модернистов.

¹⁶⁰ 17/30 апреля 1908 М. Горький писал К.П. Пятницкому: «В линии, кою проводим мы, литераторы, как Чириков, Куприн и т.д., не находят места» (Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т.29. М., 1955. С.64). Среди оставшихся с Горьким были И. Шмелев, И. Касаткин, И. Сургучев, А. Золотарев, С. Кондурушкин — в основном начинающие писатели.

¹⁶¹ После кризисного периода (1908-1909) М. Горькому не удалось поднять сборники «Знания» на прежний уровень. С 1911 он передал редакторство В.С. Миролубову. В 1913 издание прекратило свое существование.

¹⁶² «Шиповник» — петербургское издательство (1906-1918), выпускавшее одноименные литературно-художественные альманахи (1907-1917), созданные отчасти в противовес сборникам товарищества «Знание».

¹⁶³ «Московское книгоиздательство» функционировало в 1912-1919.

¹⁶⁴ Имеется в виду учредительный съезд партии конституционных демократов, состоявшийся 12-18 октября 1905.

¹⁶⁵ Павел Николаевич Милюков (1859-1943) — политический деятель, историк, публицист; один из организаторов партии кадетов, затем председатель ее ЦК.

¹⁶⁶ Имеется в виду первая жена П.Н. Милюкова — Анна Сергеевна Милюкова (урожд. Смирнова) — активная общественная деятельница, председатель правления лекторских курсов и Общества содействия внешкольного просвещения при Лиге образования.

¹⁶⁷ Милуков вспоминал об этом эпизоде: «Неожиданная "буря" разыгралась только по поводу пререканий между мной и моей женой по поводу расширения избирательных прав на женщин. Тщетно я убеждал съезд, что программа и без того перегружена, что груз может пойти ко дну, а вопрос не имеет характера актуальности (а потом сам защищал этот тезис в Четвертой Думе). Несмотря на поддержку бюро, я остался в меньшинстве» (Милуков П.Н. Воспоминания. Т.1. М., 1990. С.313-314).

¹⁶⁸ Речь идет о Манифесте 17 октября, в котором были обещаны конституция и выборы в Думу.

¹⁶⁹ *Крестьянские союзы* — массовые революционно-демократические политические организации, возникшие в 1905 на волне общественного подъема.

¹⁷⁰ В марте 1906 в Москве состоялся нелегальный съезд «Всероссийско-го крестьянского союза», на котором были представители от 18 губерний.

¹⁷¹ *Незыблемые основы* — формулировка из Манифеста 17 октября, в котором было обещано «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

¹⁷² *«Русское слово»* — ежедневная московская общественно-политическая и литературная газета (1895-1917), одна из самых распространенных в России. Стихотворение Чирикова было опубликовано в этой газете 22 ноября 1905 за подписью «Свободный гражданин», впоследствии перепечатано: Вперед: Сборник стихотворений и песен / Сост. М.Львович. Ростов-на-Дону, 1907 — под заглавием «Конституция»; также включено в кн.: Стихотворная сатира первой русской революции (1905-1907). Л., 1969. С.460-461 — под заглавием «В тюрьме (Из песен "свободного гражданина")». Барон Г.П. фон Медем — генерал, в 1905-1906 — московский градоначальник.

¹⁷³ В журнале «Театр и искусство» (1905. №49. 4 декабря) сообщалось: «Евгений Чириков, один из членов арестованного бюро крестьянского съезда, выпущен на свободу».

¹⁷⁴ *Союз русского народа* — созданная в 1905 организация черносотенного толка, программа которой предполагала защиту самодержавия, религиозную и национальную нетерпимость. Из «Союза русского народа» выделился «Союз русских людей имени Михаила Архангела» (1908-1917).

¹⁷⁵ Григорий Борисович *Иоллос* (1859-1907) — экономист, член кадетской партии, член Государственной думы, ведущий сотрудник редакции «Русских ведомостей». Убит 14 марта 1907 в Москве рабочим Федоровым, который даже не знал имени своей жертвы. Убийство было спровоцировано «Союзом русского народа».

¹⁷⁶ Чириков, видимо, ошибся: подобной брошюры издано не было. В конце января — начале февраля 1906, перед выездом за границу, Горький виделся с Лениным в Финляндии, в Гельсингфорсе; больше они в этом году не встречались.

¹⁷⁷ Чириков имеет в виду так называемую «каприйскую школу» — фракционную партийную школу, организованную на острове Капри в августе-декабре 1909.

¹⁷⁸ Николай Николаевич *Ходотов* (1878-1932) — актер Александринского театра.

¹⁷⁹ Морис *Метерлинк* (1862-1949) — бельгийский драматург и поэт-символист.

¹⁸⁰ Осип *Дымов* (настоящее имя — Осип Исидорович Перельман, 1878-1959) — прозаик, драматург, журналист.

¹⁸¹ *Аш* — псевдоним критика Анатолия Ефимовича Шайкевича (1879-1947).

¹⁸² Аким Львович *Волынский* (настоящая фамилия Флексер, 1863-1926) — литературный критик, искусствовед.

¹⁸³ Пьеса Чирикова «Евреи» (1904) имела успех не только в России, но и за границей: она шла на сценах Парижа, Берлина, Лондона, Вены. Пьеса входила в репертуар труппы известного русского актера П. Орленева, гастролировавшей по Европе.

¹⁸⁴ Еврейский погром в Кишиневе был совершен в апреле 1903. В результате погрома было убито и ранено несколько сот человек, разрушено и разграблено свыше тысячи домов.

¹⁸⁵ Пьеса Чирикова «Белая ворона» была поставлена в Новом театре Ф.Н. Фальковского в Петербурге (преьера 29 сентября 1908).

¹⁸⁶ *Шолом Аш* (1880-1957) — еврейский прозаик и драматург. В своих рассказах, романах и пьесах идеализировал патриархальные устои и религиозные традиции местечкового быта.

¹⁸⁷ Чтение пьесы Шолома Аша «Голубая кровь» проходило на квартире Ходотова в Петербурге 18 февраля 1909.

¹⁸⁸ Чириков ошибается: картину «Степан Разин» написал В.И. Суриков. Она экспонировалась на ХХХV выставке передвижников, открывшейся в Москве 30 декабря 1906 и в Петербурге 2 марта 1907. Работа художника в целом не была принята критикой. После закрытия выставки работа автора над картиной продолжалась.

¹⁸⁹ Вероятно, Чириков имеет в виду литературного критика и историка литературы Константина Ивановича Арабажина (1866-1929).

¹⁹⁰ *Бунд* — «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», основанный в Вильно в 1897; с 1906 — автономная организация в РСДРП.

¹⁹¹ Об инциденте было сообщено в петербургской еврейской газете «Дер Фрейнд» (19 февраля 1909. №47). В опровержение Чириков напечатал открытое письмо «Благодарю, не ожидал» (Русское слово. 1909. №50. 3 марта). Вслед за статьей Чирикова появились две редакционные реплики

на нее. В реплике «Культурные антисемиты» сообщалось о дальнейшем развитии инцидента: «На этих днях состоится второе собрание группы литераторов, в котором будут продолжаться дебаты по вопросам, поднятым Чириковым и Арабажиным» (Там же. С.3). С резким осуждением Чирикова и поддержавших его писателей выступил В.В.Воровский в ст. «В загнившем омуте» (см.: Воровский В.В. Сочинения. Т.2. М., 1931. С.336-344). Оценивая этот эпизод, Горький писал А.В.Амфитеатрову: «Богородица! Сколь трудно ныне быть писателем на Руси! Своя своих совершенно разучились познавать...» (Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С.143). Об этом инциденте писал также А.И.Куприн Ф.Д.Батюшкову 18 марта 1909 (см.: Наш современник. 1991. №9. С.90-93). Впоследствии Шолом Аш дал пристрастный портрет Чирикова в своем романе «Мэри».

¹⁹² Владимир Евгеньевич *Жаботинский* (1880-1940) — писатель, журналист, переводчик, один из руководителей сионистского движения.

¹⁹³ Имеется в виду «Союз русских людей имени Михаила Архангела».

¹⁹⁴ Мать писателя, Анна Михайловна Чирикова, умерла в 1904. Тогда же в Манчжурии погиб брат писателя М.Н.Чириков, штабс-капитан 2-го Восточно-Сибирского полка.

¹⁹⁵ «*Летопись*» — основанный М.Горьким ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся А.Н.Тихоновым в Петрограде в 1915-1917. В начале войны Горький подписал патриотическое воззвание «От писателей, художников и артистов», которое было опубликовано в газете «Русское слово» (1914. №223). Впоследствии отношение Горького к войне изменилось, что нашло отражение в редактировавшейся им «Летописи».

¹⁹⁶ Указание на «Искру» ошибочно. Основу отношения большевистской партии к войне составили написанные В.И.Лениным тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», которые были переработаны в манифест «Война и российская социал-демократия», опубликованный в органе РСДРП газете «Социал-демократ» (1914. №33).

¹⁹⁷ Горький возвратился в Россию 31 декабря 1913. Германия объявила войну России 19 июля 1914.

¹⁹⁸ Обострение отношений между Горьким и Пятницким в 1912-1913 привело к полному разрыву.

¹⁹⁹ Газета «*Новая жизнь*» выходила в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918, под редакцией М.Горького, при ближайшем участии А.Н.Тихонова, Н.Н.Суханова, В.А.Базарова, В.А.Десницкого.

²⁰⁰ Эрнест Карлович *Груббе* — крупный промышленник, директор Сибирского банка.

²⁰¹ Газета «*Луч*» радикально-демократического направления была задумана в октябре 1916. Организовать ее издание не удалось. М.Горького

в печати обвиняли в том, что он передал «Новой жизни» денежный фонд, предназначавшийся для издания «Луча».

²⁰² Жак *Садуль* (1881-1956) — деятель французского рабочего движения. В 1917 был назначен аташе при французской военной миссии в Петрограде.

²⁰³ Чириков не совсем прав. Если в первых номерах «Новая жизнь» объявила борьбу против империалистической войны, противоречащей интересам как русского, так и международного пролетариата, то в феврале 1918 в ней появилась статья Н.Суханова «Капитуляция», направленная против Брестского мира. Из-за этой публикации издание газеты было приостановлено на восемь дней.

²⁰⁴ Дмитрий Христофорович *Ризов* (1862-1918) — болгарский дипломат; познакомился с Горьким в 1910, в бытность свою болгарским послом в Италии. В мае 1917 Ризов отправил Горькому письмо с предложением возглавить в России движение за сепаратный мирный договор с Германией. Опасаясь провокации, Горький опубликовал «Письмо Ризова, болгарского посланника в Германии», дав ему резкую характеристику (Новая жизнь. 1917. №26. 18 мая). На публикацию в «Новой жизни» откликнулись Г.В.Плеханов (газета «Единство»), А.Саликовский (газета «Власть народа»), считавшие выбор адресата не случайным, так как, по их мнению, письмо Ризова проникнуто теми же идеями, которые выдвигались «Новой жизнью».

²⁰⁵ Памфлет М.Горького «Прекрасная Франция» (1906) явился откликом на получение царским правительством французского займа. Чириков искаженно приводит текст: памфлет заканчивается словами: «Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твой!» (Горький М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения в 25 тт. Т.6. М., 1970. С.182).

²⁰⁶ Имеется в виду «Город Желтого Дьявола» (1906) — очерк из цикла М.Горького «В Америке».

²⁰⁷ Подразумевается статья Горького «Заметки о мещанстве» (1905), в которой подвергнуты критике «толстовство» и «достоевщина».

²⁰⁸ Статья М.Горького «Две души» была напечатана в №1 журнала «Летопись», вышедшем в декабре 1915.

²⁰⁹ Неточная транскрипция «Deutschland! Deutschland! Über alles Deutschland!» (нем.) — «Германия! Германия! Превыше всего Германия!»

²¹⁰ В ноябре 1915 в «Русском слове» было дано объявление о том, что в журнале «Летопись» будут напечатаны произведения ряда писателей, в их числе — Е.Чирикова.

²¹¹ Речь идет о статье Чирикова «Неразбериха» (Современный мир. 1916. №1).

²¹² 31 декабря 1917 три красногвардейца произвели обыск квартиры Г.В.Плеханова в Царском Селе, искали оружие. Чириков, видимо, узнал о случившемся из газеты «Единство».

²¹³ Г.В.Плеханов уехал в Финляндию 28 января 1918.

²¹⁴ «Единство» — газета правых меньшевиков под редакцией Г.В.Плеханова; выходила в Петрограде в 1917 — январе 1918, поддерживала политику Временного правительства.

²¹⁵ Первая из статей Горького, печатавшихся в «Новой жизни» под общим названием «Несвоевременные мысли», появилась во втором номере газеты (20 апреля 1918). Горький написал 57 статей из этого цикла. Чirikов приводит выдержки из него в цитатном пересказе.

²¹⁶ Григорий Евсеевич *Зиновьев* (1883-1936) — в то время член ЦК партии большевиков, председатель Петроградского Совета; неоднократно выступал в печати против Горького и «Несвоевременных мыслей». Подробнее см. комментарии И.Вайнберга в кн.: Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С.353-354.

²¹⁷ 31 августа 1918, на следующий день после теракта против Ленина (по обвинению в котором была позднее расстреляна Ф.Каплан), Горький и М.Ф.Андреева отправили Ленину телеграмму: «Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом» (Известия. №189. 3 сентября). Позже Горький писал: «С 18 года, со дня гнусного покушения на В.И., я снова почувствовал себя "большевиком"» (В.И.Ленин и А.М.Горький. М., 1961. С.290).

²¹⁸ Владимир Дмитриевич *Бонч-Бруевич* (1873-1955) — революционный деятель, историк, литератор.

²¹⁹ *Нахамкис* (псевдоним Стеклов) Юрий Михайлович (1873-1941) — публицист, член президиума ВЦИК.

²²⁰ *Илиодор* (Сергей Михайлович Труфанов, 1880-1952) — иеромонах, религиозный проповедник. Монашество принял в ноябре 1903, в 1905 окончил Петербургскую духовную академию. Пользовался расположением епископа Феофана, у которого в 1904 впервые встретился с Г.Распутиным. В 1907 печатал статьи в черносотенных газетах «Русское знамя» и «Вече», представляя себя защитником царского престола, обвинял административные власти в их якобы недостаточной службе царю. В последующих своих действиях пользовался поддержкой Распутина, а также покровительством Николая II и императрицы Александры Федоровны. В целях усиления своего влияния на царскую семью Илиодор стал в 1911 инициатором заговора против Распутина, однако заговор не дал желаемых результатов, Илиодор был сослан во Флорищеву пустынь, расположение царя было безвозвратно утрачено. 3 декабря 1912 Илиодор, по собственному прошению, был лишен сана. После покушения на Распутина (29 июня 1914) подосланной Илиодором богомолки-кликуши Хионии Гусевой, 2 июля 1914 через Финляндию Илиодор бежал из России. Перед бегством за границу встречался с М.Горьким и А.С.Пругавиным; об этом он писал А.В.Амфитеатрову 16 марта 1915: «Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А.С.Пругавиным и А.М.Горьким. Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить

печатно подоплеку жизни династии Романовых...» (цит. по: Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С.51).

²²¹ Александр Степанович *Пругавин* (1850-1921) — этнограф, исследователь сектантства и старообрядчества.

²²² 10 августа 1908 Илиодор был инициатором избиения интеллигенции во время молебствия «о прекращении холеры» в Царицыне.

²²³ Слова Городничего в финале комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» (1836). Чириков активно использовал в своих произведениях гоголевские мотивы и образы. См.: Бобырь А.В. К вопросу о художественном наследии Гоголя в русской литературе начала XX века: Гоголь и Чириков // Гоголь и современность: Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев., 1983. С.75-82.

²²⁴ Речь идет о возвращении Ленина из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917.

²²⁵ 4 апреля 1917 Ленин дважды выступал в Таврическом дворце перед участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов с разъяснением своей программы политической борьбы «Апрельские тезисы».

²²⁶ В особняке, принадлежавшем до Февральской революции балерине Матильде (Марии) Феликсовне Кшесинской (1872-1971), фаворитке императора Николая II, в марте-июле 1917 помещался ЦК и Петроградский комитет РСДРП(б).

²²⁷ В своих статьях, печатавшихся в «Русских ведомостях», Чириков выступал против большевистского террора и подавления демократии (Что вы молчите // 1917. №228. 6 октября; Ужасы Тверского бульвара // 1917. №245. 8 ноября).

²²⁸ Борис Андреевич *Пильняк* (наст. фамилия Вогау, 1894-1937) — прозаик.

²²⁹ См.: Чириков Е. Великий провокатор // Русские ведомости. 1917. №212. 10 сентября.

²³⁰ Речь идет о событиях 10-13 апреля 1918, когда Добровольческая армия пыталась овладеть Екатеринодаром, но потерпела поражение: Л.Г.Корнилов был убит, четыреста человек погибло, тысяча пятьсот ранено.

²³¹ Первые строки припева песни русских солдат: «Смело мы в бой пойдем / За Русь святую! / И как один прольем / Кровь молодую». После 1917 текст песни был переписан в «советском» духе.

²³² *Дроздовцы* — белогвардейские части, воевавшие под командованием М.Г.Дроздовского, командира дивизии в Добровольческой армии.

²³³ Это замечание дает основание утверждать, что Чириков закончил работу над рукописью в 1928.

Varia

РЕВОЛЮЦИОНЕР АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

О революционном прошлом писателя Алексея Михайловича Ремизова знали многие его друзья и литературные современники. Почти десять лет жизни он провел в тюрьмах, ссылке или странствиях по провинциальным городам, разрешенным для проживания «неблагонадежных». Участие в революционной деятельности лишило Ремизова одной из самых заветных надежд — мечты получить высшее образование; показало неприглядную изнанку действительности; самодурство полиции, уродливый мир уголовной среды, безрадостное существование революционеров, насильно загнанных в медвежьи углы. Но в это же время он познакомился с интереснейшими людьми, впоследствии игравшими первые роли в драматической судьбе России: А.Луначарским, Б.Савинковым, Н.Бердяевым, В.Мейерхольдом, И.Каляевым, П.Щеголевым и др. Почти все они были друзьями Ремизова и почитателями его таланта. Ссылка подарила ему встречу с Серафимой Павловной Довгелло, ставшей спутницей жизни и музой писателя.

Эти годы дали Ремизову огромный творческий материал. Северные сказания и легенды, эпизоды собственных странствий по тюрьмам и ссылкам, встречи с самыми неожиданными людьми и их рассказы — все это преломилось в различных произведениях писателя: романе «Пруд», повести «Эмалиоль», во многих рассказах (таких как, например, «Бибка», «В секретной», «Серебряные ложки»), в пересказах фольклорных преданий и в книгах воспоминаний.

Это десятилетие (1896-1905) оказало значительное влияние на формирование трагического мироощущения писателя, повлияло на изменение его жизненной позиции. Для Ремизова, начиная с середины 1900-х годов, смена условий жизни человека и общественных отношений перестала быть панацеей, способной принести всеобщее счастье и уже поэтому морально оправданной. Размышления героя рассказа Ремизова «Казенная дача» (1908) революционера Пташкина во многом были созвучны мыслям самого автора: «Но какой был смысл всей этой городской машины и Пташкиной винтовой жизни? И неужели в борьбе за завтрашний стро-

го-размеренный несвободный день? Или за освобождение от каторги этого завтрашнего дня? А если все дело заключалось в борьбе за освобождение от каторги завтрашнего строго-размеренного несвободного дня, то какой был смысл того свободного дня, который в конце концов гибелью целых поколений все-таки будет завоеван и должен прийти?»¹ Представление о «борьбе за освобождение» перестало в сознании Ремизова быть категорией абсолютного. Это — не единственный и верный путь человека, а лишь один из вариантов его запутанного, зачастую интуитивного движения в лабиринте бытия. В связи с изменением мировоззрения Ремизова произошла и переоценка им смысла своего участия в революционном движении, появилась, а в последующие годы получила дальнейшее развитие авторская версия о случайности революционной деятельности в биографии Ремизова.

Как и многим представителям русского модернизма рубежа веков, Ремизову было свойственно мифологизирование мира и, прежде всего, созидание «творимой легенды» о самом себе. Но мифотворчество было свойственно Ремизову с детства, являлось своеобразной формой психологической защиты, а впоследствии органично вписалось в круг представлений символистской среды, куда вошел писатель. Среди фактов биографии, подвергшихся определенной трансформации, легенда о случайном характере участия в революционной борьбе занимала не последнее место. Она начала складываться еще в 1900-е, а в 1910-е уже отчетливо прочитывается в автобиографических заметках писателя. В этом плане характерно письмо Ремизова Г.И.Чулкову от 15/28 ноября 1911, в котором он кратко излагал свою биографию и расставлял некоторые смысловые акценты:

Дорогой Георгий Иванович! К сведению Вашему: автобиографических произведений у меня нет. Конечно, как в прудовых, так и в посолонных рассказах есть о самом себе, но это не перст, указующий: зри. И очень прошу Вас, в статье Вашей² обойдите этот вопрос автобиографический. Уяснить ничего не уяснится, а напутать может много, ибо не совпадаю я ни с одним из моих героев, и жизнь моя прошла не так, как в рассказах идет.

В вышедших пяти томах под каждым произведением стоит год сочинения: «Пруд» — 1902-3 г., «Часы» — 1904, «Посолонь» и «Лимонарь» — 1906-7 г.

¹ Ремизов А. Сочинения. Т.3. СПб. [1911]. С.85-86.

² Сведения о статье Чулкова, рассматривающей творчество Ремизова в целом, имеются в письме Ремизова С.А.Венгерову от 27 августа 1913: «Когда будет корректура моей автобиографии, к которой Чулков статью написал, пришлите мне, пожалуйста» (ИРЛИ. Ф.377. Ед.хр.3046. Л.19). Это статья «Сны в подполье», опубликованная в кн.: Чулков Г. Наши спутники. М., 1922. С.7-37.

Родился я 24 июня 1877 г. в Москве в М[алом] Толмачевском пер[еулке] в приходе Николы в Толмачах в Замоскворечье. Из рода я происхожу старинного купеческого. Мать моя Мария Александровна Найденова, — Найденовы в XVIII веке переселились из села Батыева Суздальского у[езда] Владимирск[ой] губ[ернии] на Земляной вал в Москву, отец мой Мих[аил] Алексеев[ич] — Ремизовы из Венева Тульской губ[ернии] переселились в Замоскворечье.

Долгие всенощные, ранние обедни, крестные ходы, богомолья по монастырям, чудотворные иконы на дому, церковно-славянские книги — мое первое научение. Образование я получил коммерческое. По окончании училища слушал лекции в Моск[овском] универс[итете] на естеств[енном] отделении математич[еского] факультета. Очень увлекался ботаникой и наукообразными и ракообразными, и в то же время не пропускал лекций Ключевского, Чупрова, Янжула и Стороженко*. Еще в училище большое рвение чувствовал к философии. Какие читать книги, это указывал мне проф[ессор] Н.А.Зверев.

В 1896 летом ездил за границу (Вена, Швейцария, Мюнхен). А зимою в ходыньскую демонстрацию (18.XI.1896) случайно загнан в манеж, откуда переведен в Тверскую часть, а к ночи в Таганку — в Каменщики. Из Каменщиков после рождества меня перевезли на вокзал и я поехал в Пензенск[ую] губ[ернию] под глас[ный] надзор на 2 года. Губернатор Святополк-Мирский меня оставил в Пензе. Летом я занимался с Мейерхольдом и Зоновым в Народн[ом] театре. А весной 1898 года опять посажен. Из пустяков сделано было дело, и в 1900 г. весною меня отправили этапным порядком в Устьсысольск Вологодск[ой] губ[ернии] на 3 года под надзор. Тут я по тюрьмам насиделся³.

Но все ко благу, тут я многое узнал и увидел. В Устьсысольске прожил я год. Губернатор Князев оставил меня в Вологде. 30.V.1903 г. кончился срок ссылки. Получил я ограничение на 5 лет не выезжать и не проживать в столицах. Сезон 1903-4 служил у Мейерхольда в театре в качестве советника что ли, не знаю, как мою должность назвать, и с актерами разговаривал, и пьесы читал. В 1904 весну прожил в Одессе, а часть лета и зиму в Киеве. 1.II.1905 с разрешения Святополк-Мирского водворился в Петербурге.

В Одессе жил на Молдаванке. В Киеве у Печерского монастыря на Зверинце⁴.

* Слушал еще Столетова (физика), Тимирязева (физиология растений), Мензбира (биология) — *примечание А.М.Ремизова.*

³ Далее три строки зачеркнуты. Можно разобрать только следующий отрывок: «а [из Москвы] через Москву /.../ пешком гнали с проститутками спутали политическое дело с /.../».

⁴ РГБ. Ф.371. Карт.4. Ед.хр.46. Л.14-15об.

Уже в этом письме-автобиографии Ремизов всячески подчеркивал «случайность» своих арестов и ссылок, хотя, примечательно, адресатом его был человек, сам причастный к революционному движению. Этот факт из биографии Чулкова был хорошо известен Ремизову и в более ранние годы являлся для него свидетельством, безусловно положительно характеризующим этого литератора. Для сравнения можно привести относящуюся к 1904 оценку Чулкова в письме Ремизова к бывшей ссыльной, его знакомой по Вологде — В.Г.Тучапской: «Хотел прислать Вам Филиппа II Верхарна, но там стихи, будет переводить секретарь Н[ового] П[ути] (обновленного, если следите за этим журналом) Чулков, бывший ссыльн[ый] в Восточ[ную] Сибирь»⁵.

Версия о «случайном» и, одновременно, «роковом» попадании молодого студента в жернова карательной машины повторяется и в более поздних автобиографиях Ремизова, в том числе, в автобиографии 1923 г.⁶ Ее машинописная копия (РГАЛИ. Ф.341. Оп.1. Ед.хр.285. Л.4-6) была положена в основу статьи о Ремизове в задуманном в середине 1920-х, но так и не осуществленном «Словаре русских писателей» Е.Ф.Никитиной. Эта же автобиография была одним из источников рассказа писателя о своей судьбе в книге Н.Кодрянской «Алексей Ремизов»⁷. Как известно, она создавалась в условиях постоянного содружества ее автора с Ремизовым, и концепция этой книги была еще одним выражением авторского мифа о самом себе. Последним художественным отражением событий 1896-1905 годов стала книга воспоминаний Ремизова «Иверень», целиком опубликованная лишь посмертно⁸.

«Автобиографическое пространство» Ремизова (это удачное определение дано исследовательницей творчества писателя Антонеллой Д'Амелиа) возникает не только в его художественных произведениях, воспоминаниях, отрывочных свидетельствах современников. Имеется еще один источник, достаточно точно сохранивший сведения об отдельных вехах ремизовского «случайного» десятилетия. Это — документы Департамента полиции, фиксировавшие поступки, дела и помышления личного почетного гражданина, бывшего вольнослушателя Московского университета А.М.Ремизова. Их включение в биографический контекст позволяет уточнить многие грани авторского мифа.

⁵ РГАЛИ. Ф.420. Оп.1. Ед.хр.79. Л.10об.

⁶ Россия. 1923. №6. С.25-27.

⁷ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С.65-80.

⁸ Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти / Редакция, послесловие и комментарии О.Раевской-Хьюз. Berkeley. 1986.

А.М.Ремизов был арестован 18 ноября 1896 года на студенческой демонстрации в память о событиях на Ходыньском поле. Наиболее раннее отражение обстоятельств первого ареста писателя можно найти в романе «Пруд». Описание столкновения демонстрантов и в том числе главного героя романа — Николая Огорельщикова с полицией является художественным претворением воспоминаний самого автора: «Николая сунули в камеру. /.../ И только что закрыл глаза, как развернулась битком набитая площадь. И много мелькающих лиц болезненных в искаженных сморщенных чертах. Крик резко разбирает гул и гомон; какие-то рахитичные дети, цепляясь тонкими пальцами за подол женщин, выли. Предчувствие давило сердце. Ждали чего-то, что должно было непременно прийти из-за домов и соборов. /.../ Но один миг — и все изменилось. Нечеловеческий вопль, как смертельная весть, пронесся из уст в уста и ярким серпом стянул толпу и острым жалом проткнул всколыхнувшуюся темную грудь. Черные, такие длинные, руки взмахнули над толпой. Черный дождь жужжащих бичей взвизгнул и дико запел, как поет в раскаленной степи пожар ковыля. Здания рушились, разверзлась земля. Он стоял среди гибели, ничего не чувствовал, одно знал, скоро и его очередь. Какой-то рослый, здоровый парень, перегнувшись с седла, хлестал полуобнаженную женщину. Видел, как от стыда и боли извивалась спина, как проступая, надувались по ней полоски красные, синие, черные. А руки отчаянно ломались в воздухе, хватались за что-то предсмертной мольбой: — Спаси меня!»⁹ Ремизовский текст воссоздает эмоциональное потрясение молодого человека, вслед за этим ощутившего желание отомстить казакам, избивающим безоружных.

Намного позднее, уже в конце жизни Ремизов вспоминал об этом первом столкновении с полицией в разговорах с Кодрянской, которая зафиксировала ремизовскую интерпретацию случившегося в рассказе от лица самого Ремизова: «Со мной всегда путаница и недоразумения. Идти на демонстрацию я подлинно не гадал и не думал, а собирался вечер провести за работой, и кроме того я был против студенческих демонстраций, считая их "буржуазным явлением"». А уговорил приятель. Только взглянуть. На демонстрацию я попал в разгон, и перед стеной конных жандармов и казаков погорячился, первым был арестован и отправлен с городом в Тверскую часть, как "Агитатор". В части вечером, когда пригнали других арестованных на демонстрации и я вышел к ним к столу пить чай, меня приняли за провокатора»¹⁰. Видно, как

⁹ Ремизов А. Пруд: Роман. СПб., 1908. С.145-147.

¹⁰ Кодрянская Н. Указ. соч. С.79.

в изложении подчеркнут момент роковой случайности случившегося. Сходное же по смыслу описание дано и в главе «Начало слов» книги Ремизова «Иверень»: «Студенческими делами я не занимался и в землячествах не участвовал и раз всего на вечеринке был с пением, танцами и марксистом. И попал я на студенческую демонстрацию только посмотреть (18-XI 1897)¹¹. Правда, поговорился, меня и зацапали»¹².

Обратимся теперь к «Докладу Особому совещанию, образованному согласно 34 ст. положения о государственной охране» — «О 92 лицах, обвиняемых в производстве студенческих беспорядков, имевших место в Москве в ноябре 1896 года». В документе говорится:

18 ноября, утром, группа студентов, численность до 500 человек, возбужденная вышеуказанным воззванием, направились к Ваганьковскому кладбищу, но у Пресненской заставы были остановлены полицией. Около 12 часов дня, толпа, дошедшая до 500 человек, повернула обратно к Университету, к которому без демонстраций и прибыло около 300 человек. На неоднократные требования разойтись, эти последние отказались, почему и были проведены в манеж, куда направлены также вышедшие из здания университета группы студентов, примкнувшие к толпе. Кроме студентов в толпе оказались несколько курсисток и посторонней молодежи. Женщины препровождены немедленно на квартиры, а остальные, в числе 399 человек, переписаны в манеже и отпущены по домам, за исключением 36 задержанных агитаторов, в числе которых оказалось: 20 студентов Московского университета, 1 студент Московского технического училища, 1 студент Московского сельскохозяйственного института, 1 вольнослушатель Московского университета (А.М.Ремизов — А.Г.), 2 бывших студента и 11 человек разного звания¹³.

По степени вины задержанные были разделены на три разряда. В первый вошли «руководители беспорядков», степень вины которых усугублялась имеющимися прежними сведениями о их политической неблагонадежности. Таких было 10 человек, и мерой наказания для них была определена ссылка в г. Пензу на 2 года под гласный надзор полиции или на 3 года на родину с последующим запрещением три года проживать в столицах. Ко второму разряду («подстрекатели и руководители»), ранее не замеченные в политической неблагонадежности, был отнесен и А.М.Ремизов. В «Деле тюремного отделения Московского губернского правления, 3 делопроизводства» в списке прибывших в тюрьму 18 ноября

¹¹ Ошибка Ремизова: надо читать — 18-XI 1896.

¹² Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.30.

¹³ ГА РФ. Ф.102 (ДП). Оп.3. 1905 г. Д.258. Л.41.

по постановлению Московского оберполицеймейстера под номером 68 числится «Ремизов Алексей Михайлович личный почетный гражданин 19 лет», который пробыл в тюрьме до 20 декабря 1896 года включительно¹⁴. Напомним, что из 92 лиц, обвиняемых в проведении студенческих беспорядков было особо выделено 36 человек, являвшихся руководителями. В списке арестованных под номером 61 указан: «Ремизов, Алексей Михайлович, личный почетный гражданин. Вольнослушатель Московского университета, юрид[ического] фак[ультета]. 1 семестра. *Значится в числе 36*»¹⁵. В графе «степень участия в студенческих беспорядках, бывших в ноябре 1896 года» записано: «Ремизов замечен был в агитации и в подстрекательстве студентов к беспорядкам. Был главным руководителем манифестации 18 ноября»¹⁶. В графе «Предположения Департамента Полиции» указано: «Подчинить гласному надзору полиции в Пензенской губернии на два года»¹⁷. 20 декабря Ремизов был отправлен к месту ссылки — в г. Пензу.

При сравнении различных источников очевидно, что с течением времени Ремизов стал интерпретировать происшедшие события как случайное происшествие. Но авторское истолкование не согласуется с реальными фактами. Как неоднократно вспоминал сам Ремизов, он с детства жил рядом с фабричными казармами, видел нищету рабочих. Всё виденное рождало естественную реакцию чистого сердца: «Меня тронула беда и я не знал как ответить. А потом из книжных разговоров узнал, как все можно поправить. И совеститься будет нечему, такова будет жизнь. Сначала мне казалось, что все можно поправить низложением правящих царя и министров, и был готов на правое дело, но такое чувство было недолго. Я поверил в марксизм и меня толкнуло на Бельтова-Плеханова»¹⁸. Анализируя этот рассказ Ремизова в записи Кодрянской, можно увидеть, что к моменту событий на Манежной площади Ремизов уже прошел в развитии своих революционных взглядов через ряд этапов. Сначала он, очевидно, разделял взгляды позднего революционного народничества, позднее легшие в основу идеологии партии эсеров. «Готов на правое дело» — это решимость совершить террористический акт, устраняющий того или иного из власть имущих. Затем летом 1896 Ремизов предпринял заграничное путешествие, география

¹⁴ ЦГИА г.Москвы. Ф.474. Оп.23. Ед.хр.1954. Л.8.

¹⁵ ГА РФ. Ф.102(ДП). Оп.3. Д.258. Л.27об.

¹⁶ Там же. Порядковый номер Ремизова и сведения о степени его участия в деле подчеркнуты красным карандашом.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кодрянская Н. Указ. соч. С.80.

которого (Швейцария, Германия, Австрия) объяснялась не только прекрасным знанием молодым студентом немецкого языка, но и наличием именно в этих странах русской революционной эмиграции, с представителями которой и общался Ремизов. Этот эпизод его биографии остается ныне наиболее непроясненным, но существенно отметить, что результатом поездки был ввоз в Россию целого сундука с двойным дном, наполненным нелегальной литературой социал-демократической ориентации. Сундук был привезен в августе 1896, в ноябре Ремизов был арестован. Книги из сундука за этот период времени использованы не были, но такое заключение выводится только из поздних воспоминаний самого Ремизова. Общественную позицию Ремизова во время учебы в университете можно только попытаться дополнить примечательным рассказом самого писателя, относящимся к 1897 и адресованным товарищам по революционному кружку в Пензе: «В июле-августе прошлого года объездил Австрию, Швейцарию и Германию. В Вене познакомился с нелегальной литературой, увлекся ею. *Когда поступил в Московский университет, сразу стал участвовать в студенческом движении, отсидел за это шесть месяцев в тюрьме* и оказался здесь, в Пензе»¹⁹. (Курсив мой. — А.Г.) Все вышеизложенное позволяет считать, что к моменту ссылки в Пензу Ремизов принадлежал к среде революционного студенчества, изучал марксизм и был потенциально готов к той роли пропагандиста и агитатора, которую ему предстояло сыграть в Пензе.

Пензенский период жизни Ремизова подробно описан им в книге «Иверень». Центральное место отведено истории пропагандистской работы Ремизова и его товарищей среди пензенских рабочих, ареста их группы и следствия, в результате которого Ремизов был сослан в Устьсысольск. По версии Ремизова, именно в Пензе проявилась его фатальная неспособность быть революционером и, в то же время, выявилась человеческая несостоятельность его товарищей. В «Иверене» Ремизов так писал о ходе следствия: «"Дело" не покидало моих глаз: с каждым днем развешивалось оно "откровенными показаниями" и все собиралось ко мне. /.../ Сюда под замок в"клетку", я попал по откровенному признанию и полной чистосердечной повинной арестованного где-то в Наровчате, кроткого, смотревшего на меня с болью,

¹⁹ Цит по: Морозов В.Ф. Первые марксистские кружки в Пензе // Очерки истории Пензенского края. Пенза, 1973. С.300. Морозов цитирует материалы судебного дела пензенских пропагандистов марксизма (ГА РФ. Ф.124. Оп.7. Ед.хр.11445, 11446).

Лопуховского. Повинился и Тепловский. /.../ На вопросы, кто и откуда, один у всех был ответ — на меня: "Я самый!" — "Да самый ли?" — И мне оставалось одно слово: "да, они правы, это все я и никто больше!"²⁰. Сходную оценку этого дела дал Ремизов и в рассказе, записанном Кодрянской: «А после моего второго ареста в Пензе, где я затеял организацию пензенских рабочих и когда люди не плохие, а только слабые, выдали меня — я потом приписал это моей "неспособности" к таким делам. /.../ И осудив себя, я сказал себе: я никакой! /.../ С тех пор как-то само собой я больше ни в какие революционные дела не вмешивался...»²¹

Сверим ремизовский вариант «пензенского дела» и роли в нем ссыльного студента Ремизова со свидетельствами, зафиксированными в материалах Департамента полиции. По многотомным следственным изысканиям выясняется, что в середине 1890-х в Пензе образовалось несколько марксистских кружков, в частности, кружки Н.Р.Добронравова, Г.Ельшина, М.М.Корнильева, Н.П.Рассказова, О.И.Тепловского. Весной 1897 в кружок Ельшина вошел и стал одним из руководителей А.Ремизов. Деятельность участников кружка заключалась в пропаганде марксизма в рабочей и учащейся среде, установлении связей с петербургскими и саратовскими марксистами, распространении листовок. Полиция раскрыла «преступную деятельность» постепенно, начав с пойманного за чтением нелегальной литературы ученика землемерного училища Ивана Карпова. Затем была найдена библиотека нелегальной литературы, хранившаяся у А.К.Соколова, а у последнего обнаружено письмо Лопуховского. Показания Лопуховского вывели следствие на руководителей одного из кружков — О.Тепловского и А.Ремизова.

В материалах дела Департамента полиции «О преступном сообществе в городе Пензе, имевшем целью побуждать рабочих к стачкам. Общая переписка» собраны записи показаний всех, проходивших по следствию: В.Ф.Соколова, О.И.Тепловского, М.М.Корнильева, Д.С.Волкова, Н.П.Рассказова, И.А.Карпова, М.П.Остроумова, В.А.Феофарова, Н.А.Народецкого, А.И.Мазина, А.Н.Честнокова, П.П.Капустина, А.Ф.Кутузова, А.Я.Лопуховского, А.К.Соколова, А.М.Ремизова. Приведем полностью показания самого писателя:

Ремизов — студент Московского университета, высланный из Москвы за студенческие беспорядки, прибыл в Пензу в начале 1897 года, познакомился с большинством лиц, привле-

²⁰ Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.136-137.

²¹ Кодрянская Н. Указ. соч. С.80.

ченных к настоящему дознанию, занялся устройством литературных вечеров с целью ознакомления молодежи с «действительностью» и рабочих с рабочим вопросом²², привез с собой, а частью выписывал, нелегальную литературу, распространяя ее среди рабочих и вообще молодых людей, принадлежавших к кружкам или знакомых с членами таковых. При содействии Ельшина пользовался гектографом для печатания воззваний к рабочим; воззвания эти и печатные преступные издания распространял среди молодежи и рабочих. Предполагал вести широкую и организованную пропаганду среди рабочих фабрик и заводов, для чего уже собирал статистические сведения о положении рабочих в фабричных заведениях.

По обыску, произведенному в его квартире в г. Пензе 24 февраля 1898 г. подполковником Магнушевским, найдены: Карла Каутского: «Популярное изложение экономического учения К. Маркса» — издание, воспрещенное к обращению, и несколько писанных стихотворений, явно преступных, в которых резко порицается существующий образ правления в России и восхваляется деятельность государственного преступника Адриана Михайлова. Кроме того — заметки на 8 листах, представляющие конспекты разных сочинений, в том числе и запрещенных (Рабочая библиотека, Эрфуртская программа). Заметки содержания крайне тенденциозного.

Привлеченный в качестве обвиняемого, иногда видоизменяя свои показания, по собственному выражению, из чувства самосохранения, Ремизов в общем объяснил, что по окончании курса Московского коммерческого училища, уехал на некоторое время за границу, был в Вене, ознакомился там с нелегальной литературой и привез с собой до 20 экземпляров разных запрещенных изданий, которыми в Москве пользовался исключительно сам. Поступив в Университет, где в это время о чем-то говорили, шумели, протестовали, присоединился к движению между товарищами, сам не сознавая, в чем дело и чего собственно желает. В результате — 6 недель в тюрьме и высылка на жительство в Пензу. Сначала тоска, потом озлобление, а тут подошла весна, начала съезжаться учащая молодежь, — знакомство с Ельшиным, Тепловским и другими. От них узнает, что в Пензе почва готовая, что там существуют уже «марксисты», что деятельность в народе может иметь хороший успех. И вот, под влиянием практика-пропагандиста Тепловского, он, теоретик-политэконом, обращается в практика-революционера. Увлечению его

²² В Департаменте полиции сохранилось дело о подготовке в Пензе чествования памяти В.Г.Белинского 26 и 27 мая 1897. В нем сообщается, что «в проект входил праздник железнодорожных рабочих с присоединением Сергеевской фабрики; на этом празднике должен был сказать речь студент Ремизов, привлеченный мною [подполковником Роменским. — А.Г.] к дознанию, о значении Белинского для рабочих» (ГА РФ. Ф.ДП. Оп.3. 1897 г. Ед.хр. 1499/1897. Л.43).

не было границ. Он создает широкие планы действия среди фабричных рабочих, забывая, что в Пензенской губернии почти нет фабрик, устраивает кассу, зная, что это учреждение даже в Лондоне, располагая миллионами, не приносит надлежащей пользы. Наконец, собирает совещание и устраивает литературный вечер в доме Клещева. Для вечера он составляет пространный реферат по широкой программе. Сюда входят: процесс Чернышевского, суд и приговор над ним, его биография, сочинения, критика их (по статьям периодической печати 60-х годов и отдельным сочинениям), вопросы философии, политической экономии, поэзии и эстетики и проч[ее]. На вечер собралось до 30 человек молодежи (преимущественно из привлеченных к сему дознанию). Еще ранее он думал, что его не поймут, что собрание не достаточно интеллигентно. Так и вышло. После вечера наступило некоторое разочарование. Осуждение правительства за жестокий приговор над Чернышевским было признано центром тяжести всего реферата и не понравилось аудитории.

Тем не менее преступная деятельность продолжается. Хранившуюся у него в Москве нелегальную литературу, которую он никогда не уважал за отсутствием в ней научной теоретичности, он выписывает через брата Сергея в Пензу. Брат привез ее ему лишь после настойчивых требований и нескольких отказов. Здесь были: 1) К.Каутского «Изложение системы К.Маркса», 2) Эрфуртская программа, 3) К.Маркса «Речь о свободе торговли», 4) Манифест Коммунистической партии, 5) Нищета философии, 6) Энгельса «О научном социализме», 7) Плеханова «Наши разногласия», 8) Рабочая революция, 9) Задачи рабочей интеллигенции, 10) Всероссийское разорение, 11) Варлен перед судом исправительной полиции, 12) О задачах социалистов в борьбе с голодом в России, 13) Речь Петра Алексеева, 14) Рабочий день, 15) Социалистическая демократия. Сочинения эти он охотно давал всем желающим (по преимуществу из числа привлеченных) и впоследствии продал их за 33 рубля Осипу Тепловскому. Независимо сего, собираясь деятельно работать в среде фабричного населения и нуждаясь в статистических сведениях о положении рабочих, он искал знакомства с ними для исполнения его поручений и уже поручал Лопуховскому, Сивачеву, Еренцову, фабричным рабочим, доставлять ему необходимые статистические материалы; Сивачеву, ехавшему в Петербург, кроме того, поручил доставить сведения о положении петербургских рабочих и намекал на высылку брошюр. После этого он получил, — хотя и не знает, от кого, — две прокламации «К ткачам» и «О сокращении рабочего времени в мастерских железной дороги». Последнюю он переписал в двух экземплярах и дал Ельшину для гектографирования. Ельшин вручил ему до 100 экземпляров гектографированных, которые он и передал Тепловскому для раздачи рабочим. Из показаний его видно, что он был знаком

с большинством членов пензенских кружков и в разговорах с ними пропагандировал рабочее движение. Наконец, Ремизов показал, что крайне сожалеет о своих пензенских увлечениях, начавшихся с весны и окончившихся совершенно с первым снегом зимы 1897 года.

Независимо [от] собственных объяснений, преступная деятельность Ремизова в г. Пензе вполне подтверждается показаниями привлеченных к дознанию: Лопуховского, который удостоверял, что Ремизов читал на нескольких вечеринках, что на них, между прочим, присутствовали молодые люди, окончившие курс гимназии, что он имел много нелегальной литературы, которую и раздавал для чтения, и что от Ремизова он получил вопросные листы о положении рабочих на фабриках для доставления сведений; Бахимена, Левина, Капустина, Соколова, Тепловского Осипа, подтвердившего, между прочим, обстоятельство покупки у Ремизова нелегальной литературы и получение гектографированных листков «О сокращении рабочего дня»; Честнокова, Еренцова, Суконина, Безрукова и свидетелей: Алелекова, Поля и других. Все эти лица в существе подтвердили объяснения самого Ремизова.

Алексей Ремизов, 20 лет, православный, купеческий сын, холост, родился в Москве, окончил курс Московского Александровского Коммерческого Училища, студент Императорского Московского Университета, за границей был в Австрии, Швейцарии и Германии с 15 июня по 15 августа 1896 г. По распоряжению Министра внутренних дел выслан в Пензу на 2 года под гласный надзор полиции в ноябре 1896 г.²³

Анализ собранных в деле показаний всех подследственных убеждает в том, что разные показания были «откровенными» примерно в равной мере, т.е. каждый старался оперировать уже доказанными полицией фактами и не «топить» кого-либо из товарищей. В показаниях также отсутствует особое стремление возложить всю вину на Ремизова. Его имя периодически упоминается в деле, но, как правило, при обнаружении несомненных улик против него. Так, например, у О. Тепловского было отобрано много нелегальной литературы и, в том числе, «Устав кассы», составленный и написанный Алексеем Ремизовым²⁴.

Особого исследования заслуживают приведенные выше показания самого писателя. Ремизов признал только то, что полиции удалось точно установить. Так, ни слова не было сказано об организованной с помощью товарищей поездке Ремизова в Москву за нелегальной литературой, которая подробно описана в книге

²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 3. 1903 г. Ед. хр. 2081. Л. 10об.-12об.

²⁴ Там же. Л. 6.

«Иверень»²⁵. Он не назвал ни одного имени кроме тех, кто уже был арестован и упоминал его в своих показаниях. Очевидно именно с последними он и корректировал свои показания, видоизменяя их по ходу следствия. Для примера ремизовского «молчания» остановимся на фигуре только одного человека, несомненно участвовавшего в деятельности революционных пензенских кружков, привлеченного к работе Ремизовым, но не понесшего наказания ввиду отсутствия каких бы то ни было уличающих свидетельств. Этим человеком был сын местного фабриканта В.Э.Мейерхольд. Как хороший знакомый Ремизова, Мейерхольд вызывался на допрос следователем, который вел дело Ремизова. Вот как это описано в беллетризованной биографии Мейерхольда: «Ротмистр, который вел его (Ремизова. — А.Г.) дело, вызвал на допрос студента Мейерхольда. Всеволод отвечал с невозмутимым спокойствием. Нет, ни о какой противоправительственной деятельности подследственного он не знает. Давал ли подследственный ему на прочтение какие-либо книги, брошюры возмущающего содержания? Нет, он брал у Ремизова исключительно пьесы, например, Ибсена, Гауптмана.

— Видите ли, я интересуюсь только театром, — сообщил он, скромно потупив глаза. — Уже выступаю на сцене. Политике я чужд.

Ремизов со своей стороны на допросах, как впоследствии писал Мейерхольд, обнаружил "исключительную хитрость" и про Всеволода вообще не упоминал²⁶.

Показания Ремизова свидетельствуют, что он отнюдь не собирался брать всю вину на себя и признавать какую бы то ни было главенствующую роль в революционной организации. Существенно, что в записанных следователем словах Ремизова-последственного отчетливо слышны интонации будущего Ремизова-писателя и появляется избранная с защитной целью маска неудачника — чудака не от мира сего, теоретика, с которого и спрос невелик. Чего стоят, например, утверждения о имевшейся у него в Москве нелегальной литературе, которую он «никогда не уважал за отсутствием в ней научной теоретичности» в сопоставлении со следующим далее списком классических работ по марксизму. Или столь характерные для позднейшей парадоксальной прозы Ремизова рассуждения, как он «теоретик-политэконом», «создает широкие планы действия среди фабричных рабочих, забывая, что в Пензенской губернии почти нет фабрик». Или, наконец, его

²⁵ Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.89-94.

²⁶ Рудницкий К. Мейерхольд. М.,1981. С.24.

«признание», что вся его пензенская деятельность есть «увлечение», начавшееся «с весны» и окончившееся «совершенно с первым снегом зимы 1897 года». Таким образом, в противовес позднейшей авторской версии, примечательным образом в некоторых чертах совпадающей с вариантом-«легендой», зафиксированной в полицейских документах, Ремизов предстает отнюдь не слабым, легко поддающимся влиянию неудачником, а человеком убежденным, полностью контролирующим в тяжелой ситуации свое поведение и ведущим опасную игру с полицией.

После проведения следствия обвиняемые были разделены на четыре группы по степени их вины. К первой были отнесены «организаторы и руководители преступного движения»: Н.П.Расказов, Д.С.Волков, М.М.Корнильев, О.И.Тепловский и А.М.Ремизов. По постановлению суда этих лиц было решено подвергнуть ссылке в Вятскую губернию на три года. Но министр юстиции предложил изменить место ссылки, и по высочайшему повелению было решено выслать «О.Тепловского, А.Ремизова и Н.Расказова под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на три года»²⁷.

Годы, проведенные Ремизовым в Устьсысольске и Вологде (1898-1902) также подробно описаны в книге «Иверень». Но спустя долгие годы в памяти писателя возникали картины северной природы, лица ушедших из жизни друзей, поэтический мир зырянских легенд и сказок. Политические же симпатии юности представлялись ему чем-то очень отдаленным, несущественным, и складывался новый «миф» о том, что после пензенской «истории» Ремизов уже отошел от былых «увлечений».

По понятным причинам, писем тех лет, касающихся политических вопросов, не сохранилось ни в архиве самого писателя, ни в уцелевших архивах его тогдашних знакомых. Однако в Департаменте полиции вели перлюстрацию корреспонденции сыльного Ремизова, и в делах остались выписки из его писем. Так агентурным путем была получена выписка из письма Ремизова от 26 сентября 1900 из Устьсысольска к брату С.М.Ремизову в Москву:

Настроение у публики мрачное, еще один рейс и замерзнет река /.../, а работы у сапожников нет и не предвидится²⁸. Насколько возможно, вношу жизнь.

Кроме истор[ии] и ф[илосо]ф[ии] по субботам, читаю в четверг 1 том Маркса, с комментарием и критикой в связи с поли-

²⁷ ГА РФ. Ф.102. Оп.3. 1903 г. Ед.хр.2081. Л.86.

²⁸ Ссылные сапожники из Вильны пан Ян и пан Анжей изображены в подглавке «На заповедной земле» книги «Иверень».

тической экономией, в пятницу психологию, а в воскресенье — развитие рабочего движения на Западе: Англия, Германия, Швейцария, Франция, Бельгия и Северная Америка.

По понедельникам заставил учить Ник[олая] Мих[айловича] (поднадзорный Давыдов — *примеч. полиции*) рабочих русскому языку и диктовке, а Ф[едора] Ив[ановича] (поднадзорный Щеколдин — *примеч. полиции*) — арифметике и политической экономии. Буду для желающих читать литературу, историю. Одному все это, конечно, чувствительно. Еще рабочие ничего, но Н[иколай] М[ихайлович] «хочет и рыдает». Ф[едор] Ив[анович] как гусь мокрый. Доктор погрузился в сон. Никакого участия не принимают и даже не встречаются: Булич, С.П. и Савицкий.

Книги, которые ты присылаешь, старайся переплести.

Под текстом письма примечание полиции: «Алек[сей] Мих[айлович] Ремизов за пропаганду в среде пензен[ских] рабочих выслан по Высочайш[ему] повелению 31 мая 1900 г. под гласный надзор в Волог[одскую] губ[ернию] на 3 года»²⁹.

Следующие выписки из писем Ремизова и сопровождающая их полицейская переписка касаются проведенного у него в Устьсысольске обыска, состоявшегося 13 октября 1900 г. и впоследствии описанного в книге «Иверень» в главе «В сырых туманах»:

На Пасхальной неделе, по распоряжению из Вологды, у меня, в моем углу сделали обыск. /.../ Обыск ничего не дал — зря Надеркин старался — даже мои рукописи, на больших листах, только пальцем потыкали, мой почерк очень понравился; а книг столько — нешто мыслимо пересмотреть, а главное, как отличишь запрещенное от дозволенного, это не Москва, не Петербург, даже не Вологда, где в полиции служат ученые профессора и лица духовного звания и во всем разбираются. И взять ничего не взяли.

Я подписал протокол. И все.

Да, о «незаконных собраниях» (по вологодскому пункту) — что вечерами всю зиму книжки читали вслух.

— Но ведь я читал сказки, — сказал я, — и кроме хозяев никого из посторонних /.../

— Самовар поспел, давайте чай пить! — предложил я моим гостям³⁰.

Эти воспоминания, написанные почти сорок лет спустя, можно сравнить с документами, появившимися сразу после случившегося.

²⁹ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.1.

³⁰ Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.170.

31 октября 1900 года

Выписка из полученного агентурным путем письма Алексея Ремизова, Устььсыольск, от 17 октября 1900 года к Сергею Михайловичу Ремизову, в Москву, Сыромятники, д. Найденовых:

«На обыск пришли помощник, надзиратель, письмоводитель и другие. Два часа ждали жандармского полковника и исправника, в это время самым спокойным образом пили чай.

До сих пор не выдают Канта и др., потому что по-немецки никто не знает, а я аргументом не могу быть. Курьезный вышел протокол: там написано, что вещи получены от Чернова, которого я не знаю. Я делаю заметку, что вещи не от Чернова, а от Бадулина, и что отобраны у меня легальные и дозволенные цензурой книги такие-то. Таким образом, протокол потерял силу. В Жандармском управлении ухищряются, как бы поправить дело, но... ничего не находят.

У меня оказался в руках материал, чтобы писать в Департамент полиции, не знаю только, стоит ли марать руки.

При прощании говорили мне, что никогда такого обыска не делали, один мне шуру оленью за три рубля достаёт, а другой какие-то валенки тоже с уступкой.

Готовлю рассказ об этом»³¹.

На выписке из письма была наложена резолюция товарища министра: «По какому случаю был произведен этот обыск», а также сделана помета директора Департамента полиции: «Нужное. Дать мне справку».

В ответ на этот запрос были подобраны все документы, касающиеся обыска, в том числе выписки из последующих писем Ремизова. Одно из них — от 17 октября 1900 к брату Н.М. Ремизову: «Николай, знаешь, как я вчера вещи получил? Согрешил, пригрозив агенту и полиции, если мне не выдадут (а не выдавали четыре дня, мотивируя потерей ключа от амбара), я телеграфирую моему брату в Московскую Судебную палату, где он состоит товарищем прокурора³². Сказал — ключ тотчас же нашелся. Но как только привезли на квартиру вещи, следом за ними ворвались жандармский полковник, исправник, помощник исправника и т.д. и т.д. и обыскали. Ничего не оказалось компрометирующего. Впрочем, отобрали Канта, Шопенгауэра и Шекспира»³³.

По материалам обыска была составлена специальная справка, в которую были включены еще два отрывка из писем Ремизова. Первое — к брату С.М.Ремизову от 13 октября 1900 г.: «Не могу

³¹ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.4.

³² Н.М.Ремизов (1872- после 1930) был присяжным поверенным Московской судебной палаты и присяжным стряпчим Московского коммерческого суда.

³³ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.5.

собрать всего. Сейчас только ушла жандармерия. Успел. Взяли Шопенгауэра, Нитше "Мысли об Ибсене", Канта. Гюго [?] завтра отдадут. Вещи получил сегодня и за ними приехали. Добывал вещи со скандалом». Далее в справке было приведено еще одно свидетельство: «Того же числа Алексей Ремизов отправил письмо к Вере Васильевне Говоровой, в Москву, следующего содержания: «Получил Georges Eekhoud "Les Fusillés", Henry Bataille "Ton Sang". Спасибо вам, сколько должен. Устал, сейчас только был обыск, насилу ваши книги спас»³⁴. И, наконец, справка заканчивалась выводом: «Донесение от начальника Вологодского губернского жандармского управления о производстве обыска у Алексея Ремизова до сего времени не поступало. Очевидно, нач[альник] управления сам получил тоже сведения о продолжении Ремизовых пропаганды и на осн[овании] п[ункта] 19 Полож[ения] произвел обыск»³⁵.

Таким образом, документы свидетельствуют, что история о том, что после разгрома пензенских кружков Ремизов окончательно разочаровался в действительности революционной пропаганды и перестал ею заниматься, является еще одной гранью «легенды», сложенной писателем о самом себе.

В действительности же отход Ремизова от «политики» совершился в Вологде в 1901-1902 и происходил постепенно, одновременно со все более глубоким осознанием им своего писательского призвания. Знаменательно, что этот процесс нашел отражение даже в бумагах Департамента полиции, продолжавшего собирать выписки из «крамольных» писем ссыльного. Так в деле Ремизова сохранилась выписка из его письма к брату Сергею от 10 января 1902 года из Вологды:

«Недавно был среди студентов, читал им стихотворение По, но никто из них ничего не понял. Читали и "Гимн Свободе", последний отрывок из "Плена", это подкупило содержанием и потому успешно прошло. Думаю иногда, кто будет читать мой "Плен"³⁶... "Плен" посылаю с А.Яковлевной для прочтения всем вам»³⁷.

Ориентируясь на семантику названий новых сочинений «крамольника» Ремизова («гимн свободе», «плен»), полиция сочла

³⁴ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.7-7об.

³⁵ Там же. Л.7об.

³⁶ Отрывки из цикла миниатюр «В плену» впервые были опубликованы в 1903 в ж. «Новый путь» (№3) и альм. «Северные цветы» (№3). Целиком опубл.: Ремизов А. Сочинения. Т.2. Рассказы. СПб. [1910]. Сохранилась рукопись цикла миниатюр «В плену», датируемая 1901-1902. (ИРЛИ. Ф.627. Оп.2. Ед.хр.68. 45 лл.).

³⁷ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.8.

необходимым присоединить сведения об их создании к другим свидетельствам противоправительственной деятельности поднадзорного. Но на самом деле столь неожиданным путем были сохранены упоминания о работе начинающего писателя над одним из первых художественных произведений. И, в то же время, продолжалась и деятельность Ремизова-пропагандиста. 24 июня 1902 года из Департамента полиции вологодскому губернатору было направлено письмо следующего содержания:

Г.Вологодскому губернатору

В Д[епартаменте] П[олиции] получены агентурным путем сведения, что высланный по Высочайшему повелению 31 мая 1900 г. в гор. Устьсисольск под гласный надзор полиции на 3 года, купеческий сын Алексей Михайлович Ремизов находится в близких отношениях с местными рабочими, распространяя среди них социал-демократические идеи, и вращается в среде студентов, знакомя их с революционными произведениями.

В виду сего Д[епартамент] покорнейше просит Ваше Пр[е]восходительство не отказать в распоряжении об усилении за названным Ремизовым установленного надзора.

И.д. Дир[ектора]
Зав. Отд[елением]

Лопухин
Ратаев³⁸

Именно в Вологде, где в числе ссыльных были многие известные впоследствии общественные деятели, писатели и философы, такие, как Н.Бердяев, А.Луначарский, Б.Савинков, П.Щеголев; где царил атмосфера интенсивной духовной жизни, Ремизов сделал свой окончательный выбор, избрав не политическую деятельность, а литературное творчество. К такому решению его привело не ощущение своей непригодности как революционера-практика, не разочарование в людях, а потребность полной творческой самоотдачи. Ремизов на всю жизнь сохранил дружеские связи и добрые отношения со многими видными деятелями революционного движения разных толков. Луначарский вспоминал его как одного из самых интересных людей, с которыми он встретился в Вологде³⁹. Б.Савинков высоко ценил литературные советы Ремизова. При этом никто из бывлых товарищей по ссылке не упрекал Ремизова за прекращение его участия в практической борьбе. Для них это было понятно и оправданно. При этом существенно, что в дальнейшем Ремизов не использовал свое «прошлое» в корыстных целях в годы революции⁴⁰, но и не отрекался

³⁸ ГА РФ. Ф.102 (ДП). ОО. 1900 г. Ед.хр.1115. Л.10.

³⁹ Луначарский А.В. Великий переворот: Октябрьская революция. Ч.1. Пб., 1919. С.24.

⁴⁰ Ср. факт заступничества Луначарского за арестованного ЧК Ремизова: «А когда я "по недоразумению" попал на Гороховую (дело о восстании левых с.-р.,

от него в годы эмиграции. А легенда о «революционере-неудачнике», возникнув как сложный сплав литературных традиций и своеобразного преломления собственного опыта еще в произведениях Ремизова 1900-х, постепенно прочно вошла в тот «миф» Ремизова о самом себе, который писатель складывал в течение всей своей жизни⁴¹.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

А л е к с е й М и х а й л о в и ч Р е м и з о в

Моя фамилия Ремизов*.

Я, Алексей Михайлович Ремизов, ратник ополчения 2-го разряда, почетный гражданин. Родился я в 1877 году 24 июня в Москве в Замоскворечье. Отец мой Михаил Алексеевич Ремизов — московский 2-ой гильдии купец; торговля отца — *большая галантерея*. Моя мать Мария Александровна Ремизова, урожденная *Найденова*, из знаменитой купеческой семьи Найденовых. Предки мои по отцу Ремизовы — тульские, из города Венёва; предки по матери Найденовы — владимирские, из села Батыева Суздальского уезда.

Учился я сначала у дьякона Василия Егоровича Кудрявцева — дьякон В.Е.Кудрявцев священником теперь у Бориса и Глеба на Арбате, потом учился я в Московской 4-ой гимназии, потом в Александровском коммерческом училище, которое и окончил в 1895 году, потом слушал я лекции в Московском университете, всякие лекции слушал: и о ракообразных и финансовое право, и физику и русскую историю, и о паукообразных и английскую литературу, и многое множество введений, и историю философии права, и о таких мелких живых песчинках, которых «невооруженным глазом» нипочем не увидишь... Зимом по воскресеньям я ходил рисовать в Строгановское училище, летом к учителю музыки Александру Александровичу Скворцову, учился на трубе играть.

сами посудите, какой же я "повстанец", первые слова, какими встретил меня следователь: "Что это у вас с Луначарским, с утра звонит?" И я робко ответил: "Старый товарищ"». (Ремизов А. Иверень. Указ. изд. С.198).

⁴¹ О постепенном сложении этой легенды см. в воспоминаниях друга Ремизова — Н.В.Резниковой в главе ее книги под загл. «Образ Ремизова, им самим создаваемый» (Резникова Н.В. Огненная память. Berkley, 1980. С.133-141).

*Ударение на *ré*, а не на *ми* (Примечание А.М.Ремизова).

Хотел я все произойти, все искусства одолеть, всю мудрость постичь, и ничего не вышло. Рисовать я не научился, — так рогульку еще могу какую, чертей с рогами, елку, а уж коня... чтобы всадник на коне ехал, нет, и трубою тоже не владею, только что в концертах случится иногда бывать, так за трубою непременно, как трубач мундштук прочищает, ну и лекций университетских до конца не дослушал...

В ноябре 1896 года за *полугодовую ходынку* попал и я, грешным делом, в Каменщики — в *губернский тюремный замок* — в Таганскую новую тюрьму. В тюрьме продержали меня до сочельника и на волю выпустили да не домой, а на Рязанский вокзал с околоточным к поезду: ехать мне в Пензенскую губернию на 2 года под *гласный надзор*. Кн[язь] П.Д.Святополк-Мирский, губернатор пензенский, ни в какой Мокшан и никуда в Чембар меня не отослал, а оставил в самой Пензе жить. И все шло тихо и смирно и вдруг опять грех: весной 1898 года опять меня посадили в острог, а весной 1900 года погнали *этапным порядком* через Тулу, через Москву — по Москве сквозь Бутырки в Ярославль, а через Ярославль за тысячу верст за Вологду в зырянский город Устьсысольск на 3 года под гласный надзор.

Весной 1903 года кончилась моя ссылка и положено было отбыть мне еще 5 лет *ограничения*, ни в Москву, ни в Петербург не велели въезжать. В 1903 году я женился на Серафиме Павловне, урожденной *Довгелло*. В 1904 году родилась у нас дочь Наталья. Где-где мы только не жили, отбывая наше ограничение: жили мы и в Херсоне — в Херсоне служил я в театре «Товарищество Новой Драмы» у Вс.Эм.Мейерхольда, был я в театре не актером, а вроде как зрителем актерским, *настухом театральным*, жили мы и в Одессе на Молдаванке и в Киеве у Печерской лавры на Зверинце и по другим городам разным и дачам, и углам, и закоулкам. В 1905 году в январе кн[язь] П.Д.Святополк-Мирский, уж не губернатор, а министр внутренних дел, снял с нас ограничение, и с тех пор живем мы в Петербурге.

Коммерческие познания свои я применял не раз. Кроме мелких поденных и сдельных работ, которые исполнялись походя, служил я в Вологде *бухгалтером* в магазине С.Л.Сегалья — С.Л.Сегаль известный знаток драгоценных камней, служил я и *старым дворецким* при журнале «Вопросы жизни»: хозяйство журнальное вел у Д.Е.Жуковского — Д.Е.Жуковский философ и издатель философских книг. И Соломон Леонтьевич и Димитрий Евгеньевич, хозяева мои, не жаловались, но и медали мне золотой не дали.

Кроме всякой коммерческой арифметики, навык я писать с завитушками. Это хитрое искусство, к которому пристрастил меня еще в гимназии учитель чистописания Александр Родионович Артемьев — Артём, Московского художественного театра артист, я к делу почти не применял, и только что для приятелей да удовольствия своего ради выведешь другой раз в письме какой усик или виноградом заплетешь заглавную букву.

Было мне 2 года, играл я однажды в игру какую-то мудреную: одинокую и молчаливую, взобрался я на комод да с комода и кувырнулся на пол да прямо на железку. С переломанным носом и разорванной верхней губой сидел я, закотившись, посиневший, на полу, а мое белое пикейное платьице — меня наряжали девочкой — становилось алым от хлеставшей из носу и из губы крови. Сквозь слезы я видел мое алое платьице и злую острую железку, и сидел на полу, не двигался с места, пока не хватились. И вот боль, которая закатаила меня, которая меня измазала всего, липкая такая кровь, словно бы открыли мне глаза на мир, чтобы видеть и открыли мне уши к миру, чтобы слышать. С этих пор я отчетливо помню себя, с этих пор я стал вглядываться и вслушиваться, складывая в памяти слова, дела и деяния.

У меня было 2 кормилицы: первая моя кормилица... так я и не дознался, откуда она попала в дом, вторая — баба калужская, мужа ее в солдаты забрали. У меня было 2 няньки: первая нянька — тульская, не замужняя, вторая — зарайская, крепостная, вдова. От них-то я впервые и услышал чистый русский говор, от них я узнал русские сказки, в их жалобах, в их молитве, в их жизни самой я почувствовал нашего русского Бога, и принял в сердце беду нашу и страду нашу и терпение. Все они перемерли, уж нет никого в живых, — царствие им небесное!

Всенощные, обедни и ранние и поздние, часы великопостные, ночные приезды в наш дом чудотворных икон, ночные и дневные крестные ходы, хождения по часованиям и на богомолье по святым местам, закливание бесов в Симоновском монастыре, жития из Макарьевских четий-миней, — вот моя первая грамота и наука после сказок, рассказней, докук и балагурья.

Детских книг я никаких не читал, ни Жюль Верна не читал, ни Майн-Рида, я хорошо знал церковную службу, много житий всяких мучеников и подвижников и благоразумных разбойников, умел речисто прочесть шестопсалмие и кафизмы, умел пропеть на все 8 гласов, умел звонить, умел и трезвонить.

5-и лет меня отдали к дьякону в науку, 7-и лет мне сшили сапоги и отправили в гимназию учиться, с 12-ти лет я на нос очки надел.

В нашем доме водились книги и русские и нерусские. Моя мать окончила лютеранскую школу Peter-Paulschule, и немецкий язык был ей, что русский. Мать постоянно читала журналы и всякие новые книги. В 12 лет и я уселся за книгу и все читал, все, что только ни попадалось. А чтобы прочитать как можно больше, я по ночам ставил ноги в холодную воду и так читал до утра, забывая и сон и уроки. В год я одолел много книг, много всяких историй и рассуждений, рассказов и романов, и задумал я постичь философию. Как постигнуть философию, какие надо книги читать и так, чтобы все узнать, с этим я обратился к профессору Николаю Андреевичу Звереву, преподававшему в старших классах Александровского коммерческого училища «энциклопедию права». Н.А.Зверев — важный теперь сенатор, в Сенате сидит — отнесся ко мне необыкновенно внимательно и всячески надоумил меня; следуя его указаниям, равно бы стал я постигать непостижимую премудрость философскую.

— Батюшки, барин, зачитаетесь! — охала нянька, старуха старая: ложились она, я сидел за книгою, вставала она, я все сидел за книгою.

А книгами философскими пользовал меня гимназист, товарищ старшего брата моего Николая, П.В.Беневоленский и другой гимназист, тоже одноклассник брата моего Николая, Н.П.Суворовский, и книгами, и добрым словом.

В ноябре 1899 года вышла 15 книжка «Вопросов философии и психологии» со статьей В.П.Преображенского о Ницше с примечаниями от редакции. И предался я Ницше, как некий святой пещерник нечистому. В 1894 году вышел сборник «Русские символисты» и стихи К.Д.Бальмонта «Под северным небом». Тут я узнал имена Бальмонта и Брюсова, эти первые имена современной русской поэзии, и полюбил их без рассуждения. В 1895 году прочитал я *Метерлинка*, заполонившего меня не меньше самого Ницше. В 1899 году начал выходить журнал «Мир искусства»; художники, объединенные С.П.Дягилевым, с Александром Н[иколаевичем] Бенуа в корню, стали мне любимыми моими спутниками. Тут же я узнал *Льва Шестова* и *Василия Васильевича Розанова* и записался в их постоянные любительные читатели.

Сам я никогда даже и не думал о писательстве. И всего один раз за все ученические годы мои для ученического журнала написал я рассказ из деревенской жизни — в деревне я никогда не жил! — историю, как убили какого-то священника, очень страшный рассказ — истинное происшествие со слов дворника нашего Афанасия. Предавшись Ницше и Метерлинку, я стал переводить их. И

только в тюрьме — в Московском губернском тюремном замке затеял я и собственные свои писания. Мне захотелось описать чувства, человеком испытываемые в тюрьме, застенную нашу неволю, и, принявшись за описание тюрьмы — «вся наша жизнь светлая — тюрьма!» я имел перед глазами не *Записки из мертвого дома*, а *Serres chaudes* Метерлинка (Собр. соч. Т. II. В плену).

От сказок и Макарьевских четий-миной через любимых писателей — Достоевского, Толстого, Гоголя, Лескова, Печерского к Ницше и Метерлинку и опять к сказкам и житиям и опять к Достоевскому... вот она как загнулась дорожка, вот те камушки, по которым шел и иду за тридевять земель в тридесятое царство за живою водой и мертвой.

Проживал в Вологде один ссыльный Б.В.Канин¹. Уж не раз пробовал перо Б.В.Канин, только не в беллетристике, и вот надумал он рассказ сочинить, сочинил рассказ, да с моим *Бибкой* самому Горькому в Арзамас и послал. Не одобрил Горький наших рассказов, ни канинского рассказа, ни моего, а все-таки переслал рукописи в Москву к Л.Н.Андрееву. И 24-го ноября 1892 года* в газете «Курьер» появился *Бибка*.

С Катеринина дня 1892 года я и веду мою писательскую летопись.

В 1902 году мне разрешили побывать в Москве. Первым делом пошел я на Пресню к Л.Н.Андрееву, от Андреева отправился я на Цветной бульвар к В.Я.Брюсову, Брюсов взял у меня для 3-его альманаха «Северных цветов» мою *Красную коробку* (Собр. соч. Т. II). И завязался узелок.

В начале 1903 года П.Е.Щеголев поехал из Вологды в Петербург и рукописи мои не забыл взять. Неусыпными стараниями его попал я к Мережковским в «Новый Путь». Кое-что удалось мне о эту пору поместить при содействии А.В.Тырковой (А.Вергеского) в ярославской газете «Северный Край».

Большую заботливость встретил я у Дмитрия Владимировича Философова: Философов мне и «Мир Искусства» высылал в Вологду, Философов и письма мне о моем *Пруде* писал длинные. Петербургские литературные столпы Ф.К.Сологуб и Вяч.И.Иванов, приняли меня с моими произведениями сочувственно. Первое пригласительное письмо и при том, как к заправскому литератору, я получил от «Грифа» — С.А.Соколова-Кречетова. А кни-

¹ В тексте соскоблена фамилия «Савинков» и вместо нее вписан его литературный псевдоним. — А.Г.

* Так в рукописи. На самом деле первая публикация Ремизова состоялась в 1902. — Публ.

гами пользовал меня Е.В.Аничков и П.Е.Щеголев, и книгами и добрым словом.

Так и пошло мое писательство потихоньку да полегоньку из кулька в рогожку.

Автобиографических произведений у меня нет. Все и во всем автобиография: и мертвец Бородин (Собр.соч. Т.I. Жертва) — я самый и есть, себя описываю, и кот Котофей Котофеич (Собр. соч. Т.IV. К Морю-Океану) — я самый и есть, себя описываю, и Петька («*Петушок*» в Альманахе XVI Шиповника) тоже я, себя описываю. А мертвец Бородин, известно, чем кончил, а Котофей Котофеич... где он теперь, Котофей, по-хорошему ли пробирается ли к Лиху-одноглазому освобождать свою беленькую Зайку, никто от этом не знает, а Петьку в 1905 году в Москве на Земляном валу на мостовой подняли с простреленной грудью уж очоченевшего. Петербург, 1912 г.

Алексей Ремизов

Собрание сочинений Алексея Ремизова издано «Шиповником», СПб. 1911-12 гг. Вышло 8 томов: т.I Неуёмный бубен и др[угие] расс[казы]; т.II Часы и др[угие] расск[азы]; т.III Бедовая доля и др[угие] расс[казы]; т.IV Пруд; т.V Крестовые сестры и др[угие] расс[казы]; т.VI Сказки — Посолонь и К Морю-Океану; т.VII Отреченные повести — Лимонарь; т.VIII Русальные действия (пьесы).

Переводы Алексея Ремизова: А.Родэ. Гауптман и Ницше. М., 1902 г.; А.фон Леклер. К монистической гносеологии. Изд. Д.Е.Жуковского. СПб., 1904 г.; Пьесы: Андре Жида, Рашильд и др., изд. «Театр и Искусство», СПб., 1908 г.

II

Алексей Михайлович Ремизов*

— сын московского купца

род[ился] 24.VI.1877 г. в Москве

Дед мой, крестьянин Веневского уезда Тульской губернии, сидел на земле, за сохой ходил, пахарь. Отец, Михаил Алексеевич Ремизов, с детства попал из деревни в Москву, определился *мальчиком*** в лавку к Кувшинникову, кипяток таскал, в лавочку бегал, к делу присматривался, так и жил на побегушках, а вышел в люди, сам хозяином сделался: Кувшинникова торговля кончилась, нача-

* Ремизов — ударение на «е», так выговаривал отец, так и я выговариваю, так и надо. (Примечание А.М.Ремизова).

** Выделенное курсивом написано в рукописи красными чернилами. — А.Г.

лась Ремизова — *галантерейный магазин М.А.Ремизова*, две лавки в Москве, да две лавки в Нижнем на ярмарке. Без всякого образования, трудом и смёткой, «русским умом» своим отец сам до всего дошел и большим уважением пользовался: у Николы в Толмачах, в нашей приходской церкви, отец долгое время был старостой церковным, а на ярмарке купцы в чалмах да в халатах, страшные и важные такие, отца *большим купцом* величали.

В духовной своей завещал отец на колокол в село на свою родину, и такой наказал колокол отлить гулкий и звонкий: как ударят на селе ко всенощной, чтобы до Москвы хватало за Москва-реку до самых Толмачей.

Этот колокол заветный, невылитый, волшебный, благовестными звонами в вечерний час гулко-полно катящийся с дедовских просторных полей по России — это первый мне родительский завет.

Моя мать — московская купеческая дочь, Марья Александровна Найденова. Образование она получила хорошее, училась на немецкий лад в Петропавловской лютеранской школе и в духовном развитии и устремлениях своих шла вровень с передовыми русскими женщинами своего времени. Жизнь у нее сложилась трудная, но и трудная доля ее, правда, расшатала, а все-таки не сломала в ней *найденовское железо*.

Найденовы — владимирские, из села Батыева Суздальского уезда. В 1765 году прадед мой, крепостной крестьянин капитана Матюшкина, Егор Иванович Найденов продан был московскому первой гильдии купцу и шелковых фабрик содержателю Панкрату Васильевичу Колосову и водворен на Москве за Земляным городом на Яузе в колосовскую красильню. Начал он учеником, вышел в красильные мастера, ходил в мастерах и свое дело завел: Колосовское дело кончилось, началось Найденовское, — в 1816 году уволен из мастеровых и причислен в московское купечество.

Егор Иванович — человек крепкий и выносливый, железный, ничего ему не делалось, и в моровую язву заразился, но и чума не взяла, в 1812 году оставался он в Москве, Москву стерег, и большой был охотник и искусник хитрый: любил медведей травить, петушиные бои чествовал и обучал птиц пению всякому под орган и разговорам всяким человеческим — скворцы прямо, как человеки разговаривали! — сам генерал-губернатор — *главнокомандующий*, прослышав о диковинных канарейках и скворцах ученых, вызвал его к себе с птицами птичью премудрость послушать, но он от такого «начальнического милостивого внимания» отказался, сам не пошел, а своих певунов, птиц чудесных всех до од-

ной отдал посланным безвозвратно. Таков был первый Найденев Егор Иванович, от которого все и пошло. За делами не доглядел, переночевал в нетопленной холодной красильне, схватил горячку и помер.

Дед мой Александр Егорович-*меньшой* продолжал начатое отцом, завел ткацко-набивную и шерстепрядильную фабрику и расширил торговлю, тихий, очень осторожный, очень скрытный, образование получив всего только в приходском училище, он постоянно искал общения с людьми образованными, высоко ценил знание и сам учился, научился по-французски читать — много читал, посещал театры и вел запись виденному, событиям жизни — найденевскую летопись. Вот почему в такой старозаветной русской семье следующее поколение — мои дяди и моя мать получили воспитание на немецкий лад.

Немецкая школа вывела в жизнь третьего Найденева — Николая Александровича Найденева, имя которого сохранит наша история. Начиная с 60-х годов прошлого века до конца 1905 года († 28 ноября 1905 г.) деятельность его в торгово-промышленном мире поистине была *петровская*. С 1876 года стоял он во главе Московского Биржевого Комитета, и большинство крупных экономических преобразований и законодательств всяких прошли при его непосредственном участии. Нрава «задорного», так как сам он выражался о себе в своих воспоминаниях*, с огромными знаниями не только в чисто экономических и юридических науках, но и по истории и археологии, и с большим творческим полетом, весь одаренный, непохожий ни на кого, превратил он свою жизнь — свои дни в какую-то бессменную работу, без передышки, без праздников, без прогулов для крепкой и деятельной, крепко выкованной гордой русской России. Отказавшись при жизни от высокой привилегии — от дворянства, наказал он похоронить себя, как самого простого человека — последнего рабочего, и этой последней волей достойно завершил дело своей жизни.

Рабочая — не шалопайная, трудовая Россия ради России умной, крепкой и гордой, русской России — это мне второй родительский завет.

Я родился в доме отца моего в Малом Толмачевском переулке и все детство провел в Москве, и отрочество, и всю мою юность. Учился я в коммерческом училище, в университете ходил по всем

* Н.А.Найденев. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном, I. М., 1903 г. (Для лиц, принадлежащих к роду); Село Батыево. Материалы для истории его населения XVIII-XIX столетий (не для продажи). — Прим. А.М.Ремизова.

аудиториям и слушал все науки, но курса не кончил, попал в тюрьму. На Рождество Богородицы в 1902 году напечатано в первый раз мое произведение — «Плача» («Плач девушки перед замужеством»).

1913 г.

Публикуемые автобиографии А.М.Ремизова были предназначены для фундаментальных историко-литературных трудов, создававшихся под руководством проф. С.А.Венгерова.

Автобиография, датированная 1912 (РНБ. Ф.634. Ед.хр.1. Л.1,2,7-12), написана для раздела, посвященного Ремизову, в незавершенной коллективной монографии «Русская литература XX века» (М., изд-во «Мир»), только три тома которой были изданы в 1914-1918. Она должна была дополнять статью Г.И.Чулкова «Алексей Ремизов»¹, машинописный текст которой, датируемый 1912, сохранился в архиве Венгерова в ИРЛИ. 7 марта 1912 Чулков писал Венгерovu о завершении своей работы: «Я передал в контору "Мир" рукопись моей статьи о Ремизове и получил сто рублей, как мы с Вами условились. Я буду Вам очень признателен, Семен Афанасьевич, если Вы распорядитесь, чтобы мне прислали корректуру: может быть, я сделаю некоторые изменения (незначительные). Статья вышла немного больше листа. Возможно сократить некоторые ее части. Если Вы найдете нужным это сделать, пожалуйста, будьте так добры, уведомяте меня, что именно Вы желаете выпустить»². Тогда же была написана и ремизовская автобиография, о чем Ремизов сообщал Венгерovu в письме от 10 февраля 1912: «Посылаю Вам заказ[ой] бандеролью краткую мою автобиографию: как я писать стал»³. В ответном письме от 13 февраля Венгерov высказал ряд замечаний: «Большое, большое спасибо Вам, многоуважаемый Алексей Михайлович, за присланное житие. Очень оно и любопытно, и поучительно. Одно только место меня удивило и огорчило: где Вы сообщаете, что записались в "постоянные любительные читатели" Розанова. Неужели и теперь его любите? Ведь это же гадина, форменная гадина, отвратительно-продажная, подло-предательская, фарисейски-лицемерная. Всегда он такой был, но прежде, в моменты подсознательного творчества, писал почти-гениально. А теперь ничего кроме вонючих испражнений из него не исходит. И рядом с Розановым Вы ставите благородного искателя истины Льва Шестова! Гореть Вам за это на том свете в огне неугасимом. С искренним приветом С.Венгерov»⁴. Ремизов согласился с пожеланиями редактора, об этом свидетельствует его письмо от 14 февраля: «Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич! *Оставьте в этой фразе одного Льва Шестова*⁵. Так будет лучше и правдивее. Книги Розанова

¹ Опубликована в 1922 в кн. Г.Чулкова «Наши спутники» под заглавием «Сны в подполье».

² ИРЛИ. Ф.377.

³ ИРЛИ. Ф.377. Собр. автобиографий. Ед.хр.3046. Л.1.

⁴ РНБ. Ф.634. Ед.хр.73. Л.1.

⁵ В примечании Ремизов дал исправленный вариант текста: «Тут же я узнал Льва Шестова и записался в его постоянные любительские читатели».

меня всегда интересовали и занимали, но к статьям его теперешним у меня душа не лежит. Об этом и говорить тяжко. Какое уж тут любительское читательство!»⁶. Окончательный исправленный текст автобиографии в архиве Венгерова не сохранился. Публикация осуществлена по экземпляру — авторской копии, находящейся в той части архива Ремизова, которая была передана им на хранение в ГПБ. Текст написан черными чернилами на крупноформатной бумаге размером в пол-листа. Значимые имена и названия выделены красными чернилами и под этими же словами автором произведена карандашная разметка для набора курсивом или в разрядку.

Вторая публикуемая автобиография, датируемая в рукописи 1913, была отослана Ремизовым Венгеру одновременно с биобиблиографическими сведениями для готовившегося критико-биографического Словаря русских писателей. Об этом сообщалось в письме Ремизова Венгеру от 21/4 апреля 1913: «Для Критико-Библиографического словаря посылаю Вам краткие сведения о себе⁷, перечень моих книг⁸ и карточку фотографическую. Есть у меня автобиографическое "заветы родительские", написано для Анастасии Николаевны Чеботаревской, для какого-то сборника. Посылаю рукопись, может быть, пригодится. Посылаю Вам последнюю мою книгу "Подорожие", оттиск портрета моего, рис[унок] М.В.Сабашниковой и указатели к 8-и томному собранию сочинений. Хотел бы попросить Вас, Семен Афанасьевич, когда с чулковской статьей и моя автобиография печататься будет, мне бы корректуру при-слали»⁹.

Указание на А.Н.Чеботаревскую дает новый поворот в установлении времени создания автобиографии своеобразного типа — повествования об истоках самосознания писателя. В 1907 Чеботаревская собирала автобиографии писателей для подготовки сборника «Краткие биографические данные русских писателей за последние 25-летие русской литературы». Но в подготовленной рукописи этого труда, сохранившейся в архиве Чеботаревской в ИРЛИ, биография Ремизова отсутствует. Нет этого текста и в подготовительных материалах к сборнику. Все объясняет шуточное письмо писателя к Чеботаревской, датируемое по штемпелю 23 мая 1907:

«Многоуважаемая Анастасия Николаевна! По обещанию написал Вам краткое жизнеописание, но не посылаю. Ведь, это же не то все будет. О влияниях чего бы то ни было не могу сказать, потому что, Бог его знает, что другой раз на тебя повлияет и на веки вечные ввездится.

Год рождения моего: 1877.

День: Купальская ночь (с 23 на 24 июня).

А именины мои 5 октября в день празднования московских митрополитов: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа.

⁶ ИРЛИ. Ф.377. Собр. автобиографий. Ед.хр.3046. Л.2.

⁷ Там же. Л.8.

⁸ Там же. Л.9-18.

⁹ Там же. Л.4.

Сидел дважды и высылался дважды. Один раз за мордобой в Пензенскую губ[ернию] на 2 года, а другой раз за ничего в Вологодскую на 3-и.

Особенного — выдающегося в жизни моей не случилось: на войне не сражался и ранен не был.

Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания.

Начал печататься в 1902 г. в "Курьере" (такая московская газета была), потом в "Северном Крае" (Ярославль), в "Юге" (Херсон), в "Северных цветах" и "Весях" (Москва), в "Гриффе" (Москва), в "Новом Пути" (СПб.), в "Вопр[осах] Жизни" (СПб.) и т.д.

Вот и все.

Всего Вам хорошего, Анастасия Николаевна.

А.Ремизов¹⁰

Таким образом, можно предположить, что в 1907 Ремизов написал «краткое жизнеописание» под заглавием «Заветы родительские», но не послал его Чеботаревской. В 1913 он заново переписал текст для отправки Венгеру. Палеографический анализ публикуемого текста, хранящегося ныне в составе архива Ремизова в ИРЛИ (Ф.256), и листов из персоналии «Ремизов» в собрании автобиографий Венгерова, содержащих библиографические сведения (Л.7-8), показал, что они совпадают по типу бумаги, характеру письма, использованию чернил двух цветов. Возможно, что при объединении всех материалов, касающихся Ремизова, в единый фонд, его автобиография была отделена от библиографического «конвоя», оставшегося в фонде Венгерова. В материалах Ремизова в РНБ имеется второй экземпляр этой автобиографии¹¹, являющийся точной копией публикуемой рукописи РО ИРЛИ.

¹⁰ ИРЛИ. Ф.289. Оп.5. Ед.хр.230. Л.1-2.

¹¹ РНБ. Ф.634. Ед.хр.1. Л.3-6.

Е.Р.Обатнина

ОТ МАСКАРАДА К ТРЕТЕЙСКОМУ СУДУ («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М.Ремизова)

С момента основания известного общества «Обезьянья Великая и Вольная палата» обезьянья тема становится постоянной в художественном творчестве и житнетворчестве А.М.Ремизова. С годами границы вымысла и реальности размываются, и в эту игру, изначально выдуманную для ребенка, оказывается вовлечен почти весь литературно-художественный круг Петербурга. Художники и поэты, философы и критики с детской доверчивостью, а подчас и гордостью, прикрытой юмором, принимали княжеские титулы и почетные грамоты, подписанные «собственнохвостно» таинственным царем Асыкой и искусно изготовленные его верным канцеляриусом Алексеем Ремизовым¹.

Стиль поведения писателя, основанный на пародировании, шутовской бессмыслице, юродивой откровенности, довольно быстро стал привычным на различных литературных вечерах. Тем не менее Ремизову удалось вызвать к своему легкомысленному амплу вполне серьезное отношение. Так, Зинаиде Николаевне Гиппиус приходится поначалу разъяснять недоумевающему и утомленному докучаниями Ремизова московскому гостю (Андрею Белому): «Алексей-то Михайлыч? Да это — умнейший, честнейший, серьезнейший человек, видящий насквозь каждого; коли он "юродит" — так из ума»². Действительно, за этой ролью почти всегда скрывалось продуманное отношение к подменам реальности мнимостями, противопоставление детской игры в Общество играм взрослых, серьезных, философствующих в многочисленных обществах, собраниях для избранных. При этом Ремизов как будто старается переманить симпатичных ему людей из об-

¹ Об истории создания Обезьяньей палаты, исторических корнях образа царя Асыки и членах общества см: Ремизов А. Кукка: Розановы письма. Берлин. 1923. С.38-40; Гречишкин С.С. Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной палате» Ремизова // Studia Slavica (Budapest). 1980. Т.XXVI. S.173-176; Морковин В. Приспешники царя Асыки // Ceskoslovenska rusistika. 1969. №4. S.178-183.

² Белый А. Между двух революций. М., 1990. С.65.

шеств в свою обезьянью палату, объединяя их по единому признаку, соответствующему его личным представлениям о правдивости, искренности, творчестве и дружеском расположении.

В 1905, когда Ремизов только появился в Петербурге и был принят на службу в «Вопросы жизни» в качестве «домового» (т.е. секретаря), — судя по всему, он чувствовал себя одиноко и ему приходилось довольствоваться малым. Так, во время заседания редколлегии журнала чудаковатый секретарь устраивал параллельные заседания, участниками которых были... калоши заседавших в соседней комнате.

Но после 1908, когда была создана Обезьянья Великая и Вольная палата, число удостоенных чести быть принятыми в ремизовское тайное общество активно приумножается. Таким образом, переплетение игры и жизни, проводимое Ремизовым, все органичнее утверждается в петербургском литературном мире, особенно это было уместно на ставших модными в 1910-х маскарадах.

Апофеозом реализации фантазии об обезьянней палате стало происшествие, имевшее самое неожиданное развитие.

Началось все с невинной шутки, наиболее короткое упоминание о которой находим в воспоминаниях Константина Эрберга. Речь идет о новогоднем маскараде 3 января 1911, состоявшемся на квартире у Ф.К.Сологуба: «Всем этим заправляла А.Н.Чеботаревская. /.../ Друзья приходили, кто в чем хотел, и вели себя, как кто хотел. Помню артистку Яворскую (Борятинскую) в античном хитоне и расположившегося у ее ног Алексея Н. Толстого, облаченного в какое-то фантастическое одеяние из гардероба хозяйки; помню профессора Ященко в одежде древнего германца со шкурой через плечо; Ремизова, как-то ухитрившегося сквозь задний разрез пиджака помахивать обезьяньим хвостом»³.

Несколько дней спустя воспоминания об этой проделке были омрачены следующим недоразумением: Анастасия Николаевна Чеботаревская узнает, что хвост, всех забавлявший на ее вечере, был когда-то неотъемлемой частью обезьянней шкуры, которую она взялась раздобыть по просьбе графа Алексея Николаевича Толстого для маскарада, устроенного им 2 января у себя дома. А Алексей Михайлович Ремизов, как участник и этого маскарада, уже тогда присмотрел себе для костюма такую экстравагантную деталь. Тяжкое обвинение в злостном небрежении к чу-

³ Эрберг К. [Сюннерберг К.А.]. Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.140-141.

жим вещам пало на писателя. Началась переписка, насыщенная едва сдерживаемым гневом с одной стороны и оправданиями — с другой.

Чеботаревская писала:

6.1.[19]11, Петербург

Уважаемый Алексей Михайлович!

К великому моему огорчению, узнала сегодня о происхождении Вашего хвоста из моей шкуры (не моей, а *чужой* — ведь это главное!). Кроме того, не нахожу задних лап. Неужели и они отрезаны? И где искать их? Жду ответа. Шкуру отдала починить, — но как возвращать с заплатами?

Ан. Чеботаревская⁴.

Ремизов обстоятельно отвечал:

8.1.1911

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Я очень понимаю Ваш гнев и негодование. Пишу Вам подробно, как попал ко мне хвост. 2-го я пришел к гр. А.Н.Толстому. У Толстого застал гостей — ряженных. Какой-то офицер играл, а ряженные скакали. На ряженных были шкуры. Дождаюсь срока своего — чай пить, стал я ходить по комнате. На диванах разбросаны были шкуры. Среди шкур я увидел отдельно лежащий длинный хвост. Мне он очень понравился. Я его прицепил себе без булавки за штрипку брюк и уж с хвостом гулял по комнате.

Пришел А.Н.Бенуа. Видит, все в шкурах, вытащил какой-то лоскуток и привязал к жилетке.

Тут ряженные стали разыгрывать сцену, и все было тихо и смиренно — никто ничего не разрывал и не резал. Меч острый японский по моей просьбе — боюсь мечей всяких в руках несмелых — был спрятан.

Уходя от Толстого, попросил я дать мне хвост нарядиться. Толстой обещал захватить его к Вам, если я прямо пойду к Вам.

3-го я зашел к Толстому, получил от него хвост, прицепил его без булавки и поехал к Вам.

У Вас, когда надо было домой, я снял хвост и отдал его Алексею Николаевичу.

Я взял хвост таким, каким мне его дали. Я его не подрезывал. С вещами я обращаюсь бережно. И нет у меня привычки (глупой, меня раздражающей) вертеть и ковырять вещи. Лапок я тоже не отрывал. И не видал. Очень все это печально.

А.Ремизов⁵.

⁴ РНБ. Ф.634. Ед.хр.233. Л.1.

⁵ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.30. В фонде Ремизова хранится открытка А.Толстого с приглашением Ремизовых: «31.12.[19]10. Милый Алексей Михайлович,

Анастасия Николаевна, смягчившись таким объяснением, ретировалась в своем втором письме:

9.1.1911, Петербург,

Уважаемый Алексей Михайлович!

Вы меня простите, пожалуйста, если Вы в резке шкуры не повинны, но я письмо получила от г-жи Толстой на следующий день, что «хвост отрезал Ремизов *в ее отсутствии*» — что меня и повергло и в изумление, и в печаль. Я 3 дня разыскивала такую шкуру и купила новую.

А.Ч.⁶

В мемуаристике обращают на себя внимание два описания этой, на первый взгляд, анекдотической истории — отличные друг от друга по своим оценкам. Они принадлежат Н.Оцупу и Г.Чулкову.

Николай Оцуп в своих воспоминаниях, обрисовывая сложившуюся ситуацию, перемещает центр внимания с фигуры Ремизова на двух других действующих лиц, выступивших на авансцену этой истории. Ими стали Ф.К.Сологуб и А.Н.Толстой. Вот что пишет Оцуп: «Для какого-то маскарада в Петербурге Толстые добыли через Сологубов обезьянью шкуру, принадлежавшую какому-то врачу. На балу обезьяний хвост оторвался и был утерян. Сологуб, недополучив хвоста, написал Толстому письмо, в котором назвал графиню Толстую госпожой Дымшиц, грозился судом и клялся в вечной ненависти. Свою угрозу Сологуб исполнил, он буквально выжил Толстого из Петербурга»⁷.

На памяти Георгия Чулкова серьезность этого случая состояла именно в том, что действительно виновный писатель оказался в стороне от событий, в то время как все остальные участники разыгравшейся комедии перессорились не на шутку. Чулков описывает эту историю следующим образом: «На одном из маскарадов /.../ разыгралась история с обезьяньим хвостом. /.../ На маскарад был приглашен, между прочим, один писатель, который по любви своей к чудачествам объявил простодушной Анастасии Николаевне, что ему для его костюма необходима обезьянья шкура. Анастасия Николаевна с большим трудом достала у кого-то желанный предмет и дала его шутнику с предупреждением, что с ним надо обращаться чрезвычайно бережно. Пред-

приходите к нам завтра 31-го встречать Новый Год, вместе с Серафимой Павловной. Ежели-же Вам обоим нельзя будет прийти (что нас очень огорчит), [то] 2-го января ждем Вас обоих непременно. У нас будет Бенуа и Бородаевский, больше никого. Затем останусь Ваш и навсегда гр. Ал. Толстой» (РНБ. Ф.634.Ед.хр.217. Л.2).

⁶ РНБ. Ф.634. Ед.хр.233. Л.2.

⁷ Оцуп Н. Современники. Париж. 1961. С.51-52.

ставьте себе ее ужас, когда любитель шуток явился на вечер в своем обычном пиджаке, из-под которого торчал обезьяний хвост. В этом заключался весь этот маскарадный костюм. Но главное — был отрезан хвост от драгоценной шкуры. Это был уже скандал. Сам хитрец вышел сух из воды. Но вокруг "обезьяньего хвоста" разыгрались дамские страсти. Какую-то даму обвинили в том, что писатель отрезал хвост по ее наущению. Полетели письма с взаимными оскорблениями. Мужья заступились за жен. Сологуб обиделся на одного небезызвестного и даровитого литератора, который впутался неосторожно в полемику по поводу хвоста»⁸.

Отношение Чулкова к случившемуся немаловажно, поскольку он, вместе с профессором А.С.Яшенко, выступал посредником А.Н.Толстого на третейском суде, рассматривавшем это «дело» 15 февраля 1911. Действительно, желание слегка посямовать разыгравшийся скандал как будто присутствует в воспоминаниях Г.Чулкова, который был далек от поисков внутренних причин, вызвавших длительное разбирательство. Видимо, так же относился к происходящему и Толстой, ведь, вероятнее всего, Чулков излагал версию, представленную А.Н. и его супругой. Но вот по мнению другого члена данного суда чести, Александра Блока, эта тенденция к излишнему легкомыслию обнаруживает вообще поверхностное отношение к жизни, являясь неким тревожным симптомом подрыва нравственной основы, необходимой художнику в жизни и творчестве. Не случайно поэт, отзываясь 14 февраля 1911 об этом деле в письме к матери, А.А.Кублицкой-Пиотух, не найдет места для иронии: «Это очень давняя и грязная история, в нее замешаны многие писатели (*секрет!*)»⁹. Характерно для Блока и это подчеркивание («секрет»), говорящее о высоком этическом цензе, о котором поэт не забывает даже в своих доверительных письмах к матери. Окончательное суждение о легком отношении ко всему, что есть в жизни, Блок выскажет в дневниковой записи два года спустя, когда ему доведется прочесть комедию Алексея Толстого «Насильники». Стараясь быть предельно объективным, он писал: «Все испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры. По-видимому, теперь *его* [Толстого. — Е.О.] отравляет Чулков: надсмешка над своим, что могло бы быть серьезно, и невероятные положения: много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта. Но, пока он будет думать, что жизнь и искусство состоят из "трюков" (как нашептывает Чулков, — это, впро-

⁸ Чулков Г. Годы странствий. М., 1930. С.160.

⁹ Блок А. Собр.соч. в 8 тт. Т.8. М.; Л., 1963. С.329.

чем, мое предположение только), — будет он бесплодной смоковницей. /.../ К сожалению, часто бывает так, что нарушение *всего*, само по себе позволительное, влечет за собой и нарушение *одного* — той заповеди, без исполнения которой жизнь и творчество распыляются»¹⁰.

Быть может, Николай Оцуп несколько преувеличивал, когда писал, что Сологуб выжил Толстого из Петербурга, но гнев оскорбленного писателя на самом деле был ужасен и как будто только распался со временем¹¹. Так, ровно через месяц после происшествия Сологуб, с настойчивостью учителя, желающего научить уму-разуму нерадивого ученика, предпринимает кампанию по изоляции Толстого от петербургского литературного мира и рассылает ультимативные письма людям своего круга, побуждающие их прекратить знакомство с графом. Письма, идентичные по своей основной мысли, получили 6 февраля Г. Чулков¹² и Ю. Верховский, оказавшиеся, как покажут дальнейшие события, на противоположных позициях в развивавшейся истории. Поскольку роль Верховского совершенно не освещается мемуарной литературой, уделим особое внимание его переписке по этому поводу. Итак, Сологуб писал Верховскому:

¹⁰ Блок А. Указ. изд. Т. 7. С. 221.

¹¹ О том, что утверждение Оцупа небезосновательно, свидетельствует дневник А. Толстого, в котором маскарадный сюжет 1911 года отразился в шуточном стихотворении, написанном в апреле этого же года, когда Толстой был на Кавказе и собирался продолжить свое путешествие в Крым:

ОТЪЕЗД В ФЕОДОСИЮ

(конец апреля)

Я потек струей соленой,
Став на баке корабля,
Мелким бесом истомленный,
В Киммерийские поля.

Мне не надо обаяний,
Для меня пусть вечен пост.
И на мачте обезьяний,
Словно знамя, вился хвост.

(А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 279). И хотя А. И. Хайлов, публикатор дневника Толстого, объясняет путешествия писателя его природной любознательностью, нет сомнений, что это стихотворение содержит вполне конкретную мотивацию возникшей тогда «охоты к перемене мест». Если принять во внимание события зимы 1911 года, то становится очевидным, что строку «Мелким бесом истомленный» следует относить не к названию романа «Мелкий бес» и его героям, как указывается в комментарии (С. 324), а к автору этого произведения Ф. К. Сологубу; в свою очередь, под обезьяньим хвостом здесь подразумевается не отвлеченный «символ своеволия», справедливо соотнесенный публикатором с Обезвельопалом Ремизова, а конкретный хвост от маскарадной шкуры.

¹² См. публикацию этого письма: Сологуб Ф. Творимая легенда. Т. II. М., 1991. С. 298 (комментарий А. Соболева).

6 февр[аля] 1911 года

Дорогой Юрий Никандрович,

Я с большим огорчением узнал, что Вы продолжаете поддерживать отношения с графом Алексеем Николаевичем Толстым. Образ действий графа Ал.Ник.Толстого таков, что для меня невозможно быть в обществе его друзей.

Преданный Вам Федор Тетерников¹³.

Реакция получателей на эти письма была неоднозначной. Ю.Н.Верховский тотчас поспешил ответить Сологубу:

6.И.[1]911

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Мне было очень грустно читать Ваше письмо. Вы как бы спрашиваете меня, какие отношения предпочту я: с Вами — или с А.Н.Толстым? Неужели возможно ставить этот вопрос? Да, я был у него, но тогда же письмо его к Анастасии Николаевне назвал последнюю степень пошлости. До вчерашнего вечера я имел легкоеверие думать, что Толстой во вторник повинился во всем Алексею Михайловичу и просил у него совета, желая сделать то же перед Вами и Анастасиею Николаевной. Теперь же отношения между мною и Толстым невозможны. Вы знаете, что я всегда любил и уважал Вас и Анастасию Николаевну. А будете ли Вы отныне считать меня в числе Ваших друзей — решите сами...

Искренно Вам преданный Юрий Верховский¹⁴.

Вслед за тем Верховский незамедлительно заявил Толстому ноту протеста, расцененную адресатом на фоне накалившихся страстей как намеренное оскорбление. О случившемся Толстой известил Вяч.Иванова 8 февраля: «Дело в том, что Ю.Н.Верховский прислал мне оскорбительное письмо, и я вызываю его на третейский суд»¹⁵. В тот же день Толстой отправил Верховскому весьма лапидарное послание:

Таврическая, 147. 8. И.[19]11

Милостивый Государь!

Вызываю Вас на третейский суд.

гр. А.Н.Толстой¹⁶.

¹³ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/121-Р. КП-106922.

¹⁴ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.129. Л.7.

¹⁵ См.: Письма А.Н.Толстого к Вяч.Иванову, 1911-1912 / Публ. Н.Гончаровой // Вопросы литературы. 1991. №6. С.245.

¹⁶ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/126-Р. КП-106927. Обозначенный в письме адрес не соответствует подлинному адресу Толстого на тот момент: в начале 1911 года он жил в доме №147 по Невскому проспекту. Описку можно объяснить одновременностью составления писем к Верховскому и Вяч.Иванову, проживавшему на Таврической улице.

В ответе Верховского Толстому от 9 февраля звучит как будто недоумение от такого поворота событий:

9.II[1]911

Мил[остивый] Государь,

Письмо Ваше получил. Если Вы действительно находите, что есть повод к третьейскому разбирательству между нами, то потрудитесь сообщить, в чем он заключается, Вашим доверителям, которые пусть ко мне и обратятся.

Юрий Верховский¹⁷.

14 февраля Верховский попросил А.Блока и Е.В.Аничкова быть посредниками в предстоящем третьейском суде. Блок сообщал матери 14 февраля: «Пришел Верховский приглашать меня участвовать в третьейском суде /.../. Мы будем разбирать только часть — инцидент с ни в чем не повинным Верховским»¹⁸. О своей реакции на требования Сологуба Чулков вспоминал: «И вот однажды я получил от Федора Кузьмича письмо, в котором он требовал, чтобы я не принимал у себя в доме провинившегося писателя. Как я ни любил Федора Кузьмича, но решительно отказался принять такой "обезьяний" ультиматум. И Федор Кузьмич дулся на меня некоторое время»¹⁹. Как бы то ни было, но можно согласиться с Г.Чулковым, назвавшим письмо Сологуба «обезьяньим ультиматумом». Ремизовская обезьянья шутка вдруг разделила людей общего круга, испытывавших расположение друг к другу, на тех, кто понимает жизнь как «трюк» и при-

¹⁷ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/118-Р. КП-106915. Л.1 (черновик). О переговорах Ю.Н.Верховского с посредниками А.Н.Толстого — Г.И.Чулковым и А.С.Яценко — косвенно свидетельствуют следующие черновые письма Верховского из того же фонда: «10.II.[1]911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Мне очень жаль, что Вы и профессор Яценко не застали меня. М[ожет] б[ыть], Вы бы заехали ко мне сегодня же: я вечером дома. Завтра я рассчитываю быть дома после четырех часов — и до вечера. Буду Вас ожидать. Преданный Вам Юрий Верховский. P.S. К сожалению, не удалось за поздним временем отправить письмо с посылным и приходится отложить наше свидание до завтра»; «12.II. [1]911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Завтра я жду Вас и профессора Яценка в назначенное Вами время — в 3 ч. дня. Пред[анный] Вам Юрий Верховский»; «13.II.[1]911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Спешу известить Вас, что на рассмотрение посредниками, а не третьейским судом, что выяснилось сегодня из разговора с профессором Яценком и Вами, дела, возникшего между гр.А.Н.Толстым и мною, я согласен и посредниками с своей стороны пригласил Евгения Васильевича Аничкова и Александра Александровича Блока, к к[о]т[о]рым и прошу обратиться посредников графа А.Н.Толстого. Преданный Вам Юрий Верховский». (XI-A/118-Р. КП-106915. Л.3, 4).

¹⁸ Блок А. Указ.изд. Т.8. С.329.

¹⁹ Чулков Г. Указ.соч. С.161.

нимает все законы этого жанра, и тех, кто допускает в жизни игру, фантазию именно потому, что они лишены таких несовершенств жизни, как грубость, недоверие и подозрительность. После январского маскарада 1911 произошло некое распределение вокруг противостоящих друг другу полюсов: трюк — игра. При этом такой серьезный, трезвого ума человек, как Ф.К.Сологуб, который не всегда принимал стиль поведения Ремизова и однажды спросил с нескрываемым раздражением: «Почему вы все время врете?», — тем не менее оказался на одной позиции с чудаком и шутником Ремизовым. Вероятно, залогом этого объединения было свойственное обоим утонченное, внимательное отношение к жизни, в которой главное, как писал Ремизов, чтобы «человек человеку был Дух Утешитель».

Так маскарадная шутка обратилась в нравственную проблему взаимоотношений в литературной среде, о чем Сологуб написал во втором письме к Верховскому:

7 фев[раля] 1911

Дорогой Юрий Никандрович,

Ваше письмо было очень утешительно для Ан[астасии] Н[иколаевны] и меня. Вы ответили так скоро и решительно, что очевидно, что Ваше решение было готово до моего письма. Поверьте, что мы очень ценим искренние отношения, и очень дорожим ими. Мы бы не ставили вопроса в такой форме, если бы видели в этом только личное столкновение. Но я думаю, что этот случай имеет общее значение, как показатель той нестерпимой грубости нравов, которая вносится в последнее время в литературную среду все настойчивее; и то, что мы узнали от Алексея Михайловича Р[емизова], окончательно утвердило меня в этом взгляде. И Ан[астасия] Н[иколаевна], и я очень благодарим Вас за милое дружеское отношение к нам, и мы будем сердечно рады, если наши отношения взаимные и впредь будут оставаться такими же, основанными на взаимном понимании, сочувствии и доверии. Александре Павловне от нас сердечный привет.

Преданный Вам Федор Тетерников²⁰.

²⁰ Гос. музей истории города (СПб.). Фонд А.Блока. XI-A/122-P. КП-106923. Александра Павловна Верховская — жена Ю.Н.Верховского, библиотечный работник. Как становится понятным из этого письма, сложившаяся ситуация обнаружилась подводные течения в отношениях литераторов данного круга, в особенности с А.Толстым. Воспоминания С.И.Дымшиц-Толстой свидетельствуют, что в отношениях Толстого с Ремизовым и Сологубом была определенная двойственность, исключавшая искреннее доброжелательство: «К Ремизовым Алексей Николаевич проявлял интерес наблюдателя, идти к ним называлось "идти к насекомым"». /.../ Алексея Николаевича /.../ в доме Сологуба забавляла и вместе с тем немного раздражала хозяйка, окружавшая смешным и бестакт-

Из письма Сологуба следует, что на его отношение ко всему случившемуся решающим образом повлияла реакция А.М.Ремизова. Хотя вопросы этики в оценке событий выступали на первый план, нельзя не обратить внимание и на то, что начало 1911 для Ремизова было отмечено некоторой неприятной закономерностью, во многом обусловленной обострением хронического заболевания писателя и проявлявшейся, быть может, в болезненной обидчивости, мнительности и очень требовательном отношении к окружающим. Помимо январского конфликта с Толстым, вызванного его бестактностью, которая была осуждена третейским судом 15 февраля, — 9 января Ремизов порвал свои отношения с Сергеем Городецким. «Причиной этому, — объяснял Ремизов в письме к поэту, — Ваши возмущающие и грубые выходы. Вот чтобы избавиться от этого, я и думаю, лучше не быть знакомым»²¹.

Ремизов в этом случае апеллирует к А.А.Блоку, ответившему ему 11 января 1911 письмом, которое помогает понять, что, помимо болезни, заставило писателя, прослывшего балагуром и мистификатором, вдруг так резко посерьезнеть. Блок писал: «До сих пор ведь мы все по отношению друг к другу были более или менее цветами. Когда встречались, все между нами было сдобрено розовым маслом — стилями, масками, шутками и стишками. Но самые плоды — впереди. Многим из нас воистину суждено быть вместе и называться: "мы"»²².

Ремизов свое представление об основе взаимоотношений между людьми, служащей для их объединения, выскажет в Манифесте Обезвельволпала, написанном хотя и гораздо позднее 1911 года и во многом продиктованном новой общественной ситуацией, но все же впрямую соотносящемся с данной темой:

Мы /.../ Асыка Первый, верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, огадившее всякий свет мечты и слова, объявляем всем хвостатым и бесхвостым; /.../ приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались; а потому и тем, кто

ным культом почитания своего супруга» (Воспоминания об А.Н.Толстом. М., 1973. С.79).

²¹ См.: Неизданная переписка Блока с А.А. и С.М.Городецкими / Публ. и комм. В.П.Енишерлова и Р.Д.Тименчика // Литературное наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1981. С.52.

²² Блок А. Указ.изд. Т.8. С.326.

обмакивает в чернильницу кончик хвоста или мизинец, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей /.../, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения²³.

Вячеслав Иванов, избранный супер-арбитром суда чести между гр.Толстым, с одной стороны, и Верховским, Ремизовым и Сологубом, с другой, в своих письмах к Ремизову, содержащих обстоятельные отчеты о подготовке и проведении этого разбирательства, также видел смысл его в «оздоровлении литературной атмосферы». В своем последнем письме о результатах судебного разбирательства 15 февраля Иванов свидетельствовал, что А.Н.Толстой заявил перед судом о своем искреннем раскаянии в легкомысленном обвинении Ремизова «в том поступке», как деликатно пишет супер-арбитр, ни разу не назвавший прямо первоначальную причину разыгравшегося скандала²⁴. Зато Ремизов своею рукою напишет напротив этих строк: «Будто взял обезьяний хвост (обре-

²³ Ремизов А. Ахру: Повесть петербургская. Берлин-Пб.-М., 1922. С.50-51.

²⁴ Переписка А.Ремизова и Вяч.Иванова готовится к публикации А.М.Грачевой. Формально третейский суд 15 февраля 1911 собирался по поводу конфликта Толстого с Верховским, и оскорбленное достоинство А.Н. было удовлетворено. Но понимая, что данный конфликт лишь следствие первопричины, потянувшей за собой целую цепь инцидентов, суд чести принял необходимые меры по восстановлению психологического климата в отношениях А.М.Ремизова и Ф.К.Сологуба с А.Н.Толстым. В результате затея Ал.Толстого с третейским судом над «ни в чем не повинным» (А.А.Блок) Ю.Н.Верховским обернулась против самого истца, так как по решению суда и, видимо, сознавая шаткость своего положения, Толстой в письменной форме принес свои «полные извинения» Сологубу и Ремизову. Вот его письмо к Сологубу с припиской Вяч.Иванова:

Милостивый Государь,

Федор Кузьмич, осуждая свой образ действий, приношу Вам, вместе с заявлением моей готовности дать Вам дальнейшее удовлетворение, мои полные извинения, поскольку Вы справедливо можете признать себя оскорбленным в лице Анастасии Николаевны, и покорнейше прошу Вас передать таковые же извинения самой Анастасии Николаевне.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

Гр. Алексей Н. Толстой.

15. II. [19]11.

Слова: «поскольку Вы справедливо можете признавать себя оскорбленным»... значат, по мысли графа А.Н.Толстого: «так как Вы спра-

зал)»²⁵. А над вырезанными из «Сатирикона» шаржированными портретами Толстого и Сологуба выведет: «Судное дело об обезьяньем хвосте»²⁶.

Подобная непосредственность и прямолинейность были свойственны Ремизову. И если он не исповедовался перед людьми открыто, то в его устном и книжном творчестве обязательно встречаются мотивы личной жизни, обнаруживающие особенности характера самого писателя. Наблюдается своего рода правило, по которому «сюжеты» собственной биографии обретали в его прозе функцию лейтмотивов. Поэтому «следы» «дела об обезьяньем хвосте» рано или поздно должны были проявиться в произведениях Ремизова.

Вероятно, поначалу мотив этой на шумевшей истории разработывался в жанре устного рассказа, а по Ремизову значит — в сплетне. Известно, что он был убежденным литературным «сплетником», сочинявшим и публиковавшим свои невероятные сны о реальных людях и рассказывавшим разные небылицы, утверждая, что литературное произведение нередко оказывается обязанным своим возникновением именно сплетне. Владимир Пяст вспоминал об этом свойстве писателя: «И он любил распространять слухи о каких-нибудь действительных или мнимых ссорах из-за какого-нибудь нелепейшего "лисьего хвоста"»²⁷. Заметим, что эта воспроизводимая Пястом неточность Ремизова, подменяющая обезьяний хвост на лисий, как бы увеличивает дистанцию между реальным действующим лицом имевшей место истории и рассказчиком, распространяющим слух об этой истории.

Посредством подобного отстранения Ремизов, в действительности участвовавший в известном событии, становится литературным героем Ремизова-беллетриста. Занятно, что чем больше времени проходит, тем быстрее реальное происшествие теряет свою конкретность и попадает под абсолютную власть художест-

ведливо можете признавать себя оскорбленным», — в чем свидетельствуем подписью, в силу данных нам графом А.Н.Толстым полномочий,

Вячеслав Иванов
А.С. Яценко
Георгий Чулков
Евгений Аничков
Александр Блок.

15 февраля 1911

(ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.682. Л.5-6).

²⁵ РНБ. Ф.634. Ед.хр.217.

²⁶ Там же.

²⁷ Пяст, В. Встречи. М., 1929. С.31.

венного вымысла. Иногда Ремизов придает этому процессу некую постепенность и обрисовывает мотив, взятый из жизни, на самой границе реальности и фантазии, в области, из которой берут начало все ремизовские сны, скрепляющие воедино настоящее и фантастическое. Таковы два сна из лирико-документальной книги Ремизова «Взвихренная Русь». В первом описывается явление Ремизову во сне сотрудника издательства «Сирин» С.Я.Осипова: «С.Я.Осипов в матросском, а поверх золотая венгерка с красными шнурами, а сзади торчит препорядочный хвост, должно быть от барсука отрезан»²⁸. Очевидно, что здесь мотив «обрезанного хвоста» и подразумеваемого под этим проступка совершенно отвлечен от конкретного случая. Тогда как во втором сновидении, в котором Ремизов наблюдает за как будто лишенным всякого смысла разговором Горького и Гржебина, достаточно отчетливо проступают реалии вполне узнаваемой истории:

Входит А.М.Горький, а за ним З.И.Гржебин.

Гржебин в ночном колпаке с аистами.

«Это мне из Германии Вейс привез!» — и прихорашивается.

«Педагогическое средство, — говорит Горький, — только немцы такое и могли сочинить».

«А я Алексею Толстому подарил московский колпак вязанный, безо всего, жалованный колпак».

Обедать надо, а на столе одни обезьяньи хвосты.

«Доктору Владыкину Менелик, негус абиссинский, подарил, — вспоминаю, — Толстого еще судили за это!»

«А зачем хвост обрезал?!» — говорит Горький.

«Это не Толстой, это все Копельман!» — Гржебин закусил от хвоста кончик, и как над спаржей трудится, а хвост крепкий, не поддается²⁹.

Интересно сопоставить приведенное описание сна с версией истории о последствиях маскарада у А.Н.Чеботаревской, сохранившейся в воспоминаниях А.Я.Брюсова. Прежде всего, здесь подтверждается необычайный резонанс, который получил этот эпизод не только в петербургских литературных кругах, но и в Москве. Пересказ московской интерпретации данного происшествия в записях Александра Брюсова сопровождается легким недоверием. И в самом деле, это изложение, явно основанное на слухах, вызывает сомнение, тем более, что в нем приблизительно верно воспроизведенная фабула разыгрывается иными действующими лицами, нежели это было в действительности. Так, чета

²⁸ Ремизов А. Взвихренная Русь / Сост. и вступ.ст. Б.В.Аверина и И.Ф.Даниловой. М., 1991. С.278.

²⁹ Там же. С.299.

Сологубов подменена Мережковскими, а Верховский — поэтом А.С.Рославлевым. Неизменны в этой версии остались лишь роли А.М.Ремизова и Вяч.Иванова, зато злополучная маскарад-ная шкура представлена охотничьей добычей Гумилева из лесов Абиссинии³⁰.

Во сне из «Взвихренной Руси» проявляется излюбленный прием Ремизова, когда фактический материал оказывается наиболее благоприятной почвой для создания мифа, легенды или — на сниженном уровне — литературного слуха, сплетни. Механизм сплетни основывается на эффекте достоверности, достигаемом через пропорционально соразмеренную диффузию действительности и вымысла. Залогом правдивости чаще всего становится конкретное имя.

Характерно, что через сон, напрямую связанный с «судным делом об обезьяньем хвосте», Ремизов не стремится выявить истинного виновника происшествия, исконная правда его вовсе не заботит. Вместо этого наблюдается усиленная ориентированность на слух, молву. Сон как будто фиксирует окончательную форму сплетни, от которой в конце концов, со временем ее бытования, остается лишь «звон», смутное воспоминание, удерживающееся только на реальных именах. Поэтому в сне наблюдается своего рода контаминация правдивых и фантазированных версий.

Признаком правдивого изложения можно считать упоминание достоверного имени: доктор Владыкин, — которое косвенно соотносится с достаточно объективным рассказом Н.Оцупа, приведенным выше. Следует заметить, что Оцуп, принадлежа к более молодому поколению литераторов, не мог быть непосредственным свидетелем событий 1911 года и передает, безусловно, наиболее объективный вариант истории с обезьяньим хвостом, имевший хождение в петербургской литературной среде: «Для какого-то маскарада в Петербурге Толстые добыли через Сологубов обезьянью шкуру, принадлежавшую какому-то врачу». Д-р Владыкин — реальный петербургский врач, однако причастность его к литературному окружению не установлена и употребление этой фамилии в тексте Ремизова могло быть абсолютно произвольным. Тем не менее, документальность этого имени необходима для эффекта «правдивости» сплетни. Появление же во сне абиссинского негуса Менелика, должно быть, определяется, во-первых, ассоциативной связью с московским слухом

³⁰ См.: Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост. и комм. Ю.В.Зобнина, В.П.Петрановского и А.К.Станюкевича. Л., 1991. С.227.

о Гумилеве, якобы привезшем из Абиссинии шкуры обезьян для Мережковских, а во-вторых, реальным фактом поездок Гумилева в Африку, из которых он доставил экзотические материалы для своей коллекции и по заказу Академии наук (1913). Менелик II — историческое лицо, негус абиссинский, родившийся в 1834 и известный своими военными победами. Таким образом, вполне допустимо, что сон Ремизова из «Взвихренной Руси» оказался так или иначе инспирированным московским слухом о маскарадной истории 1911. Единственным достоверным «персонажем» этого сна является А.Н.Толстой как лицо, участвовавшее в реальных событиях, остальные, при абсолютной подлинности их существования, играют здесь роль сонма путанного сновидения.

Закономерно, что мотив «хвоста» использовался писателем и в произведении, написанном полностью по законам художественной прозы. Это была его последняя петербургская повесть «Канава» (авторский вариант названия — «Плачущая канава»), создававшаяся с 1914 по 1918. Почти всех героев этой повести Ремизов наделил чертами своего характера и приметам автобиографии. Антон Петрович Будылин, персонаж, более других породненный с автором, проживает на Таврической, где с сентября 1910 по сентябрь 1915 жил сам Ремизов, он по-ремизовски воспринимает настоящее как сновидение и имеет своеобразное представление о человеческом счастье: «Самым ненавистным было для него всякое принуждение /.../ отпусти ему Бог хвост и обеспечь покойную жизнь, да он, поверите ли, сумел бы обернуться, примостившись где поудобнее, и тихо и смирно помахивал бы он хвостом день и ночь»³¹.

В своей повести Ремизов проводит нечто вроде психологического эксперимента над героем, заставляя его совершить поступок, отдаленно напоминающий тот, в котором сам писатель был обвинен в январе 1911. Внешне такой поступок ничтожен и даже смешон, но нравственно как будто достоин порицания. И если в других произведениях Ремизов обрезанный обезьяний хвост подменял лисьим, барсучьим или каким-то другим, то здесь заменяется само действие: Антон Петрович Будылин неожиданно для самого себя крадет с прилавка магазина маленькую фарфоровую собачку. Чрезвычайно интересно Ремизов описывает душевные рефлексии героя после содеянного: «Вот он, Антон Петрович Будылин, помощник инспектора — мыслитель — премник Шопенгауэра, стянул какую-то фарфоровую собачонку,

³¹ Ремизов А.М. Избранное / Сост. А.А.Данилевский. Л., 1991. С.422.

которой и цена-то грош»³². И он застыдился, но «только совсем не того, что сделал недозволенное и осуждаемое /.../. Если бы был он уверен в безнаказанности, он и не такое бы еще сделал. И кажется, не было греха, который не совершил бы он просто из озорства и любопытства /.../. И застыдился он только оттого, что представил себя уличенным»³³.

Итак, писатель как будто воссоздает ситуацию «дела об обезьяньем хвосте» и представляет обвинение, павшее на него тогда по навету, — справедливым, приближаясь к самым темным глубинам не только вообще человеческой психологии, но отчасти своей, личной. Недаром тот же Антон Петрович, возмущаясь бездушным озорством одного фабричного, вдруг со страхом вспомнит о своей фарфоровой собачке и задумается, потрясенный этим неожиданным сопоставлением. «Самое лучшее, — будет рассуждать этот герой, — конечно, не иметь дела с людьми. Но как это осуществить, когда от людей и можно спрятаться, разве что в могиле. ”И от самого себя!“ — что-то подало голос из самого сердца»³⁴.

Быть может, это самые исповедальные слова Алексея Ремизова, который в прощальном слове Петербургу будто повинился за многие проказы своей жизни. Ведь в «Конституции» Обезвельволпала было написано: «Обезьянья Великая и Вольная Палата — общество тайное, происхождение — темное, цели — свободно выраженная анархия, намерения — неисповедимые»³⁵.

В эмиграции, когда это чувство щемящего, «всеобъемлющего» стыда за то, что было, и за то, чего не было, немного притупится, Ремизов иначе оценит свои проделки: «Петербургскую жизнь вспоминаю с содроганием. Ложь, игра и хвастовство — затягивающий круг, и, чтобы не пропасть в нем, много было истрачено сил. Одно из средств защиты для меня было озорство»³⁶.

Вероятно, третейский суд 1911 года в значительной степени повлиял на ремизовскую градацию шуточных поступков, различающую озорство безобидное и озорство оскорбительное, разъединяющее людей. Именно как озорство, затемняющее человеческие отношения, было расценено Ремизовым поведение графа Толстого, который оказался способным на бездумное подозрение в хотя и смешной, но не делающей чести проказе.

³² Ремизов А.М. Избранное. Указ. изд. С.407.

³³ Там же. С.408.

³⁴ Там же. С.426.

³⁵ Ремизов А. Ахру. Указ.изд. С.49.

³⁶ Цитата воспроизводится по ст.: Lampl H. Remizovs petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // Wiener Slavistischer Almanach, 1982. Bd.10. S.315.

Для повести «Плачужная канава» характерен прием вмешательства авторского голоса в рассуждения героев. Так, Маша Тимофеева, столкнувшаяся в жизни с легкомыслием, назовет это человеческое свойство «гибельным пороком». И тут же авторский голос словно подхватит эту мысль с таким убеждением, с каким говорят, имея личный горький опыт:

Можно бороться и карать вероломство, можно клеймить всякую подлость человеческую, но с бездумьем что вы подаете? Самое на вид безобидное, а внутренне страшнее всякого страха /.../

«А я этого и не знал!»

«А я и не подумал!»

«Вот не думал, что так выйдет!»

Негодяй, да ты думай наперед, а потом делай, а не наоборот, нагадаешь, а когда потычут, и схватишься!³⁷.

Невольно этот эпизод связывается с письмом А.Н.Толстого к Ремизову от 19 февраля 1911:

18.И.[19]11

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, я рад возможности, после выяснения третейским судом известного Вам инцидента, в разбирательстве которого я не преминул опровергнуть Ваше в нем участие, по моей ошибке приписанное Вам, и после Вашего письма к Вячеславу Ивановичу, из которого я вижу, что Вы не затрагивали чистонаправленных моих отношений к вещам в разговоре между нами происшедшем, принести Вам искренние извинения за мои сгоряча сказанные слова, которые совсем не соответствовали моему уважению к Вам. Я хочу надеяться, что заявления в этом письме и на суде загладят последствия неосторожного произведения мной Вашего имени, по ошибке связанного с этим инцидентом, о чем чистосердечно сожалею и извиняюсь.

Примите еще раз уверения в моем глубоком *уважении*.

Гр.Алексей Н. Толстой³⁸.

Таким образом, в повести «Канава» Ремизов возвращает к событию 1911 года, пытаясь вновь осмыслить нравственную сторону истории, ставшей литературным анекдотом. Забавный эпизод послужил материалом для разработки одной из основных тем творчества писателя, которая впервые прозвучала в повести «Крестовые сестры» (1910). В 1931 Ремизов, вспоминая петербургскую жизнь, напишет:

³⁷ Ремизов А.М. Избранное. Указ.изд. С.451.

³⁸ РНБ. Ф.634. Ед.хр.217. Л.3.

«В мае 1920 /.../ я читал главу из моей "Плачужной канавы", где вновь, после "Крестовых сестер", через десять лет, я спросил себя: "что есть человек человеку?" И ответил: "Человек человеку бревно... нет, человек человеку подлец". И еще спросил себя, вдруг вспомнив все-то до последних дней моей жизни и оглянув жизнь в эти наши жгучие бедовые годы, и ответил: "Человек человеку дух утешитель"»³⁹.

³⁹ Ремизов А.М. Десять лет / Публ.Н.А.Кайдаловой и Н.Н.Примочкиной // Литературное наследство. Т.92. Кн.2. М., 1981. С.136.

Г.В.Обатнин
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
Вяч.ИВАНОВА
ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ
О «МИСТИЧЕСКОМ АНАРХИЗМЕ»

Обстоятельства возникновения и распределение ролей в полемике о «мистическом анархизме» достаточно изучены¹. Продолжавшаяся с 1906 по 1909, она явилась одним из первых симптомов литературной и общественной зрелости течения в целом и значительным фактором его самоосознания. Также представляются достаточно исследованными система взглядов, философские истоки и контакты «мистических анархистов» (в первую очередь Г.Чулкова и В.Иванова)². Однако внутренняя динамика развития литературно-общественных взглядов отдельных участников полемики может еще стать предметом рассмотрения.

Относительно В.Иванова помогают отчасти разрешить этот вопрос две группы черновиков, сохранившихся в архиве поэта в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге³. Одна из них посвящена проблемам взаимоотношений В.Иванова с «Весами», другая — с Г.Чулковым, после его известного интервью Е.Семенову для парижского журнала «*Mercure de France*». Попробуем выстроить эти тексты в логико-хронологическом порядке.

¹ См.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы»: К истории издания // Литературное наследство. Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.286 и далее; Лавров А.В. «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1907: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С.156-165; материал по этой теме можно найти в подборке «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» — Литературное наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982; см. также литературу обобщающего характера, посвященную творчеству А.Блока.

² Rosenthal V.G. The Transmutation of the Symbolist Ethos: Mystical Anarchisme and the Revolution of 1905 // *Slavic Review*. 1977. Vol.36. №4 (December). P.608-627.

³ РНБ. Ф.304. Ед.хр.13, 14. В дальнейшем ссылки на эти материалы будут даваться в тексте с указанием номера единицы хранения и листа. При цитировании авторская правка будет учитываться только в случаях, когда это требуется для большего прояснения смысла сказанного.

В первую очередь следует упомянуть о вариантах заявления в редакцию «Весов». Известно, что провозглашенный Г.Чулковым в 1905 «мистический анархизм», поддержанный В.Ивановым в 1906 в предисловии к одноименной книге, постепенно стал для московских символистов, сконцентрировавшихся главным образом в журнале «Весы», знаком раскола единого символистского движения. Печатные выступления «мистических анархистов» (под ними все более понимались «петербуржцы» вообще), группировавшихся вокруг издательства «Факелы» (в том числе сборников того же названия), подверглись резким нападкам на страницах «Весов». Возмущенный полемической атакой критиков журнала на «мистический анархизм», Иванов пишет: «Прошу Вас не отказать одному из прежних ближайших сотрудников в оглашении следующего ответа Вашим полемистам. Характер полемики, наполнив[шей] страницы "Весов" то в форме памфлетов то quasi-критик, делает для меня невозмож[ным] принадлежать к составу участников дорогого мне, в его прошлом, журнала» (Ед.хр.14. Л.5). Вероятная датировка текста: весна — начало лета 1907, период резко усилившейся конфронтации петербургской и московской групп (заметим, что в апреле 1907 из числа сотрудников «Весов» вышел Г.Чулков⁴). Это заявление Иванова, так и не попавшее в печать, является важным свидетельством эволюции его отношения к «Весам». Журнал изначально воспринимался Ивановым как «свой» — например, программная статья поэта «Копье Афины» (1904) писалась как передовая для «Весов»⁵, известно, что ранее Брюсов приглашал Иванова в соредакторы, и т.д. Отвечая на брюсовскую критику первого сборника «Факелы» (в майском номере «Весов» за 1906), Иванов еще занимает дружественную позицию. Отрицая наличие литературной школы «факельщиков» (хотя и употребляя недвусмысленное «мы, факельщики»), т.е. осознавая тем самым еще свою общность с «весовским» кругом, Иванов своим идейным противником считает Д.Мережковского, критическим замечанием которого в свой адрес в книге «Грядущий Хам» он был оскорблен. Полемический выпад против Мережковского в тексте статьи «О "факельщиках" и других именах собирательных» явно имеет целью указать на него как на основного противника единого сим-

⁴ Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С.348. (Письмо Брюсова к Чулкову от 30 апреля 1907).

⁵ См. письмо Иванова к Брюсову от 6(19) сент. 1904: Литературное наследство. Т.85. Указ.изд. С.459. В письме к М.Н.Семенову от 23 ноября 1904 Брюсов охарактеризовал статью Иванова как «результат наших женеvских бесед о "Вессах"» (Альманах библиофила. Вып.25. М., 1989. С.222).

волистского движения (интересно, что именно в это время Брюсов ведет интенсивные переговоры с «троицей» Мережковский—Гиппиус—Философов, планируя разделить с ними редакторство в журнале⁶. В течение года Иванов никак печатно не участвует в полемике, но к весне 1907 его позиция радикально меняется.

Об этом свидетельствует «антивесовский» пассаж в статье Иванова «О веселом ремесле и умном веселии»⁷, в основу которой легла его лекция 14 апреля 1907 на Высших Женских Курсах под названием «Пути и цели современного искусства»⁸. Известно, что основным аргументом весовских критиков было понятие «культуры», и не случайно появление этой статьи Иванова, посвященной проблемам культуры, в одном номере с ответом Эмпирика (псевдоним критика Г.Тастевена) под названием «О культурной критике» на резкие статьи Антона Крайнего и Товарища Германа (псевдонимы З.Гиппиус) «Человек и болото» и «Трихина»⁹. Анализируя современную ему культурную ситуацию, Иванов, в частности, постулировал закат «декадентства» и «парнасизма» (Бальмонт, Брюсов) и зарождение «группы теургов», «мифотворческого» течения в новой русской литературе (Городецкий, Ремизов, Блок, Кузмин и др.). Вполне в русле «золоторушной программы» звучали следующие слова из статьи: «Мы не верим этим друзьям культуры, как расчищенного сада и вспаханного огорода на упроченной за собственником земле. Мы возлагаем надежды на стихийно-творческую силу народной, варварской души». И далее — прямой выпад против «Весов»: «Мы боимся иной опасности — опасности от "культуры". Те, кто организуют партии и их победы, еще не призваны тем самым организовать народную душу»¹⁰. Этот пассаж не прошел незамеченным, в письме Иванову в конце июля 1907 Брюсов писал: «Я очень ценю и читал с большим наслаждением твою новую статью в "Золотом руне", но вынимая из нее пять-шесть строк "ми-

⁶ См.: Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Указ.соч. С.290-293. См. также недатированный карандашный черновик письма Иванова к Мережковскому, посвященного этому конфликту (ИРЛИ. Ф.607. Ед.хр.118. Л.118).

⁷ Золотое руно. 1907. №5. С.47-55. Вошла в сб. статей В.Иванова «По Звездам» (СПб., 1909). Статья была задумана в феврале 1906 и должна была включать в себя разбор книги стихов Брюсова «Stephanos». (См.: Литературное наследство. Т.85. Указ.изд. С.492-493).

⁸ Золотое руно. 1907. №5. С.47. См. приглашение на лекцию в письме Л.Д.Зиновьевой-Аннибал А.М.Ремизову (РНБ. Ф.634. Оп.1. Ед.хр.111. Л.6) и телеграмму Иванова К.Сюннербергу (ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.144. Л.1). Лекция упоминается в статье Д.Философова «Дела домашние» (Товарищ. 1907. 23 сентября. С.3).

⁹ Весы. 1907. №5. С.53-58; 68-72.

¹⁰ Золотое руно. 1907. №5. С.55.

стически-анархистских“¹¹, совершенно не идущих к делу»¹¹. Все это, в совокупности с готовностью выйти из состава сотрудников журнала (см. выше текст заявления), позволяет сделать вывод о том, что весна—лето 1907 для Иванова — период наиболее резкого неприятия политики и идеологии «Весов».

Однако намерениям Иванова не суждено было воплотиться в жизнь, и его солидарности с Г.Чулковым был нанесен удар. 16 июля 1907 в «Mercure de France» под рубрикой «Русские письма» вышла статья Е.Семенова «Анархический мистицизм» («Le Misticisme Anarchique»). Прочитав интервью с Чулковым во французском журнале, Иванов пишет два возмущенных письма в редакции «Весов» и, вероятно, газеты «Товарищ». Приводим текст заявления в газету:

Мил[остивый] Гос[ударь] Г.Редактор. Прошу Вас поместить в Вашей ув[ажаемой] газете следующее заявление. На страницах жур[нала] Mercure de France гг.Е.Семенов и Г.Чулков говорят как о моих лично воззрениях и целях руководимого мною изд[ательства] «Оры», так и о направлении, обозначае[ом] мистич[еским] анархизмом, каковое я, в точно определенном моим[и] статьями смысле, признаю вообще соответствующим моим религиозно-философским взглядам.

С утвержд[ениями], формулированными в назван[ной] статье франц[узского] журнала, я соверш[енно] не согласен, и мое отношение к этой статье — не отношение солидарности, но отношение протеста.

Прошу издания, интересую[щиеся] движ[ением] мист[ического] анарх[изма], перепечатать это заявл[ение]

(Ед.хр.13. Л.2)

Характерно, что начало заявления Иванова во «враждебные» «Весы» не менее резко:

М[илостивый] Г[осударь] г.Ред[актор]. Прошу Вас напечатать в «Весах» следующее заявление.

Г.И.Чулков, на страницах Mercure de France (16 Juillet, 1907), не только имеет развязность приписывать себе провозглашение идей, относительно кот[орых] он в праве был бы утверждать: «мне принадлежит заслуга их наименования (“мист[ическим] анархизмом“), их искажения и их рекламирования»; Г.И.Чулков не только выбрал [?] себя единственным властителем наших дум и единым [?] главою «Факелов»: Г.И.Чулков идет еще дальше .

(Ед.хр.13. Л.1, текст не закончен).

Таким образом, Иванов опять поворачивается лицом к «Весам».

¹¹ Литературное наследство. Т.85. Указ.изд. С.501.

Что же именно так возмутило Иванова в статье Семенова и Чулкова? Отвечая на этот вопрос, надо в первую очередь указать на восприятие ее как симптома раскола единства позиций Иванова и Чулкова. Изложению своих несогласий с Чулковым Иванов, видимо, намеревался посвятить отдельную развернутую статью — от нее сохранилось два черновика. Объясняя причины своего намерения прекратить «дальнейшее сотрудничество с Г.И.Чулковым в "Факелах"» (Ед.хр.13. Л.5), Иванов пишет в карандашном варианте: «Побуждает меня к отделению от Г.И.Чулкова просто его стремление к независимости, достигшее, на мой взгляд, той напряженности, которая заставляет и меня оградить свою собственную независимость. Это сказалось в его письме в "Mercure de France", с которым я не согласен во всем, и которое не желаю прикрывать тенью кажущейся солидарности, предполагаемой a priori в случае подобного практического выступления, аналогичного манифесту группы и, однако, безусловно единоличного и произвольного» (Ед.хр.13. Л.6). Во втором, написанном чернилами, черновике той же статьи эта тема проводится под маской язвительного развенчания мифа об «учительстве» Иванова (и соответственно — «ученичестве» Чулкова): «Г.И.Чулков делает мне честь рекомендовать меня на стр[аницах] Mercure de France, провозглашая не только как "poète de talent", но и как своего учителя ("mon ami et maître"). Эта честь мне представляется опасной, и я, что редко бывает со мной, берусь за перо из чувства самосохранения. В самом деле, до сих пор я чувствовал литературную ответственность только за свои собственные мысли и свои собственные слова. Но учительство обязывает, и я должен быть готов к ответу, чему я научил Г.И.Чулкова и право ли наставлял его» (Ед.хр.13. Л.4)¹². Далее, последовательно анализируя интервью с Чулковым, Иванов показывает, что тот приписывает только себе честь создания теории «мистического анархизма», тем самым снимая ответственность с Иванова: «Он утверждает, что единственно он, Г.И.Чулков, провозглашал тот сложный комплекс идей, кот[орый] бросает новый свет на проблему личности и дает новую формулу прогресса¹³. (Помилуй Бог при-

¹² В стихотворении «Поэт», посвященном Вяч.Иванову, Чулков обращался к нему: «О, друг и брат и мой вожатый, // Учитель мудрый, светлый вождь...» (Чулков Г. Весною на Север: Лирика. СПб., 1908. С.17). Иванов, видимо, сразу скептически отнесся к этой идее, см. запись в дневнике от 2 июня 1906: «Приходит Чулков, мой "ученик", как он теперь говорит» (Иванов Вяч. Собр.соч. Т.2. Брюссель, 1974. С.475).

¹³ Обигрывается точное выражение Чулкова, см.: Séménoff E. Lettres Russes: Le Mysticisme Anarchique // Mercure de France. 1907. 16, Juillet. P.362.

тязать мне на славу таких открытий!) /.../ Правда, у меня есть также и своя "концепция мист[ико] анарх[ической] идеи, которая немного отличается"¹⁴ от концепции Чулкова. Какова она, Г.И.Чулкову оказалось сообщить миру не стоящим труда» (Ед.хр.13. Л.3об). Отсюда естественными выглядят и искажения, которые допустил Г.Чулков при упоминании концепции В.Иванова. В условиях спада революционных настроений особую критику Иванова вызывает высказывание Чулкова о «политическом индифферентизме»¹⁵ поэта: «Правда, о моем полит[ическом] индифферентизме Г.И.Чулков сказал ложь; но, несомненно, без злого умысла, а просто так, по небрежности, будучи поглощен формулировкой своей идеи, /.../ и не имея дост[аточно?] тщательн[ости] отнестись к подробностям» (Ед.хр.13. Л.3об.). В карандашном черновике он писал более определенно о своем отношении к общественной деятельности: «Системат[ическая] деятельность полит[ического] и социал[ьного] характера не только не вытекает из сущности мист[ического] анархизма, но противоречит ей, *теоретически* является для анархиста-мистика непоследовательностью, хотя /.../ эта непоследовательность /.../ не только допустима, /.../ но и может быть бесконечно ценнее последовательности невмешательства в работу общест[венного] строительства» (Ед.хр.13. Л.9-9об.).

В условиях размежевания с Чулковым большую тревогу у Иванова вызывает смещение в статье его личного литературно-издательского предприятия с начинаниями, условно говоря, «мистико-анархическими». Это главным образом касается издательства «Оры»: «Новая неожиданность: мое литер[атурное] зачатие "Оры", которые, как правильно замет[ил] Г.И.Чулков, только [?] приветствуют первые [1 нрзб.] шаги по направлению к мифотворчеству, являются литер[атурным] наследством мист[ического] анархизма, созданного Г.И.Чулковым» (Ед.хр.13. Л.4). В карандашном черновике добавлено: «Более того, как бы непосредственно связанными с творчеством самого Г.И.Чулкова как создателя доктрины и *primo motore* "Факелов"» (Ед.хр.13. Л.7). Возможно, эти опасения были подогревы отрицательной рецензией А.Белого на сборник «Цветник Ор. Кошница первая»¹⁶, свидетельствующей об имплицитном отождествлении задач «Ор» и «Факелов».

¹⁴ Неточная цитата из интервью Чулкова, см.: Ibidem. P.363.

¹⁵ Известно, что сам Чулков напрямую связывал свой комплекс идей с революционным подъемом в обществе, как бы абсолютизируя саму идею бунта.

¹⁶ Весы. 1907. №6. С.66-69. Иванов был возмущен рецензией — см. его письмо к Брюсову от 4 августа 1907 (Литературное наследство. Т.85. Указ.изд. С.502).

Таким образом, В.Иванов к середине лета 1907 оказался внутренне в весьма сложном положении. Четко прояснив вначале свои взгляды как противника «весовского» полемического направления, он столкнулся с невозможностью полноценно сотрудничать и с Г.Чулковым. Ситуация осложнялась также и тем, что именно летом 1907 развернулся процесс острой поляризации позиций московской и петербургской групп символистов: в августе 1907 из «Золотого руна» выходит значительная часть известных писателей, сотрудничавших до этого времени в обоих журналах (Брюсов, Белый, Гиппиус, Мережковский и др.), а приобретающий все большее влияние в «Золотом руне» критик «петербургского» направления Г.Гастевен осенью 1907 начинает интенсивные переговоры с Ивановым, пытаясь привлечь его в журнал с самыми широкими полномочиями¹⁷. Добавим, что к форсированному поиску решения этих проблем подталкивало и личное состояние Иванова, для которого лето и осень в Загорье становятся временем прояснения ряда острых жизненных вопросов¹⁸.

Совокупность этих внутренних и внешних факторов обусловила проблематику и идейную структуру статьи «*Devorce ou séparation de corps?*»¹⁹ Сохранилось три черновика и масса разрозненных перечеркнутых подготовительных записей к ним. Два наброска (карандаш и чернила) представляют собой, по сути дела, черновик и неоконченную попытку чистовика одного и того же текста (различия между ними не принципиальные), третий черновик, видимо, более ранний, имеет иную последовательность изложения, выступающую идейным субстратом для первых двух. Кроме того, остался набело переписанный первый абзац статьи (Ед.хр.14. Л.3).

Третий («самостоятельный») черновик начинается резкими инвективами против «Весов»: «Я, один из катилинариев, именуемых „мистическими анархистами“, я, „петербургский Фюретик“²⁰, я, собравший кошницу „Ор“ не по вкусу и не по мысли Андрея Белого и единый из „богов“ в „Пантеоне пошлос-

¹⁷ См.: Лавров А.В. Указ.соч. С.164.

¹⁸ См.: Дешарт О. Введение // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т.1. Брюссель, 1971. С.117-120.

¹⁹ «Развод или раздельное жительство супругов?» (*фр.*) В названии использованы французские юридические термины.

²⁰ Персонаж статьи Белого «Химеры» (Весы. 1905. №6. С.9-11), в котором Иванов узнал себя; его полемический отклик — статья «О „Химерах“ Андрея Белого» (Весы. 1905. С.51-52; см. также: Белый А. Разъяснение В.Иванову // Весы. 1905. №8. С.45). Ответ Белого не удовлетворил Иванова (см. письмо к Брюсову от 20 сентября 1905: Литературное наследство. Т.85. Указ. изд. С.486).

ти²¹, я, товарищ поэта Г.Чулкова по "Пантеону пошлости", каковым отразились "Факелы" в разумении г.Эллиса, и мист[ический] реалист, подобно запутанно-бедн[ому] Бердяеву, также сотовари[щу] по списку сотрудников²², желаю полемистам "Весов" радоваться и читателей, по природе своей кротких, радовать.

Товарищи мои по "Весам", не удивляет ли Вас мое долго-терпеливое присутствие в среде Вашей?» (Ед.хр.14. Л.6).

Однако такое решительное вступление, соответствующее настроениям Иванова до периода внутреннего отмежевания от позиции Г.Чулкова, сменяется артистически продуманным поворотом к «Весам». Приводим текст статьи, написанный чернилами.

Devorce ou séparation de corps?

Читатель, естественно предполагающий, что журнал не механический аггломерат, а наоборот единство, организм, одушевленный одним движущим принципом, часто бывает поставлен при чтении «Весов» перед дилеммой: или не придавать серьезного значения взаимопроверочающим заявлениям его сотрудников и предположить, что всё это — противоречивая намеренная игра, шутка, маскарад, — или признать, что «Весы» — вовсе не журнал²³.

²¹ «Пантеон современной пошлости» — название статьи Эллиса о второй книге «Факелов» (Весы. 1907. №6. С.55-62).

²² Н.А.Бердяев числится в списке сотрудников «Весов» (с №1 по №7). В развернувшейся полемике в статье «Декадентство и мистический реализм» (Русская мысль. 1907. №6. С.114-123) он попытался занять промежуточную по отношению к двум лагерям позицию: констатируя, с одной стороны, кризис декадентства, он не принимал и «мистического анархизма». Теоретические положения статьи Бердяева в ряде вопросов близки взглядам Иванова этого периода (учение о теургии, представление о кризисе «декадентства», специфически-символистское понимание реализма и т.п.). Московский лагерь символистов откликнулся на это выступление Бердяева отрицательной заметкой Эллиса «В защиту декадентства» (Весы. 1907. №8. С.69-71). В критической реплике на нее о неправомерности смешения «мистического реализма» Бердяева с «мистическим анархизмом» писала З.Гиппиус (Из дневника журналиста // Русская мысль. 1908. №2. С.158).

²³ В карандашном варианте далее фрагмент, не отраженный в приводимом варианте: «Недоумение напрасное, ибо принцип объединяющий в "Весам" все же есть, хотя для объяснения их разногласия уже нельзя более ссылаться на знаменитое изречение о разногласье воля, что меж собой согласны: столь не согласуемы сотрудники "Весов" не толь[ко] друг с другом (напр[имер], Брюсов и Бальмонт с одной стор[оны] с — "неохристианами"-иоаннит[ами]), но подчас с своими же двойниками (см. развертывающийся на страницах "Весов" дневник неврастении Андрея Белого). Но объединяющий и одушевляющий хаотич[еское] скопление принцип, говорю я, несомненно, есть, и если он мало-помалу из движущего перешел в охранительный, это б[ыть] м[ожет] печально с точки зрения искателей и путников в мысли и творчестве, но в целях самосохранения журнала

Недоумение читателя подчас и еще обостряется, и соблазнительно предстает и писателю, числящемуся в составе сотрудников «Весов»; и тогда ему необходим[о] чрезвычайное углубление в сущность и значение дела «Весов» и целая историчес[кая] перспектива Движения, ими озаменованного, чтобы стать выше всего «человеческого, слишком человеческого»²⁴ в «Весах» и всего эфемерного, что к ним прилипает, как грязь к одежде кейника [?], решившего потрудиться на проезжей дороге.

«Весы» были задуманы и теперь еще хотят остаться свободной трибуной (*liber tribunae*) основного кружка, членам которого представляется «мечтать и заблуждаться» на его страницах, как они хотят, а также устраивать друг другу, при желании, апофеозы и кошачьи концерты. Правда, «Весы» вышли из возраста юношеских увлечений, но ведь дело идет преимущественно о поэтах, существах аномальных и во многих отношениях невменяемых. Поэтому позволительно им было бы (пусть молодясь) сослаться на изречение: «*Wenn sich der Mord auch ganz absurd gebärdet, es qibt zuletzt doch noch neu Wein*». Это, видимо, памятует, напр[имер], Бальмонт, долготерпеливо не обижающийся на тон полемик, направляемых против него от времени до времени из метрополии нашего теперь уже (*ehu fugaces, Postume, Postume, labuntur anni !..*²⁶) столь академического по своим интимнейшим тяготен[иям] недавнего [?] модернизма. Притом и римляне, у которых всегда есть чему почитать в науке характера, не напрасно учредили обычай, чтобы за колесницей триумфатора шли насмешники и обидчики и более или менее [нрзб.] старались посбавить спеси с торжествующего победителя²⁷: Валерий Брюсов не даром любит римлян.

Такие размышления приходят на ум писател[ю] (прежде ближайш[ему] сотрудн[ику] Весов), кот[орый] даже на страницах газет (см. напр[имер] «Русь») слышит запросы о противо-

даже полезно. Иногда коллектив[ный] организм, подобно Австро-Венгрии, отличается огромной устойчивостью. Принцип этот в данном случае просто сила товарищеских уз, объединяющих основную группу сотрудников, которые когда-то вместе стремились и мечтали и для кот[орых] "Весы" не звук пустой, а когда-то вместе облюбованное идей[ное] дело, — дело оживл[ения] и обновления [1 нрзб.] поэзии» (Ед.хр.14. Л.9-9об.). Под «дневником неврастении» Андрея Белого подразумевается главным образом цикл его полемических статей «На перевале», печатавшийся в «Весах» с января 1906.

²⁴ Название книги Ф.Ницше (1878).

²⁵ «Даже если убийство выражается в совершенно абсурдных формах, то в конце концов всегда остается новое вино» (*нем.*).

²⁶ Цитата из Горация (*Carmina II, 14, 1*). Перевод Я. Голосовкера: «О Постум, Постум, льются, скользят года!..»

²⁷ Вероятно, намек на статью А.Горнфельда «Торжество победителей» (Товарищ. 1907, 23 августа) и ответную статью Брюсова (В.Бакулина) того же заглавия (Весы. 1907. №9. С.53-57).

естественной «страстной дружбе меж[ду] В[есами] и ”Орами“»²⁸ (т.е. его личным литературным зачинанием, раздражающим) Андрея Белого, критика Весов)²⁹. В самом деле, можно ли терпеть сотрудн[ику] оскорбления своего [?] или дорогих [ему?] имен и литературных зачинаний, с которыми связано его имя, в полемиках дурного тона, наводнивших «Весы», — и не отложиться от метрополии?

Кажется, все еще можно. Ибо тесны узы прошлых воспоминаний, и нехорошо быть покинувшим товарищескую группу, начавшую пусть уже изменившееся, но все еще живое движение с целью обновить нашу поэзию. Кажется, еще должно: ибо несправедливым могло бы это действие показаться дружеской *редакции*, предоставляющей свой журнал мне, катилинарию, утверждать, что хотя бы группа мист[ических] анархистов оказалась фиктивной, но мист[ический] анарх[изм] существует, ибо типично для Души современности им мыслить одноврем[енно] мистически и анархически, — и моим цицеронам: если бы я желал и мог по внутр[еннему] закону своему, о мои [?] полемисты, я бы имел [?] фантас[тическую?] возмож[ность] оказаться равно с вам[и] непристойным на страниц[ах] Вес[ов].

Да и вообще не следует нам, называясь модно «модернистами» [1 нрзб] употребляя [1 нрзб.] провинциализм [1 нрзб.]³⁰ не следует нам затевать *bellum omnium contra omnis*³¹ в нашем литерат[урном] подп[олье]. Красивее поссоримся мы со временем на людях. Менее же всего подобает раскалываться, ибо ссора с полбеды, а раскол — уже тесная дружба, уже группировки, уже следов[ание] суммированию и нивелирова[нию] своих взглядов и стремлений. Да и что за группиров[ание] в группы из двух или 3 [?] человек. Будем дорожить завидной для малы[х] [?] привилегией жить вразброд: это привилегия подполья.

Итак, признаем, что «Весы», не в пример проч[им], журнал *sui generis* — что «Весы» — дорогая нам всем земля и причём вниматель[ного] читателя изучать подп[иси] под нашими статьями. Тогда мы представим умилительное для соврем[енни-

²⁸ Имеется в виду редакционная анонимная заметка: «Своеобразные дружеские отношения существуют между издательством ”Оры“ и журналом ”Весы“. С одной стороны ”Весы“ постоянно помещают публикации об ”Орах“, Валерий Брюсов участвует в ”Цветнике Ор“; с другой стороны те же ”Весы“ помещают прозрачную статью ”Штемпелеванная калоша“» (Русь. 1907. 14/27 июня. С.5; имеется в виду статья Бориса Бугаева «На перевале. VII. Штемпелеванная калоша», в гротескном тоне критикующая «мистический анархизм» — Весы. 1907. №5. С.49-52).

²⁹ Видимо, имеется в виду упомянутая рецензия Андрея Белого на «Цветник Ор».

³⁰ В карандашном черновике этому месту соответствует: «Но я нахожу, во-первых, что все мы, которых обозначают в более людных столицах модернистами, а в провинции все еще [2 нрзб.] ”декадентами“, слишком много ссоримся и раскалываемся» (Ед.хр. 14. Л.6).

³¹ Войну всех против всех (*лат.*).

ков] и пот[омков] зрел[ище] — happy family (клетка, где приучены к мирному сожительству кошка и птичка, кролик и лисица)³². Нет, я буду потихоньку презирать выходки Эллиса и сострадать истерикам и судорогам Андрея Белого. Я даже буду вслушиваться в его крит[ические] суждения (м[ожет] б[ыть] извлеку из них кое-какие [?] набл[юдения] о законах дурного вкуса или подч[инении] нашего разума волевым [?] мотивам), буду вслушиваться потому, что ведь он может невзначай прозреть и ценное — его же был реализм [?] указать на музыкальность Чехова³³. Буду молчать и утешаться учреждением моей свободной метрополии: радика[льным] проведен[ием] принци[па] selfgovernment'a³⁴, милым habeas corpus ограждающим мои статьи, застрахова[нные] мою подписку, от вторжения случайных соседей. Ибо раздражени[я] пленной мысли и желчи минуются, а искания искрен[ние] останутся, а потому: [останутся, я верю, и «Весы»] «*vivat Libertas*».

(Ед.хр.14. Л.1-2).

Текст мог быть написан не ранее лета — не позднее осени 1907. Однако эту датировку можно попытаться уточнить. Нетрудно заметить, что общая направленность и ряд идей статьи Иванова совпадают с положениями статьи Д.В.Философова «Дела домашние»³⁵, где полемика о «мистическом анархизме» рассматривается как частное дело небольшой группы малоизвестных литераторов (ср. с «литературным подпольем» в терминах Иванова), у которых гораздо более общего, чем различного. Статья Философова, напечатанная в том же номере газеты «Товарищ», где были помещены «письма в редакцию» Иванова и Чулкова, не могла пройти для поэта незамеченной. Возможно, именно эта схожесть позиций Иванова и Философова послужила основой для приязненного отзыва о последнем в карандашном черновике: «А принцип selfgovernment'a позволит мне хотя бы для

³² В карандашном черновике сказано более ясно: «... читат[елям] "Весов" должно, по-видимому [?], раз навсегда привыкнуть к изучению подписей под статьями. Иначе они будут в постоянном недоумении от противоречий, уживающихся [ся] рядком кошки и птички, лисы и кролика, что показывают в Англии под названием happy family» (Ед.хр.14. Л.60б.).

³³ В статье «Вишневый сад» А.Белый писал: «Дух музыки проявляется весьма разнообразно. Он может равномерно пронизывать всех действующих лиц данной пьесы. Каждое действующее лицо тогда — струна в общем аккорде. "Пьесы с настроением" Чехова музыкальны» (Весы. 1904. №2. С.47).

³⁴ Схожую идею Иванов высказывал еще в 1905, отвечая на проекты Брусова расширять «Весы»: «De facto, однако, журнал будет по-прежнему органом двух. Другие автономные сотрудники — будут как бы провинциями с self-government» (письмо от 29 августа 1905: Литературное наследство. Т.85. Указ. изд. С.479). Self-government — самоуправление (англ.).

³⁵ Философов Д. Дела домашние // Товарищ. 1907. 23 сентября. С.3.

красивого усилен[ия ?] наш[его] разноголо[сья] в недалеком будущем поговорить [1 нрзб.] о "мист[ическом] анархизме" — конечно, не с [памфлетистами] "Весов", главным образом старающихся [1 нрзб.] рекламировать слишком ожесточенно [свою] брань [моего товарища по "Факелам"] Георг[ия] Чулкова, а, напр[имер], с таким противником, как Д.В.Философов, с кот[орым] и поспорить приятно и не бесполезно» (Ед.хр.14. Л.8об.). В таком случае временем создания статьи можно считать конец сентября 1907³⁶.

Прояснить свою позицию в полемике Иванов стремился и в переписке с Брюсовым (письма из Загорья от 4 августа и 27 сентября 1907³⁷). В этих документах немало общих доводов и соображений, которые налицо в публикуемых черновиках, что косвенным образом подтверждает правильность нашего предположения.

В заключение следует отметить, что обрисованная позиция Иванова (возобновившееся симпатизирование «Весам») была только моментом в осознании его роли в полемике о «мистическом анархизме», находившейся осенью 1907 в самом разгаре. Приводимые нами тексты остались незавершенными и неопубликованными, а позиция, обозначенная в них, — нереализованным скрытым движением Иванова³⁸.

³⁶ В это же время вышел №9 «Весов» с ответом Брюсова на статью А.Горнфельда «Торжество победителей». На эту полемику Иванов намекает в тексте своей статьи (см. выше). Это является дополнительным аргументом в пользу нашей датировки.

³⁷ Литературное наследство. Т.85. Указ. изд. С.501-506.

³⁸ Осталось нереализованным и предполагавшееся позднее осенью того же года соредакторство Иванова в «Золотом руне» (проект его опубликован А.В.Лавровым, см. Указ. соч. С.165).

А.Ф.Белоусов
**«Я ХОЧУ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ
С КЕМ-НИБУДЬ ИЗ ПОДРУГ
ПО "ЗАДУШЕВНОМУ СЛОВУ"»**

Письмо Нади Павлович

Среди писем юных читателей и читательниц «Задушевного слова», опубликованных в «Почтовом ящике» журнала для детей старшего возраста, мне встретилось следующее письмо:

Дорогие подруги по «Задушевному слову»! Я не имею маленьких сестер и братьев, но у меня взрослые брат и сестра. Я очень люблю читать. Я прочла «Принц и нищий», «Маленькие женщины», несколько баллад Жуковского и много других книг. Я получила на свое рождение 17 сентября «Задушевное слово» для старшего возраста. Мне понравились в нем «Княжна Джаваха», «Лилия» Л.А.Чарской, «Дар принцессы Изольды» Зореч и «Истинно Человек Этот был праведник» Поднозовой. Я хочу переписываться с кем-нибудь из подруг по «Задушевному слову». Я живу в Лифляндии, в И[ени] Старо-Пебальге, здесь все говорят по-латышски, но я не умею. Мне 8 лет.

Надя Павлович¹

Это — первое выступление в печати поэтессы, автора мемуаров о Блоке, духовной дочери последнего оптинского старца Нектария, много сделавшей для нынешнего возрождения Оптиной Пустыни, Надежды Александровны Павлович (1895-1980).

Она родилась и провела детские годы в Лифляндской губернии. Здесь по судебной части, преобразованной в соответствии с начавшейся при Александре III русификацией Остзейского края, служил ее отец, Александр Феликсович Павлович. В то время, когда Надя Павлович писала свое письмо, он был участковым мировым судьей, камера (канцелярия) которого помещалась в принадлежавшем потомкам фельдмаршала Б.П.Шереметева Вещниебалгском имении (русифицированное название — Старо-Пебальг). Однако русских поблизости жило очень мало, русских же детей вообще не было, и потому обычный круг общения маленькой девочки ограничивался одними лишь старшими Павловичами. Это

¹ Задушевное слово: Журнал для детей старшего возраста. Т.44. 1903-1904. №3. С.11 (изд.обл.).

объясняет сам факт появления ее письма в «Задуманном слове» и его смысл: найти друг и тем самым преодолеть свое одиночество. Оно запомнилось на всю жизнь. «Росла я очень одиноко: в нашем большом доме, с анфиладой комнат, в пустынном саду и шереметевском парке. Ближайшие дети, с которыми я общалась, были дети доктора, жившие в 5 верстах от нас. Виделись мы только на праздниках. Иногда летом приезжали племянники и племянницы управляющего имением, и я с ними играла. Обычно же я целыми днями была одна или со старшими», — вспоминала много лет спустя Надежда Павлович в своих мемуарах, переданных ею в 1955 вместе с другими материалами на хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома².

Есть в этих мемуарах и другие эпизоды, которые так или иначе подтверждаются письмом восьмилетней девочки. Судя по тому, что из всех материалов годового комплекта «Задуманного слова» ею — кроме прочего — выделен апокрифический рассказ М.Поднозовой³, можно предположить, что она уже действительно пережила описанное в воспоминаниях Надежды Павлович потрясение от знакомства с евангельской историей, вследствие чего Христос стал ее «собеседником» и «советчиком». Еще определеннее свидетельствуется об увлечении поэзией Жуковского, которого любила и часто читала наизусть мать будущей поэтессы.

А между тем в письме не упомянут Лермонтов, самый «звук стиха» которого, как вспоминала Надежда Павлович, «запал» ей «в душу с раннего детства»: «Однажды приехал из гимназии брат. Он позволил мне разобрать его чемодан. Я увидела книгу в черном переплете. Это был Лермонтов. Я раскрыла ее на той странице, где был "Воздушный корабль"⁴, и стала читать вслух. Мне было лет 7. Все мое существо было потрясено. Мне впервые раскрылась поэзия⁴. Отсутствует здесь и чем-то «взволновавший» мемуаристку в детстве «Фауст», нет любимых ею детских переложений Вальтера Скотта, не названы даже сказки братьев Grimm, Перро и Андерсена. Вместо всего этого восьмилетняя Надя Павлович перечисляет ряд произведений, которые по своей культурной значимости (а вернее сказать — авторитетности) явно уступают литературному ряду из написанных гораздо позднее мемуаров. Это, конечно, касается не столько романов Марка Твена или

² ИРЛИ. Ф.578. Архив Н.А.Павлович. Из воспоминаний (машинопись с исправлениями автора). Л.5.

³ Поднозова М. Истинно Человек Этот был праведник // Задуманное слово: Журнал для детей старшего возраста. Т.43. 1902-1903. №31. С.494-496; №32. С.510-512; №33. С.519-524.

⁴ ИРЛИ. Ф.578. Из воспоминаний. Л.6.

Луизы Олкотт, чьи «Маленькие женщины» остаются детской литературной классикой, сколько произведений таких постоянных авторов «Задушевного слова», как Н.Зореч (псевдоним Надежды Шлегель)⁵ и Лидия Чарская⁶.

Видимо, мемуаристка не слишком точна в датировке своих литературных интересов и пристрастий⁷. Однако дело не только в этом. Из сопоставления письма Нади Павлович с ее позднейшими воспоминаниями выясняется, что они принадлежат к весьма распространенному типу мемуарной ретроспекции, когда духовное развитие человека изображается в виде последовательного (а зачастую — и ускоренного) восхождения к литературным и иным культурным «вершинам». Этой схеме противоречит содержание письма в «Задушевное слово». Мало чем выделяющееся на общем фоне других писем из «Почтового ящика» популярного детского журнала, оно, тем не менее, лишний раз свидетельствует о том, что автобиографическая легенда никогда не исчерпывает всего разнообразия и богатства реальной человеческой жизни.

⁵ Зореч Н. [Шлегель Н.А.]. Дар принцессы Изольды // Задушевное слово: Журнал для детей старшего возраста. Т.43. 1902-1903. №9. С.133-134.

⁶ Чарская Л.А. Водяная лилия // Там же. №21. С.325. Ее роман «Княжна Джаваха» печатался на протяжении всего года, начиная с №1 и кончая №52, последним номером сорок третьего тома «Задушевного слова».

⁷ Ср.: Литературное наследство. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982. С.506.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абдул-Хамид, султан 99
Абрамкин В.М. 284
Аверин Б.В. 460
Аверченко А.Т. 290, 293
Адлер Ф. 131
Азадовский К.М. 466, 468
Аксаков И.С. 97
Аксельрод П.Б. 150, 151
Александр II, имп. 315, 333, 396
Александр III, имп. 94, 282, 283, 313, 315, 316, 322, 340, 342, 343, 399, 404, 478
Александра Федоровна, имп. 415
Алексеев П.А. 429
Алелеков, свидетель по делу А.М.Ремизова 430
Аллен У.Э.Д. 159
Альтман Н.И. 101
Альфьери В. 259, 261
Амфитеатров А.В. 413, 415
Андерсен Г.К. 479
Андре Ж. 92, 98
Андреев Л.Н. 292, 357, 358, 360, 362, 406, 408, 410, 441
Андреева А.А. 261
Андреева М.Ф. 415
Андреюшкин П.И. 313, 399
Анисимов А.И. 163, 165, 166, 213, 214, 228, 229, 234-236, 252, 255, 256, 260, 261
Аничков Е.В. 442, 455, 459
Анненков П.С. 353
Анненский Н.Ф. 311, 321, 347, 348, 398
* Анчаров-Эльстон А.В. 106
Арабажин К.И. 371, 412, 413
Аретино П. 174, 175
Артемьев А.Р. 439
*Аскольдов С.А. 144
Ауслендер С.А. 181, 184, 218
*Ахматова А.А. 164
*Аш см. Шайкевич А.Е.
Аш Ш. 369-371, 412, 413
Ашешов Н.П. 339, 342, 403
Бабенчиков М.В. 16
Бадулин, ссыльный 434
*Базаров (Руднев) В.А. 413
Базилевская Г. 109
Байрон Дж.Г.Н. 76
Балагуэр В. 98
Балакин А.А. 238
Балаховская-Пети Э. 150, 151
Бальзак О. де 176, 177
Бальмонт К.Д. 45, 159, 215, 216, 440, 468, 473, 474
Банделло М. 178, 179
Баранов Н.М. 321, 400
Баратова Е.С. 85
Баргальи Дж. 178, 179
Бартенева П.И. 89
Басин Я. 405
Батюшков Ф.Д. 413
Баудышова Л. 290
Бахимен, подельник А.М.Ремизова 430
*Бедный Д. 379
Бедье Ж. 247
Безруков, подельник А.М.Ремизова 430

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Бекфорд У. 161, 162, 166-169, 171, 173, 179, 182, 186
- Белей И.М. 91
- Белинский В.Г. 326, 428
- Белодубровский Е.Б. 16
- Белоусов А.Ф. 478-480
- *Бельй А. 17, 159, 183, 184, 448, 471-476
- Беневоленский П.В. 440
- Бенуа А.Н. 163, 209-211, 213, 440, 450, 451
- Берви-Флеровский Б.В. 397
- Бердяев А.Г. 84
- Бердяев А.М. 84
- Бердяев А.С. 87, 97
- Бердяев Г.О. 84
- Бердяев Глеб С. 86, 87, 101, 115
- Бердяев Григорий С. 87, 101
- Бердяев И. 84
- Бердяев М.Н. 84
- Бердяев Н.А. 83-86, 100, 101, 115, 119-124, 125-154, 163, 419, 436, 473
- Бердяев Н.М. 84
- Бердяев Р.Г. 84
- Бердяев С.А. 83-115
- Бердяев Ф. 84
- Бердяев Я.В. 84
- Бердяева Е.Г. 86-88, 95, 97, 100-104, 112-115
- Бердяевы, род 84
- Беренс А. 114
- Беренштам М.В. 136
- Бернанд, писатель 98
- Бернар С. 98, 107
- Бернардино С. 178, 182
- Бернардо, англ. педагог 99
- Бернсон Б. 262, 263
- Бернштейн Э. 128-131
- Бибиков А.Н. 341, 404
- Бильрот Т. 98
- Благовещенский В.Н. 271
- Блок А.А. 10-13, 16, 17, 156, 158, 159, 184, 258, 264, 410, 452-459, 466, 468, 478, 480
- Бобринский А.А. 85
- Бобырь А.В. 281-416
- *Богданов (Малиновский) А.А. 123, 136, 362
- Богданович А.И. 285, 321, 336, 348, 400, 405
- Богданович Н.М. 345, 406
- Бодлер Ш. 81
- Боккаччо Дж. 169, 178, 179, 182
- Болдина Е.Г. 266-280
- Боннар П. 238, 240
- Бонч-Бруевич В.Д. 110, 379, 415
- Бонч-Осмоловская (урожд. Ваховская) В.И. 405
- Бонч-Осмоловский А.О. 345, 405
- Борис Годунов, царь 84, 106
- *Борисов П. см. Струве П.Б.
- Борисов-Мусатов В.Э. 14, 156
- Бородаевский В.В. 451
- Бостром А.Л. 341, 404
- Боттеро, журналист 100
- Браунинг Р. 186
- Брешко-Брешковская Е.К. 345, 405
- Бродский Л.И. 95
- Брокгауз Ф.А. 85
- Бронте Э. 161, 165, 246, 247, 249, 251, 253, 255, 260, 263
- Бруно Дж. 96
- Брюсов А.Я. 460
- Брюсов В.Я. 13, 17, 97, 159, 162, 169, 178, 210, 223, 255, 259, 260, 440, 441, 466-468, 471-475, 477
- Брягин А.И. 197, 206
- Брягин Е.И. 197, 205-208, 210-212, 214, 215, 219, 220, 233, 234, 235, 244, 247, 248
- Брягин Н.И. 166, 197, 198, 200-203, 206, 208, 222, 223
- Бугров Б.С. 281
- Будилович С.А. 114
- Булгаков С.Н. 119-121, 123, 126, 130, 143, 144, 149-151, 153
- Булич, ссыльный 433
- Бунин И.А. 104, 358, 406, 408
- Бурцев В.Л. 289
- Бут (Бутс) У. 100
- Бутковская Н.И. 12
- Бьернсон Б.М. 106

- Ваганова И.В. 155-265
- *Вагинов К.К. 40, 46
- Вайнберг И. 415
- Варлен Л.Э. 429
- Василенко К.П. 141
- *Васильев А. (Сурков А.) 141, 142
- Введенский А.И., поэт 40
- Введенский А.И., философ 130
- Вейнберг П.И. 406
- Венгеров С.А. 10, 85, 87, 403, 420, 445-447
- Венгерова З.А. 150, 151
- Веселовский А.А. 87, 102
- Веселовский А.Н. 87, 102
- *Вересаев В.В. 284, 358, 408
- Верлен П. 97
- Верн Ж. 439
- Вертинский А.Н. 100, 101
- Верхарн Э. 422
- Верховская А.П. 456
- Верховский Ю.Н. 453-456, 458, 461
- Виктория, королева 98
- Вилинская-Маркович М.А. 329, 401
- Вильборг А. 231
- Вильбушевич Е.Б. 42
- Виндельбанд В. 127, 129, 133-136, 140, 143, 144, 147
- Винье, антиквар 239
- Виньи А.В. де 98
- Владыкин, врач 460, 461
- Власенко М. 130
- *Вовчок М. см. Вилинская-Маркович М.А.
- Водовозов В.В. 114, 115, 139, 141, 143, 153
- Водовозов Н.В. 141
- Водовозова М.И. 141
- Воейков С.В. 408
- Волков Д.С. 427, 432
- Волконский М.Н. 141, 142
- Волошин М.А. 5-9, 13
- *Вольнский А.Л. 88, 97, 102, 134, 369-371, 412
- Вольтман Л. 124-126
- Воровский В.В. 413
- Вороной (Вороный) М.К. 98
- Вошинский З. 88, 98
- Врангель Н.Н. 13
- Врубель А.А. 15
- Врубель М.А. 10, 12, 15, 16, 156, 266
- Вундт В. 137
- Высоцкий Ф.Д. 231, 236, 237
- Вюляр Э. 238, 240
- Вяземский Л.Д. 347, 406
- *Гаварни П. (Шевалье С.Г.) 193, 194
- Гагарин Г.Г. 200
- Гагарина, кн. 199, 200
- Гайдамака Д.А. 109
- Гайдебуров П.А. 402
- Гарibaldi Дж. 96
- *Гарин-Михайловский Н.Г. 341, 404, 406
- Гаршин В.М. 87, 97
- Гауптман Г. 107, 146, 361, 410, 431, 442
- *Гвоздев А. см. Циммерман Р.Э.
- Гвоздев С.П. 272, 277
- Ге Н.Н. 266
- Гегель Г.В.Ф. 124
- Гейбель Э. 98
- Гейне Г. 97, 98, 100
- Гельдерлин Ф. 176
- Гельфанд А.Л. 340, 403
- Генегар, предприниматель 230-234, 257
- Генералов В.Д. 313, 399
- Гервег Г. 98
- Герцен А.И. 397
- Гершензон М.О. 121, 163
- Гершуни Г.А. 345, 406
- Гессен И.В. 153
- Гете И.В. 98
- Гиппиус З.Н. 150, 448, 461, 462, 468, 472, 473
- Гирш М. 100
- *Глаголь С. см. Голоушев С.С.
- *Глама-Мещерская А.Я. 104
- Глебов Л. 98
- Глизь I.I. 113
- Говорова В.В. 435

- Гоген П. 156, 238
 Гоголь Н.В. 13, 290, 416, 441
 Голике Р.Р. 230, 231
 Голосовкер Я. 474
 Голоушев С.С. 114
 Голубев В.В. 164, 226, 227, 240-243
 Гольденвейзер Я. 114
 Гомберг-Вержицкая Э. 15
 Гончаров И.А. 290
 Гончарова Н. 454
 Гоон М. 98
 Гораций 474
 Горнфельд А.Г. 474, 477
 Городецкая А.А. 457
 Городецкий С.М. 457, 468
 *Горький А.М. 105, 145, 146, 287, 290, 325, 341, 342, 355-363, 367, 368, 373-379, 385, 401, 404, 406-411, 413-416, 441, 460
 Гославский, типограф 233, 234, 237, 257
 Гофман Э.Т.А. 16
 Гофмансталь Г. фон 98
 Гоцци К. 168-170, 186-189
 Грабарь И.Э. 12-14, 157, 161, 163, 174, 175, 183, 191, 197, 207, 211, 213, 216, 218, 220, 223, 240
 Грассо, итал. новеллист 178
 Граццини А.Ф. 178, 179
 Грачева А.М. 419-447
 Гречишкин С.С. 448
 Гржебин З.И. 265, 460
 Грибоедов А.С. 105
 Григорович П.А. 343, 344, 405
 Григорьев А.А. 249, 258
 Григорьев М.Г. 288, 336, 340, 342, 390, 402, 403
 Гримм В. 479
 Гримм Я. 479
 Грифцов Б.А. 158, 175-177, 184, 231, 262
 Груббе Э.К. 373, 413
 Груздев И.А. 401
 Грушка А.А. 274
 Гугунава И.Г. 277
 Гудзий Н.К. 100
 Гулевич В., чиновник 273
 Гумилев Н.С. 164, 184, 461, 462
 Гунст А.И. 194, 212, 217
 Гурьянов В.П. 206
 *Гусев-Оренбургский С.И. 406
 Гусева Х. 415
 Гюго В. 435
 Давидсон И.Л. 152
 Давыдов Н.М. 433
 Давыдова А.А. 339, 402, 403
 Д'Амелиа А. 422
 Данилевский А.А. 462
 Данилова И.Ф. 460
 Д'Аннунцио Г. 98
 Данте А. 207, 208, 212, 213, 247, 248, 262, 263
 Дей А.И. 86
 Делянов И.Д. 314, 318, 399
 Демченко Е.П. 83
 Дени М. 238, 240
 Державин Г.Р. 315
 Десницкий В.А. 413
 Дешарт (Шор) О.А. 472
 Джиральди Ч. 178, 179
 Джованни С. 178, 179, 182
 Дидур А. 107
 Диесперов А.Ф. 221
 Дикарев М.И. 228, 229
 Диль М.Ш. 221
 *Дионео см. Шкловский И.В.
 Дмитриев П.В. 45
 Добролюбов Н.А. 326
 Добронравов Н.Р. 427
 Добужинский М.В. 5
 Добычина, собирательница живописи 232
 Довгелло С.П. 136, 419, 438, 451
 Доде А. 104
 Долгополов Л.К. 184, 281, 282
 Дони А.Ф. 178, 179
 Достоевский Ф.М. 5, 290, 310, 441
 Драверт П.Л. 41
 Драгомиров М.И. 343, 405
 Дранмор Ф. 97, 98
 Дрейфус А. 95

- Дробыш-Дробышевский А.А. 321, 400
 Дроздовский М.Г. 416
 Дружинин Н.П. 160
 Дубровин Н.Ф. 202, 203, 206
 Дурново И.Н. 104
 Дусе А.-Л. 239-241
 *Дымов О. см. Перельман О.И.
 Дымшиц А.Л. 284
 Дюрер А. 179, 181
 Дягилев С.П. 440
- Ежова Н.В. 407
 Екатерина II, имп. 84, 315
 Елизавета Петровна, имп. 84
 Елпатовский С.Я. 321, 351, 352, 400
 Ельшин Г. 427-429
 Енишерлов В.П. 457
 Еренцов, рабочий 429, 430
 Ермак Тимофеевич 312
 Ермолаев М.С. 408
 Ефрон И.А. 85
- Жаботинский В.Е. 371, 413
 Жид А. 442
 Жизмадиа А. 88, 98
 Жирие П.П. 241, 242
 Жорес Ж. 95
 Жуковский В.А. 478, 479
 Жуковский Д.Е. 151, 154, 438, 442
- Забицкий, издатель 125
 Загоскин Н.П. 310, 398
 Зайцев Б.К. 155, 158, 159, 161, 167, 168, 171, 173, 174, 176, 177, 187, 190, 198, 204, 208, 211-213, 216, 231, 233, 235, 248, 249, 261-264
 Зайцева В.А. 159, 235
 Зайцевы, семья офеней 204
 Заньковецкая М.К. 104, 109
 Засулич В.И. 298, 302, 397
 Затыркевич А. 109
 Зверев Н.А. 421, 440
 Зелинская С.Н. см. Луначарская
 *Зиновьев Г.Е. 379, 415
- Зиновьева-Аннибал Л.Д. 468
 Зноско-Боровский Е.А. 5
 Зобнин Ю.В. 461
 Золотарев А.А. 410
 Золотаревский И.С. 101
 Золя Э. 91, 95
 Зонов А.П. 421
 *Зореч Н. см. Шлегель Н.А.
 Зудерман Г. 98, 107
- Ибсен Г. 98, 103, 106, 431, 435
 Иван IV Грозный, царь 159, 257
 Иванов, врач 393
 Иванов А.П. 5-18, 18-39
 Иванов Вяч.И. 441, 454, 458, 459, 461, 464, 466-473, 473-476, 477
 Иванов Е.П. 10, 11, 13
 Иванов П.А. 10
 Иванов П.П. 10
 Иванова М.П. 11
 Иванова (урожд. Угрюмова) М.П. 10
 Ивановы, семья 11, 12
 Иванчин-Писарев А.И. 336, 402
 Иванюков И.И. 397
 Иваск Ю. 45
 Измайлов А.А. 201, 218
 Илиодор (Труфанов С.М.) 379-383, 415, 416
 Илличини Б. 178, 182
 Ильюнина Л.А. 16-39
 Иоллос Г.Б. 366, 411
 Иорданов П.И. 105
 Исакова А.А. 177
 *Исламей см. Малков Н.П.
- Казанова Дж.Дж. 203, 204, 209, 210
 Кайдалова Н.А. 465
 Калмыкова А.М. 153
 Каляев И.П. 355, 356, 407, 419
 Кан А.Е. 272, 277
 Кандиаки А. 94, 98
 Канкарович А.И. 43, 45
 Кант И. 124, 137, 434, 435
 Каплан Ф.Х. 415
 Капустин П.П. 427, 430

- Караваев В.А. 98
 Карагеозов С. 94
 Карзинкин А.А. 188, 189, 226, 227, 234
 Карзинкины, семья 189
 *Каронин С. (Петропавловский Н.Е.) 292, 311-313, 321, 348, 349, 398, 399
 Каронины, семья 322, 324
 *Карпенко-Карый (Тобилевич) И.К. 109, 110
 Карпов И.А. 427
 Карпов Л.Я. 100
 Карсавина Т.П. 40
 Касаткин И.М. 410
 Касицын П.И. 271
 Кастерин С.И. 403
 Каутский К. 98, 126, 129, 131, 428, 429
 Кацман Л. 181
 *Квитка-Основьяненко Г.Ф. 108
 Кедровы, бр., писатели 292
 Керенский А.Ф. 383, 384
 Кибальчич Н.И. 303, 333, 398
 Киселевский И.П. 105
 Кистяковский Б.А. 127, 130, 135, 136, 141, 147
 Клешев, домовладелец 429
 Ключев Н.А. 45, 162, 209, 210
 Ключевский В.О. 421
 Ключников А. 288
 Ключников В.П. 97
 Кнебель И.Н. 12, 14
 Князев Л.М. 421
 Князева Н.Г. 40
 Княжнин В.Н. 11
 Кобылинский Л.Л. 473, 476
 Коваленко А.К. 114
 Ковалик С.Ф. 345, 405, 406
 Кодрянская Н.В. 422, 423, 425, 427
 Койранский А.А. 176
 Колеров М.А. 119-154
 Колосов П.В. 443
 Колтоновская Е.А. 285
 Комар И.Д. 228, 230
 Комиссаржевская В.Ф. 292
 Кондаков Н.П. 261, 262
 Кондурушкин С.С. 410
 Коненков С.Т. 236, 237
 Корнаццано, итал. новеллист 178, 179, 182
 Корнилов Л.Г. 390, 416
 Корнильев М.М. 427, 432
 Коровин К.А. 266
 Короленко В.Г. 283, 292, 311, 321, 348
 *Корреджо (Аллегри А.) 199, 200
 Корш Ф.А. 104
 Кравченко, ссыльный 329
 Кравчинский С.М. 397
 Крамарж К. 293
 Крамарж (урожд. Хлудова) Н.Н. 293
 Крамокис, греч. поэт 94, 98
 Кремлев Н.А. 319, 400
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кропивницкий М.Л. 109
 Кропоткин П.А. 397
 Кросси В. 239-241
 Крылов, знакомый П.П. Муратова 233
 Крымов Н.П. 156, 236, 237
 Кублицкая-Пиотгух А.А. 452, 455
 Кувшинников, купец 442
 Кувшинов М.Г. 230, 231
 Кудашев Д.И. 85
 Кудашев С.Д. 85
 Кудашев Ч.-М. 84
 Кудашева А.С. 85
 Кудашевы, род 84
 Кудрявцев В.Е. 437
 Кузмин М.А. 40, 44, 45, 47, 100, 159, 170, 184, 187-189, 210, 468
 Кузнецов П.В. 207, 208
 Кузовлева О.В. 266-280
 Кулин, служащий 241
 Кульженко С.В. 12
 Куперник Л.А. 97, 99
 Куприн А.И. 358, 359, 362, 408-410, 413
 Купченко В.П. 5-16
 Курбатов Г.Е. 403

- Кускова Е.Д. 130
 Кутузов А.Ф. 427
 Кучера А.И. 290
 Кушнерев И.Н. 231
 Кшесинская М.Ф. 384, 416
- Лавров А.В. 466, 472, 477
 Лавров В.М. 339, 402
 Лавров П.Л. 299, 397
 Ладожский Н. 405
 Ладыжников И.П. 408
 Лазарев И.А. 214, 219, 220, 257
 Лакост Ш. 239-241
 Ла-Мормоль Т. де 98
 Ланге Ф.А. 123, 126
 Лангевише В. 98
 Лапрад П. 239-241
- *Ласка см. Грацини А.Ф.
 Лассаль Ф. 397
 Лассон А. 151, 152
 Лев XIII, папа 98, 99
 Левик В.В. 81
 Левин, поделщик А.М.Ремизова 430
 Левинсон А.Я 217
 Леду П. 239-241
 Леклер А. фон 442
 Лемерсье К.А. 233, 234
- *Ленин В.И. 112, 119, 288, 289, 313, 314, 340, 342, 344, 346, 362, 363, 367, 368, 373, 374, 377, 379, 383-388, 390, 399, 403, 404, 410, 411, 413, 415, 416
 Лепешкина Л.В. 203, 205
 Лермонтов М.Ю. 97, 300, 399, 400, 479
 Лесков Н.С. 441
 Лесман М.С. 40, 41, 45, 47
 Лешеград Э. 289, 290
- *Ли В. (Падже В.) 161, 246, 247
 Либкнехт В. 96
 Лившиц Б.К. 101
 Липпинг И.И. 271, 277
 Липскеров К.А. 171, 173
 Лобанов-Ростовский А.Б. 85
 Лопухин А.А. 103, 436
 Лопуховский А.Я. 427, 429, 430
- Лорм И. 98
 Лосский Н.О. 151, 154
 Лужский В.В. 410
 Луначарская С.Н. 100, 101
 Луначарский А.В. 100, 136, 362, 367, 368, 419, 436, 437
 Луначарский Н.В. 100
 Лучицкий И.В. 88
 Лысенко Н.В. 109
 Львович М. 411
 Любавский М.К. 273, 277-279
 Любимова М.Ю. 281
 Льюса Д. 239-241
- Магнушевский, подполк. 428
 Маза Я.С. 275
 Мазин А.И. 427
- *Мазуччо Салернитанец (Гуарданти Т.) 178, 179, 182
 Маковой О.С. 90-93, 97, 102, 103
 Маковский С.К. 14, 157, 162, 163, 204, 205, 222-224, 226, 227, 229
 Максимов Д.Е. 10, 11, 466, 468
 Максимова Е.И. 130
 Малахьева-Мирович В.Г. 261
 Малевич К.С. 101
 Малеспина О.Ч. 179
 Малков Н.П. 45.
 Малларме С. 168, 169
 Малютин С.В. 214, 236, 237
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 311, 348, 399, 406
 Мандельштам А.В. 112
 Мане Э. 156
 Магуйлов А.А. 260, 261, 272, 273
 Марголин А. 114
 Мариенгоф А.Б. 44
 Маркович А.В. 401
 Маркович Б.А. 329, 401
 Маркс К. 90, 120, 122, 131, 340, 346, 362, 385, 386, 389, 397, 428, 429, 432
 Мартынов Л.Н. 40, 41
 Масанов И.Ф. 86
 Маслов П.П. 340, 403
 Матарацио Ф. 173, 174
 Матисс А. 156

- Матюшкин, капитан 443
 Медведев Л.М. 97
 Медем Г.П. фон 366, 411
 Мезенцев Н.В. 298, 397
 Мейерхольд В.Э. 419, 421, 431, 438
 Мельников П.И. 441
 Менелик II, негус 460-462
 Мензбир М.А. 421
 Мережковский Д.С. 86, 98, 150, 153, 290, 461, 462, 467, 468, 472
 Мериме П. 161, 180, 196-198, 211, 214, 215, 218, 223
 Метерлинк М. 98, 146, 147, 369, 412, 440, 441
 Миллер, переводчик 170
 Милль Дж.Ст. 326, 397, 401
 Милоков П.Н. 363, 384, 410, 411
 Милокова (урожд. Смирнова) А.С. 363, 410, 411
 *Минский (Виленкин) Н.М. 150, 151
 Миролюбов В.С. 410
 *Миртов П. см. Лавров П.Л.
 Мистраль Ф. 108
 Михайлов А.Ф. 428
 Михайлов В. 125
 Михайлова Е. 297
 Михайлова С.Н. см. Луначарская
 Михайловский Н.К. 122, 125, 128, 137, 139-142, 147, 154, 299, 311, 336, 339, 397, 403, 405, 406
 Михальцева О.И. 45
 Мишуга А.Ф. 104
 Моккан Л.Л. 271, 277
 *Молотов П. см. Гельфанд А.Л.
 *Мольер (Поклен Ж.Б.) 211
 Мольца Ф.М. 178, 179
 Мопассан Г. де 350
 Мордовцев Д.Л. 92, 97, 98, 397
 Мори А. де 178, 179
 Морковин В. 448
 Мороз А.И. 345
 Морозов А.В. 236, 237, 256
 Морозов В.Ф. 426
 Морозов С.Т. 408
 Морозовы, род 237
 Мост И. 100
 Мосягин П. 214
 Мудьюгин, корниловец 393
 Мукалов Н.К. 112, 113
 Мур Т. 98
 Муравьев М.Н. («Вешатель») 94
 Муратов Г.П. 165, 247, 248
 Муратов М.П. 155, 211, 246, 248, 249
 Муратов П.П. 155-166, 166-265
 Муратова Е.В. 180, 181
 Мюллер Г. 92, 98
 Мюллер К. 98
 Мякотин В.А. 405
 *Н.О. 392-394
 Навиль Ж. 151, 152
 Навроцкий А.А. 98, 299, 397, 398
 Надсон С.Я. 87, 97
 Найденов А.Е. 444
 Найденов Е.И. 443, 444
 Найденов Н.А. 444
 Найденова М.А. 421, 437, 440, 443
 Найденовы, род 421, 437, 443
 Наполеон III, имп. 107
 Народецкий Н.А. 427
 Нахамкис Ю.М. см. *Стеклов Ю.
 Неvejeина В.М. 130
 Некрасов А.Ф. 224, 225
 Некрасов К.Ф. 155, 157, 159-265
 Некрасов Н.А. 92, 97, 159, 225, 296, 396
 Некрасов Н.К. 166
 Некрасов Ф.А. 159
 Нектарий, старец 478
 Немирович-Данченко Вас.И. 290, 293
 Немирович-Данченко Вл.И. 360, 362, 409, 410
 Нерадовский П.И. 14-16, 196-198, 212
 *Нерваль Ж. де (Лабрюни Ж.) 161, 162, 178-183, 186-188, 196
 Нестеров М.В. 218
 Никитина Е.Ф. 422
 Николай II, имп. 208, 343, 362, 364, 381, 382, 405, 415, 416

- Никольская Т.Л. 40-82
 Никольский, ссыльный 329
 Никольский А. 198, 199
 Ницше Ф. 176, 435, 440-442, 474
 *Новалис (Жарденберг Ф. фон) 176
 Новгородцев П.И. 144, 150, 151
 Новиков И.А. 162, 231, 233, 255, 261
 Новиков И.П. 403
 Новицкий В.Д. 103

 Обатнин Г.В. 466-477
 Обатнина Е.Р. 16-39, 448-465
 Облеухов, чиновник 268
 Обнинский П. 402
 Овчинникова, антиквар 235
 Овчинниковы, иконописцы 206
 *Ожигов А. см. Ашешов Н.П.
 О'Коннор Ф.Э. 98
 Оксенов И.А. 5
 Олкотт Л. 480
 *Омулевский (Федоров) И.В. 97
 Онэ Ж. 106
 Орешников А.В. 229
 Орленев П.Н. 412
 Орлов, фотограф 228
 Орлов К.Я. 271, 277
 Осипов С.Я. 460
 Осмеркин А.А. 101
 Осокин Н.А. 337, 338, 402
 *Осоргин М.А. 158, 190
 Остафьев Д.М. 408
 Островский А.Н. 105, 109
 Остроумов М.П. 427
 Остроухов И.С. 163, 164, 188, 189, 195-199, 202, 205-207, 209, 210, 214, 219-222, 224, 226, 227, 229, 236, 240, 247-249, 256, 261
 Отрепьев Г.Б. 383
 Оттман А. 241, 242
 Отто Я. 290
 *Оффенбах Ж. 106
 Оцуп Н.А. 451, 453, 461
 Павел I, имп. 84
 Павлик М.И. 90
 Павлов, фотограф 223, 228, 229
 Павлова К.К. 255

 Павлович А.Ф. 478
 Павлович Н.А. 478-480
 Павловичи, семья 478
 Панина С.В. 408
 Пантелеев Л.Ф. 140
 Парабоско Дж. 178, 179
 *Парвус см. Гельфанд А.Л.
 Пассильи Г. 191-193
 Пастернак А.Л. 266, 275-280
 Пастернак Б.Л. 266, 270-275
 Пастернак Е.Б. 266, 270, 272, 273, 276, 279
 Пастернак Л.Л. 266, 275, 280
 Пастернак Л.О. 266-271, 273-276, 279, 280
 Пастернак (урожд. Кауфман) Р.И. 266, 270, 271, 275, 280
 Патер У. 161, 165, 181, 246, 247, 249, 251, 253, 254, 256, 258, 260
 Первухин П. 214
 Перельман О.И. 369-371, 412
 Перовская С.Л. 298, 345, 396
 Перро Ш. 479
 Перрон С. 98
 Пети (Пэти) Е.Ю. 150, 151
 Петр I, имп. 5, 84, 93
 Петрановский В.П. 461
 Петровский М. 404
 *Печерский А. см. Мельников П.И.
 Пешкова Е.П. 360, 362, 408, 409
 *Пильняк Б.А. 368, 388, 416
 Пихно Д.И. 111
 Платен А. 98
 Платонова Н.Н. 130
 Плеве В.К. 160
 Плеханов Г.В. 131, 151, 152, 346, 362, 374, 377, 385, 404, 414, 415, 425, 429
 Плещеев А.Н. 97
 По Э.А. 13
 Победоносцев К.П. 317, 400
 Погребенник Ф.П. 92
 Подгорский В. 290
 Поднозова М. 478, 479
 Подолинский А.И. 90, 98
 Подолинский С.А. 90
 Познанский, жанд. полк. 321-324

- Полонский Я.П. 400
 Полуянская (Михайлова) Н.Н. 86
 Поль, свидетель по делу А.М.Ремизова 430
 Поляк В.Н. 310
 Попков Н.Г. 223, 233
 Попов А.А. 401
 Попов Т.И. 112
 Попова О.Н. 124-126, 137, 140, 408
 Поссе В.А. 144, 285, 346, 357, 406, 408
 Поссе Н.А. 285
 Постников Н.М. 235
 Прахов П.А. 10
 Преображенский В.П. 440
 Преображенский С.Н. 274, 275
 Примочкина Н.Н. 465
 Прокопович С.Н. 130
 Протопопов В.Д. 357, 407, 408
 Протопопов Д.Д. 357, 407, 408
 Проценко В.Н. 99
 Пругавин А.С. 380, 415, 416
 Пруц И. 98
 Прянишников, антиквар 237
 Пушкин А.С. 5, 97, 166, 299, 300
 *Пэка 409
 *Пяст (Пестовский) В.А. 459
 Пятин, издатель 125
 Пятницкий К.П. 287, 357, 358, 362, 373, 408-410, 413

 Равинский Д.К. 16
 Радлов С.Э. 45
 Радлова А.Д. 45-47
 Раевская-Хьюз О. 422
 Разин С.Т. 296, 297, 412
 *Распутин Г.Е. 379-382, 415
 Рассказов Н.П. 427, 432
 Ратаев Л.А. 436
 Рафаэль Санти 99
 Рахманов Г.К. 169, 170, 175, 195, 200, 202, 203, 208, 215, 218, 219, 222, 223, 235
 Рашильд, драматург 442
 Резникова Н.В. 437
 Рейхельт Н.Н. 104

 Ремизов А.М. 124, 136, 419-437, 437-445, 445-465, 468
 Ремизов М.А. 421, 437, 442-444
 Ремизов Н.М. 434, 440
 Ремизов С.М. 429, 432, 434, 435
 Ремизова М.А. см. Найденова
 Ремизова Н.А. 438
 Ремизовы, род 437
 Репин И.Е. 15, 369, 370
 Рерих Н.К. 14, 17
 Ретивов А.Г. 292
 Реутовский Н.К. 340, 403, 404
 Ржевусский С. 88, 98
 Рид Т.М. 439
 Ризов Д.Х. 374, 414
 Рикардо Д. 300, 398
 Риттерсгауз Э. 98
 Рихтер Е. 99
 Робер Г. 199, 200
 Роде А. 442
 Розанов В.В. 134, 149-151, 440, 445
 Романовы, династия 416
 Роменский, подполк. 428
 Рославлев А.С. 461
 Росляков Н.Л. 330, 402
 Россина Ю.В. 109
 Ростан Э. 107
 Рошин-Инсаров Н.П. 104, 106
 Рудницкий К.Л. 431
 Рузвельт Т. 99
 Руссель К.К. 238-241
 Рыбаков М.А. 83-115
 Рябушинский С.П. 163, 198, 199, 207, 208

 Сабашников М.В. 207, 208, 211, 247, 260-263
 Сабашников С.В. 247
 Сабашникова М.В. 466
 Саблин В.М. 146, 176, 186, 198, 199
 Сабунаев М.В. 332, 333, 335, 337, 402
 Савинков Б.В. 136, 419, 436, 441
 Савицкий, ссыльный 433
 Садовский Н.К. 109, 110

- Садуть Ж. 374, 414
 Сакетти Ф. 178, 179, 182
 *Саксаганский (Тобилевич) П.К. 109
 Саликовский А. 414
 Салтыков-Щедрин М.Е. 104
 Санин А.А. 123
 Сапунов Н.Н. 233, 234
 Сарьян М.С. 232, 233
 Сахаров, фотограф 227, 228
 Сахаров С.И. 262, 263
 Сахарова Е.М. 283, 292
 Святополк-Мирский П.Д. 344, 405, 421, 438
 Сегаль С.Л. 438
 Сезанн П. 156, 238
 Сейфуллина Л.Н. 292
 Семашко Н.А. 289
 *Семенов Е.П. 466, 469, 470
 Семенов М.Н. 467
 Семеновский Д. 204
 *Серафимович (Попов) А.С. 358, 406, 408
 Сергей Александрович, вел.кн. 355, 407
 Серкамби Дж. 178, 179
 Сермини Дж. 178, 182
 Серов В.А. 156, 266
 Сибиряков И.М. 87
 Сивачев М.Г. 429
 Силин Д.И. 198, 199, 215, 219
 Силин Е.И. 199
 Силин И.Л. 199
 Скабичевский А.М. 97, 285, 405
 Скворцов А.А. 437
 *Скиталец (Петров С.Г.) 341, 342, 358, 404, 406, 408
 Скотт В. 479
 Скрыбин А.Н. 266
 Смирнов Д.А. 107
 Смирнов М.П. 272, 277
 Смирнова-Иванова Е.А. 5, 7, 9, 11
 Соболев А.Л. 453
 Соболев Л.С. 45
 Соболевский С.Н. 274
 Соколов А.К. 427, 430
 Соколов В.А. 277
 Соколов В.Ф. 427
 Соколов С.А. 441
 *Соколова А.А. см. Исакова
 Соловцов Н.Н. 104, 105, 107
 Соловьев В.С. 151
 *Сологуб Ф.К. 159, 184, 185, 410, 441, 449, 451-459, 461
 Сорокин А.С. 41
 Спиноза Б. 140
 *Станиславский К.С. 360, 408-410
 Станюкович А.К. 461
 Старицкий М.П. 92, 97, 108, 109
 *Стеклов Ю.М. 379, 415
 Стивенсон Р.Л. 165, 246, 253
 Столетов А.Г. 421
 Стороженко Н.И. 421
 Страпарола Дж.Ф. 178, 179
 Стрельцов Р.Д. 152
 Стриндберг Ю.А. 98, 106
 Строганов С.Г. 204
 Струве (урожд. Герд) Н.А. 119, 121, 123, 124, 142, 144, 147, 149-151
 Струве П.Б. 119-154, 345, 371, 405
 Струмилин С.Г. 136
 Суворин А.С. 87
 Суворов, проф. 318
 Суворовский Н.П. 440
 Суинберн А.Ч. 98
 Суконин, поделщик А.М. Ремизова 430
 Сурганов В.А. 45
 Сургучов И.Д. 410
 Суриков В.И. 412
 Сулова У. 109
 *Суханов Н.Н. 413, 414
 Суходольский А.Л. 109
 Сухомлинов В.А. 113
 Сухотин П.С. 156, 163, 164, 215, 216, 223, 225, 226, 228, 231, 234-238, 244, 249, 261, 264
 Сьоннерберг К.А. 449, 468
 *Т-н К. см. Бердяев Н.А.
 *Тан (Богораз) В.Г. 406

- Тарасов Н.Г. 271, 277
 Тарасова А.К. 100
 Тардьё А. 98
 Тартаков И.В. 104
 Тастевен Г.Э. 468, 472
 Татищев Д.Н. 231
 *Твен М. 479
 Тейтель Я.Л. 341, 404
 Телешов Н.Д. 358, 408
 Теодорович И.Г. 277
 Тепловский О.И. 427-430, 432
 Терещенко И.Н. 197
 Терещенко М.И. 184, 196, 197
 Тик Л. 176
 Тименчик Р.Д. 158, 457
 Тимирязев К.А. 421
 Тимковский Н.И. 406
 Тихонов А.Н. 413
 Тихонравов Н.С. 267, 268
 Тобилевич И.К. см. *Карпенко-Карый
 Тобилевич П.К. см. *Саксаганский
 Толстая А.Л. см. Бостром
 Толстая С.А. 231
 Толстая (урожд. Дымшиц) С.И. 451, 452, 456, 457, 461
 Толстой А.К. 109
 Толстой А.Н. 159, 210, 341, 404, 449-464
 Толстой Л.Н. 40, 92, 97, 231, 266, 290, 325, 341, 349, 357, 397, 404, 406, 441
 Третьяковский В.К. 315
 Трепов Ф.Ф. 302, 397
 Третер, предприниматель 241
 Третьяков П.М. 189, 199
 Тройницкий С.Н. 232
 Тропинин В.А. 233, 234
 Трофимов Ж. 401
 *Троцкий Л.Д. 384
 Трубецкой П.П. 266
 Трубецкой С.Н. 144
 Трушева Л.Ю. 86
 Трушкин В. 41
 Туган-Барановский М.И. 142, 283
 Тугаринова А. 106
 Тургенев И.С. 9, 74, 97, 105, 290
 Турыгин А.А. 218
 Тучапская В.Г. 422
 *Тучапский (Лукашевич) П.Л. 134-136
 Тыркова А.В. 441
 Тюлин А.В. 198, 199, 201, 206, 210, 219
 Тюлин Н. 204
 Тюлин Я.В. 198, 199, 206
 Уайльд О. 114
 Уварова П.С. 227, 229, 236
 *Украинка Л. 100
 Ульянов А.И. 313, 314, 340, 399
 Ульянов И.Н. 403
 Ульянов Н.П. 183, 184, 188, 191, 231
 Умнов В.Н. 403
 Урениус Е.С. 165, 179, 180, 196-198, 201-203, 206, 232, 235, 236, 246, 247, 249, 251, 262
 Успенский Г.И. 87, 311, 348
 Уэллс Г. 13
 Фаллерслебен Г. фон 98
 Фальборк Г.А. 408
 Фальковский Ф.Н. 412
 Федоров, убийца Г.Б.Иоллоса 411
 Федорова Н.Г. 288-290, 292
 Федосеев Н.Е. 282, 403
 Федькович О.-Ю.А. 93, 98
 Фейербах Л. 124
 Феофан, еп. 415
 Феофаров В.А. 427
 Фет А.А. 299
 Фиалковский Е. 114
 Фигнер Л.Н. 89
 Фигье Л. 100
 Фидлер Ф.Ф. 283
 Филатов Н.Н. 272, 277
 Филиппов М.М. 125
 Филиппов Т.И. 343
 Философов Д.В. 149, 151, 441, 468, 476, 477
 Фиренцуола А. 178, 179
 Фихте И.Г. 124, 136
 Фортини П. 178, 179

- Фортинский П.Н. 272, 277
 Франк С.Л. 119-121, 141, 144
 Франко И.Я. 88, 91-93, 97
 *Франс А. 98
 Франциск Ассизский 178, 179, 182
 Фрейлиграт Ф. 96, 98
 Фролов, реставратор 207, 208

 Хайлов А.И. 453
 Хардин А.Н. 340, 344, 403
 Хардины, семья 340
 Харитоненко В.А. 211, 212
 Харитоненко П.И. 212
 *Хармс Д.И. 40
 Хмельницкий Б.М. 93
 Хогарт У. 199, 200
 Ходасевич В.Ф. 159, 163, 169, 184, 187
 Ходотов Н.Н. 42, 368-370, 412
 Хомич Э.П. 281

 Цветаева М.И. 290
 Цветков А.В. 115
 Циммерман Р.Э. 340, 403

 Чарнолуцкий В.И. 408
 Чарская Л.А. 478, 480
 Чарушников А.П. 357, 407
 Чеботаревская Ан.Н. 185, 446, 447, 449-451, 454, 456, 458, 460, 461
 Челпанов Г.И. 132
 Червинка В. 290
 *Черемшанова О.А. 40-48, 48-82
 Чернов, ссыльный 434
 Чернов В.М. 146, 147
 Черногубов Н.Н. 214, 259
 Чернуски, антиквар 242
 Чернышов И.Е. 104
 Чернышевская О.С. 325-327
 Чернышевский Н.Г. 324-328, 397, 401, 429
 Чертков Л.Н. 47
 Честноков А.Н. 427, 430
 Чех Э. 290
 Чехов А.П. 87, 104, 105, 145, 284, 290, 348-352, 355, 357, 360, 361, 406-410, 476

 Чигорин М.И. 403
 Чиждова О.А. см. *Черемшанова
 Чириков Г.Е. 289, 346, 404, 406
 Чириков Г.О. 198, 199, 204, 206, 210-212
 Чириков Е.Е. 289, 346, 390-395, 404, 406
 Чириков Е.Н. 145, 146, 281-293, 294-396, 396-416
 Чириков М.Н. 308, 337, 413
 Чириков М.О. 198, 199, 206, 210
 Чириков О.С. 199, 206
 Чирикова А.М. 296, 297, 308-310, 320, 336, 337, 372, 413
 Чирикова (урожд. Григорьева) В.Г. 288, 336-340, 342, 343, 360, 361, 366, 388, 390-393, 402, 409
 Чирикова В.Е. 289, 346, 406
 Чирикова Л.Е. 289-292, 386-388, 390, 406
 Чирикова Н.Е. 289, 343, 346, 351, 406
 Чосер Дж. 182
 *Чужбинов Т.А. 106
 Чулков Г.И. 154, 420, 422, 445, 451-453, 455, 459, 466, 467, 469-473, 476, 477
 Чупров А.А. 421

 Шагал М. 101
 Шайкевич А.Е. 369-371, 412
 Шаляпин Ф.И. 107, 408
 Шаховской Д.И. 160
 Шварцкоппен М. фон 98
 Шевченко Т.Г. 92-94, 108, 114
 Шекспир У. 434
 Шеллер (*Михайлов) А.К. 97
 Шеллинг Ф.В. 124
 Шереметев Б.П. 478
 Шестаков Н.Н. 299, 300
 *Шестов (Шварцман) Л.И. 100, 123, 124, 440, 445
 Шитов С. 214
 Шкловский И.В. 89, 101
 Шлегель Н.А. 478, 480
 Шмаков Г.Г. 47, 48
 Шмелев И.С. 410

- Шпет Г.Г. 125
 Шпильгаген Ф. 397
 Шопенгауэр А. 434, 435, 462
 Штаммлер Р. 124, 125, 140
 Штейн Л. 152
 Штюмер Б.В. 355, 407
 Шуазель-Гуфье М.О. 85
 Шуман Р. 43
- Щеголев П.Е. 136, 286, 419, 436, 441, 442
 Щеколдин Ф.И. 433
 Щекотов Н.М. 163, 165, 175, 180, 181, 194-196, 198, 208, 209, 211, 219, 222-232, 237, 244, 248, 249, 256
 Щекотова Л.Н. 249
 Щепкина-Куперник Т.Л. 99
 Щерба С.Л. 228, 229, 237, 246, 264
 Щукин С.И. 239, 240
- Эберс Г. 98
 Эдельфельт А. 112
 Эдинг Б.Н. фон 234, 235
 Эдисон Т.А. 98
 *Эллис см. Кобылинский Л.Л.
 Эльснер В.Ю. 101
 Энвер-бей 99
 Энгельс Ф. 126, 131, 397, 429
 Эразм Роттердамский 221
 *Эрберг К. см. Сюннерберг К.А.
 Эриццо С. 178
 Эрнст С.Р. 159
- Юкин П.И. 166, 235, 236
 Юон К.Ф. 173
 Юшкевич П.С. 123
 Юшкевич С.С. 408
- *Яблоновский (Потресов) С.В. 208, 209, 410
 *Яворская (Барятинская) Л.Б. 449
 Яковенко Б.В. 130
 Яковлев В.Н. 198, 200
 Якубович П.Ф. 139, 140
 Якунчиков В.В. 188, 189
 Янжул И.И. 421
 Яремич С.П. 12, 14, 16
 Ярцев П.М. 230, 231
 Ясинский И.И. 97
 Ященко А.С. 449, 452, 455, 459
- ***
- Adam, издательница 91
 Bataille H. 435
 Caffi A. 158
 Chuzeville J. 158
 Eekhoud G. 435
 Ettinger P. 234
 Lampl H. 463
 Melville L. 167
 Rosenthal B.G. 466
 Tabler, редактор 152
 Worch, антиквар 239

Содержание

ПОРТРЕТЫ

<i>В.П.Купченко.</i> Еще один Александр Иванов Приложение. <i>А.П.Иванов.</i> Городище. Предисловие и публикация Л.А.Ильюниной и Е.Р.Обатниной	5
<i>Т.Никольская.</i> Поэтическая судьба Ольги Черемшановой Приложение. <i>О.Черемшанова.</i> Стихотворения	40
<i>М.А.Рыбаков.</i> О Сергее Александровиче Бердяеве	83

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Н.А.Бердяев</i> в начале пути (Письма к П.Б. и Н.А.Струве). Предисловие, публикация и комментарии М.А.Колерова	119
Из истории сотрудничества П.П.Муратова с издательством К.Ф.Некрасова. Вступительная статья, публикация и ком- ментарии И.В.Вагановой	155
Борис Пастернак и его семейное окружение. Официальные документы. Публикация Е.Г.Болдиной и О.В.Кузовлевой . . .	266
<i>Е.Н.Чириков.</i> На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний. Вступительная статья, публикация и примечания А.В.Бобыря	281

VARIA

<i>А.М.Грачева.</i> Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность	419
<i>Е.Р.Обатнина.</i> От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М.Ре- мизова)	448
<i>Г.В.Обатнин.</i> Неопубликованные материалы Вяч.Иванова. По поводу полемики о «мистическом анархизме»	466
<i>А.Ф.Белουσгов.</i> «Я хочу переписываться с кем-нибудь из подруг по "Задушевному слову"». Письмо Нади Павлович	478
Указатель имен	481

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

ЛИЦА

Биографический альманах

3

Редактор-составитель А.В.Лавров

Редактор Т.Б.Притыкина
Технический редактор Е.В.Русакова
Корректор И.М.Курдина

Биографический институт: Санкт-Петербург, 191011, Невский, 31.
Издательство «Феникс»: Москва, 103009, Тверская, 6, стр.7.

ЛР № 090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 10.09.93. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 3816 экз. Заказ № 3401.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.